

63.3(2)513
6 В 7

АЛЕКСАНДР
ГУСТАВОВИЧ
БРИКНЕР



ИСТОРИЯ
ЕКАТЕРИНЫ
ВТОРОЙ



*«Необычайно богато
одаренная природой,
в силу целого ряда
благоприятных
обстоятельств обладая
высоким положением,
Екатерина оказалась
способной выполнить
возложенную на нее
судьбой задачу...»*

ИСТОРИЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

А.Г. БРИКНЕР



ЕКАТЕРИНА АЛЕУЪЕВНА

Великая Княгиня Всероссийская.

CATHARINA ALEXEWNNA

Magna Dux Russorum

Великая княгиня Екатерина Алексеевна в 1748 году.
С гравюры Штенглина, сделанной с портрета, писанного Гроотом.

А.Г. БРИКНЕР



ИСТОРИЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 94(47) (092)

ББК 63.3(2)46

Б87

Серия основана в 1998 году

Серийное оформление С. Власова

Макет подготовлен О. Колесниковым

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.10.01. Формат 70 x 90^{1/16}.

Усл. печ. л. 53. Тираж 5000 экз. Заказ № 13.

Брикнер А.Г.

Б87 История Екатерины Второй / А.Г. Брикнер. — М.: ООО «Издательство АСТ». 2002. — 843, [5] с. — (Классическая мысль).

ISBN 5-17-006492-6

Темой данного монументального труда известного русского ученого XIX века, профессора А.Г. Брикнера стал один из ярчайших и интереснейших периодов российской истории — эпоха правления Екатерины Второй.

Юность принцессы из нищего и малоизвестного немецкого княжества, волею судьбы ставшей супругой российского императора Петра III, дерзкий дворцовый переворот, в результате которого она пришла к власти, интриги могущественных фаворитов императрицы и, наконец, блистательные победы российского оружия и небывалый расцвет дипломатии, наук и искусств «века золотого Екатерины» — вот лишь немного из того, о чем живо и интересно рассказывается в этой книге. Неординарность и оригинальность авторского взгляда превращает ее в увлекательное произведение, к которому хочется возвращаться вновь и вновь.

УДК 94(47) (092)

ББК 63.3(2)46

© Оформление

ООО «Издательство АСТ». 2002



ОТ ИЗДАТЕЛЯ



ВНИМАНИЕ, оказанное публикою изданной мною *«Иллюстрированной истории Петра Великого»*, побуждает меня предпринять по тому же плану издание *«Иллюстрированной истории императрицы Екатерины II»*. Историческая литература о Екатерине II весьма обширна и разнообразна, но ни одно из сочинений, посвященных разработки этой важной в русской истории эпохи, не удовлетворяет требованиям науки. Появившиеся за границей, вскоре после смерти императрицы, сочинения — Кастера (*«Vie de Catherine II»*. Paris, 1797), Массона (*«Mémoires secrets sur la Russie»*. Paris, 1800—1802), Сальдерна (*«Histoire de la vie de Pierre III»*. Francfort-sur-le-Main, 1802), Гельбига (*«Biographie Peters des Dritten»*. Tübingen, 1808—1809) и др. — написаны с предвзятыми целями, имеют полемический характер и заключают в себе самые пристрастные и резкие отзывы о жизни и деятельности Екатерины. Изданный же в России сочинения — Колотова (*«Деяния Екатерины II»*. СПб., 1811), Сумарокова (*«Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой»*. СПб., 1832), Лефорта (*«История царствования императрицы Екатерины II»*. М., 1837) Вейдемейера (*«Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия»*. СПб., 1846) и др. — отличаются, напротив, панегиристическим тоном и отсутствием всякой критики.

В последнее время, когда материалы, хранящиеся в архивах, сделались доступнее, а условия для разработки новейшей русской истории более благоприятными, начали появляться сочинения и сборники, наполнен-

ные документальными сведениями, проливающимися новый свет на Екатерининскую эпоху; так: в «Geschichte des Russischen Staats» Марбургского профессора Германа находится много данных для истории внешней политики в царствование Екатерины; в последних томах «Истории России» С. М. Соловьева собрано огромное количество материалов для изучения событий до восьмидесятых годов прошлого века, а в специальных исторических изданиях, как, например, «Сборнике Императорского Исторического Общества», «Архиве князя Воронцова», «Русском Архиве», «Русской Старине» и др., обнаружена масса документов, непосредственно относящихся к Екатерининскому времени.

Благодаря такому обилию источников задача историка, принимающего за изложение событий второй половины XVIII столетия, значительно облегчается, и профессору русской истории в Дерптском университете А. Г. Брикнеру принадлежит честь составления первого труда о Екатерине II, в котором приняты в соображение изданные в последнее время материалы, и вместе с тем подвергнуты внимательному разбору все события Екатерининского царствования.

Не придерживаясь строго хронологического порядка, автор разделил свой труд на несколько частей. В первой изложены события до государственного переворота 1762 года включительно; во второй говорится об опасностях, угрожавших престолу Екатерины, в особенности со стороны разных претендентов и самозванцев, до 1775 года; третья часть посвящена истории внешней политики при Екатерине; четвертая заключает в себе очерк законодательства и администрации и, наконец, в пятой рассказана история последних лет царствования императрицы и очерчена ее личность.

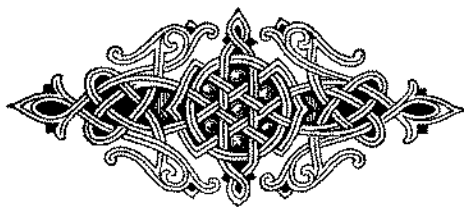
С. Н. Шубинский, редактировавший литературный и художественный отделы в «Иллюстрированной истории Петра Великого», любезно принял на себя редактирование этих же отделов и в настоящем издании.

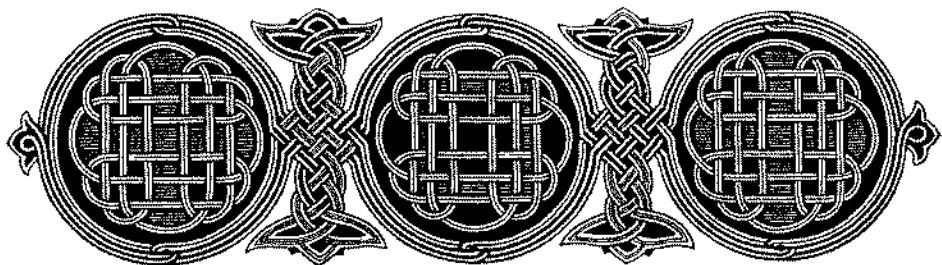
Из громадного количества портретов и рисунков, относящихся к Екатерининскому веку, мы выбрали для нашего издания преимущественно лишь те, которые сделаны в то время и имеют наибольшую достоверность. Мы руководствовались в этом трудном деле указаниями наших известных знатоков и собирателей русских портретов и гравюр, П. Я. Дашкова и Д. А. Ровинского, без благосклонного содействия которых осуществление издания «Иллюстрированной истории Екатерины II» встретило бы большие затруднения. В их богатых собраниях, радушно предоставленных в наше распоряжение, мы нашли много редчайших гравюр, которые воспроизведены здесь, хотя и в уменьшенных, но, по возможности, точных копиях.

Кроме того, нам было оказано содействие А. Ф. Бычковым, Д. Ф. Коско, А. А. Васильчиковым, Г. П. Данилевским и М. И. Семевским, которым и приносим нашу искреннюю благодарность.

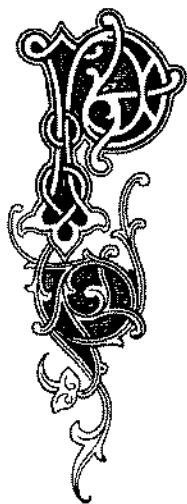
При распределении рисунков в «Истории Екатерины II» мы старались, чтобы они, по возможности, совпадали с текстом, дополняя и поясняя его. Вследствие этого в иных главах мы должны были поместить их больше, в иных меньше.

Заглавный лист настоящего издания представляет почти точное воспроизведение заглавного листа одного из изданий Екатерининского времени.





ВВЕДЕНИЕ

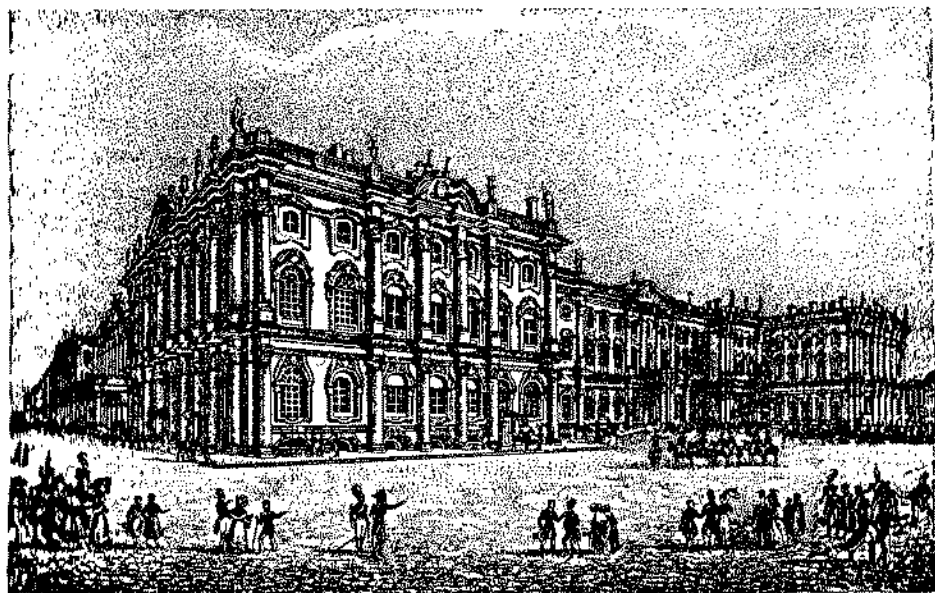


Россия, до царствования Петра Великого имевшая мало общего с Западом, сделалась при этом великом государе членом европейского семейства государств. Мало того, едва обращавшее на себя внимание прежнее Московское царство превратилось в великую державу. Благодаря необычайной и неутомимой деятельности гениального преобразователя такой переворот совершился чрезвычайно быстро и успешно. Более ясно и отчетливо, нежели его предшественники, Петр сознавал необходимость сближения с Западом. Понимание нужд государства в нем было тесно связано с необыкновенною силою воли. Располагая громадными средствами, принимая на себя полную ответственность за все нововведения и перемены в государственном организме, он должен был придать своему царствованию характер неумолимо строгой диктатуры. Не-

мудрено, что подданные царя, не постигавшие значения его реформ, неохотно подчинялись воле грозного повелителя. Неограниченный деспотизм царя, жестокие меры, крутые приемы не могли не казаться народу тяжелым бременем. Трудно было в то время оценить услугу, оказанную Петром России.

И на Западе у современников мы не находим справедливой оценки преобразовательной деятельности московского царя, превратившегося во всероссийского императора. Почти всюду было заметно некоторое неудовольствие по поводу того веса, который приобрела Россия при Петре в области общеевропейской политики. Многочисленные и могущественные противники России, руководимые желанием, чтобы влияние новой перво-

шисной державы оставалось лишь временным и как бы случайным, питая надежду на упадок России вслед за кончиною Петра. Многие считали весьма вероятным превращение России вновь в азиатскую державу, по крайней мере, лишение ее того значения, которое она приобрела в делах общевропейских.



Зимний дворец в Петербурге.
С литографии.

Все такого рода предположения оказались ошибочными. События последующего за смертью Петра времени заключали в себе доказательство, что судьбы народов не могут зависеть от меры гениальности отдельных исторических лиц, а скорее, должны считаться результатом идей в массах, плодом общечеловеческого развития. Россия не могла лишиться тех выгод, которые являлись выражением общего хода ее исторического прогресса, независимо от индивидуальных стремлений и мыслей Петра. Поворот к Западу, которому содействовал он, не был новостью в то время, когда он начал управлять государством. Направление движения России было указано событиями, совершившимися до вступления Петра на престол Московского государства. Самое движение России в указанном ей общим ходом дел

направлении шло особенно быстро при этом государе. Можно было считать вероятным, что наследники Петра не будут иметь подобных успехов, что при них движение государства окажется гораздо медленнее; однако не было никакого основания надеяться на застой или хотя бы на некоторый успех реакционного движения против реформы Петра.

Время, следовавшее за кончиною великого преобразователя, не может быть названо эпохою реакции. Оно разве может считаться периодом отдыха, сильного утомления. Нелегко было заменить энергию и способности Петра. Наследники его лишь в виде исключения были в состоянии содействовать решению тех самых задач, которым Петр столь успешно посвящал свои силы и средства. Особенно чувствительным оказывался в это время недостаток в политических учреждениях, которые могли бы, независимо от возраста, пола и способностей царствующего лица, обеспечить дальнейшее развитие государства и общества. Даже не существовало закона о престолонаследии, определения на случай назначения регентства. В каждом данном случае вопрос о том, кому занять престол, решался как бы случайно, благодаря первенствующему влиянию той или другой придворной партии, того или другого отличавшегося смелостью и честолюбием царедворца. Весьма часто бразды правления являлись яблоком раздора в борьбе между разными лицами и приверженцами разных представителей царствующего дома. Влияние важнейших сановников, опытных государственных людей оказывалось лишь временным. В продолжение немногих лет несколько царствований быстро следовали одно за другим. Порою царствование коронованных лиц бывало лишь номинальным. Могушественные министры своим временным влиянием заменяли настоящую власть государей. Временщики делались иногда жертвами крупных переворотов. В царствование императрицы Екатерины I настоящим государем был Меншиков; при малолетнем Петре II указывали на Остермана, как на фактического императора; Бирон неограниченно управлял делами при Анне. В отчаянной борьбе за власть и влияние, которыми обуславливалось личное благосостояние, мало обращалось внимания на выгоды государства и на благосостояние народа. Временщики более мечтали о своих интересах, нежели о славе и могуществе России. Стремление к целям честолюбия иногда, впрочем, превращалось в борьбу за существование. Перемены на престоле, министерские кризисы в это время в России были весьма часто сопряжены с ужасными катастрофами в жизни отдельных высокопоставленных лиц. Нередко вельможи, только что управлявшие государством, утопавшие в роскоши и богатстве, имевшие влияние на общеевропейские

дела, вдруг превращались в подсудимых, делались государственными преступниками и оканчивали свою жизнь или на эшафоте, или в опале и ссылке. Довольно часто государственные сановники, полководцы, фавориты гибли неожиданно, после более или менее краткой эпохи блеска, могущества и «фавора». При отсутствии настоящей борьбы противоположных политических убеждений имели простор личная ненависть, месть и ожесточение придворных противников, старавшихся погубить друг друга. Самолюбие и раздражение заменяли любовь к отечеству и желание действовать на пользу сограждан. Не было и в самих потомках Петра, занимавших престол после него, до 1762 года, ни стремления к высоким целям, ни замечательных способностей.

При столь печальном состоянии России в это время нельзя было удивляться возраставшему влиянию на нее других держав. Не встречая в России самостоятельной политической программы, сильной воли и способности к независимым действиям, западноевропейские державы пользовались этим для достижения своих целей. Бывали случаи вмешательства иностранных правительств в дела России. Особенное внимание обращалось за границей, на вопросы престолонаследия; иностранные дипломаты при русском дворе иногда старались содействовать их решению. Отсутствие закона о престолонаследии, недостаток в учреждениях государственного права давали полный простор подобному вмешательству. Россия стала походить на Швецию и на Польшу, где не прекращались козни иностранных дипломатов, путем подкупа и всевозможными средствами агитации участвовавших в решении важнейших вопросов. Как Польша или Швеция, так и Россия подчас становилась яблоком раздора между европейскими державами. Не раз случалось, что иностранные дипломаты при решении вопросов о замещении престола или о назначении наследства, или о мире и войне, приписывали себе важную роль и самолюбиво указывали на свое влияние. Так, например, голштинский дипломат Бассевич гордился своим участием в деле воцарения императрицы Екатерины в 1725 году; так, к концу царствования этой государыни, при решении вопроса о престолонаследии в пользу Петра II, имели некоторое значение австрийские деньги; так, в 1730 году, по случаю воцарения императрицы Анны Иоанновны, датский резидент хвалился успехом своих происков, клонившихся к исключению из списка кандидатов герцога Голштинского Петра Феодоровича; так, шведский и французский дипломаты играли некоторую роль при воцарении Елизаветы Петровны; так, во время царствования последней Англия не без успеха старалась подкупить Бестужева, и

пр. Подобные случаи вмешательства иностранных держав в русские дела были немыслимы в царствование Петра Великого; они оказались невозможными и после вступления на престол Екатерины II.

При всем том, однако, Россия в эту эпоху, от 1725 до 1762 года, оставалась первоклассною державою. Западноевропейские кабинеты не могли не обращать внимания на значение ее. В делах общеевропейской политики некоторые государственные люди, например, Остерман, Миних, Бестужев обнаруживали редкие способности в дипломатическом искусстве. Другие державы довольно часто должны были принимать в соображение намерения и желания этих сановников. В восточном вопросе Россия при Анне Иоанновне обнаруживала необычайную силу и энергию; в этом отношении Миних следовал примеру Петра Великого. Участие России в Семилетней войне при Елизавете свидетельствовало о громадном значении для других держав дружбы или нерасположения России. Франция, долгое время остававшаяся равнодушною к России или даже действовавшая против нее враждебно, около середины XVIII века считала для себя выгодным искать расположения России, мечтать о союзе с ней. Русские дипломаты в Швеции имели весьма сильное влияние на дела этого государства. Англия употребляла чрезвычайные усилия для того, чтобы не лишиться расположения России. Положение Польши, благодаря перевесу России, становилось безнадежным.

Несмотря на все недостатки политического управления, несмотря на разные затруднения, с которыми приходилось бороться России при усилиях удерживать за собою значение первоклассной державы, русский двор не переставал отличаться блеском и пышностью. Высшие слои общества, сделавшиеся при Петре Великом питомцами западноевропейской цивилизации, не переставали и после того находиться под влиянием приемов общезжития германских и романских народов. Мало того: влияние нравов и обычаев, литературы и науки Запада на Россию постепенно усиливалось во время царствований преемников Петра. В этом отношении не было заметно ни малейшего следа реакции против того направления, представителем которого был Петр. Даже временное перенесение столицы из Петербурга в Москву не могло изменить западноевропейского характера двора и высшего общества, остававшихся верными началам коренной перемены, происшедшей в царствование великого преобразователя. Сношения России с Западом становились все более и более оживленными. Постепенно увеличивалось число русских путешественников в чужих краях. В особенности Париж был в это время весьма часто целью поездок рус-

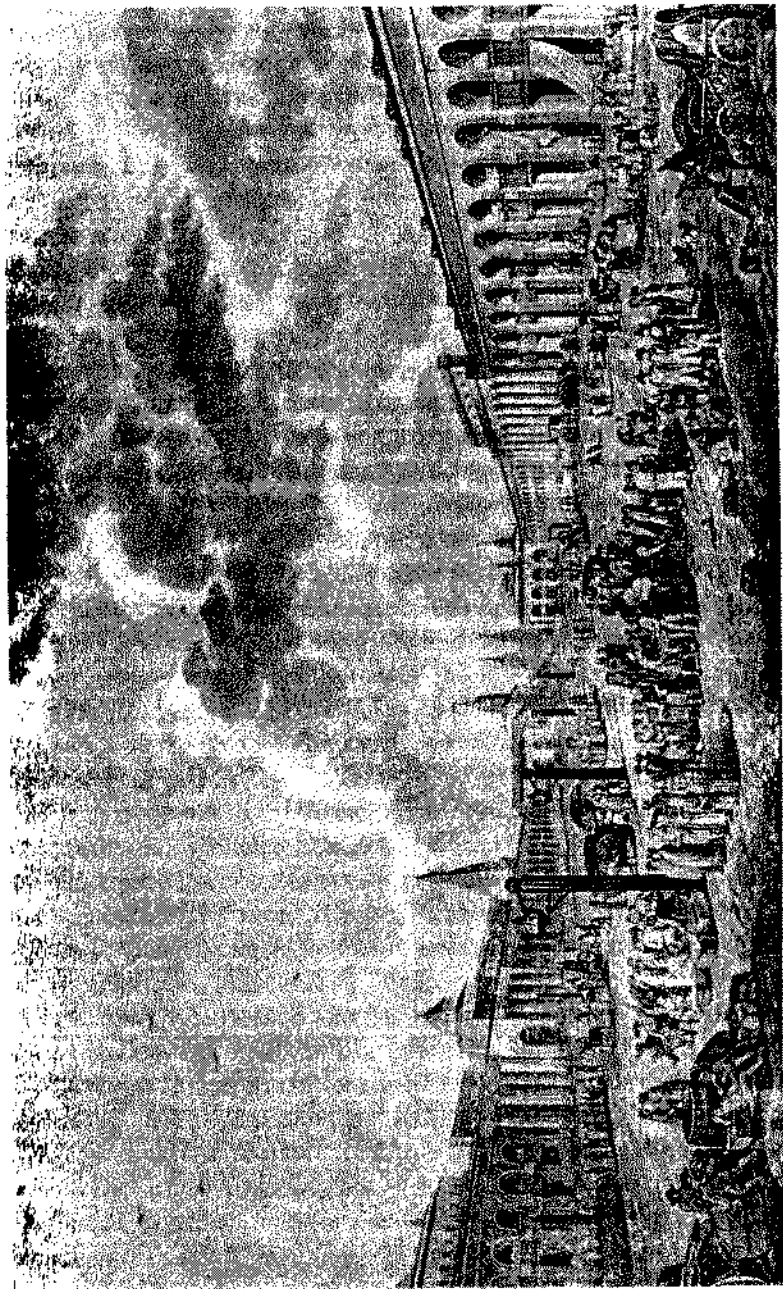
ских за границу. Усиливалось влияние французской литературы, французского искусства на умственный кругозор высшего русского общества. В эпоху Петра Великого Франция в этом отношении почти не имела вовсе значения для России, между тем как Германия, Голландия и Англия были школою русских, отправлявшихся за границу. Теперь же русские стали отличаться необычайною восприимчивостью к началам французского просвещения.

Во Франции в это время, при быстром политическом упадке, при неизбежном разложении, которое повело к ужасному кризису 1789 года, господствовала оппозиционная литература; между знаменитостями в области французской словесности и некоторыми представителями русского общества завязались кое-какие сношения, личное знакомство, переписка. В некоторых случаях русские вельможи играли пред французскими знаменитостями роль меценатов; они посещали наиболее выдававшиеся парижские салоны; они владели французским языком не хуже самих французов. Находясь под влиянием утонченности французских приемов общения, русские оказались более способными учениками, чем они были на голландских и английских верфях и в тех мастерских, в которых должны были трудиться по воле Петра Великого. Нехотя превратившись сперва в матросов и корабельных плотников, они теперь по собственному желанию наслаждались беседами с французскими публицистами. Энциклопедическое образование давалось русским легко: не сделавшись при Петре немцами, голландцами и англичанами, русские после Петра обнаруживали некоторую способность превращаться в полуфранцузов.

Нельзя сказать, чтобы такого рода успехи в развитии высших слоев русского общества шли рука об руку с успехами в области политического образования и политической опытности. Частные интересы всегда оставались на первом плане; для большинства не было случаев к участию в делах, к развитию патриотизма, к практическому применению общих политических идей. Все это не соответствовало ни преданию, ни склонностям русского общества. Главною чертою отношения последнего к государству, к правительству, оставалась некоторая пассивность, некоторое равнодушие. К тому же и мелочность придворных интриг, преобладание личных соображений, не дававших простора развитию общих мыслей и теорий, не благоприятствовали политическому развитию русского общества, не могли внушить ему желания участвовать в занятиях делами. Кто не имел возможности разыгрывать какую-нибудь роль в придворной жизни, тот легко довольствовался ролью праздного зрителя. Настоящее



Ж. Делабарт. Вид города Москвы,
снятый с балкона императорского дворца по левую сторону.



Красная площадь.
Гравюра Делабарта конца 18 века.

политическое честолюбие являлось лишь весьма редким исключением: гласности не было; обсуждение политическxх вопросов в литературе оказывалось делом невозможным. Правда, в 1730 году, по случаю воцарения императрицы Анны Иоанновны, было заметно некоторое участие со стороны разных групп русского общества в решении самых важных политических вопросов, однако прения, имевшие целью ограничение монархической власти, создание нового государственного строя, оказываются каким-то странным исключением, внезапно явившимся и быстро исчезнувшим случаем. Мысль о подражании в области государственного права Польше, Швеции или Англии производит на нас скорее впечатление неопасного припадка острой болезни, нежели регулярного отправления общественно-го и государственного организма России. Событие 1730 года поэтому имело смысл лишь малозначащего эпизода. Дуализм между государством и обществом, между правительством и подданными, между начальством и публикою — оставался в полной силе.

В то же время, однако, события, происходившие в центре, при дворе, не могли не обращать на себя самого оживленного внимания всех сословий. Эти события отличались разнообразием, быстротою перемен, драматическими эффектами, представляли собою потрясающие крайности счастья и горя, богатства и бедности, величия и ничтожества, славы и позора, неги и страдания. Екатерина I, женщина самого скромного происхождения, занимавшая некоторое время место подруги царя Петра и сделавшаяся затем его женою, его другом, вступает после него на престол, не имея на то формально-законного права. Права дочерей ее и Петра, Анны и Елизаветы, нарушаются назначением наследником престола сына погибшего ужасною смертию в Петропавловской крепости царевича Алексея Петровича. Первая невеста Петра II, дочь Меншикова, была отправлена в Сибирь; вторую невесту юного государя, княжну Долгорукую, о воцарении которой мечтали ее родственники, постигла та же участь. Внезапная кончина царственного отрока в 1730 году застигла государство врасплох. Престол оказался праздным; было несколько кандидатов. То обстоятельство, однако, что вовсе не было речи о правах прямых потомков Петра Великого, о кандидатуре сына Анны Петровны, герцога Карла-Петра-Ульриха Голштинского, о кандидатуре Елизаветы, то обстоятельство, что выбор пал на Анну Иоанновну, причем опять-таки не было обращено внимания на права ее старшей сестры, герцогини Мекленбургской, свидетельствовало о полнейшем отсутствии каких-либо законных определений в отношении престолонаследия. Важный

вопрос о замещении престола оказывается делом случая и какою-то азартною игрою.

При таких обстоятельствах престол постоянно был окружен опасностями. Каждую минуту можно было ожидать козней разных претендентов. Удержаться на престоле оказывалось делом чуть ли не более трудным, чем овладеть им. Скромная роль, которую играла Елизавета Петровна во время царствования Анны Иоанновны, не возбуждала опасений императрицы относительно кандидатуры дочери Петра Великого. Зато она охотно желала бы избавиться от принца Карла-Петра-Ульриха Голштинского. Вспоминая о нем, она говорила: «чертушка в Голштинии еще живет».¹ Прямые потомки Петра долго не пользовались правом престолонаследия. Анна Иоанновна назначила себе преемником сына своей племянницы, герцогини Брауншвейгской, Анны Леопольдовны, Иоанна Антоновича, родившегося в 1739 году. Таким образом, и при этом случае не было речи о правах Елизаветы и ее племянника, герцога Голштинского. С их стороны, впрочем, и не последовало никакого заявления о каких-либо притязаниях. Царствование юного императора Иоанна Антоновича казалось обеспеченным: регентом сделался Бирон; затем, после падения курляндского герцога, Анна Леопольдовна сделалась правительницей. И она, как императрица Анна Иоанновна, опасалась совместничества «чертушки в Киле», Петра Феодоровича, не обращая внимания на гораздо большую опасность, грозившую ей и ее семейству со стороны Елизаветы Петровны. В то самое время, когда она мечтала о том, чтобы, воспользовавшись несовершеннолетием сына, сделаться императрицей, она стала жертвою государственного переворота. Брауншвейгские принцы были отправлены в ссылку, на престол вступила дочь Петра Великого.

Но и в первое время своего царствования императрица Елизавета опасалась претендентов: брауншвейгских принцев и молодого герцога Голштинского. Опасения относительно Иоанна Антоновича и его родственников повлекли за собою содержание несчастного семейства в тесном заключении. В отношении же кандидатуры Петра Феодоровича было придумано иное средство для устранения грозившей с его стороны опасности: то было формальное признание его прав, приглашение его в Россию и назначение наследником престола.

Образ действий императрицы при этом случае свидетельствует о затруднениях, с которыми боролась она в первое время своего царствования.

¹ Записки Штелина об императоре Петре III, в «Чтениях Моск. Общ. Ист. и Др.», 1866, IV, Смесь, стр. 72.

Саксонский дипломат Пецольт доносил своему двору 19 ноября 1742 года: «Дело это велось до последнего часа так тайно, что ни правительствующий сенат, ни вице-канцлер не имели о нем ни малейших предварительных сведений. Из всего этого можно заключить, что ближайшей причиною такой поспешности и скрытности было возрастающее внутреннее неудовольствие, для предотвращения которого сочли самым лучшим средством неожиданно представить народу наследника престола. Достигнется ли та цель, покажет время, но теперь событие это вызывает скорее притворную, чем неподдельную радость».¹

Нужно было спешить с решением вопроса о престолонаследии еще потому, что Иоанн Антонович в это время казался опасным претендентом; был составлен заговор с целью захватить и умертвить Елизавету и ее племянника и возвести на престол свергнутого Иоанна Антоновича.² Заговор был открыт, преступники наказаны. Однако вообще в то время не считали вероятным, чтобы Елизавета Петровна долго удержалась на престоле.

И за границей придавали особенное значение той опасности, которая грозила императрице со стороны брауншвейгской фамилии. Так, например, Фридрих II в августе 1743 года советовал Елизавете ради собственной безопасности разлучить членов несчастного семейства, заключить бывшую правительницу, Анну Леопольдовну, в монастырь, отправить бывшего императора, Иоанна Антоновича, в Сибирь, а герцога Антона Ульриха отпустить в Германию. Прусский король, в то время хлопотавший о женитьбе Петра Феодоровича, заявил даже, что успех этого дела должен обуславливаться принятием строгих мер против брауншвейгского семейства.³

В какой степени герцог Голштинский в то время считался как бы средством обеспечения царствования Елизаветы, видно из следующего обстоятельства. Когда он, в декабре 1743 года, заболел весьма опасно, императрица горько плакала и была в отчаянии. Ближайшие советники ее, Лесток и Брюммер, ожидали, в случае кончины наследника престола, страшной опасности для императрицы. Даже возникло предположение, в случае смерти Петра Феодоровича, отправить несчастное брауншвейгское семейство в Пруссию, предоставить воспитание Иоанна Антоновича Фридриху II и назначить бывшего императора наследником престола в России.⁴ Петр Феодорович выздоровел и, таким образом, были оставлены

¹ «Сборник Ист. Общ.», VI, 463.

² Соловьев, «Ист. России», XXI, 200.

³ Droysen, «Geschichte der preussischen Politik», V, 2, 152 и 153.

⁴ Droysen, V, 2, 180.

намерения относительно освобождения из заключения брауншвейгского семейства. Появление подобных проектов, бесспорно, свидетельствует о шаткости положения, в котором находилась Елизавета.

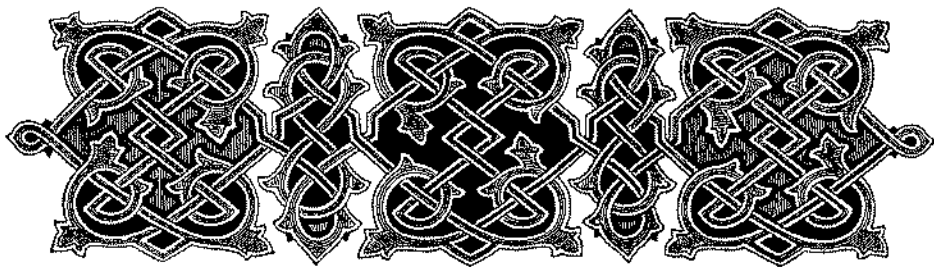
Так называемый заговор Ботты тоже заключал в себе доказательство непрочности престола императрицы. И при этом случае можно было видеть, что у брауншвейгской фамилии были приверженцы: с разных сторон появлялись слухи о предстоявшей в ближайшем будущем важной перемене, о готовившихся покушениях на жизнь Елизаветы и пр.¹

В такое тревожное время вопрос о женитьбе наследника престола должен был иметь весьма важное значение. Сама императрица не думала о браке, не надеясь на прямых потомков. Тем более мысль о браке Петра Феодоровича занимала императрицу. Назначение герцога Голштинского наследником престола считалось средством упрочения его. Рождение наследника у наследника могло быть обеспечением будущности государства.

Тогда-то была вызвана в Россию принцесса Ангальт-Цербтская София-Фредерика-Августа. В 1744 году никому не приходило на мысль, что Екатерине было суждено сделаться самодержавной русской государыней.



¹ Там же, V, 2, 191.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Путь к престолу

Глава I. До брака



Императрица Екатерина в позднейшее время охотно вспоминала и в шутовском тоне говорила о той сравнительно скромной обстановке, при которой она, бывшая принцесса Ангальт-Цербстская София Фредерика Августа, родилась (21 апреля ст. ст., или 1 мая и. ст., 1729 года) и выросла в Штетине, как дочь губернатора этого города, принца Христиана Августа и принцессы Иоганны Елизаветы, происходившей из Голштинского дома и бывшей, таким образом, в довольно близком родстве с великим князем Петром Федоровичем.¹

Граф Д. Н. Блудов рассказывал, что ему при разборе архива Зимнего дворца случилось читать неизданную собственноручную, писанную Екатериною II на французском языке тетрадь, посвященную ее приятельнице, графине П. А. Брюс, и содержащую в себе подробности ее рассказы о своем рождении и вообще о жизни ее до приезда в Россию.² К сожалению, эта тетрадь, кажется, потеряна. В изданиях Герценом «Записках Екатерины» почти ничего не сказано о молодости ее

¹ См. подробности в моей статье «Жизнь Петра III до вступления на престол» в «Русском вестнике» 1883 года, № 1, стр. 184 и след.
² «Осьмнадцатый век», I, 8.

до приезда в Россию. Зато она в письмах к разным лицам неоднократно упоминает о многих чертах своей жизни в Германии до 1744 года.

Узнав в 1776 году о намерении барона Гримма посетить Штетин, Екатерина писала ему в веселом расположении духа: «Зачем вам Штетин? Вы никого там не застанете в живых, одного разве Лорана, дряхлого старика, который в молодости был ничтожеством; но если вы не можете освободиться от этой охоты, так знайте, что я родилась в доме Грейфенгейма,¹ в Мариинском приходе, что я жила и воспитывалась в угловой части замка, и занимала наверху три комнаты со сводами, возле церкви, что в углу. Колокольня была возле моей спальни. Там учила меня мамзель Кардель и делал мне испытания (Prüfungen) г. Вагнер. Через весь этот флигель, по два или по три раза в день, я ходила, подпрыгивая, к матушке, жившей на другом конце. Впрочем, не вижу в том ничего занимательного; разве, может быть, вы полагаете, что местность что-нибудь значит и имеет влияние на произведение сносных императриц. В таком случае, вам надо предложить прусскому королю, чтобы он завел там школу или рассадник в этом вкусе» и пр. В другом письме сказано: «Вы увидите, что со временем станут ездить в Штетин на ловлю принцесс, и в этом городе появятся караваны посланников, которые будут там собираться, как за Шпицбергом китоловы» и пр.²

Несколько раз Екатерина упоминает о своей воспитательнице, госпоже Кардель. Считая свое первоначальное образование далеко не полным, она однажды заметила: «Что делать? — г-жа Кардель не могла выучить меня лучше». Другой раз она писала: «Мамзель Кардель и г. Вагнер имели дело с непутною головою, которая все, что ей ни говорили, принимала наыворот». Мы узнаем, что наставница Екатерины была хорошо знакома с литературой, что «кроме разных наук, она знала, как свои пять пальцев, всякие комедии и трагедии», что «она знала почти все, ничему не учившись, почти так же, как ее воспитанница». «Кардель была умная женщина», — пишет Екатерина; в другом месте она рассказывает, что госпожа Кардель заставляла ее читать комедии Мольера. Своего наставника Вагнера Екатерина называла дураком и скучным педантом. В числе других педагогов упоминается учитель чистописания Лоран, кальвинист, французский эмигрант, о котором Екатерина писала к Гримму в 1775 году: «Хотя он был и

¹ О доме, где родилась Екатерина, см. статью Пички (Pitschky) «Die Sammlung russischer Denkmünzen in Stettin» в журнале «Baltische Studien», год 32, кн. 3 и 4. Штетин, 1882, стр. 338 и след.

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, стр. 51 и 55.

дурак, но недаром брал деньги за уроки каллиграфии». Учителем музыки был некто Рёллиг, и о нем писала Екатерина к Гримму в шутовском тоне.¹ О какой-то графини Вахтмейстер Екатерина рассказывала в 1766 году: «Двадцать два года тому назад она бранила меня за то, что я не убирала моих волос».²

Нельзя сомневаться в том, что мать Екатерины мало заботилась о ее воспитании. Вот что Екатерина рассказывает, упоминая о приезде в Гамбург графа Гилленборга: «Это был человек очень умный, уже не молодой и очень уважаемый моею матушкой. Во мне он оставил признательное воспоминание, потому что в Гамбурге, видя, что матушка мало или почти вовсе не занималась мною, он говорил ей, что она напрасно не обращает на меня внимание, что я дитя выше лет моих и что у меня философское расположение ума».³

Екатерина не всегда жила в Штетине, а иногда бывала и в других местах, в Эйтине, в Гамбурге, в Брауншвейге, в Цербсте и в Берлине. В 1739 году в Эйтине, куда съехались разные члены Голштинского дома, она в первый раз видела своего двоюродного брата, будущего жениха и мужа, Петра Феодоровича.⁴ В Брауншвейге, где жила ее бабушка, герцогиня Вольфенбуттельская, она брала уроки закона Божьего у лютеранского пастора Дове.⁵ Там же, в 1742 или 1743 году, один каноник, упражнявшийся в предсказаниях и хиромантии, сказал матери Екатерины: «На лбу вашей дочери я вижу по крайней мере три короны».⁶

Напрасно некоторые писатели, например, Дом и Рюльер, утверждали, что принцесса Ангальт-Цербстская воспитывалась в Берлине. Хотя Екатерина лично была знакома с прусским королем и бывала в Берлине, нигде в ее письмах и записках не упомянуто о более продолжительном пребывании в прусской столице. Впоследствии она однажды писала Фридриху II: «Я всегда буду сожалеть о том, что видела великого человека, героя, государя-философа, воина-законодателя, только в том возрасте, когда почтение заменяет разумное понимание».⁷

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 12, 18, 20, 50, 68, 78, 88.

² Там же, X, 106. Письмо к г-же Бьельке.

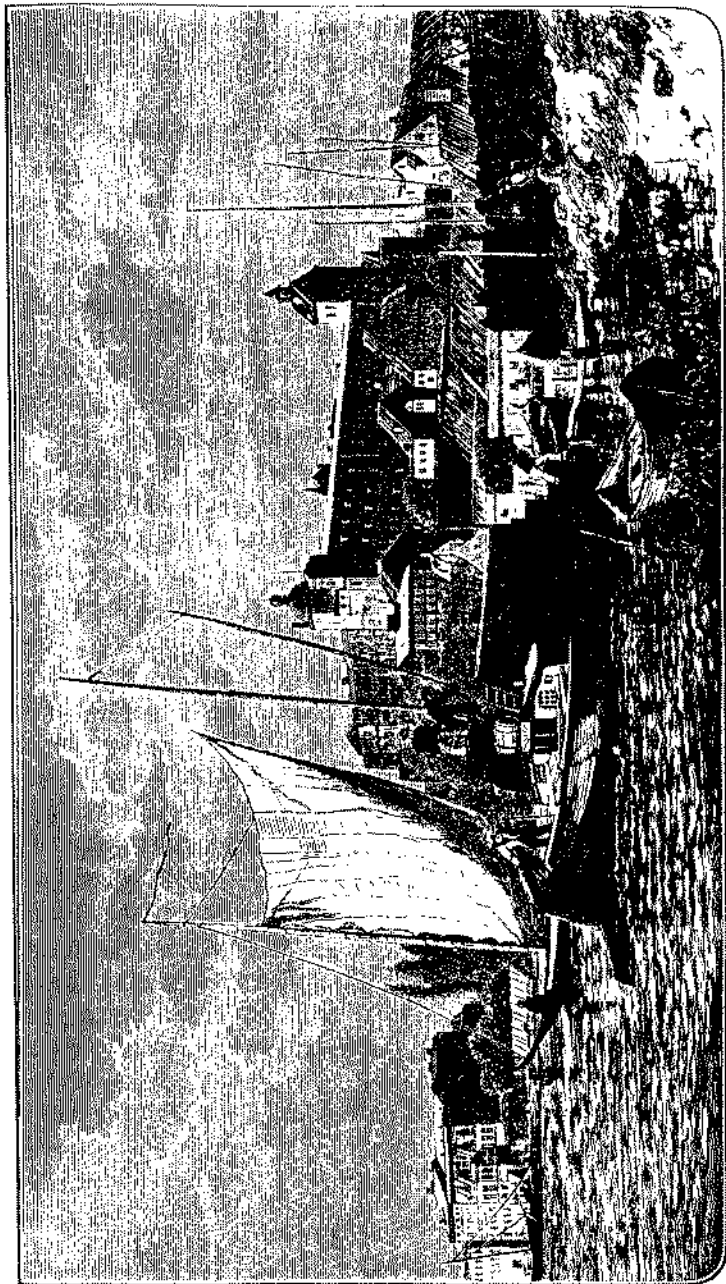
³ «Записки Екатерины», Лондон, 1859, 20.

⁴ Там же, 4, 26.

⁵ «Die merkwürdige Lebensgeschichte Peters des Dritten», Leipzig, 1733. Стр. 135.

⁶ Рассказ Екатерины, найденный в бумагах князя Безбородко; «Осьмнадцатый век», I, 10.

⁷ «Dans un âge, où le respect tient lieu d'entendement». «Сборник Ист. Общ.», XX, 391, где русский перевод неправилен и не имеет смысла.



Вид Штетинского замка, в котором родилась Екатерина II.
С гравюры 19-го века.

О молодости Екатерины и о впечатлении, какое производила она на окружающих, рассказывает в своих записках профессор-академик Тьебо следующее: «Баронесса фон-Принцен, в девичестве своем состоявшая камер-фрейлиною или в звании статс-дамы при крошечном дворе в Штетине, много рассказывала и об ее родителях, и о дочери их, которая, поистине, отнюдь не воображала сделаться впоследствии государыней великой державы. На моих глазах, говорила баронесса, она родилась, росла и воспитывалась; я была свидетельницей ее учебных занятий и успехов; я сама помогала ей укладывать багаж перед отъездом ее в Россию. Я пользовалась настолько ее доверием, что могла думать, будто знаю ее лучше, чем кто-либо другой, а между тем никогда не угадала бы, что ей суждено было приобрести знаменитость, какую она стяжала. В пору ее юности я только заметила в ней ум серьезный, расчетливый и холодный, столь же далекий от всего выдающегося, яркого, как и от всего, что считается заблуждением, причудливостью или легкомыслием. Одним словом, я составила себе понятие о ней, как о женщине обыкновенной, а потому вы можете судить об удивлении моем, когда пришлось узнать про необычайные ее приключения».¹

Как видно, мнение баронессы фон-Принцен не согласовалось с гораздо более выгодным мнением о ней графа Гилленборга.

Об одной черте своего характера в молодости Екатерина пишет следующее: «Самым унижительным положением мне всегда казалось быть обманутой: быв ребенком, я горько плакала, когда меня обманывали, а между тем я поспешно исполняла все, что от меня ни требовали, и даже неправившееся мне, когда мне объясняли причины».²

Настоящее воспитание и развитие Екатерины относилось, впрочем, к несколько позднему времени, когда она сделалась невестой Петра, и к эпохе ее брака. Она в сущности была обязана своим образованием самой себе: большим запасом сведений она обладала благодаря собственным, самостоятельным занятиям.

Уже в 1743 году в Петербурге был возбужден и решен вопрос о женитьбе наследника престола. Еще до этого, а именно в конце 1742 года, английский посланник Уич (Wich) сделал предложение о браке Петра с одной из дочерей английского короля; рассказывают, что портрет этой принцессы чрезвычайно понравился Петру.¹ С другой стороны, зашла речь об одной французской принцессе, однако императрица Елизавета не жела-

¹ «Русская Старина», XXIII, 589.

² «Сб. Ист. Общ.», VII, 89.

ла этого брака.² Из записок Фридриха II видно, что императрица Елизавета при выборе невесты для своего племянника «всего более склонялась на сторону принцессы Ульрики, сестры прусского короля». Зато выбор Бестужева пал на саксонскую принцессу Марианну, дочь польского короля Августа III, ибо этот брак вполне соответствовал политической системе канцлера, союзу между морскими державами Россией, Австрией и Саксонией, для сдержания Франции и Пруссии.³

В это время, однако, Бестужев не пользовался особенным доверием Елизаветы. Она любила говорить о делах с воспитателем великого князя Петра Феодоровича, Брюммером, и со своим врачом, Лестоком. Без ведома Бестужева императрица, через посредство Брюммера, начала переговоры о браке с княгиней Ангальт-Цербстскою.

С давних пор между русским двором и родственниками невесты великого князя Петра Феодоровича существовали довольно близкие отношения. Брат княгини Иоганны Елизаветы, епископ Любский Карл, при Екатерине I был в России в качестве жениха Елизаветы Петровны. Он вскоре умер, но Елизавета не переставала питать некоторую привязанность к его родственникам. Еще до мысли о браке Петра с принцессою Ангальт-Цербстскою она находилась в переписке с ее матерью. Так, например, Иоганна Елизавета, тотчас после государственного переворота в конце 1741 года, поздравила императрицу Елизавету с восшествием на престол; в ответ на это письмо императрица просила принцессу Ангальт-Цербстскую прислать ей портрет Анны Петровны, находившийся у Иоганны Елизаветы. Портрет, конечно, был прислан, и в том же 1742 году императрица подарила Иоганне Елизавете свой собственный портрет, осыпанный бриллиантами, ценой в 18000 рублей. Рассказывают, что Фридрих II, желая угодить императрице Елизавете, повысил Христиана Августа Ангальт-Цербстского в чине, пожаловав его в 1742 году фельдмаршалом.⁴ В марте 1743 года принц Август Голштинский прибыл в Петербург и привез для императрицы портрет принцессы Софии Фредерики Августы Ангальт-Цербстской.⁵

По некоторым известиям, первая мысль о браке Петра с этою принцессою принадлежала прусскому министру Подевилеусу.⁶ По другим дан-

¹ Droysen, «Gesch. d. preuss. Politik.», V, 2, 134 и 147.

² Herrmann, «Gesch. d. russ. Staats», V, 76—77.

³ «Histoire de mon temps» Фридриха II в издании «Publicationen aus den preussischen Staatsarchiven. Berlin», 1876, IV, 302—303.

⁴ «Осьмнадцатый век», I, 11—12.

⁵ Зап. Штелина в «Чтениях», 1866, IV. Смесь 86.

⁶ L. Ranke, «Neun Bücher preussischer Geschichte», III, 125.

ным, воспитатель Петра Брюммер первый внушил эту мысль императрице Елизавете.¹ Нет сомнения, что прусский резидент в Петербурге Мардефельд содействовал осуществлению этого плана. Когда все было решено и улажено, невеста Петра в письме своем из Москвы к Фридриху II выразила последнему благодарность, считая его главным виновником своего счастья.²

Решение вопроса о браке встретило некоторое затруднение, заключающееся в близком родстве жениха и невесты. Духовенство легко могло воспротивиться заключению этого брака. Фридрих II говорит в своих записках: «Чтоб устранить эту помеху, не щадили денег: этим способом во всех странах опровергаются возражения».³

В конце 1743 года Иоганна Елизавета отправилась с дочерью из Штетина в Цербст, чтобы провести праздник Рождества в семейном кругу. Как кажется, они совсем не знали о переговорах относительно брака Петра Феодоровича до 1 января 1744 года. В этот день, после утреннего богослужения в дворцовой часовне в Цербсте, они получили, эстафетой из Берлина, письмо Брюммера от 17 декабря нового стиля. В тот же день, позднее, получено было и письмо Фридриха II от 30 декабря, в котором заключалось предложение отправиться в Россию.

Сохранилась краткая заметка молодой принцессы, где говорится о впечатлении, произведенном на нее и на ее мать столь важным известием. Иоганна Елизавета при этом случае вспоминала о заслугах знаменитого писателя Олеария, за сто лет до этого содействовавшего некоторому сближению между Московским государством и Голштинией.⁴ В ответном письме к прусскому королю Иоганна Елизавета замечает, что никак не могла думать о возможности такого оборота в жизни дочери,⁵ и при том дает обещание во всех отношениях руководствоваться советами Фридриха II.

Нужно было поспешно собираться в дорогу. Значение России было таково, что в подобных случаях выражение желания императрицы считалось как бы приказанием. Принцесса Иоганна Елизавета самым тщательным образом старалась держаться инструкций, которые сообщал ей Брюммер. Были приняты все меры для сохранения в тайне путешествия Ангальт-Цербстских принцесс в Россию. 12 января 1744 года (31 декабря

¹ См. его письмо к Иоганне Елизавете у Соловьева, XXI, 321 и след.

² «Сб. Ист. Общ.», XX, 149.

³ См. подробности по этому вопросу в сочинении Шлёцера: «Friedrich der Grosse und Katharina II», Berlin, 1859. Стр. 35.

⁴ L. Ranke, «Neun Bücher preuss. Gesch.», III, 127.

⁵ Siebigk, «Katharina II Brautreise nach Russland». Dessau, 1873, 140.



ELISABETA
*Imperatrix et
Omnium*



PRIMA,
*Autocratrix
Rossiarum.*

Императрица Елизавета Петровна.
С гравированного портрета Чемесова.

1743 года) они выехали из Цербста и два дня пробыли в Берлине, где совещались с министром Фридриха II, Подевилемсом.

Дипломаты начали подозревать нечто необыкновенное. Австрийский посланник в Берлине прямо спросил Подевилемса и Бюлова, не предполагается ли брак Ангальт-Цербстской принцессы с русским наследником. Прусские сановники отвечали уклончиво.¹

К этому времени относится составление записки, или «Pro Memoria», принца Христиана Августа для дочери. Здесь особенное внимание обращается на предстоявшее Екатерине принятие православия. Затем принц дает дочери разные наставления о том, как она должна относиться к императрице Елизавете, к великому князю, к царедворцам и пр. Принцесса, сказано далее, должна держать себя осторожно, с достоинством, уклоняться от всякого участия в политических делах,² не заступаться ни за кого и т. д. Ввиду широкой политической деятельности Екатерины, совет отца ее не вмешиваться в дела производит довольно странное впечатление. На пути в Россию принцесса, в письме к отцу из Кенигсберга, торжественно обещала постоянно руководствоваться его советами.³

Путешествие зимой было сопряжено с затруднениями. Зато прием, оказанный принцессам в Риге, в Петербурге и в Москве, отличался особенно торжественностью. Принцесса Иоганна Елизавета была в восхищении от роскоши, пышности и церемониала, окружавших ее и ее дочь по приезде в Россию и не похожих на сравнительно скромную обстановку их житья-бытья в Штетине и Цербсте.

В Риге путешественницы узнали кое-что о содержавшихся в то время в крепости Динаминде принце и принцессе Брауншвейгских, которых княгиня Иоганна Елизавета называет «государственными преступниками»;⁴ в Петербурге им рассказали некоторые подробности о государственном перевороте в ноябре 1741 года. В Москве императрица особенно радушно приветствовала принцессу и ее дочь. Увидев сестру своего бывшего жениха, Елизавета не могла удержаться от слез.⁵

Первое впечатление, произведенное принцессою Иоганною Елизаветою и ее дочерью на императрицу, было чрезвычайно благоприятно. Од-

¹ Droysen, «Gesch. d. preuss. Pol.», V, 2, 215.

² «Insonderheit in keine Regierungs-Sachen zu entriren um den Senat nicht zu aigriren», Siebigk, 145.

³ «Сб. Ист. Общ.», VII, 1—2.

⁴ Siebigk, 32. Рассказы о встрече Екатерины с Броуном в Риге в «Р. Старине», IV, 694 и V, 129, кажется, лишены основания.

⁵ «Сб. Ист. Общ.», VII, 23—26.

нако в то же время они видели себя окруженными придворными интригами. Для приверженцев проекта саксонской женитьбы проезд Ангальт-Цербстских принцесс был громовым ударом. Они не хотели отказаться от своих намерений. Саксонский резидент продолжал хлопотать об этом деле, обещая Курляндию, как приданое невесты Марнанны.¹ Шетарди писал, что Бестужев приведен в ярость приездом принцессы Цербстской и сказал: «Посмотрим, могут ли такие брачные союзы заключаться без совета с нами, большими господами этого государства».² Все это не имело значения, пока императрица оставалась расположенною в пользу принцессы Иоганны Елизаветы и ее дочери. В первое время она была чрезвычайно довольна и осыпала приезжих милостями.³

Из записок Екатерины видно, что она, имея тогда не более пятнадцати лет, с первой же минуты своего пребывания при русском дворе, при всех затруднениях, держала себя осторожно, действовала осмотрительно и постоянно мечтала о будущем своем величии. Происходили разные толкования, то с матерью, которая, отличаясь честолюбием, не всегда обращала достаточно внимания на интересы дочери и обнаруживала отсутствие такта, то с императрицей, которая вскоре начала выказывать некоторое недоверие к молодой принцессе, то с женихом, который казался весьма мало способным любить и уважать назначенную для него невесту. При всех этих затруднениях Екатерина приняла твердое решение не останавливаться ни перед каким препятствием, преодолевать все преграды, мешавшие ей достигать желанных целей, пользоваться всевозможными средствами для составления себе выгодного положения. В ее действиях заметен холодный расчет, видно спокойное соображение всех обстоятельств. Она старалась составить себе точное понятие о том, какой образ действий должен считаться целесообразнейшим. Во что бы то ни стало она хотела надеть обещанную ей судьбою русскую корону. Обстоятельства принуждали ее действовать вполне самостоятельно и надеяться исключительно на собственную силу. Среди пышного двора, шумных увеселений и празднеств, постоянно окруженная толпою, молодая принцесса чувствовала себя в совершенном одиночестве. Нельзя не удивляться той сосредоточенности, той энергии и силе воли, которыми в то время отличался поступок невесты Петра Федоровича. У нее не было никаких советников или наставников. Мелочность, склонность к интригам, поверхностное

¹ Droysen, V, 2, 216.

² Соловьев, XXI, 331.

³ Зап. Штелина в «Чтениях», 1866, IV, 87.



Принц Христиан-Август Ангальт-Цербстский (отец Екатерины II).
С гравированного портрета 18-го века Герасимова.



Принцесса Иоганна-Елизавета Ангальт-Цербстская (мать Екатерины II).
С гравированного портрета 18-го века Барнигерота.

образование лиц, окружавших Екатерину, отталкивали ее, внушали ей презрение к той среде, в которой ей приходилось жить целые восемнадцать лет, до вступления на престол. В противоположность ничтожности интересов других лиц при дворе императрицы Елизаветы, Екатерина отличалась стремлением к целям высшего образования, серьезными занятиями наукою и литературою, обращением внимания на идеалы эпохи просвещения.

Внешняя обстановка, в которой находилась принцесса, была далеко не благоприятною. Отношение ее к жениху не могло обещать ей счастливого брака. Она стояла выше Петра, превосходя его и сосредоточенностью характера, и стремлением к образованию, познаниями, железною волей и умением обращаться с людьми.

Нельзя не признать, что обстоятельства, при которых воспитывался и развивался жених Екатерины, были также весьма неблагоприятны. Много было сделано для того, чтобы вредно повлиять на его умственное и душевное развитие. Матери он лишился, имея всего несколько недель от роду, а отца в то время, когда ему было одиннадцать лет. Во все время своего детства он был предоставлен надзору невнимательных, плохо подготовленных воспитателей, склонных к интригам и жестокостям царедворцев и грубых слуг. Тетка юного герцога, императрица Елизавета, в 1745 году велела русскому посланнику в Копенгагене, барону Корфу, собрать подробные сведения о его детстве до 1742 года. Тогда узнали, что попечения о физическом развитии мальчика были столь же неудовлетворительными, сколько и заботы о его нравственности или обучении. Часто по несколько часов ребенка заставляли дожидаться обеда. Раздраженный и запуганный постоянными угрозами и наказаниями, мальчик, ненавидевший своих наставников, нередко хворал, страдал головными болями и рвотою. Даже в летнюю пору ему едва позволяли движение на свежем воздухе; зато заставляли участвовать в танцах, тогда как он не любил этого развлечения. Особенною грубостью в обращении с герцогом отличался Брюммер, о котором другой из наставников герцога заметил, что он способен разве обучать лошадей, а не воспитывать принца.¹ После кончины отца положение Петра Феодоровича ухудшилось еще более; его дядя Адольф-Фридрих, управлявший герцогством, не заботился о воспитании племянника. Родственники Петра вообще не были высокого мнения о его способностях. Молодая принцесса Ангальт-Цербстская, увидевшая одиннадцатилетнего Петра в Эйтине,

¹ См. записку Корфа у Соловьева, XXI, 86—88.

спинкала там довольно резкие отзывы о его характере. В записках Екатерины сказано: «Тут я услышала, как собравшиеся родственники толковали между собою, что молодой герцог склонен к пьянству, что его приближенные не дают ему напиваться за столом, что он упрям и вспыльчив, не любит своих приближенных и особливо Брюммера, что, впрочем, он довольно живого нрава, но сложения слабого и болезненного. Действительно, сказано далее в записках Екатерины, — цвет лица его был бледен; он казался тощ и нежного темперамента. Он еще не вышел из детского возраста, но придворные хотели, чтоб он держал себя как совершеннолетний. Это тяготило его, заставляя быть в постоянном принуждении. Натянутость и неискренность перешли от внешних приемов обращения и в самый характер».¹

Сам Петр сообщил своему наставнику в России, Штелину, кое-какие подробности о неблагоприятных условиях своего воспитания в Кнле. Неспособный учитель древних языков успел внушить ему непреодолимое отвращение к латинскому языку. Когда после приезда в Петербург, в 1742 году, его подвергли некоторому испытанию, то оказалось, что сведения великого князя были чрезвычайно скудны.

Нет сомнения, что Штелин не щадил ни труда, ни времени при обучении Петра. Он придумал для него систему наглядного обучения в больших размерах, старался путем беседы объяснять главные начала истории и государственных наук, математики, фортификации и пр. Для обучения Петра по требованию Штелина были доставлены из Академии наук гравюры, коллекции медалей, великолепные издания разного рода; были составляемы, по указанию Штелина, модели крепостей, военных снарядов и пр. Однако успехи ученика оставались неудовлетворительными. Принц часто хворал; к тому же участие в придворных празднествах и церемониях прерывало занятия науками. Брюммер продолжал относиться весьма невнимательно к потребностям и нуждам Петра. Весьма часто великий князь оставался без всякого надзора, предоставленный пагубному влиянию бесед с прислугой и занимаясь ребяческими развлечениями. Напрасно Штелин делал ему внушения о необходимости держать себя с большим достоинством: ребяческие игры не прекращались и в позднейшее время. К тому же не ослабевала и упорная неприязнь между великим князем и Брюммером. Однажды последний в порыве ярости едва не прибил великого князя. Петр в страшном раздражении убежал в спальню и возвратился оттуда со

¹ Записки Екатерины, 2—5.

шпагою. С величайшим трудом Штелину удалось положить конец этой неприятной сцене.¹

Не только из записок Екатерины и Штелина, но также из деловых бумаг, из инструкций, составленных для лиц, окружавших Петра, видно, что у последнего не доставало наклонности к серьезным занятиям и силы воли, и что он не понимал своего положения.

О своем отношении к великому князю после своего приезда в Россию Екатерина пишет: «Казалось, великий князь был рад приезду моей матери и моему. Мне тогда был пятнадцатый год. В первые дни он был очень предупредителен ко мне. Уже тогда, в это короткое время, я увидела и поняла, что он мало ценил народ, над которым ему суждено было царствовать, что он держался лютеранства, что он не любил своих приближенных и что был очень ребячлив. Помню, как, между прочим, он сказал мне, что ему всего более нравится во мне то, что я его двоюродная сестра, и что по родству он говорит со мною откровенно. Вслед за тем он мне открылся в своей любви к одной из фрейлин императрицы, удаленной от двора по случаю несчастья ее матери, г-жи Лопухиной, которая была сослана в Сибирь; он мне объяснил, что желал бы жениться на ней, но что готов жениться на мне, так как этого желает его тетка. Я краснела, слушая эти излияния родственного чувства, и благодарила его за предварительную доверенность; но в глубине души я не могла не дивиться его бесстыдству и непониманию многих вещей».²

Из этих замечаний видно, в какой мере Екатерина с самого начала стояла выше Петра по умственному развитию, какое жалкое впечатление производил он на нее и какое внимание обращала она с первого времени своего пребывания в России на свое отношение к народу и к той стране, которая должна была сделаться для нее второй родиной. Она старалась по возможности скорее выучиться русскому языку, ознакомиться с началами православного церковного учения и даже вставала по ночам, чтобы утверждать наизусть тетради, которые давал ей ее учитель Адауров. Когда она заболела опасно и мать ее хотела было призвать к ней лютеранского пастора, она сказала: «Зачем же? Позовите лучше священника Симона Тодорского, я охотно поговорю с ним». Рассказывая об этом эпизоде, Екатерина прибавляет: «Его привели, и мой разговор с ним в присутствии посторонних был всем очень приятен. Это значительно расположило в мою пользу как императрицу, так и весь двор».³

¹ «Чтения», 1866, IV. Смесь, 66—94.

² Зап. Ек., 8.

³ Там же, 8.



Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин.
С гравюры Бернигерота, сделанной с портрета, писанного в 1755 г. Пренпером.

Цель принцессы была достигнута. Вскоре по приезде ее в Россию в «С.-Петербургских ведомостях» было напечатано: «Молодая принцесса показывает великую охоту к знанию русского языка и на изучение его ежедневно по несколько часов употреблять изволит». ¹ Там же с похвалою говорилось о «неусыпной терпеливости» Екатерины во время болезни. ²

Приверженцы проекта брака Петра с саксонскою принцессою имели неосторожность обнаружить свою радость во время болезни молодой принцессы. Это сильно рассердило императрицу, и она сказала Брюммеру и Лестоку, что приверженцы саксонского брака ничего не выиграют, и если б она имела несчастье потерять такое дорогое дитя, как Екатерина, то все же саксонской принцессы никогда не возьмет. ³

Положение Екатерины и после выздоровления оставалось опасным и трудным. Ей даже нельзя было рассчитывать на постоянство расположения к ней императрицы. Между последней и принцессой Елизаветой происходили недоразумения и столкновения. По случаю одного крупного разговора между матерью Екатерины и Елизаветой Петровной, Лесток сказал принцессе: «Укладывайтесь; вы тотчас же отправляетесь в дорогу и возвращаетесь к себе домой». Сообщая об этом эпизоде в своих записках, Екатерина прибавляет: «Я видела ясно, что великий князь расстался бы со мною без сожаления. Что касается меня, то, зная его свойства, я бы не пожалела о нем; но к русской короне я не была так равнодушна». ⁴

Эти неприятности были следствием участия принцессы Иоганны Елизаветы в каких-то крамолах, имевших целью свержение Бестужева. Он оставался некоторое время опасным противником Екатерины и ее матери и был главным виновником того, что Иоганна-Елизавета, навлекшая на себя немилость императрицы, тотчас же после свадьбы дочери должна была выехать из России.

Трудно сказать, как сама Екатерина внутренне относилась к вопросу о перемене религии. Мардефельд писал Фридриху II: «Я недоумеваю лишь относительно следующего обстоятельства: мать думает или показывает вид, что думает, будто молодая принцесса не решится принять православия». Вследствие этого король писал к Иоганне Елизавете: «Мне остается только просить вас победить в вашей дочери отвращение к православию». Иоганна Елизавета попыталась было в беседе с императрицей выставить на

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 26.

² «Осьмнадцатый век», I, 45—46.

³ Соловьев, XXI, 327—329.

⁴ Записки Екатерины, 15.

вид, ссылаясь на пример супруги царевича Алексея Петровича, что и ее дочь могла бы сделаться супругою наследника всероссийского престола, не принимая православия; но императрица настаивала на необходимости перемены исповедания. Очевидно, с целью успокоить тревожившегося мыслью об этой мере отца, молодая принцесса в это время писала ему, что после тщательного изучения дела она убедилась в ничтожности различия между исповеданиями в отношении догматов и в том, что различие относится более к внешнему богослужению. При всем этом, однако, Мардефельд доносил королю Фридриху II, что молодая принцесса часто находилась в страшном волнении, что она плакала и что нужно было тайком приглашать к ней лютеранского пастора, дабы хотя несколько успокоить ее. Ко всему этому, однако, Мардефельд прибавляет: «Честолюбие берет свое».¹

Таким образом, превращение «принцессы Ангальт-Цербстской, Софии Августы Фредерики» — так она подписывала свое имя до конца июня 1744 года — в «Екатериину» было неминуемо. Скромная «Fiekchen», как называл ее отец (сокращение имени Sophie), сделалась невестой, затем супругой наследника русского престола и, наконец, императрицей.

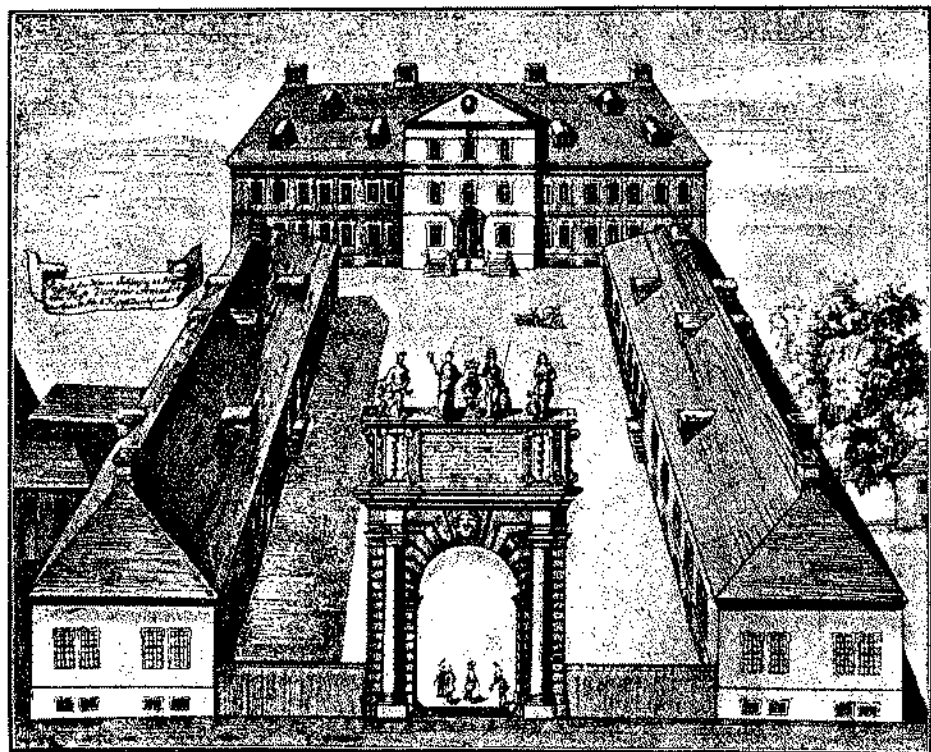
28 июля 1744 года происходила церемония принятия Екатериною православия. Мардефельд писал, что она «держала себя как настоящая героиня». Это свидетельство подтверждается письмами матери и других лиц.² И по случаю принятия православия, и впоследствии Екатерина своим внешним благочестием производила обыкновенно глубокое впечатление на публику, представляя совершенную противоположность Петру III, относившемуся чрезвычайно небрежно к религиозным обязанностям. В своих записках Екатерина рассказывает, как Петр в первое время брака порицал ее за соблюдение постов.

Еще до свадьбы отношения Екатерины к жениху становились все более и более холодными. Петр не любил общества невесты и тещи; между ним и княгиней Иоганною Елизаветою происходили иногда шумные сцены; зато он был счастлив в компании своих придворных лакеев и занимался азартными играми, между тем как Екатерина чрезвычайно ревностно занималась чтением книг, которые получала из библиотеки Академии наук, и с большим успехом изучала русский язык.

В то время как великая княгиня во всех своих действиях соблюдала крайнюю осмотрительность, стараясь составить себе точно выработанную

¹ «L'ambition en prend à la fin le dessus».

программу для той роли, которую ей приходилось играть в России, Петр не имел сознания о важности своего положения, на каждом шагу обнаруживал полнейшее отсутствие такта и отличался ребяческой болтливостью.



Вид замка Ангальт-Цербстских принцев в Бернбурге.

С гравюра 18-го века Крюгера.

Так, например, Петр простодушно сообщил своей невесте, что его камердинер, бывший шведский драгун, наставлял его, как должно обращаться с женою; наставления заключались в том, что жене не следует допускать пикнуть перед мужем, что она не должна вмешиваться в дела мужа, и что, как скоро она заговорит, ее должно заставить молчать, и пр. В другой раз Петр через одного из слуг велел сказать невесте, что так как он в летнем дворце живет слишком далеко от нее, то не может часто видаться с

¹ Schlözer, 51.

ней, и т. п. Екатерина замечает в своих записках: «Я хорошо чувствовала, как ему мало было до меня, но я была слишком горда, чтобы горевать о том; я сочла бы для себя унижением, если бы кто-нибудь смел изъявить мне сострадание. Но тем не менее, оставаясь одна, я заливалась слезами».



Академик Яков Штелин.

С гравированного портрета 18-го века Бергера.

О своем образе действий Екатерина в это время сообщает следующее: «Я обращалась со всеми как можно лучше и старалась приобрести дружбу или, по крайней мере, смягчить неприязнь тех людей, которых я могла подозревать в неблагоприятном к себе расположении. Я не хотела держаться никакой партии, ни во что не вмешивалась, всегда показывала веселый вид, была предупредительна, внимательна и вежлива со всеми. Я была от природы веселого нрава и с удовольствием замечала, что с каждым днем

росло расположение ко мне публики, которая смотрела на меня, как на замечательного и умного ребенка. Я показывала великую почтительность матушке, беспредельное послушание императрице, отличную внимательность великому князю и, одним словом, всеми средствами старалась снизить любовь публики».¹

Между тем как Петр, по рассказу Штелина, «в безбрачном состоянии проводил время в одних увеселениях»,² Екатерина по совету приехавшего в то время в Россию графа Гилленборга занялась чтением сочинений Плутарха, Цицерона и Монтескье. Не без основания она писала впоследствии: «Пятнадцатилетнею девушкою я была в уединении и занималась усердно». Весьма любопытен следующий ее рассказ о случае с графом Гилленборгом: «Приехав в Петербург и посетив нас, он спрашивал, что случилось с моею философией в суеде придворной жизни. Я ему пересказала, чем я занималась у себя в комнате. Он возражал, что философ пятнадцати лет не может знать себя, что я окружена столькими подводными камнями, что надобно весьма опасаться, чтобы не потерпеть крушения, если только душа моя не самого высокого закала... Я ему сказала, что я набросаю ему мой портрет таким, каким он мне известен, для того чтобы он мог видеть, знаю ли я себя или нет. И действительно, я набросала на бумаге собственное изображение под заглавием портрет пятнадцатилетнего философа и отдала его графу Гилленборгу. Много лет спустя, именно в 1758 году, я нашла у себя эту тетрадь и сама удивилась, с какою глубиной и точностью изобразила я себя самое. Гилленборг через несколько дней возвратил мне мое сочинение; не знаю, взял ли он с него список. Он прибавил к нему страниц двенадцать своих размышлений обо мне, которыми старался укрепить во мне возвышенность и твердость души, равно и другие качества ума и сердца. Много раз я читала и перечитывала эти размышления и старалась проникнуться ими. Я дала себе обет искренно следовать его советам, а как скоро я давала себе в чем-нибудь обет, то я не помню, чтобы когда-нибудь не исполняла его. По желанию графа Гилленборга, я отдала ему назад его размышления.

Я должна признаться, что склад ума моего и души моей образовался и укрепился под его значительным влиянием».¹

Из следующего обстоятельства видно, какое значение придавала Екатерина влиянию Гилленборга. Когда в 1766 году сын графа приехал в Россию, императрица в ответ на письмо, которое она при этом случае по-

¹ Записки Екатерины, 25—26, 33.

² «Чтения», 1866, IV, 87—89.

лучила от графа Гилленборга, писала: «Письмо ваше доставило мне тем более удовольствия, что я в нем увидела те же знаки внимания, которые оказывали вы мне более чем двадцать лет тому назад... я считаю себя очень и очень обязанною вам, и если имею некоторые успехи, то в них вы участвуете, так как вы развили во мне желание достигнуть до совершения великих дел» и пр.²



Граф Лесток.

С редкого гравированного портрета 18-го века Штенглина.

¹ Записки Екатерины, 20—21.

² «Сборник Ист. Общ.», X, 157.

Обстановка, в которой великая княжна находилась в это время, была далеко не отрадною. Мелочность и раздражительность матери ее доходили до крайних пределов. Императрица была недовольна Екатериною, упрекая ее в расточительности. После припадка болезни, случившегося с ней весною 1744 года в Москве, она хворала, страдала болью в груди и сильно похудела. И великий князь был опасно болен оспою, после которой, как пишет Екатерина, «черты его сделались грубее» и он «стал ужасно дурен».

О своем настроении в то время, когда приближался день свадьбы, Екатерина рассказывает: «По мере того, как приближался этот день, меланхолия все более и более овладевала мною. Сердце не предвещало мне счастья: одно честолюбие меня поддерживало. В глубине души моей было, не знаю, что-то такое, ни на минуту не оставлявшее во мне сомнения, что рано или поздно я добьюсь того, что сделаюсь самодержавною русскою императрицею».¹

Бракосочетание было совершено 25 августа 1745 года, с чрезвычайным великолепием. Образцами для церемониала служили свадьба французского дофина в Версале и бракосочетание сына короля Августа III в Дрездене.² Празднества продолжались десять дней. Вскоре после этого Иоганна Елизавета должна была выехать из России. Штелин замечает в своих записках: «Мать великой княгини возбудила в канцлере подозрение своим прусским и французским образом мыслей, и потому он хлопотал у императрицы об ускорении ее отъезда. Она придерживалась более партии Лестока и графа Брюммера, чем канцлера, графа Бестужева; это лишило ее благосклонности и доверия императрицы, которая, чтобы удалить ее, спешила бракосочетанием великого князя, вопреки советам придворных врачей».³

Отец Екатерины умер в 1747 году, в Цербсте. В записках Екатерины сказано: «Это известие меня очень огорчило. На восемь дней меня оставили в покое, и я могла плакать, сколько хотела; но в восьмой день Чоглокова объявила мне, что довольно плакать, и что императрица приказала перестать, так как отец мой не был король».⁴ Благодаря подозрительности Бестужева, Екатерине была пресечена возможность переписываться с матерью; ей только дозволялось писать письма, наполненные общими местами. В приписке к одному из таких писем встречается намек на стесненное положение Екатерины, которая должна была

¹ Зап. Ек., 33.

² «Histoire de Pierre III». Londres, 1774. Стр. 82; и Siebigk, 103.

³ «Чтения», 186, IV, 88—89.

⁴ Зап. Ек., 56.



ПЕТРЪ ФЕОДОРОВИЧЪ

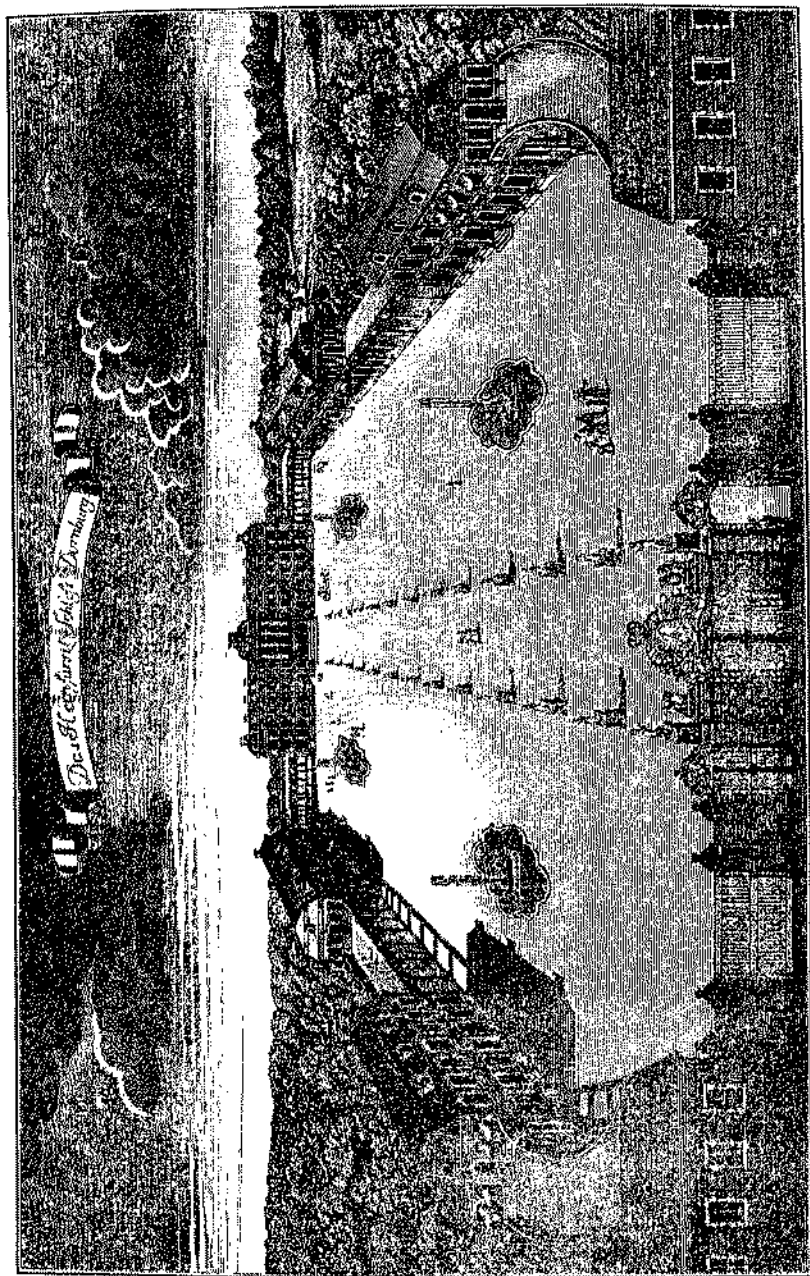
Великий Князь Всероссийскій.

Petrus Fridericus Imperator
(Августъ Духъ Руссѣитъ.)

St. Petersburg 1797

St. Petersburg 1797

Великий князь Петр Федорович.
С гравированного портрета Штенглина.



Дорнбург, загородный дворец принцев Ангальт-Цербетских, в конце 18-го столетия. С гравюры того времени Пешеля.

искать случая для тайной переписки с матерью; так, она получала от последней письма через мальтийского кавалера Сакромозо и отправляла к ней через него же ответы. Ей было сказано, что русской великой княгине неприлично писать другие письма, кроме тех, которые сочиняются в Коллегии иностранных дел.¹

Мать Екатерины в 1758 году поселилась в Париже, где и скончалась в 1760 году среди печальных условий жизни. Отношения Екатерины с братом, Фридрихом Августом, были постоянно холодны. Уже в 1746 году она формально отказалась от всяких прав на Ангальт-Цербстское княжество. Все ее интересы сосредоточивались в России, сделавшейся для нее второю родиною.

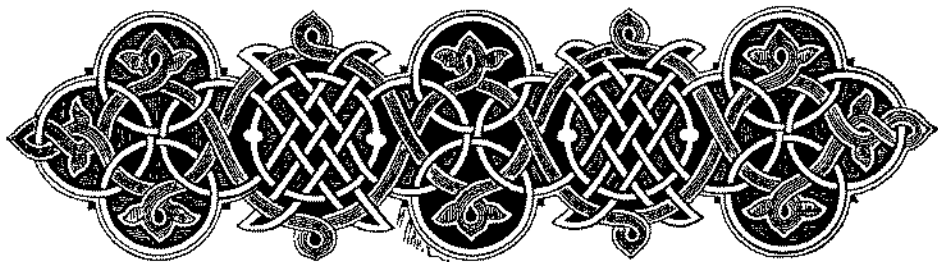
Однако уже в первые дни брака будущность являлась ей в довольно мрачном свете. Она пишет: «Мой любезный супруг решительно не занимался мною, но все время проводил со своими лакеями, играя в солдаты, эжзерцируя их в своей комнате или переменяя мундиры по двадцати раз на день. Я скучала и зевала; мне не с кем было сказать слова; либо же я должна была разыгрывать великую княгиню».²

Более чем когда-либо Екатерина была предоставлена самой себе. С необычайною силою воли она опять-таки принялась за решение трудной задачи самовоспитания.

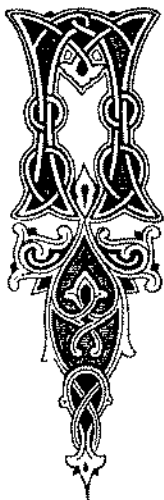


¹ Там же, 65—67.

² Там же, 33.



Глава II. Брак



ри противоположности характеров Петра и Екатерины можно бы считать вероятным, что отзывы о Петре в записках его супруги не лишены пристрастия. Изображение Петра в этом замечательном историческом памятнике производит впечатление карикатуры. Однако представляется возможность проверить и содержание, и тон рассказов Екатерины другими источниками, и тут оказывается, что строгая критика, которой в записках Екатерины была подвергнута личность Петра, вполне соответствует фактам. Она же подтверждается и историей царствования и гибели Петра.

В записках Екатерины сказано: «Я очень хорошо видела, что великий князь вовсе не любит меня; через две недели после свадьбы он опять признался мне в своей страсти к девице Карр, фрейлине императрицы. Графу Девиеру он сказал, что между этою девушкою и мною не может быть никакого сравнения. Девиер был противного мнения; он на него рассердился за это. Сцена эта происходила почти в моем присутствии. В самом деле, — рассуждала я сама с собою, — не истребляя в себе нежных чувств к этому человеку, который так дурно платит за них, я непременно буду несчастлива и измучаюсь ревностью без всякого толку. Вследствие этого я старалась восторжествовать над моим самолюбием и изгнать из сердца ревность относительно человека, который не любит меня; но для того, чтобы не ревновать, было одно средство — не любить его. Если бы он желал быть любимым, то относительно меня это вовсе было нетрудно; я от природы была склонна и привычна к исполнению моих обязанностей, но для этого мне был нужен муж с здравым смыслом, а мой его не имел».¹

¹ Записки Екатерины. 38.

Затем Екатерина рассказывает подробно о ребяческих занятиях мужа, о кукольной комедии, которой он забавлялся по целым часам, о дрессировке собак, причем он безжалостно мучил несчастных животных, о разных маскарадах в обществе придворных лакеев и пр. То он был невыносим постоянно игрою на скрипке, то по целым часам упражнялся кучерским кнутом, которым хлестал направо и налево, и т. п. Причудам Петра не было конца. То он заставлял Екатерину вставать ночью и одеться, чтобы есть с ним устрицы, то беспрестанно толковал о своем намерении выстроить близ Ораниенбаума увеселительный дом, на манер капуцинского монастыря, причем хохотал до упаду и восхищался заранее своей выдумкою. Иногда он заставлял Екатерину играть с ним в карты, причем, например, однажды его ночной колпак представлял собою сумму в 10000 рублей. Немудрено, что все это сильно надоедало великой княгине. Она пишет: «При всей моей решимости угождать ему и быть с ним терпеливою, очень часто — признаюсь откровенно — его посещения, прогулки и разговоры надоедали мне до чрезвычайности... Когда он уходил, самая скучная книга казалась мне приятным развлечением».¹

Все эти рассказы подтверждаются замечаниями в записках Штелина. «Великий князь, — сказано тут, — забывает все, что учил, и проводит свое время в забавах с невеждами». Петру нужны были игрушки; ему нужна была фамильярность с прислугою. Лета в этом отношении ничего не изменяли. Штелин жалуется на то, что «все употребляется на забавы, на пригонку прусских гренадерских касок, на экзерцицию с служителями и пажамы, а вечером на игру».²

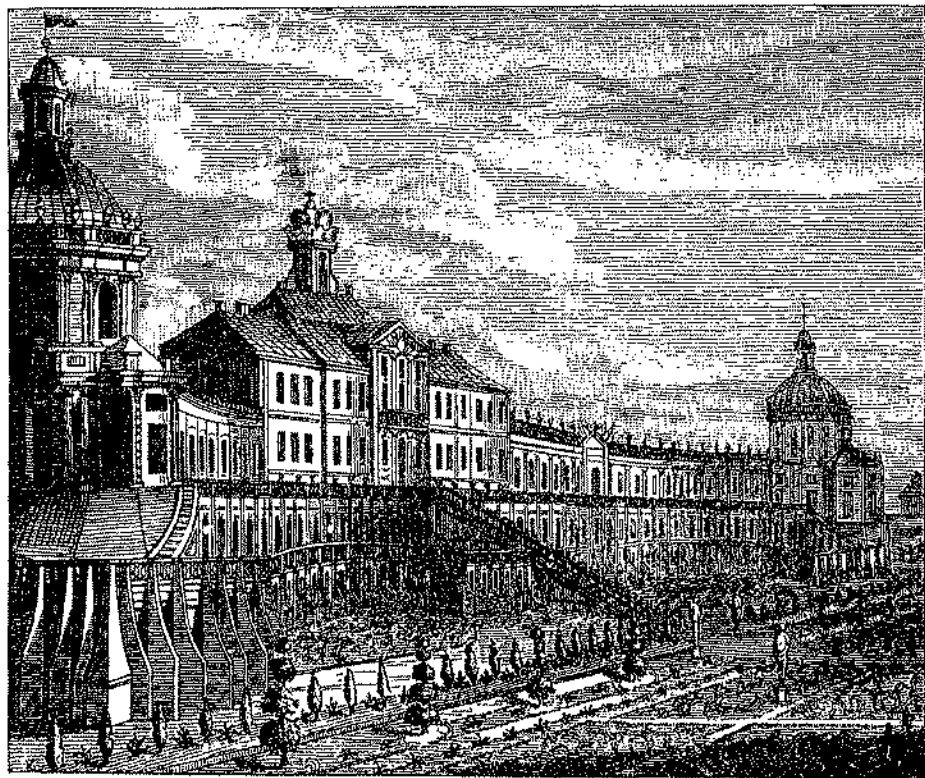
Мало того, что Петр играл в солдаты со своими лакеями, — у него было множество маленьких куколок, или солдатиков деревянных, свинцовых, восковых и пр., которых он расставлял на столах; вдоль столов были прибиты медные решетки, а к ним привязаны шнурки, и если дернуть за шнурок, то медная решетка издавала звук, который, по мнению Петра, походил на ружейный залп. Однажды Екатерина, войдя в комнату мужа, была поражена представившимся зрелищем. Посредине кабинета была повешена огромная крыса. Петр объяснил, что казнь происходила за уголовное преступление по военным законам за то, что крыса, забравшись на бастионы картонной крепости, съела двух часовых, сделанных из крахмала, и пр.³ Это случилось в 1753 году, в восьмой год брака Петра.

¹ Там же, 119.

² «Чтения», 1866, IV. Смесь, 90 и 91.

³ Записки Екатерины, 140.

Нельзя предполагать, чтобы в этих рассказах Екатерины заключалось преувеличение или пристрастие. Такая же характеристика Петра встречается в донесениях иностранных дипломатов. Дальон писал в марте 1746 года, что Петр делает всем неприятности, не исключая и жены, у которой



Дворец в Ораннембауме.
С гравюры 18-го века.

разум превосходит лета; он же склонен к вину, водится с людьми пустыми, и главная забава его — кукольный театр. В августе 1747 года Финкенштейн доносил своему королю Фридриху II: «Надобно полагать, что великий князь никогда не будет царствовать в России; не говоря уже о слабом здоровье, которое угрожает ему рановременную смерть... надобно признаться, что поведение его вовсе не способно привлечь сердца на-

рода. Непонятно, как принц его лет может вести себя до такой степени ребячески. Некоторые думают, что он притворяется, но в таком случае он был бы мудрее Брута. К несчастью, он действует без всякого притворства. Великая княгиня ведет себя совершенно иначе».¹

Нет сомнения, что сама императрица Елизавета считала своего племянника как бы несовершеннолетним. Из инструкции, составленной Бестужевым для лиц, окружавших великого князя, видно, что Елизавета знала о забавах Петра, об отсутствии всякого достоинства в его образе действий. Поэтому она считала нужным усилить надзор над великим князем, назначить что-то вроде опеки над ним. Некоторые лакеи, особенно деятельно участвовавшие в ребяческих увеселениях Петра, были удалены от двора; из инструкции видно, что Петр во время богослужения в церкви обнаруживал полнейшее отсутствие такта, что императрице было хорошо известно грубое обращение Петра с женою, что она знала об игре в солдаты, о кукольной комедии, и пр. Поэтому было предписано соблюдение известного порядка при распределении времени, было указано, как Петр должен вести себя при беседах с разными лицами, за столом и т. д., что он не должен «являть ничего смешного, притворного и подлого в словах и минах», что он должен удерживаться «от шалостей над служащими», «от неистовых издевок над бедными служителями», от «всякой фамильярности» с прислугой. По поводу игры в солдаты в инструкции было сказано: «Не позволять притаскивание всяких непристойных вещей, а именно: палаток, ружей, барабанов и мундиров...» «яко же мы едва понять можем, что некоторые из оных (лиц, окружавших великого князя) продерзость возымели так названный полк в покоях его высочества учредить» и т. д.²

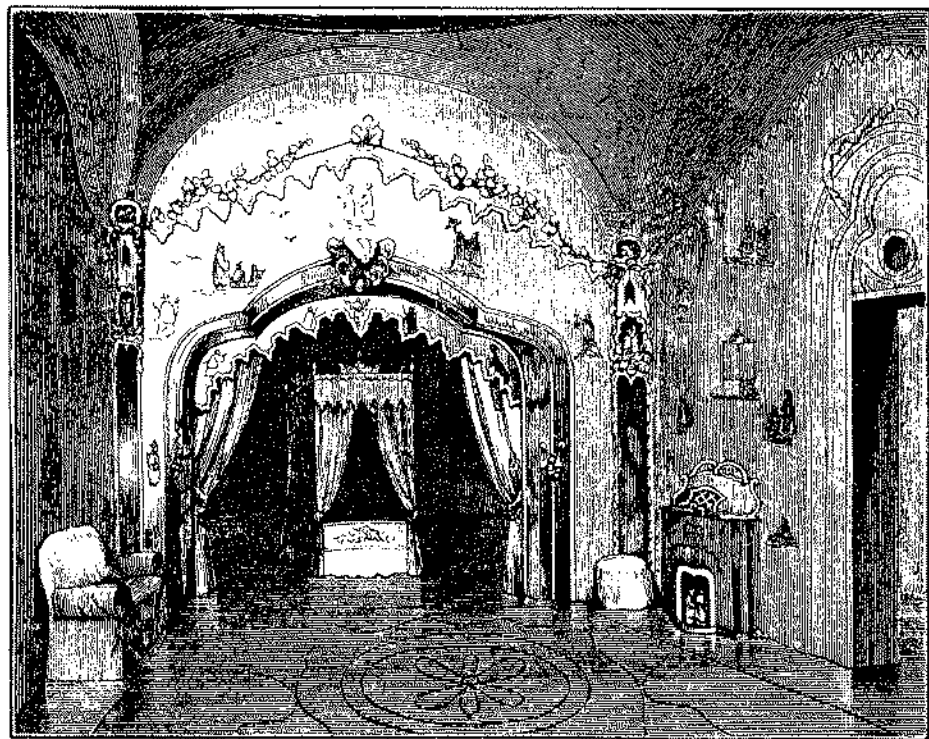
Впрочем, все эти предписания оставались на бумаге, и ребяческие забавы Петра не прекращались. Чоглоков, которому поручили надзор над великим князем, был, как мы знаем не только из записок Екатерины, но также из замечаний Штелина, малоспособным и бесхарактерным человеком.

В особенности продолжалась недостойная игра в солдаты. В 1755 году явились из Голштинии офицеры и солдаты, с которыми Петр в Ораниенбауме жил по-лагерному. Недаром Штелин смеялся над мелочностью и ребячеством такой игры в солдаты, дразнил великого князя тем, что он, в качестве голштинского офицера, считал нужным курить табак, между тем

¹ Соловьев, XXI, 51—52.

² Соловьев, XXIV, 52—54.

как до этого не мог терпеть табачного дыма. Ко всему этому присоединились попойки, к которым Петр привык уже и прежде, в компании лакеев, и которые затем в Ораниенбауме, во время лагерной жизни великого князя, очевидно вредили его здоровью.¹

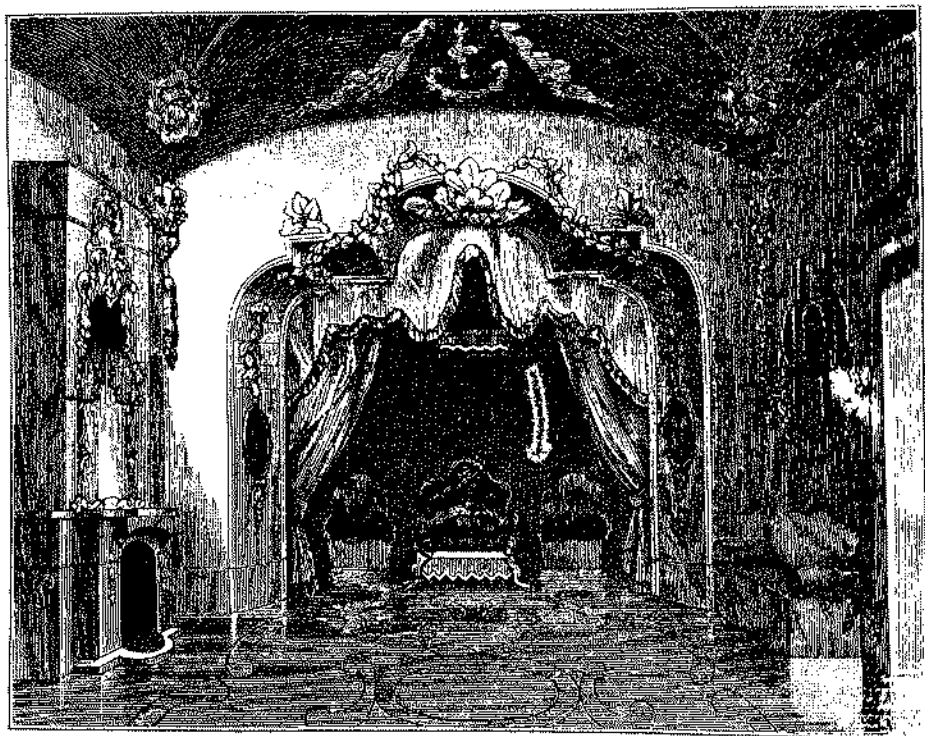


Спальня Екатерины II в Ораниенбаумском дворце.
С гравюры первой половины 19-го века.

Трудно понять, каким образом Елизавета могла дозволить эти забавы, происходившие в Ораниенбауме. Очевидно, противники Петра, желавшие уронить его в общественном мнении, убедили императрицу смотреть сквозь пальцы на его поступки. Екатерина же хорошо понимала, что такой образ действий должен лишить вовсе великого князя популярности и что Петр, находясь постоянно в обществе голштинцев, стано-

¹ «Чтения», 1866, IV. Смесь, 91—92, 107—109.с

вится все более и более чуждым тому положению, которое он должен был занять в качестве наследника всероссийского престола. Поэтому великая княгиня, в свою очередь, всячески избегала сношений с голштинскими войнами. В ее записках сказано: «Таким образом, я оставалась посреди моих придворных и беспрестанно ходила с ними гулять, но всегда в противоположную сторону, к лагерю же мы не подходили ни близко, ни издали».¹



Спальня Петра III в Ораниенбаумском дворце.
С гравюры первой половины 19-го века.

Обстоятельства были таковы, что Екатерина во всех отношениях должна была идти «в противоположную сторону»: Петр всячески отталкивал ее от себя.

¹ Записки Екатерины, 169—171.

Не только в записках Екатерины, но также и в других источниках говорится о склонности Петра к вину.¹ Екатерина рассказывает между прочим о следующем эпизоде: «Однажды, только что я успела заснуть, как пришел спать великий князь. Он был пьян до того, что не знал, что делал, и, улегшись, стал мне твердить о необыкновенных качествах своей красавицы, принцессы Курляндской. Чтобы заставить его замолчать, я притворялась спящею, но он, думая разбудить меня, начал говорить громче. Наконец, видя, что я не отвечаю, он раза два или три довольно сильно толкнул меня в бок кулаком и с ругательствами на крепкий сон мой повернулся и уснул. После таких толчков я много плакала в эту ночь, обдумывая мое положение, во всех отношениях неприятное и несносное».²

При таких обстоятельствах Екатерина, чувствуя себя в полном уединении, находила утешение в книгах. Ее обучение было как бы прервано путешествием в Россию. Вообще ее воспитание было отрывочным, неполным. Теперь ей приходилось пополнять пробелы в своих сведениях, причем она руководствовалась советами Гилленборга. Таким образом она легче всего могла избавиться от вредного влияния той среды, в которой находилась. Ни одна из женщин, ее окружавших, не пользовалась ее доверием и не была его достойна. Дружба с княгиней Дашковой относится к несколько позднему времени, к последним годам царствования императрицы Елизаветы. Связи с Салтыковым, Понятовским и Орловым также начались несколько позже. Первые восемь лет безотрадной брачной жизни Екатерины были посвящены самообразованию. В ее письме к г-же Бьельке (в 1766 году) сказано: «С 15-ти до 33-х лет у меня не было женщин, с которыми я могла бы разговаривать, и я смела иметь перед собою только горничных. Когда мне хотелось говорить, то надобно было приходиться в другой покой, где пахотились только мужчины. Таким образом, по привычке ли, по склонности ли, я могу хорошо разговаривать только с мужчинами».³

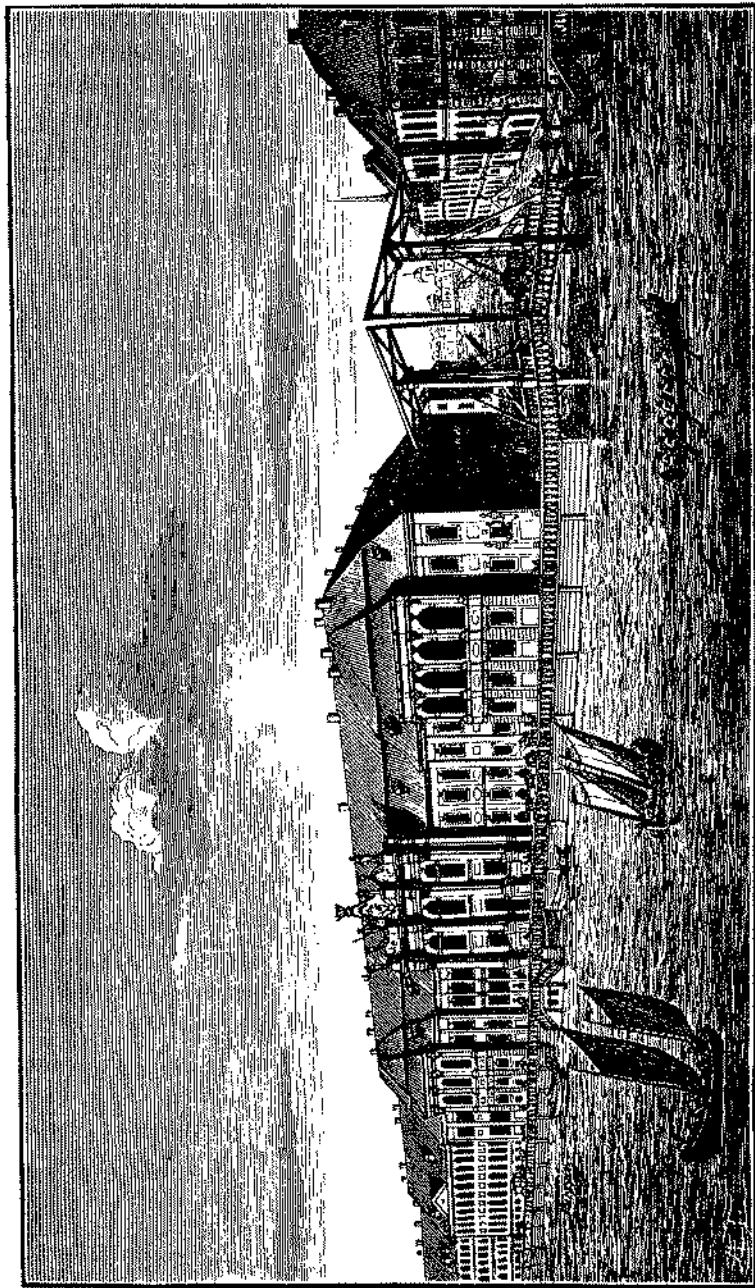
Кроме графа Гилленборга, еще прусский посланник, барон Мардефельд, давал великой княгине советы относительно выбора книг и занятий не только беллетристическими, но и серьезными сочинениями. Он же, как рассказано в одном современном источнике, предвещал ей великую будущность, самостоятельное царствование.⁴

¹ Зап. Ек., 84 и 145. «Архив князя Воронцова», V, 19. «Memoirs of the princess Dashkoff», I, 29. Штелин, Кастера и др.

² Записки Екатерины, 95.

³ «Сб. Ист. Общ.», X, 105.

⁴ Из книги Сумарокова «Черты Екатерины Великой», вышедшей в С.-Петербурге в 1819 году.



Зимний дворец в первой половине 18-го столетия.
С гравюры того времени Махаева.

Екатерина рассказывает в своих записках, что она сначала занималась чтением легких книг, а затем привыкла к чтению более серьезному. Она пишет: «После свадьбы я беспрестанно читала. Первая книга, прочтенная мною в замужестве, была роман под заглавием *Tiran le blanc*, и в течение целого года я читала одни романы. Но они стали мне надоедать; случайно мне попались Письма госпожи Севинье, которые я прочла с удовольствием и очень скоро. Потом мне подвернулись под руку сочинения Вольтера, и после них я стала разборчивее в моем чтении».¹

Вскоре после восшествия на престол Екатерина писала Вольтеру: «Могу вас уверить, что с 1746 года, когда я стала располагать своим временем, я чрезвычайно многим вам обязана. До того я читала одни романы, но случайно мне попались ваши сочинения; с тех пор я не переставала их читать и не хотела никаких книг, писанных не так хорошо и из которых нельзя извлечь столько же пользы... Конечно, если у меня есть какие-нибудь сведения, то ими я обязана вам».² В 1778 году она писала барону Гримму о Вольтере: «Он мой учитель; ему или, вернее, его сочинениям, я обязана образованием моего ума и головы. Я его ученица» и пр. Екатерина считала себя до того знакомою со стилем Вольтера, что бралась по слогу любого сочинения ответить на вопрос, написано ли оно Вольтером или нет.³

В своих записках Екатерина упоминает о разных прочитанных ей в то время книгах; таковы, например, записки Брантома, «История Генриха IV» Перефикса, «Церковная история» Барония, «История Германии» отца Барра, сочинения Платона, «О духе законов» Монтескье, словарь Бейля (*Pierre Bayle*) и пр. Довольно глубокое впечатление на Екатерину произвели исторические сочинения Тацита. «С картою на столе» она изучала пять томов разных путешествий. Как скоро стали являться выпуски энциклопедии Дидро и Даламбера, она усидчиво занималась изучением этого капитального труда.

Что касается Петра, то он, как видно из вышеупомянутой инструкции, составленной Бестужевым для Чоглокова в 1747 году, читал разве только романы. В записках Екатерины сказано о Петре: «Он накупил себе немецких книг, но что́ это были за книги! Часть их состояла из лютеранских молитвенников, другую составляли юридические процессы и расска-

¹ Записки Екатерины, 52.

² См. статью г. Грота в «Древней и Новой России», 1875, I, 122.

³ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 103, 113.

зы о разбойниках, грабивших по большим дорогам, повешенных или колесованных» и пр.¹

Чтение знаменитых французских писателей XVIII века во всяком случае могло считаться лучшим средством приготовления к управлению государством, чем игра в солдаты, которую занимался Петр Феодорович.

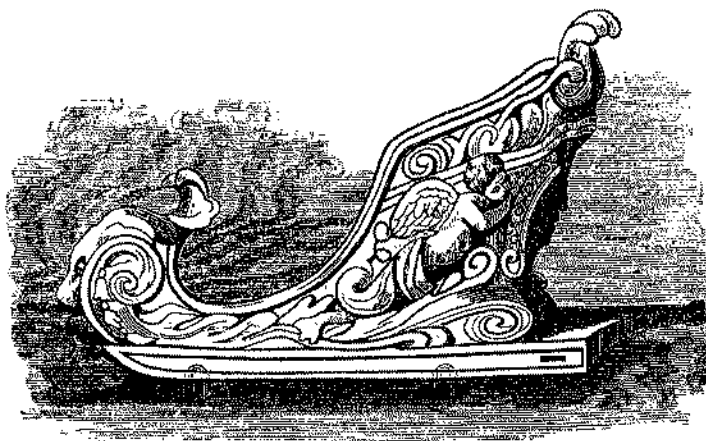


Катальная гора в Ораниенбаумском саду, построенная в 18 столетии.
С гравюры первой половины 19-го века.

Нельзя удивляться тому, что такое успешное развитие ума и способностей Екатерины доставило ей большое значение при русском дворе: она все более обращала на себя внимание той «публики», мнением которой, как мы видели, так дорожила. Английский посланник Уильямс (Williams) писал в 1755 году: «Как только она приехала сюда, то начала стараться

¹ Записки Екатерины, 86—87.

всеми средствами приобрести любовь русских. Она очень прилежно училась их языку и теперь говорит на нем в совершенстве (как говорят мне сами русские). Она достигла своей цели и пользуется здесь большою любовью и уважением. Ее наружность и обращение очень привлекательны. Она обладает большими познаниями о русском государстве, которое составляет предмет ее самого ревностного изучения. Канцлер говорил мне, что ни у кого нет столько твердости и решительности».¹



Катальная колясочка Екатерининского времени в Ораниенбауме.
С гравюры первой половины 19-го века.

К этому можно бы прибавить, что ни у кого не было столько идеализма, такой веры в необходимость прогресса, как у Екатерины. Ко времени с 1759 до 1762 года относятся собственноручные заметки Екатерины, имеющие характер и значение политической исповеди. Из этих афористических набросков видно, что Екатерина умела заниматься вопросами законодательства и администрации, что она мечтала о реформах, что она старалась вдумываться в то положение, которое ей было суждено занять немного позже. Кое-где встречаются обобщения, отвлеченные правила; местами встречается и доктринерство, которым отличалась «литература просвещения» того времени; везде, однако, заметны серьезное отношение к делу, надежда принести России пользу, чувство ответственности перед государством и народом.

¹ Соловьев, XXIV, 56.

Вот некоторые образцы этих заметок:

«Желаю и хочу только блага стране, в которую привел меня Господь. Слава ее делает меня славною. Вот мое правило, и я буду счастлива, если мои мысли могут в том содействовать».

«Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты: вот начало, от которого я отправляюсь».

«Свобода — душа всего на свете, без тебя все мертво. Хочу повиновения законам; не хочу рабов; хочу общей цели — сделать счастливыми, но вовсе не своею правя, не чудачества, не жестокости, которые несовместны с нею» (намек на необходимость отмены крепостного состояния крестьян).



Медаль «За полезные обществу труды». 1762

«Когда на своей стороне имеешь истину и разум, тогда это следует высказывать перед народом, объявляя ему, что такая-то причина привела меня к тому-то: разум должен говорить за необходимость. Будьте уверены, что он победит в глазах большинства».

«Власть без доверия народа ничего не значит. Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желает: примите в основу ваших действий, ваших постановлений благо народа и справедливость, никогда неразлучные. У вас нет и не должно быть других видов. Если душа ваша благородна, вот ее цель».

В других местах великая княгиня затрагивает частные вопросы администрации, говорит о началах теории населения, хозяйственной полиции, финансового управления, рассуждает о тех затруднениях, с которыми приходится бороться законодателю, о необходимости действовать крайне

осторожно в этой области. «Хотите ли вы уважения общества? — замечает Екатерина. — Приобретите доверенность общества, основывая весь образ ваших действий на правде и общественном благе». «По моему мнению, есть два правила при воспитании принца: это сделать его благодетельным и заставить его любить истину. Таким образом он сделается любезным пред Богом и у людей». «Пусть связывают мне руки, когда хотят помешать злу; но оставляйте меня свободною делать добро» и пр., и пр.

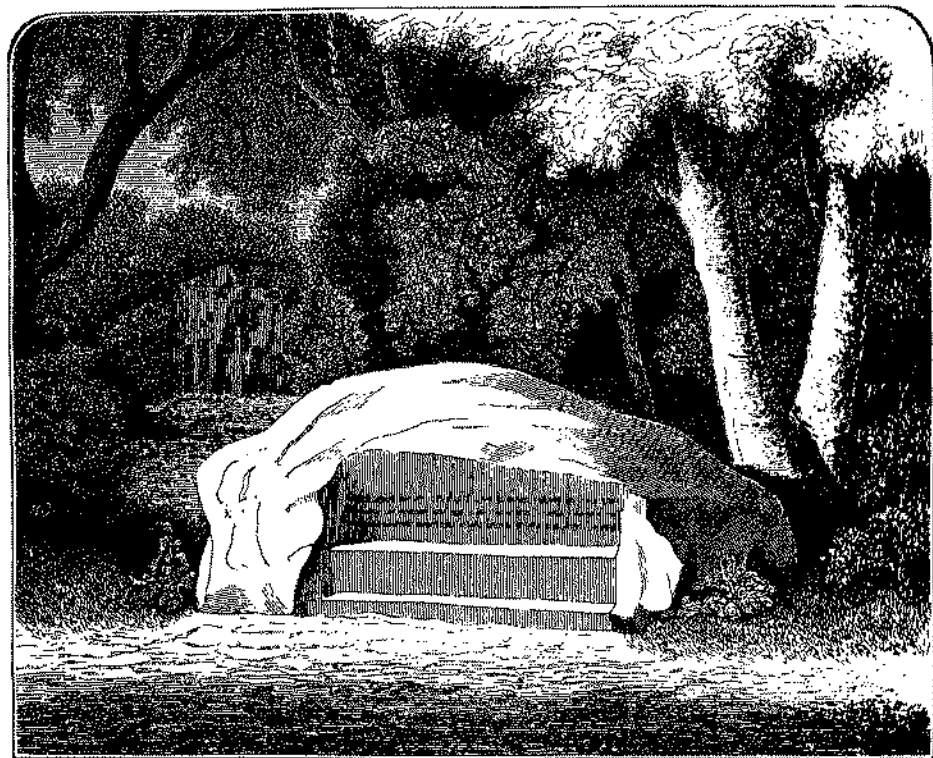
Как видно из этих немногих примеров выписок и заметок, сделанных Екатериною, она умела ценить пользу чтения серьезных книг. Сначала она читала от скуки, затем более и более привыкла к усидчивому труду. Множество вопросов затронуто в этих афористических набросках и эскизах великой княгини. Тут говорится и о женском образовании, и о судопроизводстве в отношении к несостоятельным должникам, о значении дворянства в обществе, о том, как можно помочь потере военных способностей во время мира, о причинах чрезвычайной смертности в России, о вопросах технологии, о неблагоразумии пытаться людей, вина которых не доказана, о делах Курляндии и Голштинии, о разведении устриц, о соединении Каспийского моря с Черным и пр.¹

Таким образом, Екатерина, считая возможным, что ей рано или поздно будет суждено управлять Россией, старалась приготовить к такой деятельности. В связи со стремлением сделаться способною к занятиям делами, она желала приобрести популярность, быть любимую и уважаемую всеми. Еще ко времени до свадьбы относится следующее замечание в записках Екатерины: «Больше чем когда-либо я старалась снискать расположение всех вообще, больших и малых. Никто не был забыт мною, и я поставила себе правилом думать, что я нуждаюсь во всех, и всячески приобретать общую любовь, в чем я и успела».² Особенно тщательно Екатерина старалась снискать расположение императрицы, причем руководствовалась советами женщин, ее окружавших. В позднейшее время она любила рассказывать, каким образом ей удалось расположить к себе большее число лиц при дворе и приобрести внимание и доверенность. Особенно она, по ее подробному рассказу в беседе с Н. П. Румянцевым, старалась угождать всем старушкам в высших слоях русского общества, так как заметила, что они имели некоторое влияние на общественное мнение при оценке лиц, находившихся при дворе. «И в торжественных собра-

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 82—101.

² Зап. Ек., 31.

ниях, — объясняла Екатерина, — и на простых сходбищах и вечеринках я подходила к старушкам, садилась подле них, спрашивала об их здоровье, советовала, какие употреблять им средства в случае болезни, терпеливо слушала бесконечные их рассказы об их юных летах, о нынешней скуке, о ветрености молодых людей; сама спрашивала их совета в разных делах и потом искренно их благодарила. Я узнала, как зовут их мосек, болонок,

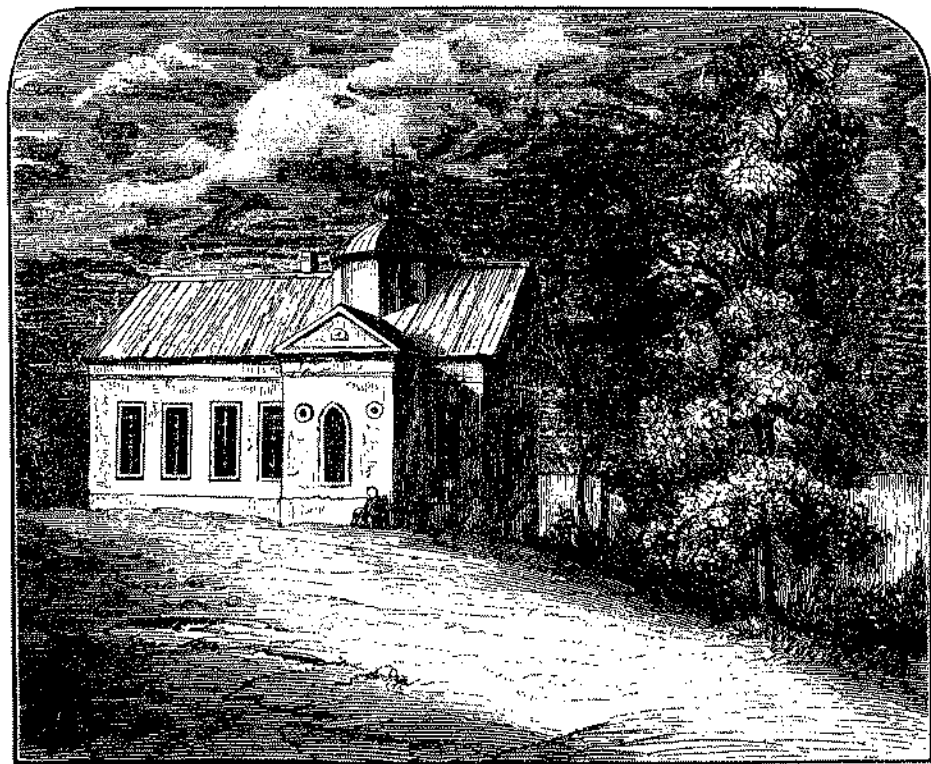


Любимое место отдохновения Екатерины II в Ораниенбаумском саду.
С гравюры первой половины 19-го века.

попугаев, дур; знала, когда которая из этих барынь именинница. В этот день являлся к ней мой камердинер, поздравлял ее от моего имени и подносил цветы и плоды из ораниенбаумских оранжерей. Не прошло двух лет, как самая жаркая хвала моему уму и сердцу послышалась со всех сторон и разлилась по всей России. Этим простым и невинным образом со-

ставила я себе громкую славу, и, когда зашла речь о занятии русского престола, очутилось на моей стороне значительное большинство».¹

Этот рассказ в сущности соответствует тому, что, хотя гораздо короче и проще, говорится на этот счет в записках Екатерины. В противоположность Петру, навлекшему на себя общее негодование и не пользовавшемуся никакою популярностью, Екатерина умела ценить то значение,



Голштинская церковь в Ораниенбауме, построенная Петром III.
С гравюры первой половины 19-го века.

которое имело для нее общее мнение, и довольно искусно, не без некоторой мелочности, не без некоторого хладнокровного расчета, выбирала средства для составления себе хорошей репутации.

¹ «Русский Архив», 1873, 336—337.

При всем том, впрочем, Екатерина, прибывшая в Россию в то время, когда ей было лишь пятнадцать лет, отличалась веселостью нрава, склонностью к разным шуткам и играм. Она не могла ограничиваться чтением книг, занятием вопросами, относящимися к ее политическому положению. У нее были своего рода причудливые забавы и увеселения. Вот что она пишет о своем житье-бытье в Ораниенбауме летом 1748 года: «Поутру я вставала в три часа и без прислуги с ног до головы одевалась в мужское платье. Мой старый егерь дожидался меня, чтоб идти на морской берег, к рыбацкой лодке. Пешком, с ружьем на плече, мы пробирались садом и, взяв с собою легавую собаку, садились в лодку, которой правил рыбак. Я стреляла уток в тростнике, на берегу моря, по обеим сторонам тамошнего канала, который на две версты уходит в море. Часто мы огибали канал и иногда сильный ветер уносил нашу лодку в открытое море» и пр.

Около этого же времени Екатерина пристрастилась к верховой езде. Она подробно рассказывает, как, около 1750 года, зная, что императрица не любила, чтоб она ездила по-мужски, заказала себе английское дамское седло, на котором ездила по-мужски в дамском платье. «В Ораниенбауме, — пишет Екатерина, — мы каждый Божий день ездили на охоту. Случалось иногда до тринадцати раз в день садиться на лошадь... Сказать по правде, я была очень равнодушна к охоте, но страстно любила верховую езду, и чем больше было в ней опасности, тем она была милее мне: если случалось, что лошадь убегала, я бросалась за нею и приводила ее назад. В это время также у меня в кармане постоянно бывала книга, которую я принималась читать, как скоро была одна». ¹ Немного позже, а именно в 1756 году, Екатерина начала изучать верховую езду систематически. «Я вставала в 6 часов утра, — сказано в ее записках, — одевалась по-мужски и шла в свой сад: там у меня было устроено особое место на чистом воздухе, служившее мне манежем. Успехи мои были так быстры, что часто Циммерман (учитель верховой езды) подбегал ко мне и в невольном восторге, со слезами на глазах, целовал у меня сапог... По правилу манежа, Циммерман, в награду трудов моих, подарил мне серебряные шпоры. В три недели я прошла весь курс верховой езды, и к осени Циммерман привел лошадь для вольтижирования» и пр. ²

¹ Записки Екатерины, 104—105.

² Там же, 183.

В этих упражнениях Екатерины вместе с некоторою молодецкою удалью обнаруживаются известного рода самостоятельность, крепкое здоровье, некоторый избыток физической силы, игривость молодости и веселость, иногда доходившая до резвости.

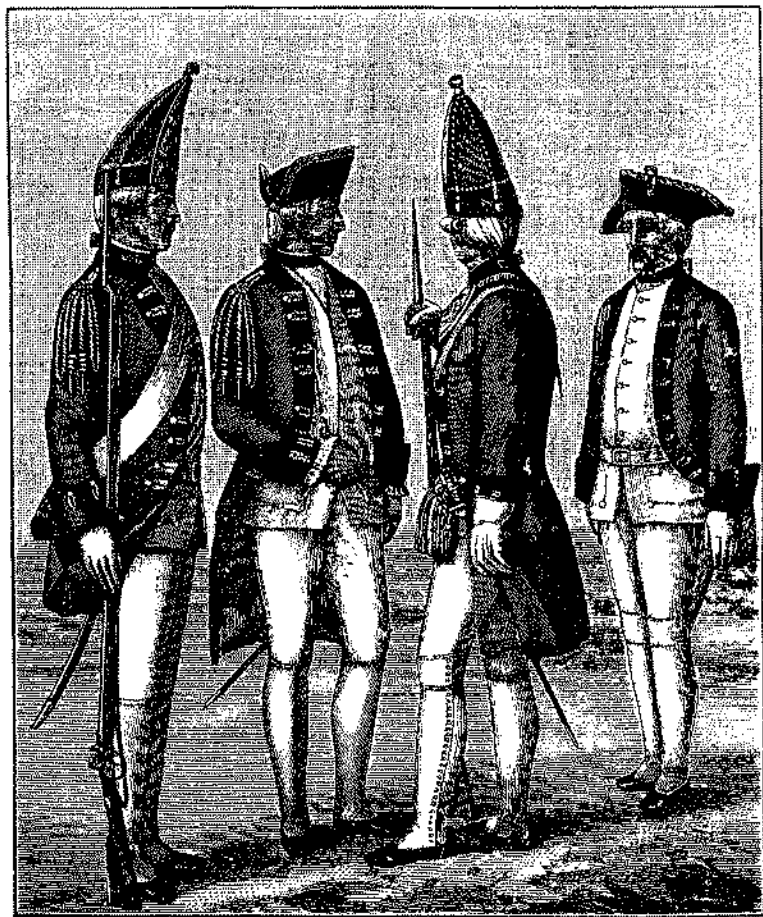


Форма голштинских войск при Петре III.

С рисунка, находящегося в «Описании одежд и вооружений русских войск».

Таково было развитие Екатерины в эпоху молодости и во время ее злосчастного брака с Петром. Страсть к занятиям, склонность к развлечениям, необычайное честолюбие не давали ей покоя. Не могла она довольствоваться скромными забавами в кругу фрейлин, охотою и верховою ездою, чтением книг и изучением теории государственного управления, и рано или поздно должна была идти дальше. Ее прошедшее было скромным, бесцветным существованием; теперь же ей представилась возможность занять одно из первых мест в мире; ее ожидали слава и пышность

короны; она не могла не думать об удовлетворении своего безграничного честолюбия. Судьба связала ее лишь внешним образом и как бы случайно с человеком, стоявшим и физически, и нравственно, и умственно несравненно ниже ее. И прирожденные способности, и внешние обстоятельства,



Форма голштинских войск при Петре III.

С рисунка, находящегося в «Описании одежд и вооружений русских войск».

и личный интерес, и интересы России заставляли великую княгиню искать для себя вполне самостоятельного пути, воспользоваться своим положе-

нием для достижения своих целей. При таком различии темпераментов, характеров, способностей и наклонностей Петра и Екатерины нельзя удивляться тому, что история их брака представляет собою целый ряд недоразумений, столкновений; первоначальная холодность и невнимание превратились в ненависть.

Екатерина в 1767 году в письме к г-же Бьельке, говоря о датской королеве Каролине Матильде, заметила: «Мне жаль бедной королевы... нет ничего хуже иметь мужем ребенка. Я опытна по этой части,¹ и принадлежу к числу тех женщин, которые думают, что всегда виноваты мужья, если они нелюбимы, потому что поистине я бы очень любила своего, если бы представлялась к тому возможность и если б он был так добр, что желал бы этого».²

Это замечание написано после кончины Петра. Зато следующий отзыв, как кажется, прямо касающийся Петра Феодоровича, написан накануне его вступления на престол и встречается между собственноручными заметками великой княгини: «Человек, несправедливо нападающий на нас или отказывающий нам в том, что достоин нам, разрывает сам связи, соединяющие его с нами, и таким образом по собственной вине уничтожает обязательства, которые налагали на нас эти связи».³

Мы уже знаем, что тотчас после свадьбы Екатерина жаловалась на невнимание к ней мужа. Достоин внимания следующий намек на некоторую холодность отношений Петра к Екатерине в это время. В письме к г-же Бьельке от 24 апреля 1774 года говорится о ложном слухе относительно беременности великой княгини Наталии Алексеевны; к этому прибавлено: «На этот счет я не чувствую нетерпения, да и не имею права на то: у меня у самой не было детей в продолжение девяти лет супружества; правда, впрочем, что обстоятельства были другие».⁴ Быть может, это последнее замечание состоит в некоторой связи с рассказом Штелина, что врачи, принимая во внимание физическую слабость великого князя, советовали отсрочить свадьбу. Из записок Екатерины мы узнаем, что императрица Елизавета немало была озабочена тем, что брак Петра с Екатериною так долго оставался бесплодным.⁵

20 сентября 1754 года Екатерина родила сына Павла. Лишь только его спеленали, императрица приказала повивальной бабке взять ребенка и следо-

¹ «Je sais se qui en vaut l'aune».

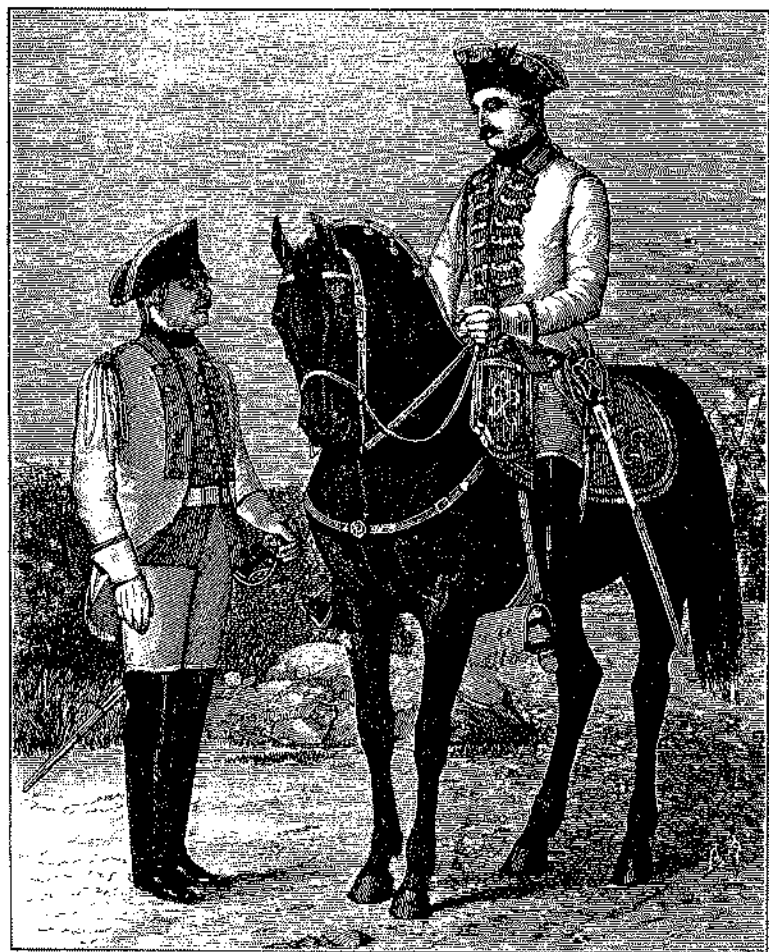
² «S'il avait eu la bonté de le vouloir». «Сб. Ист. Общ.», X, 164.

³ «Сб. Ист. Общ.», VII, 10.

⁴ Там же, XIII, 100.

⁵ Записки Екатерины, 93.

вать за ней. Екатерина видела своего сына чрезвычайно редко. Рождение его не содействовало сближению великой княгини с супругом.



Форма голштинских войск при Петре III.

С рисунка, находящегося в «Описании одежд и вооружений русских войск».

9 декабря 1758 года Екатерина родила дочь; она просила императрицу, чтоб та позволила назвать ребенка ее именем, но Елизавета дала ей имя старшей сестры своей, герцогини Голштинской, Анны Петровны.

Тем временем разлад между супругами не прекращался. Императрица была несколько озабочена этим обстоятельством. Недаром в наказе Чоглокову императрица вменяла ему в обязанность наблюдать за тем, «чтобы между их императорскими высочествами ни малейшее несогласие не происходило, наименьше же допускать, чтобы какое преогорчение вкоренилось».¹



Форма голштинских офицеров при Петре III.

С рисунка, находящегося в «Описании одежд и вооружений русских войск».

Нельзя было избежать «вкоренения преогорчения». В записках Екатерины заключается полная история этого брака. Не щадя мужа, Екатерина не скрыла и своих поступков и походов, о которых говорит с поразительной откровенностью.

¹ Соловьев, XXIV, 52.



И.-Я. Меттенлейтер. Внутренний вид казармы.



И.-Я. Меттенлейтер. Гусары, обедающие у палатки.

Положение Екатерины заставляло ее подчас действовать непрямо и неоткрыто. Ей запрещали переписываться с матерью: она, несмотря на это, находила возможность сохранять некоторую связь с Иоганною-Елизаветою. За ней надзирали; она весьма часто, несмотря на строгий надзор, действовала вполне самостоятельно, по своему усмотрению. Императрица запретила ей ездить верхом по-мужски; она же изобрела седло особой конструкции и придумывала для себя костюмы, с целью и в этом отношении избежать надзора и иметь свою волю. Сохраняя внешний вид смирения и уступчивости, она в душе стояла выше лиц сильнейших. Не имея ни друга, ни руководителя, великая княгиня, предоставленная самой себе и на каждом шагу чувствуя меру зависимости от внешних обстоятельств, а притом обладая широким и проницательным умом, не могла не привыкнуть к обдуман-ным, расчетливым действиям, к несколько сложной системе обращения с людьми, ее окружавшими. Все это в соединении с страстною натурою молодой женщины объясняет, почему были возможны отношения Екатерины к Салтыкову, Понятовскому, Григорию Орлову. При дворе, где фаворитизм играл столь важную роль, где каждый был занят своими частными интересами, более или менее тайными сношениями с разными лицами, и Екатерина должна была рано или поздно искать опоры в подобных сношениях.

Такого рода события не могли не содействовать полнейшему разладу между Петром и Екатериною. Оба они находились в некотором апатизме с императрицей. Это обстоятельство не могло, однако, повести к сближению, к заключению некоторого союза между ними. Петр сильно чувствовал перевес своей супруги; во многих случаях он доверял ей свои тайны, руководствовался иногда ее советами. Вообще, однако, при различии права и способностей идти вместе, опираться друг на друга было невозможно. Еще во время царствования императрицы Елизаветы между супругами происходили столкновения, предвещавшие дальнейшие кризисы в будущем. Об одном подобном эпизоде, случившемся в 1755 году, рассказано в записках Екатерины следующее: «Однажды, после обеда, великий князь явился ко мне в комнату и стал говорить, что я начинаю быть невыносимо гордою и что он сумеет меня образумить. Я спрашивала, в чем заключается моя гордость. Он отвечал, что я хожу чересчур прямо. Я спрашивала, разве для того, чтобы быть ему угодно, следует ходить согнувши спину, как рабы Великого Могола. Он рассердился и сказал, что он непременно меня образумит. Как же? — спросила я. Тогда он приклонился спиною к стене, обнажил до половины шпагу и показал ее мне. Я спросила его, что это значит; если он вздумал со мною драться, то мне



Великий князь Павел Петрович в 1758 году.
С гравированного портрета 18-го века Грекова.



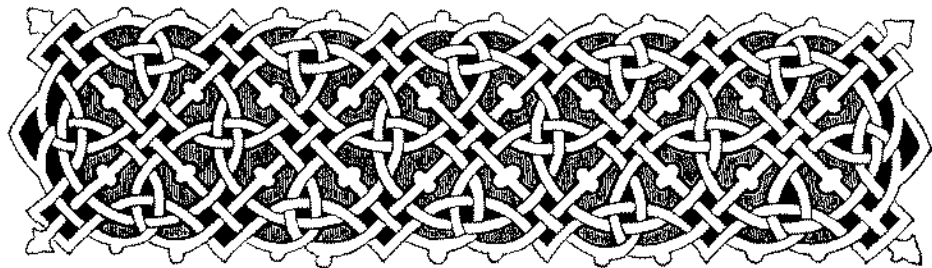
Принц Фридрих-Август Ангальт-Цербстский (брат Екатерины II).
С гравированного портрета Бернигерота.

тоже нужно иметь шпагу. Тут он вложил полюбленную шпагу в ножны и сказал, что я сделалась страшно зла» и пр.¹

Как видно, предстоял поединок между Петром и Екатериною. Борьба была неровна, и в безусловной победе Екатерины нельзя было сомневаться.



¹ Записки Екатерины, 167.



Глава III. Участие в политических делах до 1761 года



жду императрицей и «молодым двором» существовали подчас несколько натянутые отношения. Однако при разладе между Петром и Екатериною, при различии их нравов и способностей нельзя удивляться тому, что образ действий Петра относительно Елизаветы резко отличался от поступков великой княгини. Петр всегда действовал легкомысленно, увлекаясь мимолетными побуждениями и обнаруживая полнейшую неспособность к занятиям политическими вопросами; у него не доставало ни сосредоточенности, ни пронзительности, ни мужества для того, чтобы образовать для себя какую-нибудь партию или разыгрывать какую-либо политическую роль. Екатерина, напротив, имела приверженцев, искала себе союзников, образовала для себя сильную партию; в минуты опасности она обнаруживала необычайное хладнокровие и присутствие духа. Ни на мгновение она не упускала из виду той главной цели, на которую были устремлены ее взоры с первой минуты пребывания в России. Приближаясь мало-помалу к этой цели, она не была разборчива в средствах для составления себе более выгодного положения. При ее громадных способностях, при ее железной воле нельзя было сомневаться в успехе.

Странно, что многим современникам бывший император Иоанн Антонович и великий князь Петр Федорович казались более опасными претендентами, чем Екатерина.

Рассказывали, что в 1749 году, во время опасной болезни императрицы, в кружках царедворцев зашла речь о замещении престола и что

многие лица изъявили готовность, в случае кончины Елизаветы, возвести на престол Иоанна Антоновича.¹ В более скромных сферах русского общества, хотя лишь временно, обнаруживалось некоторое сочувствие к Петру Феодоровичу. Дело дошло даже до заговора в пользу великого князя.



П. Г. Ротундов.

В. Е. Чамисовъ.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

в с и в ц б о т . I .

И.И. Шувалов.

С редчайшего гравированного портрета Чамисова, из собрания П.Я. Дашкова.

¹ Herrmann, «Gesch. d. russ. Staats», V, 106.

В 1749 году летом двор находился в Москве. В это же время между заводскими крестьянами около древней столицы происходили волнения и беспорядки, которыми задумал воспользоваться подпоручик Ширванского пехотного полка Иоасаф Батуриин для решительных действий в пользу великого князя. Успех государственного переворота в 1741 году мог внушить честолюбивому авантюристу мысль о возможности подобной же попытки в пользу племянника императрицы Елизаветы. В 1741 году оказалось делом весьма нетрудным устранить при помощи немногих офицеров и солдат Брауншвейгскую фамилию; теперь же Батуриин считал легко возможным устранение императрицы и ее фаворита Разумовского при помощи шайки заводских крестьян. Петр, узнав об этом намерении, с одной стороны одобрял столь безумные предположения, с другой — сильно трусил и не решался принять участие в этом деле. Заговор был открыт, и Петр, узнав об аресте некоторых сообщников своих, находился в ужасной тревоге. Каждую минуту он ожидал, что и его подвергнут следствию. Екатерина в своих записках говорит в насмешливом тоне об отсутствии в великом князе всякого мужества при этом случае, и как он в страшном волнении сообщил ей некоторые подробности об этой важной тайне. Впрочем, заговор Батурина не имел последствий для Петра. Батуриин и его товарищи несколько лет просидели в заключении.¹ Этот эпизод показал, что Петр не мог считаться опасным претендентом. Екатерина была права, сделав при этом случае мужу выговор за то, что он неблагоприятно связался с егерями и псарями и внимательно выслушивал их болтовню о нелепых предприятиях полупомешанного подпоручика.

Хотя великий князь и не был привлечен к суду, но такого рода события, как заговор Батурина, не могли содействовать сближению между Петром и императрицей Елизаветой. Опека и надзор над всеми действиями великого князя и его супруги были усилены и становились невыносимыми. Не без основания в одной биографии Петра, составленной вскоре после его кончины, было сказано, что его при императрице Елизавете содержали «как бы под легким арестом, будто государственного преступника».² В первое время брака Петра ребяческие забавы его и полнейшее от-

¹ Записки Екатерины, 109. Статья г. Барсукова о Батуриине в «Древней и Новой России», 1875, I — 170 и след. Соловьев, XXIII, 208, по ошибке относит этот случай к 1753 году.

² «Wie ein in gelindem Arrest befindlicher Staatsgefänger»; «Die merkwürdige Lebensgeschichte des unglücklichen russischen Kaisers Peters des Dritten». Leipzig, 1773, 161.

сутствие такта в нем до того раздражили императрицу, что она имела с племянником довольно серьезные объяснения, причем заметила ему, что он, вероятно, забыл, чем ей обязан, что она считает его неблагодарным, что



Генрих, граф фон Брюль, премьер-министр Саксонии при Августе III.
С гравюры Г.Ф. Шмидта.

у ее отца, Петра I, был неблагодарный сын, которого он наказал, лишив наследства, и пр.¹ Кто обнаруживал некоторую привязанность к великому князю, того удаляли немедленно. Были найдены краткие записки императрицы Елизаветы, в которых высказано сильное негодование на Петра.² Однажды

¹ Записки Екатерины, 40.

² «Чтения», 1867, IV. Смесь, 28.

он обратился к фавориту императрицы Ивану Ивановичу Шувалову с просьбою содействовать укрощению гнева тетки и выхлопотать ему несколько большую свободу в действиях. Из нескольких кратких записок Петра к Шувалову видно, что он проигрывал в карты довольно значительные суммы, что он просил денег на покрытие долгов, желал на год или на два уехать за границу для поправления здоровья; эти записки свидетельствуют о сильном душевном расстройстве великого князя.¹

В таком положении Петр не мог не желать большей самостоятельности, освобождения от опеки своей тетки. Он не мог не мечтать о своем воцарении. Екатерина замечает, что однажды, узнав об опасности болезни императрицы, великий князь казался чуть ли не обрадованным. Незавидное положение Петра в этом отношении походило на положение царевича Алексея Петровича при Петре Великом.

Ни Петр Федорович, ни Алексей Петрович по слабости характера и умственных способностей не могли сделаться заговорщиками. Это, однако, не мешало ни тому ни другому заниматься тайными интригами, затрагивать вполне независимо разные политические вопросы и действовать наперекор видам правительства. Во время Семилетней войны Петр чуть ли не был изменником, находясь в тайных сношениях с Фридрихом II и обнаруживая крайнюю радость при получении известий о победах прусских войск над русскими. При всем том, однако, у него не было точной политической программы. Его образ мыслей и действий не столько был основан на убеждении политических выгод сближения с Пруссией, сколько лишь на личном расположении к Фридриху II. Не владея достаточными средствами для того, чтобы оказать действительную помощь Пруссии, он в сущности не мог сделаться опасным императрице Елизавете и ее политической системе.

Совсем иначе держала себя Екатерина, располагавшая гораздо большими средствами, умевшая притворяться, образовавшая себе партию и готовая, в крайних случаях, приступить к чрезвычайно смелым действиям.

Довольно часто в записках Екатерины встречаются более или менее резкие отзывы о личности Елизаветы. Зато ей нравилась необычайная красота императрицы. Замечания о мелочности характера последней подтверждаются разными фактами, между прочим и наказом, составленным в

¹ «Русский Архив», 1866, 580—583. О долгах см. «Русскую Старину», I, 199, V, 675; XXIII, 197.



Граф Михаил Илларионович Воронцов.
С гравюры Шмидта, сделанной с портрета, писанного в 1757 г. Токе.



Cyrillus Comes Rasumowsky

*S. P. Maj. Peruae Russiae ad utrumque Ripam Borysthenis Copiarumque trans Cataractas
Dux, Camerarius, Milit. Praetorianus, Ismailowensium Praefectus, Imp. Acad. Scient. Petropolit. Praes.,
Ordinarius S^{ts} Andreae, S^{ts} Alexandri, Aquilae ubrae, et S^{ts} Annae Eques*

K. A. K. J. B. M. A. R. G. E. T.

Граф Кирилл Григорьевич Разумовский.

С гравюры Шмидта, сделанной с портрета, писанного в 1758 г. Токе.

1746 году по приказанию Елизаветы, для лиц, окружавших молодую чету.¹ Недаром в новейшее время было указано на различие между этой инструкцией и составленными позже Екатериною правилами, которыми должна была руководствоваться невеста и супруга цесаревича Павла Петровича.² Мелочность опеки над Екатериною и Петром доходила до крайних пределов. Никто не мог без особого разрешения Чоглоковых, имевших надзор над великокняжескою четною, явиться в покои Петра или Екатерины; довольно часто Елизавета отзывалась неблагоприятно о Екатерине; не раз обнаруживалось некоторое невнимание к сохранению здоровья великой княгини. При столь стесненном во всех отношениях положении Екатерина не могла не желать приобретения тайных доброжелателей, союзников; показывая вид полнейшего равнодушия к политическим вопросам, совершенной покорности, безусловного смирения, великая княгиня занялась приведением в исполнение широкой политической программы.

Мы помним, что отец Екатерины, расставаясь с ней, советовал ей уклоняться от всякого участия в политических делах. Также и в инструкции, составленной для Чоглоковых по приказанию императрицы, заключалось предписание строго наблюдать за тем, чтобы великая княгиня никоим образом не принимала участия в русских или голштинских государственных делах. При характере Екатерины соблюдение подобных правил было немислимо.

Петр сближался преимущественно с лакеями, егерями и псарями. Екатерина со времени своего приезда в Россию служила предметом внимания наиболее выдающихся сановников, которые, ввиду предстоявшей перемены на престоле, искали расположения Екатерины. Мы узнаем, что иностранные дипломаты чрезвычайно невыгодно отзывались о великом князе. Совсем иначе они относились к Екатерине. Многие лица считали весьма вероятным, что рано или поздно она займет первое место в государстве.

Таким образом, великая княгиня, сначала игравшая чрезвычайно скромную роль, мало-помалу приобретала весьма важное значение и даже сделалась средоточием некоторой политической агитации.

В своих записках Екатерина откровенно говорит о том, что при всем несчастье брака с жалким Петром, при всей неловкости ее положения при дворе вообще, ее поддерживала мысль о будущем. Чем опаснее станови-

¹ «Архив князя Воронцова», II, 98—111.

² Г. Грот в «Древней и новой России» 1875, I, 131—134.

лось положение ее супруга, навлекшего на себя общее нерасположение, тем более систематически она мечтала о своем величии. «Я увидела, — писала она впоследствии, — что мне остаются на выбор три, равно опасные и трудные пути: 1-е, разделить судьбу великого князя, какая она ни будет; 2-е, находиться в постоянной зависимости от него и ждать, что ему



Степан Федорович Апраксин.
С портрета, принадлежащего Эрмитажу.

удобно будет сделать со мною; 3-е, действовать так, чтобы не быть в зависимости ни от какого события. Сказать яснее, я должна была либо погибнуть с ним или от него, либо снасти самое себя, моих детей и, может

ыть, все государство от тех гибельных опасностей, в которые несомненно ввергли бы их и меня нравственные и физические качества этого осударя. Последний путь казался мне наиболее надежным; поэтому я ешила по-прежнему, сколько могла и умела, давать ему благие соеы, но не упорствовать, когда он мне не следовал, и не сердить его, как режде; указывать ему его настоящие выгоды всякий раз, как предстаится к тому случай, но в остальное время хранить самое строгое молчане, и, с другой стороны, соблюдать свои интересы по отношению к ублице, так, чтобы сия последняя видела во мне спасительницу общественного блага».¹

Очевидно, Екатерина делалась претендентом на престол; она не только была советником, сколько соперником мужа; она предвидела, что неизбежные кризисы в государственной жизни России предоставят ей нечто вроде диктатуры. При необычайной решимости нрава и обдуманности воих действий вообще, Екатерина не могла довольствоваться пассивною олюю. Люди опытные, как, например, Бестужев, не считали возможным, тобы царствование Петра было продолжительно; Мардефельд, как уверяют, сказал однажды Екатерине: «Вы будете царствовать, или я совсем лупец». Ее духовный отец не раз говорил ей, что на нее обращено внимание всего русского общества. С разных сторон выражались желания войти сношения с великой княгиней, снискать ее расположение.

Мало-помалу вопрос о том, что будет с Россией после кончины императрицы, становился жгучим, животрепещущим. При слабом здоровье Елизаветы, при постоянно возобновлявшихся с ней в пятидесятых годах «лезненных и опасных припадках, нельзя было не заняться этим вопросом. От решения его зависело благо всей России внутри и успех внешней олитики. Нельзя было при обсуждении этих вопросов не взвешивать меду влияния отдельных лиц, на участие которых можно было рассчитывать минуту перемены на престоле. Люди, враждебные друг другу, мечтали о ближии и примирении ради избежания опасных переворотов. При толь натянутом положении происходили между разными сановниками ереговоры, о которых, понятно, сохранились лишь скудные и отрывочные сведения в исторических источниках.

С особенно напряженным вниманием английский дипломат Уильямс биллодал во время начала Семилетней войны за настроением умов при русском дворе. Он сообщает в донесениях своему правительству, что ве-

¹ Записки Екатерины, 218.

лика княгиня весьма деятельна, что ее очень любят, но что некоторые люди ее боятся; что лица, приближенные к императрице, стараются сблизиться с ней.¹ То были Разумовские и Шуваловы. «Императрица никого не видит и не слушает, как только Шуваловых», — пишет голландский резидент в это время.² И вот именно Шуваловы предложили Екатерине свои услуги. Предложение было сделано сперва через князя Трубецкого, потом через племянника его, Ивана Ивановича Бецкого. Екатерина отвечала, что согласна сблизиться с Шуваловыми, если они будут вполне содействовать ее видам. Узнав об этих переговорах, Уильямс, опасавшийся Шуваловых за их привязанность к Франции, в письме к великой княгине представлял, что Шуваловы, боясь восшествия на престол Петра, который будет мстить им за действия против Пруссии, и не любя Екатерины за ее дружбу с Разумовскими и Бестужевым, будут хлопотать с помощью французского и австрийского послов, чтобы наследником был провозглашен великий князь Павел, а родители его удалены из России. Екатерина отвечала, что Елизавета при жизни своей не отстранит племянника от престола; а если захотят что-нибудь сделать в минуту ее смерти, то она, Екатерина, сумеет разрушить замысел. «Или умру, или буду царствовать», — сказано в письме Екатерины к Уильямсу.

Для успокоения Уильямса Екатерина сообщила ему свой план действий в минуту смерти Елизаветы: «Я иду прямо в комнату моего сына; если встречу Алексея Разумовского, то оставлю его подле маленького Павла; если же нет, то возьму ребенка в свою комнату. В ту же минуту посылаю доверенного человека дать знать пяти офицерам гвардии, из которых каждый приведет мне 50 солдат, и эти солдаты будут слушаться только великого князя или меня. В то же время я посылаю за Бестужевым, Апраксиным и Ливеном, а сама иду в комнату умирающей, где заставлю присягнуть капитана гвардии и оставлю его при себе. Если замечу малейшее движение, то овладею Шуваловыми».

Екатерина имела тайное свидание с гетманом Кириллом Разумовским, который уверял ее в успехе ее дела, уверял, что Измайловский полк, в котором он был подполковником, последует за ним. Екатерина просила гетмана забыть прежнюю вражду его с Бестужевым, потому что все ее друзья должны действовать заодно. В одном письме к Уильямсу Екатерина писала: «Иоанн Васильевич (царь) хотел уехать в Англию; но я не на-

¹ «La cour de la Russie il y a cent ans», 138.

² Raumer, «Beiträge z. neuen Gesch.», II, 453.

мерена просить убежища у английского короля, потому что решила или царствовать, или погибнуть».

Сенатор Бутурлин обещал говорить на конференциях по внушениям Екатерины. «Хотя, — сказала она, — это человек слабого характера и наклонен к плутовству, однако можно и из него извлечь пользу».

Переговоры с Шуваловыми тоже продолжались. Екатерина прямо написала к Ивану Ивановичу Шувалову, предлагая союз с прежним условием: Шуваловы должны делать все для нее в настоящем, она все для них в будущем. Письмо повез один из приближенных к молодому двору людей, Лев Нарышкин, и, возвратясь, рассказывал, что Шувалов, прочтя письмо, пришел в восторг, бросился на колена пред образом и долго оставался в религиозном экстазе. Насколько Нарышкин, по своему обычаю, позволил себе преувеличения, чтоб посмеяться над фаворитом, это остается неизвестным.¹

Шуваловы были важны для Екатерины вследствие близких отношений с императрицей Елизаветой. Гораздо большее значение в области политики имел Бестужев.

Мы видели выше, что Бестужев сначала был крайне недоволен приездом принцессы Ангальт-Цербстской в Россию, что он находился в натянутых отношениях с матерью великой княгини и что им была составлена для лиц, окружавших Екатерину, инструкция, стеснявшая свободу ее действий. Тем важнее была коренная перемена, происшедшая в 1753 году в отношениях между канцлером и великой княгиней.

Екатерина рассказывает о своем сближении с Бестужевым следующее: «С целью уменьшить число врагов Салтыкова мы уговорились, чтобы я сказала несколько любезностей графу Бестужеву и тем уверила его, что я не так чуждаюсь его, как прежде. Посредником в этом деле я выбрала некоего Бремзе, служившего у Пехлина в голштинской канцелярии. Он с большою готовностью взялся за мое поручение и уведомил меня, что граф Бестужев обрадовался всем сердцем и сказал, что готов быть мне полезным и что я могу располагать им всякий раз, как то будет нужно мне».² Затем Салтыков играл роль посредника между Екатериною и Бестужевым.

Недавно были открыты новые данные об этих событиях в переписке саксонского дипломата Функе с Брюлем и в переписке между Екатериною и ее матерью. Из этих писем видно, что Бестужев уже в начале 1754 года стремился к тому, чтобы предоставить Екатерине некоторое участие в

¹ Соловьев, XXIV, 61—65.

² Записки Екатерины, 134—135.

управлении голштинскими делами и что такое желание Бестужева находилось в связи с его более обширным планом доставить Екатерине возможность управлять делами вообще во время царствования Петра. Весною 1754 года Функе доносил, что с некоторого времени Екатерина во всех своих действиях руководствуется советами Бестужева, что последний поддерживает тайную переписку великой княгини с ее матерью и что канцлер и Екатерина заняты особенно важными делами.¹



Графиня Елизавета Романовна Воронцова.

С миниатюры того времени, писанной акварелью и принадлежащей М.И. Пьяеву.

Участвовать в управлении Голштинией оказалось делом весьма нелегким для Екатерины. В ее записках рассказано подробно о том, каким

¹ См. статью Германа «Der russische Hof unter der Kaiserin Elisabeth» в сборнике «Historisches Taschenbuch». Leipzig, 1882, 302—303.

образом она, благодаря неохоте Петра к труду вообще, стала участвовать в решении голштинских вопросов. Мало-помалу она вместо него начала управлять Голштинией.¹ Все это могло считаться как бы приготовлением к событиям 1762 года. В начале 1755 года Петр подписал рескрипт, на основании которого Екатерина уполномочивалась заниматься голштинскими делами. Сообщая об этом факте, саксонский дипломат замечает, что все это было устроено канцлером с тою целью, чтобы «впоследствии было легче мало-помалу вручить великой княгине кормило правления». То же самое сказано в одной записке канцлера к Екатерине, в которой прямо указано на «другой, важнейший, относящийся к будущности проект, составленный для личной славы великой княгини и для благоденствия империи».² Своей матери Екатерина писала в марте 1755 года, что с некоторого времени великий князь предоставил ей управление голштинскими делами, и при этом случае, как и вообще несколько раз, Екатерина, переписываясь с матерью, восхваляла Бестужева, называя его лучшим другом и говоря о вечной благодарности за его благосклонное внимание.³

Около 1756 года сношения Екатерины с английским послом Уильямсом сделались довольно важными. Этот дипломат не сомневался в том, что Екатерина рано или поздно будет царствовать. При болезненном состоянии Елизаветы Уильямс считал весьма вероятною скорую перемену на престоле. При этом случае он надеялся играть такую же роль, какую играл французский дипломат Шетарди при воцарении Елизаветы. Уильямс рассчитывал на то, что ему удастся при помощи Екатерины противодействовать сближению России с Францией.

В своих донесениях Уильямс сообщает кое-какие подробности о беседах с великою княгиней; он был очень рад ее расположению к Англии. Мы узнаем, что не только Бестужев и Воронцов получали английские деньги, но что также и Екатерина благодаря английскому правительству располагала денежными средствами для того, чтобы действовать в пользу Англии. Она объясняла Уильямсу, что ничего нельзя сделать без денег, что нужно подкупить женщин, окружающих императрицу, и что для этого необходимо 20 000 червонцев. Ей тотчас же была выдана эта сумма, причем она обещала употребить ее не иначе как на пользу Англии, и возвратить, буде возможно, эти деньги в позднейшее время.⁴ И действительно, в

¹ Записки Екатерины, 195.

² См. вышеупомянутую статью Германа, 304—307.

³ Там же, 307—308.

⁴ См. расписки Екатерины в получении денег в «Сб. Ист. Общ.», VII, 73.

1764 году между графом Паниным и английским послом Букнингемом зашла речь об этой сумме. Панин говорил о твердом намерении императрицы возвратить эти деньги; английское правительство затруднялось принять их.¹

Сношения Екатерины с Уильямсом продолжались до 1759 года, когда он должен был оставить Россию. О характере этих сношений можно судить по письму Екатерины, писанному по случаю отъезда Уильямса. Здесь сказано: «Не имея возможности вас видеть, я решилась вам написать, чтобы с вами проститься; самое искреннее сожаление относится к тому, на которого я смотрю, как на одного из лучших моих друзей, чье поведение привлекло все мое уважение и дружбу. Я никогда не забуду, чем вам обязана. Чтобы вознаградить вас согласно с благородством ваших чувствований, вот что я сделаю: я буду изыскивать всевозможные случаи направлять Россию на то, что я нахожу для нее выгодным, именно, быть тесно связанной с Англиею... Я весьма рада, что благо России заставляет меня оказать Англии признательность за личные мне одолжения со стороны его величества, о котором я буду вспоминать с величайшею благодарностью. Прошу вас дружески устроить к лучшему то, что вам поручено. Поверьте, что я более всего желаю вернуть вас сюда с торжеством. Я надеюсь, что когда-нибудь король, ваш государь, не откажет мне в просьбе снова вас увидеть» и пр.²

Из всех этих данных видно, каким образом Екатерина была занята мыслью о будущем своем царствовании. Нет сомнения, что тогда уже она мечтала о возможности устранения Петра.

Эту же самую цель имели в виду обе партии, существовавшие при дворе Елизаветы: Шуваловы и Бестужев. Однако предположения обеих партий отличались одно от другого, хотя мы и не располагаем достаточными данными, чтобы составить себе точное понятие о их мыслях и проектах.

В письме одного из дипломатов, пребывавших в России, сказано в октябре 1757 года: «Один Бог ведает, кто будет наследником в случае смерти императрицы, что может случиться внезапно, и даже не считается отдаленным, судя по состоянию здоровья ее величества... никто ничего не ожидает от великого князя. Канцлер начинает также сомневаться, чтобы он мог успеть поставить во главе правления этого государства великую княгиню и великого князя... каждый верит, что есть непременно духовное завещание,

¹ «Сб. Ист. Общ.», XII, 162.

² «Чтения», 1870, III. Смесь, 41—42.

сделанное в пользу юного великого князя, за исключением его отца; думают, что граф Шувалов будет назначен правителем» и пр. К этому прибавлено, что Шуваловы для приведения в исполнение своих проектов рассчитывали на содействие фельдмаршала Апраксина, находившегося в то время с войском в Пруссии.¹

Обыкновенно то обстоятельство, что Апраксин после битвы при Гросьегерндорфе (в августе 1757 года) отступил вместо того, чтобы воспользоваться результатами своей победы, объяснялось полученным им известием об опасной болезни Елизаветы и неминуемо предстоявшей перемене на престоле. На этот счет ходили разные слухи. Рассказывали, будто Шуваловы, нуждавшиеся в Апраксине для осуществления своих честолюбивых планов, были виновниками отступления Апраксина.² По другим известиям, Бестужев и Екатерина должны считаться руководителями действий фельдмаршала, и это предположение до новейшего времени оставалось господствующим в исторической литературе.³

При скудости исторического материала, в настоящее время нет возможности вполне отчетливо объяснить мотивы, которыми руководствовался Апраксин. Быть может, отступление русского войска было следствием чисто стратегических соображений.⁴ Между тем французское правительство было проникнуто убеждением, что в этом деле заключалась интрига Бестужева: французский посол в Вене сделал предложение, чтобы одновременно и Франция, и Австрия потребовали удаления от дел ненавистного канцлера. Кауниц не согласился на исполнение желания Франции, потому что Эстергази дал знать из Петербурга, что нет ни малейшего повода предполагать какую-либо связь между действиями Апраксина и образом мыслей Бестужева и молодого двора.⁵ Екатерина сама гораздо позже, говоря об этих событиях, прямо и решительно отрицала всякое участие в них Бестужева: канцлер, писала она, напротив, желал, чтобы Апраксин шел дальше.⁶ В записках Екатерины встречается предположение, что Апраксин, по всей вероятности, решился на отступление по получении каких-то писем от своих родственников, извещавших его об опасной болезни императрицы.⁷

¹ «Чтения», III, 8—9.

² Там же, III, 16. Донесение Праще в «Preussische Jahrbücher», XLVII, 586.

³ Herrmann, V, 141. Schäfer, I, 391. Bernhardi, II, 2, 179.

⁴ Как считает вероятным Соловьев, XXIV, 181.

⁵ Arneht, «Maria Theresia», V, 283, 519.

⁶ «Русский Архив», 1878, II, 286, 288. s

⁷ Записки Екатерины, 205—206.



Император Петр III.
С гравюры Рокотова, сделанной с портрета, писанного Тейхером.



Великая княгиня Екатерина Алексеевна в 1761 г.
С гравированного портрета 18-го века Виноградова.

Таким образом, мы не имеем основания думать, чтобы Бестужев и Екатерина могли считаться виновниками отступления Апраксина. Зато нельзя сомневаться в том, что падение Бестужева находилось в некоторой связи с привлечением к суду фельдмаршала и что великая княгиня, так же как и Бестужев, состояла в переписке с Апраксиным. Во всяком случае, катастрофа канцлера могла весьма легко сделаться роковою и для Екатерины. В записках последней встречается следующий весьма любопытный рассказ о некоторых довольно важных сношениях ее с канцлером в это время: «Болезненное состояние императрицы и ее частые конвульсии заставляли всех думать о будущем. Гр. Бестужев, и по месту своему, и по своим способностям, конечно, не менее других должен был заботиться о том, что предстояло. Он знал, что великому князю с давних пор внушено к нему отвращение. Ему очень хорошо была известна умственная слабость этого государя, рожденного наследником стольких престолов. Очень естественно было, что этот государственный человек, как и всякий другой, желал удержаться на своем месте. Он знал, что я уже много лет перестала внимать внушениям, которые сначала отделили меня от него. Кроме того, в личном отношении он, может быть, считал меня единственным существом, на котором, в случае смерти императрицы, могла быть основана надежда общества. Вследствие таких и подобных размышлений он составил план, чтобы, как скоро императрица скончается, великий князь по праву был объявлен императором, но чтобы в то же время мне было предоставлено публичное участие в управлении; все лица должны были оставаться при своих местах; Бестужев получал звание вице-президента в трех государственных коллегиях: иностранной, военной и адмиралтейской. Таким образом, желания его были чрезмерны. Он прислал мне проект этого манифеста, писанный рукою Пуговошникова; но я, поговорив с гр. Понятовским, чрез которого манифест был мне доставлен, отвечала ему словесно, что благодарю его за добрые намерения относительно меня и считаю, что их очень трудно исполнить. Он писал и переписывал свой проект много раз, переменил его, распространял, сокращал и был, по-видимому, им очень занят. Сказать по правде, я смотрела на его проект почти как на бредни и как на приманку, посредством которой этот старик хотел больше войти ко мне в доверенность; но я не думала поддаваться, потому что считала проект этот вредным для государства, долженствовавшего терпеть от малейшей ссоры между мною и не любившим меня мужем; но так как все это были еще одни предположения, то я не хотела противоречить упрямому стари-

ку, которого трудно было разубедить, когда он что-нибудь забирал себе в голову».¹

Таким образом, Екатерина, которой было запрещено вмешиваться в политические дела, находилась в тайных сношениях с разными влиятельными лицами, знала о весьма важных политических проектах, в которых ей приходилось играть главную роль, и через все это подвергалась страшной опасности. Весною 1758 года, по случаю ареста канцлера, ей грозила катастрофа.

Мы не знаем точно, кто был главным виновником падения Бестужева — Шуваловы или вице-канцлер Воронцов, действовавший при этом под давлением французского дипломата Л'Опиталья (l'Opital). Екатерина главную долю в несчастье Бестужева приписывала Воронцову.² По другим известиям, английский посланник Кейт сообщил великому князю о какой-то грозившей ему со стороны Бестужева опасности, что заставило Петра донести об этом императрице, которая, в свою очередь, приказала арестовать канцлера.³

Во время допросов Апраксина, при разборе его бумаг были найдены письма, которые он получал от великой княгини. Содержание этих писем нисколько не могло повредить Екатерине; в них выражалось желание военных успехов и советы, чтобы фельдмаршал шел вперед. Но самый факт, что Екатерина состояла в переписке с Апраксиным без ведома императрицы и таким образом участвовала в делах, должен был сильно компрометировать Екатерину в глазах императрицы, которая теперь узнала, что Екатерина находилась в сношениях с канцлером и руководствовалась его советами.

Понятно, что Екатерина, узнав из краткой записки Понятовского об аресте Бестужева, пришла в сильное волнение. Она рассказывает: «Эти строки ошеломили меня. Перечитавши их, я сообразила, что мне нет никакой возможности не быть замешанной в это дело... Тысячи ощущений, одно другого неприятнее, наполнили мне душу. Словно с кинжалом в сердце я оделась и пошла к обедне» и пр. На людях великая княгиня казалась вполне спокойною и никого не спрашивала о случившемся. На другой день к ней пришел голштинский чиновник Штамбеке и сообщил от имени

¹ Записки Екатерины, 227—228.

² «Чтения», 1870, III, 34—35. «Р. Архив», 1878, II, 286, 288.

³ «Die merkwürdige Lebensgeschichte Peters III». Leipzig, 1773. Стр. 169. «Histoire de Pierre III». Londres, 1774. Стр. 90. De la Marche, «Nouveaux mémoires et anecdotes du règne et du détronement de Pierre III». Berlin et Dresde. 1765.

Бестужева, «чтобы она не тревожилась насчет того, что она знает, потому что канцлер успел бросить в огонь». Это сообщенно относилось к манифесту, приготовленному на случай кончины Елизаветы и предоставленному Екатерине участие в делах. Тотчас же она спешила успокоить Пуговичникова, переписавшего эту бумагу, запиской, в которой было сказано: «Вам нечего бояться: все успели сжечь».

Екатерина могла надеяться и дальше узнавать подробно о ходе дела Бестужева. Штамбке сказал ей, что записку Бестужева доставил ему трубач-егерь графа и что они условились на будущее время сноситься между собою, кладя записки в назначенное место между кирпичами, недалеко от дома Бестужева. Недаром Екатерина велела Штамбке быть как можно осторожнее, чтобы эта опасная переписка не открылась. Штамбке и Понятовский продолжали сноситься с Бестужевым. Сама Екатерина мечтала войти в сношение с бывшим канцлером через стороживших его офицеров и солдат. Однако несколько дней спустя она узнала, что переписка Штамбке и Понятовского с Бестужевым была открыта. Она сильно встревожилась. «Тем не менее, — замечает Екатерина, рассказывая об этих событиях, — я была убеждена, что относительно правительства я не заслуживала ни малейшего упрека».¹

При допросе Бестужева ему между прочим был предложен вопрос: «Для чего он предпочтительно искал милости у великой княгини, а не так много у великого князя, и скрыл от ее величества такую корреспонденцию (переписку Екатерины с Апраксиным), о которой по должности и верности донести надлежало?» Бестужев отвечал: «У великой княгини милости не искал, паче же старался, с веденія ее императорского величества, открывать ее письма» и пр. На основанн записки, посланной к великой княгине из-под ареста, был задан вопрос: «Советуешь ты великой княгине поступать смело и бодро, с твердостью, присовокупляя, что подозрениями ничего доказать не можно?» Бестужев отвечал: «Великой княгине поступать бодро и смело, с твердостью я советовал, но только для того, что письма ее к фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительного в себе не содержали». В допросах сильно настаивалось на частных и необычайных конференциях канцлера с Штамбке и Понятовским. Бестужев клялся, что тайных конференций не бывало. Довольно важен следующий вопрос: «Не было ли соглашаемо и постановлено какого плана, как на нынешнее, так и на будущее время?» Так как в бумагах Бестужева не было найдено ника-

¹ Записки Екатерины, 225—230.

ких следов проекта о престолонаследии, то хотели принудить его проговориться, настаивая на частых свиданиях с Штамбеке и Понятовским. Но Бестужев держался твердо, зная, что улики нет, а подозрениями нельзя ничего доказать. Он отвечал даже прямее, чем был поставлен вопрос: «Ни с Штамбеком, ниже с Понятовским и другими какими конфиденантами, коих у меня и не было, не думывал ни о каком плане ни на нынешнее время, ниже на будущее, да и возможно ли о том думать, ибо наследство уже присягами от всего государства утверждено?»

Таким образом, следствие не приводило ни к какому результату. В особенности оказывалось невозможным доказать существование проекта о престолонаследии, составленного Бестужевым в пользу Екатерины. Около года бывший канцлер пробыл под домашним арестом. В начале 1759 года он был сослан в одно из своих имений. При перечислении его вин в манифесте, опубликованном по этому случаю, встречаются следующие: «клеветал ее императорскому величеству на их высочеств, а в то же время старался преогорчить и их высочеств против ее императорского величества... вплеп в непозволенную переписку такой персоны, которой в делах никакого участия иметь не надлежало, и через то печувствительно в самодержавное государство вводил сопротивление и сам соправителем сделался» и т. п.¹ Апраксин умер 6 августа 1758 года. Штамбеке был выслан за границу. Другие причастные к делу Бестужева лица были сосланы в разные города. Среди этих лиц был Елагин, пользовавшийся особенным доверием великой княгини.

Сохранились некоторые письма Екатерины и Понятовского к Елагину; и великая княгиня, и польский дипломат всячески утешают Елагина, посылают ему деньги и обещают вечную благодарность за оказанные им услуги. О самих событиях этого политического кризиса говорится лишь отрывочно и намеками. Упоминается о разных лицах, которые не названы по имени. Понятовский называет в своих письмах Екатерину не иначе как «М. М.». Последняя говорит о Понятовском, как о «нетерпеливом человеке». Понятовский пишет между прочим: «Пусть только милосердый Господь сжалится над нами, но мы еще должны были выдержать жестокие испытания после вашего удаления. Однако теперь скоро должна окончиться вся сумятица; но мы еще ничего не знаем. А как приговор будет исполнен над несчастным стариком, то могли бы другие дела опять лучше пойти, к чему есть основательная надежда».

¹ Соловьев, XXIV, 188—195.



Венцеслав Антон, князь фон Кауниц,
граф Ритбергский, канцлер Марии Терезии.
Гравюра 1765 г.

В другом письме сказано между прочим: «Я не в состоянии теперь, любезнейший друг, достать тебе ответ от М. М., потому что еще очень далек час, в который я могу туда послать, но что отсрочено, то еще не потеряно. Сколько слез моих и М. М. пролито о твоей участи», и пр. Немного позже Понятовский пишет: «Прочие несчастные все еще в одном и том же положении, и судьба их еще неизвестна. Бог знает, как еще все кончится. Но могу я только сказать вам, что императрица чрезвычайно милостива к М. М., что муж М. М. сделался лучшим другом моим и М. М.». Записки Екатерины к Понятовскому также свидетельствуют о некотором волнении; так, например, она пишет: «Хотя я в крайней горести ныне, но еще надежду имею, что несказанные Божия чудеса и в сем случае помогут надеющимся на него...» «Нетерпеливый человек уехал уже месяц тому назад, и скука и горесть моя велики; надежду имею на его возвращение...» «Поворот ваш прежде окончания известного дела невозможен, а сие зависит от недвижимой иррезольюции...» «Покамест жива, вспомню усердие ваше ко мне», и т. п.¹

Падение Бестужева не могло не уничтожить, хотя бы временно, многих надежд Екатерины. Канцлер был ей сильным союзником и другом; через него она принимала участие в управлении голштинскими делами, через него она могла надеяться достигнуть участия в управлении Россией после кончины Елизаветы. Теперь тотчас же многое изменилось. Екатерина замечает в своих записках: «Штамбке был выслан, и с его отъездом окончилось мое заведование голштинскими делами. Великому князю было сказано, что императрице неприятно мое вмешательство в эти дела, да и он сам был рад отставить меня от них».²

Екатерина могла ожидать для себя весьма печальных последствий катастрофы Бестужева. Она сожгла все свои бумаги. В ее записках сказано: «Что касается до великого князя, то я видела, что его запугали и натолковали ему, будто Штамбке с моего ведома переписывался с государственным преступником. Я замечала, что его им. высочество почти не смел говорить со мною и избегал случая приходить ко мне в комнату, где я оставалась в это время одна-одинешенька, не видя души человеческой. Я сама нарочно никого не приглашала к себе, боясь подвергнуть посетителей какой-нибудь неприятности или несчастью. То же самое при дворе, чтобы от меня не отворачивались, я нарочно не подходила к тем, на кого могло пасть подозрение».³

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 75—80.

² Зап. Ек., 232.

³ Там же, 232.

К тому же происходили разные неприятности. Когда однажды Екатерина пожелала ехать в театр, Петр не хотел согласиться на это и запретил приготовить карету для великой княгини. Она сказала, что в таком случае пойдет пешком и станет жаловаться императрице на худое обращение с ней, будет просить, чтобы ей дозволили возвратиться в Германию. «Оставленная всеми, — сказала Екатерина, — одна в своей комнате, ненавидимая великим князем и вовсе не любимая императрицею, я наконец хочу успокоиться, хочу никому не быть в тягость и не причинять несчастья тем, кто меня любит».¹

Решительный тон, которым говорила Екатерина, поправил ее положение. Грозя отъездом в Германию, она надеялась остаться в России. Пока, однако, со всех сторон ее окружали опасности. Приближенный к Петру голштинiec Брокдорф, говоря о Екатерине, выражался: «Надо раздавить змею». Эстергази доносил своему двору, что великая княгиня два раза присылала к нему Штамбке за советом и помощью, давая знать, что все беды постигли ее за усердие к интересам Марии Терезии. «Но, так как, — писал Эстергази, — императрица Елизавета горько жаловалась мне на поведение Екатерины, и так как иностранный министр не должен вмешиваться в домашние дела государей, то я отклонил от себя это дело, велел сказать ей, что всего лучше, если она обратится к посредничеству своего супруга, владеющего полною милостью и доверенностью императрицы». Рассказывали, что Иван Иванович Шувалов уверил великую княгиню, что императрица скоро увидится с ней, и если со стороны Екатерины будет оказана маленькая покорность, то все дело кончится очень хорошо.²

Екатерина сама желала свидания и объяснения с Елизаветою. Она рассказывает в своих записках: «Я села писать письмо к императрице и написала его по-русски, в самых трогательных выражениях, как умела. Я начала с того, что благодарила ее за все ее милости и благодеяния, оказанные мне с приезда моего в Россию. По несчастию, — продолжала я в этом письме, — оказалось, что я не заслуживала этих милостей, потому что навлекла на себя ненависть великого князя и явное неблагорасположение к еим. величества; видя мое несчастье и оставаясь одна в комнате, где мне дозволяют самых невинных развлечений, я настоятельно прошу положить конец моим несчастьям и отослать меня к моим родственникам, каким найдут приличнее способом... У моих родственников я проведу остаток

¹ Там же, 235.

² Соловьев, XXIV, 197.

моих дней, моля Бога за ее величество, великого князя, детей моих и вообще всех тех, которые оказывали мне добро или даже зло. Горе до такой степени растревожило мое здоровье, что я должна, наконец, позаботиться о нем и, по крайней мере, спасти жизнь свою» и пр.

После этого письма, которое понес к императрице Александр Шувалов, Екатерина, как она сама рассказывает, спокойно ожидала, чем все это кончится. «Я была вполне убеждена, — продолжает она, — что если действительно хотели меня выслать или напугать только, то письмо мое должно было окончательно уничтожить это намерение Шуваловых... Впрочем, мое решение было составлено: оставаться ли, ехать ли — я смотрела на судьбу свою с философской точки зрения; каково бы ни было положение, в которое бы Провидению угодно было меня поставить, я все-таки не лишилась бы средств ума и таланта, данных каждому человеку по его естественным способностям; я готова была и на возвышение, и на уничижение, и чувствовала в себе достаточно бодрости, чтобы не измениться ни душою, ни сердцем, возвысит ли меня судьба моя или унизит».

Впрочем, Екатерине еще долго приходилось ждать свидания с императрицей. Она должна была прибегнуть к другим средствам для того, чтобы достигнуть этой цели. Она сказалась больной, не выходила больше и, как она выражается в записках, «сочла нужным говеть, дабы показать тем приверженность к православной греческой вере». Затем она, по совету своего духовника, однажды ночью позвонила и сказала вошедшей женщине, что чувствует себя чрезвычайно дурно и хочет исповедоваться. Александр Шувалов послал было за докторами, но Екатерина слабым и прерывающимся голосом повторила просьбу позвать духовника. Духовник пришел, полтора часа беседовал с мнимой больной и взялся сказать императрице, что великая княгиня может умереть от печали и горести, если не будет подана скорая помощь, и пр.

Цель была достигнута. Объяснение с императрицей последовало уже на другой день, в присутствии великого князя и Александра Шувалова. Только при этом случае Екатерина увидела мужа, с которым не встречалась в продолжение нескольких недель и который, узнав о болезни жены, обещал Елизавете Романовне Воронцовой жениться на ней тотчас же после ожидаемой кончины Екатерины.

Подробный рассказ об этом свидании помещен в записках Екатерины. Она упала к ногам императрицы и со слезами просила отпустить ее домой. Елизавета хотела поднять ее и сказала, между прочим: «Бог мне свидетель, как я о тебе плакала, когда ты была при смерти больна по при-

езде твоём в Россию; если бы я тебя не любила, я тогда же отпустила бы тебя». Затем, однако, императрица упрекала Екатерину в чрезвычайной гордости. «Ты воображаешь, — сказала Елизавета, — что нет на свете человека умнее тебя». Великий князь сказал: «Она чрезвычайно зла и чересчур много о себе думает», и пр. Екатерина возражала весьма ловко, в скромном тоне, но решительно. Елизавета заговорила о переписке великой княгини с Апраксиным; Екатерина возразила, что никогда не думала посылать фельдмаршалу приказания, и только просила его исполнять приказания императрицы.

Елизавета казалась тронутой несчастьем великой княгини и, очевидно, в борьбе Петра с Екатериной брала сторону последней. Тотчас же после этого разговора она, через А. Шувалова, дала знать Екатерине, что будет иметь с ней разговор наедине. Затем Екатерине передали выражение императрицы, что племянник ее дурак, но что великая княгиня очень умна.

Между тем как Петр стал рассчитывать на то, что Екатерина будет отправлена в Германию и что этим самым ему откроется путь к браку с Воронцовой, императрица велела просить Екатерину не настаивать на своем отъезде и даже вовсе выбросить из головы это намерение.

Этого-то и желала Екатерина. «Таким образом, — рассказывает она не без удовольствия в своих записках, — я могла быть уверена, что меня не вышлют». Однако для приведения в большую ясность своего положения ей нужно было второе объяснение с императрицей, которого она просила в письме от 28 мая 1758 года.¹ Свидание состоялось. При этом случае была речь об Апраксине. Екатерина должна была торжественно заявить, что не писала к фельдмаршалу писем, кроме тех, которые сделались известными Елизавете. «Я поклялась ей в этом, потому что в самом деле это было так, — замечает Екатерина в своих записках. — Тогда она стала расспрашивать подробности об образе жизни великого князя», — на этом обрывается рассказ Екатерины,² и таким образом мы лишены возможности составить себе более точное понятие о сношениях Екатерины с императрицей за последнее время этого царствования.

Понятовский летом 1758 года, как мы видели, писал Елагину, что императрица «чрезвычайно милостива к М. М.». Из других источников мы узнаем, что отношения между Елизаветой и великой княгиней оставались

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 74.

² Зап. Ек., 244—254.

натянутымн. В этом смысле доносил своему двору английский дипломат Стюарт.¹ Граф Мерси-Аржанто писал в конце 1761 года, незадолго до кончины Елизаветы, что последняя избегает вовсе видеться с великим князем и великой княгиней, и что она «вот уже три месяца не говорила с ним ни слова».²

Можно было считать вероятным, что Елизавета решится на перемену в порядке престолонаследия. В записках Екатерины сказано: «Насчет племянника своего она (Елизавета) была одинаковых со мной мыслей; она очень хорошо знала его и уже с давних пор не могла провести с ним нигде четверти часа без огорчения, гнева или даже отвращения к нему. У себя в комнате, когда заходила о нем речь, она обыкновенно заливалась слезами и жаловалась, что Бог дал ей такого наследника, либо отзывалась о нем с совершенным презрением и нередко давала ему прозвища, которых он вполне заслуживал» и пр.³

В разных источниках говорится о том, что Елизавета в последнее время своего царствования мечтала о лишении Петра права престолонаследия, что она опасалась с его стороны покушения на ее жизнь. Ожидали, что Петр тотчас же после воцарения удалит Екатерину и Павла и женится на Воронцовой.⁴ Мерси-Аржанто писал, что Елизавета в последнее время жизни любила являться вместе с Павлом Петровичем, что она особенно заботилась о воспитании маленького великого князя и что все это возбуждает разные толки о порядке престолонаследия.⁵

К этому вопросу относится следующая, случайно сохранившаяся, собственноручная записка Екатерины: «Последние мысли покойной императрицы Елизаветы Петровны о наследстве сказать не можно, ибо твердых не было. То не сомнительно, что она не любила Петра III и что она его почитала за неспособного к правлению, что она знала, что он русских не любил, что она с трепетом смотрела на смертный час и на то, что после ее происходить может; но как она во всем имела решимость весьма медлительную, особливо в последние годы ее жизни, то догадываться можно, что и в пункте наследства мысли более колебались, нежели что-нибудь определенное было в ее мысли. Фаворит же, Иван Иванович Шувалов, ...

¹ «Чтения», 1870, III, 11.

² Статья Шефера в «Historische Zeitschrift», XXXVI, 421.

³ Зап. Ек., 237. «Р. Арх.», 1877, II, 287.

⁴ De la Marche, 3 и 6. «Merkwürdig. Lebensgesch. Peters III», 16. Castera, I, 50, 80—84, 88—89. Blum, «Ein russ. Staatsmann», IV, 272.

⁵ «Hist. Zeitschrift», XXXVI, 431.

был убежден воплем множества людей, кои не любили и опасались Петра III, за несколько времени до кончины ее им. величества мыслил и клал на мере переменить наследство, в чем адресовался к Н. И. Паиину, спрося, что он о том думает и как бы то сделать, говоря, что мысли иные клонятся, отказав и высылая из России великого князя с супругой, сделать правление именею царевича, которому был тогда седьмой год, что другие хотят лишь выслать отца и оставить мать с сыном, и что все в том единодушно думают, что великий князь Петр Феодорович не способен и что кроме бедства, покоряясь ему, Россия не имеет ожидать. На сие Н. И. Паиии ответил, что все сии проекты суть способы к междоусобиной погибели, что в одном критическом (sic) того переменить без мятежа и бедственных следствий не можно, что двадцать лет всеми клятвами утверждено. Н. И. (Паиии) о сем мне тотчас дал знать, сказав мне при том, что больной императрице если б представили, чтобы мать с сыном оставить, а отца выслать, то большая в том вероятность, что она на то склониться может. Но к сему, благодаря Богу, фавориты не приступили, но, оборотя все мысли свои к собственной их безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить в милости Петра III, в коем отчасти и преуспели. А он о сей грозящейся ему туче и никогда и не сведал, ибо он не молчалив был и конечно те, кои бы захотели его остерегать в том или в другом из верности к нему, были бы жертвой его нескромности, коя инапаче тогда опасна была, когда он из-за стола вставал — по пословице русской: у пьяного на языке, что у трезвого на уме».¹

Накануне царствования Петра положение, в котором находилась Екатерина, считалось весьма опасным. Княгиня Дашкова рассказывает в своих записках, как она однажды ночью (20 декабря 1761 года) тайком пришла к великой княгине и сказала ей: «При настоящем порядке вещей, когда императрица стоит на краю гроба, я не могу больше выносить мысли о той неизвестности, которая ожидает вас с новым событием. Неужели нет никаких средств против грозящей опасности, которая мрачной тучей висит над вашей головой? Во имя неба, доверьтесь мне; я оправдаю вашу доверенность и докажу вам, что я более чем достойна ее. Есть ли у вас какой-нибудь план, какая-нибудь предосторожность для вашего спасения? Благоволите ли вы дать приказания и уполномочить меня распоряжением?»

Екатерина ответила, что никакого плана не имеет и готова вынести все, что бы ни случилось, причем упрекнула княгиню в неопытности и

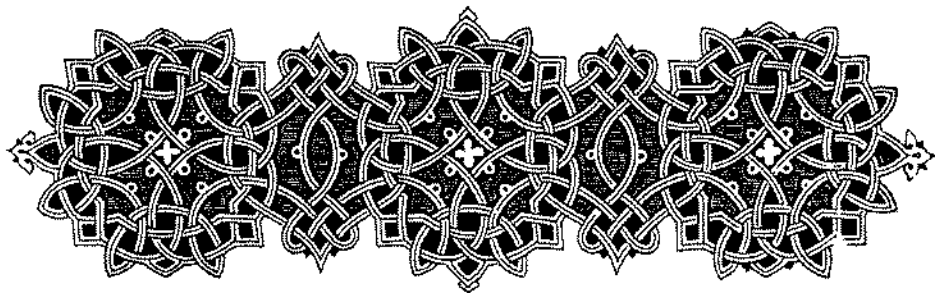
¹ «Р. Арх.», 1863, 383—384.

юношеском энтузиазме, прося ее не подвергать себя никакой опасности. Обе женщины при этом свидании были в сильном волнении. Княгиня Дашкова рассказывает дальше: «Князь (муж ее) провел этот вечер у моего отца; из разговора их, переданного мне Дашковым, при всей скромности моего отца, ясно было видно общее беспокойство по случаю близкой перемены».¹

Как видно, еще до воцарения Петра, с целью устранения его, стали думать о государственном перевороте. Пока, однако, не было приступлено к действиям. Воцарение Петра (25 декабря 1761 года) совершилось без всякого препятствия. Несколько месяцев спустя он был сменен Екатериной, очистив ей путь к престолу полнейшей неспособностью и враждебным к ней отношением.



¹ Зап. княгини Дашковой. Лондон, 1859. Стр. 26—27.



Глава IV. Царствование Петра III



уள்ளது рассказ о разговоре между Петром Феодоровичем и императрицей Елизаветой накануне ее кончины. Австрийский посол Мерси-Аржанто доносил, что великий князь должен был обещать умирающей тетке, что после ее кончины не будет сделано какого-либо оскорбления ни Разумовским, ни Шуваловым. О более важных делах не было речи, прибавляет граф Мерси-Аржанто.¹ По донесению французского посла маркиза Бретеля, умирающая императрица умоляла Петра жить в согласии с женой и иметь в виду интересы наследника, Павла Петровича.²

В минуту кончины императрицы при ней находились Петр и Екатерина. Старший сенатор князь Трубецкой, выйдя из покоя ивопреставившейся, объявил присутствовавшим о вступлении на престол императора Петра III.³

От внимания современников не ускользнуло то обстоятельство, что Екатерина в следующие за кончиной императрицы Елизаветы дни с особым благоговением участвовала в обрядах, сопряженных с погребением усопшей. В этих действиях молодой императрицы был расчет. Она знала очень хорошо, что публика отзывалась неблагоприятно о небрежности или даже насмешливости, с которыми Петр относился к церковным обрядам.⁴ В записках одного очевидца с похвалой говорится о том, как держала себя Екатерина у гроба Елизаветы.⁵

¹ «Сб. Ист. Общ.», XVIII, 27.

² «La cour de la Russie», 178.

³ Соловьев, XXIV, 418.

⁴ Memoirs of the princess Dashkoff, I, 40—41.

⁵ Познае в «Русской Старине», I, 203.

В манифесте о воцарении Петра не упоминалось о Екатерине и Павле. Но новой императрице было оказано внимание с другой стороны. Фридрих II просил английского посла Кейта уверить ее в своем дружеском расположении и выразить надежду, что Екатерина не преминет содействовать скорому окончанию войны.¹ Рассказывали, что прусский король советовал своему другу, Петру, обращаться с супругой осторожно и благосклонно. Тщетная предусмотрительность!

К сожалению, мы не имеем подробных сведений об отношениях между Екатериной и Петром в первое время царствования последнего. Штелини сообщает, что императрица ежедневно являлась в кабинет государя, но что они обыкновенно не обедали вместе. Достоинство внимания следующее замечание в записках Штелини: «На святой неделе император переезжает в Новый Зимний дворец, помещает императрицу на отдаленном конце его, а ближе к себе, на антресолях, свою любимицу, толстую фрейлину Елизавету Романовну Воронцову».²

Иностранные дипломаты в это время наблюдали за образом действий Екатерины. Бретель писал в январе 1762 года: «В день нашей аудиенции и нашего поздравления новая императрица казалась печальной. Очевидно, она не будет иметь никакого влияния; я думаю, что она вооружается философией. Впрочем, при ее характере, она едва ли ограничится этим. Император более чем когда-либо ищет общества фрейлины Воронцовой и назначил ее гофмейстериней фрейлин. Она живет при дворе и пользуется чрезвычайным почетом. Признаться: странный вкус!» В другом донесении Бретель пишет: «Императрица находится в отчаянном положении: ей оказывают полнейшее презрение. Она с великим негодованием видит, как с ней обращается император и каково высокомерие фрейлины Воронцовой. Я могу представить себе, что императрица, смелость и горячность которой мне известны, рано или поздно приступит к крайним мерам. У нее есть друзья, которые, если она того пожелает, решатся для нее на все». В другом месте: «Всеобщее расположение к императрице усиливается. Никто столь ревностно, как она, не исполняет религиозных обязанностей по случаю погребения покойной императрицы; никто столь добросовестно, как она, не соблюдает постов и вообще обрядов и пр., между тем как император пренебрегает всем этим, хотя в России такого рода правила имеют большое значение. Одним словом: Екатерина старается нравиться и упот-

¹ Raumer, II, 497.

² «Чтения», 1866, IV, 97 и 104.

решает все средства для достижения этой цели. Во всем этом есть значительная доля самолюбия. К тому же она едва ли может забыть, что нынешний император, когда был великим князем, грозил заключить ее в монастырь, по примеру Петра Великого в отношении к первой его супруге. Все это, в соединении с ежедневно повторяющимися оскорблениями, должно произвести в столь умной голове, какова голова императрицы,



Екатерина II в траурном одеянии по императрице Елизавете Петровне.
С рисунка Чемесова, по фотографии, приложенной к «Русскому Архиву» 1886 г.

сильное брожение; при случае взрыв неминуем». Несколько недель спустя Брегель доносил своему двору о чрезвычайном расстройстве здоровья императрицы и об усиливающемся постоянно антагонизме между Петром и

Екатериной. В его депеше сказано: «Императрица отличается смелостью души и ума; она пользуется всеобщим уважением, между тем как все ненавидят императора», и дальше: «императрица на личные оскорбления со стороны ее супруга отвечает лишь смирением и слезами. Народ разделяет ее горе и желает ей всего лучшего».¹

Английский дипломат Кейт, который относился вообще гораздо снисходительнее других современников к образу действий и нраву Петра, доносил о печальном положении, в котором находилась Екатерина, следующее: «Как кажется, императрица не имеет никакого значения». Довольно часто в донесениях Кейта встречается замечание, что императрица не участвовала в том или другом придворном празднестве. 19 марта он пишет: «Влияние императрицы ничтожно. На ее мнения не обращается ни малейшего внимания, ни при важных, ни при менее важных делах». Между тем Фридрих II писал Кейту: «Ищите случая совещаться обо всем с императрицей; она вам даст лучшие советы, которым прошу вас следовать».²

Австрийский дипломат граф Мерси-Аржанто доносил 10 января 1762 года: «Незадолго до кончины императрицы в великой княгине стало заметно, что она сильно озабочена участью, ожидающей ее и ее сына; но не было принято никаких предосторожностей или мер... Императрица не имеет никакого значения». 1 февраля: «Императрица живет почти в полном отчуждении и, кажется, не имеет ни малейшего влияния на все то, что происходит; между тем едва ли возможно, чтобы под этою спокойною внешностью не скрывалось какое-нибудь тайное мероприятие, необходимость которого государыня должна сознавать более чем когда-либо, как для себя, так и для своего сына, на которого император со времени вступления на престол, можно сказать, не обращал никакого внимания и к которому он всегда обнаруживал всем заметное презрительное нерасположение». 12 февраля: «Императрица по-прежнему не имеет значения и, кажется, никогда не достигнет его, разве посредством какого-нибудь необыкновенного события». 15 марта: «Императрица прислала мне секретным путем приятное и обязательное уверение, что если бы она имела хотя малейшую власть, то, конечно, употребила бы ее на сохранение прежней политической системы». В мае: «Ее величество продолжает жить в большом уединении, и не столько по нездоровью запирается в своих покоях, сколько для того, чтобы не быть самой свидетельницею безгранич-

¹ Raumer, III, 300—305. «La cour de la Russie», 189.

² «La cour de la Russie», 186—187.

ного беспорядка и непринципиального образа жизни двора. В особенности же мне достоверно известно, что государыня провела весь прошедший понедельник, то есть день торжественного пира, в горьких слезах».¹

Ювелир Позье рассказывает в своих записках о близких сношениях Петра с Воронцовой, в покоях которой он встретился с государем, а также о ненависти Петра к Екатерине. Однажды Петр, увидев ювелира на лестнице дворца, спросил его, откуда он идет. Позье должен был ответить, что был у императрицы. С злобным выражением лица Петр раз навсегда запретил ювелиру бывать у Екатерины. К этому рассказу Позье прибавлено, что клеветы Петра, опасаясь действий честолюбивой императрицы, т. е. государственного переворота, нарочно сеяли раздор между супругами. Особенно женщины при дворе Петра старались вооружить его против императрицы.² Ненависть доходила до крайней мелочности. Рассказывали, что Петр запретил садовнику в Петергофе отпускать императрице те фрукты, которые она любила.³

И в записках графа Гордта, находившегося в это время в Петербурге и бывшего свидетелем событий при дворе, встречаются некоторые черты, характеризующие неблагоприятный образ действий Петра и необычайный факт, с которым держала себя императрица, хотя, как замечает Гордт, и не могла скрывать глубокой печали и уныния.⁴

Следующий эпизод, случившийся в мае 1762 года, наделал довольно много шума в столице. На торжественном обеде по случаю празднования мира, заключенного с Пруссией, Петр предложил тост «за здоровье императорской фамилии». Когда императрица выпила бокал, Петр приказал своему генерал-адъютанту Гудовичу подойти к ней и спросить, почему она не встала, когда пила тост. Государыня отвечала, что, так как императорская семья состоит из ее супруга, сына и ее самой, то она не думает, чтобы это было необходимо. Гудович, передав этот ответ, был снова послан сказать ей, что она «дура» и должна бы знать, что двое дядей, принцы Голштинские, также члены венценосной семьи. Опасаясь, впрочем, чтоб Гудович не смягчил выражения, Петр повторил его громко, так что большая часть общества слышала его. Екатерина залилась слезами. Происшествие это быстро разошлось по городу, и по мере того, как Екатерина возбуждала к себе сочувствие и любовь, Петр глубже и глубже падал в общественном мнении.⁵

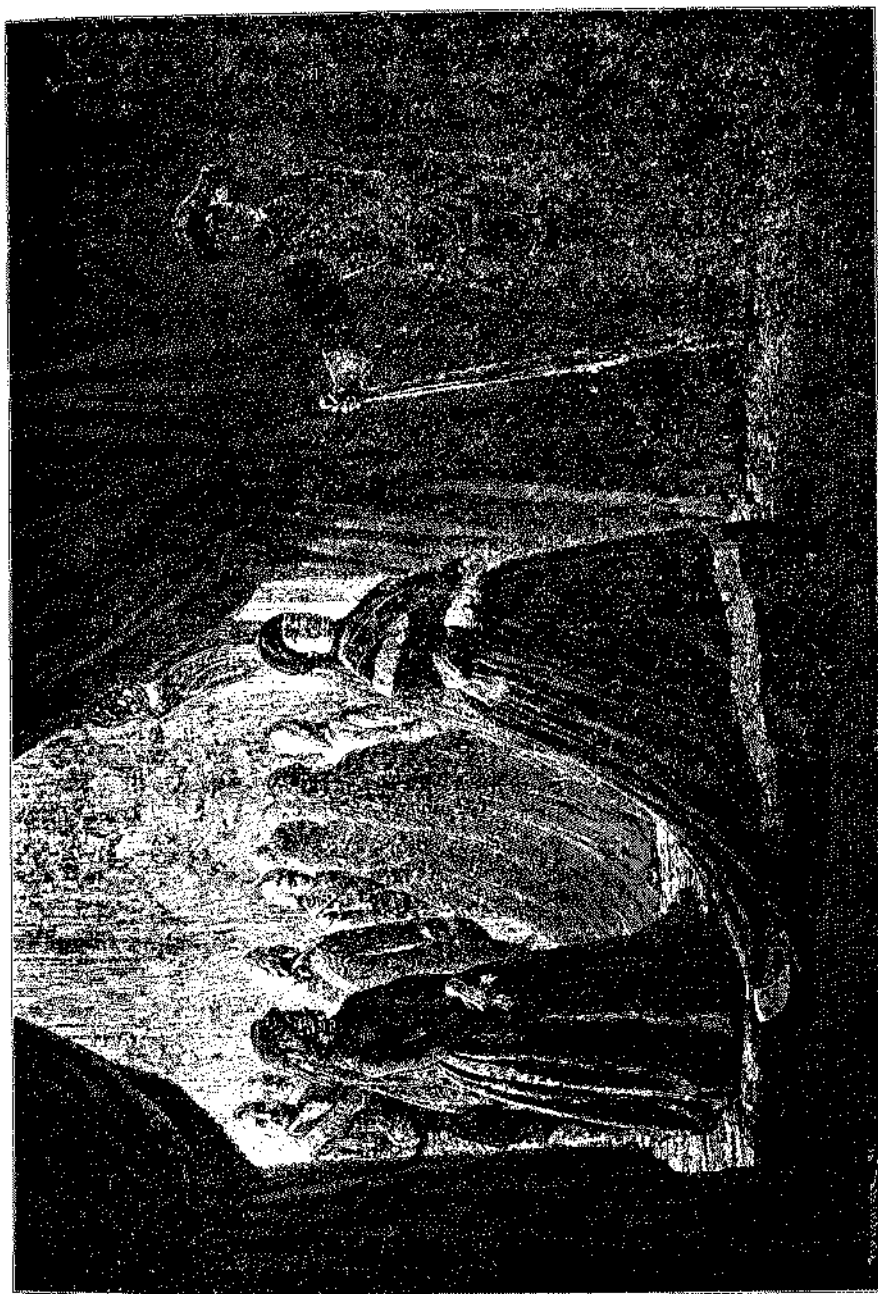
¹ «Сб. Ист. Общ.», XVIII. 33, 83, 120, 235, 323, 350.

² «Русская Старина», I, 201, 226.

³ De la Marche, 121.

⁴ Mémoires d'un gentilhomme suédois. Berlin, 1788, 263—264.

⁵ Зап. кн. Дашковой, 38—39. «Die merkwürdige Lebensgeschichte Peters III». Leipzig, 1773, 235. Едва ли рассказ С. М. Голицына о том, что Петр в тот же день просил у Екатерины прощения, имеет основание; см. «Р. Арх.» 1869, 642.



Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы Петровны.
Гравюра Паннемакера в Париже по картине профессора Ге.

За несколько лет до этих событий Бестужев считал возможным, что Екатерина и Петр будут царствовать вместе, что императрица примет участие в делах. Вышло иначе. Екатерина находилась в крайнем унижении, в величайшей опасности. Нельзя было ожидать, чтобы дела оставались долго в таком положении. Борьба оказалась неминуемой. Со стороны Петра было сделано все возможное для того, чтобы доставить полнейшую победу его противнице. Недаром она и прежде рассчитывала на то, что царствование Петра делается невыносимым.

Говорят, что Екатерина после своего воцарения между бумагами Петра нашла в одном из писем Фридриха II к императору следующие внушения: не проводить слишком быстро нововведений, шадить нравы и обычаи народа, в сложных делах руководствоваться скорее мнениями жещи, чем собственным увлечением.¹ Петр во всех отношениях действовал противоположно этим советам.

Известно, что первые правительственные распоряжения Петра произвели довольно благоприятное впечатление. В одном из манифестов он обещал царствовать в духе Петра Великого. Возвращение миожества сельных, уничтожение тайной канцелярии, отмена пытки, понижение цены на соль, расширение прав дворянства — все это влияло в пользу Петра. В среде дворянства здесь и там встречались выражения особой привязанности к Петру,² хотя с другой стороны действия Петра были объясняемы подчас довольно странными побуждениями.³ В военных кружках обнаруживалось некоторое удовольствие, что наконец на престоле после многих женщин явился государь.⁴ Штелин замечает, что сначала все радовалось неутомимой деятельности молодого монарха, но вскоре увидели, что он начинает по-прежнему обращать внимание на пустые мелочи и относится с пренебрежением к существенным вопросам государственного управления.⁵

Нововведения в управлении духовными имениями, грубое обращение императора с высокопоставленными лицами, сановниками и генералами, протекция, оказанная голштинским родственникам, ничем не заслуживавшим отличий и наград, нерасположение Петра к гвардей-

¹ В переписке между Фридрихом и Петром, изданной в III томе «Русской Старины», недостает нескольких писем короля.

² См. письма гр. Ивана Чернышева к Ив. Ив. Шувалову в «Рус. Арх.» 1869, стр. 1822.

³ Щербатов. О повреждении нравов. «Р. Старина», II, 674.

⁴ De la Marche, 2, «Р. Стар.» III, 307.

⁵ «Чтения», 1867, IV. Смесъ, 98.

ским полкам, невнимание к русским нравам и обычаям, злосчастное намерение начать войну с Данией, ребяческий и бестактный образ действий при каждом случае, — все это не могло не возбудить общего негодования и ропота. Число приверженцев Екатерины росло постоянно и быстро.

В один голос иностранные дипломаты стали порицать поступки и характер государя. Бретеля и других послов оскорбило требование Петра, чтобы они сделали визиты принцу Георгу голштинскому. По этому случаю происходили разные неприятности. Английское правительство было озадачено нескромностью Петра, передавшего прусскому дипломату Гольцу конфиденциальные сообщения, сделанные лордом Бьютом русскому послу в Лондоне. С австрийским послом государь обращался до того грубо, что тот вообще избегал являться ко двору.

Нельзя поэтому удивляться, что во всех донесениях иностранных дипломатов за это время постоянно говорится о неспособности Петра заниматься делами, об отсутствии в нем разума, о странных его поступках, шумных обедах и ужинах, в которых нарушались правила обыкновенного приличия, о беспорядках в государственном управлении и т. п. Мерси замечает в одном из своих донесений, что нельзя ожидать ничего хорошего от этого царствования и что Петр, без сомнения, слишком поздно будет сожалеть о своем безумии. Воронцов в разговоре с графом Мерси со слезами на глазах говорил о своем намерении совсем покинуть Россию. Другой сановник упрекал Елизавету за то, что она вовремя не отправила Петра за границу и тем не избавила Россию от столь жалкого государя. Весь народ, писал Мерси, от первого до последнего, раздражен в величайшей степени; волнение во всем государстве таково, что едва ли императору будет возможно отправиться в поход.¹

В этом же тоне Бретель доносил об «унизительном зрелище», как Петр в нетрезвом виде восхвалял Фридриха II, об общей неурядице в России, о расстройстве финансов, о порче нравов при дворе, об общем неудовольствии и раздражении.¹

Множество анекдотов, характеризующих образ мыслей и действий Петра, встречается в депешах саксонского дипломата Брюля. При всем том, однако, последний не считал вероятным, чтобы Петр сделался жертвой государственного переворота; менее всего Брюль ожидал предприим-

¹ См. мою статью «Zur Geschichte Peters III und Katharina II» в журнале «Russische Revue» XI, 5 и след.

чивости со стороны Екатерины; скорее, по его мнению, грозила опасность со стороны бывшего императора Иоанна Антоновича.²

Разумеется, отзывы представителей тех держав, которые при вступлении на престол Петра лишились сильного союзника, оказываются особенно резкими. Понятно, что, напротив, английский дипломат Кейт, прусские дипломаты Гольц и Шверин и сам Фридрих II иначе судили о качествах и действиях Петра III. И в позднейших сочинениях тех писателей, которые враждебно относились к Екатерине, например, Кастера, Гельбига, Сальдерна встречаются отзывы более или менее благоприятные Петру, или, по крайней мере, несколько более снисходительные к его порокам и промахам. Зато в других современных сочинениях разных авторов заключается полнейшее осуждение царствования Петра III. Щербатов, противник Екатерины, изображает сильный упадок России в это время, княгиня Дашкова и Болотов не находят слов, чтобы выставить на вид ничтожество этого государя; весьма невыгодно писал о Петре даже Миних, обязанный ему освобождением из ссылки и защищавший его еще в последнюю минуту его царствования; довольно резко порицал Петра и канцлер голландского консульства в Петербурге Буденэр¹ и пр. и пр.

Внешняя политика Петра III, союзника Пруссии, друга Фридриха II, возбуждала сильное неудовольствие. Несколько лет сряду в России привыкли смотреть на Фридриха как на опаснейшего врага; теперь же Россия очутилась в какой-то зависимости от Пруссии; император играл роль какого-то вассала Фридриха II, говорил о нем, как о своем начальнике. Перемена в области внешней политики произошла быстро и казалась непонятною. Канцлер Воронцов не имел никакого значения. Иван Иванович Шувалов должен был довольствоваться управлением высших училищ. Иностранцы, как, например, Гольц и Шверин, подозревали в нем заговорщика против Петра, между тем как он в сущности не был опасным императору. Даже Мельгунов и Волков, пользовавшиеся особенным доверием Петра, в глазах прусских дипломатов считались противниками сближения с Пруссией.

Особенно сильное брожение замечалось в среде духовенства. Из списков русских людей, и из донесений иностранцев видно, как велико было негодование на Петра по случаю разных нововведений, оскорблявших религиозное чувство и восстанавливавших против правительства ду-

¹ Raumer, III, 304 и след. *La cour de la Russie*, 190 и след.

² Herrmann, *Geschichte des russischen Staats*. V, 256 и след.

ховных лиц, которые, в свою очередь, распространяли неудовольствие в народе.

Еще опаснее было раздражение в войске. Офицеры и солдаты были недовольны введением приемов прусской дисциплины, назначением главным начальником войска дяди Петра, принца Георга голштинского. Петр презирал и оскорблял гвардию, которую называл янычарами. Современники сообщают о тяжелом впечатлении, производимом ежедневно повторявшимися солдатскими упражнениями государя, в которых должны были принимать участие высшие сановники, люди пожилые и даже дряхлые, как, например, князь Трубецкой, граф Разумовский и др.

Болотов, адъютант начальника полиции, генерала Корфа, рассказывает о Петре: «Редко стали уже мы заставить государя трезвым и в полном уме и разуме, а всего чаще уже до обеда несколько бутылок английского пива, до которого он был страстный охотник, уже опорожнившим, то сие и бывало причиною, что он говаривал такой вздор и такие нескладицы, что при слушании оных обливалось даже сердце кровью от стыда перед иностранными министрами, видящими и слышащими то и бесспорно смеющимися внутренно. Истинно, бывало, вся душа так поражается всем тем, что бежал бы неоглядкою от зрелища такового: так больно было все это видеть и слышать», и пр. Одна современница, знатная дама, рассказывала потом: «Государь, бывало, нарочно смешил меня разными гримасами. Он не похож был на государя». Болотов пишет, что все ожидали переворота и в особенности враждебных государю действий со стороны гвардейцев.²

Чем легче можно было ожидать какого-либо кризиса, тем опаснее казалось намерение Петра отправиться за границу для ведения войны. Недаром особенно беспокоились те, которые имели в Петре союзника и друга. Гольц и Шверин были уверены и уверяли короля Фридриха II, что недовольные воспользуются отъездом Петра к армии и произведут восстание. Поэтому они старались уговорить императора отменить поездку, утверждая, что его присутствие в России необходимо для блага империи. Шверин писал к королю 8 апреля: «Никто в мире, кроме вашего величества, не может отвлечь императора от этого опасного путешествия». То же самое писал Гольц, выставляя на вид необходимость для Петра прежде похода короноваться.

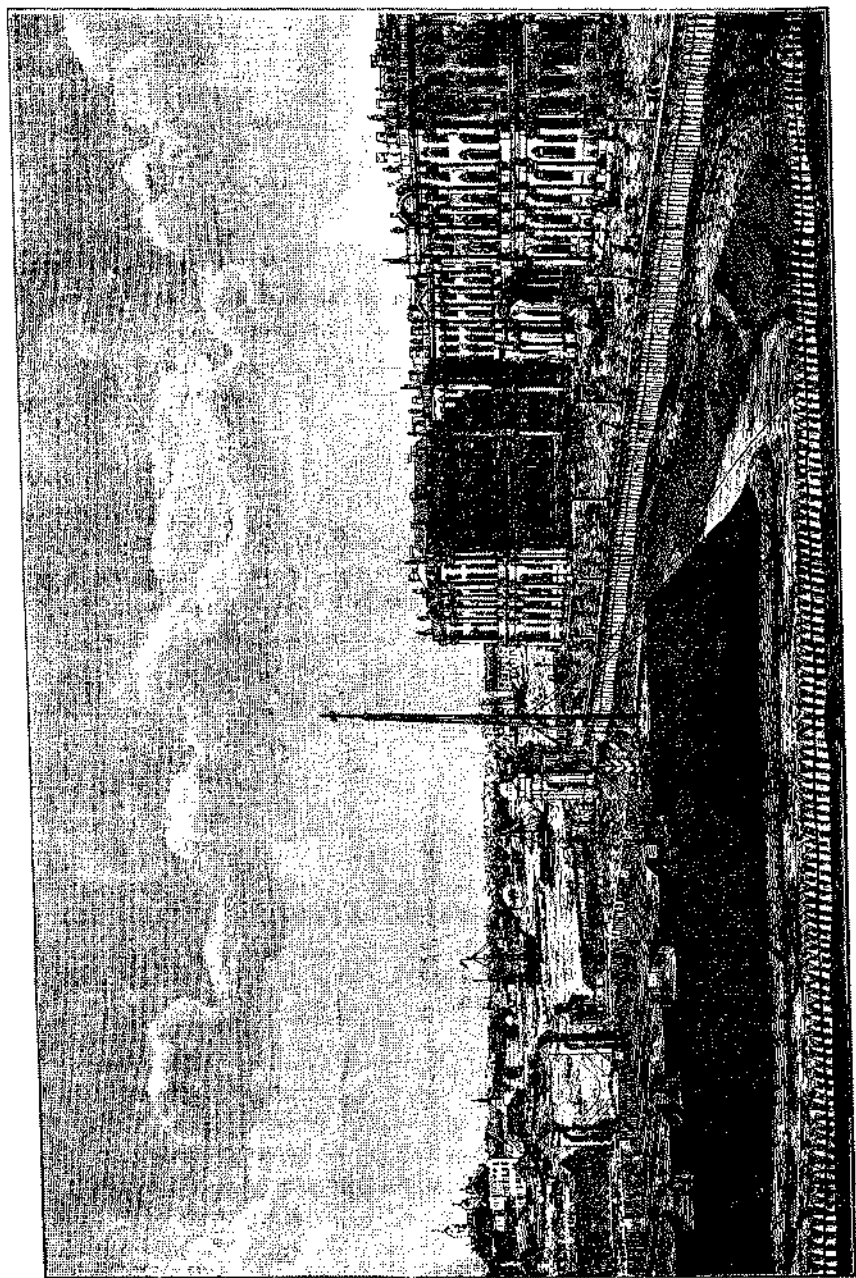
¹ Boudenaër, в «Архиве кн. Воронцова» XXV, 264 и след.

² Прилож. к «Русск. Ст.» 1870, II, 197. Соловьев, XXV, 83.

Фридрих писал Петру: «Признаюсь, мне бы очень хотелось, чтоб ваше величество уже короновались, потому что эта церемония произведет сильное впечатление на народ, привыкший видеть коронавание своих государей. Я вам скажу откровенно, что не доверяю русским. Всякий другой народ благословлял бы небо, имея государя с такими выдающимися и удивительными качествами, какие у вашего величества, но эти русские, — чувствуют ли они свое счастье, и проклятая продажность какого-нибудь одного ничтожного человека разве не может побудить его к составлению заговора или к поднятию восстания в пользу этих принцев брауншвейгских? Припомните, ваше императорское величество, что случилось в первое отсутствие императора Петра I, как его родная сестра составила против него заговор! Предположите, что какой-нибудь негодяй с беспокойной головой начнет в ваше отсутствие интриговать для возведения на престол этого Ивана, составит заговор с помощью иностранных денег, чтобы вывести Ивана из темницы, подговорит войско и других негодяев, которые и присоединятся к нему: — не должны ли вы будете тогда покинуть войну против датчан, хотя бы все шло с отличным успехом, и поспешно возвратиться, чтоб тушить пожар собственного дома. Эта мысль привела меня в трепет, когда пришла мне в голову, и совесть мучила бы меня всю жизнь, если б я не сообщил эту мысль вашему императорскому величеству; я здесь в глубине Германии; я вовсе не знаю вашего двора: ни тех, к которым ваше величество может иметь полное доверие, ни тех, кого можете подозревать, поэтому вашему высокому разуму принадлежит различить, кто предан и кто нет; я думаю одно, что если вашему величеству угодно принять начальство над армией, то безопасность требует, чтобы вы прежде короновались, и потом, чтоб вы вывели в своей свите за границу всех подозрительных людей. Таким образом вы будете обеспечены» и пр.

Как видно, Фридрих не без основания ожидал быстрой перемены. Но советы, однако, оставались тщетными. Недаром Екатерина насмеялась над болтливостью Петра. Тотчас же по получении письма от прусского короля он сообщил Шувалову, именно тому лицу, которое считалось заговорщиком, об опасениях Фридриха и о его совете взять с собой в армию всех подозрительных людей. Мало того, вскоре после Петр через Мельгунова велел сказать Шувалову, чтоб он следовал за ним в армию в качестве волонтера.¹

¹ Соловьев, XXV, 78.



Новый Зимний дворец, отстроенный в конце царствования Елизаветы Петровны.
С акварели 18-го века Бенуа, из собрания П.Я. Дашкова.

Фридриху Петр отвечал: «Что касается Ивана, то я держу его под крепкой стражей, и если б русские хотели сделать зло, то могли бы уже давно его сделать, видя, что я не принимаю никаких предосторожностей. Могу вас уверить, что когда умешь обходиться с ними, то можно быть покойным на их счет», и пр.¹

Фридрих был прав, ожидая кризиса. Он только ошибался относительно источника, откуда могла грозить опасность Петру. Несчастный шлиссельбургский узник не мог считаться опасным претендентом. Петр, как говорят, даже думал о возможности освободить Иоанна и отправить его к родственникам за границу. По другим известиям, возникла мысль объявить Иоанна наследником престола и заключить Екатерину и Павла в Шлиссельбургскую крепость. Достоверно только то, что Петр посетил бывшего императора в Шлиссельбурге и что он намеревался построить для него более удобное помещение в той же местности и вообще облегчить несколько горькую участь арестанта.

Опасность грозила Петру с другой стороны. На нее было указано, как мы видели, в донесениях Мерси и Бретёля.

Екатерина справедливо заметила впоследствии: «У Петра III первым врагом был он сам: до такой степени все действия его отличались неразумием».² Не чая беды, он находился на краю бездны. По свидетельству одного современника, все русские, за исключением разве какого-нибудь десятка царедворцев, желали перемены на престоле.³

Нет сомнения, что и императрица Екатерина находилась в крайней опасности и что ее предприятие против Петра может считаться некоторым образом оборонительной мерой, средством самосохранения.

Многие современники были убеждены в том, что Петр хотел развестись с Екатериной, лишит всех прав Павла и жениться на Воронцовой.⁴ Лица, окружавшие Екатерину, узнали о грозившей ей опасности и старались предупредить враждебные действия Петра.

Сама Екатерина рассказывает об этих событиях следующее: «Он (Петр) хотел жениться на Воронцовой, и в тот самый вечер, когда возложена была на графиню Екатерининская лента, приказал адъютанту своему, князю Барятинскому, арестовать императрицу в ее покоях. Испуганный

¹ «Русская Старина», III, 306—307.

² «Р. Арх.», 1878, II, 288.

³ «Le pour et le contre de Pierre III empereur de Russie», 7.

⁴ Castera, I, 83. «Merkwürdige Lebensgeschichte Peters III», Frankfurt und Leipzig, 1763, 39.

Барятинский медлил исполнением и не знал, как ему быть, когда в прихожей повстречался ему дядя императора, принц Георгий голштинский. Барятинский передал ему, в чем дело. Принц побежал к императору, бросился пред ним на колени и насилиу уговорил отменить приказание».¹

Этот рассказ императрицы, написанный почти три десятилетия спустя, несколько не противоречит данным в других источниках.

Украшение графини Воронцовой Екатерининской лентой происходило в последних числах июля. Ювелир Позье рассказывает следующее:

«Император уехал в Ораниенбаум. Он собирался там повеселиться, а императрице приказал поселиться в Петергофе. При ней было всего шесть камер-фрейлин да два камер-юнкера; с ней поехал и маленький великий князь. Император же взял с собой всех своих фаворитов и самых красивых придворных дам, цвет аристократии, хотя все сильно роптали на то, что не дозволялось им оставаться с императрицей, которую все очень любили; да и ей нелегко было отправиться одной чуть не в ссылку.

Петру вздумалось устроить домашний спектакль... он послал за мной курьера, с приказанием мне отправиться в Ораниенбаум... Я поехал... Император сказал мне: «Я хочу, чтобы вы посмотрели мою комедию. Вот вам билет. Я все билеты раздаю сам». — Я присутствовал при учении голштинских войск перед обедом и при сражении двух маленьких галер на большом пруду, что мне показалось совершенным представлением марионеток; но император находил самое большое удовольствие в этих маневрах, на которые роптало дворянство, в особенности гвардейские полки, которых ставили ни во что в сравнении с горстью голштинцев. Сидя за столом рядом с женою великого канцлера Воронцова, я осмелился тихо сказать ей по-французски: «Что вы об этом думаете? Я, по крайней мере, очень боюсь, как бы не случилось чего-нибудь ужасного, и должен вам признаться, что, видя все, что вижу теперь, я не совсем спокоен». — «Вы правы», — отвечала она мне, — «я имею повод быть еще менее спокойна, чем вы». При этом графиня не могла удержаться от слез. После обеда пришлось идти смотреть комедию, чего мне вовсе не хотелось, но я не смел отказаться... Императрица казалась очень грустною и скучно смотрела на эту комедию. Она прислала ко мне своего пажа сказать, чтобы я по выходе из театра зашел к ней, в ее покои, так как она хочет кое-что мне заказать. Я отправился, но не без некоторого беспокойства, как бы фавориты императора или камердинеры его не увидали, как я вхожу к Екате-

¹ «Р. Арх.», 1878, 288.

рине, и не пересказали ему, что бы могло меня погубить... Императрица сказала мне, что сломала свой Екатерининский орден и просила меня его поправить... Это был тот самый день, в который графиня Елизавета Воронцова должна была явиться с орденом, подаренным ей императором. Я сказал это императрице, чтобы она подумала, не обидится ли император за то, что она в пику нарочно является к столу без ордена. «Хорошо», — сказала императрица, — «приезжайте за ним завтра в Петергоф».¹

Когда Позье поехал за орденом в Петергоф, то на дороге узнал о совершившемся тем временем государственном перевороте.

Из других источников о событиях в последние дни до перемены мы узнаем следующее: 26 июня Екатерина посетила Петра в Ораниенбауме: в японской зале был большой обед, а вечером маскарад в театре. 27 июня Петр и Екатерина отправились в Гостилицы, где граф Алексей Григорьевич Разумовский давал в их честь великолепный праздник. В Гостилицах Петр III и Екатерина увиделись в последний раз. Из Гостилиц Петр отправился в Ораниенбаум, Екатерина поехала в Петергоф. Несколько часов спустя Петр был лишен короны.²

По рассказам некоторых современников, в эту минуту Екатерине грозила крайняя опасность. Саблуков рассказывает: «Петр III намеревался для того, чтобы вступить в брак с графиней Воронцовой, развестись с императрицей Екатериной и вследствие того заключить и мать, и сына в Шлиссельбург на всю жизнь. С этой целью был уже составлен манифест, и лишь накануне его обнародования и ареста Екатерины и ее сына начался переворот... До сих пор можно видеть в Шлиссельбурге помещение, для них приготовленное».³ По другим известиям, в ту самую ночь, когда начался переворот, было предположено увести Екатерину в какой-то монастырь и отпраздновать свадьбу Петра III с Воронцовой.⁴ По рассказу одного малороссиянина, вероятно, находившегося при гетмане Разумовском, император вызвал Екатерину с Павлом в Ораниенбаум и «за то крепко досадовал, что императрица, оставив сына в Петербурге, приехала одна». Затем Петр приказал императрице возвратиться в Петергоф, где в тот же день «были разведены крепкие пикеты» и где, по рассказу современника, «ограничила ее величество жить там до 26 числа июня в немалой опасно-

¹ «Р. Стар.», I, 212—216.

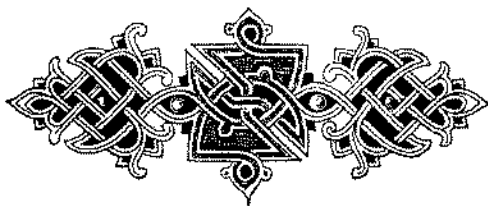
² «Осьмнадцатый век», II, 454.

³ «Р. Арх.» 1869, стр. 1890 и 1891.

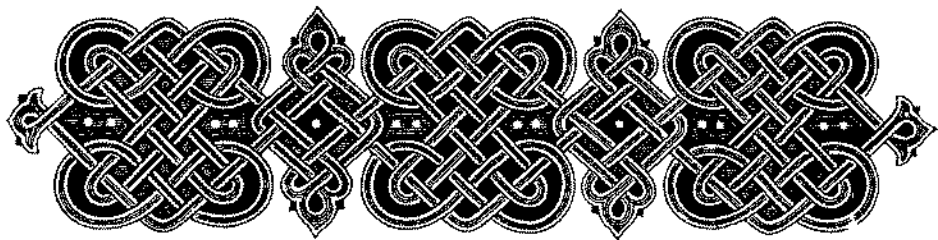
⁴ Донесение испанского дипломата в журнале «Academy». Апрель 1875, стр. 349.

сти». Наконец, император приказал дяде своему, Жоржу, «чтоб он всемерно постарался ее величество привезть в Аренбов», но было слишком поздно: Екатерина уже находилась в Петербурге, и катастрофа Петра сделалась неминуемою.¹

При отрывочности и разнообразии источников, в которых встречаются данные по этому предмету, трудно определить меру опасности, грозившей Екатерине со стороны Петра. Во всяком случае, Екатерина была уже в состоянии предотвратить грозившую ей беду. Все было приготовлено ей для наступательных действий.



¹ «Осмынадцатый век», I, 66.



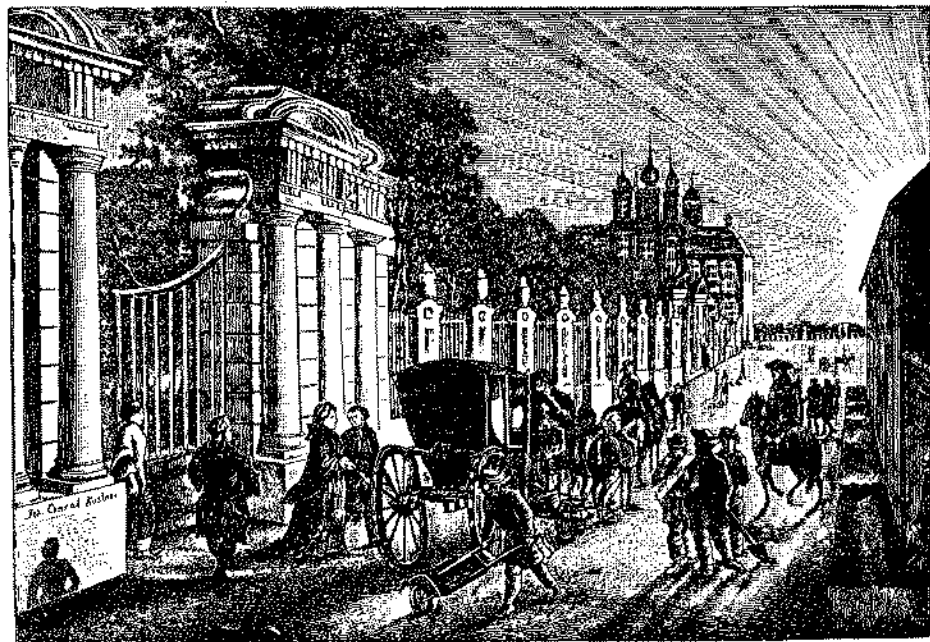
Глава V. Государственный переворот

Петр III писал Фридриху II: «Кто умеет обращаться с русскими, тот может безусловно на них надеяться».

Он не умел обращаться с русскими, и потому катастрофа его была неизбежна. Зато Екатерина, умевшая обращаться с русскими, вполне могла на них рассчитывать. Восемнадцать лет сряду она имела в виду ту цель, которой, наконец, должна была достигнуть путем свержения Петра. Настала пора диктатуры. Екатерина во все время до этого не сомневалась, что рано или поздно публика начнет смотреть на нее, как на «спасительницу общего блага», во все время она действовала систематически и последовательно, обнаруживая притом необычайный политический такт и удивительное знание людей. Теперь ей оставалось сделать последний шаг, отважиться на крайнюю меру. Образ действий ее противника устранял многие затруднения и препятствия. Она далеко превосходила его и решимостью, и проницательностью.

Недаром Екатерина в своих записках заметила, что самым опасным врагом Петра был он сам. Он один сделался жертвой государственного переворота. Не было партии, которая могла бы исчезнуть вместе с ним. Лицам, окружавшим его, фаворитам, как, например, Волкову, Мельгунову, Глебову, даже Елизавете Романовне Воронцовой — было оказано новым правительством покровительство и снисхождение. Цель государственного переворота заключалась лишь в устранении личности Петра, не бывшего представителем каких-либо идей, сторонником какой-либо политической программы, не поддерживаемого какими-либо единомышленниками-сотрудниками. Самый ход событий указывал на необходимость заполнить пробел в правительстве, заменить ничтожную личность способной. История паде-

ния Петра представляет собой лучшее доказательство его полнейшей несостоятельности. Правительство, устранение которого совершилось столь легко и безмятежно, едва ли заслуживало и названия правительства. Недаром Фридрих II заметил, что Петр оставил престол совершенно так же, как уходит послушный ребенок, когда его посылают спать.



Отъезд Екатерины II из Петергофа в Питербург 28 июня 1762 г.

С оригинального рисунка Кестнера,
сделанного по заказу Екатерины и находящегося в Эрмитаже.

Вообще ход событий государственного переворота хорошо известен. Могут лишь существовать различные мнения относительно доли участия в этом кризисе того или другого лица, пользовавшегося доверием Екатерины. Также, пожалуй, не совсем легко определить время начала заговора. В этом отношении встречаются противоречивые данные.

Так, например, в письме Екатерины к Понятовскому, в котором изложены некоторые подробности этих событий, встречаются указания, не согласующиеся с другими замечаниями Екатерины об этом же предмете.

Понятовскому она писала: «В день празднования мира с прусским королем он (Петр) оскорбил меня публично за обедом, а вечером приказал меня арестовать. Мой дядя, принц Георг, заставил его отменить этот приказ. Только с этого дня я обратила внимание на предложения, с которыми ко мне приступали со смерти императрицы Елизаветы».¹ В другом месте, как мы видели, Екатерина заметила, что Барятинскому было приказано арестовать ее в тот самый день, когда Елизавета Романовна Воронцов¹ была украшена Екатерининским орденом.² Последнее событие случилось за несколько дней до переворота, между тем как празднование мира происходило 1 (12) мая.

В том самом письме к Понятовскому, в котором Екатерина выставила на вид, что княгиня Дашкова не играла столь важной роли, какую она приписывала сама себе, сказано: «Она утверждала, что все шло ко мне через ее руки. Однако я уже шесть месяцев переписывалась со всеми начальниками, прежде чем она узнала первое имя одного из них».¹

То обстоятельство, что Екатерина тотчас же после государственного переворота осыпала Дашкову наградами, противоречит показанию императрицы о мнимой ничтожности той роли, которую играла княгиня при этом случае. Нет сомнения, что Дашкова отличалась отвагой и была готова жертвовать собой для Екатерины. Достоверно, однако, и то, что она в минуту переворота не знала о близких сношениях императрицы с Григорием Орловым, а поэтому не могла знать и о той роли, которую играли Орловы в приготовлениях к перевороту. Вскоре после этого отношения Дашковой с Орловым сделались натянутыми. Понятно, что Екатерина, раздраженная тем, что Дашкова не одобряла ее связи с Орловым, вообще несколько охладела к бывшей своей подруге и при оценке заслуг княгини была не совсем справедливой. До настоящего времени рассказ Дашковой был важнейшим источником истории этих событий. Если бы сохранился рассказ из кружка Орловых, то было бы легче определить точнее ту меру участия, которое принимали в перевороте разные лица. Во всяком случае, нельзя согласиться с мнением Фридриха II, заметившего в беседе с графом Сегюром об этом событии, что Дашкова была лишь «la touche du coche». При всем том, однако, можно считать весьма вероятным, что Екатерина питала в это время гораздо большее доверие к Орловым, чем к Дашковой. Но рассказу последней, Екатерина во всем деле играла пассивную роль,

¹ Приложение к зап. Екат., изданных в Лондоне, стр. 268.

² «Р. Архив», 1878, II, 288.

что несколько не согласуется ни с обстоятельствами, ни с характером императрицы. Поэтому мы не можем не верить замечанию последней в письме к Понятовскому: «Все делалось, признаюсь, под моим особенным руководством».

Зародыш заговора заключался, как можно считать вероятным, в близких отношениях Екатерины с Орловым. Григорий Орлов (родился в 1734 году) был обязан покровительству Екатерины получением довольно важного места в артиллерийском ведомстве и употреблял свое влияние в кружках гвардейских офицеров для заговора в пользу императрицы и приготовления переворота. Некоторые офицеры, Пассек, Рославлев, Ласунский, Бредихин и другие, вполне сочувствовали плану возвести на престол Екатерину. Григорий Орлов держал в своих руках нити заговора. Недаром лица, окружавшие Петра, считали его опасным человеком. Рассказывают, будто некто Перфильев имел поручение наблюдать за действиями Орлова, но что по неопытности и небрежности он в ту самую ночь, когда начались действия заговорщиков, участвовал в оргии, устроенной у Орлова.²

Впрочем, нет сомнения, что и люди более важные, влиятельные сановники, были посвящены в тайну заговора. И Григорий Орлов, и княгиня Дашкова находились в близких отношениях с графом Кириллом Разумовским, который, как кажется, независимо от инициативы гвардейцев, также мечтал о перевороте в пользу Екатерины.

Особенное значение могло иметь содействие Панина, которого Дашкова посвятила в тайну предприятия. Он был воспитателем великого князя Павла Петровича и ожидал, что императрица удовольствуется лишь ролью регентши на время малолетства ее сына, которого можно будет провозгласить императором.

Впоследствии Панин сообщил датскому посланнику Ассебургу некоторые подробности о государственном перевороте 1762 года. Из этого рассказа видно, что Панин приписывал себе главную роль в этом событии. От него будто бы зависело назначить время начала действий; по его будто бы усмотрению были посвящены в тайну заговора князь Волконский и граф Разумовский; он будто бы отправил в Петергоф карету за Екатериною, когда наступило время действий, обо всем сговаривался с княгиней Дашковой и пр.³ Повторяется и здесь то же самое, что мы видим в запис-

¹ «La cour de la Russie», 214—215.

² «Русский Архив», 1873, стр. 26; 1870, 966.

³ «Русский Архив», 1879, I, 362 и след.

ках княгини Дашковой и в письме Екатерины к Понятовскому: каждый рассказчик считает себя главным виновником успеха переворота.

Кроме того, в тайну заговора были посвящены архиепископ новгородский, Дмитрий Сеченов, князь Н. В. Репнин, Теплов и др.

При воцарении Елизаветы Петровны довольно важную роль играли дипломаты Нолькен и Шетарди, которым цесаревна была обязана некоторыми денежными средствами, необходимыми для принятия мер к свержению императора Иоанна Антоновича.

Рассказывают, что Екатерина за несколько недель до государственного переворота обратилась к французскому посланнику Бретёлю с просьбой ссудить ей некоторую сумму денег, но что Бретель отказал ей в этом и таким образом не воспользовался весьма благоприятным случаем для устройства выгодных сношений Франции с Россией. Прибавляют к этому рассказу, что Екатерина, оскорбленная отказом Бретеля, обратилась через одного агента, Одара, к какому-то английскому купцу, который тотчас же достал денег 100000 рублей и этим содействовал устройству благоприятных отношений Англии с Россией в последующее за государственным переворотом время.¹

Екатерина писала Понятовскому о ходе дела следующее: «План состоял в том, чтоб захватить Петра III в его комнате и арестовать, как некогда была арестована принцесса Анна и дети. Он уехал в Оранienблум. Тайна была в руках трех братьев Орловых; Остель помнит, как старший из них следовал за мной всюду и делал тысячу нелепостей; его страсть была всем известна; он действовал, побуждаемый ею. Орловы люди решительные, и, служа в гвардии, очень любимы солдатами. Я им многим обязана, что подтвердит весь Петербург. Умы гвардейцев были приготовлены, и уже в заговоре было от тридцати до сорока офицеров и около десяти тысяч рядовых. В этом числе не нашлось ни одного изменника в продолжение грех недель; было четыре отдельные партии; их начальники были приглашены для осуществления плана, а настоящая тайна была в руках трех братьев. Панин хотел, чтобы провозгласили моего сына, но они ни за что на это не соглашались», и пр.

Можно бы считать преувеличенным рассказ Екатерины о весьма значительном числе лиц, посвященных в тайну заговора. Однако из списков лиц, которые получили разные награды за участие в государственном перевороте, видно, что заговорщиков было очень много и что кроме Орловых

¹ Jauffret, «Catherine II et son règne». Paris, 1860. I, 102.



Граф Никита Романович Панин.
 С гравюры Радига, сделанной с портрета, писанного Росленом.

многие другие оказались достойными благодарности Екатерины. Панин был возведен в графское достоинство, и, кроме того, ему была назначена ежегодная пенсия в 5 000 рублей; столько же было дано Волконскому и Разумовскому; Дашкова получила 20000 рублей, Потемкин — 400 душ крестьян и, кроме того, 10000 рублей, и т. д.¹

27 июня в столице распространился слух о мнимом аресте Екатерины. Один из гвардейских солдат явился к посвященному в тайну заговора поручику Пассеку и настаивал на необходимости принятия мер для спасения императрицы. Другой офицер, узнав об этом, приказал арестовать Пассека и дал знать императору. Между гвардейскими полками распространилось волнение. Настал час решительного удара. Как только Панин и Дашкова через Орловых узнали об аресте Пассека, то поспешили сообщить обо всем Екатерине и приняли все меры для немедленного приезда ее в столицу. Алексей Орлов ночью отправился в Петергоф. Утром Екатерина прибыла в Петербург, где тотчас же в казармах присягнули ей гвардейские полки.² Около 9 часов она уже явилась у Казанского собора, куда был привезен и великий князь Павел Петрович; здесь совершилось торжественное провозглашение Екатерины самодержицей, а Павла — последним, в присутствии, между прочим, архиепископа новгородского, графа Разумовского, Брюса, Строганова, князя Волконского, Панина и других сановников. Около 10000 солдат окружали собор.

Царствование Петра прекратилось.

Случаев противодействия перевороту было весьма немного. Некоторые офицеры, не решавшиеся присягнуть Екатерине, были арестованы. Когда генерал Вильбоа начал было заявлять о затруднениях, которые может встретить предприятие Екатерины, она строго заметила ему, что не нуждается в его советах, предоставляя ему, впрочем, полную свободу действий. Он тотчас же повиновался воле императрицы. Майор Воейков, напомнивший солдатам, что они присягнули Петру, едва не сделался жертвой их ярости и должен был бежать. Семен Романович Воронцов хотел было

¹ Разные списки наград: в «Русском Архиве», 1864, стр. 199—201, и в «Сб. ист. общ.», VII, 106 и след. В «Русском Архиве», 1867, стр. 481, 1870, стр. 965, 1880, II, 148, встречаются биографические данные о лицах, участвовавших в заговоре. О Дашковой и ее вознаграждении см. ее Записки, I, 100; см. также Jauffret, «Catherine II», I, 127.

² По некоторым известиям, Екатерина должна была спастись в Петергофе в окно обитаемого ей дворца Монплеизр; см. «Academy» и записки ювелира Позье. По некоторым известиям, граф Кирилл Разумовский помог императрице бежать из Петергофа; см. «Осьмнадцатый век», I, 66.

отправиться в Ораниенбаум для того, чтобы известить Петра о событиях, происходивших в столице, но был арестован.¹ Екатерина писала Понятовскому: «Преображенский полк пришел тоже с криком ура! говоря: «виноваты, что последние пришли: офицеры нас не пускали; за то четырех мы арестовали и привели в доказательство нашего усердия, потому что мы того же хотим, чего наши братья». Конная гвардия пришла после; она была в таком восторге, какого я еще не видывала, и кричала со слезами, что отечество освобождено».²

В Новом Зимнем дворце, куда поехала Екатерина, она нашла в собрании Сенат и Синод. Теплов наскоро составил манифест и форму присяги. В манифесте было указано на опасность, грозившую государству и церкви со стороны Петра. О мире, заключенном с Пруссией, говорилось: «Слава российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием, чрез многое свое кровопролитие, заключением нового мира с самым ее злодеем отдана уже действительно в совершенное порабощение», и пр.³

Затем были приняты меры для приведения к присяге всех войск, находившихся в окрестностях столицы. Особенно важным успехом было провозглашение Екатерины самодержицей в Кронштадте, который иначе легко мог бы сделаться точкой опоры для действий Петра против нового правительства.⁴

Из некоторых замечаний современников видно, что успеху дела Екатерины значительно содействовало случайное или умышленное распространение в столице слуха о кончине Петра. Говорили, что император упал с лошади и ушибся до смерти.⁵ Некоторые офицеры, не решавшиеся было присягнуть Екатерине, были убеждаемы этим аргументом признать новый порядок вещей законным. Понятно, что такое известие, хотя оно вскоре должно было оказаться ложным, могло в самую минуту переворота сильно споспешествовать делу императрицы. Впрочем, тотчас же можно было убедиться в том, что император был жив, что перемена на престоле не соответствовала какому-либо законному праву новой императрицы, но была результатом насилия и революционных действий. По улицам Петербурга стояли всюду пикеты солдат; все было приготовлено к военным действи-

¹ «Архив кн. Воронцова», VIII, 4 и след. Грот, «Державин», VI, 429 и след.

² «La cour de la Russie», 206.

³ Соловьев, XXV, 114. П. С. З. №. 11582.

⁴ «Осьмнадцатый век», I, 69—72.

⁵ Позье, в «Р. Старине», I, 219.

ям; можно было считать вероятным междоусобную войну за престол. В Ораниенбауме Петр имел в своем распоряжении голштинские и другие войска. Он мог думать о сопротивлении. Нужно было принять меры для арестования павшего государя, и Екатерина решилась самолично участвовать в этом.



Присяга Измайловского полка Екатерины II.

С оригинального рисунка Кестнера,
сделанного по заказу Екатерины и находящегося в Эрмитаж.

Ночь на 30 июня (11 июля) она в сопровождении довольно сильного отряда войск отправилась в Петергоф. В ее рескрипте к сенаторам сказано: «Я теперь выхожу с войском, чтобы утвердить и обнадеежить престол, осигнавая вам, яко верховному моему правительству, с полной доверенностью, под стражу: отечество, народ и сына моего».¹

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 101.

Подвиг Екатерины не мог не произвести глубокого впечатления на современников. Была ясная летняя ночь. Екатерина верхом, в мужском платье, в мундире Преображенского полка, в шляпе, украшенной дубовыми ветвями, из-под которой распущены были длинные красивые волосы, выступила с войском из Петербурга; подле императрицы ехала княгиня Дашкова, также верхом и в мундире: зрелище странное, привлекательное, пленительное. Эта сцена напоминала забавы Екатерины во время юношества, ее страсть к верховой езде, и в то же время здесь происходило чрезвычайно важное политическое действие: появление Екатерины в мужском костюме, среди такой обстановки, было решающим судьбу России торжеством над жалким противником, личность которого не имела значения, сан которого, однако, оставался опасным до совершенного устранения его. Настала пора необходимости той диктатуры, которую Екатерина предвидела с давних пор: она достигла цели, к которой стремилась в продолжение многих лет.¹

Утром 29 июня Петр, по своему обыкновению, как это ежедневно случалось, был занят военными упражнениями. Во время прогулки, предпринятой около полудня, экипажи императора и его свиты были остановлены одним крестьянином, который в кратких словах сообщил адъютанту Петра, Гудовичу, о событиях в столице. Испуганный и растерявшийся Петр поехал в Петергоф, где были получены более подробные известия о перевороте. Бывший камердинер Петра, Брессан, находившийся в столице, успел написать краткую записку и отправить ее к государю с одним лакеем, переодетым в крестьянское платье. Не без труда и опасности ему удалось пробраться сквозь стражу, расставленную всюду в Петербурге. Его появление в Петергофе рассеяло последние сомнения в том, что Петру приходилось или погибнуть, или немедленно принять меры для спасения. Со стороны лиц, окружавших Петра, были сделаны кое-какие предложения. Он сам совершенно растерялся и все еще надеялся найти где-нибудь в Петергофе Екатерину.² Последовал арест графа Алексея Разумовского и его супруги, а также дочерей гетмана Кирилла Григорьевича, находившихся в это время в Ораниенбауме.³ Возникла мысль отправить Петра в Кронштадт и при помощи находившегося там флота и войска действовать против столицы. Воронцов, Трубецкой, Шувалов поспешили в Петербург

¹ Зап. Ек., 218.

² Даже завзятый сторонник Петра, Гельбиг, при этом случае насмехается над ним: «Biographie Peters III». Tübingen, 1807, II, 124 и след.

³ «Осьмнадцатый век», I, 66.

для того, чтобы разузнать подробнее о положении дел. Сначала Петр хотел было оставаться в Петергофе и ожидать там нападения войск, которыми располагала императрица; даже было послано за войсками, находившимися в Ораниенбауме. Однако Миних указал на неравенство борьбы и убедил Петра искать спасения в Кронштадте.

Петр со свитой, не исключая придворных дам, отправился на галерею из Ораниенбаума к Кронштадту. Подробности этого эпизода сохранились в рассказе Натальи Кирилловны Загряжской. В Кронштадте уже начальствовал именем императрицы Екатерины II адмирал Талызин. Когда суда, на которых находился Петр со свитой, приблизились к кронштадтскому рейду, им было велено удалиться, с угрозой, что иначе против них откроется пушечный огонь. Испуганный Петр скрылся в каюту. Суда поплыли назад. Напрасно Миних предлагал с помощью гребцов доплыть до Ревеля, там сесть на военный корабль и отправиться в Померанию, где находились русские войска. План этот оказался неудобоисполнимым. Оставалось вести переговоры с приближавшейся к Петергофу императрицей.¹

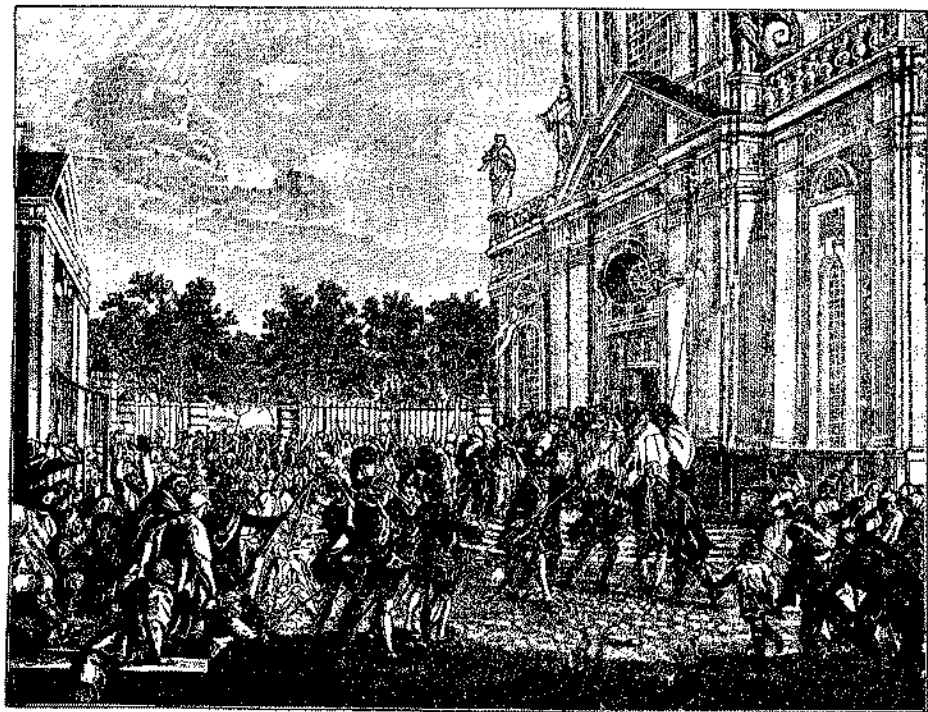
На пути туда Екатерина на несколько часов остановилась в Красном Кабачке. Княгиня Дашкова рассказывает, как она вместе с императрицей отдыхала в тесной и дурной комнате, на одной постели. Утром, в 5 часов, Екатерина опять была на коне. В Сергиевской пустыни ее встретил князь А. М. Голицын с письмом от Петра: император предлагал ей разделить с ним власть.² Затем присхал генерал-майор Измайлов и объявил, что император намерен отречься от престола. Императрица отпустила его с поручением устроить это дело как можно скорее.

В эту минуту Екатерина еще не знала об успехе Талызина в Кронштадте и опасалась, что Петр успеет занять эту крепость и что в его распоряжении будет находиться флот. Скоро все было решено в пользу Екатерины. Петр подписал отречение, составленное Тепловым. В нем он должен был заявить, что «в краткое время своего правительствa узнал тягость и бремя, его силам несогласное», и что потому он отказывается от власти безусловно. Затем его и фрейлину Воронцову перевезли в Петергоф. Здесь с ним виделся Панин и сообщил впоследствии Ассесбургу некоторые подробности об этом свидании. «Я считаю, — говорил Панин, — несчастием всей

¹ Уже Кастера читал записки Загряжской. В новейшее время ими воспользовался г. Васильчиков при составлении труда о Разумовских. Рассказ этот вполне согласуется с частностями рассказа Панина Ассесбургу.

² По рассказу Панина, Екатерина требовала безусловного отречения от престола.

моей жизни, что принужден был видеть его тогда; я нашел его утопающим в слезах». Ассбург продолжает: «И пока Петр старался поймать руку Панина, чтобы поцеловать ее, любимица его бросилась на колени, испрашивая позволения остаться при нем. Петр также только о том просил» и пр. Просьба не была исполнена. Воронцову отправили в Москву. Петра повезли в Ропшу, имея в виду заключить его в Шлиссельбургскую крепость.¹



A. BREND'AMOUR. X.A.

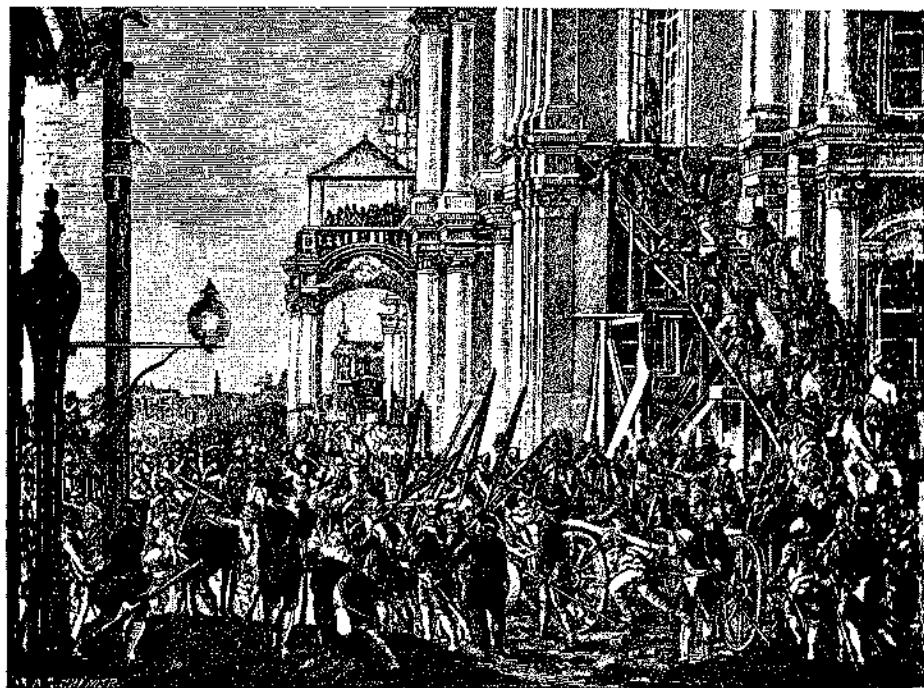
Провозглашение Екатерины II самодержавной императрицей,
в Казанском соборе.

С оригинального рисунка Кестнера,
сделанного по заказу Екатерины и находящегося в Эрмитаже.

Государственный переворот отчасти имел характер военного бунта. При той важной роли, которую играли в нем гвардейцы, нельзя было ожи-

¹ См. письмо Екатерины к Понятовскому об отправлении в Ропшу, «tandis qu'on préparait des chambres honnêtes et convenables à Schlysselbourg».

дуть, чтобы дело обошлось без насилия. Оказалось, что новое правительство не без труда сдерживало в солдатах порывы страсти, ненависти к иностранцам.



Екатерина II на балконе Зимнего дворца, приветствуемая войсками.

С оригинального рисунка Кестнера,
сделанного по заказу Екатерины и находящегося в Эрмитаже.

Позье рассказывает, что он утром 29 июня видел в Петербурге двух англичан, которых преследовали солдаты с обнаженными саблями, и что он спас их тем, что спрятал в своем доме. «Я сам слышал, — пишет Позье, — как солдаты говорили между собой, что всех иностранцев надо перерешать».¹ Недаром Екатерина, как только началось действие, просила своего дядю, принца Георга, оставаться дома, опасаясь за него. К нему явились несколько человек солдат, которые оскорбили его и разграбили его дом. Рассказывая об этом, Позье замечает: «Ни один иностранец не смел

¹ «Р. Старина», I, 216.



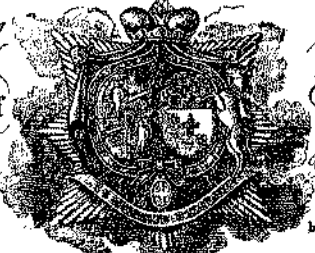
Граф Григорий Григорьевич Орлов.
 С гравюры Чемесова, сделанной с портрета, писанного Девелли.



Her Highness
the PRINCESS of
Daschkaw

Which as all her Life in Courts had been,
Not Good as She the World had never seen.

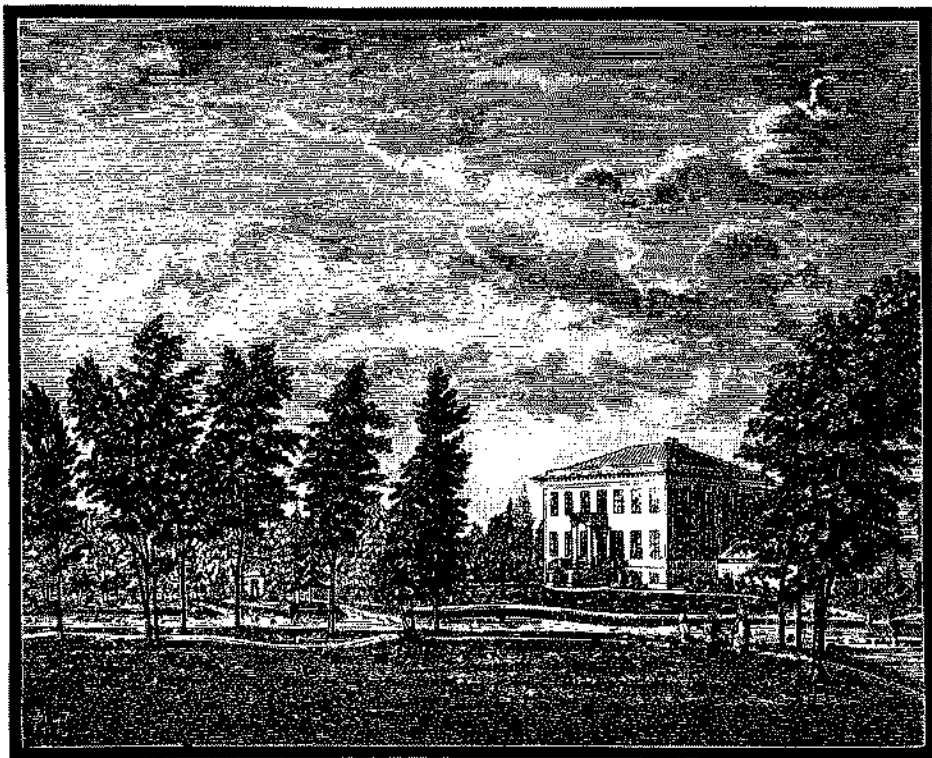
Published as the Act directa 22^d Octob^r 1777. by G. Storodumoff.

The coat of arms of the Russian Empire, featuring a shield with a double-headed eagle, a crown, and a banner at the bottom.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.
С гравированного портрета Скородумова.

показаться на улице, и, если бы я не был знаком с бóльшей частью офицеров, я бы не рискнул выйти на улицу».¹

Державин рассказывает: «День (30 июня) был самый красный, жаркий; кабаки, погреба и трактиры для солдат растворены: пошел пир на весь мир; солдаты и солдатки, в неистовом восторге и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, мед, шампанское и всякие другие дорогие вина, и лили все вместе, без всякого разбору, в кадки и бочонки, что у кого



Кирияново, дача княгини Дашковой на Петергофской дороге.

С редкой гравюры 18-го века Майера, из собрания П.Я. Дашкова.

случилось. В полночь на другой день с пьянства Измайловский полк, обув от гордости и мечтательного своего превозношения, что императрица в

¹ «La cour de la Russie», 206. «Р. Стар.», I, 224 и след. Некоторые подробности в записках Болотова. De la Marche, 167, 190, 201.

него приехала и прежде других им препровождаема была в Зимний дворец, собравшись без сведения командующих, приступив к дворцу, требовал, чтоб императрица к нему вышла и уверила его персонально, что она здорова, ибо солдаты говорили, что дошел до них слух, что она увезена хитростями прусским королем, которого имя всему российскому народу



Екатерина II в мундире Преображенского полка.
С гравюры 18-го века Фосойз, сделанной с портрета, писанного Эриксоном.

было ненавистно. Их уверяли дежурные придворные, Ив. Ив. Шувалов и подполковник их, граф Разумовский, также и господа Орловы, что госуда-

рыня поживает и, слава Богу, в вожделенном здравии; но они не верили и непременно желали, чтоб она им показалась. Государыня принуждена встать, одеться в гвардейский мундир и проводить их до их полка. Поутру (на другой день) издан был манифест, в котором хотя, с одной стороны,



Григорий Николаевич Теплов.

С портрета Левицкого 1769 г., принадлежащего Академии Художеств.

похвалено было их усердие, но с другой, напоминалась воинская дисциплина, и чтобы не верили они рассеваемым злонамеренных людей мятежничьим слухам, которыми хотят возмутить их и общее спокойствие; в противном случае впредь за непослушание они своим начальникам и всякую подобную дерзость наказаны будут по законам. За всем тем, с того самого дня приумножены пикеты, которые в многом числе, с заряженными пушками и с зажженными фитилями, по всем местам, площадям и перекресткам расставлены были. В таком военном положении находился Петербург и особливо вокруг дворца, в котором государыня пребывание свое имела дней с восемь».¹

Таким образом, Екатерина сама находилась в некоторой опасности. Трудно было справиться со своеволием тех самых солдат и офицеров, которые содействовали успеху переворота. Общее волнение могло легко повести к смутам.

К таким непредвиденным событиям принадлежала и внезапная кончина Петра, в Ропше, 5 (17) июля.

Граф Мерси писал о Петре: «Во всемирной истории не найдется примера, чтобы государь, лишаясь короны и скипетра, выказал так мало мужества и бодрости духа, как он, царь, который всегда старался говорить так высокомерно; при своем же низложении с престола поступил до того мягко и малодушно, что невозможно даже описать».²

Предположение Екатерины перевести Петра из России в Шлиссельбург оказалось лишним. 6 июля она получила известие о смерти бывшего императора. «Я нашла императрицу», — говорит Дашкова, — «в совершенном отчаянии; видно было, под влиянием каких тяжких дум она находилась. Вот что она мне сказала: «Эта смерть наводит на меня ужас; этот удар меня сокрушает».

7 июля был издан манифест о кончине бывшего императора Петра III. Сенат просил Екатерину оставить свое намерение «шествовать к погребению императора Петра III в Невский монастырь». Она исполнила эту просьбу.³

¹ Державин, «Записки», 433. О счетах, представленных купцами за растащенные вина из погребов, см. Соловьева, XXV, 124. Сумма была весьма значительна — 24331 рубль.

² «Сб. Ист. Общ.», XVIII, 475.

³ Соловьев, XXV, 139—140.



Медаль, выбитая по случаю восшествия на престол Екатерины II.
(На оборотной стороне аллегорическое изображение Петербурга,
подносящего государыне русскую корону.)

Впоследствии Екатерина довольно часто и весьма охотно беседовала с разными лицами об этих событиях. Когда, например, в 1770 году прибыл в Россию прусский принц Генрих, приехавший с ним вместе шведский дворянин, граф Гордт, имел разговор с императрицей о государственном перевороте 1762 года. Он был в восхищении от рассказа Екатерины.¹

И с Иосифом II, прибывшим в Россию в 1780 году, Екатерина разговаривала о частностях своего воцарения.²

Храповицкий в своем дневнике рассказывает подробно, как Екатерина беседовала с ним о перевороте 1762 года. Так, например, она заметила: «(Мое) восшествие (на престол) не может быть сравнено с восшествием Елизаветы Петровны. Тут не было неустройства, но (было) единодушие... Меня знали 18 лет прежде». Однажды, в 1788 году, ей случилось услышать имя Стволова; она спросила: «Не сын ли Стволова, бывшего при моем восшествии на престол?» Тут она вспомнила некоторые подробности этого события, как Стволов, гренадер Преображенский, стоял в саду, как он у нее поцеловал руку, как «у него полились в три ручья слезы» и пр. «Согласных было в каждом полку по 99», — рассказывала она Храповицкому. Все частности воцарения оставались у нее свежи в памяти. Храповицкий замечает в 1789 году: «За туалетом дивились, что 27 раз празднуют коронавание; все еще на памяти и, кажется, было недавно».³

Зато Екатерина была недовольна появлением в печати разных книг, в которых говорилось о ее воцарении. Так, например, в 1763 году явилась книга «Mémoires pour servir à l'histoire de Pierre III», привоз которой в Россию был строго запрещен.⁴

В 1768 году Дидро писал из Парижа к Фальконету, находившемуся в Петербурге, что некто Рюльер (Ruihière), бывший в 1762 году секретарем французского посольства в Петербурге, написал историю государственного переворота. К этому Дидро прибавил, что появление этого сочинения в печати может казаться неудобным, так как некоторые выражения об императрице в книге ей могут не понравиться.⁵

Фальконет тотчас же сообщил императрице эту новость. Были приняты меры через русское посольство в Париже, чтобы покупкой рукописи у автора предотвратить публикацию книги. Цель была, достигнута. Со-

¹ «Mémoires d'un gentilhomme suédois». Berlin, 1788, 315.

² Arneth, «Maria Theresia und Joseph II», III, 272.

³ Дневник Храповицкого, изд. Барсукова, 82, 222, 309.

⁴ «Архив князя Воронцова», VII, 605.

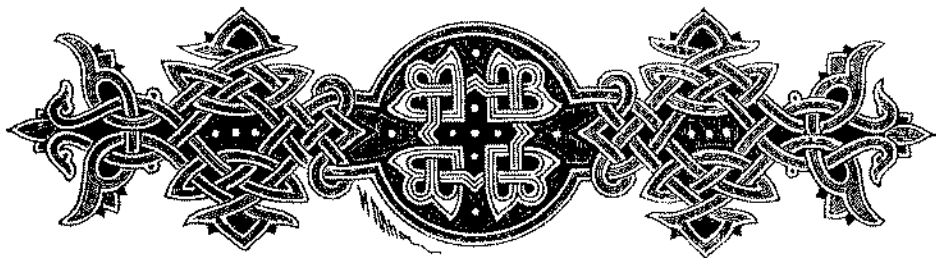
⁵ «Сб. Ист. Общ.» XVII, 44, 52, 57, 58, 259—260, 288.

чинение Рюльера «Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie de 1762» явилась в печати не раньше 1797 года. Княгине Дашковой и императрице было хорошо известно содержание этой книги. Дашкова составила целый ряд замечаний и поправок к сочинению Рюльера.¹ На замечание Гримма, что в сущности сочинение Рюльера не столько вредно, сколько полезно, Екатерина ответила следующей общей характеристикой государственного переворота 1762 года: «Все дело заключалось в том, чтобы или погибнуть вместе с сумасшедшим, или спастись вместе с народом, который хотел избавиться от него. Если бы он вел себя благоразумнее, с ним бы ничего не случилось».²



¹ «Архив князя Воронцова», VII, 653, и «Русск. Арх.» 1877, II, 359 и 360.

² «Il s'agissait de périr avec un fou ou de se sauver avec la multitude qui prétendait s'en délivrer. Or à cela, il n'y avait de manigance que celle de la mauvaise conduite du personnage, car sans cette conduite, assurément, jamais il n'aurait rien pu lui arriver».



Глава VI. Начало царствования



обытия первых дней царствования Екатерины представляют несколько данных для решения вопроса о том, насколько инициатива в государственном перевороте принадлежала самой императрице. Если бы княгиня Дашкова или Орловы имели в этом событии большее значение, нежели императрица, то едва ли бы можно было думать, в самое первое время царствования Екатерины, о каком-либо единстве политической мысли. Только путем безусловного перевеса императрицы над Орловыми и Дашковой было возможно избежать борьбы придворных партий, которые легко могли лишить императрицу результатов ее смелого подвига.

Во все время государственного переворота Екатерина держала себя спокойно, величаво. Некоторые черты в рассказах современников, например, в записках Позье, свидетельствуют о ее необычайной осмотрительности, о хладнокровии и присутствии духа в самые критические минуты этих событий. Поистине, что такой образ действий должен был содействовать упрочению ее престола и независимости поступков императрицы в первые дни царствования. Долго она стремилась к той цели, которая, наконец, была достигнута. Теперь ей приходилось выказать способность занимать первое место в государстве.

Екатерина не хотела довольствоваться регентством на время малолетства Павла; она сделалась самодержницей.

Не так смотрели на дело другие лица, участвовавшие в перевороте. Особенно княгиня Дашкова и Панин мечтали лишь о регентстве Екатерины.¹

¹ Зап. кн. Дашковой, 43—44.

То обстоятельство, что императрица не обращала никакого внимания на это желание своей подруги и воспитателя великого князя, свидетельствует о самостоятельности ее действий в отношении к государственному перевороту. Все происходило по ее повелению. Во всем она имела инициативу.

Рассказывали, что Панин составил записку о том, чтобы императрице быть правительницей, и что она на это согласилась, но будто гвардейские офицеры воспротивились такому намерению и поздравили Екатерину самодержавной императрицей.¹ По другому рассказу, Екатерина будто бы даже согласилась дать подписку о регентстве, но Орловы позаботились о том, чтобы добыть обратно эту бумагу, хранившуюся в сенате.² И о Разумовском говорили, что, по его мнению, Екатерина должна была царствовать не как самодержица, а как мать Павла, до достижения последним совершеннолетия.



Медаль, выбитая в честь канцлера гр. А.П. Бестужева-Рюмина.

Как бы то ни было, ни в одном из манифестов Екатерины в первое время ее царствования мы не встречаем хотя бы малейшего намека на какое-либо ограничение власти ее или на временное значение ее царства-

¹ Соловьев, XXV, 258.

² «Русская Старина», IV, 380.

ния. К тому же не было никого, кто бы мог сделаться защитником прав Павла. Разве только в кружках недовольных в первое время царствования Екатерины заходила речь о том, что по праву престол принадлежит не Екатерине, а ее сыну. В сущности, самодержавие ее не могло сделаться вопросом.

В какой степени самодельно и независимо Екатерина, тотчас же после вступления на престол, занялась делами, видно из множества собственноручных записок, составленных ей в первые дни ее царствования. Таков, например, собственноручный указ сенаторам от 28 июня, в котором Екатерина, отправляясь в Петергоф, принимает меры для безопасности государства; таковы собственноручное приказание адмиралу Талызину в Кронштадте действовать в пользу нового правительства, значительное число собственноручных писем: к Салтыкову, Чернышеву, Глебову, Суворову, собственноручное распоряжение о наградах за участие в государственном перевороте. Этот список составлен весьма тщательно самой императрицей; в нем сначала упомянуты Григорий, Алексей и Федор Орловы, затем Пассек, Бредихин, Бяргинский и другие. По своему усмотрению Екатерина раздавала ордена, чины, деньги и крестьян, назначала разных лиц на известные должности. Около одного миллиона рублей было истрачено на эти награды в первое время нового царствования.¹

Нужно было решить судьбу некоторых приверженцев бывшего императора. В первый раз в России при крутой перемене торжествующая партия относилась кротко и снисходительно к побежденным противникам. Прежде всего приходилось позаботиться об участии голштинских родственников Петра. Уже на третий день после переворота принц Георг с семейством мог беспрепятственно отправиться в Германию. В письме к принцу и принцессе Екатерина изъявила сожаление о том, что они во время событий 28 июня пострадали от неистовства солдат. Она назначила принца администратором в Голштинии и приложила к своему письму сумму в 150000 рублей, присовокупляя, что если эта сумма окажется недостаточной, она ее пополнит.² Голштинские войска были отправлены на родину, причем некоторая часть их потерпела кораблекрушение.³ Что касается бывшей фрейлины Воронцовой, то Екатериной было выражено желание, чтобы она не являлась ко двору. В записке к Елагину сказано: «Перфильевич, сказывал ли ты кому из Лизветных родственников, чтоб

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 101 и след.

² «Русская старина», I, 228.

³ Напрасно Кастера, I, 168, обвиняет в этом императрицу.



Фельдмаршал граф Миних.
С гравированного портрета Чемесова 1764 г.



Аллегория, изображающая царствование Екатерины II.
С гравюры 18-го века Шюффара.

она во дворец не размахнулась, а то боюсь, к общему соблазну, завтра прилетит».¹

Достоин внимания образ действий в отношении тех лиц, которые во время переворота старались отстаивать права Петра. Канцлер Михаил Илларионович Воронцов был арестован по приказанию императрицы после того, как он, по желанию Петра, приехал в Петербург в первый день переворота, чтобы узнать, что происходит в столице. Как только Воронцов подошел к императрице, она спросила его, за тем ли он пришел, чтобы присягнуть ей. Воронцов ответил, что в настоящую минуту не может. «В таком случае, — сказала Екатерина, — не прогневайтесь, если я вас посажу под домашний арест; я с этой целью назначу двух гвардейских офицеров, которые отправятся с вами. Впрочем, можете быть спокойны за себя».² Воронцов недолго оставался под арестом. Узнав о кончине Петра, он присягнул Екатерине и даже несколько месяцев оставался канцлером; вскоре, однако, недоразумения, возникшие между ним, Паниным и Григорием Орловым заставили его просить отставку и удалиться за границу.³

Старый фельдмаршал Миних во время кризиса давал советы Петру и старался ободрить его. После катастрофы он присягнул Екатерине; для нее он составил кое-какие проекты реформ в области государственного права, надеясь занять одно из первых мест в придуманных им учреждениях, однако должен был довольствоваться должностью главного начальника остзейских гаваией. С тактом и снисходительно Екатерина относилась к честолюбивому саювнику, издававшему ей разными проектами о нововведениях.⁴

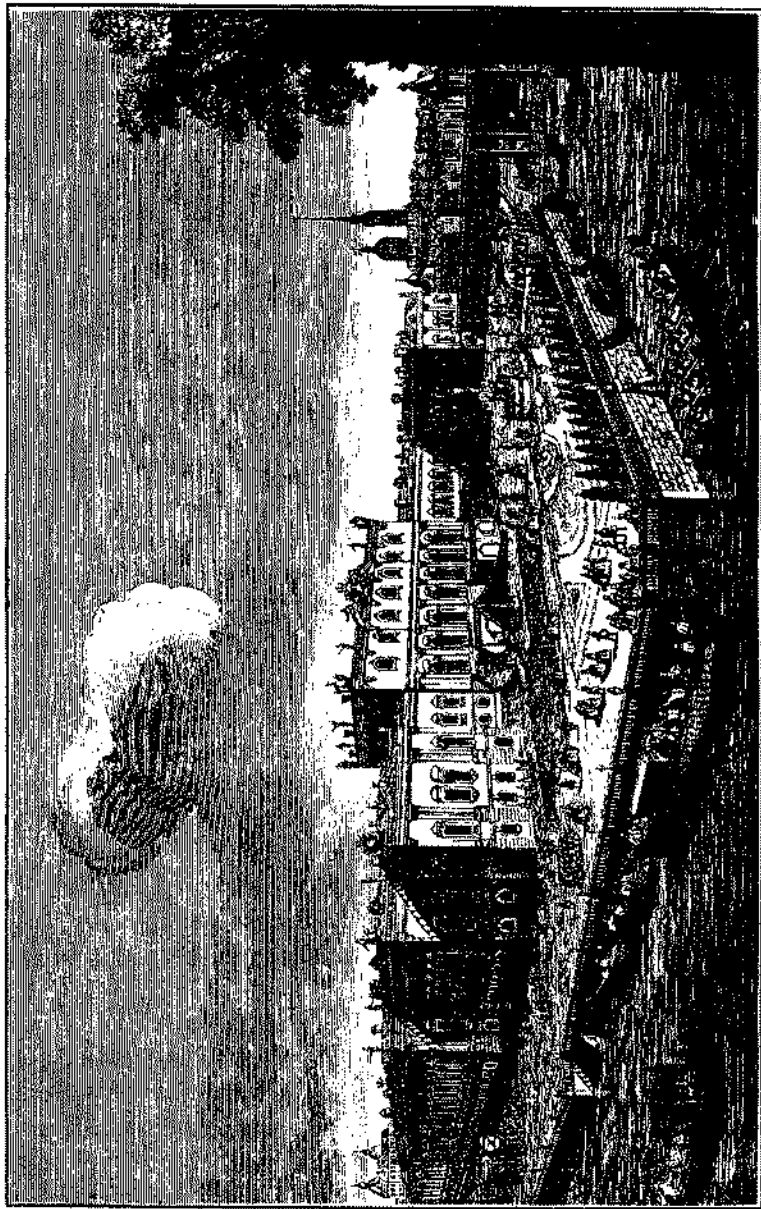
Еще до вступления на престол Петра Волков пользовался его особенным доверием. Во время царствования Петра он имел сильное влияние. Теперь же, после государственного переворота, он в нескольких письмах к Орлову старался оправдать свой образ действий и этим снискать расположение императрицы, причем нисколько не щадил своего прежнего покровителя. Ему дали пост губернатора. Гудович, игравший роль фаворита при Петре III, удалился в свою деревню. Весьма немногие приверженцы Петра, как, например, Мельгунов, несколько дней оставались под арестом. И

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 149.

² «Русская старина», I, 222.

³ «Архив князя Воронцова», VII, 609 и след.

⁴ Миних, «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement en Russie», стр. 184. Соловьев, XXV, 23 и 135. Его переписка с императрицей в сборнике Бюшинга, XVI, 411 —478.



Летний (ныне не существующий) дворец в Петербурге в 18 столетии.
С гравюры 18-го века Махасва.

Шуваловы, столь часто относившиеся враждебно к Екатерине в прежнее время, были удостоены благосклонного внимания императрицы, однако они не имели влияния и вскоре после перемены удалились от дел по собственной воле.¹

Одной из первых мер Екатерины после воцарения было приглашение ко двору бывшего канцлера, А. П. Бестужева, который с 1758 года жил в ссылке в одном из своих имений. Понятно, что Екатерина, находившаяся в дружбе с Бестужевым с 1754 до 1758 года и многим ему обязанная, вспомнила теперь об опытном государственном деятеле. Он был вызван в Петербург.² Несколько лет тому назад над ним был произнесен приговор, как над государственным преступником; теперь же Екатерина обнародовала манифест о возвращении Бестужеву прежних достоинств и о неприцании его за состояние под судом и наказанием. Бестужев не сделался вновь канцлером, но пользовался особенным доверием Екатерины, которая назначила ему пенсию в 20000 рублей и имела в виду назначить его «первым императорским советником и первым членом нового императорского совета», учреждение которого, впрочем, не состоялось. И другие лица возвратились из ссылки, например, Елагин, сделавшийся кабинет-секретарем, Адауров, получивший место председателя мануфактур-коллегии, и пр.

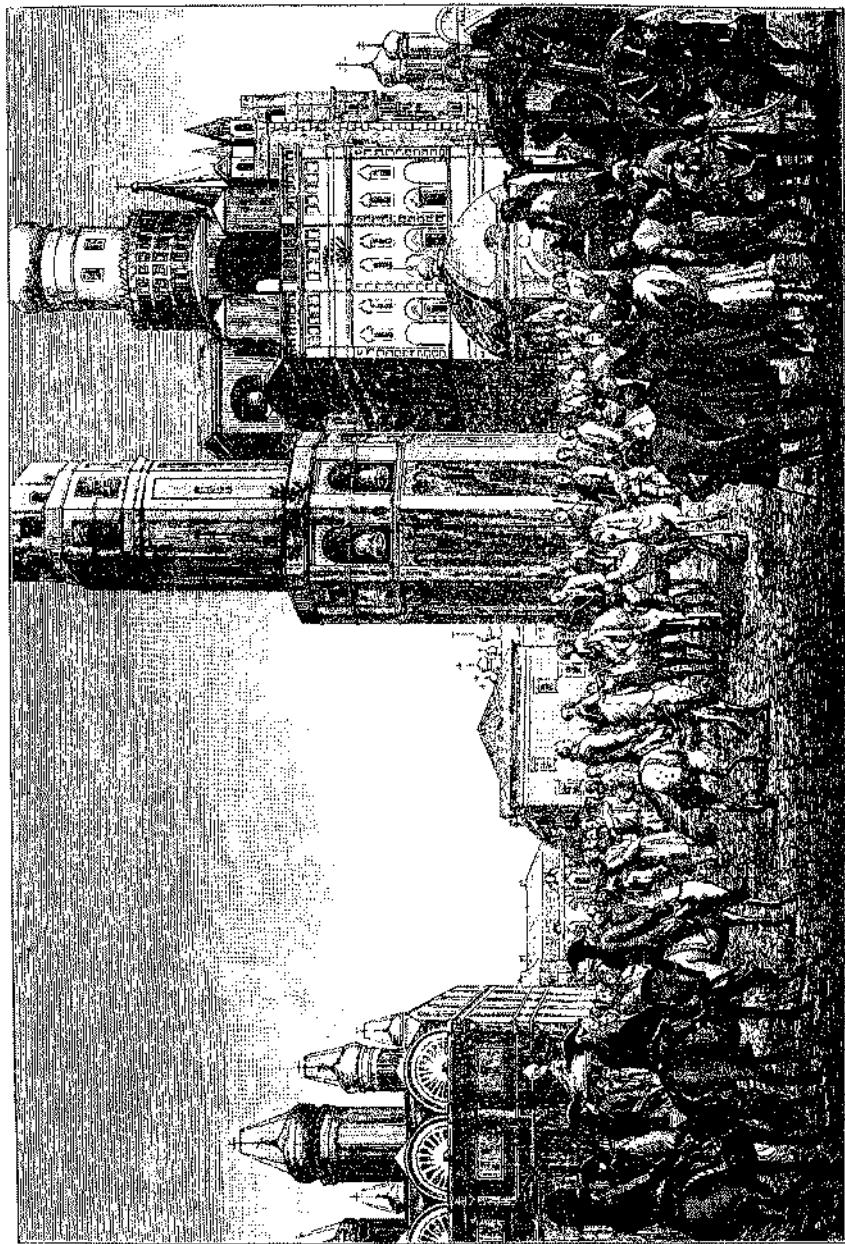
Были приняты меры для поправления крутых и несправедливых действий прежних правительств. Возвращены из ссылки некоторые лица, наказанные строго за участие в так называемом заговоре Ботты. Вдове Апраксина дано было значительное денежное вспомоществование. Лестоку возвратили часть конфискованного при Елизавете имущества.

Разные лица получили щедрые награды, например, Бирон 20000 рублей на покупку серебряного сервиза, Разумовский беспроцентную ссуду в 60000 рублей; ювелиру Позье была выплачена сумма в 50000 рублей, которую ему был должен Петр III, и пр.

В таких значительных подарках и наградах заметна некоторая склонность Екатерины к расточительности. Но в то же самое время в подобных мерах обнаруживается доброта души, желание поправить прежнюю несправедливость, выразить благодарность за услуги. Императрица с первых дней своего царствования выказала необычайную кротость и любезность в обращении с людьми всех состояний, не умаляя нисколько

¹ «Осьмнадцатый век», III, 343—354.

² Зап. кн. Шаховского, II, 139.



КОРОНОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

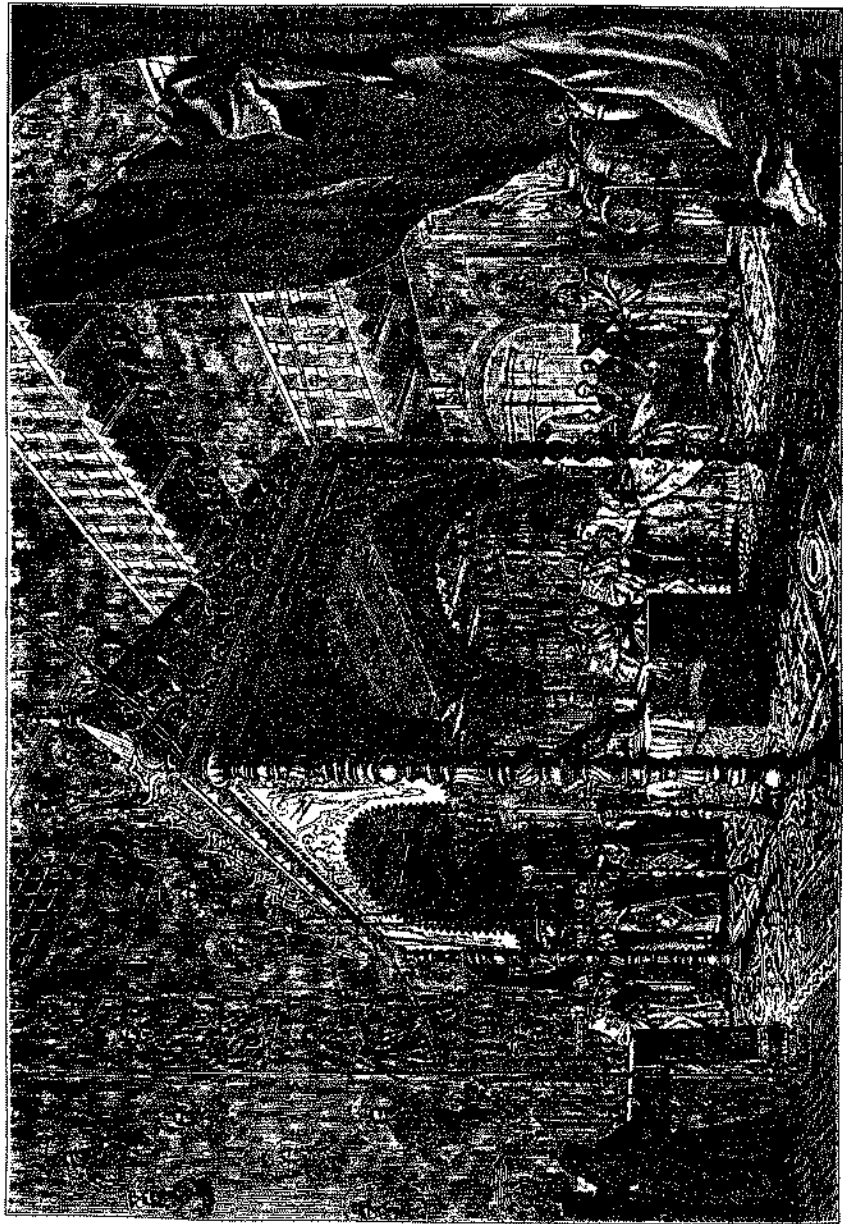
Объявление герольдами народу о провозглашении коронования.

С гравюры Калламанникова. Сделанной с карты и гравюры Калламанникова. С гравюры Калламанникова. Сделанной с карты и гравюры Калламанникова. С гравюры Калламанникова. Сделанной с карты и гравюры Калламанникова.

своего достоинства. И важные, и менее важные мероприятия ее царствования уже в первое время после переворота свидетельствуют о личной инициативе государыни. С давних пор она была готова руководствоваться советами благоразумных и знающих людей. Тотчас же после воцарения она вступила в переписку со многими лицами, которые могли быть полезными ей и государству. Она умела беседовать и с тщеславным Бецким, который приписывал себе главную долю успеха государственного переворота и которому она поручила заведование приготовлениями к коронации, и с опытным в делах сановником, князем Шаховским, которого она вызвала в столицу и который должен был посвящать ее во все тайны административного организма; в ее обращении с образованным и знающим Я. Е. Сиверсом, которому было суждено принимать весьма деятельное участие в администрации, в ее переписке с Румянцевым и другими сановниками, в частной и остроумной беседе с разными царедворцами — везде встречаются доказательства необычайных способностей к занятиям делами, громадная рабочая сила, умственный перевес над всеми людьми, ее окружавшими, и добросовестное отношение к обязанностям государя. И кротость, и личное участие в делах, и ясность суждений, и запас сведений — все это представляло собой явную противоположность той несамостоятельности и случайности, которыми отличалось правление Елизаветы Петровны, и грубости нрава и ограниченности Петра III. Личность Екатерины производила на всех и каждого глубокое впечатление. Монархическое начало имело в ней самого достойного представителя.

Впрочем, и в первое время царствования Екатерины, как и впоследствии, здесь и там встречаются и неблагоприятные отзывы о ее личности. Граф Мерси, недовольный императрицей за то, что она не возвращалась безусловно к прежней политической системе Елизаветы в отношении Австрии и Пруссии, горько жаловался на «высокомерие» императрицы и на ее склонность «принимать во всех делах диктаторский тон».¹ Австрийского дипломата раздражала склонность России к миру: Панин объявил ему, что истощение государства не допускает возобновления усиленных действий против Пруссии, и пр. Полнейшая самостоятельность политики России не понравилась графу Мерси. Особенной независимостью отличалась сама императрица. Бестужев не хотел и слышать о сближении с Францией или с Пруссией; Панин составил весьма сложный план союза России с Англией, Пруссией, Скандинавией и Польшей. Екатерина именно в области

¹ «Сб. Ист. Общ.», XVIII, 460.



КОРОНОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Принятие Св. Таинства в алтаре Успенского собора.

С правой стороны изображена великая княгиня Екатерина II, а с левой — патриарх Константинопольский.

внешней политики с первых дней своего царствования руководствовалась исключительно своими собственными соображениями. Не было никого, кто бы мог заставить ее следовать какой-либо сложной системе или политической доктрине. Она в каждом данном случае действовала по своему собственному усмотрению. Эстергази играл довольно важную роль при Елизавете, Гольц и Шверин были советниками Петра; теперь же Екатерина и относительно Пруссии, и относительно Австрии была вполне независима, и этим самым Россия приобрела гораздо более важное значение в общеевропейской политике: нельзя было располагать Россией в пользу той или другой державы; все они должны были принимать в соображение вполне самостоятельные действия России в международных сношениях. Таким образом усиливалось влияние последней на Европу.

Екатерина не без основания указывала на довольно затруднительные обстоятельства, при которых она начала царствовать. «Финансы были истощены. Армия не получала жалованья за три месяца. Торговля находилась в упадке, ибо многие отрасли ее были отданы в монополию. Не было правильной системы в государственном хозяйстве. Военное ведомство было погружено в долги; морское едва держалось, находясь в крайнем пренебрежении. Духовенство было недовольно отнятием у него земель. Правосудие продавалось с торгу, и законами руководились только в тех случаях, когда они благоприятствовали лицу сильному», и пр. Екатерина указывает затем на целый ряд мер, ей принятых для того, чтобы помочь этим недостаткам. Она любила при таких случаях придавать своим реформам чрезмерное значение.¹

Нельзя отрицать, что тотчас же после воцарения императрицы была заметна кипучая деятельность в государственном организме и что во всех отношениях выказывалось личное участие Екатерины в решении всевозможных вопросов.

На пятый или шестой день по своем восшествии на престол императрица присутствовала в Сенате, которому приказала собираться в Летнем дворце, чтобы ускорить течение дел. Сенат начал с представления о крайнем недостатке в деньгах. Екатерина отвечала, что употребит на государственные нужды собственные комнатные деньги, что, «принадлежа сама государству, она считает и все принадлежащее ей собственностью государства, и на будущее время не будет никакого различия между интересом государственным и ее собственным». Сенаторы жаловались на дороговизну

¹ «Русский Архив», 1866, 58 и след.



КОРОНОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Присяга Екатерины над Евангелием.

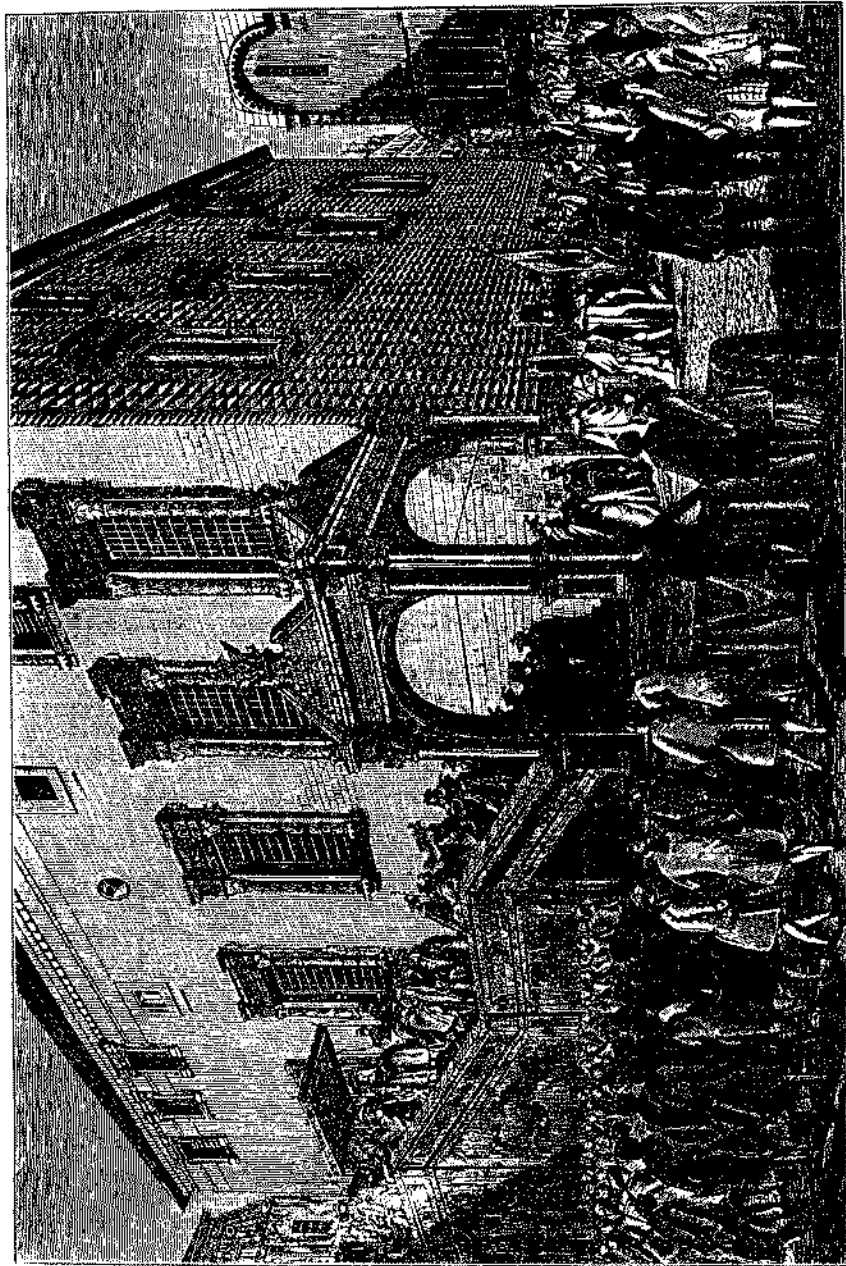
С гравюры Капашникова. сделанной с картинь придворного живописца де Велли. находящейся в Эрмитаже

хлеба. Для понижения цен на хлеб в Петербурге Екатерина запретила временно вывоз хлеба за границу, что в два месяца произвело дешевизну всех припасов. Некоторые распоряжения прежних правительств, оказавшиеся нецелесообразными, поспешными или несправедливыми, были отменены. В других вопросах, требовавших всестороннего обсуждения, Екатерина сама предлагала отсрочку решений. В продолжение немногих недель, то есть до 1 сентября, когда императрица отправилась в Москву для коронации, она участвовала в пятнадцати заседаниях Сената. Воспоследовали некоторые меры, клонившиеся к обеспечению материального благосостояния народа: понижение цены на соль, отмена некоторых монополий и привилегий, освобождение торговли от разных стеснявших ее преград, и пр. Решение вопроса о секуляризации духовных имуществ было отложено. Чрезвычайно трудной задачей оказалось укрощение крестьянских мятежей, свирепствовавших в разных частях государства. Вопрос об учреждении Государственного совета занимал Екатерину в первое время ее царствования.¹ Она рассматривала множество бумаг, на полях которых иногда остро и метко излагала свое мнение, иногда выражаясь общими местами; например: «Где общество выигрывает, тут на партикулярный ущерб не смотрят» и т. п.² В таких замечаниях чувствуется желание принести пользу, действовать справедливо. Всюду заметно стремление к ознакомлению с техникой вопросов законодательства и администрации. Несколько резкий тон, в котором делаются внушения сенаторам, слегка напоминает нам способ обращения Петра с высшими сановниками в государстве.

Понятно, что Екатерина впоследствии охотно говорила и писала об успешном устранении многих затруднений в начале своего царствования. Такова, например, записка, составленная ей в 1779 году. Здесь, например, сказано: «Сенат определял воевод, но числа городов в империи не знал. Когда я требовала реестра городам, то призналась в неведении оных; даже карты всей империи сенат от основания своего не имел. Я, быв в сенате, послала пять рублей в Академию наук чрез реку от сената, и купленный там Кирилловский печатный атлас в тот же час подарила правительствующему сенату». В другом месте: «По восшествии моем на престол сенат подал мне реестр доходам империи, по которому явствовало, что оных считали шестнадцать миллионов. По прошествии двух лет я посадила князя Вяземского и действительного тайного советника Мельгунова, тогдашнего

¹ См. статью Соловьева «О Сенате в первое время царствования Екатерины», в «Др. и Нов. России» 1875, I, 22—28.

² Соловьев, XXV, 358.



КОРОНОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Шествие с Красного Крыльца в Архангельский собор.

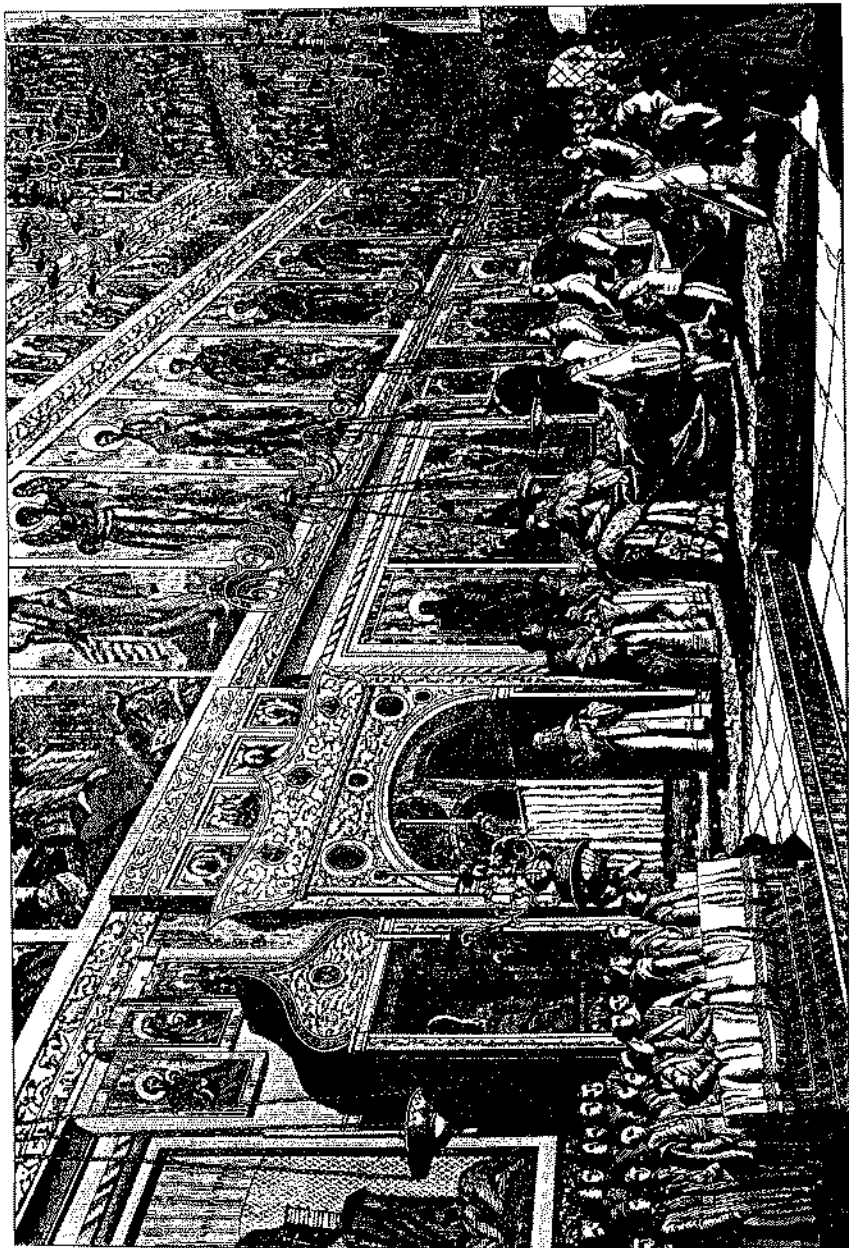
С гравюры Путимцева, сделанной с картины придворного живописца де Велли, находящейся в Эрмитаже.

президента камер-коллегии, считать доходы. Они несколько лет считали, переписываясь раз по семи с каждым воеводой. Наконец сочли двадцать восемь миллионов: двенадцать миллионов больше, нежели сенат ведал». Далее она рассказывает, как сначала сама принимала прошения, но как затем нужно было отменить этот способ, потому что в один праздник, «во время шествия со всем штатом к обедне, просители пресекали мне путь, став полукружием на колена с письмами», и пр. Довольно резко императрица осуждала некоторые меры своих предшественников, также сильно порицала военное управление Апраксина при Елизавете Петровне. Иногда она излагает, каким образом ей приходилось обмениваться мыслями и спорить с сенаторами при решении разных вопросов администрации и законодательства.¹

Современники уже в самое первое время царствования Екатерины удивлялись ее рабочей силе. Рассказывали, что она вставала в 5 часов утра и тотчас же начинала заниматься делами. Миних замечает, что императрица работала иногда по пятнадцать часов в день.² Теперь ей пригодилось то энциклопедическое образование, которое она успела приобрести в последние 18 лет до воцарения. Всячески она старалась вникнуть в сущность предметов законодательства и администрации, составить себе точное понятие о разных вопросах, удачно выбирать лиц при замещении разных должностей, встречать грозившие с разных сторон опасности, помочь недостаткам в государственном и общественном строе, сделаться воспитателем подданных. Редко в такой степени, как у Екатерины, усидчивость труда при исполнении монархических обязанностей была связана с чувством ответственности пред народом и государством; но в то же время редко в такой мере, как у Екатерины, встречались оптимизм, уверенность в успехе, вера в собственный талант и некоторую непогрешимость. Нельзя отрицать, что такого рода самоуверенность проистекала из несколько дилетантского отношения к сложным вопросам политики, но вместе с тем нельзя не допустить, что значительная доля успехов ее царствования обуславливалась этой надеждой на собственную силу, упованием на удачу и счастье. Понятно, что была громадная разница между предположением и исполнением, между благими намерениями и осуществлением широких планов; результаты не соответствовали началу действий; фактический успех далеко уступал вдохновению счастливого темперамента императрицы;

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 170.

² «Ebauche», 189.



КОРОНОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Мироположение.

С гравюры Капашникова, сделанной с картины английского живописца Дж. Верелли, находящейся в Эрмитаже.

вообще же характер первых действий Екатерины после ее воцарения, идеальное отношение ее к своему призванию производят освежающее впечатление и дают нам высокое понятие о политической прозорливости императрицы. Правда, она наслаждалась блеском и славой своего положения; сильная доля тщеславия и самолюбия бросается в глаза при многих действиях ее царствования, но все это находилось в самой тесной связи с истинным человеколюбием и просвещением, с необычайным сознанием долга, с горячим желанием принести пользу России. Недаром она так долго стремилась к занятию престола: она умела царствовать.

При своем восшествии на престол Екатерина пользовалась всеобщим расположением. Иностранцы доносили, что императрица любима русским народом.¹ Из записок современников видно, что известие о ее воцарении было всюду встречено с радостью, даже с восторгом.² Когда Бестужев, указывая на общее удовлетворение при воцарении Екатерины, представил Сенату записку, в которой предлагал дать ей прозвище «матери отечества», она решительно отказалась принять эту честь, замечая при этом: «Видится мне, что сей проект еще рано предложить, потому что растолкуют в свете за тщеславие».³ Еще прежде возникла мысль сооружения памятника Екатерине.⁴ Все это не имело особенного значения: и Петру III хотели воздвигнуть стазую.

Спрашивалось, насколько популярность, которой пользовалась Екатерина в первое время своего царствования, могла считаться прочною?

Она стояла высоко над придворными партиями. Пока ей удавалось сдерживать порывы ненависти между разными лицами, ее окружавшими. Нуждаясь в содействии всех, она соблюдала нейтралитет между Паниным и Бестужевым, между Орловым и княгиней Дашковой.

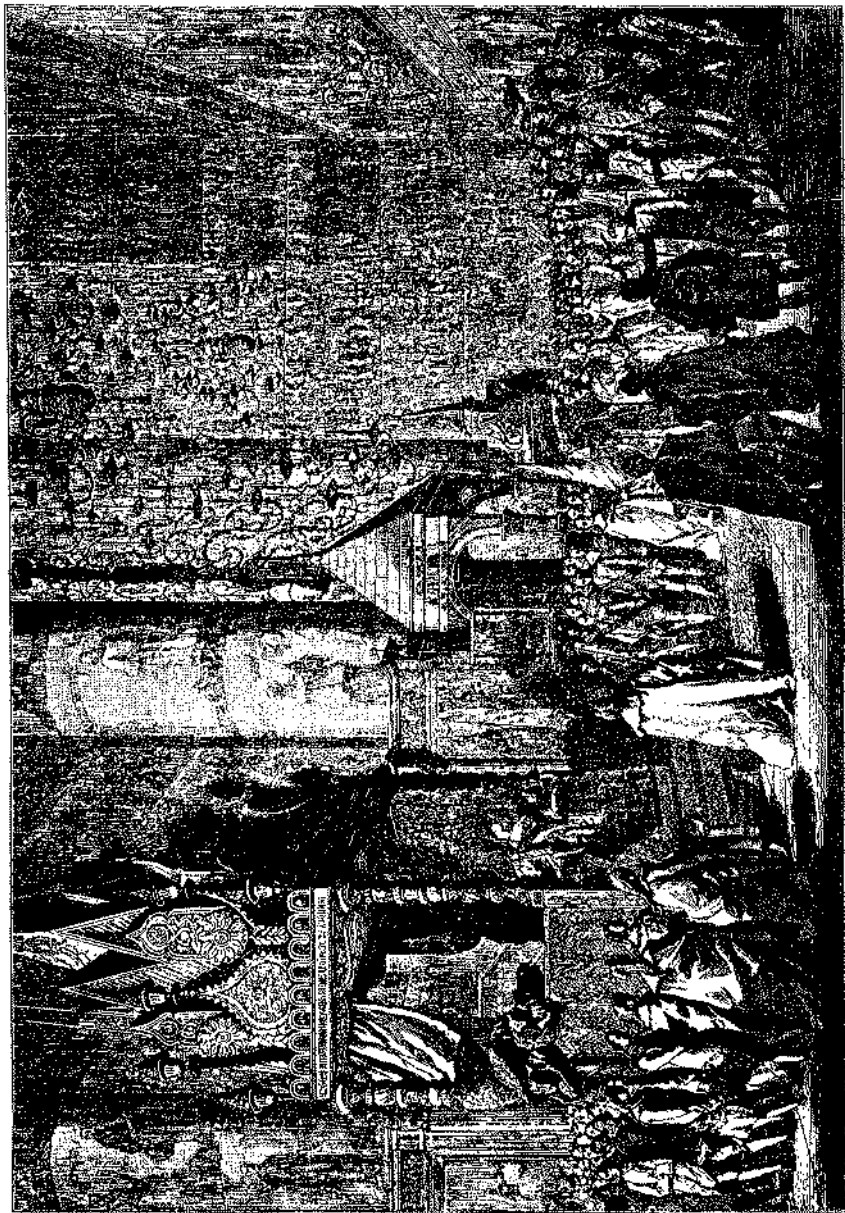
При всем том, обстоятельства легко могли породить некоторое неудовольствие. Панин был недоволен устранением его предложения сделать Павла императором и ограничить монархическую власть; между Дашковой и Екатериною, вскоре после государственного переворота, произошли кое-какие недоразумения; Теплов жаловался, что Елагин пользовался у императрицы большим доверием, чем он; некоторые гвардейские

¹ Соловьев, XXV, 208.

² Зап. кн. Шаховского, II, 141.

³ «Сб. Ист. Общ.», VII, 158.

⁴ Там же, XVII, 303—351.



КОРОНОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Императрица на троне, в царском одеянии.

С гравюры Капашникова, сделанной с картины придворного живописца де Велли, находящейся в Эрмитаже.

офицеры считали себя недостаточно вознагражденными за участие в государственном перевороте. Было невозможно исполнить все желания, удовлетворить всех сообщников, удовлетворить всем требованиям, вызванным честолюбием, алчностью и тщеславием. Неудовольствие могло повести к неприязненным действиям. То, что удалось недавно в пользу Екатерины, могло удасться и в пользу других лиц.

Существовали претенденты.

Граф Мерси писал: «Кажется еще сомнительным, не сделала ли новая императрица большой ошибки в том, что возложила корону на себя, а не провозгласила своего сына, великого князя, самодержцем, а себя регентшею империи во время его несовершеннолетия».¹

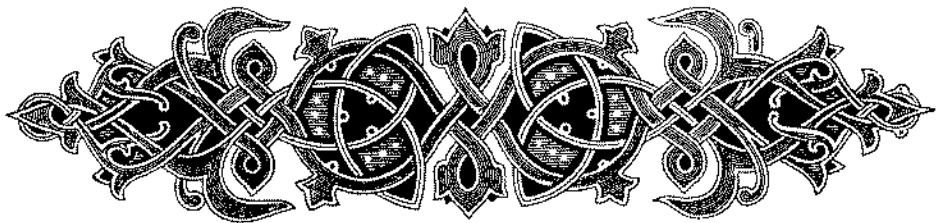
Недаром прежние правительства считали брауншвейгцев опасными претендентами на престол. Бывший император, Иван Антонович, внук царя Ивана Алексеевича, мог сделаться соперником бывшей принцессы Ангальт-Цербстской, превратившейся во всероссийскую императрицу.

Петра III, супруга Екатерины, не стало. Он погиб внезапной смертью. Однако его тень могла грозить страшной опасностью сменившему, его правительству.

Завладев короной, Екатерина должна была отстаивать ее. Не без насильственных кризисов и печальных эпизодов ей удалось удержать власть.



¹ «Сб. Ист. Общ.», XVIII, 464.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Внутренние смуты

Глава I. Признаки недовольствия



восемнадцатом веке в России было несколько непродолжительных царствований. После переворота, жертвами которого сделались император Иоанн Антонович и его родственники, после быстрой перемены на престоле, совершившейся летом 1762 года, можно было считать вероятным, что и Екатерина не долго удержится на троне.

Особенно легко могло явиться опасение, что при ней будет иметь простор фаворитизм в ущерб интересам государства и общества. Ожидали, что Григорий Орлов займет то место, которое занимал Меншиков при Екатерине I или Бирон при Анне Иоанновне. И тот и другой сделались жертвами придворных интриг. Против фаворита императрицы Елизаветы Разумовского был направлен заговор Батурина в 1749 году. Такая же опасность могла грозить и Григорию Орлову. Падение фаворита могло сделаться роковым и для самой императрицы. Обстоя-

тельства заставляли ее быть осмотрительной для избежания опасности.

Екатерина писала Понятовскому в первое время своего царствования, что ей необходима величайшая осторожность, что за ней наблюдают. «Меня принудят, — писала она, — сделать еще тысячу странностей: если я уступлю, меня будут обожать; если нет, то не знаю, что случится». В другом письме ее сказано: «Мое положение таково, что я должна прини-

мать во внимание многие обстоятельства; последний солдат гвардии считает себя виновником моего воцарения, и при всем том заметно общее брожение» и пр.¹

Порой происходили беспорядки, 9 (20) августа, следовательно, через несколько недель после переворота, английский дипломат Кейт доносил своему правительству: «Со времени переворота между гвардейцами поселился скрытый дух вражды и недовольства. Настроение это, усиленное постепенным брожением, достигло таких размеров, что ночью на прошлой неделе оно разразилось почти открытым мятежом. Солдаты Измайловского полка в полночь взялись за оружие и с большим трудом сдались на увещания офицеров. Волнения обнаруживались, хотя в меньшем размере, две ночи подряд, что сильно озаботило правительство; однако с помощью отчасти явных, отчасти тайных арестов многих офицеров и солдат выслали из столицы, через что порядок восстановлен, и в настоящую минуту опасности не предвидится».²

Рассказывали, что особенно в Москве, куда Екатерина отправилась для коронации, господствовало неудовольствие.³ Между тем она из Москвы писала к графу Кейзерлингу: «Невозможно вам описать радость, какую здесь бесчисленный народ оказывает при виде моем: стоит мне выйти или только показаться в окне, и клики возобновляются».⁴

Следующий эпизод, не имевший особенно важного значения, мог считаться признаком неудовольствия в военных кружках.

Орлов через некоторых офицеров узнал о существовании партии, которая хотела возвести на престол бывшего императора, Иоанна Антоновича. Один офицер показал, что уже было отправлено некоторое число заговорщиков для освобождения претендента из заключения в Шлиссельбурге; по другому известию, не менее 1000 человек было посвящено в тайну заговора и что поэтому нельзя было сомневаться в успехе; говорили о князе Голицыне и о графе Н. И. Панине, как о вожаках этого предприятия; ходили слухи о существовании двух революционных партий, из которых одна хотела возвести на престол Иоанна Антоновича, между тем как другая была недовольна тем, что Павел не сделался императором; в этой партии, желавшей возвести на престол Павла, обсуждался вопрос, кого назначить регентом, Панина или Шувалова.

¹ Соловьев, XXV, 149. Adolph Beer, «Die erste Theilung Polens». Wien, 1873. II, 323.

² «Сб. Ист. Общ.», XII, 38.

³ Castéra, I, 163.

⁴ Соловьев, XXV, 160.



*Пухрога во свѣтъ Тѣмъ старалось прохвѣстить,
Дары своих на Тѣ одну вох хотиощиха,
Что бы на ввѣрѣ Тѣмъ величества возвестить,
И наградой вохво, она насъ наградила.*

Профильный портрет Екатерины II в 1762 году.
С гравюры 18-го века Чемесова, сделанной с портрета, писанного Ротари.

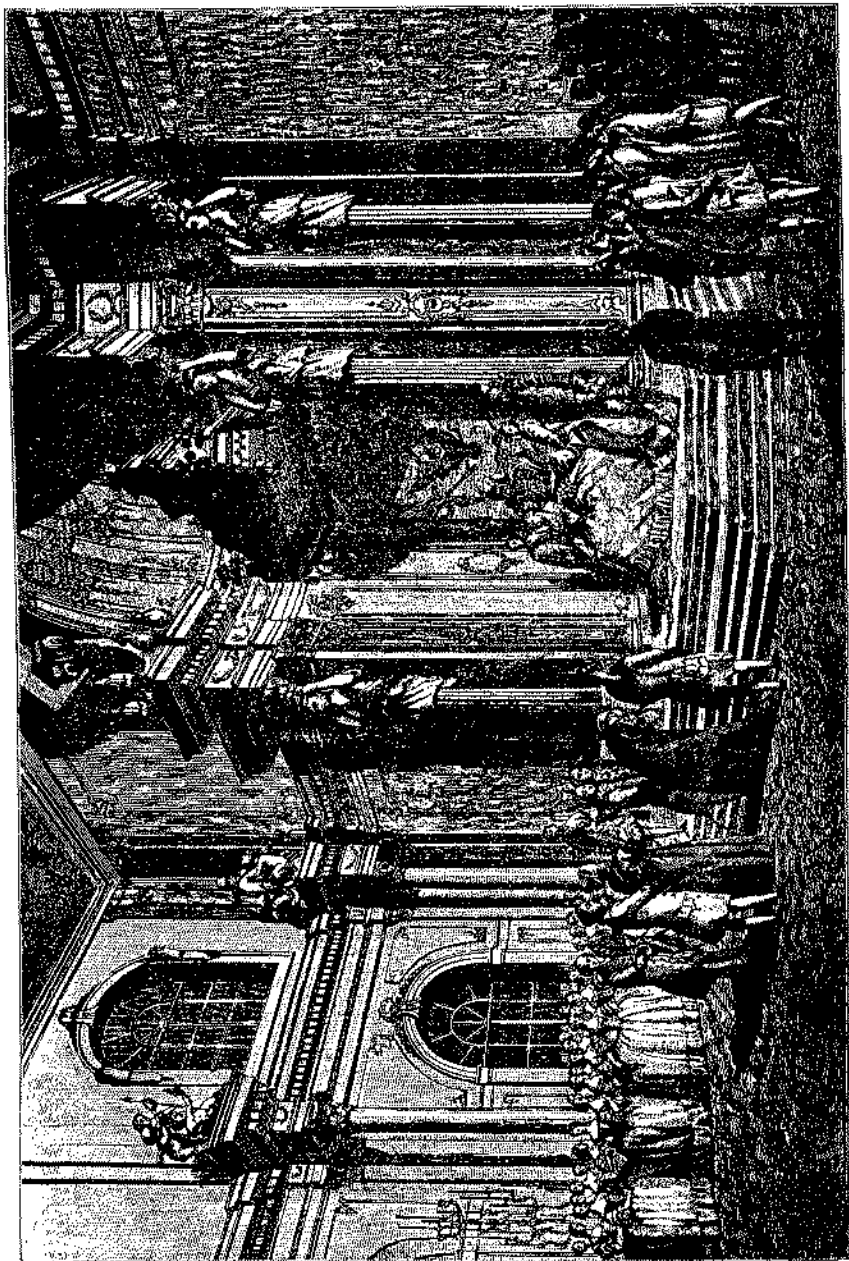
Действий не было. Все оказалось нелепой болтовней в среде немногих офицеров, которые и были арестованы. Об участии высших саиовников в каком-либо заговоре не могло быть и речи. Екатерина поручила исследовать дело без пыток. Поручик Гурьев и Петр Хрушев были приговорены к смертной казни, другие офицеры к каторжной работе. Екатерина смягчила наказания. В манифесте об этом деле сказано: «Мы можем, не похвалившись, пред Богом целому свету сказать, что от руки Божией прияли всероссийский престол не на свое собственное удовольствие, но на расширение славы Его и на учреждение доброго порядка и утверждение правосудия в любезном нашем отечестве». Далее в общих выражениях говорилось о заговоре следующее: «Нашлись такие беспокойные люди, которые покусились делать умысел к ниспровержению Божия у нас промысла и к оскорблению нашего величества, и тем безумно вознамерились похитить Богом врученного иам иарода общее блаженство, о котором мы беспрестанно трудимся с матерним попечением». В циркуляре к русским дипломатам за границей, которым было сообщено об этом эпизоде, заговорщики названы «извергами всего человеческого общества», говорится о их «богомерзком умысле», о их «внутреннем сумасбродстве» и пр.¹

Несколько большее значение имел заговор, направленный против Григория Орлова и открытый немного позднее дела Гурьева и Хрушева; виновниками были некоторые гвардейские офицеры, участвовавшие в государственном перевороте и недовольные наградами, полученными при этом случае. То были Рославлев, Лосунский и Хитрово. Что они просили денег и получили отказ, видно из следующей записки Екатерины к Елагину: «Ты имеешь сказать камергерам Лосунскому и Рославлевым, что, по-неже они мне помогли взойти на престол, для поправления непорядков в отечестве своем, (то) я надеюсь, что они без прискорбья примут мой совет, а что действительная невозможность ныне раздавать деньги, тому ты сам свидетель очевидный».²

Неудовольствие офицеров повело к следующим разговорам. Весной 1763 года, когда императрица в сопровождении графа Орлова отправилась из Москвы в Воскресенский монастырь, камер-юнкер Хитрово начал распространять слух о намерении Екатерины обвенчаться с Орловым; виновником этого, по мнению камер-юнкера, был «старый черт» Бестужев; офицеры решили, что нельзя допустить этого брака. «Если императрица, —

¹ Соловьев, XXV, 161—164. «Сб. Ист. Общ.», VII, 170—171. «Осьмнадцатый век», I, 75—77. П. С. З. № 11, 693.

² «Сб. Ист. Общ.», VII, 234.



КОРОНОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Торжественная аудиенция турецкому посольству.

С гравюры Калпашикова, сделанной с картины придворного живописца де Велли, находящейся в Эрмитаже.

говорил Хитрово, — намерена выйти замуж, то у Иванушки (так звали бывшего императора, Иоанна Антоновича) есть два брата; а если не согласится за них, то, схватя Орловых, всех отлучить; в то время уже можно отвлечь ее от этого дела; она сама нам будет благодарна, что мы нарушителя порядка от нее оторвем». Опять между офицерами ходили слухи о готовности знатных лиц, как, например, Панина, Глебова, княгини Дашковой участвовать в заговоре. Достоинно внимания показание Хитрово на допросе: «Алексей Орлов сказывал мне, что Панин сделал было подписку с тем, чтоб быть государыне правительницей, и она на это согласилась; а когда пришли в Измайловский полк и объявили про ту подписку капитанам Рославлеву и Лосунскому, то они ей объявили, что на то несогласны, а поздравляют ее самодержавной императрицей, и велели солдатам кричать ура». В допросах обнаруживались также кое-какие подробности об агитации Бестужева в пользу брака Екатерины с Орловым и об оппозиции, которую встретила эта мысль между некоторыми высокопоставленными лицами.¹

Княгиня Дашкова в своих записках рассказывает, что Бестужев действительно хлопотал о браке Екатерины с Орловым и что Панин противодействовал осуществлению этого плана. Панин по этому поводу имел объяснение с императрицей, которая объявила, что Бестужев действовал без ее ведома.²

Трудно сказать, как думала сама Екатерина об этом плане Бестужева, желала ли она вступить в брак с Орловым или нет.³ Как бы то ни было, Орлов не сделался ее супругом.

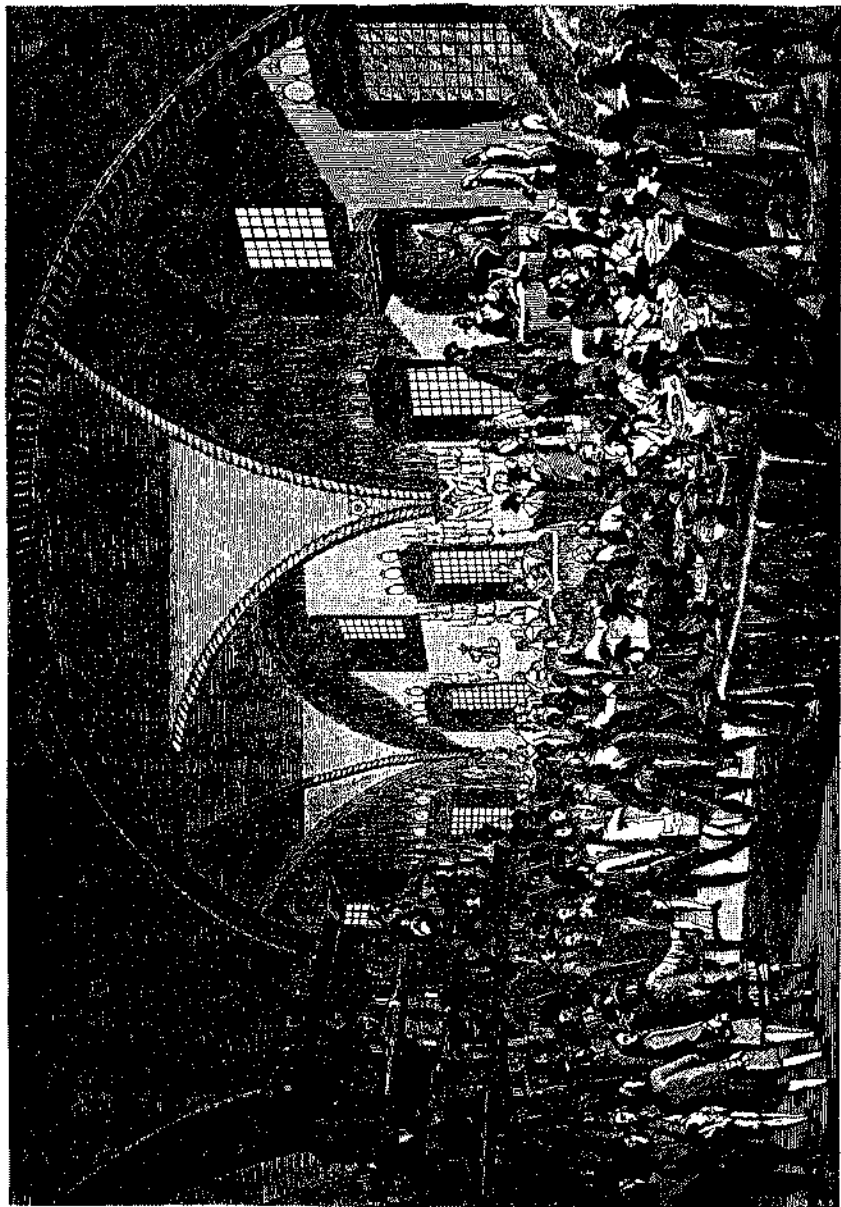
Между тем агитация офицеров против Орлова требовала наказания. При допросах обнаружился целый ряд неосторожных разговоров и выражений Хитрово и его товарищей. Из некоторых записок Екатерины, относящихся к этому делу, видно, что она принимала участие в следствии и обращала внимание на частности дела. Сенатору Василию Ивановичу Суворову она писала между прочим: «Поступайте весьма осторожно, не тревожа ни город и, сколько можно, никого, однако ж таким образом, чтобы досконально узнать самую истину, и весьма различайте слова с предприятием. Впрочем, по полкам имеете уши и глаза». Особенно она старалась узнать, что говорили о мнимом неисполнении обещания, данного ей Панину быть правительницей.⁴

¹ Соловьев, XXV, 257 и след.

² Записки княгини Дашковой, 85.

³ См. «Осьмнадцатый век», II, 460 и след.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», VII, 289.



КОРОНОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Парадный обед в Грановитой Палате.

С гравюры Калпашикова, сделанной с картины придворного живописца де Велли, находящейся в Эрмитаже.

И при этом случае, как в деле Гурьева-Хрущева, не было собственно опасных действий. Преступление ограничивалось смелыми и задорными речами. Виновники в сущности даже не были наказаны; против них были приняты административные меры. Хитрово был сослан в свое имение, Лосунский и Рославлев уволены в отставку. Манифеста, относящегося к этому случаю, не было опубликовано. Зато вскоре, после, на московских улицах читали общий указ, в котором всем и каждому внушалось «удаляться от всяких предерзких и непристойных разглашений» и пр.¹

Екатерине грозила опасность не со стороны только одних военных. И между духовными лицами были люди весьма недовольные императрицей. Самым смелым и опасным противником ее был архиепископ Ростовский Арсений Мацеевич.

Уже при прежних правительствах между ним и светской властью происходили недоразумения, так как он иногда резко говорил о законодательстве, касавшемся духовных вопросов. При Екатерине дело дошло до сильного столкновения, жертвой которого сделался архиепископ. Его погубили крайняя раздражительность, неограниченное высокомерие и чрезвычайная смелость. Желая охранить права и привилегии церкви, он являлся не столько представителем настоящего благочестия, истинно религиозного чувства, сколько сторонником материальных интересов духовенства и иерархического честолюбия, и поэтому скорее был опасным, чем полезным защитником церкви. При всем своем уме и при всей необычайной учености, он был ограниченным представителем сословных прав, не соответствовавших духу времени. В упорной борьбе между ним и Екатериною светская власть осталась победителем.²

Меры, принятые Петром III для секуляризации духовных имуществ, возбудили ропот в среде духовенства и даже содействовали свержению с престола этого государя. Сильнее всех порицал Арсений Мацеевич образ действий правительства в этом отношении, как видно из его переписки с разными товарищами. Из одного письма его, писанного во время царствования Петра, оказывается, что он возлагал некоторую надежду на Екатерину.

¹ П. С. З., № 11843.

² См. монографию г. Иконникова в «Русской Старине» 1879 года.

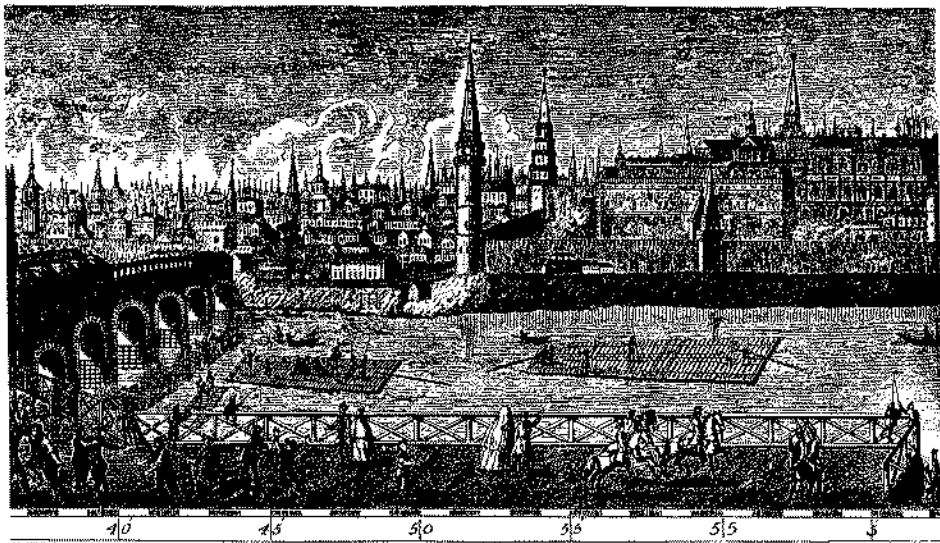
Мы видели выше, что Екатерина еще до своего воцарения отличалась внешним благочестием, обращала внимание на церковные обряды, оказывала уважение к духовенству. При свержении с престола Петра III она в манифестах осуждала образ действий своего супруга в отношении к церкви. Понятно, что от ее царствования ожидали мер в пользу духовенства, отмены законоположений, касавшихся секуляризации монастырских и церковных имений. Тотчас же после вступления на престол Екатерины были вновь открыты домашние церкви, запечатанные при Петре III. В угоду духовенству императрица запретила играть в театре пьесы языческо-мифологического содержания. Были приняты цензурные меры, соответствовавшие взглядам духовенства. Временно были даже остановлены распоряжения, клонившиеся к секуляризации духовных имуществ. Сенату и Синоду было приказано предоставить вновь монастырям и церквам управление их имений; крестьянам, подвластным клиру, было вменено в обязанность оставаться покорными и послушными рабами церкви.

Таким образом, могло казаться, что Екатерина, бывшая ученицей французской литературы просвещения, находившаяся в оживленной переписке с вольнодумцами Вольтером и Дидро и в то же время действовавшая в пользу привилегий церкви, была непоследовательной, противоречила самой себе.

Однако вскоре можно было видеть, что в этом отношении, как и вообще, императрица стояла выше партий и действовала вполне самостоятельно. Она была того мнения, что должно чтить веру и церковь и ее представителей, но что последние не должны иметь влияния на государственные дела. Она осуждала все виды фанатизма. Зато в одном из писем к Вольтеру она называла себя «главою греческой церкви».

Мало-помалу Екатерина начала действовать в смысле «духовного регламента» Петра Великого, ограничивать права духовенства, проводить секуляризацию монастырских и церковных имений. В комиссии, созданной императрицей в конце 1762 года для обсуждения этих вопросов, было, кроме двух духовных лиц, не менее пяти светских членов. Главными соратниками Екатерины в этом деле были не архиереи: она руководствовалась мнениями Бестужева и князя Шаховского.

Вскоре правительство объявило, что мера возвращения монастырям и церквам их имений была лишь временной, до окончательного решения вопроса. В сущности оказалось, что императрица сделала то же, что было сделано ее предшественником. Надежда, которую возлагали на Екатерину в среде духовенства, оказалась тщетной. Всюду послышался ропот. В

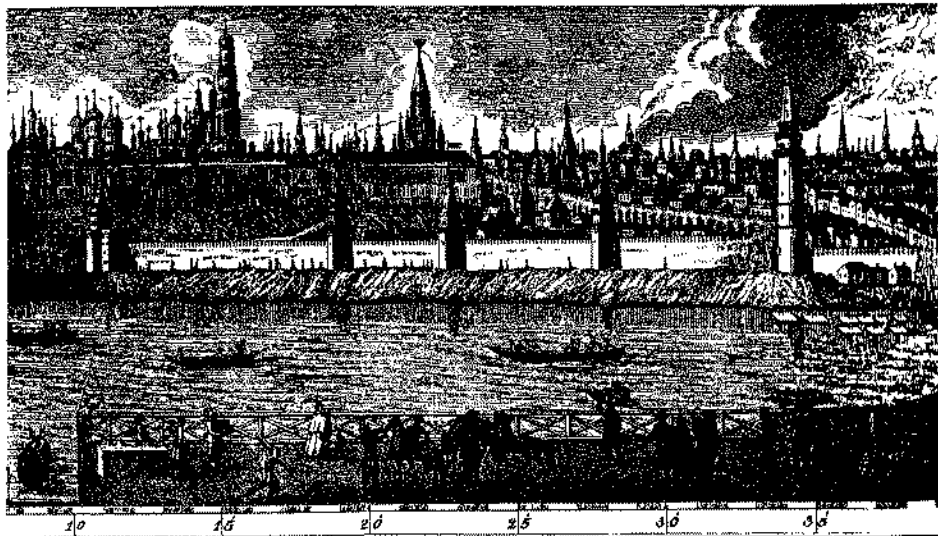


Вид кремля из Замоскворечья между
С гравюры Махаева 1764 г.,

переписке архиереев между собой, насколько она сделалась известной в позднейшее время, выражалось сильное негодование. Никто, однако, кроме Арсения Мацеевича, не осмелился выступить с явным и открытым протестом против светской власти.

Екатерине хорошо было известно, что с этой стороны ей грозила некоторая опасность. Она знала, без сомнения, и о прежних оппозиционных действиях Арсения при ее предшественниках, знала и о его переписке с другими архиереями, в которой резко осуждался образ действий правительства; поэтому она считала весьма вероятным, что архиепископом Ростовским будет предпринята демонстрация против светской власти.

9 февраля Арсений в Ростове совершал обряд предания анафеме. При этом им были прибавлены две статьи, направленные против похитителей церковных имуществ и допущены весьма резкие выражения против светской власти. Обряд проклятия противников церкви был совершен на этот раз особенно торжественно. Все духовенство Ростова принимало в нем участие. Арсений громко возносил молитву, в которой просил небо отвратить хищников от исполнения их намерений; но если они воспротивятся тому, то чтоб память их погибла с шумом и имя их было истреблено в книге живых.



Каменным и Живым мостом к полудню.
из собрания П.Я. Дашкова.

Недаром Екатерина 29 февраля в письме к Олсуфьеву жаловалась на «властолюбие и бешенство ростовского владыки». Можно думать, что она узнала о поступке Арсения, который уже тогда мог считаться государственным преступником.

6 марта 1763 года он написал донесение в Синод, в котором указывал на противоречие между заявлениями Екатерины непосредственно после воцарения и мероприятиями правительства в следующих месяцах, выставлял на вид неудобство участия светских лиц в управлении духовными делами и доказывал неприкосновенность последних. Малейшая попытка лишить церковь средств, по его мнению, была достойна проклятия церкви, причем он указывал на то обстоятельство, что даже во время татарского ига церковь в России спокойно владела своими имениями.

Отправив это донесение в Синод 10 марта, Арсений в тот же день написал письмо Бестужеву, в котором выразил желание, чтобы его мнение о монастырских имущественных делах сделалось известным всем интересующимся этим делом, также и императрице. В другом письме к Бестужеву, от 14 марта, он жаловался на инструкции, данные обер-офицерам, разосланным по всем монастырям, и просил защитить церковь Божию от гонения. Наконец он написал еще другое письмо Синоду, в котором просил войти с

представлением к императрице, так как «церковь от недавно бывшего удара и разорения еще не отдохнула и в чувство не пришла, а между тем снова поднялись на нее наветы и нападения и таковые подлоги, дабы ей со временем вконец истребиться».

Чрезмерная смелость Арсения удивила служивших в ростовской консистории; они неоднократно заявляли ему, по поводу его донесений, что на именные указы представлений чинить не следует; но Арсений их не слушал, а отвечал только, сердясь: «то не ваше дело, а надлежит оному быть непременно».

Еще до получения второго донесения, 12 марта, состоялся доклад Синода императрице о первом донесении, что оно «клонится к оскорблению ее императорского величества, за что Арсений подлежит великому суждению». Екатерина нашла в действиях митрополита «посыгательство на спокойствие подданных» и поспешила предать его суду Синода, предоставив себе лишь право смягчения его участи.

Ночью на 16 марта Арсений был арестован; 17-го он уже находился в Москве, пред Синодом. На его просьбу отпустить его в Спасский Новгородсеверский монастырь не было обращено внимания. Ему был сделан допрос, как государственному преступнику. Говорят, что он при этом, в присутствии императрицы, Орлова, Глебова и Шешковского, был до того откровенен, что императрица зажала себе уши, а ему заклипили рот.

О раздражении Екатерины можно судить по записке ее к Бестужеву, который осмелился было просить императрицу, чтобы Арсению было оказано «монаршее и матернее милосердие» и пр. Императрица писала: «Я чаю, ни при каком государе столько заступления не было за оскорбителя величества, как ныне за арестованного всем Синодом митрополита Ростовского, и не знаю, какую я б причину подавала сомневаться о моем милосердии и человеколюбии. Прежде сего и без всякой церемонии и формы по не столь еще важным делам преосвященным головы секали, и не знаю, как бы я могла содержать и укрепить тишину и благоденствие народа (умолча о защищении мне от Бога данной власти), если бы возмутители не были наказаны».¹

1 апреля открылся суд над Арсением. Вскоре состоялся приговор: он был лишен сана и должен был дать подписку, что впредь не будет именоваться или действовать митрополитом, ни архиереем, ни в другом духовном сане. Екатерина, как сказано в акте приговора, «по своему природному

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 269—270.



Архиепископ Арсений Мацеевич в Ревельском каземате.
С гравюры Осипова, сделанной с портрета Ковалькова,
находящегося в Саввиновом монастыре.

великодушию, милосердию и человеколюбие, освободив его от гражданского суда», повелела сослать Арсения в отдаленный монастырь. Состоялось решение отправить его в Архангельскую епархию, в Николаевский Карельский монастырь, с производством ему кормовых денег по 50 копеек в день. Было запрещено допускать кого-либо к бывшему митрополиту, которого сторожили один унтер-офицер и четыре солдата.

Таким образом, могло казаться, что правительство раз навсегда освободилось от опасного противника, которого имело в Арсении. Однако предстояли еще дальнейшие столкновения между ним и светской властью. Смелость, заставившая пылкого архиерея протестовать против секуляризации духовных имений, побудила его и в ссылке к весьма неосторожным речам о личности императрицы, оспариванию ее права на занятие престола и вообще к заявлению неудовольствия относительно положения России. Приходилось наказать Арсения еще строже прежнего.

В заключении Арсений пользовался большей свободой, чем было дозволено. Он собирал возле себя монахов и караульных солдат, с которыми вел беседы о современных событиях и действиях враждебного ему правительства; он нередко касался вопросов, имевших отношение к его собственному положению. Об этих речах донес один из монахов начальству. Таким образом, в 1767 году в Архангельской канцелярии началось новое следствие, при котором, по желанию императрицы, было строго запрещено употребление пытки.

Арсений говорил, что Екатерине не следовало принимать престола. «Государыня наша, — сказал он однажды, — не природная и не тверда в законе нашем», порицал намерение ее вступить в брак с графом Орловым; утверждал, что Минович, сделавший попытку освободить из заключения бывшего императора Иоанна Антоновича,¹ не действовал один, «а, конечно-де, было много и больших господ согласников», порицал бывших при Иоанне Антоновиче офицеров, которые его убили, «за пролитие царской крови»; по поводу болезни Павла Петровича сказал, что «не берегут наследника». Далее он предвещал царствование в России «двух юношей, которые выгонят турка и возьмут Царьград»; эти юноши, на которых надеялся Арсений, были Павел Петрович и брат Иоанна Антоновича. Особенно подробны были рассуждения Арсения относительно монастырских имуществ и его собственного положения. «Ныне-де в монастырях, — говорил он, — и пива сварить не из чего», «всю церковь разграбили», «так-де

¹ См. следующую главу.



Архангельский Николо-Карельский монастырь в конце 18-го столетия.
С гравюры 18-го века Пуля.

что в России делают, того у турок нет, ибо-де турки свои мечети награждают, у нас-де ныне Содом и Гомор». Весьма резко Арсений отзывался о новгородском архиепископе Сеченове, который пользовался особенным доверием Екатерины; себя он сравнивал с Златоустом, заточенным также царицей, и пр.

Екатерина принимала живое участие в следствии, прочитывала протоколы допросов, делала к ним разные примечания и указывала на пункты, требовавшие, по ее мнению, особенного внимания при дальнейших допросах. Особенно императрицу оскорбляли замечания Арсения, что ей, собственно, не надлежало царствовать, что она хорошо бы сделала, вступив в брак с Иоанном Антоновичем, что ей следовало бы довольствоваться регентством, и пр.

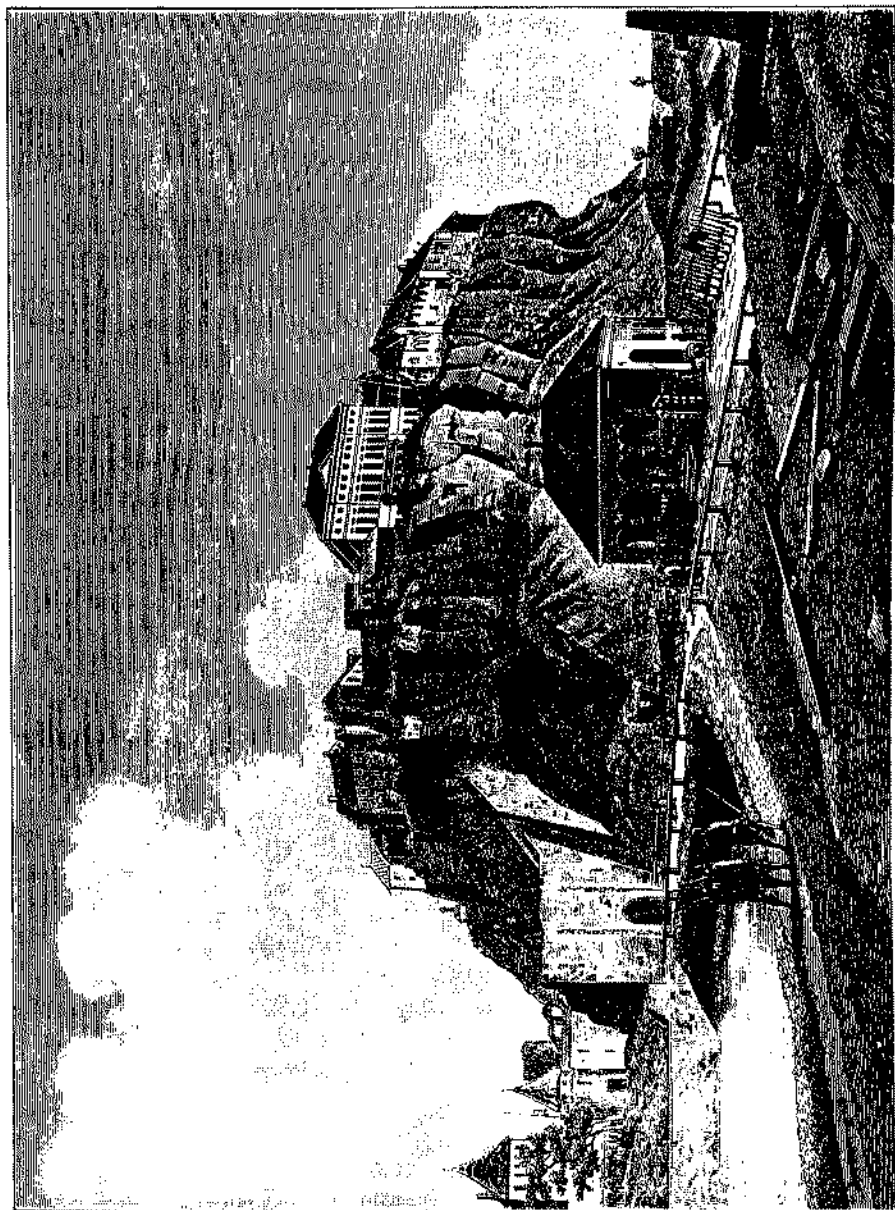
Следствие велось тайно. Весьма лишь немногие сановники, как, например, Панин и Орлов, были посвящены в подробности дела. Екатерина была раздражена опасностью, заключавшейся в подобных разговорах для государства.

Доносчиков наградили. Лица, слышавшие неосторожные речи Арсения и не сообщившие о том куда следовало, были наказаны. Сам Арсений был приговорен к расстрижению и вечному и неисходному содержанию в Ревеле, в каземате, под именем «Андрея Вралья»; — это прозвание в бумагах везде прописано рукой самой Екатерины.

Затем были составлены три инструкции: две из них офицерам, из которых один должен был везти Арсения до Вологды, а другой от Вологды до Ревеля, и третья ревельскому коменданту Гизенгаузену. В этих инструкциях говорилось об Арсении, как о «неизвестном колоднике», или о «мужике Андрее Врале», или о «Бродягине». Соблюдение строгой тайны было главным условием в этих инструкциях; сопровождавшим Арсения воспрещено было говорить с ним, а в случае, если бы они слышали от него что-либо, то им приказывалось никому о том не рассказывать, а содержать во всю жизнь секретно, объявив одному князю Вяземскому, и пр.¹

Очевидно, правительство опасалось влияния бывшего митрополита на народ, который вообще сочувствовал угнетенным и «несчастливым» и в данном случае легко мог видеть в Арсении мученика или святого. Хотя его путешествие из Архангельска в Ревель совершилось в глубочайшей тайне, все-таки в публике ходили разные слухи о его наказании и ссылке.

¹ См. дальнейшие подробности в статье г. Иконникова в «Р. Старине», XXVI, 192 и след.



Ревельская крепость в Вышгороде в конце 18 столетия.
С гравюры 18-го века Лорие.

Рассказывали о его отправлении в Сибирь; передавались легенды о его кончине.¹

И в Ревеле, где содержался Арсений до своей кончины (1772), старались соблюдать глубочайшую тайну о личности колодника. На случай смерти разрешено было позвать к нему священника, но взяв при том подписку «под смертною казнью, что не скажет век о том никому». Когда Арсений заболел, к нему призвали доктора — немца, но предварительно взяли с него подписку в том, что «под смертною казнью не будет спрашивать у больного о его имени и состоянии и никому до конца жизни не объявит о нем ни в разговорах, ни догадками, или какими-нибудь минами». Вся переписка об Арсении должна была идти безыменно — «о секретном деле» — и отсылаться в руки князя Вяземского, без именного письменного распоряжения которого, или самой императрицы, колодник не мог быть выдан никому. Вещи его были проданы, не говоря, чьи они; книги ему оставили, но не давали ему материала, годного для письма. Когда в июне 1769 года Тизенгаузен был заменен другим комендантом, Екатерина сочла нужным сделать новое напоминание князю Вяземскому: «Не изволишь ли писать к нему (Бенкендорфу), чтобы он за Вралем имел смотрение такое, как Тизенгаузен имел, а то боюсь, чтоб, не бывши ему поручен, Враль не заводил в междуцарствии свои какие ни на есть штуки, и чтобы не стали слабее за сим зверьком смотреть, а то нам от того не выливались новые хлопоты».

Спрашивается: было ли в самом деле основание считать Арсения столь опасным противником правительства? Правда, в народе он пользовался некоторым влиянием. Были люди, разделявшие его взгляды относительно отобрания монастырских имуществ. И. В. Лопухин, известный масон и филантроп, в своем орловском имении, селе Воскресенском, поставил Арсению памятник. Настоящих приверженцев он не имел. Строгость мер, принятых против Арсения, объясняется шаткостью положения, в котором находилось правительство в первое время царствования Екатерины.

Не один Арсений, впрочем, осуждал образ действий императрицы и подвергал строгой критике не только ее правительственные распоряжения, но и ее личность.

В 1771 году один купец, Алексей Смолин, обратился к императрице с посланием, в котором заключались сильные упреки, относившиеся к разным мерам, принятым правительством. Очевидно, протест Смолина был отголоском нерасположения к Екатерине, господствовавшего в среде духовенства.

¹ См. разные данные по этим вопросам в «Чтениях Моск. Общ.» 1862, II и III.

В начале этого документа говорится о секуляризации монастырских имуществ. И Смолин, как до него Арсений, указывал на несогласие между заявлениями императрицы в начале ее царствования и вскоре затем проведенными мерами: «Чего прежде ненавидела, то возлюбила», — писал Смолин о Екатерине, продолжая: — «Святых мест отняла вотчины и имения, или, лучше сказать, ограбила, и после отдаешь оные графу Орлову и другим господам... и чрез то многие небогатые монастыри и пустыни привела в опустошение... О богомерзкое повеление! Откуда ты, скажи пожалуй, взяла власть над церковным имением, идеже власти духовные поставлены суть от Бога. Воров повелеваешь за грабительство и обиды народа наказывать нещадно, а ты чего достойна за разорение святых монастырей; на тебя суда сыскать негде». Затем следует упрек, что митрополит Арсений был лишен сана и сослан, причем указывается на то, как строго провидение карало тех, которые преследовали церковь и ее представителей. Особенно резко Смолин упрекал Екатерину за учреждение воспитательных домов в обеих столицах; он говорит о порче нравов и спрашивает: «А кто тому причиною? Безрассудное правление твое, о Екатерина!» Смолин далее недоволен тем, что «лютерам и кальвинам и прочим еретикам дозволено свои ересей наполненные церкви строить», что светское образование взяло верх в воспитании детей высших классов общества; он вооружается против «плясания и танцев», указывая на то, что «за плясание казнит Бог». Далее он считает Екатерину виновницей погибели Иоанна Антоновича, убитого в Шлиссельбурге в 1764 году; в дороге визне хлеба Смолин видел наказание Божие за это печальное событие; он пишет: «Имея окаменелое сердце, яко фараон, видя цены умножающиеся, думаешь, что народ подлый разбогатился, прибавляешь болезнь к болезни, умножая оброки и подати. О безумия и обиды исполненное повеление! А деньги трагишь безрассудно» и пр. Послание оканчивалось угрозой: «Ежели ты на прежних основаниях не утвердишь, не избежешь рук озлобленных тобою и раздраженных».

Как видно, в этом послании, наполненном средневековыми воззрениями и домостроевским духом, слышалось негодование известных слоев общества на разные действия правительства, светский характер двора и личность императрицы.

Сохранились некоторые деловые бумаги, свидетельствующие о том, что и Смолин довольно дорого заплатил за свою чрезмерную смелость. Он передал свое послание митрополиту тверскому, который велел задержать его и предоставил светскому суду. Он сознался в том, что намеренал-

ся распространять в народе списки своего сочинения, жаловался на произвол судей и подъячих, на недобросовестность чиновников и пр.

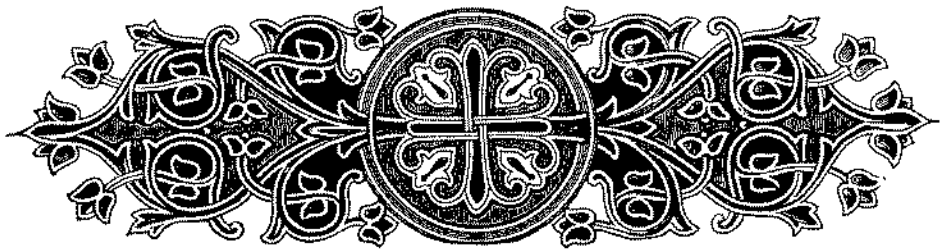
В письме к Вяземскому императрица заметила: «Скажите Шешковскому, что когда он поедет к фанатику, чтобы он тогда с ним говорил и толковал ему, что по закону Божию должно почитать и повиноваться высшей власти; что сам Спаситель говорит: отдайте царю царю, и чрез то велел почитать царя, что, браня царя, он умножает своих грехов... Авось либо приведет его в уныние, — и утихнет; и потом велите снова ему предложить подписку, чтобы не говорить ни с кем» и пр.

По приказанию Екатерины Смоленин на пять лет был заключен в Шлиссельбургскую крепость. По истечении этого времени ему было дозволено удалиться в монастырь, игумену которого было вменено в обязанность зорко наблюдать за государственным преступником и ежегодно доносить генерал-прокурору о его поведении.¹

Все эти эпизоды, в которых участвовали представители разных классов общества, заключают в себе доказательство, что в народе существовало некоторое нерасположение к новому правительству и что положение Екатерины, в первое время ее царствования, было затруднительно. Ей грозила опасность со стороны разных претендентов.



¹ Кашпиров, «Памятники новой русской истории». Спб., 1871. I; 123—138.



Глава II. Мирович



о всех политических процессах в начале царствования Екатерины говорилось о правах на престол бывшего императора Иоанна Антоновича. Со времени падения брауншвейгцев, в 1741 году, порой обихаживалось некоторое расположение к членам этого семейства. Не без основания правительство старалось сохранять в тайне местопребывание несчастного претендента, Иоанна Антоновича. Между тем как он в 1744 году был отправлен в Холмогоры, а оттуда в 1756 году переведен в Шлиссельбургскую крепость, в иароде ходили разные иеленые слухи о его судьбе и местопребывании.

Из ииструкции, составленной при императрице Елизавете для лиц, иадзиравших за принцем в Шлиссельбурге, видно, что правительство опасалось заговора в пользу бывшего императора. Таинственность, которой окружали личность опасного арестанта, доходила до того, что из офицеров и солдат шлиссельбургского гарнизона почти никто не подозревал в колодиике, заключением в «№ 1» казармы, Иоанна Антоновича. Существовали в публике довольно странные миеения о способностях и качествах юиоши. Рассказывали о его иеобычайной красоте, многостороннем образовании и пр.¹

В сущности, Иоанн Антонович, иаходившийся с детства под надзором солдат и офицеров, получил самое скудное воспитание, был косноязычен и страдал припадками помешательства. Все это не препятствовало

¹ См. мое сочинение «Иоанн Антонович и его родственники». Москва, 1878 года.

распространению в последнее время царствования Елизаветы слуха о том, будто императрица намеревалась лишить Петра права престолонаследия и назначить Иоанна своим преемником.

В царствование Петра III ходили слухи о намерении императора отправить Иоанна к родственникам, в Брауншвейг. Мы видели выше, что Фридрих II считал в то время Иоанна опасным претендентом. В январе 1762 года было предписано капитану гвардии, князю Чурмантееву: «Буде, сверх нашего чаяния, кто б отважился арестанта у вас отнять, в таком случае противиться сколько можно и арестанта живого в руки не отдавать».¹ Опасения не прекращались и после вступления на престол Екатерины. Вольтер писал 28 сентября 1762 года к графу д'Аржанталю: «Я крепко боюсь, чтоб Иоанн не сверг с престола нашей благодетельницы, а ведь этот молодой человек, воспитанный в России монахами, далеко, вероятно, не будет философом».²

Тотчас после вступления на престол Екатерины было сделано распоряжение о переводе Иоанна из Шлиссельбурга в Кексгольм, «а в Шлиссельбурге, в самой оной крепости, очистить внутренней крепости самые лучшие покои и прибрать, по крайней мере по лучшей опрятности, оные». Очевидно, эти комнаты были нужны для Петра Феодоровича. Правительство могло считать неудобным содержать в одном месте двух сверженных с престола государей. Поэтому Иоанна перевезли в Кексгольм, но вскоре — после внезапной кончины Петра — возвратили в Шлиссельбург.³ Здесь императрица посетила несчастного арестанта, причем могла убедиться в том, что он лично не был опасным претендентом. В манифесте, опубликованном по случаю катастрофы Иоанна, сказано: «мы увидели в нем кроме весьма ему тягостного и другим почти невразумительного косноязычества, лишение разума и смысла человеческого».⁴

Между записками Екатерины нашлась следующая, написанная к Н. И. Панину в первое время царствования и, кажется, относящаяся к Иоанну: «Мое мнение есть, чтоб ... из рук не выпускать, дабы всегда в охране от зла остался, только постричь ныне и переменить жилище в не весьма близкий и в не весьма отдаленный монастырь, особливо в такой, где богомолья нет, и тут содержать под таким присмотром, как и ныне; еще

¹ Соловьев, XXV, 93.

² «Осьмнадцатый век», I, 337.

³ Соловьев, XXV, 160—161.

⁴ П. С. З. № 12228.

справиться, можно нет ли посреди муромских лесов, в Коле или в Новгородской епархии таких мест».¹



Император Иоанн Антонович.

С единственного достоверного портрета, рисованного акварелью на грамоте, заготовленной в 1741 г. для фельдмаршала графа Миниха и находящейся в Сенатском архиве.

Иоанн оставался в Шлиссельбурге. Его сторожили два офицера, Власьев и Чекин, которым Панин дал следующую инструкцию: «Разгово-

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 364.

ры вам употреблять с арестантом такие, чтобы в нем возбуждать склонность к духовному чину, то есть к монашеству, и что ему тогда имя надобно будет переменить, а называть его будут вместо Григорья ¹ Гервасий. Ежели случится, чтоб кто пришел с командой или один, хотя б то был и комендант, без именного повеления или без письменного от меня (Панина) приказа и захотел арестанта у вас взять, то оного никому не отдавать и почитать все то за подлог или неприятельскую руку. Буде же так оная сильна будет рука, что спастись не можно, то и арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать».

На увещания Власьева и Чекина Иоанн отвечал: «Я в монашеский чин желаю, только страшусь Св. Духа, притом же я бесплотный». Потом сказал, что Гервасием называться не хочет, а пусть назовут его Феодосием.²

Кроме Иоанна, считались опасными и его родственники, содержавшиеся в Холмогорах. Английский дипломат Букингем писал, что вскоре после переворота, летом 1762 года, некоторые из разумнейших советников Екатерины старались уговорить ее отпустить брауншвейгцев за границу, но что это предложение было отвергнуто большинством сановников.³ В следующем году возникла мысль отпустить за границу одного принца Антона Ульриха, оставив в заключении детей его. Императрица отправила в Холмогоры А. И. Бибикова, который должен был сделать предложение принцу выехать в Германию. Принц не принял этого предложения, объяснив, что не желает свободы, если дети его останутся в остроге.⁴

Мы знаем, что сам Иоанн не мог быть опасным. Но его имя было опасно. Он все-таки оставался претендентом. Лица, недовольные правительством, легко могли воспользоваться им при попытке произвести государственный переворот. У Екатерины было много противников. Считали возможным, что она так или иначе избавится от вечно грозившей ей со стороны Иоанна Антоновича опасности. Чрезвычайно любопытно замечание по этому поводу в депеше одного иностранного дипломата, что в первое время царствования Екатерины, по случаю разных манифестаций против нового правительства, люди знающие при дворе говорили, что Иоанну никак нельзя миновать смерти.⁵

¹ Уже в 1744 году Иоанна стали звать Григорием.

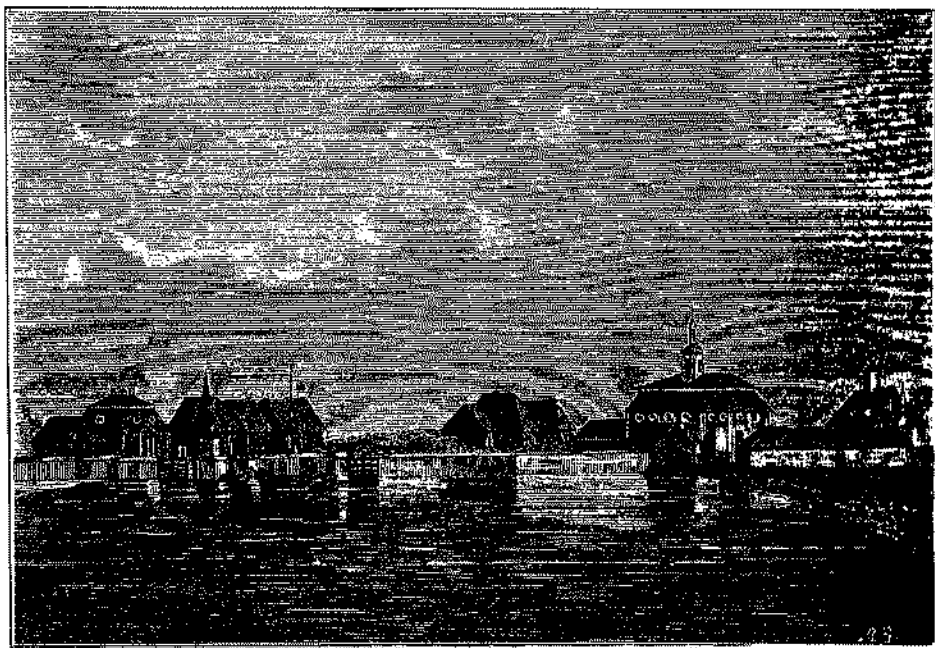
² Соловьев, XXV, 161.

³ «La cour de la Russie», 238.

⁴ Записки о жизни Бибикова, прил. 5.

⁵ Herrmann, «Gesch. d. russ. Staats», V, 637.

Поэтому, когда летом 1764 года была сделана попытка освободить Иоанна Антоновича из заключения, причем претендент был лишен жизни, распространились кое-какие слухи о некотором участии Екатерины в этом деле. И в исторической литературе императрицу обвиняли в том, что она будто бы умышленно погубила Иоанна. Между тем как в современных или тотчас после Шлиссельбургской катастрофы изданных сочинениях почти вовсе не встречается такого обвинения, в позднейших трудах, напечатанных вскоре после кончины Екатерины, приводятся самые сложные рассказы об участии Екатерины в деле Мировича с целью устранения Иоанна.¹



Вид Шлиссельбургской крепости в конце 18 столетия.

С рисунка, сделанного с натуры в 1789 г. Угрюмовым, из собрания П.Я. Дашкова.

При том богатстве источников, которым мы располагаем относительно этого печального эпизода, нет более основания думать, что Мирович был орудием высокопоставленных лиц. Он действовал по собствен-

¹ См. подробный разбор сочинений Кастера, Сальерна, Гельбига, в моем труде «Иоанн Антонович и его родственники», 81—85.

ному побуждению. Его предприятие походит на попытку Батурина возвести на престол Петра Феодоровича в 1749 году, на мятежные замыслы Гурьева, Хрущева и их товарищей осенью 1762 года, Хитрово и его товарищей в 1763 году. Во всех этих эпизодах есть общая черта: распространение слухов о мнимом участии в заговорах высокопоставленных лиц.

Мирович происходил от знатного малороссийского рода; во время катастрофы Иоанна ему было лишь 24 года. Обремененный долгами, склонный к расточительности и карточной игре, он находился в чрезвычайно затруднительном положении. Имена семейства Мировичей были конфискованы по случаю измены Мазепы в 1709 году; тщетно Мирович обращался неоднократно к правительству с просьбой возвращения ему хотя бы некоторой части этих имений. Княгиня Дашкова и граф Петр Панин, знавшие Мировича, считали его человеком малоспособным; он оказался во время произведенного над ним следствия суеверным, необразованным и эксцентрическим фанатиком. В его благочестии была некоторая доля ребячества. При разборе его бумаг обнаружилось, что он намеревался убить Екатерину.¹

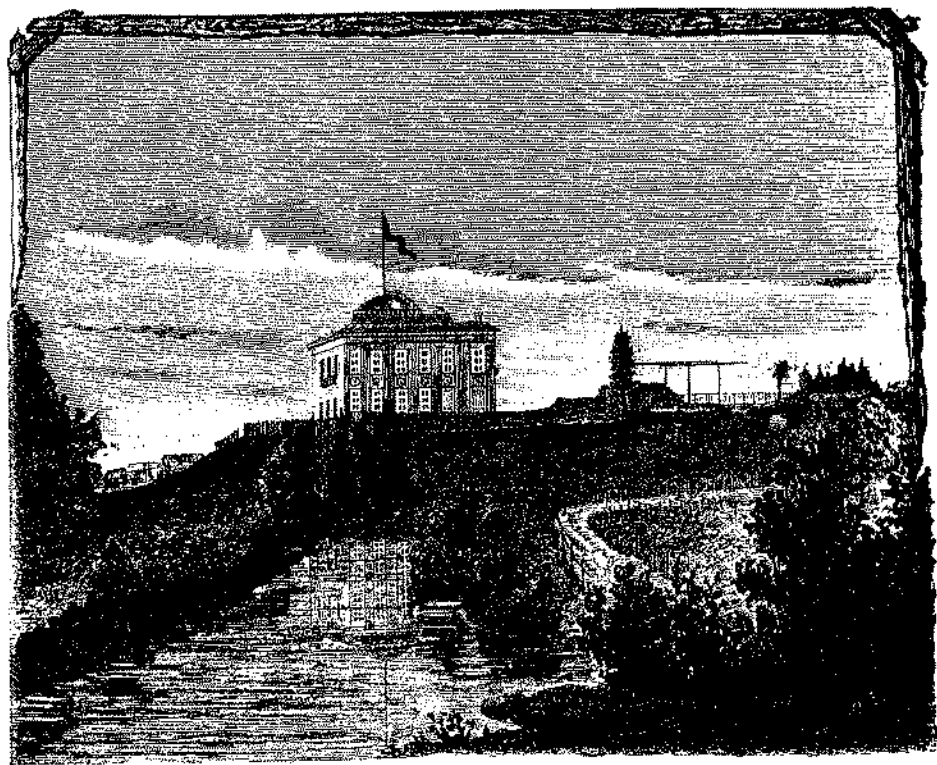
Мирович не знал лично бывшего императора Иоанна. Не раньше как в октябре 1763 года он случайно услышал о пребывании претендента в Шлиссельбургской крепости. Желание достигнуть знатного положения, разбогатеть, раздражение вследствие крайней бедности, стремление отомстить правительству, не внимавшему его просьбам — все это заставило его мечтать о государственном перевороте в пользу Иоанна.²

Клевретами Мировича, за исключением одного придворного лакея, были исключительно солдаты и офицеры. В мае 1764 года он сообщил своему другу и сослуживцу, поручику Ушакову, о своем намерении освободить Иоанна и свергнуть с престола Екатерину. Оба они 13 мая пошли в церковь Казанской Божией Матери, где отслужили по себе акафист и панихиду, как бы над умершими, и отправились в Шлиссельбург для осмотра места. План заговорщиков заключался в следующем: Мирович и Ушаков хотели явиться в Шлиссельбург под именем ордонанса ее величества, арестовать коменданта крепости, освободить Иоанна из заключения и отправиться с ним в Петербург, где на Выборгской стороне представить Иоанна артиллерийскому лагерю. Заговорщики ожидали, что прочтение манифеста, в котором объявлялось о правах Иоанна на престол, произведет действие на военных и на народ. По учинении присяги новому императору

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 370.

² Ковалевский, «Граф Блудов». С.-Петербург, 1866, 223.

была бы послана команда для занятия Петропавловской крепости и проигнорирована с нее пушечная пальба, дабы собрать еще больше народа и привести его в страх. Также были бы поставлены пикеты по мостам, чтобы иметь повсюду свободное сообщение; из присягнувших офицеров некоторые отпраздничались бы в сенат, Синод, коллегии и во все находившиеся в Петербурге полки, для приведения их к присяге; императрицу и великого князя Павла Петровича предполагалось заточить в какое-нибудь отдаленное место.



Дом коменданта Шлиссельбургской крепости в конце 18 столетия.
С рисунка, сделанного с натуры в 1789 г. Угрюмовым, из собрания П.Я. Дашкова.

Все такого рода замыслы не были новостью в России. Подобные предприятия иногда удавались, иногда оканчивались катастрофою заговорщиков. Воцарение Екатерины было возможно благодаря содействию военных. В 1741 году Елизавета Петровна была окружена офицерами и

нижними чинами — людьми, которых в отношении общественного положения и политического образования можно сравнить с Мировичем и Ушаковым. Горсть военных в 1741 году опрокинула престол Иоанна Антоновича; горстью военных он мог быть восстановлен в 1764 году. Нельзя отрицать, что план действий Мировича и Ушакова походил точь-в-точь на события государственного переворота, совершившегося летом 1762 года. Громадная разница заключалась только в личностях претендентов. Иоанн легко мог быть свергнут с престола; воцарение его вновь — оказалось невозможным. Екатерина без труда устранила Петра, между тем как ей самой со стороны столь жалкого претендента, каков был Иоанн Антонович, не могла грозить опасность.

Приготовленные заговорщиками манифесты не сохранились. Из некоторых бумаг следствия видно, что в манифестах заключались резкие выпады против Екатерины.

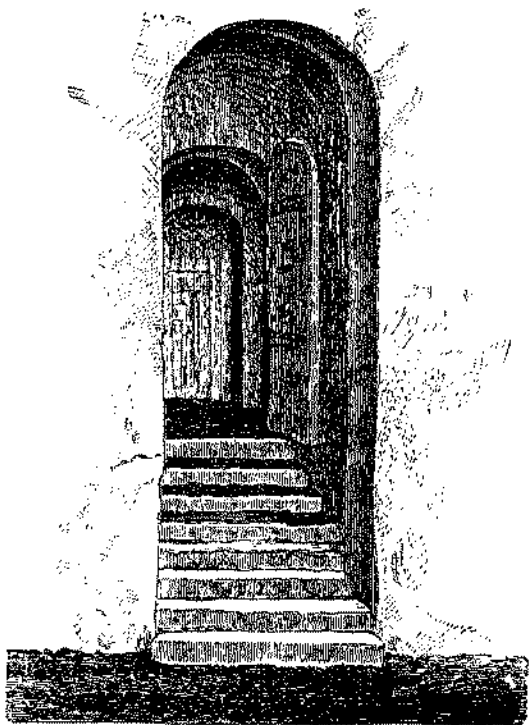
Во время приготовления к перевороту в пользу Иоанна Ушаков утонул при поездке, которую должен был предпринять по делам службы. После этого Мирович сообщил о своем намерении другим военным, которые и изъявили готовность участвовать в предприятии. Как кажется, в Петербурге не было лиц, посвященных в тайну заговора.

Мирович служил в Смоленском полку, и по временам до него доходила очередь исполнять караульную службу в Шлессельбурге. Эта очередь подошла в начале июля 1764 года, и он решился приступить к делу. Лишь в самые последние дни и часы перед катастрофой он старался уговорить некоторых капралов и солдат к участию в бунте и сделал попытку склонить на свою сторону капитана Власьева, который немедленно дал знать о готовившемся предприятии графу Панину. Подозревая донос, Мирович должен был спешить приведением в исполнение своего намерения.

Ночью он вдруг собрал своих солдат и скомандовал «к ружью». В его распоряжении находилось 45 человек, и с ними он решился сделать нападение на гарнизон крепости, состоявший из двух офицеров, стороживших Иоанна, Власьева и Чеккина, коменданта Бередникова и около 30 солдат.

Услышав шум, комендант Бередников вышел на крыльцо и спросил Мировича, для чего он собирает команду; но Мирович вместо ответа с ружьем в руках бросился на коменданта, и, сказав ему: «Ты здесь держишь невинного государя», ударил его ружейным прикладом так, что разбил лоб, повредив и череп, потом схватил его за ворот халата и отдал команде под караул.

Затем, выстроив своих солдат в три шеренги, Мирович направился к казарме, где содержался Иоанн Антонович. Началась перестрелка между командой Мировича и гарнизонными солдатами. Солдаты Мировича отступили. Он им прочел манифест и этим старался возбудить ревность, поздравляя их с государем. Потом взял с бастиона пушку, велел зарядить ее ядром и требовал выдачи арестанта Иоанна.



Лестница и дверь в каземат, где содержался император Иоанн Антонович.
С рисунка, сделанного с натуры Г.П. Данилевским.

Настала минута, предусмотренная в инструкции Чекина и Власьева. Видя пушку, наступление Мировича, невозможность дальнейшего сопротивления, они, чтобы не отдать арестанта живым, убили его. О подробностях этой сцены не сохранилось достоверных данных.¹

¹ См. мое сочинение об Иоанне Антоновиче, 112.

Между тем как внутри казармы совершилось убийство Иоанна, Минович вбежал на галерею, схватил поручика Чекина за руку и тащил в сени, спрашивая: «Где государь?» Чекин сказал: «У нас государыня, а не государь». Минович бросился в каземат Иоанна; было темно; послали за огнем, и, когда принесли, Минович увидел на полу мертвое тело Иоанна.

Минович осыпал офицеров упреками; они отвечали, что поступили так по «присяжной должности». Солдаты хотели было заколоть Власьева и Чекина, но Минович не допустил их, говоря: «Теперь помощи нам никакой нет, и они правы, а мы виноваты». Затем он велел вынести тело из казармы на гауптвахту.

Между тем в крепость явился отряд войска, вызванный, очевидно, Бередниковым или Власьевым. Минович был арестован.

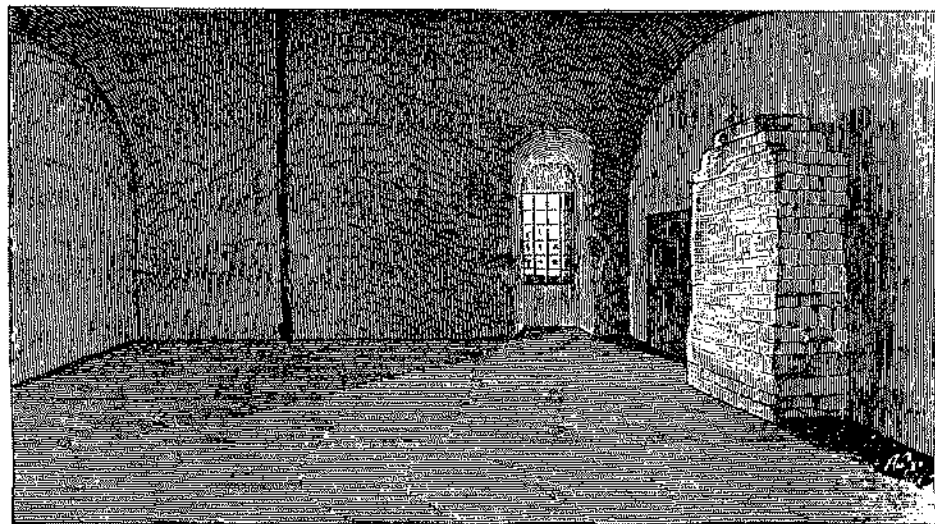
Тотчас же Власьев и Чекин отправили донесение о случившемся графу Н. И. Панину. Он велел составить протокол о событии в Шлиссельбурге, принял меры для сохранения тишины и сообщил обо всем императрице, находившейся в это время в Прибалтийском крае. Труп Иоанна, по приказанию Екатерины, несколько позднее был погребен в Шлиссельбурге.

По словам одного современника, в столице «скорбь и негодование» по случаю распространившегося быстро известия о кончине Иоанна были общими. «Нельзя выразить, — сказано далее, — как смело и резко даже простолюдины рассуждали публично об этом событии».¹

Предварительное следствие в Шлиссельбурге и привоз Миновича в Петербург, где начался суд над ним, совершились спокойно. Только в одном современном рассказе говорится о некотором брожении в среде военных, так что опасались беспорядков. Вскоре, однако, все утихло. Сановниками в столице, Неплюевым, Паниным, Голицыным, Ушаковым, были приняты меры для сохранения тишины. Екатерина писала Панину из Риги: «Я с великим удовольствием читала ваши репорты и все дивы, происшедшие в Шлиссельбурге; руководство Божие чудное и неиспытанное есть! Я к вашим весьма хорошим распоряжениям иного прибавить не могу, как только, что теперь надлежит следствие над виновными производить без огласки и без всякой скрытности (понеже само собой оное дело не может остаться секретно, более двух сот человек имея в нем участие). Безымянного колодника велите хранить (т. е. хоронить) по христианской должности в Шлиссельбурге, без огласки же. Мне рассудилось, что естли нерав-

¹ Busching, «Magazin», VI, 535.

но искра кроется в пепле, то не в Шлиссельбурге, но в Петербурге, и весьма желала бы, чтоб это не скоро до резиденции дошло, а кой час дойдет до Петербурга, то уже надобно дело повести публично», и пр. Дальнейшие замечания Екатерины относятся к частностям следствия; особенно ее интересовал вопрос, не было ли у Ушакова и Мировича еще других сообщников. Далее она указывала на важность вопроса, почему именно Мирович



Внутренний вид каземата, где содержался император Иоанн Антонович.
С рисунка, сделанного с натуры Г.П. Данилевским.

намеревался повезти Иоанна на Выборгскую сторону, к артиллерийским офицерам, и велела разузнать, нет ли между последними заговорщиков. Она очень сожалела о том, что Ушаков утонул, предлагая допросить его брата о намерениях и характере утонувшего. Несколько раз Екатериной было выражено желание немедленно возвратиться в Петербург, чтобы увидеть «скорое окончание сего безумного дела». 10 июля Екатерина писала Панину: «У меня сердце щемит, когда я думаю об этом деле, и много, много благодарю вас за меры, которые вы приняли и к которым, конечно, нечего больше прибавить. Провидение дало мне ясный знак своей милости, давши такой оборот этому предприятию. Хотя зло пресечено на корню, однако я боюсь, чтоб в таком большом городе, как Петербург, глухие слухи не наделали бы много несчастных, ибо двое негодяев, которых Бог

наказал за гнусную ложь, написанную ими в своем самозванном манифесте на мой счет, не преминули (по крайней мере так можно предполагать) посеять свой яд, и доказательством служит для меня то, что в день моего отъезда из Петербурга одна бедная женщина нашла на улице письмо, написанное поддельной рукой, где говорилось то же самое»¹ и пр. В заключение Екатерина замечает: «Не думайте, что я страху предалась; я сего дела не более уважаю, как оно в самом существе есть, сиречь дешперальный и безрассудный соур, однако ж надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачества распространились, дабы, если возможно, разом пресечь и тем избавить от несчастья невинных простяков».² В письме от 16 июля сказано: «Теперь ожидать надобно, что выйдет. Сколь я желаю, чтоб Бог вывел, если есть, сообщников, столь я Всевышнего молю, дабы невинных людей в сем деле не пропадало».

Весьма тщательно Екатерина просматривала бумаги Мировича. Относительно сестер преступника она писала к Неплюеву и Вяземскому: «Осторожность вашу не иначе, как похвалить могу, что вы за Мировичами приказали без огласки подсматривать; однако, если дело не дойдет до них, то арестовать их не для чего, понеже пословица есть: брат мой, а ум свой. Все же я никак не желаю, чтоб невинные пострадали».³

После возвращения Екатерины в столицу она принимала участие в составлении циркулярных писем к русским дипломатам за границей и манифестов для публики, в которых говорится о шлиссельбургском событии.

В манифесте от 17 августа прежде всего говорится об Иоанне, «который был незаконно во младенчестве определен ко Всероссийскому престолу императором», затем сказано о мерах для облегчения судьбы Иоанна и о заговоре Мировича. О цели этого заговора сказано только, что Мирович «сделал себе предмет, чрез какое бы то ни было в народе кровопролитное смятение счастье для себя возвысить». Далее говорится о заслугах Власьева и Чекина при подавлении мятежа, об убиении Иоанна, и пр.⁴

Предварительное следствие, которое было поручено генерал-поручику Веймарну, производилось довольно продолжительное время. Множество свидетелей было допрошено. Мирович брал всю вину на себя; его показания были откровенны. Для окончательного суда и произнесения

¹ Очевидно, о правах Иоанна.

² Соловьев, XXVI, 14—15. Этого письма нет в VII томе «Сборника Ист. Общества».

³ «Сб. Ист. Общ.», VII, 370.

⁴ П. С. З. № 12228.

приговора было назначено собрание, состоявшее из сената, Синода, особ первых трех классов и президентов коллегий.

Между тем о ходе дела в публике распространились разные толки. Рассказывали, будто Мирович делал судьям разные неприятности, и, например, на вопрос, кто ему советовал отважиться на столь опасное дело, будто ответил: «Граф Кирилл Разумовский».



Принц Антон-Ульрих Брауншвейгский.
Со старинного гравированного портрета.

Оказалось, что граф в то время, когда Мировичу было отказано в возвращении конфискованных имений, утешал его словами: «Ты молодой че-

ловек. — сам себе прокладывая дорогу. старайся подражать другим, старайся схватить фортуна за чуб, и будешь таким же паном, как и другие».¹ По другим известиям, граф Петр Панин, под начальством которого Минович прежде служил, спросил его, для чего он предпринимал такой злодейский умысел? «Для того, — отвечал Минович, — чтобы быть тем, чем ты стал».²

Когда дело шло о сентенции, один из членов суда, барон Черкасов, представил письменное мнение, что Миновича надобно пытать с целью открыть сообщников или подстрекателей. Собрание не одобряло мнения Черкасова и даже сочло его оскорбительным, ибо в нем было сказано: «Нам необходимо нужно жестоким розыском злодею оправдать себя не токмо пред всеми теперь живущими, но и следующими по нас родами, а то опасуюсь, чтобы не имели причины почитать нас машинами, от постороннего вдохновения движущимися, или и комедиантами». Екатерина узнала об этом случае, и, так как ей было хорошо известно о слухах, распространяемых иностранными дипломатами относительно Миновича и мнимого участия в его деле высокопоставленных лиц, она писала генерал-прокурору Вяземскому: «Чужестранные недоброжелательных дворов министры по городу рассевают, что я сама в сем деле заставляю собрание, для закрывательства истины, комедию играть; сверх того и у нас уже партии действуют: того ради повелеваю вам впредь более ни присоветывать, ни отговаривать от пыток, но дайте большинству голосов совершенную волю».³

Минович не был подвергнут пытке. Его приговорили к смертной казни, которая и была совершена 15/26 сентября. Капралы и солдаты, участвовавшие в шлиссельбургском деле, подверглись разным телесным наказаниям и затем были отправлены в ссылку и на каторгу.

Долго верили и отчасти еще верят теперь, о чем мы уже заметили выше, в какую-то тайну, сопряженную с делом Миновича. Считали возможным, что последний был орудием Екатерины, желавшей таким образом избавиться от Иоанна Антоновича, и что казнь Миновича была средством отделаться от опасного сообщника, посвященного в тайну сложного и гнусного преступления. Все эти предположения, основанные на одних современных слухах, не подтверждаются никакими документальными данными. Зато из писем Екатерины и многих других источников видно, что императрица относилась ко всему делу без всякой задней мысли, что

¹ «Русский Архив», 1863, 479.

² Бантыш-Каменский, «Биографии русских генералиссимусов», I, 226.

³ «Осьмнадцатый век», III, 365.

для нее все эти события были неожиданными и что не может быть и речи о какой-либо таинственной связи между Екатериной и Мировичем.



Принцесса Анна Леопольдовна.
С гравированного портрета 18-го века Вортмана.

Понятно, что катастрофа Иоанна Антоновича произвела довольно глубокое впечатление на современников. Появились брошюры, в которых заключался рассказ о жизни и кончине несчастного узника.¹

¹ Напр. «Histoire de la vie, du règne et du détronement d'Iwan III». Londres, 1766. «Recueil des pièces concernant la mort du prince Iwan». Londres, 1765, и т. п.



Принц Петр



Принц Алексей



Принцесса Елизавета



Принцесса Екатерина

Дети правительницы Анны Леопольдовны.
С рисунка, сделанного с натуры состоявшим при них лекарем Бошняком
и приложенного к «Русской старине» 1874 г.

Редакция манифестов, опубликованных Екатериной при этом случае, подвергалась критике современников, как это видно, между прочим, из переписки французского дипломата Беранже с министром Праленом (Praslin). Последний заметил: «Русская государыня сделала бы лучше, если бы это событие было пройдено молчанием в публичных бумагах, или было бы возвещено потише». ¹ И госпожа Жофрен (Geoffrin), находившаяся в переписке с Екатериной, была недовольна манифестами императрицы. В ее письме к Станиславу Понятовскому сказано: «Находят, что она (Екатерина) издала смешные манифесты о смерти Иоанна; она вовсе не была обязана что-нибудь говорить об этом: процесс Мировича был совершенно достаточен, в нем дело являлось просто и ясно. Думаю, что я ее хорошо знаю, и думаю, что она нуждается в руководителе. Боюсь, чтобы ее ум и страсть к остроумию не увлекли бы ее когда-нибудь». Госпожа Жофрен письменно высказала самой Екатерине свое мнение о манифесте. Екатерина отвечала: «Вы рассуждаете о манифесте, как слепой о цветах. Он был сочинен вовсе не для иностранных держав, а для того, чтоб уведомить российскую публику о смерти Иоанна; надобно было сказать, как он умер; более ста человек были свидетелями его смерти и покушения изменника; не было поэтому возможным не написать обстоятельного известия; не сделать этого — значило подтвердить злонамеренные слухи, распускаемые министрами дворов, завистливых и враждебных ко мне; шаг был деликатный; я думала, что всего лучше сказать правду... Верно то, что здесь этот манифест и голова преступника прекратили всякую болтовню. Следовательно цель была достигнута манифестом, ergo он был хорош». ²

Вскоре после катастрофы Иоанна, у Екатерины снова возникла мысль даровать отцу его, принцу Антону Ульриху, свободу. Донося об этом своему двору, датский посланник Ассбург замечает, что по необходимости нужно действовать крайне осторожно в этом деле; впрочем, прибавляет он немного позже к прежнему донесению, принц Антон-Ульрих и на этот раз предпочел оставаться в Холмогорах; между тем императрицей были приняты меры для смягчения судьбы принца и его семейства; им была определена весьма значительная сумма денег; в Холмогоры были отправлены посуда, мебель и пр. ¹

Английский дипломат Букингом в 1764 году доносил своему правительству, что после кончины Иоанна некоторые лица уговаривали было

¹ Соловьев, XXVI, 118.

² «История России», XXVI, 233.

императрицу, в случае смерти Павла, назначить одного из братьев Иоанна наследником престола, но что было решено ограничиться возвращением всему несчастному семейству свободы и пр.²



Спасо-Преображенский собор и Успенский монастырь,
место заточения Брауншвейгской фамилии в Холмогорах.

С гравюры 18-го века.

Однако на деле освобождение родственников Иоанна Антоновича не могло состояться так скоро. Принц Антон Ульрих умер в Холмогорах в 1774 году; дети его были отпущены за границу не раньше как в 1780 году. Около этого времени Екатерина могла считать свое положение достаточно обеспеченным, чтобы не опасаться более совместничества этих претен-

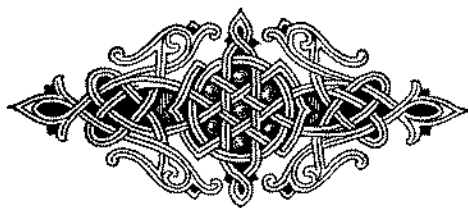
¹ «Русская Старина», XXV, 505—506.

² «La cour de la Russie», 238—239.

дентов. Братья и сестры Иоанна, принцессы Екатерина и Елизавета и принцы Петр и Алексей, отправились через Архангельск и Норвегию в Данию, где они в местечке Горзенсе в Ютландии доживали свой век под надзором их родственницы, королевы Юлианы Марии. Принятие многих мер предосторожности при их отправлении за границу, сохранение в глубочайшей тайне всего этого дела доказывают, что и в 1780 году брауншвейгцев считали претендентами.

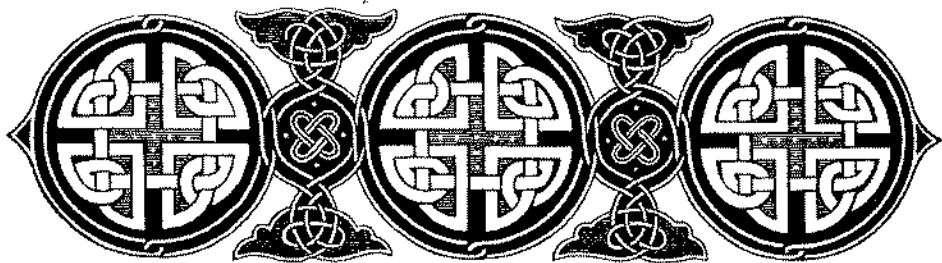
В 1788 году в Курляндии явился самозванец, выдававший себя за Иоанна Антоновича. Герцог Петр Бирон велел арестовать его и отправить в Ригу, откуда, после снятия с него допроса в канцелярии генерал-губернатора Броуна, отправили в Петербург закованным в ручные и ножные железа. Оказалось, что арестант был кременчугский купец Тимофей Курдилов, бежавший по причине долгов. Какое понес он наказание, нам неизвестно.¹

В продолжение нескольких десятилетий после катастрофы Иоанна еще считали опасным говорить о несчастном брауншвейгском семействе. Тем лицам, которые до 1780 года участвовали в так называемой «Холмогорской Комиссии», то есть находились при принцах и принцессах Брауншвейгских, было вменено в обязанность до гроба ни слова ни с кем не говорить об этих делах. Когда историк Бантыш-Каменский в 1817—1819 годах встретился в Полтаве с находившимся в Горзенсе при принцессах и принцах священником, последний затруднялся сообщать подробности о жите-бытье родственников Иоанна Антоновича.²



¹ «Осьмнадцатый век», I, 460—465.

² «Русская Старина», 1873, 68.



Глава III. Павел и Петр как претенденты



Со времени воцарения Екатерины и до окончательного упрочения за ней престола прошло несколько лет. Есть основание думать, что Даламбер (d'Alembert), которого Екатерина желала вызвать в Россию в качестве воспитателя Павла, не принял этого предложения именно потому, что не считал царствование Екатерины достаточно обеспеченным.¹ В 1766 году на Западе распространился слух, что императрицу отравили. Екатерина по этому поводу писала госпоже Бьельке: «Припишите это людям, у которых против меня нет другого оружия кроме выдумывания лжей. Впрочем, я чувствую себя очень хорошо» и пр.²

Порой вопрос о правах Павла на престол служил предметом рассуждений в среде иностранных дипломатов. Английский посланник Ширлей писал в 1768 году: «В Европе утвердилось предположение, будто бы с той минуты, как великому князю исполнится шестнадцать лет, судьба императрицы неверна. Я всячески старался рассмотреть все обстоятельства, которые бы могли оправдать это мнение, и я почти убежден, что если не произойдет какого-либо крупного переворота, непредвиденного для ума человеческого, и если она станет управлять точно таким же образом, как в настоящую минуту, предположение такого рода совершенно неосновательно; ибо у великого князя недостает ни смелости, ни ума для того, чтобы идти против матери; слабость его характера равняется слабости его телосложения». Преемник Ширлея, Каскарт (Cathcart), писал в 1769 году, что можно счи-

¹ Соловьев, XXVI, 230.

² «Сб. Ист. Общ.», X, 105.

тать вероятным воцарение Павла. Говоря о воспитании великого князя Паниным, английский дипломат замечает: «Я не сомневаюсь в том, что все дело подготовлено и условлено ко времени его совершеннолетия, хотя подробности мне неизвестны».¹

Осенью 1767 года Екатерина находилась в Москве. Рассказывали, что прием, оказанный публикой императрице, отличался холодностью, между тем как всюду обнаруживалось расположение к великому князю. Ходили слухи о каком-то покушении на жизнь Екатерины.²

Положение Орлова не переставало возбуждать неудовольствие в разных гвардейских кружках. Еще в самом начале турецкой войны капитан кавалергардского полка Панов говорил о печальном положении народа: во всех местах чувствуют неудовольствие; война начата со вредом; выведены из государства деньги и переведены в чужие государства миллионов с восемь; Екатерина умна да упряма — на что наладит, то и делает, и кому вверится, тому и верит; мнения дворян презрены; вино отдала откупщикам, и они одни богатеют, и у многих бедных дворян дома разоряют обысками, а ныне и совсем отнимают деревни и пр. Панов далес указывал на то, что Панин с Орловым неладно живут. Товарищ Панова, Стенанов, спросил его: «Каков его высочество и принимает ли графов?» Панов, похвалив великого князя, сказал: «Ему Никита Иванович преподает обо всем великое познание; а чтоб Орловых принимать хорошо, то ненатурально: они ведь и багюшку его ухаживали; дай-ка ему поправиться, так отольются волку коровьи слезы. Мищения и ныне ожидать должно, потому что Панина партия превеликая и все что ни лучшенькие». В это время много толковали о наблюдениях по поводу прохождения Венеры, и один из гвардейских офицеров, Афанасьев, говорил: «Вот как Венера-то пройдет, так что-нибудь Бог и сделает; она ведь уже даром не проходит». Премьер-майор Жилин говорил, «сколь надменны нынешние господа Орловы и прочие случайные люди против прежних», причем хвалил Алексея Григорьевича Разумовского и Ивана Ивановича Шувалова.

Как видно, в основании всех этих разговоров лежала ненависть к Орловым. Мечтали о воцарении Павла, как о средстве устранить влияние Орловых. Однако оказывалось, что не было «фундатора» для составления заговора; к тому же не знали, как приступить к делу без согласия великого князя наследника. Озеров говорил: «Народного отягощения отвратить иным ничем не можно и доброго дожидаться нечего, как только тем, что

¹ «Сб. Ист. Общ.», XII, 336, 431.

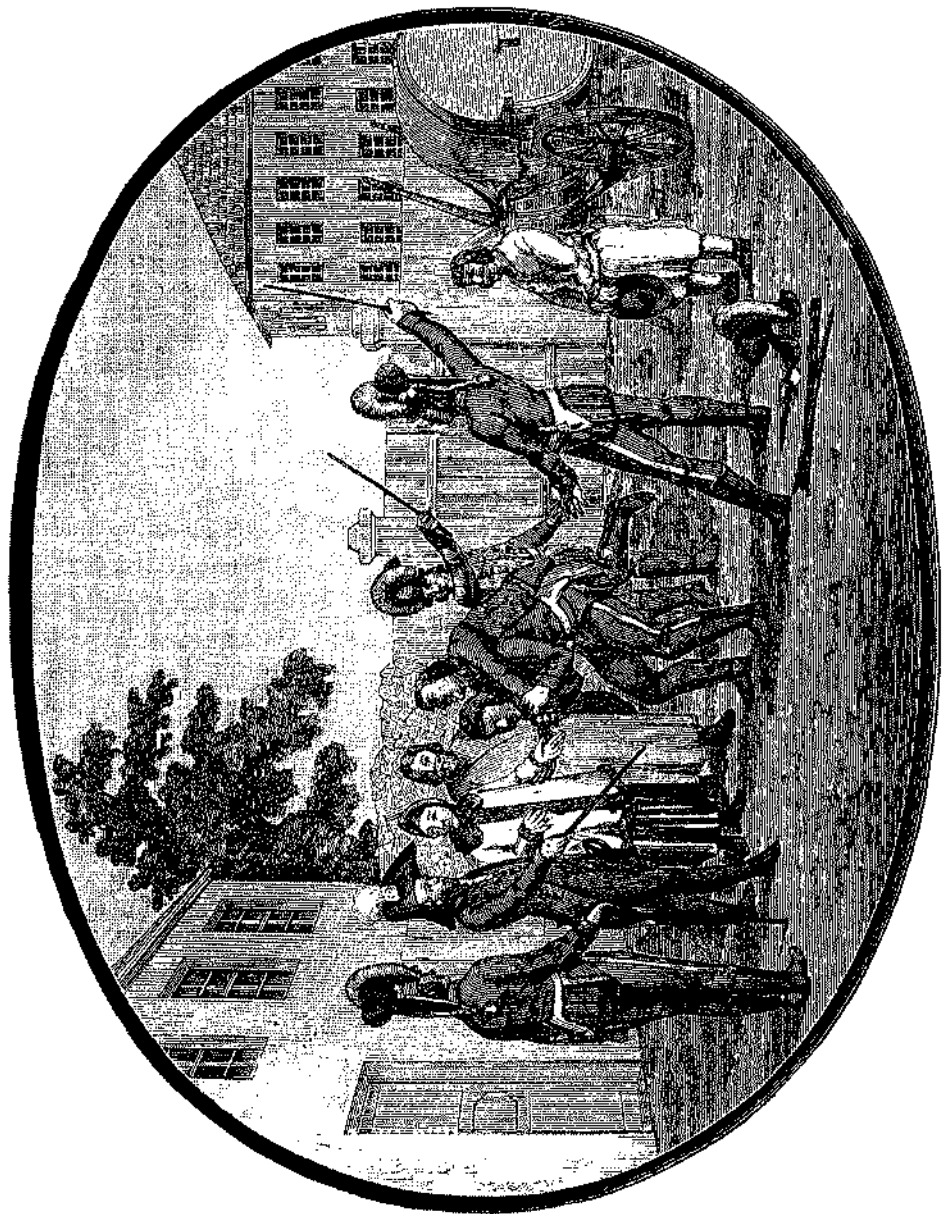
² Castera, I, 252—253; Blum, «Ein russ. Staatsmann», I, 223. Bernhardt, II, 2, 228.

возвести надобно на престол его высочество, да та моя беда, что не могу до него дойти». Жилин, жалуясь на турецкую войну и пр., говорил также: «Надобно ее (Екатерину) с престола свергнуть, а цесаревич уже в летах». Офицеры думали, что могли рассчитывать на содействие Кирилла Григорьевича Разумовского, на Румянцева и других сановников.

Все дело ограничивалось одними разговорами, но разговоры сделались известны, и для суда над Озеровым с собеседниками назначена была комиссия из графа Никиты Ивановича Панина, генерал-полицмейстера Чичерина, Елагина и генерал-прокурора князя Вяземского, которые приговорили виновных к смерти; но Екатерина смягчила наказание ссылкой в Сибирь и Камчатку. Но и там продолжались разговоры о правах Павла на престол. Скоро нашелся и искатель приключений, способный взять на себя роль «фундатора».

Некто Беневский, бежавший из Венгрии и участвовавший в польских смутах, в 1768 году был взят в плен русскими войсками и после трехкратного неудачного побега был сослан на Камчатку. Здесь, в Большерецком остроге, находились и другие политические преступники, например, Турчанинов, мечтавший в 1742 году о покушении на жизнь императрицы Елизаветы, Гурьев, Хрущев и Батулин. Под предлогом действий в пользу великого князя Павла был составлен заговор, настоящей целью которого было освобождение арестантов-заговорщиков. Местным жителям они сказали, что страдают за привязанность к великому князю. Беневский показывал зеленый бархатный конверт, будто бы за печатью великого князя, с письмом к императору римскому о желании вступить в брак с его дочерью. Весной 1771 года ссыльные произвели восстание: ночью убили Большерецкого коменданта Нилова, овладели казной, двумя пушками и всеми военными припасами и привели жителей к присяге императору Павлу. 30 апреля шайка отправилась вниз до гавани Чекавинской; здесь ограбила магазин с провиантом, захватила казенный галиот «Святой Петр», приготовила его к походу, водрузила на нем знамя императора, назвалась «Собранной компанией для имени его императорского величества Павла Петровича» и составила объявление сенату, что Павел Петрович незаконно лишен престола, что польская разорительная война ведется единственно для пользы Понятовского, что промыслы вином и солью отданы на откуп немногим, что от монастырей отобраны деревни на воспитание незаконнорожденных и пр.

Скоро оказалось, что заговорщики не столько думали о Павле, сколько о спасении бегством. Они вышли в море и имели разные приключения в



Наказание фухтелями в 18 столетии.
С офорта 18-го века Гейслера.

Японию, в Китае и на берегах Тихого океана. Во время плаванья умерли Батулин, Турчанинов и другие. Некоторые члены «компании для Павла» были убиты во время сделанного ими нападения на остров Формозу. Беневский в 1772 году прибыл с некоторыми товарищами во Францию; затем он основал колонию на Мадагаскаре, где в продолжение нескольких лет занимал место правителя и в 1786 году был там убит в схватке с французами. Русские товарищи Беневского, прибыв в 1772 году во Францию, обратились к русскому резиденту в Париже Хотинскому с просьбой исходатайствовать им прощение у государыни. Препровождая к генерал-прокурору письмо Хотинского, Екатерина писала (2 октября 1772 года): «Им от меня прощение обещаю, которое им и дать надлежит, ибо довольно за свои грехи наказаны были: видно, что Русак любит свою Русь, и надежда их на меня и милосердие мое не может сердцу моему не быть чувствительна». Все раскаявшиеся возвратились в Россию и были распределены в сибирские города на свободное житье.¹

В 1769 году лекарь нарвского батальона Лебедев донес о странном политическом преступлении: один молодой офицер, Опочинин, выдал себя за сына императрицы Елизаветы и английского короля, будто 17 лет тому назад приезжавшего в Россию в свите английского посольства. Далее Лебедев доносил, что около нового года предположено схватить Екатерину в то время, когда она будет ехать в Царское Село, и постричь в монастырь, а всех, кто около нее будет, перестрелять и переколоть. Опочинин уговаривал Лебедева подписать присяжный лист и для окончательного привлечения его в свою партию говорил: «Пропадает Россия, да и пропадет! Государыня хочет разделить государство на три части Орловым». Когда и это не подействовало на доносителя, Опочинин с досадой заговорил: «Чего ты боишься! Ведь нас есть человек тридцать и один знатный человек. Если б ты подписал присягу, то тебе прислали бы кавалерию... Наконец, настоящая государыня не императрица, а управительница; великий князь слаб здоровьем, так что, может статься, что и я буду императором, потому что по родству имею право на это. Голштиния уже отдана мне от великого князя».

Разумеется, Опочинин был арестован и привезен в Петербург. Здесь он показал, что корнет Батюшков внушил ему мысль о происхождении от императрицы Елизаветы и английского короля, говоря о существовании каких-то документов по этому делу; Батюшков сказал далее Опочинину,

¹ Соловьев, «История России», XXIX, 181—185.



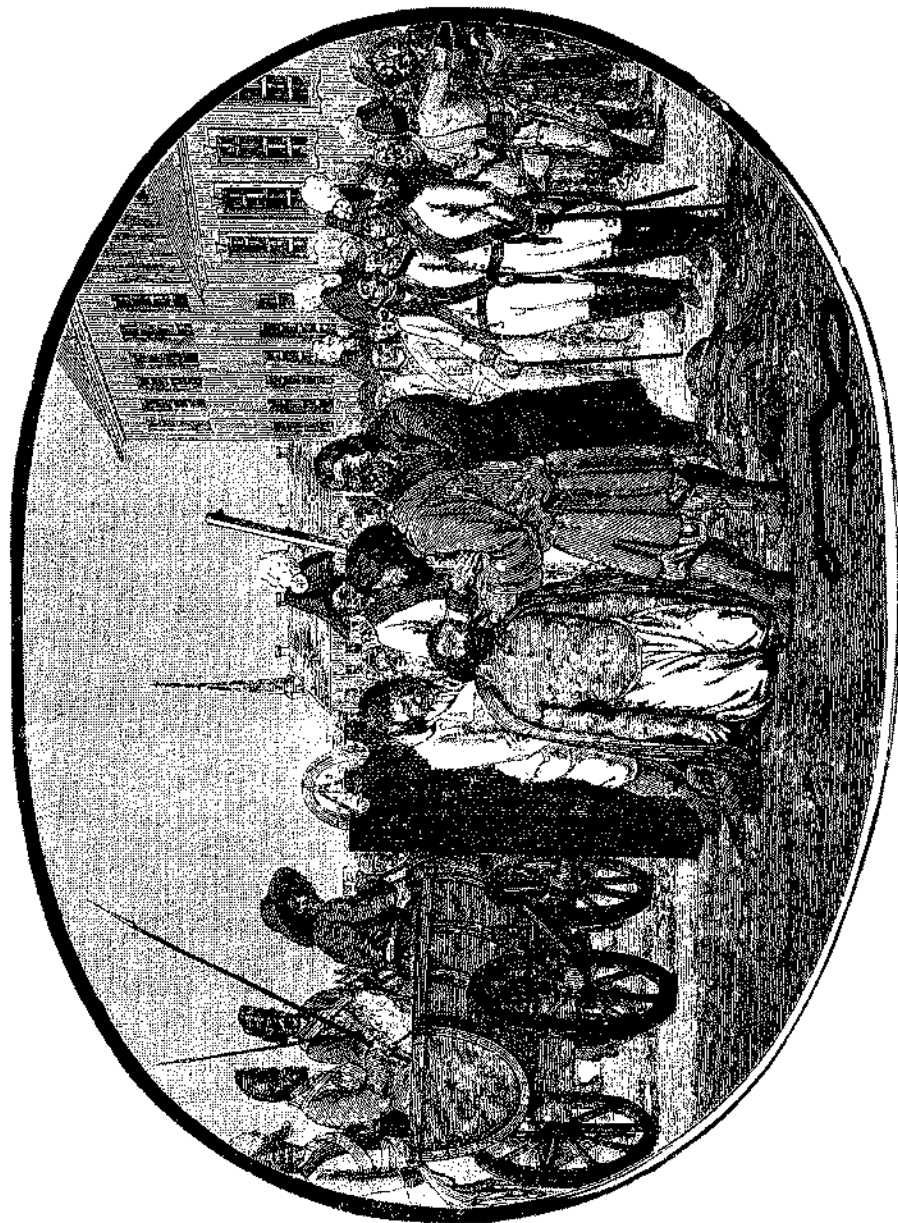
Наказание плетью в тайной канцелярии в конце 18 столетия.
С офорта 18-го века Гейслера, из собрания П.Я. Дашкова.

что Елизавета подарила мнимым родителям Опочинина брильянтовый перстень ценой в 15 000 рублей для воспитания ее сына, и пр. Для допроса Батюшкова, находившегося в своем имении, был отправлен обер-прокурор сената Всеволожский, который, как кажется, при этом случае употребил пытку. Оказалось, что между Батюшковым и Опочининым происходили самые нелепые разговоры. Опочинин говорил Батюшкову, что хотят убить великого князя Павла Петровича, что у него очень много недоброхотов, что государыня венчана с графом Орловым и т. п. Оба решили, что им нужно отправиться в Петербург для свержения с престола Екатерины. И в разговоре Батюшкова с берейтором лейб-гвардии Конного полка Штейгерсом была речь о том, что все пропадают, все идет дурно; что государыня хочет выйти замуж за графа Орлова; что Орловы хотят убить Павла; что на это согласна и Екатерина; шла речь и о необходимости «зарезать» императрицу, и пр. Подсудимые объявили, впрочем, что говорили все это в пьяном виде.

Опочинин показал, что Батюшков уговаривал его быть «в его партии» и склонять к тому других, заставляя каждого подписывать следующий присяжный лист: «Аз нижеименованный обещаюсь и клянусь всемогущим Богом... в том, чтобы быть верну государю всероссийскому императору Павлу Петровичу, а нынешнему правлению быть противну, и за государя нашего не щадить последней капли крови. Если же я сию присягу пренебрегу, донеся, то желаю принять часть с Иудой». «Я также, — показывал Опочинин далее, — подписал этот лист и по оному присягал вместе с Батюшковым, в его доме, пред престолом и Евангелием. Потом сожгли подписанный присяжный лист, пепел положили в рюмку и, налив ее красным вином, выпили пополам».

Из показаний Штейгера узнали, что Батюшков говорил: «Вот-де, когда цесаревич вырастет, то, верно, спросит, куда батюшку-то его девали, и так-де Бог Орловым за это заплатит...» Батюшков любил хвалить Павла, говоря, что «он уже в лета приходит совершенного возраста, так лучше бы ему государствовать, нежели женщине, для того, что женское правление не столь порядочно, да к тому же государыня без совета других ничего делать не может, а наипаче без графов Орловых... мужчина всегда мужчина... государыня уже в таких летах, что пора и в монастырь постричься, а цесаревичу-де непременно приспевает время к принятию престола», и пр.

Таково было содержание разговоров молодых офицеров, которые дорого поплатились за свое легкомыслие. Опочинин и Батюшков были приговорены к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь. Батюшков



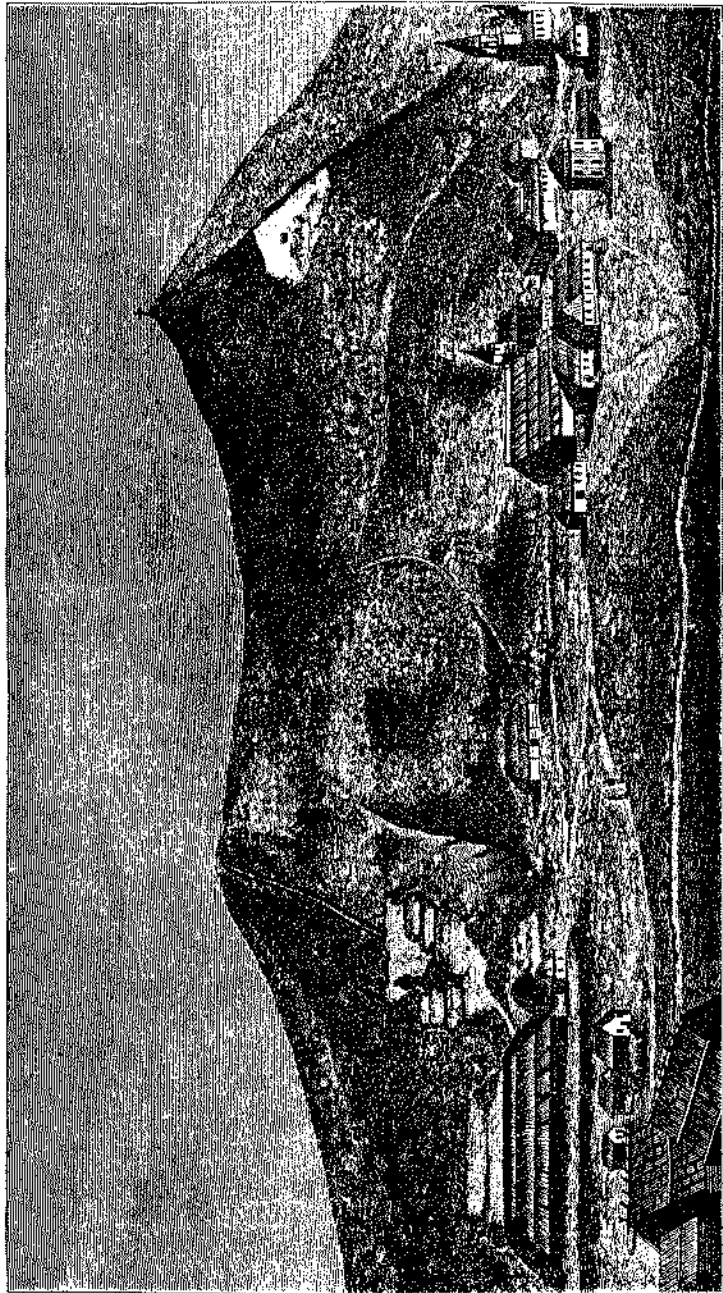
Вырезание ноздрей и клеймение преступников в 18 столетии.
С офорта 18-го века Гейслера.

пять лет был на каторге; по воцарении Павла его помиловали. Опочинин до 1780 года оставался на Иртышской линии; тогда только ему было дозволено возвратиться к родственникам, в имении которых он должен был оставаться безвыездно. Он умер в 1781 году. Всем замешанным в этом деле было вменено в долг хранить глубочайшее молчание о случившемся.¹

В 1772 году в Петербурге производилось следствие по поводу слухов, распространявшихся в гвардии. Солдат Исаков рассказывал солдату Жихареву, что великого князя хотят извести; «не будет ли, говорили солдаты, в Петров день перемены, и не будет ли его высочество в лагерь для принятия престола?» Жихарев пересказал об этом солдату Карпову, Карпов капралу Оловеникову, Оловеников подпоручику Селехову, которому прямо предложил возвести на престол великого князя Павла Петровича, к чему склонял солдат, во-первых, тем, что их смертно бьют без вины, потом, что великого князя извести хотят, наконец, что Орлов хочет быть императором. Два капрала и Селехов согласились содействовать. Стали подговаривать других, рассуждать, как вывезти великого князя из Царского Села, что сделать с Екатериной: постричь ее или оставить в покое. Оловеников и Селехов думали, что если Павел Петрович не согласится принять престол, то убить его вместе с матерью, а народу сказать, будто Павла умертвила Екатерина, не любя его, и погибла в отмщение; в цари после этого выбрать, кого солдаты захотят, причем Оловеников мечтал о короне и уже ссорился с товарищами за будущее царство. Оловеников говорил, чтобы быть ему царем, Подгорневу — фельдцейхмейстером, брату его — генерал-прокурором, Карпову — генерал-адъютантом. На это Подгорнев говорил: «Когда тебе можно царем быть, так и я буду». Потом толковали, что надобно выбрать в цари герольдмейстера князя Щербатова, потому что он человек очень честный, умный и добрый.

Между солдатами ходили слухи, что хотят гвардию сделать армейскими полками, а на место гвардии хотят ввести гренадерские полки; далее, что граф Орлов поехал в Фокшаны, чтобы сделаться молдавским князем или императором. Гренадеры говорили: «Это, верно, сбудется, а может быть, ему этого сделать и не удастся, и мы его высочество поскорее императором сделаем». Солдаты решили, чтобы через Бярятинского «разведать мысли его высочества», а затем увезти Павла в полк, и пр. Несколько

¹ См. статью А. Барсукова о Батюшкове и Опочинине в «Др. и Нов. России», 1878, III, 287—309.



Вид Нерчинского завода в конце 18 столетия.
С рисунка, сделанного с натуры в 18 веке обер-обер-гешвореном Н. Васильевым, из собрания П. Т. Дашкова.

солдат пошли к камергеру князю Барятинскому и сообщили об этих предположениях.

Началось следствие. И на этот раз, как вообще при подобных случаях, Екатерина сама разбирала дело, просматривала протоколы допросов. Второго июня она писала Вяземскому: «Я нахожу, сия шайка такого рода, что, конечно, надлежит всех в ней участие имеющих вывести наружу, дабы гвардию колико возможно на сей раз вычистить и корень зла истребить, сохраняя всегда умеренность и человеколюбие». Императрицу беспокоила мысль о толках, которые могли возникнуть по поводу этого дела. Она поэтому писала Вяземскому: «Скажите Чичерину (генерал-полицмейстеру), что если по городу слышно будет, что многие берутся и взяты солдаты под караул, то чтобы он выдумал бы бредню и ее бы пропустил, чтобы настоящую закрыть, или же и то сказать можно, что заврались». Императрицу поразила молодость людей, толковавших о политическом перевороте. Старшему было двадцать два года. Все они были наказаны телесно и отправлены в Сибирь.¹

Таковы были признаки недовольства и брожения в среде военных, признаки в то же время некоторого расположения к Павлу, ненависти к Орлову и неприязни к Екатерине. Нельзя не заметить во всем этом влияние несколько раз повторявшихся и иногда удававшихся государственных переворотов. Недовольные своим положением, роптавшие на какие-нибудь правительственные распоряжения считали безделицей произвести перемену на престоле и этим самым достигнуть для себя кое-каких выгод. Во всем этом обнаруживается сильный недостаток в политическом образовании массы народа. Распространяются самые нелепые слухи, — публика верит всему; рождаются самые странные мысли; составляются самые опасные политические заговоры, но почти всегда, как мы видели, такого рода эпизоды ограничиваются одной болтовней; приступить к делу оказывается невозможным: в каждом данном случае находятся доносчики, которые сообщают куда следует о грозящей правительству опасности. Виновные наказаны, и настоящих революционных действий не было. Однако соперничество Павла, считавшегося многими кандидатом на престол, могло беспокоить императрицу. Толки о предстоящем в ближайшем будущем воцарении великого князя были вызваны подобными же обстоятельствами, при каких Екатерина вступила на престол.

¹ Соловьев. XXIV, 185—189.

Но кроме Павла существовал еще другой претендент: то был скончавшийся в Ропше император Петр III. Его самого не стало, но тень его оставалась; имя его сделалось знаменем революции.

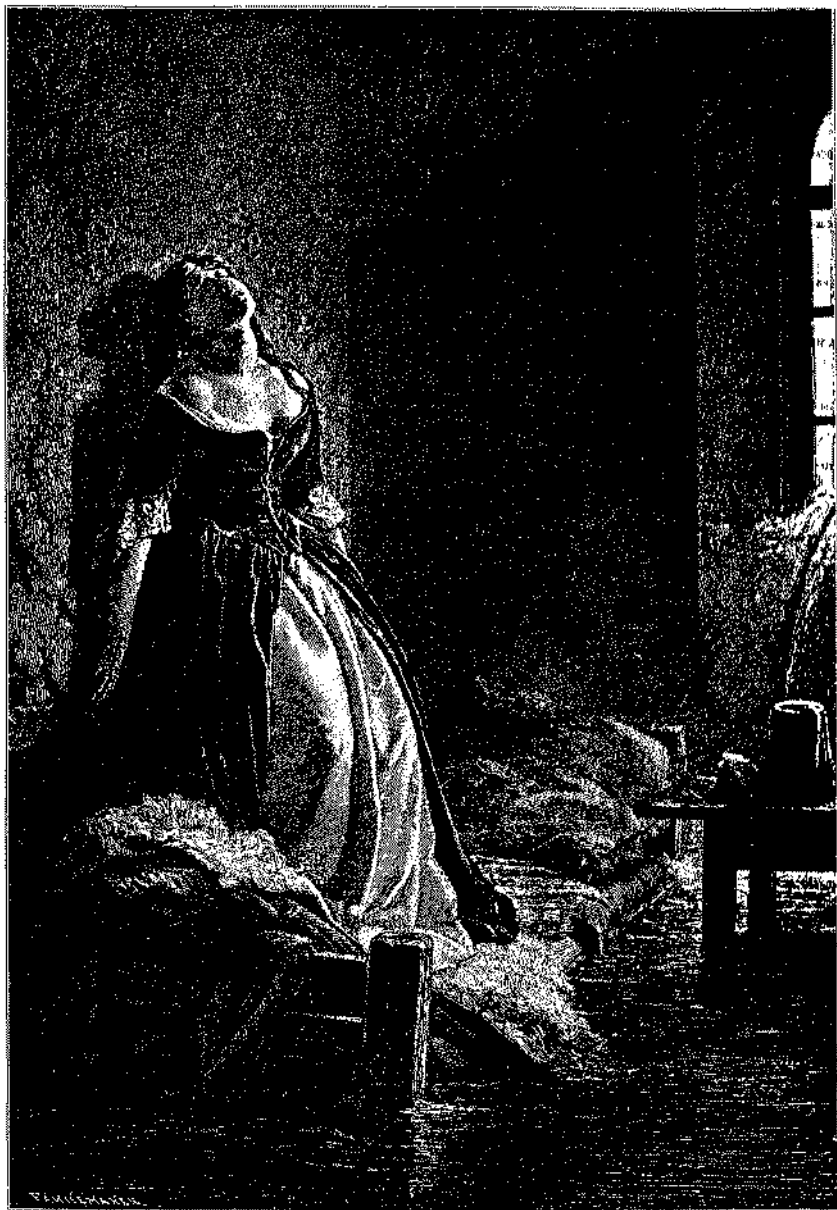


Колодник в Екатерининское время.
С офорта 18-го века Дальстена.

Появление самозванцев в России в XVII и XVIII столетиях не столько может считаться целым рядом преступлений отдельных лиц, сколько признаком общего болезненного состояния масс. Весьма часто самозванцы не были вовсе первоначальными виновниками мысли разыгрывать

роль претендентов, а действовали по внушениям других лиц. Так, например, как мы видели выше, корнет Батюшков убедил Опочинина в том, что последний был сыном Елизаветы Петровны и английского короля; мысль выдавать себя за Петра III возникла не в голове Пугачева, а была внушена ему другими лицами. Появление самозванцев между малороссийскими казаками было, так сказать, симптомом общепатологического состояния этого края. Не должны думать, чтобы приверженцы мнимых царевичей, царей и императоров верили в подлинность претендентов. Толпа недовольных нуждалась в вожаках для мятежных действий. Чем многочисленнее были угнетенные, тем легче распространялось известие о правах того или другого искателя приключений на престол. Появление самозванцев почти всегда находится в самой тесной связи с надеждой низших классов народа поправить свое положение. В некоторых случаях не было вовсе личности самозванца, которую заменял лишь слух о существовании той или другой особы, права которой могли внушить мысль о бунте. При Стеньке Разине не было вовсе лица, которое выдавало себя за бывшего патриарха Никона, однако указывали народу на судно, на котором будто находился Никон. Поляки в XVII веке не раз грозили русским появлением самозванцев, рассчитывая на то, что всегда окажется возможным найти лиц, готовых взять на себя роль претендента.

Число Лжепетров было весьма значительно. Появление их объясняется не столько убеждением в законности прав Петра на престол, сколько надеждой посредством смуты избавиться от строгого начальства, поживиться на общий счет, достигнуть некоторых выгод. Смельчаки, выдававшие себя за Петра III, в сущности не отличались от простых предводителей разбойнических шак. И те и другие жгли, грабили, убивали представителей власти и пр. И у тех и у других не было политической программы. Отчаянное положение, в котором находилась масса народа, заставляло весьма многих примыкать к шайкам анархистов, независимо от того обстоятельства, стоял ли во главе бунта обыкновенный атаман, или какой-нибудь мнимый Иоанн Антонович, или Алексей Петрович, или Петр Феодорович. Когда однажды появилась после Пугачева шайка разбойников под предводительством Заметаева, Суворов, которому было поручено принять меры против бунтовщиков, распорядился, чтобы узнали при случае, выдает ли Заметаев себя за Петра или нет. Между действиями самозванца Пугачева и неистовством простых атаманов, каковы были около того же времени Кулага, Брагин и другие, нет существенной разницы.



Смерть княжны Таракановой.
Гравюра Паннемакера в Париже по картине художника Флавицкого.

Разумеется, бывали случаи самозванства, в которых можно видеть преступную выдумку отдельных лиц. Таковы, например, эпизод с так называемой княжной Таракановой, появление Лжеиоанна в 1788 году в Митаве и т. п. Вообще же самозванство оказывается результатом общего брожения, несносного положения массы народа, коллективным преступлением черни. В продолжение XVII и XVIII столетий было несколько десятков случаев появления самозванцев. Порой при этом значительная часть государства приходила в движение. Целыми тысячами и десятками тысяч народ участвовал в мятеже. Мятежникам сочувствовали низшие слои общества во всей империи. Понятно, что казнь самозванцев и их главных товарищей не могла помочь злу. Болезненное состояние общественного организма требовало коренных реформ. Лечение одних симптомов болезни не могло иметь успеха.

Впрочем, нельзя не допустить, что ненормальные перемены на престоле, государственные перевороты вроде событий 1741 и 1762 годов, печальные эпизоды вроде тех, которые совершились в Ропше в 1762 году, в Шлиссельбурге в 1764 году, способствовали беспорядкам, происходившим в народе. Такие случаи не могли не подействовать сильно на воображение толпы, и без того склонной к мятежным действиям, готовой бороться с правительством и крайне недовольной своим положением.

Важнейшим из таких случаев была пугачевщина, история которой будет изложена в следующей главе. Пока мы укажем не менее важные примеры самозванства, случившиеся около этого же времени.

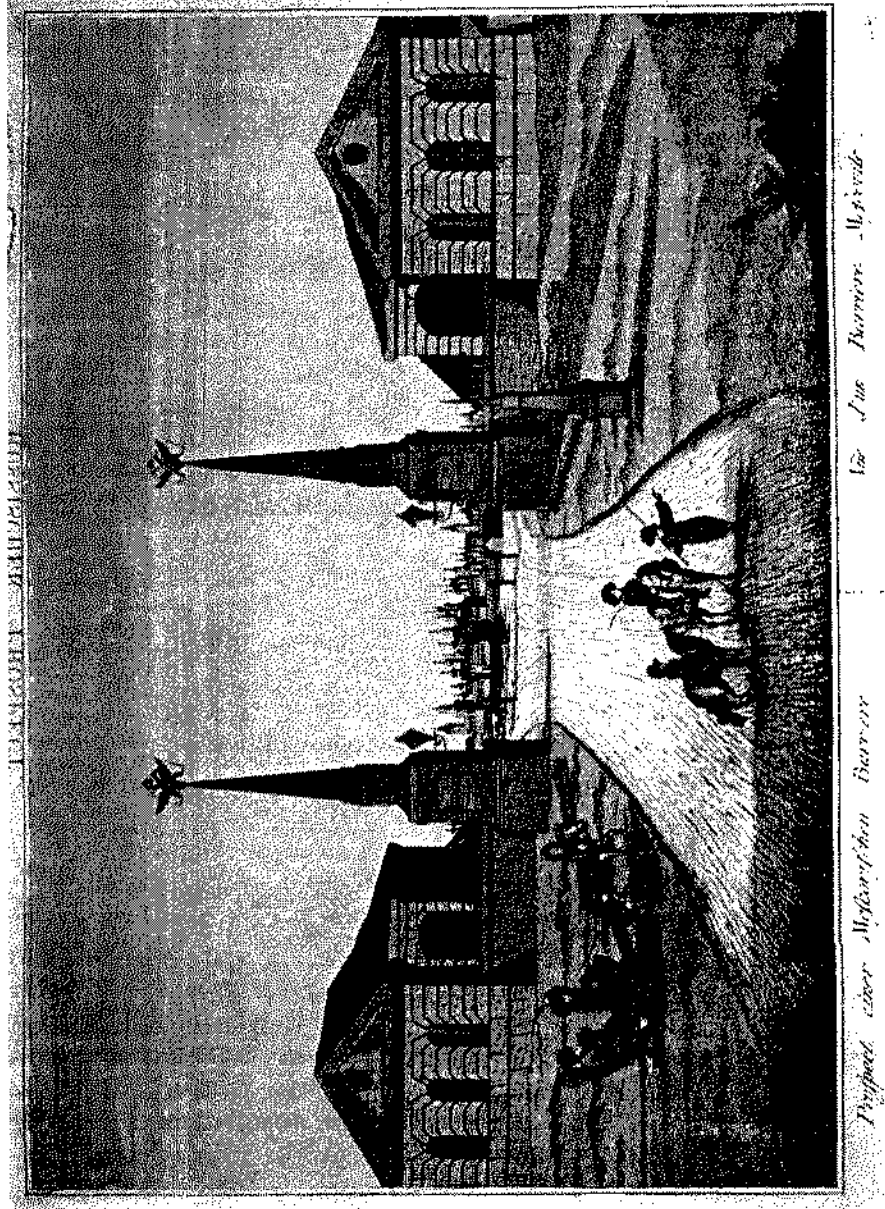
В народе не верили известию о кончине Петра III. Молдавского гусарского полка прапорщик Войнович показал, что 7 сентября 1762 года, в бытность его в крепости святой Елизаветы, зашел он в квартиру подполковника Ездемировича, который говорил: «Был у меня вчера Мельгунова камердинер Иванушка и сказывал: у Мельгунова в гостях был майор гвардии Рославлев и с Мельгуновым говорил, что бывший император жив и послан в Шлюшин (Шлиссельбург), и для того его послали, что Орлов хочет с государыней венчаться».¹

Ходили слухи, что бывший император Петр III содержится арестантом в Риге, где имеет надзор над ним генерал-губернатор Броун.²

В 1765 году солдат Гаврила Кремнев, бежавший из полка, подговорил двоих крестьян, ездил по разным селам и деревням Воронежской губернии,

¹ Соловьев, XXV, 261.

² Blum, «Ein russischer Staatsmann», II, 457.



Das Tor zu Moskau. M. v. v. d. L.

Ansicht der Moskowschen Bastion.

Московская застава. 18 в.

разглашал, что он капитан, послан с указом, будто курение вина запрещено, сбора подушных денег и рекрутчины не будет на 12 лет, и, наконец, назвался государем Петром III. Главным помощником его был поп Лев Евдокимов, который сначала возражал ему, что Петр III скончался, и Кремнев отвечал: «тогда умер солдат». Евдокимов стал утверждать, что, будучи придворным певчим, видел Петра Феодоровича и маленького на руках нашивал.¹ Кроме Евдокимова, Кремневу помогали: отставной сержант Петров, капрал Григорьев, дьячок Антон Попов; они согласились привести однодворцев к присяге и ехать в Воронеж, откуда послать в Москву и Петербург с известием, будто проявился государь, а затем самим ехать в обе столицы. Беглых крестьян Кремнев называл генералами — одного Румянцевым, а другого Пушкиным. Вскоре все преступники были арестованы. Императрица увидела из дела, что «преступление Кремнева произошло без всякого с разумом и смыслом соображения, а единственно от пьянства, буйства и невежества, что дальнейших и опасных видов и намерений не крылось». Разделив всех виновных на двадцать две категории, императрица смягчила наказание всем и освободила Кремнева от смертной казни. Его секли кнутом во всех тех селах, где он о себе разглашал, привязав на груди доску с надписью: «беглец и самозванец», потом выжгли на лбу начальные буквы этих слов и сослали в Нерчинск, на вечную работу.

Били плетью и сослали в Нерчинск армянина Асланбекова, схваченного с фальшивым паспортом и объявившего себя также Петром III.

Беглый солдат Лев Евдокимов, проживавший у раскольников, назвался Петром II.

Брянского полка беглый солдат Петр Федорович Чернышев в слободе Купянке Изюмской провинции стал разглашать о себе, что он бывший государь Петр Феодорович; ему поверил поп слободы Купянки Семен Иванецкий, по желанию Чернышева служил всю ночь и молебен, поминая его на ектениях императором. На допросе Чернышев показал, что он однодворец, женат, имеет маленького сына Павла; важное название выговорил без всякого намерения, а единственно потому, что в разные времена, будучи в кабаках и шинках, между незнакомыми людьми слышал в разговорах о бывшем императоре; говорили разное: иной, что он действительно преставился, а иной, что еще жив. Обоих преступников высекли кнутом и сослали в Нерчинск — Иванецкого на жительство, а Чернышева в работу.

¹ В народе, как видно, не знали, что Петр родился и воспитывался за границей.



Ф.С. Рокотов. Портрет Екатерины II. 1763.

Главный командир нерчинских заводов, генерал-майор Суворов, прислал донесение, что Чернышев и там разглашает о себе то же самое, чему некоторые из тамошних жителей поверили и давали ему много подарков.¹

Около этого же времени казак Каменщиков, до того несколько раз наказанный за разные преступления, бежал из тюрьмы и между крестьянами, терпевшими притеснения от своих господ, в Исецкой провинции разглашал, будто император Петр III жив и находится в Троицкой крепости. Взятый к допросу, Каменщиков показал, что разглашал о Петре III по уверению казака Конона Белянина. Каменщикова приговорили к жестокому наказанию кнутом, вырезанию ноздрей и ссылке на нерчинские заводы в тягчайшую работу навеки. Белянина за его выдумку высекли плетью.²

Тот самый Батурин, который в 1749 году хотел возвести на престол Петра Феодоровича и с тех пор содержался в Шлиссельбургской крепости, утверждал в 1768 году в разговорах с дежурными солдатами, что Петр жив, находится в чужих краях и вернется в Россию через год или два. Мало того: он написал письмо к Петру, которое передал одному из стороживших его солдат. Случайно все это дошло до сведения правительства. Оказалось, что некоторые солдаты поверили нелепым басням полупомешанного арестанта. Его приговорили к вечной каторжной работе на Камчатке, где он, как мы видели выше, участвовал в предприятии Беневского.³

В 1769 году беглый солдат Мамыкин по дороге в Астрахань разглашал, что Петр III жив, примет опять царство и будет льготить крестьян.⁴

Все эти эпизоды оказались маловажными лишь потому, что правительство скоро узнавало о беспорядках и могло распорядиться об аресте виновных, так что зло не принимало больших размеров. Зато подобные случаи в более отдаленных частях государства, ускользая некоторое время от внимания правительства, могли сделаться чрезвычайно опасными. Особенно на юго-востоке, где было много горючего материала, слухи о появлении Петра могли сильно повлиять на воображение народа.

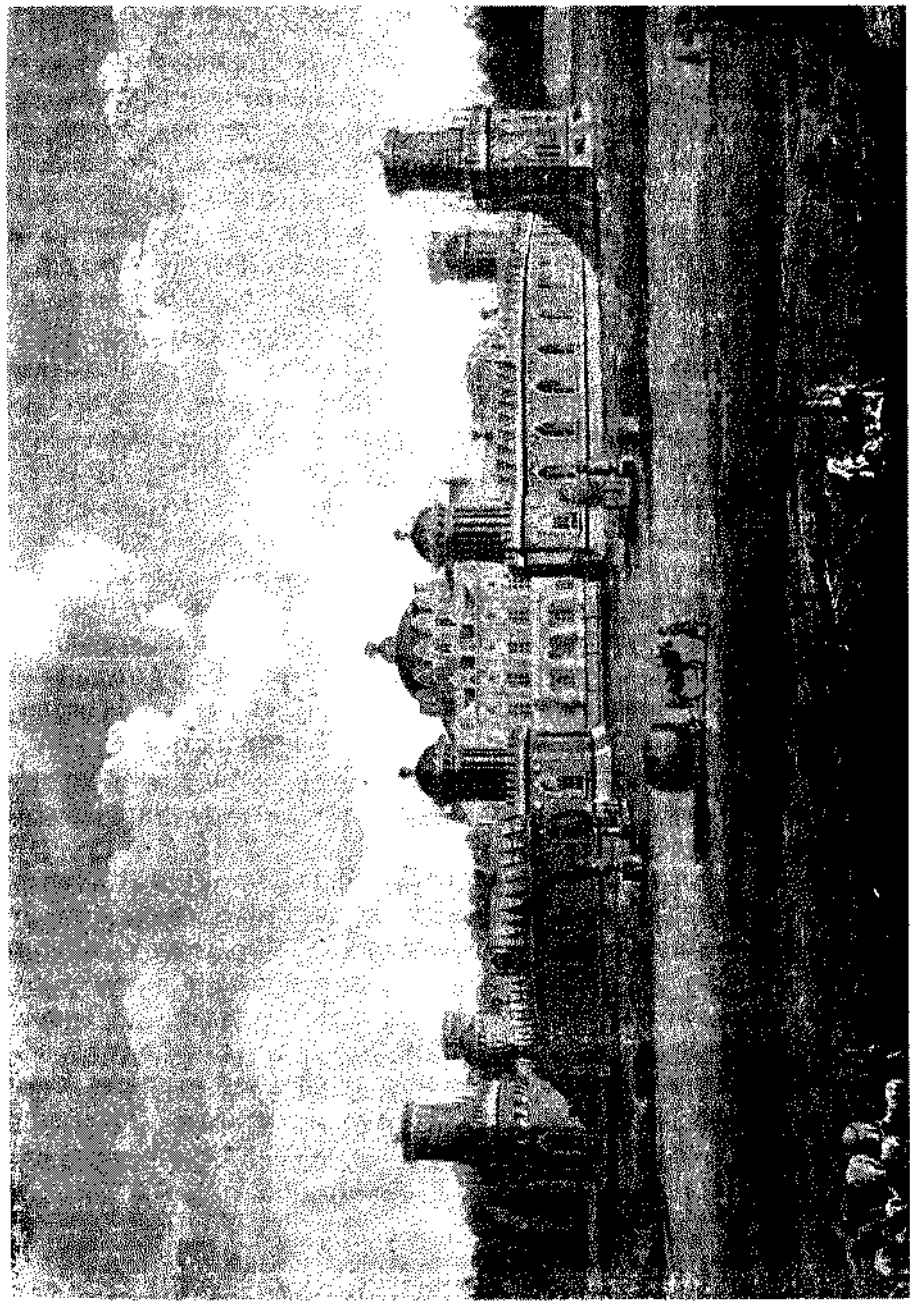
За год до появления Пугачева именно в этих местах появился беглый казак, выдававший себя за Петра III. Другой находившийся при нем казак играл роль статс-секретаря. Они сообщили о своем предприятии другим казакам. Все решили, что нужно отправиться к городу Дубовке, там провозгласить самозванца императором и арестовать всех офицеров. Одному

¹ Соловьев, XXVI, 155.

² Там же, XXVII, 21—24.

³ «Др. и Нов. Россия», 1875, I, 182—284.

⁴ Соловьев, XXVII, 161.



Петровский дворец Рисунок О.И. Бове.

из офицеров, однако, удалось смелостью и решимостью уничтожить в корне замыслы бунтовщиков. Он вошел в ту избу, в которой находился самозванец, ударил его в лицо и приказал присутствовавшим связать его. Казаки послушались. И мнимый статс-секретарь был арестован без всякого препятствия. Началось следствие, продолжавшееся несколько месяцев. Оказалось, что число причастных к делу лиц было весьма значительно. В Царицыне, куда повезли подсудимых, многие жители были убеждены в том, что главный арестант был настоящий император Петр III. Нужно было принять меры для избежания опасности, которая грозила конвоем со стороны жителей Царицына. Арестантов ночью тайком вывезли из города, причем была усилена стража. Оказалось, что преступники рассчитывали на освобождение в уверенности, что народ нападет на конвой. То обстоятельство, что самозванец умер вскоре после этого, во время следствия, и что в народе не знали, куда он девался, способствовало успеху Пугачева, появившегося немного позже.¹

И во время пугачевщины, и после подавления мятежа постоянно повторялись случаи самозванства.

В 1774 году был приговорен к жестокому наказанию некто Фома Мосягин, пытавшийся было играть роль Петра III.² В том же году некто Метелка также выдавал себя за бывшего императора.³ В 1776 году один крестьянин, Сергеев, назвал себя Петром III. Он собрал около себя шайку, имевшую целью грабить и разорять помещичьи дома. Воронежский губернатор Потапов, наконец, велел арестовать бунтовщиков; их было уже девяносто шесть. Следственное дело, относящееся к этому случаю, сохранилось лишь отчасти.⁴

В 1778 году солдат Царицынского 2-го батальона Яков Дмитриев, пьяный, в бане болтал своим товарищам следующее: «В Крымских степях находится с армией бывший третий император Петр Федорович, который прежде этого содержался под караулом, откуда и выкраден донскими казаками; при нем предводительствует той армией Железный Лоб, против которого уже и сражение с нашей стороны было, где и побито две дивизии, и мы его как отца ожидаем; а на границе стоит с войском Петр Александрович Румянцев и против его не обороняет, а сказывает, что он ни с которой стороны защищать не хочет». Солдату Дмитриеву был пристраст-

¹ «Русская Старина», II, 125.

² «Сб. Ист. Общ.», VI, 141.

³ Там же, XXVII, 17.

⁴ Ковалевский, «Жизнь Блудова». Спб. 1865. Приложения.

ный допрос, то есть его били батогами; он сознался, что слышал это на улице от неизвестных людей. Императрица утвердила доклад генерал-прокурора князя Вяземского, в котором было сказано, что все слова говорены были солдатом Дмитриевым по самому его невежеству, купно и в пьянстве, и самые говоренные им слова, как они суть пустые и вымышленные, достойны совершенного презрения; за таковое произнесенное им вранье вменить ему в наказание произведенное при следствии битье батогами, из-под караула освободить и принять на службу по-прежнему.¹

В 1780 году некто Ханин в низовьях Волги старался распространить слух, что известие о казни Пугачева ложно; Ханин выдавал себя за Пугачева, в котором народ видел императора Петра III. Многие поверили басне Ханина; число его приверженцев росло быстро; между ними были крестьяне, сельские священники и прочие. Впрочем, Ханин был скоро арестован.²

В какой степени правительство привыкло к подобным явлениям, видно из следующего случая. Когда осенью 1790 года в Петербурге было получено известие о происшедшей в Стокгольме казни Гестешо, бывшего одним из главных виновников конфедерации в Аньяла, Екатерина была чрезвычайно недовольна и поручила барону Игельстрёму выразить шведскому посланнику, фельдмаршалу Стединку, ее неудовольствие. Стединк в тот самый день писал к королю, что Игельстрём был у него и выразил от имени Екатерины удивление и печаль по поводу казни Гестешо. Игельстрём в разговоре со Стединком заметил при этом случае, что во вверенной ему Оренбургской губернии появилось не менее трех самозванцев, выдававших себя за императора Петра III, и что из них ни один не был казнен.¹

Можно считать вероятным, что далеко не все случаи самозванства сделались известными. Частое повторение их заключает в себе доказательство, что в массе народа было сильное расположение к подобным беспорядкам; столь ужасающие размеры самозванства объясняются лишь повсеместным неудовольствием народа. Борьба правительства с такого рода противниками не прекращалась.

Менее важным и опасным было появление Лжепетров за границей. Уже в 1767 году в Черногории распространился слух о том, что Петр III жив и что можно ожидать появления его с целью освободить все славянские племена от турецкого ига и соединить их в одно государство. В сентябре там появился Степан Малый, выдававший себя за Петра III. Екате-

¹ «Русский Архив», 1878, II, 472.

² См. соч. Мордовцева: «Самозванцы и понизовая вольница». Спб., 1867.

рина беспокоилась, ожидая, что этим самозванцем будут отправлены эмиссары в Россию,² однако он не сделался опасным России, и его история, собственно, выходит за рамки нашего предмета. В Черногории же в 1773 году явился некто Зенович, также выдававший себя за Петра III. Он впоследствии находился в Польше.³ В том же году граф Мочениго писал с острова Занте о появлении в турецкой провинции Албании, близ города Арты, искателя приключений, назвавшего себя Петром III. Однако мы не имеем дальнейших сведений об этом эпизоде.⁴

Случаи появления за границей самозванцев не могли представлять собой особенной опасности для государства. Значение Лжепетров, появившихся в России, напротив, заключалось в их связи с бесчисленной толпой недовольных: они были представителями открытого бунта, социальной революции.

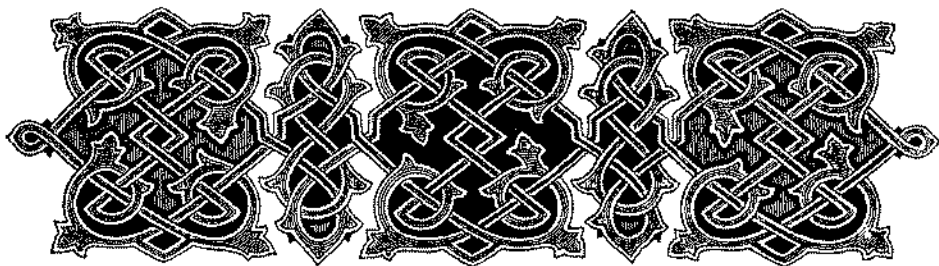


¹ Stedingk, «Mémoires posthumes». Paris, 1844, I, 386.

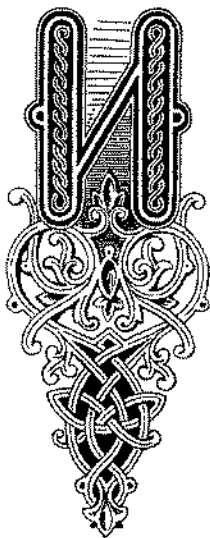
² «Осьмнадцатый век», III, 193—197. «О Степане Малом», см. сочин. Мордовцева, I, 1—58. «Сб. Ист. Общ.», I, 16. Соловьева, XXVIII, 44—53.

³ «Русская Старина», XVIII, 90.

⁴ «Архив Госуд. Совета», Спб., 1869, I, 389.



Глава IV. Пугачевщина



Император Иоанн Антонович не мог быть опасным соперником Екатерины. Болтовня о правах Павла на престол не имела особенного значения. Лжепетры сами по себе были ничтожными противниками императрицы. Настоящих политических партий не существовало. Лица, недовольные новым правительством, в своей же среде находили антагонистов, способных останавливать их попытки, направленные против Екатерины. Гибели Арсения Мацеевича содействовали Сеченов и Синод. Бунтовщики между офицерами и солдатами делались часто жертвами доносов своих товарищей.

Гораздо опаснее была толпа, чернь, масса народа, раздраженная недостатками в государственном организме, испорченностью бюрократии, нарушением человеческих прав со стороны сильных и богатых. Настала эпоха отчаянного кризиса. Пугачевщина могла превратить империю, созданную по образцам западноевропейского политического мира, в казацкое царство; стихийный натиск полуазиатских элементов в народе мог уничтожить двор, отличавшийся утонченностью нравов и находившийся в тесной связи со знаменитыми представителями века просвещения на западе. Юго-восток империи на некоторое время сделался театром мужицкой войны, в которую легко могли быть вовлечены и центральные губернии, и обе столицы. Всем грозила опасность охлократии.

То обстоятельство, что Пугачев выдавал себя за Петра III, не имело особенного значения, было как бы случайным. Вопрос о праве на престол оставался на заднем плане. Пугачевщина являлась, главным образом, про-

тестом против крепостного права, против продажности чиновников, злоупотреблений представителей власти. Екатерина неизбежно была вовлечена в эту борьбу, происходившую между высшими слоями общества и чернью, между казацким элементом в народе и правительством, начальством. Толпа не знала стремлений императрицы к прогрессу, ее искреннего желания принести пользу государству и народу. На ней, как на представительнице власти, лежала тяжелая ответственность. На нее были направлены упреки за плачевное положение, в котором находились низшие классы общества, за страдания народа во время польской и турецкой войн, за продажность подьячих, за жестокость офицеров, и пр. Таким образом, имя Петра III, противника Екатерины, сделалось символом восстания, паролем в действиях мятежников. Однако целью бунта не было и не могло быть воцарение Петра III. Эти шайки, объявившие войну всему, что походило на власть, силу, богатство и авторитет, вообще отрицали необходимость государственного устройства, проповедовали анархию, полнейшую необузданность, варварство.

Настала пора странного поединка между императрицей и Пугачевым. Ученице литературы просвещения, представительнице идей человеческого развития, цивилизации и космополитизма приходилось бороться с неистовым, пьяным казаком. То была борьба между Европой и Азией. С одной стороны, сложная политическая программа, соответствовавшая идеалам Монтескье, Вольтера, Беккариа, с другой — полное отрицание пользы законодательства и администрации вообще. С одной стороны, ум и образование, являвшиеся богатством многих столетий, чувство долга и ответственности перед современниками и потомством, с другой — порывы страсти полудикаря, не чужавшего значения общечеловеческого развития, преданного минутному наслаждению, следовавшего зверским инстинктам. Как прежде царь Алексей в борьбе с Разиным, Петр Великий в походах против стрельцов, раскольников и Булавина сражались успешно под знаменем общечеловеческой цивилизации, западноевропейских приемов общежития, точно так же и Екатерина должна была оказаться сильнее громадных разбойнических шаек, представителей анархии, грабителей и убийц, как-то случайно и временно собравшихся под знаменем мнимого Петра.

Победа была дорого куплена. Значительная часть империи долго страдала от последствий отчаянной борьбы между властью и анархией. Принесенные жертвы окупались разве отчасти уроком для правительства, которое при этом случае ознакомилось с разными недостатками государственного организма. Время успехов Пугачева — от сентября 1773 до осени



Видъ Казани во время воеводства Фомы Яковлева въ Северозападнѣ-урядованіи казанскѣмъ. Видъ изъ Чаши въ Сѣверъ отъ вѣсѣ отъ Нѣмчино-Казанскѣмъ. Видъ изъ Чаши въ Сѣверъ отъ вѣсѣ отъ Нѣмчино-Казанскѣмъ. Видъ изъ Чаши въ Сѣверъ отъ вѣсѣ отъ Нѣмчино-Казанскѣмъ.

Вид Казани в конце 18 столетия.

С гравюры 18-го века Н. Саблина.

1774 года — было самым тяжелым годом всего царствования Екатерины. Она любила своей деятельностью в области политики, успехами в администрации и законодательстве обращать на себя внимание современников; ее хвалили за политическую мудрость, за материнское отношение к народу; теперь же она дожила до того, что тот самый народ, который она думала осчастливить результатами своей политической деятельности, подвергнул самой строгой критике образ действий правительства; оказалось, что все громогласные теории об исполнении обязанностей государя и об общем благе далеко не соответствовали действительности. «Мать отечества» не успела приобрести любви своих чад. После столь ужасного потрясения, произведенного пугачевщиной, было как-то неловко говорить о благосостоянии империи, о народном счастье и богатстве; оптимизм императрицы, любившей восхвалять быстрые успехи России, ввиду страшного кризиса 1773 — 1774 годов, мог легко производить впечатление пустой фразы. Прибавим, что кроткой и человеколюбивой государыне приходилось наказывать, и наказывать чрезвычайно строго. Следуя до тех пор правилам Беккария, вооружаясь против ужасов пытки и смертной казни, она теперь должна была допустить широкую деятельность палачей; в лагере ее противников секира, виселица и кнут играли важнейшую роль. В борьбе с ними террор был делом необходимости. Напрасно Екатерина все это время не переставала говорить и писать в пользу кроткого обращения с бунтовщиками; диктаторы-воеводы, боровшиеся с пугачевщиной, не могли обойтись без крутых мер, жестоких наказаний. Недаром государыня, столь высоко ценившая общее мнение в отношении к ее исторической роли, дорожившая одобрением современников, во время пугачевщины неоднократно жаловалась на то, что эти печальные события, неистовый образ действий мятежников, раздор в империи, страшный разлад между властью и подданными должны произвести самое неблагоприятное впечатление на всех и каждого. Старания Екатерины в письмах к разным современникам придавать пугачевщине значение маловажного эпизода не имели успеха. Современники сознавали, что всему государству и обществу грозила ужасная опасность, что при громадных размерах и глубоком значении бунта все в России становилось вопросом.

Успехи в области внешней политики доставили Екатерине еще до пугачевщины громкую славу. Расширение пределов государства, приобретение веса в Европе, победы над турками и поляками — все это оказалось делом нетрудным в сравнении с проведением внутренних реформ, с достижением определенных целей путем законодательства и администрации;

заботиться о благосостоянии народа, примирить враждебные друг другу классы общества, превратить полуазиатские элементы народа в организм, руководствуемый началами западноевропейской культуры — все эти задачи были не по силам правительству, столь легко приобретаемому в ряду государств значение первоклассной державы и без труда изменившему характер двора и высшего слоя общества по образцам других государств и



Граф П.И. Панин.
С портрета, принадлежащего Эрмитажу.

народов. Пугачевщина заключала в себе доказательство громадной разницы между быстрым развитием меньшинства русских, находившихся в соприкосновении с Западом, и громадным большинством, оставшимся, так

сказать, вне исторического движения и развития и косневшего в воззрениях и приемах прежних столетий.

При всей централизации, при сильно развитой бюрократической опеке влияние власти на массу народа оказывается ничтожным. Вот почему и основы государственного строя остаются шаткими. Отсутствием связи и взаимности между правительством и народом объясняется главным образом возможность, необходимость того кризиса, которому подверглась Россия в эпоху царствования Екатерины.

Напрасно иногда пугачевщину называли лишь казацким бунтом, напрасно хотели видеть в этом событии действие какой-то придворной интриги, напрасно объясняли этот взрыв заговором, составленным поляками. Нужно искать корни этого явления гораздо глубже. То был антагонизм между стремившимся вперед государством и застоєм в народе, борьба между пролетариатом и собственностью, протест против безвыходного положения крепостных крестьян, против отсутствия равноправности. Если вспомним, что в то же самое время писатели как Дидро, поэты как Державин восхваляли благоденствие России, райское существование подданных Екатерины, то это обстоятельство немало усиливает впечатление, производимое ужасами этой эпохи на современников и на потомство.

Все выступило наружу: печальное положение крестьян, отсутствие терпимости в обращении с раскольниками, несносное для народа бремя военной организации, суровое отношение представителей власти к иностранцам, жестокость суда и расправы, произвол и продажность служащих, несостоятельность полиции и чиновного люда и непрочность бюрократического механизма. Всем этим вместе объясняются громадные размеры, которые приняло народное движение, вся важность кризиса, разразившегося над Россией.

Уже в последнее время царствования Елизаветы и при Петре III в разных местах империи происходили волнения крестьян, которые продолжались и в первые годы царствования Екатерины. Особенное значение имели бунты заводских крестьян, а также беспорядки, происходившие в духовных имениях. То обстоятельство, что Петр III, принявшись за секуляризацию монастырских имений, тем самым улучшил положение крестьян, на них проживавших, а также меры в пользу раскольников содействовали некоторому расположению в массах к памяти этого государя. Напротив, Екатерина, ввиду народных восстаний встретившая необходимость объявить, что все слухи о предстоявшем будто освобождении крестьян лишены основания и что помещики должны оставаться при прежних своих правах и

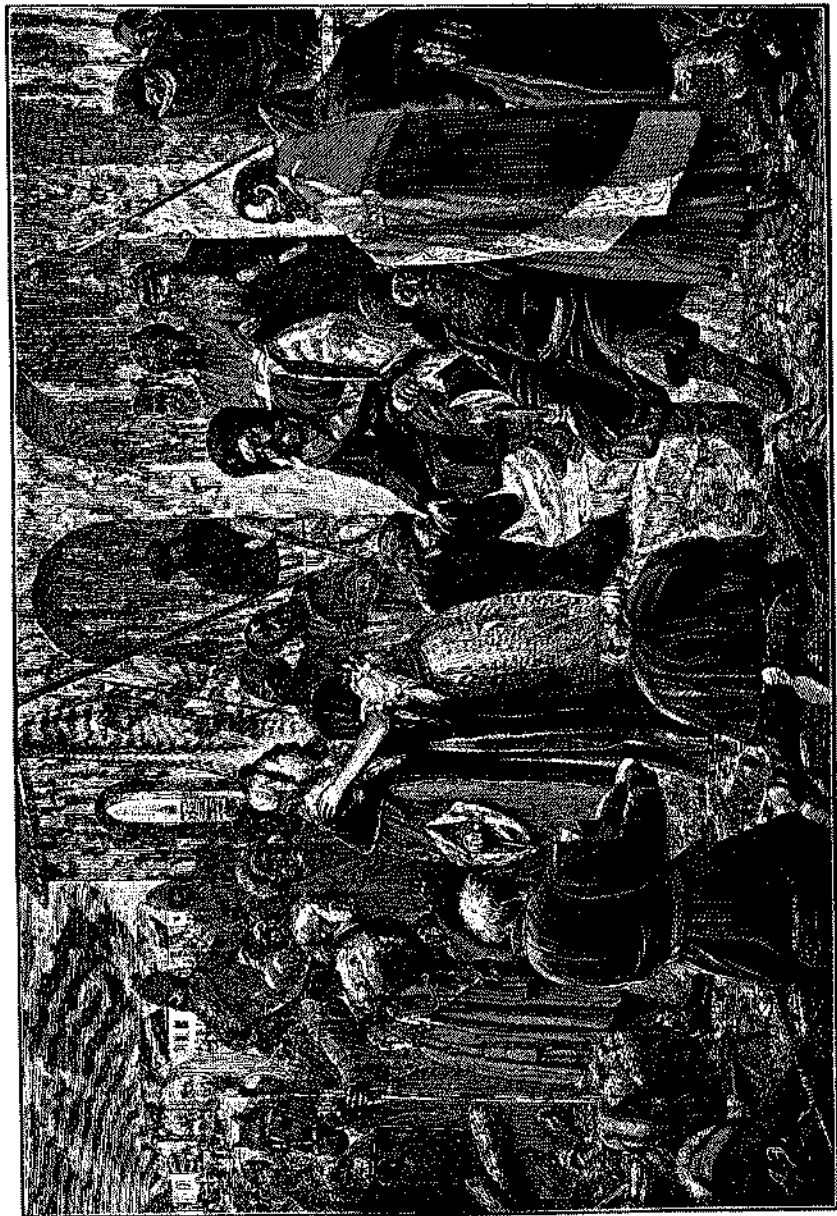


Мориц-Август Беневский.
С гравированного портрета 18-го века.

привилегиях, навлекла на себя негодование низших классов народа. Меры, принятые к улучшению быта крестьян, к защите их против произвола помещиков, оказались недействительными; наказания некоторых помещиков и помещиц, жестоко обращавшихся с крестьянами, не помогали общему злу, и неистовства господ в отношении к крепостному сословию продолжались. Повсеместное бегство крестьян не прекращалось. Органы правительства содействовали тому, что положение крестьян становилось хуже и хуже. Безжалостные поборы, жестокость, с которой всюду собирались недоимки, строгие наказания недовольных, страдания сельского населения во время постоя войска — все это усиливало шайки беглых крестьян, предававшихся грабежу и разбою. Повторялись часто случаи мщения жестоким помещикам.

В первое время царствования Екатерины распространялись слухи о намерении императрицы освободить крестьян. Множество ложных манифестов, в которых говорилось об эмансипации, ходило по рукам. Волнения вследствие этого усиливались. Тщетно чиновники объявляли всюду от имени правительства, что народ обманут поддельными манифестами. Крестьяне считали инструкции, данные чиновникам, подлогом, и не переставали верить в подлинность манифестов об эмансипации. Производились аресты, жестокие наказания. Когда в 1766 году в народе распространилось известие о намерении Екатерины превратить помещичьих крестьян, пострадавших от жестоких господ, в казенных крестьян, со всех сторон посыпались жалобы, челобитные и доносы на господ. Но именно подача таких жалоб была строжайше запрещена; челобитчиков наказывали жестоко. Этим была отрезана последняя возможность защиты против произвола помещиков. Недовольных, однако, было столько, что нельзя было наказывать всех. Таким образом, во время блестящих побед в области внешней политики вся страна болела внутренним недугом, излечение которого казалось невозможным.

К тому же во время турецкой войны крестьяне страдали от постоянно повторявшихся и усиливающихся рекрутских наборов. С рекрутами обращались немилосердно. Понятно, что весьма сильный контингент в разбойничьих шайках составляли беглые крестьяне. Мы видели, что между самозванцами, выдававшими себя за Петра III, были дезертиры. Рекрутские наборы нередко давали повод к ужасным насилиям помещиков, которые, например, отдавали в солдаты богатых крестьян, заставляя их большими суммами денег освобождать себя от военной службы. По рассказу Сиверса, иногда случалось, что крестьяне, которых помещики хотели было отдавать



Пугачевский суд.

Гравюра А.И. Зубчанинова по картине художника Перова.

в солдаты и которые по росту или по летам, или по состоянию здоровья оказывались негодными к военной службе, подвергались телесным наказаниям, иногда равнявшимся смертной казни.¹ Немудрено, что войско, состоявшее из таких элементов, весьма часто обнаруживало склонность действовать заодно с противниками правительства.

В продолжение столетий правительство боролось против своеволия и необузданности казацких элементов на юго-востоке. Здесь в начале XVII века Заруцкий собирал свои шайки, с которыми воевал против власти; отсюда Стенька Разин, при царе Алексее, грозил гоеударству; здесь происходили бунты во время Петра; сюда спасались отовсюду беглецы разных классов общества. Все старания центральной власти приучить казаков к дисциплине и безусловному послушанию оказывались тщетными. Наказания неповиновавшихся усиливали антагонизм между казаками и правительством. В шестидесятых годах беспорядки в этих местах напоминали своими размерами стрелецкие бунты XVII века. Казаки убили нескольких офицеров, старавшихся усмирить мятежное войско. Берега Урала и Дона сделались исходной точкой пугачевского бунта. Столетием раньше Стенька Разин сделался бунтовщиком после того, как был свидетелем казни брата, нарушившего военную дисциплину; совершенно так же Пугачев столкнулся с начальством, содействуя бегству одного родственника, и сам вынужденный бежать, начал свою борьбу против правительства. Его агитаторская деятельность оказалась тем более успешной, что казаки после убийства генерала Траубенберга подвергались разным притеснениям. К яицким и донским казакам охотно присоединялись и малороссийские казаки, толпами бежавшие с берегов Днепра в направлении к востоку. Во время чумы, свирепствовавшей в Москве в 1770—1771 годах, отсюда также бежали многие к казакам на юго-восток, усиливая число находившихся здесь недовольных. И казакам, как крестьянам, было запрещено жаловаться на притеснения начальства. Казацкие депутаты, желавшие передать императрице донос на своих офицеров, были наказаны как бунтовщики. Немудрено, что между казаками при слухе о появлении Пугачева, как претендента, возникла надежда тем самым поправить свое положение.

Чрезвычайно сильным и опасным элементом были раскольники. Хотя во время царствования Петра III и при Екатерине правительство в отношении к раскольникам руководствовалось правилами терпимости, например, позволяло раскольникам, бежавшим в Польшу, возвратиться бес-

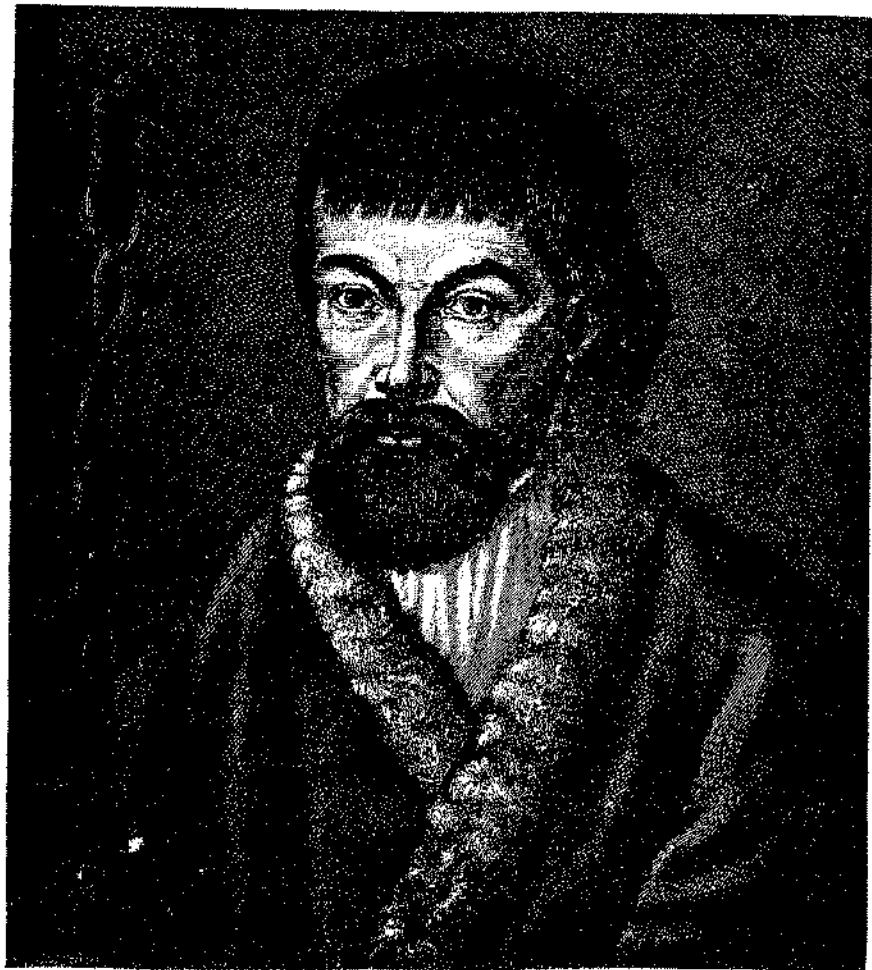
¹ Blum, «Ein russ. Staatsmann», 1, 394.

препятственно, между раскольниками, обремененными налогами и иногда притесняемыми местными органами правительства и церкви, господствовало сильное неудовольствие. В среде раскольников имя Петра III пользовалось большим авторитетом; между ними ходили слухи о том, что бывший император спасся бегством за границу, вернулся в Россию, был наказан кнутом, сослан в Сибирь, откуда скоро должен вернуться, и пр. На Яике и на Иргизе было множество беглых раскольников, которых правительство преследовало всеми мерами. Нетерпимость некоторых архисресп усиливала ожесточение этих элементов.

При Стеньке Разине весьма важную часть его шаек составляли инородцы. Они же сделались союзниками-товарищами Пугачева. Татары, киргизы, башкиры, мордва, чувашы, черемисы, вотяки и прочие страшно страдали от произвола и сребролюбия чиновного люда. Особенно калмыки были стеснены в своем быте регламентацией и надзором и терпели насилия всякого рода. Некоторые инородческие племена были раздражены насильственными мерами к распространению между ними христианской веры. Буджакские татары, переселившиеся на юго-восток России после взятия Бендер, были недовольны своим положением и произволом подьячих, за ними надзиравших. Башкиры были раздражены отнятием у них алчными чиновниками значительной доли занятых ими до этого земель. Все эти элементы, склонные к кочевой жизни, грабежу, насилию и разбою, приставая к толпе, окружавшей Пугачева, придавали ей еще более азиатский характер, которым и без этого отличалось восстание.

Между приверженцами Пугачева было очень много ссыльных, каторжников, бежавших во время следования в Сибирь. Случаи к бегству представлялись весьма часто. Надзор над арестантами тогда оказывался недостаточным. На пути с ними обращались бесчеловечно. Несчастные гибли от холода и голода. Следствия, производимые над преступниками, продолжались иногда по несколько лет; приговоренные к ссылке в Сибирь иногда долго оставались в острогах до отправления в путь или на пути до продолжения путешествия. Тем временем арестантам, которых водили по улицам, дозволялось просить милостыню. При этом им иногда удавалось бежать. Весьма часто конвойные действовали заодно с арестантами. Население сочувствовало «несчастливым», что объяснялось злоупотреблениями и жестокостью в уголовном судопроизводстве. В начале пугачевщины в Казани находилось не менее 4000 арестантов.

Таковы были элементы в народе, откликнувшиеся на призыв Пугачева. Сначала в этом движении преобладал казачский элемент. Затем бунт,



Подлинное изображение
буншовщика и обманщика
ЕМЕЛКИ ПУГАЧЕВА.

Betrachte dieses Bild u. lerne wohl bedenken,
wie mancher Mensch auf Erd. sich selbst vom
Teufel trenken
dass er selbst Teufel wird de monstr. hüche & of schlechte
u. thut wifs wieder Gott u. wieder das e Rechte.
Schau aber nur auf! End der groß u klein Rebelle
so wird sich jeder zeit auch solches End darstelln
un Schauder Furcht u. Qual durch aus Eltern
dringen.

Wahre Abbildung
des Rebellen und Betrügers
IEMELKA PUGATSCHEW.

Denn laßt Euch Pugatschew, 1772 zw. Ende
schicklich bringet.
an Gott u. seine Wör. d. zu wer den kein Rebelle
Der bleib die Straß nicht aus bei Mensch auf d. Stelle
so muß der Schöpfer selbst wils. fring or sich er zeige
darnit da: G. schöpfer lernn. sich vor seinen
Richter beugen
u. dieses wohl bedenke. daß der so werden schade
am muß sich selbst schrad mit jeder b. f. se. base.

Пугачев.

С гравированного портрета 18-го века, из собрания П. Я. Дашкова.



Сражение войск Оренбургского гарнизона с отрядами Пугачева 13 января 1774 г.
Фрагмент плана.

перейдя через берега Волги в направлении к Москве, принимает характер крестьянской войны «Все недовольные, — сказано в записках одного современника, — ждали лишь повода к началу мятежа; этот повод явился в лице Пугачева».¹

Емельян Пугачев, сын донского казака, вступил в казацкое войско, когда ему было 18 лет, участвовал в походах семилетней войны и своей ловкостью и расторопностью удостоился внимания полковника Денисова. Его мнимое наружное сходство с Петром Феодоровичем оказывается басней позднейшего времени. Не было и следов такого сходства, судя по сохранившимся портретам Пугачева. К тому же современники, знавшие и Петра и Пугачева, решительно отрицали такое сходство. Уже довольно рано между Пугачевым и его начальством начали происходить столкновения; неоднократно он подвергался телесным наказаниям. После участия в турецкой войне он по болезни получил отпуск и возвратился на родину, где, как уже выше было сказано, помог бежать одному родственнику, подвергся за это ответственности, бежал, был арестован, бежал еще раз и удалился в Малороссию. Здесь, на польской границе, в одном раскольническом монастыре, его натолкнули на мысль назвать себя Петром III и вооружить казаков на юго-востоке против власти. Руководствуясь этими внушениями и получив кое-какие денежные средства от раскольников, надеявшихся через совместные действия с взбунтовавшимися казаками поправить свое положение, Пугачев явился на Урал, где вскоре был схвачен. Его привезли в Казань, откуда, однако, ему удалось бежать (в мае 1773 года) как раз в то время, когда состоялось утверждение приговора; таким образом, он избежал от телесного наказания и от ссылки в Пелым. Вскоре после этого он очутился на берегах Иргиза, где опять завел сношения с казаками, выдавая себя за Петра III. Здесь он нашел сообщников для своего предприятия, рассказывая сложную басню о том, как ему удалось избавиться от преследований Екатерины, какне им совершены путешествия в Польшу, Египет, Иерусалим и пр. и как он явился с целью защитить народ от разных обид и притеснений.

Хотя шайка, образовавшаяся около Пугачева, в принципе ратовала против государства и правительства вообще, хотя идеалом этих людей было превращение всей России в казацкое царство, все-таки они подражали некоторым образом внешним формам двора и государственного организма. Женившись на молодой казачке, Пугачев окружил ее «фрейлинами».

¹ Записки Поспелова в «Вестнике Европы» 1870, № 6, 621.

Казак Чика сделался графом Чернышевым и удостоился сана фельдмаршала; другие казаки превратились в графов Орлова, Воронцова, Панина. Какой-то каторжник, у которого были вырезаны ноздри, получил должность начальника артиллерии и пр. Два-три грамотных казака в манифестах и других бумагах старались подражать стилю бумаг Военной коллегии. Впоследствии бывший офицер Шванвич, захваченный бунтовщиками



Князь Михаил Никитич Волконский.
С портрета, принадлежащего Эрмитажу.

и решившийся примкнуть к ним, занимался редакцией кое-каких бумаг на иностранных языках; казак Падуров, за несколько лет до того участвовавший в заседаниях «Большой комиссии для составления нового уложения», занимал должность статс-секретаря. Небольшой форт в окрестностях Оренбурга, занятый бунтовщиками, был назван ими Москвой, другой — Петербургом. Ежедневно, совершенно так же, как и в обеих столицах, происходило учение войскам, причем присутствовал сам Пугачев. Говорили о необычайной способности его к артиллерийскому искусству и к фортификации. В обращении с народом он умел держать себя с важностью и достоинством. Его товарищи, обращаясь с ним почтительно в присутствии толпы, наедине считали его равным себе и руководили его действиями, так что ему приходилось жаловаться на свою несамостоятельность.

Осень 1773 года была временем значительных успехов Пугачева. Он брал одну крепость за другой, например, Илецкий Городок, Рассыпную, Нижне-Озерную, Татищевскую, Чернореченскую и пр. Затем началась осада Оренбурга. Толпа, окружавшая Пугачева, росла постоянно. К нему приставало множество мещеряков, калмыков и башкир.

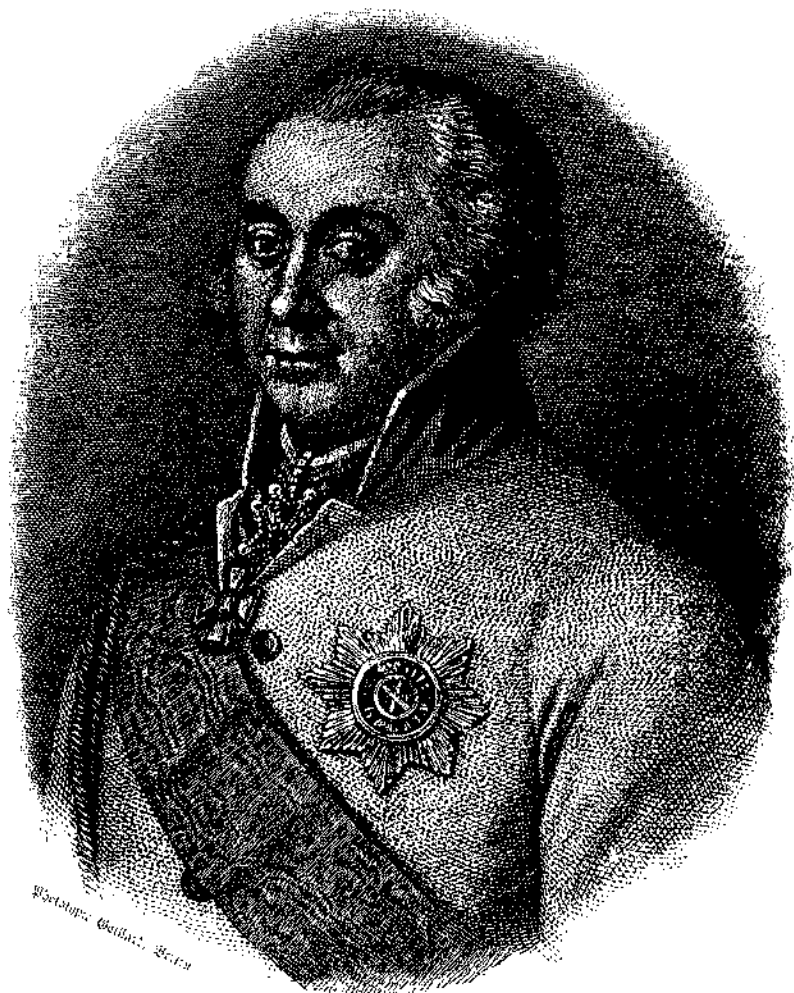
Иногда Пугачев говорил народу о своих правах на престол, о своем намерении заключить Екатерину в монастырь, о надежде в Петербурге увидеть сына, Павла, о предстоявшей в ближайшем будущем казни виновников государственного переворота 1762 года, о необходимости отнять у бояр деревни и пр. Найдя в одном доме портрет Павла, он целовал его и уверял, что, победив своих противников, отдаст престол своему сыну.¹ Немного позднее при Пугачеве находился мальчик, которого он показывал под именем великого князя Павла.¹ Обещая крестьянам свободу, Пугачев жаловался на Екатерину, состоявшую будто бы в связи с дворянской партией, и говорил о своем намерении истребить до последнего всех дворян и т. п.

Все это подействовало сильно на воображение народа, целыми толпами примывавшего к шайке Пугачева. В продолжение нескольких дней пламя бунта охватило весь юго-восточный край России.

Сначала в центре государства не придавали особенного значения этому движению. Мало-помалу начали сознавать меру опасности, как это видно, между прочим, из следующего обстоятельства. Прежде за арестование Пугачева назначали награду в 500 рублей, обещая тому, кто доставит его труп, 250 рублей; несколько месяцев спустя эти награды возвы-

¹ «Зап. о Бибикове», 129.

шны на 10000 и 5000 рублей; наконец генерал П. С. Потемкин обещал тому, кто доставит Пугачева живым в руки правительства, 28000 рублей и более.²



Иван Иванович Михельсон.
С гравированного портрета Пожалостина.

¹ Литографированный курс В. Иконникова: «Время Екатерины II», где, впрочем, неверная ссылка.

² Грот, «Державин», V, 164.

Не чуя беды, двор в сентябре 1773 года праздновал свадьбу великого князя Павла Петровича в то самое время, к которому относились первые успехи Пугачева. Только в октябре были получены в Петербурге первые известия о бунте. Зато уже в конце ноября весь город говорил лишь о пугачевщине. В весьма оживленной переписке между Екатериной и московским губернатором, князем Волконским, впервые упоминается об этих событиях не раньше 23 ноября 1773 года. Волконский писал: «Я опасаясь, что всего этого (отправленного в Казань войска) там мало будет, в рассуждении распространяющегося зла, злодея бунтовщика, донского казака, который час от часу сильнее становится, а тамошние люди все колеблются».¹

Болотов, вспоминая об этой эпохе, пишет о своем пребывании в Москве в начале 1774 года: «Узнали мы о загремевшем везде слухе о появившемся на Яике бездельнике бунтовщике Емельке Пугачеве... Все смеялись только тогда дерзновению сего злодея и надеялись, что отправленные для усмирения его команды скоро все сие уничтожат и злодействам его скоро конец сделают. Но как мало знали все мы отсюда, что впоследствии после, и какой великий пожар произведет сия искра...» А далее: «Мы узнали, слух о Пугачеве не только не уничтожился, но увеличивался от часу больше. ...Мы ясно видели, что дело сие не походило уже нимало на шутку, а становилось час от часу важнейшим и сумнительнейшим».²

Волконский советовал императрице отправить против бунтовщиков гораздо большие отряды войск. Она отвечала: «По оренбургским обстоятельствам я, видя, что выбором и худым поведением генерал-майора Кара дела там более испорчены, нежели поправлены, и получая ежечасно известия о усилении тамошней зловерной толпы, попала на ваши мысли и посылаю туда несколько полков» и пр. Затем императрица выразила надежду, что народ, видя несправедливую и неистовую казнь многих офицеров, сам собой «почувствует омерзение» и отстанет от Пугачева. «В несчастии сем, — писала она, — можно почесть за счастье, что сии каналы привязались два месяца целые к Оренбургу, а не далее куда пошли... Бог весть, чем сие кончится; может статься, что и сами разбегутся. Я зачинаю походить приключениями моего века на Петра Первого; но, что Бог ни даст, по примеру дедушкину, унывать не станем. Кара я велела отставить, ибо в нужное время не надобно, чтоб больной и трус занял место и получал жалованье по-пустому» и т. д.³

¹ «Осьмнадцатый век», I, 125.

² Зап. Болотова, III, 349, 352.

³ «Осьмнадцатый век», I, 127.

Во все это время, впрочем, правительство желало избежать гласности относительно бунта. Даже в переписке между сановниками о пугачевщине говорилось как о событии, не заслуживающем особенного внимания. 7 января 1774 года вице-канцлер князь Голицын в первый раз коснулся этих дел в депеше к посланнику в Берлине, князю В. С. Долгорукому: «Вы слышали, конечно, — писал он, — об оренбургских происшествиях. Дело преувеличено молвой. Эти беспорядки произведены бродягами и разбойниками, которые воспользовались отсутствием войск».¹

В письме Волконского к императрице от 2 декабря 1773 года сказано: «Три дня назад приехал сюда генерал-майор Кар, рассказывает, по причине болезни. Оный его приезд сюда произвел в публике толкования о оренбургских обстоятельствах. Я теперь стараюсь публику уверить, что оренбургские дела никакого уважения не заслуживают и никаких худых следствий ожидать не можно, а что только шайка никуда не годных людей собралась, которая вскоре и истреблена будет, а Кару я велел сказать, чтоб он сам об тамошних делах ничего ни с кем, а по малой мере предосудительного, не говорил, так бы и людям своим запретил».²

То обстоятельство, что Екатерина отправила именно А. И. Бибикова с тремя полками к Оренбургу для укрощения мятежа, заключало в себе доказательство, что она сознавала всю опасность восстания. Бибииков пользовался особенным доверием Екатерины, принадлежал к числу ее приближенных людей и неоднократно имел случай выказать необычайную опытность в делах и распорядительность.³ Переписка императрицы с Бибииковым во время вверенной последнему диктатуры на юго-востоке служит меркой того значения, которое она придавала этим событиям. Не должно забывать, что в это самое время турецкая война требовала напряжения сил и значительных пожертвований со стороны государства.

Между тем как во всех заседаниях Государственного Совета, на которых императрица присутствовала весьма часто, обсуждался вопрос о средствах, при помощи которых можно было справиться с бунтовщиками, между тем как Екатерина сильно беспокоилась и не раз выражала опасение, что Оренбург не выдержит осады, правительство все-таки старалось успокаивать публику относительно происходивших событий. Когда в Государственном Совете читали проект манифеста, в котором проводилась

¹ Щебальский, «Начало и характер пугачевщины». Москва, 1865. Стр. 60.

² «Осьмнадцатый век», I, 128.

³ Наказ Бибиикову в «Сб. Ист. Общ.», XIII, 367 и след. Частности при его назначении в «Записках о Бибиикове», 108.



Александр Ильич Биби́ков.
С фамильного портрета, принадлежащего Д.Г. Биби́кову.



Пугачев в клетке, выставленный напоказ народу.
С гравюры 18-го века Хиллера, из собрания П. Я. Дашкова.

параллель между Пугачевым и Димитрием Самозванцем, то некоторые сановники полагали, что такое сравнение может усилить беспокойство публики и придать чрезмерное значение бунту. Екатерина, однако, настаивала на первоначальной редакции манифеста, утверждая, что сравнение Пугачева с Лжедмитрием должно будет усилить раздражение общества против Пугачева. Вообще совещания Государственного Совета во все это время свидетельствуют о личном участии Екатерины во всех мерах, принятых против пугачевщины.

10 декабря 1773 года Екатерина писала к Сиверсу: «Два года тому назад у меня была чума в центре империи; теперь у нас, на границах Казанского царства, свирепствует политическая чума, которая доставляет нам много забот. С Божьей помощью мы справимся с ней, потому что у этой сволочи нет ни разума и толку, ни порядка и способности; это не что иное, как негодяи, во главе которых находится наглый обманщик. Все дело кончится вешаньем. Но каково мое положение, так как я не люблю вешанье? Европа подумает, что мы еще живем во временах царя Иоанна Васильевича; такова честь, которой мы удостоимся вследствие этой выходки преступного мальчишки. Впрочем, я приказала, чтобы вся эта история не оставалась тайной; пускай люди знающие сообщат свои соображения по этому делу» и пр. В ответном письме Сиверс советовал без замедления сообщить всему народу о случившемся для избежания ложных толков. Далее он писал, что, по его мнению, должно считать особенно опасным положение Астрахани, бывшей театром бунтов в царствование Алексея Михайловича и Петра Великого.¹

Госпоже Бьельке, сильно беспокоившейся относительно пугачевщины, Екатерина писала 16 января 1774 года: «Спешу вас успокоить. В Казани нет возмущения: в этой области спокойно; но в сопредельной с ней губернии Оренбургской завелись шайки грабителей; они очень многочисленны, и один из предводителей их выдает себя то за Петра Третьего, то за его представителя. Они повесили в три месяца более пятисот человек всякого пола и возраста. Генерал-майор Кар был послан против них, но он так худо действовал, что только увеличил зло, вместо того, чтобы уменьшить его; я выключила его с бесчестьем из службы своей и отправила туда генерала Бибикова, который, по всей вероятности, образумит их». Довольно подробно Екатерина пишет о топографии края, об инородцах, о прежних бунтах, происходивших в этих же местностях. «Очень вероятно, — про-

¹ Blum, II, 33—35, 545—546.

должала императрица, — что все это кончится в скором времени. У генерала Бибикова все средства к тому. И притом дело, в котором нет ни ума, ни порядка, не может устоять, когда столкнется с законом и разумом». Наконец, она выставляла в особенно выгодном свете образ действий казанского дворянства, изъявившего готовность содействовать подавлению мятежа, и пр.¹

К Бибикову императрица писала между прочим: «Не упустите, где за способны найдете, в подлых душах вселить душу, к службе нужную, а думаю, что ныне, кроме уместной строгостью, не с чем. Колико возможно, не потеряйте времени и старайтесь прежде весны окончить дурные и поносные сии хлопоты. Для Бога вас прошу и вам приказываю всячески приложить труда для искоренения злодейств сих, весьма стыдных пред светом» и пр.²

Как видно, императрица опасалась серьезно последствий бунга. Однако в тот же самый день, 9 февраля, она писала к госпоже Бьельке: «Мне очень приятно сообщить вам, что оренбургское восстание, которое вас так напугало и о котором так много шумят наши завистники, очень серьезно распадается, к погибели тех несчастных, которые были в него вовлечены: войска генерала Бибикова четырьмя различными дорогами подступают к Оренбургу и очищают страну. Башкиры, как уже сами сознаются, ясно видят, что им придется расплачиваться за мятежников; очень многие между ними изъявили покорность» и пр.³ В шутовском тоне Екатерина писала и к Вольтеру, смеясь над газетами, столько занимавшимися Пугачевым, и замечая, что последний «прядет себе каждый день пеньковую веревку». Госпоже Бьельке императрица писала, что Голицын нанес войскам Пугачева решительное поражение, между тем как военные действия Голицына не могли вовсе считаться удачными. О Пугачеве сказано далее в письме Екатерины: «Предводитель, которого талант так превозносили в газетах и который однако ж не более, как глупец и пьяница, уже и прежде наказанный кнутом за разные преступления казаками донскими, его земляками, убежал за реку Яик». Довольно часто и в письмах Екатерины к Гримму упоминается о Пугачеве, об осаде Оренбурга и пр., но, как вообще, так и в отношении к пугачевщине, Екатерина в переписке с Гриммом любила шу-

¹ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 382—384.

² Там же, XIII, 386.

³ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 387.

⁴ Там же, XIII, 394.

⁵ Там же, XIII, 399.

тить, относилась ко всем предметам слегка; она замечает, что вся эта «комедия» (farce) кончится очень скоро, причем нельзя будет обойтись без случаев телесного наказания, вешанья и пр. Несколько раз Екатерина употребляет выражение «le marquis Pougatcheff».¹

Все это оказалось чрезмерным оптимизмом. В начале 1774 года не было основания надеяться на скорое окончание бунта. Напротив того, предстояла самая тяжелая эпоха.

Генерал-майор Кар при своих операциях в борьбе с мятежниками располагал недостаточным количеством войск. Солдаты страдали от стужи. Не без основания Кар жаловался на мятежный дух в войске, на склонность к бунтам крестьян. Недаром он требовал гораздо больших средств для подавления мятежа. Однако, так как во все это время продолжалась турецкая война, правительство не так скоро могло располагать достаточным количеством войск для борьбы против Пугачева.

Между тем бунтовщики брали на Волге и на Урале один город за другим. Все башкирское население восстало. В конце декабря Пугачев занял Самару.

Бибикову приходилось организовать ополчение местных жителей. Тотчас же после своего прибытия в Казань он убедил собравшихся там дворян к принятию чрезвычайных мер. Положение оставалось весьма опасным. Бибиков писал к Фовизии: «Побить злодеев я не отчаиваюсь, да успокоить почти всеобщего черни волнования великие предстоят трудности. Более же всего неудобным делает то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня!.. Делаю и буду делать, что могу. Неужели то проклятая сволочь не образумится? Ведь не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование; а Пугачев — чучела, которой воры яички казаки играют. ... Неужели теперь о мире не думаете? Эй, пора! право пора!» и пр.²

В письмах к императрице Бибиков горько жаловался на «слепоту и невежество» жителей края, на неспособность и недобросовестность служащих, на слабость и «глупость» офицеров и пр. Особенно, писал он, нет возможности надеяться на гарнизоны. Своей жене он писал: «Дела здесь нашел я прескверными, так что и описать, буде бы хотел — не могу; вдруг я себя увидел в гораздо худших обстоятельствах... Правда, позднейко

¹ Там же, XXIII, 2, 6, 8.

² «Зап. о Бибикове». Приложения, 76.

хватились. Войска мои начали прибывать вчера, но к утешению заразы сего очень мало... Ух, дурно!» и пр.

Впрочем, меры, принятые Бибиковым и его помощником Державиным, не оставались без последствий. Довольно отрадным эпизодом была победа, одержанная Голицыным у Татищевской крепости в марте 1774 года. Осада Оренбурга прекратилась. Вскоре Голицыну удалось нанести



И.А. Ерменев. Крестьяне за обедом.

мятежникам второе поражение. Однако одновременно с известием об успешных действиях Голицына в Петербурге была получена печальная весть о кончине Бибикова, умершего в Бугульме 9 апреля. Английский послан-

ник доносил своему правительству: «Монархия и империя не могли никогда, особенно же в настоящую минуту, потерпеть более тяжелой утраты». В другом донесении сказано: «Мне передавали, что из бумаг генерала Бибикова оказалось, что, по его мнению, невозможно подавить этот мятеж одной только силой оружия, но что необходимо отыскать какое-либо средство удовлетворить народ, имеющий справедливые основания к жалобам».¹

Пока движение ограничивалось лишь юго-восточным краем. Однако и центр легко мог подвергнуться заразе бунта. Чернь в разных местах империи, в особенности же в Москве, сочувствовала Пугачеву; кое-где замечалось некоторое волнение в народе.

Из писем Волконского к Екатерине видно, как он сам, московский губернатор, не доверял духу населения древней столицы, как он через шпионов старался узнавать о толках в народе, как иногда привлекал к суду главных крикунов, какие им были приняты меры против мятежного настроения черни.

Три года раньше, во время чумы, Москва была театром ужасных беспорядков, производимых чернью, убившей при этом случае архиепископа Амвросия. Возмущение тогда было остановлено усилиями Еропкина и Григория Орлова. Однако уже при этом случае можно было видеть, сколько горючего материала находилось в древней столице. Теперь же опасность возобновилась. Болотов рассказывает: «Мысли о Пугачеве не выходили у всех нас из головы, и мы все удостоверены были, что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги, когда не выявь, так в тайне сердцами своими были злодею сему преданы и в сердцах своих вообще бунтовали и готовы были при малейшей возгоревшейся искре произвести огонь и полымя. Пример бывшего незадолго в Москве страшного мятежа был у нас еще в свежей памяти, и мы не только подобного тому ж опасались, но ожидали того ежеминутно», и пр. Болотов к этому прибавляет, что он был очень рад возможности уехать из Москвы.²

Рунич говорит в своих записках о Пугачеве: «Если бы сей государственный злодей с бунтовщиками Яика не занялся шестимесячной осадой Оренбурга, но устремился бы на Казань, то до прибытия Бибикова дошел бы до самой Москвы. Но благость и священнейший промысл всесильного и всемудрого Бога ослепили ум злодея и злодеев яицких занятием Орен-

¹ «Сб. Ист. Общ.», XIX, 411 и 418.

² Зап. Болотова, III, 377—378.

бурга и избавили Москву от разорения, а с ней вместе и весь российского дворянства род от погибели».¹



И.А. Ерменев. Поющие слепцы.

После кончины Бибикова Павел Потемкин, родственник фаворита, некоторое время играл главную роль в борьбе с мятежниками. И он жаловался на неспособность офицеров и на общую склонность к бунту. В его

¹ «Русская Старина», II, 216.

письме к Григорию Петемкину сказано между прочим: «Самое главное несчастье, que le peuple n'est pas sûr».¹ Оказалось невозможным остановить движение мятежников на Казань и занятие ими этого города. Около 2000 домов сделались жертвой пламени. Многие монастыри и церкви были превращены в пепел. Колодники, содержащиеся в Казани, получили свободу. Повторились преступления, совершившиеся столетием раньше, при занятии Астрахани Стенькой Разиным.

Пугачев намеревался идти на Москву. Перекинувшись на правый берег Волги, бунт все более и более принимал характер крестьянской войны. Пугачев обещал крестьянам свободу, призывая их к отчаянной борьбе против помещичьего сословия. На всем протяжении между Москвой и Казанью совершались ужасы; сохранилось множество подробностей о разных эпизодах пугачевщины. Опасность для общества и государства достигла крайности.

На заседании Государственного совета 21 июля императрица сообщила о своем намерении отправиться в Москву для того, чтобы самолично руководить всеми мерами борьбы против пугачевщины и во что бы то ни стало восстановить тишину и порядок. Граф Н. И. Панин и фельдмаршал Чернышев заявили, что личное участие в этом деле императрицы должно будет усилить опасность и придаст чрезмерное значение бунту.² Таким образом, Екатерина решила отправить для действий против мятежников графа Петра Панина, отличившегося при взятии Бендер во время турецкой войны.

Нелегко было императрице назначить Петра Панина, так сказать, диктатором для подавления бунта. Петр Панин, недовольный правительством, считавший себя недостаточно вознагражденным за подвиги, совершенные им во время турецкой войны, просил отставки, проживал в Москве и любил подвергать строгой критике правительственные меры. Волконский в своих письмах к Екатерине не раз жаловался на «известного большого болтуна», рассуждавшего громко и не стесняясь о действиях Екатерины. Однако выбор Петра Панина, состоявшийся не без участия его брата, графа Никиты Ивановича,³ оказался весьма удачным. Нельзя было не снабдить его самыми широкими полномочиями, хотя Екатерина в письме к Потемкину сильно роптала на чрезмерные претензии обоих братьев Паниных.⁴ Императрица знала, что оба брата были склонны к под-

¹ «Русская Старина», II, 804.

² «Арх. Госуд. Сов.», 454.

³ «Сб. Ист. Общ.», VI, 74—76.

⁴ Лебедев, «Графы Панины», Спб., 1863, стр. 116.

держанию прав Павла на престол. Поэтому она могла считать делом более или менее опасным в минуту столь ужасного кризиса вручить Паниным значительные средства, предоставить им широкую власть. Однако Петр Панин действовал весьма энергично, без всякой задней мысли; меры, принятые им для подавления мятежа, оказались целесообразными; он не только защищал интересы государства, но отстаивал в то же время и выгоды сословия помещиков. Он сумел организовать борьбу рабовладельцев против бунтовщиков. В данном случае интересы привилегированного класса вполне совпадали с интересами правительства.

Мятежники, узнав о назначении Петра Панина, сначала думали, что брат графа Никиты Ивановича, воспитателя великого князя Павла Петровича, станет действовать в пользу прав последнего, то есть некоторым образом будет поддерживать движение, направленное против власти. Панин спешил разуверить бунтовщиков решительными угрозами, написанными в строгом тоне прокламациями и жестокими казнями. На этот раз даже Екатерина, постоянно отстаивавшая начала кротости, должна была допустить террористические меры, необходимые для подавления мятежа; однако и при этом случае она не переставала внушать Панину и его сотрудникам сдержанность и гуманность.

Между тем шайки Пугачева свирепствовали: на всем пространстве между Казанью и Нижним Новгородом. Множество помещиков с их семьями и духовных лиц было убито. Во многих деревнях все крестьяне до последнего приставали к бунтовщикам. Иногда, впрочем, и крестьяне находились в отчаянном положении. С одной стороны мятежники насильно заставляли их действовать с ними заодно против правительства и высших классов общества, с другой — представители власти наказывали их жестоко за участие в бунте. Как только Пугачев оставил Саратов, туда прибыл Михельсон с войсками. Саратовцы, поневоле только что присягнувшие Петру III, теперь опять должны были признать власть императрицы. Вчера вешали всех, не признававших Петра III, сегодня противников Екатерины; завтра могли очутиться на виселице и те и другие. Иногда несчастные отвечали на вопрос, кого они признают государем: «Того, кого и вы считаете царствующим лицом».

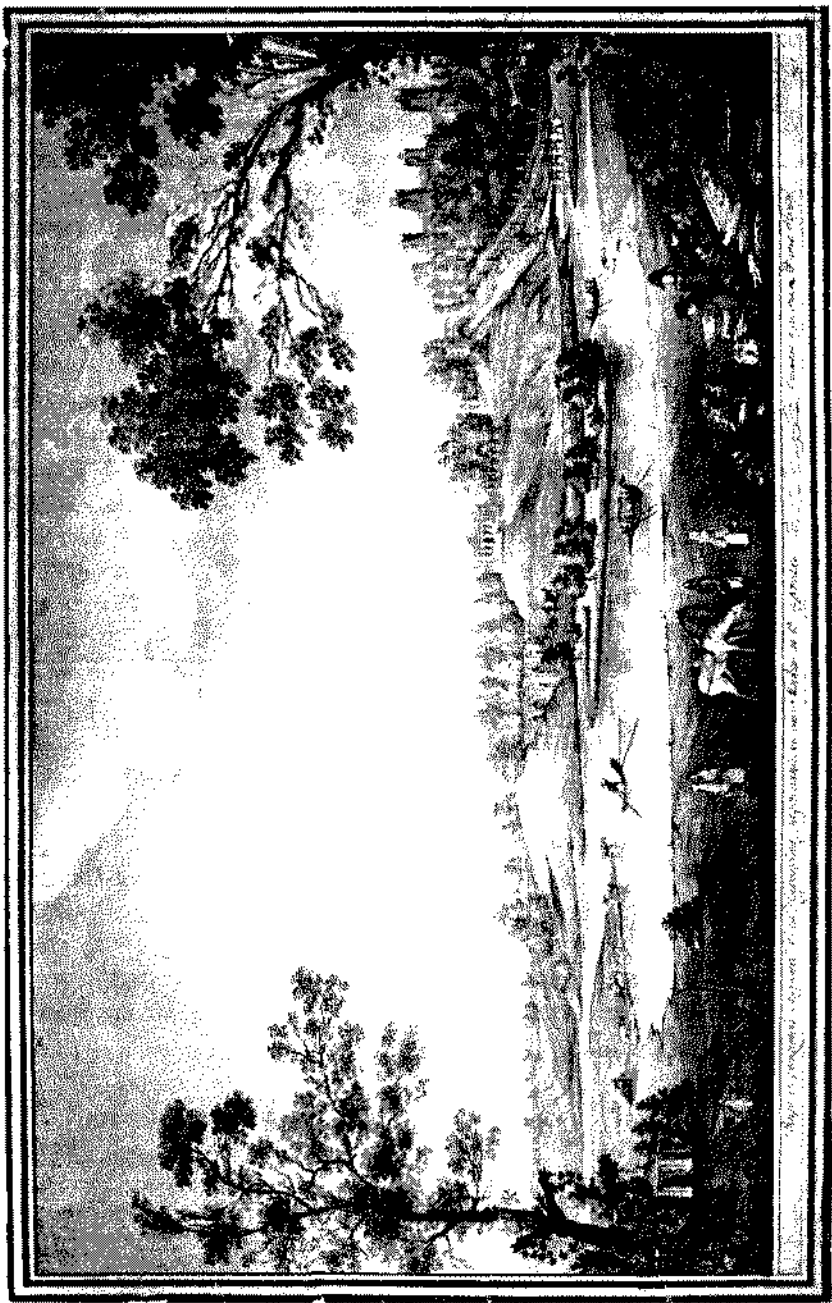
В конце концов вопрос о том, кто считался законным владельцем престола, оказался неважным, второстепенным, внешним, случайным. Сущность дела заключалась в грабеже и разбое, в наживе на общий счет, в

желании отомстить владельцам крестьян за их поступки с крепостными людьми. Во время пугачевщины, как уже выше сказано, бывали случаи появления еще других самозванцев, выдававших себя за Петра III. Иногда также претенденты сталкивались между собой, боролись друг с другом. Не только помещичьи дома, но и крестьянские дворы были часто разграбляемы шайками разбойников, атаманы которых пользовались минутным весом и значением. Главным несчастьем был недостаток в среднем классе, так сказать, в консервативном элементе, который мог бы иметь влияние. Таким образом, было возможно временное торжество анархических элементов в обществе. При отсутствии порядка вообще, в стране, где свирепствовали злодеи вроде Обрывалова, Брагина и пр., вопрос о правах Петра и Екатерины не мог иметь какого-либо значения. Даже сам Пугачев впоследствии, на допросе, показал, что «не думал к правлению быть и владеть всем Российским царством», а шел на то, «если удастся чем поживиться или убитым быть на войне». «День мой век мой, — вот девиз Пугачева», — справедливо замечает один из исследователей этих событий.¹

С большим трудом органы правительства продолжали борьбу против мятежников. Везде чувствовался недостаток в военных припасах. Многие меры, принятые правительством, оставались на бумаге. В среде военных, чиновников встречались измена, продажность, трусость, колебание. Пугачев награждал своих людей более щедро, чем правительство могло обеспечивать своих солдат, офицеров и чиновников. Дисциплина в войске была далеко не образцовой. Спор о первенстве между офицерами дал пугачевцам возможность занять Саратов. Весьма лишь немногие из предводителей войска, как, например, Голицын, комендант Царицына Цыплетов и генерал Михельсон выказывали силу воли, присутствие духа и распорядительность. Почти все другие действовали медленно, нерешительно, теряли время и этим самым содействовали разгару бунта. Почти всегда при столкновениях между пугачевцами и войсками правительства мятежники численностью превосходили своих противников.

Успехи Голицына весной 1774 года ненадолго оживили надежду на скорое укрощение мятежа. С тех пор, в продолжение недель и месяцев, бунт принимал все большие и большие размеры. Наконец, в августе 1774 года, Михельсону удалось нанести удар мятежникам при Царицыне: около 2000 пугачевцев пало в битве, около 8000 было взято в плен. Успехи продолжались; к тому же голод начал свирепствовать во всем крае, где

¹ Щебальский, 52.



Вид Царицына с западной стороны.
Акварель О.И. Бова.

земледельческая деятельность была остановлена беспорядками, повсеместной анархией; кроме того, строгие меры, принятые Петром Паниным после его прибытия в Пензу, произвели действие на население. Мятеж стал утихать мало-помалу. В Пензе Панин получил известие о захвате Пугачева, разбитого Михельсоном, бежавшего к Уралу и сделавшегося жертвой измены окружавших его казаков. 14 сентября он очутился в руках правительства, как раз в то время, когда на театре действий явился Суворов для участия в подавлении бунта. Пугачева отправили сначала в Симбирск, затем в Москву, где он был казнен 10 января 1775 года.

Екатерина все это время с крайним напряжением следила за ходом событий, обращая внимание на все подробности. Ее интересовали военные события, слухи о бунте, газетные статьи о пугачевщине. Не раз она обращалась к Волконскому с разными вопросами о пугачевцах. После ареста Пугачева она руководила допросами и следствием. И в этом случае, как прежде, она требовала решительно, чтобы судьи не употребляли пытки. «Для Бога, — писала она Волконскому, — удержитесь от всякого рода пристрастных расспросов, всегда затемняющих истину».¹ По поводу смягчения смертной казни Пугачева Екатерина писала госпоже Бьельке: «Сказать вам правду: вы верно отгадали относительно промаха палача при казни Пугачева;² я думаю, что генерал-прокурор и обер-полицмейстер помогли случиться этому промаху, потому что, когда первый из них уезжал из Петербурга для производства суда, я сказала ему шутя: никогда больше не попадайтесь мне на глаза, если вы допустите малейшее мнение, что заставили кого бы то ни было претерпеть мучения — и я вижу, что он принял это к сведению».³

Неоднократно во время бунта был возбуждаем вопрос об участии других держав в пугачевщине. Алексей Орлов, находившийся в то время в Италии, подозревал в пугачевщине какую-то интригу Франции. Такое же предположение было высказано Вольтером. Однако еще Бибииков уверял императрицу, что не может быть и речи о влиянии при этом какой-либо другой державы; также и Рунич отрицал всякое политическое значение бунта. В толпе Пугачева встречались поляки, советами которых бунтовщики руководствовались иногда при своих стратегических операциях; однако нельзя было говорить о какой-либо связи между пугачевщиной и

¹ «Осьмнадцатый век», I, 153.

² В газетах говорили, что Пугачеву, по ошибке палача, сначала отрубили голову, а потом его четвертовали.

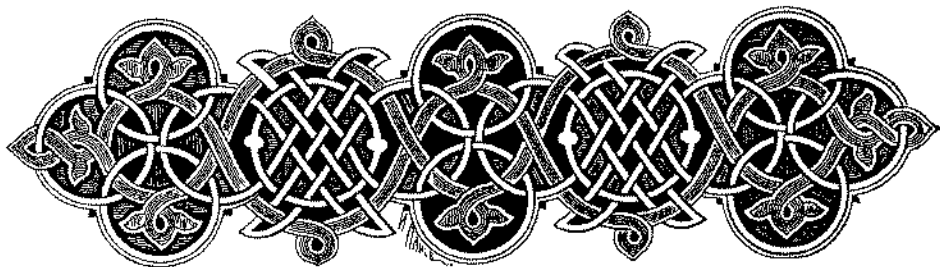
³ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 32.

Польшей. Екатерина справедливо писала Вольтеру в октябре 1774 года: «До сих пор нет ни малейшего признака, чтобы Пугачев был орудием какой-либо иностранной державы или стороннего замысла, ни чтобы он следовал чьим-либо внушениям, и надо полагать, что господин Пугачев разбойник-хозяин, а не слуга».¹

Пугачевщина главным образом была борьбой сословий. Болотов, рассказывая подробно о казни Пугачева, говорит, что между свидетелями было особенно много «дворян и господ», и продолжает: «Как их набралось тут превеликое множество, то, судя по тому, что Пугачев наиболее против их восставал, то и можно было происшествие и зрелище тогдашнее почесть и назвать истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем».²

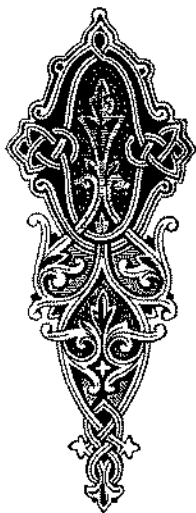
В этой борьбе между дворянами и крестьянами Екатерина поневоле должна была находиться в союзе с привилегированным классом. Напрасно она говорила о свободе и равноправии, о гуманиности и народном богатстве. Прежде всего она должна была заботиться о поддержании государственного авторитета и порядка. Однако вообще этот кризис оказался полезным для представителей власти, которым пугачевщина доставила случай всмотреться во всю глубину общественного зла, заключавшегося в крепостном праве. В этом смысле Бибиков и Панин отзывались о пугачевщине. Екатерина и до этого была проникнута убеждением в необходимости реформы. Независимо от ее воззрений, и в этом случае, как всегда и везде после крестьянских бунтов, положение крепостного сословия ухудшилось. Осуществление теорий об эмансипации крестьян оставалось впереди. Пока приходилось залечивать раны, нанесенные пугачевщиной обществу и государственному организму, вознаграждать дворян, лишившихся состояния, кормить народ, страдавший от голода, наказывать главных преступников, награждать оставшихся верными долгу и присяге. Победа над чернью дорого была куплена. Торжество правительства над охлократией, однако, содействовало упрочению престола Екатерины.

¹ «Maître-brigand et non valet». См. «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 3.
² Зап. Болотова, III, 488.



Глава V. Мнимая дочь Елизаветы

дновременно, когда на юго-востоке России свирепствовал Пугачев, в западной Европе появилась мнимая дочь императрицы Елизаветы.



По новейшим исследованиям, относящимся к так называемым князьям и княжнам Таракановым, можно считать, по меньшей мере, весьма вероятным, что у Елизаветы Петровны икогда никаких детей не бывало.¹ Во всяком случае, не было никакой связи между так называемыми Таракановыми и той авантюристкой, которая в семидесятых годах прошлого века выдавала себя за дочь Елизаветы и впоследствии, в исторической литературе, сделалась известной под именем княжны Таракановой.

Самозванка, по свидетельству всех видевших ее, имела весьма привлекательную наружность, отличалась быстрым умом, не лишена была некоторого образования, весьма свободно говорила по-немецки и по-французски и немного по-английски и по-итальянски. По словам ее, в 1775 году ей было от роду 23 года, но, по-видимому, она была старше.² То она называла себя султаншей Селиной или Али-Эмете, то принцессой Владимирской, то госпожой Франк, Шёлль, Тремуль и пр. В Венеции она явилась под именем графини Пиннеберг. Английский посланник в Петербурге утверждал, что она дочь трактирщика в Праге; английский консул в Ливорно считал ее

¹ «Осьмнадцатый век», II, 439. О том, что не было основания называть авантюристку Таракановой, см. статью г. Васильчикова о Разумовских, в «Осьмнадцатом веке», II, 443—445.

² См. статью гр. В. Панина в «Чтениях Моск. Общ. Ист. и Древн.» 1867, I, стр. 3 и след.

дочерью нюрнбергского булочника. В Лондоне и в Париже она вращалась в обществе разных обманщиков и искателей приключений; она находилась некоторое время в связи с польским посланником в Париже Огинским, а затем с князем Лимбургским, который, любя ее страстно, обещал вступить с ней в законный брак. Она жила у него в замке Оберштейн, получала с разных сторон деньги, вела переписку с разными высокопоставленными лицами и, при случае, занималась политическими вопросами. Сношения авантюристки с польскими эмигрантами подали повод к тому, что она начала играть роль претендентши на русский трон.

После многих приключений и пребывания в разных странах она явилась в Италии, в Рагузе и в Венеции в обществе знатных поляков, например, богатого литовского вельможи князя Радзивилла. Тут она начала выдавать себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, рассказывая при этом довольно сложные басни — о своем пребывании в детстве в Сибири, у персидского шаха и пр.

В то время в газетах весьма часто писали о турецкой войне и о Пугачеве; авантюристка начала говорить о своем намерении отправиться в Константинополь и оттуда действовать на Россию с целью добыть корону. Есть основание думать, что в продолжение некоторого времени французское правительство намеревалось поддерживать самозванку, которая в Венеции жила в доме французского резидента, а в Рагузе в доме французского консула. Лица, окружавшие ее, обращались с ней, как с русской принцессой. Князь Лимбургский в письмах называл ее не иначе, как «Princesse Elisabeth de toutes les Russies». Нет сомнения, что со стороны польской эмиграции она пользовалась материальной поддержкой. Противники России желали употребить ее как орудие для борьбы против Екатерины. Найденные у нее документы, мнимые завещания Петра Великого, Екатерины I, Елизаветы Петровны были писаны рукой авантюристки, но редакция этих бумаг была сделана, очевидно, другими лицами. В силу мнимого завещания Елизаветы, она была назначена преемницей всероссийского престола, причем, однако, ее опекуном был назначен принц Петр Голштинский. Порой она выражала надежду завладеть короной при помощи Турции. Вскоре Огинский и Радзивилл предоставили ее самой себе. Не имея точных понятий о состоянии России, о лицах и обстоятельствах, служивших предметом ее выдумок и проектов, она должна была погубить себя уже одной странностью и нелепостью своих предположений. Так, например, она выдавала себя за дочь гетмана Кирилла Григорьевича Разумовского, между тем как не он, а его брат находился в связи с императрицей Елиза-

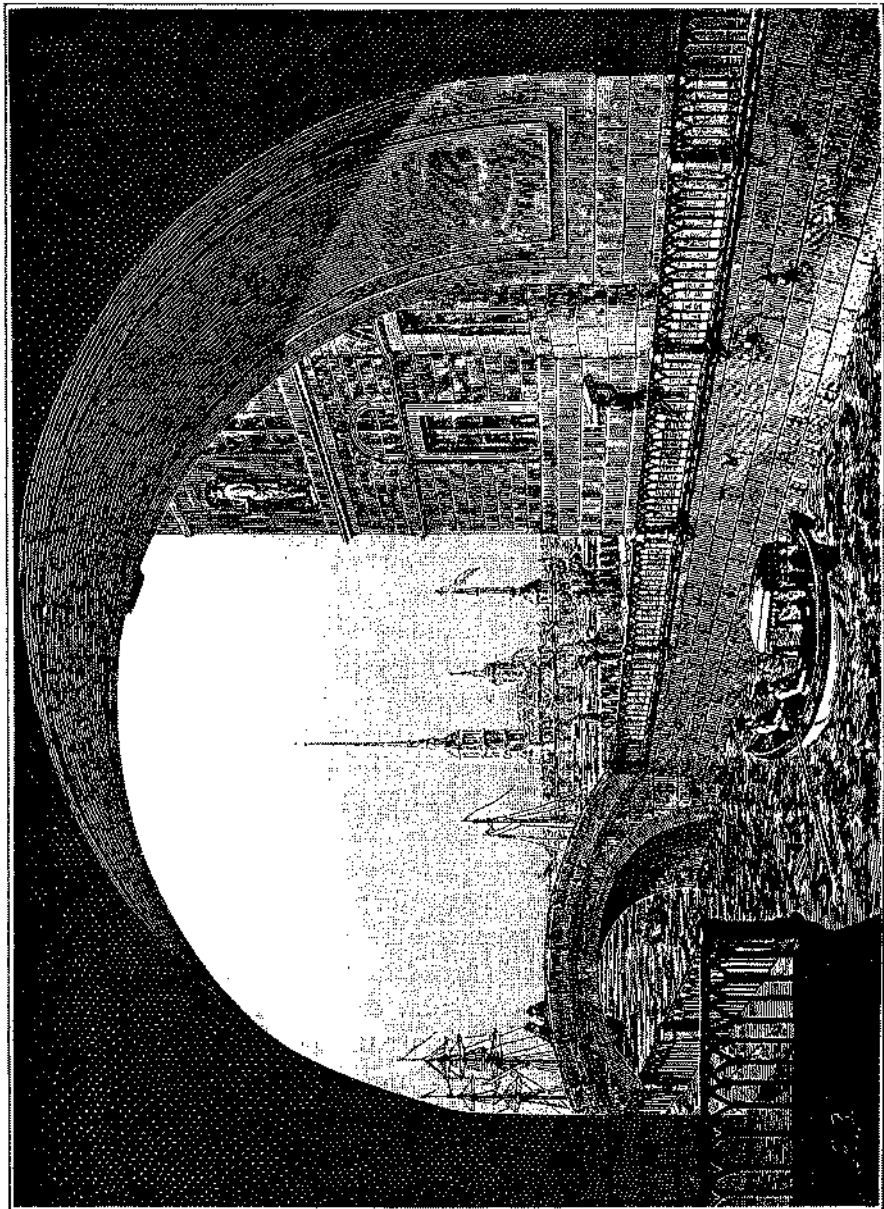
ветой. Далее, она считала возможным склонить к измене Алексея Орлова, находившегося в то время с военным флотом у берегов Италии; чрезвычайно наивно она обратилась к экипажу русского флота с манифестом, в котором указала на завещание Елизаветы Петровны и который был подписан «Елизавета II». В одном из своих писем к Орлову она называла Пугачева своим братом, то есть также сыном Разумовского; далее она хвасталась особенным покровительством султана, говорила о множестве приверженцев в народе, страдавшем под игом честолюбивой Екатерины; Орлову она сулила неслыханно щедрые награды, прося его предоставить ей средства, необходимые для путешествия в Константинополь.

Некоторое время авантюристка прожила в Неаполе, затем в Риме, где удостоилась особенного внимания иезуитов. Здесь, однако, она, как, впрочем, иногда случалось и прежде, страдала безденежьем. Отсюда она писала к английскому посланнику Гамильтону о Пугачеве, которого, однако, на этот раз не называла своим братом и о котором сочинила разные басни. Это письмо, которое Гамильтон через английского консула в Ливорно доставил графу Алексею Орлову, содействовало ее катастрофе.

Орлов, разумеется, счел нужным сообщить императрице Екатерине о появлении самозванки. Он писал в сентябре 1774 года: «Есть ли эдакая в свете или нет (то есть вообще дочь Елизаветы), я не знаю; а если есть и хочет не принадлежащего себе, то б я навязал камень ей на шею да в воду. Сие же письмо (то есть письмо незнакомки к нему, Орлову) при сем прилагаю, из которого ясно увидите изволите желание. Да мне помнится, что и от Пугачева несколько сходствовали в слоге сему его обнародования; а может быть и то, что и меня хотели пробовать, до чего моя верность простирается к особе вашего величества; я ж на оное ничего не отвечал, чтоб через то не утверждать более, что есть таковой человек на свете, и не подать о себе подозрение... От меня ж послан нарочно верный офицер, и ему приказано с оной женщиной переговорить, и буде найдет что-нибудь сомнительное, в таком случае обещал бы на словах мою услугу, а из-за того звал бы для точного переговора сюда, в Ливорно. И мое мнение, буде найдется таковая сумасшедшая, тогда, заманя ее на корабли, отослать прямо в Кронштадт; и на оное буду ожидать повеления: каким образом повелите мне в оном случае поступить, то все наиусерднейше исполнять буду».¹

Екатерина отвечала Орлову: «Письмо, писанное к вам от мошенницы, я читала и нашла оное сходственно с таковым же письмом, от нее

¹ «Чтения», 1867, I. Прил., 57.



Вид Петропавловской крепости в Петербурге в конце 18 столетия.
С рисунка, сделанного с натуры Урениусом, из собрания П.Я. Дашкова.

писанным к графу Н. И. Панину. Известно здесь, что она с князем Радзивиллом была в июле в Рагузе, и я вам советую туда послать кого и разведывать о ее пребывании и куда девалась и, если возможно, приманите ее в таком месте, где б вам ловко бы было ее посадить на наш корабль и отправить ее за караулом сюда; буде же она в Рагузе гнездить, то я вас уполномочиваю через сие послать туда корабль или несколько, с требованием о выдаче сей твари, столь дерзко на себя всклепавшей имя и природу, вовсе не сбыточные, и, в случае непослушанья, дозволяю вам употребить угрозы, а буде и наказание нужно, то бомб несколько в город метать можно; а буде без шума достать способ есть, то я и на сие соглашаюсь», и пр.¹

В письме императрицы заметно некоторое раздражение. В России считали возможным, что авантюристка действовала, подстрекаемая Портой. С часу на час обстоятельства изменялись к худшему для самозванки. Арест Пугачева и заключение Кучук-Кайнаржийского мира лишили ее союзников, на которых она до того времени могла рассчитывать. Тем более странным оказывается то легковерие, с которым она относилась к предложениям, сделанным ей от имени Алексея Орлова его адъютантом Кристенеком. Она решилась отправиться в Ливорно после того, как получила от Орлова значительные суммы денег для удовлетворения кредиторов.

Обстоятельность и хитрость, которыми отличаются действия Орлова, Кристенека и английского консула в Ливорно при этом случае производят чрезвычайно неблагоприятное впечатление. С необычайной ревностью Орлов старался исполнить поручение императрицы. Он встретил мнимую принцессу с особенным почетом, приготовил для нее великолепное помещение в Пизе, прикидывался страстно влюбленным в самозванку, и пр.

Цель была достигнута. Несчастную в Ливорно пригласили на корабль, где она и была арестована. Орлов доносил императрице об удавшемся предприятии, причем, однако, заметил, что находится в опасности сделаться жертвой раздражения жителей Ливорно, бывших свидетелями интриги.²

Екатерина, узнав об успехе Орлова, писала: «Вероятие есть, что за таковую сумасбродную бродягу никто горячо не вступится не токмо, но всяк постыдится скрытно и явно показать, что имел малейшее сношение. Конфедератов польских таковая комедия им самим, как разные подобные посрамления, кои они вчинали, послужит к навящему позору».³

¹ «Сб. Ист. Общ.», I, 104—105.

² «Чтения», 1867, I, 62 и след.

³ «Сб. Ист. Общ.», I, 107—108.

Императрица зорко следила за дальнейшим ходом дела. Так, например, она писала князю А. Голицыну: «Господин Грейг, чаю, несколько поспешит, потому что он везет на своем корабле, под караулом, женщину ту, которая, разъезжая повсюду с беспутным Радзивиллом, дерзнула взять на себя имя мнимой дочери покойной императрицы Елизаветы Петровны... Контр-адмиралу приказано ее без именного указа никому не отдавать. И так воля моя есть, чтоб вы, буде Грейг в Кронштадт приедет, женщину сию приказали принять и посадить ее в Петропавловской крепости, под ответом обер-коменданта... В случае же буде бы Грейг прибыл в Ревель, то изволь сделать следующее распоряжение: в Ревеле есть известный цухтгиз; отпните к тамошнему вице-губернатору, чтоб он вам дал знать, удобно ли это место будет, дабы там посадить сию даму под караулом... Нисьма сих беспутных бродяг теперь разбирают, и что выйдет, и кто начальник сей комедии, — вам сообщим, а только известно, что Пугачева называли братом ее родным».¹

24 мая вечером корабль контр-адмирала Грейга прибыл в Кронштадт; 26-го утром мнимая принцесса уже находилась в Петропавловской крепости в Петербурге. Екатерина, пребывавшая в это время в Москве, следила за всеми частностями допросов.

Главным образом старались узнать от незнакомки, кем ей были внушена мысль выдавать себя за дочь Елизаветы. Оказалось невозможным привести в ясность это дело. Она довольно подробно рассказывала о своем детстве, проведенном будто бы отчасти в Киле, отчасти в Персии, упомянула о путешествии по России, которое будто бы совершила в 1761 году; далее она уверяла, что никогда не называла себя дочерью Елизаветы. Нельзя было убедить ее к более открытым и правдивым показаниям. Прибегли к несколько строгим мерам, лишая ее того комфорта, которым она была окружена и в заключении, давая ей лишь самую необходимую пищу и заставляя ее постоянно находиться под надзором одного офицера и двух солдат. Она была в отчаянии; к тому же усилились и прежде заметные признаки быстротечной чахотки; она харкала кровью, страдала лихорадочкой и сильно заболела; но все время уверяла, что ни в чем не виновата, что лишь другие лица рассеивали на ее счет разные слухи, будто она дочь султана или сестра Иоанна Антоновича, и пр.

Несколько раз самозванка, находясь в Петропавловской крепости, писала то к императрице, то к князю Голицыну. Так, например, она проси-

¹ Там же, I, 169—170.

ла личного свидания с Екатериной, замечая: «Я решаюсь умолять ваше императорское величество лично меня выслушать; я имею возможность доказать и доставить большие выгоды вашей империи». Она подписывалась «Elisabetta».

Екатерина в раздражении писала к князю Голицыну: «Пошлите сказать известной женщине, что, если она желает облегчить свою судьбину, то бы она перестала играть ту комедию, которую она и в последних к вам присланных письмах продолжает и даже до того дерзость простирает, что подписывается Елизаветой; велите к тому прибавить, что никто ни малейшего не имеет сомнения о том, что она авантюрьерка, и для того вы ей советуйте, чтоб она тону убавила и чистосердечно призналась в том, кто ее заставил играть сию роль, и откуда она родом, и давно ли плутни сии примышлены. Повидайтесь с ней и весьма серьезно скажите ей, чтоб она опомнилась. *Voilà une fieffée canaille!* Дерзость ее письма ко мне превосходит, кажется, всякого чаяния, и я начинаю думать, что она не в полном уме».¹

Старания Голицына привести в некоторую ясность дело авантюристки оставались тщетными. Он предложил ей двадцать вопросов, в редакции которых участвовала императрица; при этом случае незнакомка, вместо того, чтоб отвечать на вопросы, рассказывала новые басни, так что даже добродушный и гуманный Голицын вышел из терпения и в своем донесении к императрице называл ее «человеком коварным, лживым, бесстыдным, злою и бессовестною, лживицею» и пр.²

Следующий эпизод характеризует образ действий самозванки. Она заявляла о своем знании персидского и арабского языков; по желанию князя Голицына она немедленно написала продиктованную фразу буквами, выдаваемыми ей за персидские и арабские. Но сведущие люди, которым на другой день показали написанное ей, уверяли, что письмена эти им совершенно неизвестны, и во всяком случае не персидские и арабские. Сообщением этого мнения Голицын думал было смутить наконец арестантку, но она ответила, что, вероятно, люди, им спрошенные, ничего не смыслят в обоих языках.¹

Осенью 1775 года самозванка стала постепенно слабеть; болезненные припадки возвращались все чаще. Больная просила Голицына прислать к ней священника. Голицын позвал протоиерея Казанского собора,

¹ «Сб. Ист. Общ.», I, 184—185.

² Там же, I, 188.

говорившего по-немецки. И в этой последней беседе со священником авантюристка не сообщила ничего такого, что могло бы дать хотя некоторое понятие о ее происхождении, о ее сообщниках и пр. 4 декабря она скончалась. На другой день солдаты, стоявшие при ней все время на часах, глубоко зарыли ее тело на дворе в Петропавловской крепости.

За исключением краткого времени, в продолжение которого Голицын путем некоторой строгости старался узнать в точности судьбу и намерения незнакомки, ее содержали хорошо и обращались с ней почтительно. Ей давали обильную пищу. При ней находилась прислуга. Помещение, в котором она содержалась, состояло из нескольких комнат. Список предметов, оставшихся после нее в двух «баулах» (то есть чемоданах), свидетельствует о той роскоши, которой она окружала себя в прежние времена.² Зачатки болезни, жертвой которой она сделалась в Петропавловской крепости, обнаружались уже во время пребывания ее в Риме и Неаполе. И на корабле, и в крепости ее пользовали врачи.

Между арестантами, захваченными вместе с незнакомкой, были два поляка, Чарномский и Доманский, принадлежавшие в Италии как бы к придворному штату самозванки. Доманский страстно любил ее и изъявил готовность оставаться вечно в тюрьме, лишь бы было ему дозволено на ней жениться. Обоим полякам, так же как и слугам и служанке незнакомки, было разрешено свободное возвращение в Западную Европу. Всем были даны деньги на проезд с тем, что, если кто-либо из этих лиц возвратится в Россию, тот без дальнейшего суда подвергнется смертной казни.

Чем более правительство старалось сохранить в глубочайшей тайне частности дела самозванки, тем легче распространялись разные слухи относительно этого эпизода.

Иностранные дипломаты лишь случайно узнавали кое-что о судьбе авантюристки. Саксонский резидент, барон Сакен, 28 мая (8 июня) 1775 года доносивший из Москвы о прибытии Грейга в Кронштадт с арестованной в Ливорно так называемой русской княжной, писал не ранее как 16 (27) февраля 1776 года из Петербурга, что сумасшедшая, так называемая принцесса Елизавета, вскоре по приезде своем отправлена была в Шлиссельбург и там умерла от болезни два дня тому назад. Сакен прибавлял, что все это ему известно из верных источников и он положительно знает, что смерть последовала совершенно естественно, но, вероятно, это не мешает распространению иных слухов и рассуждений. «Что сталось

¹ Чтения, 1867, I, 80—81.

² «Сб. Ист. Общ.», I, 193—196.

с ее прислугой и с ее вещами, — заключает Сакен свой рассказ, — я не знаю».¹

Два года позже, в 1777 году, случилось наводнение, во время которого казематы Петропавловской крепости были залиты водой. Хотя помещение, в котором содержалась мнимая дочь Елизаветы, находилось гораздо выше и не могло быть наводняемо, все-таки сложилась легенда о гибели самозванки во время наводнения 1777 года и о том, что правительство, желая ее смерти, нарочно не приняло мер для ее спасения. Этот рассказ встречается в записках политического преступника Винского, находившегося немного позже в Петропавловской крепости и узнавшего от одного сторожа о такой насильственной кончине мнимой принцессы.² Записки Винского ходили по рукам в некоторых кружках Петербургского общества. Благодаря замечательной в художественном отношении, но не соответствующей исторической истине картине Флавицкого на выставке в С.-Петербургской Академии художеств, изображающей весьма эффектно мнимую гибель самозванки во время наводнения, до настоящего времени распространено в публике ложное мнение относительно этого события, так что даже в новейшее время, иногда без опровержения, в исторических журналах воспроизводятся нелепые сказки о катастрофе несчастной незнакомки.³

Между бумагами, хранящимися в Британском музее в Лондоне, есть подробный рассказ о мнимой дочери Елизаветы. Автор этого донесения узнал кое-какие подробности о судьбе незнакомки от адмирала Грейга, лично знавшего ее. «Одному из ее слуг, — сказано между прочим в этом документе, — итальянцу, разрешено было находиться при ней во время ее заключения. Купец, который рассказывал мне все это, встретил впоследствии этого слугу, продававшего по улицам барометры и термометры, и, спросив его об его бывшей госпоже, получил в ответ, что она умерла от коллик в желудке. Но всем известно, какого рода были коллики, которые свели ее в могилу. Я слышал также, что Алексей Орлов тяготился тем, что был виной ее заключения и смерти».⁴

Разумеется, историки-памфлетисты вроде Гельбига и Кастера указывали на кончину мнимой дочери Елизаветы, как на одно из многих преступлений, совершенных будто императрицей Екатериной.⁵ Мы видели,

¹ Herrmann, «Gesch. d. russ. Staats», V, 780.

² «Русский Архив», 1865, 655—656.

³ См., напр., в «Русской Старине», X, 773.

⁴ Чтения, 1870, III, 38—39.

⁵ Ссылаясь на какой-то достоверный источник, Кастер пишет: «Elle fut noyée dans la prison», II, 25.



Engraved by W. Dickinson.

Done from the Original Painting in the Collection of Baron Descoteaux.

Engraved June 20th 1774 by W. Dickinson at N^o 180, over Norfolk Street, Strand London.

Императрица Екатерина II в 1773 году.
Фототипия Брукмана в Мюнхене с гравированного портрета Дикинсона.

что нет основания обвинять императрицу в несчастье, постигшем самозванку. Принятие мер против нее при тогдашнем положении государства было делом необходимости. Императрица, в особенности тогда, когда ей приходилось бороться против пугачевщины, не могла оставаться равнодушной к подобным случаям самозванства.

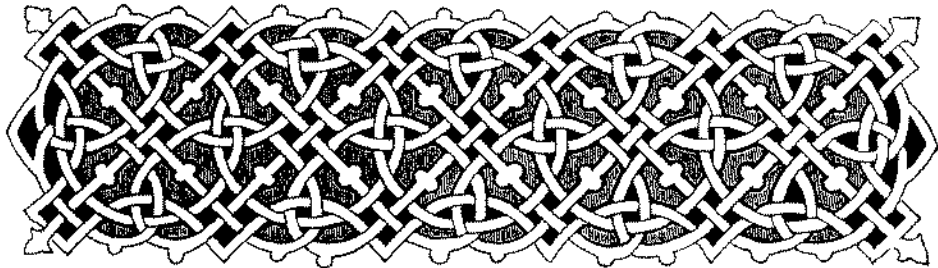
В продолжение тринадцати лет со времени вступления на престол Екатерина постоянно боролась с разными затруднениями. То являлись претенденты на престол, самозванцы и пр., то императрицу беспокоили страшные взрывы в низшем классе народа. Во всех отношениях правительство восторжествовало над всеми этими оппозиционными и революционными элементами. Есть основание думать, что императрица считала 1775 год временем окончательного упрочения своего положения. Говоря в письме к Гримму от 20 июня 1785 года о своих распоряжениях («arrangements»), Екатерина замечает, что они «исполняются в точности и буквально в продолжение последних десяти лет».¹

Для совершенного обеспечения авторитета Екатерины, кроме безусловной победы над врагами внутри государства, были необходимы успехи в области внешней политики.

Напрасно противники России в продолжение первого десятилетия царствования Екатерины надеялись на внутренние кризисы в России, для того чтобы с большим успехом противодействовать видам Екатерины в польском и восточном вопросах. Перевес России в области внешней политики во время этого царствования, поддерживаемый торжеством императрицы над представителями смуты внутри государства, оказался безусловным.



¹ «Qui s'exécutent à la lettre depuis dix ans». «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 343.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Внешняя политика

Глава I. Личное участие Екатерины во внешней политике. Первые действия



ще во время царствования императрицы Елизаветы великая княгиня Екатерина занималась, как мы видели, вопросами внешней политики. В ее заметках, написанных незадолго до вступления на престол Петра Феодоровича, встречаются рассуждения вроде следующего: «Мир необходим этой обширной империи: мы нуждаемся в населении, а не в опустошениях... Мир нам доставит более уважения, чем случайности войны, всегда разорительной».¹

Также и по своем воцарении Екатерина утверждала, что Россия, по крайней мере в продолжение нескольких лет, нуждается в мире.

В то же время, однако, императрица желала иметь влияние и вес в Европе. Ей приходилось поправлять ошибки, сделанные ее предшественниками. Россия должна была поступать вполне независимо от Австрии и Пруссии в вопросах внешней политики. При Елизавете Австрия имела влияние на Россию. Петр III разыгрывал роль вассала Фридриха II. Екатерина желала действовать безусловно самостоятельно. Этим самым она вскоре доставила России большое

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 85.

значение в общеевропейских делах. Другие державы, тотчас же после вступления на престол Екатерины, должны были принимать в соображение виды русского правительства. Екатерина умела воспользоваться разладом между Австрией и Пруссией. В польском и восточном вопросах Екатерина действовала по своему усмотрению, принимая в соображение слабость соседних держав; она старалась всеми мерами поддерживать влияние России на Швецию; раздробление Германии оказалось удобным средством для вмешательства в германские дела; Англия и Франция, более чем когда-нибудь, чувствовали силу и влияние Петербургского кабинета. Все эти успехи свидетельствуют о необычайной способности Екатерины к занятиям внешней политикой. Во все свое царствование она оставалась чуждой всякой предвзятой системы или какого-нибудь отвлеченного доктринаризма в области межгосударственных отношений, руководствуясь в каждом данном случае лишь выгодами России. При этом она действовала постоянно вполне независимо от влияния фаворитов и министров. Взгляды и мнения Екатерины всегда брали верх над желаниями Панина, Потемкина и других. Она была своим собственным министром; ей исключительно, как вообще, так и в области внешней политики, принадлежала инициатива. Это обстоятельство было особенно приятно иностранным дипломатам при русском дворе, усиливая, впрочем, лежавшую на них ответственность. Весьма часто императрица беседовала с представителями других держав о делах, обнаруживая при этом необычайное знакомство со всеми частностями политических вопросов.

Сановники, руководившие внешней политикой при Екатерине, служили лишь исполнителями воли императрицы и должны были довольствоваться ролью ее помощников. Нельзя сравнить значение Панина или Безбородко с той ролью, которую играл Бестужев при Елизавете, или с тем местом, которое занимал Кауниц около Марии Терезии. Панин как государственный человек имел большее значение, нежели Безбородко, превосходивший Панина рабочей силой и способностью в технике дела. Однако ни тот ни другой не могли иметь влияния на взгляды и убеждения Екатерины. Когда императрица в 1780 году заменила близкие отношения к Пруссии тесным союзом с Иосифом II, Панин был крайне недоволен этой переменой в направлении внешней политики России; однако Екатерина, не обращая ни малейшего внимания на Панина, шла своей дорогой в избранном ей направлении. Считаясь номинально министром иностранных дел, Панин до тех пор, пока оставался верным своей прежней системе, основанной на союзе с Пруссией, был лишен всякого значения. Безбородко,



Фридрих Великий.
Гравюра И.Ф. Баузе, 1764.

заведовавший внешними делами во второй половине царствования Екатерины, был податливее Панина и поэтому сохранил свое положение до следующих царствований. Екатерина умела воспользоваться его талантами для частных дел; что же касалось направления действий, то императрица не нуждалась в советнике или руководителе.

Не без основания императрица надеялась на собственную силу; она могла быть довольной успехами своего царствования во внешней политике. Панин в 1773 году в наказе, составленном им для князя Барятинского, характеризовал вообще политику Екатерины следующим образом: «Руководство общими делами разделяется главными державами по мере умения каждой себе его присваивать. До царствования великой Екатерины Россия, при всех своих успехах в прусской войне, играла только второстепенную роль, выступая везде вслед за своими союзниками. При вступлении ее величества на престол в Европе были две стороны: в первой находились Франция и Австрия, за ними Испания и значительная часть имперских князей; на другой стороне были Англия и король прусский. С первой в союзе находился король португальский и некоторые имперские князья, с последним же сделался вдруг из неприятеля теснейшим союзником император Петр III; следовательно, и тут Россия, переменяв политическую систему, осталась все же в значении державы, от посторонних интересов зависимой... Чем меньше влияния могла иметь Россия вследствие скоропостижного перелома, совершенного в ее политике Петром III, в этих мирных переговорах, которые основывали будущее положение всей Европы, тем труднее было ей приобрести его впоследствии. Мудрость и твердость ее императорского величества превозмогли, однако, скоро эту трудность, и свет увидел вдруг с удивлением, что здешний двор начал играть в общих делах роль, равную роли главных держав, а на севере — первенствующую».¹

Личное значение императрицы Екатерины в области внешней политики особенно рельефно обнаруживается в ее прямых сношениях с разными коронованными лицами, а именно в ее переписке с Фридрихом II, Иосифом II, Густавом III.

Недавно была издана переписка между Фридрихом II и Екатериной.² Она обнимает время от 1762 до 1781 года и заключает в себе 181 письмо, большей частью представляя собой собственноручные письма короля и

¹ Соловьев, XXIX, 74—75.

² «Сб. Ист. Общ.», XX, 149—395.



Император Иосиф II.
рисунок с портрета Кимли, написанного во время посещения Иосифом II Парижа. 1777 г.

императрицы. Главным предметом обсуждения в них служат польские и турецкие дела. И императрица, и король обращают большое внимание на внешнюю форму писем, соблюдая при этом некоторые правила этикета. Однако в оживленной беседе между этими коронованными лицами, имеющей иногда характер остроумной болтовни, есть много веселости, игривости. Compliments, лесть занимают в этих письмах видное место. Средоточием переписки остаются дела; в ней оказывается главной чертой холодный расчет двух государей, бывших каждый своим собственным министром иностранных дел. Фридрих и Екатерина отличаются при этом случае замечательным политическим искусством. В продолжение без малого двух десятилетий союз между императрицей и прусским королем оставался в полной силе. Бывали, впрочем, минуты некоторого охлаждения в отношениях между Екатериной и Фридрихом и до 1780 года. Так, например, во время турецкой войны, около 1771 года, Фридрих был недоволен императрицей, и, наоборот, Екатерина была раздражена образом мыслей короля. Собственно-ручные письма заменяются несобственно-ручными. Вообще же интересы России и Пруссии все это время шли рука об руку, и потому переписка между Фридрихом II и Екатериной оставалась до 1780 года делом необходимости. Иногда Фридрих и Екатерина посылали друг другу подарки и нередко в своих сношениях затрагивали частные дела. Вся эта переписка заключает в себе богатый материал для характеристики императрицы и короля и для истории политики России и Пруссии во второй половине XVIII века.

Личные отношения Екатерины к вопросам политики еще более проглядывает в ее переписке с императором Иосифом II.¹ Со времени пребывания Иосифа II в России отношения его с императрицей принимают характер личной дружбы и самого тесного политического союза. Так как Иосиф II и Екатерина любили действовать вполне самостоятельно, сами управляли всеми делами, сами заботились и знали обо всем, то, конечно, они для своих сношений и переписки друг с другом мало нуждались в помощи своих канцелярий и секретарей: такая помощь или посредничество министров и дипломатов были бы несовместимы с характером их царствований вообще, но и представляли бы некоторые неудобства, потому что в письмах своих и император, и императрица нередко высказывали чисто личные мнения, а иногда и секреты. За исключением весьма немногих писем, составленных в тоне официальных документов, дипломатических нот

¹ «Joseph II und Katharina von Russland». Briefwechsel, herausgegeben von Alfred Ritter von Arneth. Wien, 1869. См. мою статью в «Журн. Мин. Народн. Пр.», СХІХ, 82—139.



Принц Генрих Прусский.

С гравюры Бароллини, сделанной с портрета, писанного в 1774 г. Рек напом.

или договорных грамот, все письма имеют характер частной дружеской корреспонденции, в которой важнейшие политические вопросы трактуются наравне с семейными делами. О привитии оспы великим князьям Александру и Константину говорится в том же тоне, в каком обсуждается вопрос об изгнании турок из Европы; пребывание цесаревича Павла и Марии Феодоровны в Вене оказывается столь же важным предметом переписки, как вопрос об обмене Нидерландов на Баварию; за революцией в Нидерландах Екатерина следила не менее внимательно, нежели за случавшимися болезнями императора. Впрочем, обсуждение политических вопросов в этих письмах занимало весьма видное место. Иосиф, переписываясь с Екатериной, иногда прибегал к советам князя Кауница. Екатерина иногда показывала свои письма к Иосифу до их отправления своему секретарю Храповицкому. Иосиф и Екатерина близко знали друг друга. Екатерина умела ценить способности и уважала благородные стремления императора; отчасти, однако, ее суждения об Иосифе походили на не особенно благоприятные отзывы о нем Фридриха II. Иосиф, уважая Екатерину, считал ее необычайно тщеславной. В записке к Кауницу он замечает, что в письмах к ней нужно по возможности более льстить, чтобы достигнуть желаемой цели, выгод для Австрии через союз с Россией. И действительно, значительная часть писем Иосифа и Екатерины наполнена любезными фразами и пышными льстивыми выражениями. Но есть письма, свидетельствующие об искреннем уважении Екатерины и Иосифа друг к другу, о настоящей дружбе, об истинной благодарности. Личные отношения Иосифа и Екатерины, однако, обуславливались обоюдным убеждением в выгодах австро-русского союза.

Приблизительно таков же характер переписки Екатерины с польским королем Понятовским, со шведским королем Густавом III и другими. Везде встречаются остроумная игривость, склонность к шуткам и колкостям в тесной связи с необычайной ясностью и проницательностью в отношении к политическим вопросам, полнейшее понимание частных и техники политических дел, соединенное с блестящим литературным талантом. Все это обнаруживается и в переписке императрицы с находившимися при иностранных дворах русскими дипломатами, с разными полководцами, сановниками и другими.

Переписка Екатерины с Гриммом и Вольтером, с госпожами Бельке и Жофрен, с Циммерманом и другими — занимает также довольно видное место в истории внешней политики этого царствования. Хотя в письмах императрицы к этим лицам политические вопросы затрагиваются лишь

как бы случайно и мимоходом, тем не менее многие заявления Екатерины в этих письмах имеют, так сказать, значение официозной печати. Путем частных писем к разным лицам Екатерина имела влияние на общественное мнение в Западной Европе в отношении к России. Здесь она старалась противодействовать распространению разных ложных слухов, любила говорить о громадных средствах, которыми будто бы располагала Россия для достижения высоких целей, и пр. Таким образом, императрица, не довольствуясь управлением делами, объясняла в публицистической форме частной корреспонденции свои взгляды на разные предметы, свои желания и намерения, мотивы своих действий, опасения, надежды и пр.



Фельдмаршал граф Даун.
Гравюра Нильсона.

Екатерина, самолично вникая в частности вопросов внешней политики, отличалась необычайной способностью для дипломатического искусства. Весьма часто ей приходилось вести переговоры о делах с высокопоставленными лицами. Она любила устраивать свидания с важными политическими деятелями. Приезд принца Генриха Прусского в Петербург в 1770 году занимает видное место в истории первого раздела Польши; второе свидание между Екатериной и братом Фридриха Великого состоялось в 1776 году. Путешествие Иосифа II в Россию в 1780 году сделалось исходной точкой тесного союза между Австрией и Россией, существовавшего до 1790 года; второе свидание между Иосифом и Екатериной, в Южной России в 1787 году, имело важное значение в истории восточного вопроса. Густав III прибыл в Петербург в 1777 году с целью лично познакомиться с Екатериной; второе свидание между ними происходило в 1783 году в Фридрихсгаме. При таком личном участии императрицы в делах внешней политики ее министры, как, например, Панин, Остерман, Безбородко, должны были довольствоваться скромной ролью исполнителей ее воли, редакторов ее мыслей. Иногда министры императрицы не узнавали вовсе о содержании подробных бесед Екатерины с иностранными дипломатами. Иногда она несколько часов разговаривала о делах с представителями других держав, как, например, с английским послом Геррисом, с французским дипломатом Сегюром и др. Из записок этих государственных деятелей видно, в какой степени Екатерина умела соединять прелесть салонной беседы с ответственностью, всегда сопряженной с занятиями политикой. Все собеседники императрицы восхищались ее способностями, ее личностью, все удивлялись ясности ее суждений, пронизательности ее ума, подробному знанию дела, красноречию.

Фридрих II в своих записках замечает, что весть о государственном перевороте в России была для него громовым ударом. Вступление на престол Петра III за полгода до этого было для прусского короля спасением от крайней опасности. В минуту воцарения Екатерины никто не мог предвидеть, каковы будут при новом царствовании отношения между Россией и Пруссией. С разных сторон было высказано предположение, что Екатерина в отношении к Фридриху последует примеру Елизаветы Петровны. Это предположение преобладало, между прочим, и в кружках военных. Генерал Салтыков, который должен был при Петре III очистить места, занятые при Елизавете русскими войсками в Пруссии, тотчас же после по-

лучения известия о воцарении Екатерины, не дождавшись приказаний, вновь занял только что оставленные позиции. Вскоре оказалось, что эта военная операция не соответствовала желаниям Екатерины.¹



Фридрих II, король прусский.

С гравюры Баузе, сделанной с портрета, писанного А. Граффом.

¹ См. циркулярную депешу к русским дипломатам от 16 августа 1762 года в «Осьмнадцатом веке», I, 74.

Императрица не думала вовсе о возобновлении войны с Пруссией. Она, напротив, поручила генералу Чернышеву, находившемуся при Фридрихе II, сообщить королю о своем намерении держаться твердо союза, заключенного ее предшественником с Пруссией. В то же самое время, однако, она приказала Чернышеву возвратиться с войском в Россию. Фридрих II убедил русского полководца остаться при нем еще три дня, так что австрийские генералы не могли составить себе точного понятия о намерениях России. Этим временем воспользовался король для того, чтобы разбить австрийского фельдмаршала Дауна, начать осаду Швейница и таким образом достигнуть значительных выгод. Можно думать, что Чернышеву, точнее чем Салтыкову, были известны виды императрицы. Она в своем манифесте при восшествии на престол говорила о Фридрихе в резких выражениях лишь с той целью, чтобы и в этом отношении порицать образ действий Петра III. В сущности она не желала войны с Пруссией. Прусский дипломат Гольц во время царствования Петра удалялся от Екатерины, чтобы не лишиться расположения императора; Екатерина тотчас же после своего воцарения распорядилась о личной безопасности прусского дипломата и велела сообщить ему о своем намерении оставаться в дружбе и союзе с Фридрихом II.

Таким образом, король имел возможность в письме к Екатерине от 7 (18) июля поздравить ее со вступлением на престол и выразить надежду на поддержание «добраго согласия и единомыслия, установившихся между обеими нациями». Отвечая королю, Екатерина намекнула на «чрезмерную ревность» Салтыкова и на приказания, данные Чернышеву «для устранения недоразумения в Пруссии».¹ Достоинно внимания то обстоятельство, что императрица написала и отправила свое письмо, не спросив никого из русских сановников и не сообщив никому из своих министров о содержании этого чрезвычайно важного документа.²

Вскоре, однако, Гольцу было сообщено, что миролюбие Екатерины обусловливается готовностью Фридриха содействовать безотлагательному окончанию войны. Очевидно, императрица питала надежду, что в этом случае на ее долю выпадет роль посредницы между Фридрихом и его противниками.³

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 151—152.

² См. письмо Гольца к Фридриху II в сочин. Шлёцера: «Friedrich der Grosse und Katharina II». Berlin, 1859, 108—109.

³ См. статью Мартенса о России и Пруссии в «Вестнике Европы», 1882 май, 226—239.



Император Австрийский Иосиф II.
С гравированного портрета Калпашникова,
сделанного в 1780 г. по случаю приезда Иосифа II в Россию.

Князь Репнин, находившийся в это время в качестве дипломата при Фридрихе II, в первой депеше своей новой императрице, от 12 июля из лагеря при Бегендорфе, описывал, как известил Фридриха II о событии 28 июня, когда король еще не знал, что распоряжения Салтыкова не одобрены в Петербурге. Во все продолжение разговора король, по словам Репнина, «весьма был смутен, опасаясь чрезвычайно, чтоб не разрушилось как настоящее согласие между им и императрицей». Вечером король опять призвал к себе Репнина и расспрашивал, не может ли он дознаться, что подало повод сделанным в Пруссии объявлениям (по поводу обратного движения русских войск), не сомнение ли какое, чтоб он, по прежним обязательствам, хотел каким-нибудь образом препятствовать царствованию императрицы; при этом Фридрих уверял, что, так как бывший император сам письменно отрекся от престола, то против такого обнародованного доказательства никому идти нельзя, и что он, хотя бы и хотел, но собственные его дела к тому бы его не допустили; наконец, он тотчас же признал Екатерину царствующей императрицей. Фридрих требовал также, чтоб Репнин донес императрице, угодно ли будет, чтоб барон Гольц остался министром при ее дворе.¹

Русский дипломат Корф, находившийся в Берлине, когда там было получено известие о перемене в России, писал Екатерине: «Когда там узнали о вступлении на престол вашего величества, ужас был так велик, что королевскую казну ночью отвезли в Магдебург».²

Во всяком случае, на первых порах Фридрих не доверял безусловно расположению к нему императрицы. Когда Репнин старался успокоить его, то король потребовал, чтоб он изложил свои уверения на бумаге, которую можно бы было показать иностранным министрам; но Репнин на это не решился. Когда затем Репнин предлагал королю добрые услуги России для заключения мира, Фридрих не изъявил готовности принять это предложение.

Между тем вопрос о посредничестве не переставал занимать Екатерину. В конце июля она предложила своим советникам некоторые собственноручно написанные пункты об этом предмете.³ Ответы соответствовали большей частью видам Екатерины.⁴ Особенно важным казался вопрос: оставить ли войска Чернышева в Германии для поддержания дипломатиче-

¹ Соловьев, XXV, 189—190.

² Там же, XXV, 202.

³ Там же, XXV, 192.

⁴ Ответы Волконского в «Осьмнадцатом веке», I, 80—82.

ских действий России или отозвать их обратно в отечество? Почти все сановники требовали оставления войска за границей. Голицын указывал на опасность, грозившую всем соседям со стороны Пруссии. Екатерина решила: возвратить войско в Россию. Одновременно она поручила Репнину понуждать прусского короля к миру с Австрией и Саксонией.



Князь Н.В. Репнин.

С портрета, принадлежащего князю А.Б. Лобанову-Ростовскому.

Однако Фридрих обнаруживал намерение овладеть Саксонией; когда Репнин стал представлять ему об очищении этой страны, король начал обходиться с ним холодно, так что Репнин просил у императрицы позволения уехать из лагеря в Берлин, чтоб «не подвергнуть неучтивости свой

посольский характер». Когда Репнин заговорил о конгрессе, Фридрих ответил, что на конгресс никак не согласится. «Король, — доносил Репнин, — когда я чуть коснусь этой материи или восстаивания мира, прерывает разговор и с неудовольствием от меня уходит».

Екатерина собственноручно написала иностранной коллегии инструкцию для передачи Репнину: «При пристойном случае князю Николаю Репнину в разговоре внушить королю прусскому, будто бы от себя, что видимая его склонность к войне может удержать меня от вящей дружбы с ним, королем, хотя некоторые между нами есть сходственные интересы. Когда королевские речи покажутся склонны к войне, тогда посланнику подавать виды склонности к венскому двору; а когда к миру покажет желание, тогда на его сторону говорить, показывая при всяком случае крайнее мое желание видеть мир и тишину». — «Сомневаюсь, — отвечает Репнин, — чтоб можно было склонить короля к какой-нибудь уступке; разве сделать это силой оружия, а иначе невозможно».

26 ноября Репнин имел разговор с министром иностранных дел графом Финкенштейном, причем представил решительно о необходимости очищения Саксонии и вознаграждения ее, без чего прочный мир невозможен. Финкенштейн сказал: «Прежде с русской стороны упоминалось только об очищении Саксонии, а теперь пошло дело уже и о вознаграждении». Во все время разговора, доносил Репнин, Финкенштейн был в великой торопости, говорил дрожащим голосом, сам дрожал.¹

Таким образом, Фридрих II легко мог убедиться в том, что от посредничества России нельзя было ожидать значительных выгод для Пруссии. Поэтому он должен был желать заключения мира без содействия Екатерины.

Около этого времени король и императрица обменивались письмами, в которых обнаруживаются необычайные дипломатические способности обоих государей.

Императрица писала из Москвы 17 ноября 1762 года между прочим: «Я чистосердечно сознаю, что принятая мной система не может одинаково нравиться всем моим друзьям... но я следовала в этом случае правосудию, интересу своей империи и своей любви к истине... одним из первых моих дел было подтвердить мир и упрочить единомыслие, установившееся между нашими государствами... Граф Чернышев полагает, что заметил желание мира в вашем величестве, и что мои добрые услуги были бы

¹ Соловьев, XXV, 199.



Мария Терезия, императрица австрийская.
С гравированного портрета Князьянка.

приятны вам... между тем я с огорчением вижу, что эта счастливая минута вместо того, чтобы приблизиться — отдалается все более и более; мне говорят со всех сторон, что ваше величество противится тому и, правда, все, что я могла предложить вам, не достигло цели... признаюсь, разногласие наших мнений радует тех, кто ничего не ищет, как только видеть несогласие между нами... скажу вам просто: не найдется ли способов к заключению мира?... Я могла бы действовать иначе; я имела к тому средства в руках и имею их еще доселе; ваше величество слишком пронизательны, чтобы не видеть того, что побуждает меня говорить с вами таким образом — это желание, чтобы не было между нами разлада... я знаю, что венский двор склонен к миру. Я могла бы передать вашему величеству сделанные откровенные сообщения, если бы могла ожидать того же со стороны вашего величества, но, к несчастью, вы отказались от того, и я сильно опасуюсь, что мои личные намерения останутся без исполнения и что я буду вовлечена в планы, противные моим желаниям и склонностям, равно как и чувствам искренней дружбы к вашему величеству».

Фридрих отвечал из Лейпцига 22 декабря, что письмо Екатерины, которое в сущности заключало в себе угрозы, доставило ему величайшее удовольствие. «Я знаю, — продолжал король, — тех, кто обвиняет меня в нежелании мира: это британское министерство, желающее, чтобы я пожертвовал своими интересами... До сих пор число моих врагов не заставило меня заключить мир... в настоящее время, когда императрица-королева находится почти в разобщении со всеми, можно надеяться, что она возымеет более умеренные намерения... Кто лучше желает мира: австриец ли, желающий одерживать победы, или пруссак, требующий только того, что принадлежало ему?... Ваше величество объявили с самого начала своего царствования, что не желаете вмешиваться в эту войну и допускаете решить ее участь тем, кто вовлечен в нее... я достиг некоторых выгод, доставляющих мне возможность вести переговоры на более выгодных условиях, чем прежде... я хотел просить вашего посредничества для мира, который должен отложить ныне, не зная на что положиться... Добрые советы вашего величества будут немало способствовать к смягчению непреклонности некоторых слишком мало уступчивых умов», и пр.¹

Екатерине понравилось это письмо короля. Увидев прусского посланника на придворном маскараде, она, поговорив с ним сначала о посторонних делах, прибавила вполголоса: «То, что вы прислали мне вчера,

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 162—168.

доставило мне чрезвычайное удовольствие; прошу вас благодарить короля от моего имени».¹

Граф Сольмс, прусский посланник, прибывший в Москву в конце ноября 1762 года, беседуя то с императрицей, то с Паниным, Воронцовым



Людовик XV, король французский.

С гравюры Пети, сделанной с портрета, писанного Лиотаром.

и Голицыным, старался устранить от дел графа Бестужева, недаром считавшегося завзятым противником Пруссии. Приехав 18 декабря к канцле-

¹ Reimann, «Neuere Geschichte des preussischen Staats». Gotha, 1882, I, 48.

ру на вечер, Сольмс вступил с ним, под видом разговора, в подробные рассуждения о делах. «Король, мой государь, удивляется, — начал Сольмс, — как сильно ее величество изволит интересоваться саксонским двором, когда тот поступками своими не только не заслуживает заступления ее величества, но более достоин мести за радость, оказанную им при известии о заговоре (Хрущевском) против ее величества; я могу уверить, что при этом случае дрезденский двор везде разглашал в Польше, что хотя первое покушение было и неудачно, однако новое покушение, которое последует в ноябре, непременно произведет перемену в правлении».

Таким образом, прусское правительство старалось повредить своим противникам в глазах Екатерины; однако отношения между ней и королем еще некоторое время оставались неопределенными. В декабре 1762 года Фридрих писал к Финкенштейну: «При настоящих обстоятельствах надобно выигрывать время и идти потихоньку. До сих пор я не знаю, в каких отношениях мы с Россией; я имею важные причины думать, что там не захотят разорвать с нами... я не думаю, чтоб Австрия имела большое влияние в Петербурге».¹

Король был прав: не было основания ожидать сближения России с Австрией.

Получив известие о государственном перевороте 26 июня, Мария Терезия собственноручным письмом поздравила Екатерину с восшествием на престол: «По моему мнению, — писала императрица-королева, — после покойной императрицы Елизаветы никто не мог быть достойнее престола и никто не мог достойнее заместить ее в моем сердце, как ваше величество. Жажду случая доказать вашему величеству мои чувства. Я так много полагаюсь на проницательность и взаимную вашу ко мне дружбу, что надеюсь от нее всего, чего только требуют наши общие интересы и чего можно ожидать от вашего великодушия». Ответ Екатерины заключался в общих уверениях дружбы.²

В разговорах с Воронцовым, Голицыным и Паниным австрийский дипломат, граф Мерси, к крайнему своему неудовольствию, должен был слышать повторения одной и той же фразы, что Россия нуждается в мире. Начали говорить о медиации России при предстоявшем заключении мира. Вскоре Мерси мог убедиться в том, что Австрия ни в чем не могла надеяться на Россию. Он объявил на конференции 20 августа, что между заяв-

¹ Соловьев, XXV, 200—201.

² Там же, XXV, 223—224.

лениями русских министров и манифестом, опубликованным при восшествии на престол императрицы, существует противоречие, именно, подтвержден с Пруссией такой мир, о котором в манифесте всенародно объявлено, что он заключен с самым опасным для России неприятелем с ущербом славы русского оружия. Заявления Мерси легко могли привести



Георг III, король английский.
С гравированного портрета 18-го века Купера.

в раздражение русских министров.¹ Когда со стороны Панина было сделано предложение о медиации, Мерси отклонил его, заметив, что австрий-

¹ Соловьев, XXV, 224—225.

ский двор смотрит на русский, как на союзный, а не нейтральный.¹ При таком положении дел дипломатическая деятельность русского посла в Вене Голицына не могла иметь успеха. Одновременно через Голицына из Вены и через Репнина из Берлина в Петербурге узнали о переговорах, нмевших следствием заключение Губертсбургского мира. Россия не могла участвовать в этих переговорах; мир состоялся без содействия Екатерины. Напрасно король Фридрих II предложил включить Россию в договор в качестве державы, состоящей в дружеских сношениях с договаривающимися правительствами, — австрийские дипломаты решительно отклонили это предложение.²

Вскоре после этого главным предметом обсуждения в дипломатических сношениях между Пруссией и Россней явились польские дела, которые не преминули содействовать сближению обоих государств.

Французский двор, наравне с австрийским, был сначала чрезвычайно обрадован известием о воцарении Екатерины, но вскоре увидел себя обманутым в своих ожиданиях. Чернышев, русский посол в Париже, писал о радости, с которой не только двор, но и общество приняли весть о государственном перевороте. К этой радости примешивалась досада, что французского посланника, барона Бретёля, в это время не было в Петербурге.³ К тому же оказалось, что донесения Бретёля до воцарения Екатерины заключали в себе несправедливую оценку характера, ума и способностей иовой государыни, которую во Франции считали остроумной, но несколько поверхностной женщиной; далее не считали вероятным, что она долго удержится на престоле. В этом смысле выразился король Людовик XV в письме к Бретёлю, замечая, что Россия, занятая внутренними кризисами, не будет иметь возможности принимать участие в общеевропейских, например, польских, делах. Король выразил надежду, что Франция станет действовать в этом отношении успешно, не допуская развития влияния России в Польше.⁴

Французский двор жестоко ошибался, рассчитывая на слабость России. Именно вмешательство в польские дела обнаруживало чрезвычайную силу России, между тем как Франция должна была довольствоваться ролью праздного зрителя при событиях, нмевших целью окончательное уничтожение самостоятельности Польши.

¹ «Сб. Ист. Общ.» XVIII, 458.

² Reimann, 49.

³ Соловьев, XXV, 228.

⁴ Jauffret, «Catherine II et son règne». Paris, 1860, I, 133.



Фридрих V, король датский.
С гравированного портрета 18-го века Зифанга.

Уже прежде, бывши великой княгиней, Екатерина не обнаруживала расположения к Франции. С французским дипломатом Л'Опиталем (L'Épital) она обращалась холодно и надменно. В первое время царствования Екатерины французский дипломат при русском дворе Бретель не имел особенного значения. Политические отношения между Россией и Версальским двором оставались холодными. Франция все еще медлила формальным признанием императорского титула; по этому вопросу происходили переговоры между обеими державами. Во время Семилетней войны, при тесном союзе, существовавшем между Францией и Россией, шла регулярная и тайная переписка, в которой обе державы сообщали друг другу подробности хода дел. Екатерина приказала прекратить эту переписку, которую называла «бесполезной болтовней».¹

Нельзя удивляться тому, что при таких обстоятельствах отзывы Людовика XV, Бретеля и Шуазёля о Екатерине были неблагоприятны. В то время, когда образ действий России в отношении к Турции и Польше возбуждал негодование французского двора, Людовик XV в самых резких выражениях осуждал личность Екатерины.² Бретель принадлежал постоянно к противникам России; то же самое можно сказать о французском дипломате Сабатье-де-Кабр, бывшем в России в семидесятых годах. Во все это время, однако, Екатерина, не нуждаясь в союзе с Францией, могла быть вполне равнодушной к образу мыслей короля и его министров. Франция не была в состоянии препятствовать мерам, принимаемым Россией относительно Польши и Турции.

В Англии, совершенно так же, как и во Франции, во время воцарения Екатерины господствовало нерасположение к Фридриху II. Неуступчивость короля в отношении к Австрии и Саксонии при окончании Семилетней войны возбуждала сильное негодование английских государственных деятелей. Екатерина дорожила дружбой Англии. 21 сентября она писала канцлеру Воронцову: «Писать к графу Александру Воронцову (русскому послу в Англии), дабы он в разговоре отозвался, сколь великое мое желание видеть мир; но с немалым прискорбием понимаю несклонность короля прусского к такому полезному для рода человеческого пред-

¹ Архив кн. Воронцова, VII, 647. «Сб. Ист. Общ.», VII, 221—223.

² В одной инструкции, составленной для одного французского дипломата, сказано о России: «Nous connaissons l'animosité de cette cour contre la France. Le roi méprise si profondément la princesse, qui règne dans ce pays, ses sentiments et sa conduite, que notre intention n'est pas de faire un seul pas pour la faire changer. Le roi pense que la haine de Cathérine II est beaucoup plus honorable, que son amitié» и пр. Jauffret, I, 300—301.

мету и что столь несходственные сентименты весьма отдаляют меня от сего государя».¹

Впрочем, не было основания ожидать существенных выгод от союза с Англией, так как эта держава, по донесению Воронцова, по возможности избегала вмешиваться в дела континента. В Англии считали вероятным сближение России с Францией и поэтому желали заключения союза между Россией, Англией и Австрией. Переговоры о заключении русско-английского торгового трактата не имели особенного значения. Только несколько позже сношения между Англией и Россией сделались более важными.

Восшествие на престол Екатерины произвело неприятное впечатление в Константинополе. Обрезков писал (от 27 августа), что в то время, когда Порта находилась в самых приятных мыслях, видя венский двор в крайнем ослаблении, известие о восшествии на престол Екатерины поразило ее как громом. Переводчик Порты, приходивший к Обрезкову с представлением, выведывал: какие будут теперь отношения между русским и австрийским двором? Сохранится ли заключенный с прусским королем мирный договор? Датское дело дойдет ли до крайности, или полюбовно уладится? Обрезков отвечал, что прежние отношения между императорскими дворами несколько не прекращены, и если союз ослабел по личному пристрастию бывшего императора, то теперь получит прежнюю силу, чему служит доказательством возвращение корпуса Чернышева. Мирный договор с Пруссией будет соблюден ненарушимо. В датском деле ни до какой крайности не дойдет, но все дружелюбным образом уладится. Все это говорилось с той целью, чтобы заставить Порту отложить всякие враждебные замыслы против Австрии. Между тем Фридрих II дал знать Порте, что его влияние при дворе Екатерины II так же сильно, как было при дворе Петра III. Переводчик Порты пришел поэтому к русскому послу проведать, что он думает о таких уверениях прусского короля. Обрезков отвечал, что это новые хитрости прусского короля; в доказательство, что прусского влияния в Петербурге нет, Обрезков представлял, как выражается о прусском короле манифест Екатерины, обнародованный при восшествии ее на престол, и возвращение Чернышевского корпуса.²

Совсем иначе подействовало известие о воцарении Екатерины в Копенгагене. Во время царствования Петра III в Дании ожидали со дня на

¹ Соловьев, XXV, 231.

² Соловьев, XXV, 223.

день нападения русских войск. Устранение Петра могло считаться для Дании спасением от крайней опасности.

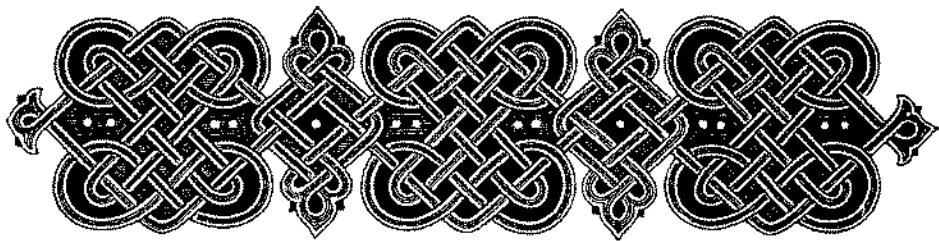
Русский дипломат Корф, приехавший в это время в Копенгаген, был принят с великой радостью. Король не находил слов для выражения своей благодарности императрице за ее уверения в дружбе и говорил о своем уважении к русскому народу. «Не только двор, — писал Корф, — но и все жители датских провинций, через которые я проезжал, до последнего крестьянина, обнаруживали радость, вследствие нечаянной перемены в их судьбе».

Однако вскоре Дания почувствовала силу воли Екатерины. Датский король считал себя вправе сделаться опекуном Павла Петровича, как малолетнего герцога Голштинского. Екатерина писала собственноручно иностранной коллегии: «Удивления достоин поступок короля датского, который объявил мне, будто он право имеет вместе со мной опекунство сына моего в Голштинии на себя взять. Я оные права признать не могу», и пр. В заключении собственноручной записки Екатерины сказано: «С королем датским же в негоциацию отнюдь вступать не буду до тех пор, что все его войска из Голштинии не выведены».

Разумеется, Дания должна была уступить; Бернсторф объявил Корфу, что намерение короля в этом деле было самое невинное: он хотел только приобрести дружбу будущего государя (Павла), но узнав, что императрица относительно соопекунства и администрации голштинских земель не одного мнения с ним, король не преминет отказаться от своего права для показания высокопочитания и самой искренней дружбы своей, какую только ее величество вообразить себе изволит.¹

Таковы были первые действия Екатерины в области внешней политики. Как видно, самым важным вопросом для Европы вообще были отношения нового правительства в России с Фридрихом II. Тщетно противники прусского короля старались сеять раздор между Екатериной и Фридрихом; напрасно они надеялись на сближение между Россией и Австрией: польские дела повели к заключению тесного союза между Россией и Пруссией.

¹ Соловьев, XXV, 202—203. «Сб. Ист. Общ.»; VII; 163—168.



Глава II. Отношения к Польше до 1768 года



Екатерина, с самого вступления своего на престол, любила и беседах с иностранными дипломатами указывать на величие и могущество России, на громадные и неисчерпаемые средства, которые находились в ее распоряжении.

Действительно, императрица была проникнута убеждением в необходимости для России принимать самое деятельное участие в европейских делах. К тому же она не ограничивалась хвастовством: она была готова действовать. Говоря постоянно о необходимости сохранения мира, Екатерина, тем не менее, приняла самые крутые меры относительно Польши. Ей удалось без войны превратить Курляндию и Польшу в зависимые от России государства. Напротив того, стремление к расширению власти России в ущерб Турции повело к войне. С Польшей Екатерина справилась, ограничиваясь дипломатическими действиями, полицейскими распоряжениями и военными демонстрациями.

Образ действий императрицы в этом отношении отличался резкостью, невниманием к правам и интересам других народов и государств. Екатерина следовала часто правилам Макиавелли. Главной целью ее было поддержание и развитие могущества и влияния России. В сношениях с великими державами и при столкновениях и разладе с ними Екатерина употребляла внешние формы дипломатического приличия; в обращении же с менее важными государствами императрица обнаруживала иногда изумительную бесцеремонность. Все это, впрочем, не было новостью в области политики, и обсуждение меры нравственности в таком образе действий представляет некоторые затруднения, возбуждает кое-какие сомнения; но зато никто не станет оспаривать, что успехи Екатерины в области внешней политики главным образом объясняются необычай-

ною энергией императрицы, ее пронизательностью, чрезвычайною способностью к делам дипломатическим и ее рабочей силой, доставившей ей возможность, не упуская из виду общего значения политических вопросов, заниматься постоянно всеми мельчайшими подробностями.

Курляндия

Самым блестящим началом наступательных действий Екатерины в области внешней политики было вмешательство России в курляндские дела; вмешательство это могло считаться как бы введением к событиям, которые повели к разделу Польши.

Еще при Петре I была сделана попытка превратить Курляндию в нечто похожее на провинцию России. Когда Бирон был герцогом Курляндским и в то же время занимал первое место возле императрицы Анны Иоанновны, Россия не могла иметь сильного влияния на курляндские дела. В 1740 году Бирон пал, был сослан в Сибирь, а оттуда переведен в Ярославль, оставаясь лишь номинально герцогом Курляндским. В 1758 году польскому королю Августу III удалось, с согласия императрицы Елизаветы, доставить достоинство герцога Курляндского своему сыну Карлу. То обстоятельство, что дочь Петра Великого не противодействовала возведению польско-саксонского принца на курляндский престол, могло считаться как бы нарушением тех правил, которыми русское правительство до сих пор руководствовалось в отношении к Курляндии.

Из собственноручных набросков Екатерины, относящихся к последнему времени царствования Елизаветы Петровны, мы узнаем, что думала в то время великая княгиня о курляндских делах. Здесь сказано:

«Говорили, что во всяком деле есть только два способа, которые следует избрать — это быть справедливым или несправедливым. Обыкновенно корысть производит последнее. В деле о Курляндии было справедливым возратить детям Бирона то, что им предназначалось от Бога и природы. Если же хотели бы следовать корысти, то долженствовало (признаюсь, что несправедливо) беречь Курляндию и изъять ее из-под власти Польши для присоединения к России. Кто бы после этого рассуждения сказал, что нашли третий способ, по которому учинена несправедливость без извлечения из того и тени выгоды, то есть отдали Курляндию принцу Карлу. Через это самое усиливается польский король, который, следуя политике, усвоенной им от отца своего, ищет только уничтожения свободы респуб-

лики. Если он будет продолжать жить в Польше, то этого достигнет, в особенности поддерживаемый французскою партией и нашим небрежением к сторонникам свободы и пр. Итак, я вас спрашиваю, что необходимее для России: деспотический ли сосед, или счастливая анархия, в которую погружена Польша и которой распоряжаемся мы по своей воле? Петр Первый, лучше знакомый с делом, объявил себя в Ништадтском договоре 1717 года (sic) поручителем за свободу Польши и врагом того, кто посягнет на нее. Надобно, когда уже хочешь быть несправедливым, иметь выгоду быть таковым; но в деле о Курляндии, чем более о нем думаю, тем менее нахожу там здравого смысла».¹

Аргументация Екатерины в данном случае походит на образ мыслей Макиавелли в его сочинении «О государе». Великая княгиня указывала на альтернативу между началом справедливости и началом целесообразности. Сделавшись императрицей, Екатерина все более и более руководствовалась правилами политической выгоды. Занимаясь до вступления на престол теорией вопроса об обязанностях государя, Екатерина, достигнув власти и встречая необходимость действовать, должна была расстаться с таким доктринаризмом и руководствоваться исключительно интересами России. Поэтому она относилась к вопросу о Курляндии иначе, чем ее предшественники.

Елизавета допустила саксонского принца к достижению герцогского достоинства в Курляндии. Петр III желал возвести на престол курляндский своего дядю Георга, принца Голштинского. В этом смысле русский дипломат в Митаве, Симолин, старался действовать против герцога Карла, сея раздор между ним и курляндским дворянством. В договоре, заключенном между Петром III и Фридрихом II, было решено доставить Курляндию дяде императора. Государственный переворот 1762 года воспрепятствовал осуществлению этого предположения.

Екатерина, тотчас после своего воцарения, занялась решением вопроса о судьбе Курляндии. Она обращалась с Польшей по своему усмотрению и вызвала в Петербург назначенного в Варшаву еще при Петре III русского посланника, графа Кейзерлинга, чтобы условиться с ним относительно польских дел. В Варшаве тем временем оставался агент Ржичевский, которому императрица посылала собственноручные инструкции. Не во всех отношениях довольная образом действий Ржичевского, Екатерина нисала между прочим: «Я вижу, что Ржичевский весьма влюблен в графа

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 91—92.

Брюля, а я желаю, чтоб не по собственным страстям, но по моим приказаниям поступлено было».

Ржичевскому было поручено сообщить польскому министерству о решении Екатерины восстановить на курляндском престоле Бирона. «Натурально думать, — говорилось в рескрипте Ржичевскому, — что хотя король, как великодушный государь, с одной стороны и признает наше правосудие относительно пострадавшей фамилии, которая никогда ни в чем не погрешила ни перед нами, ни перед его короною; с другой стороны, как отец, не может он не почувствовать горести. Желая сколько возможно утешить короля в печали и притом доказать, что мы дружески заботимся о благосостоянии его и всего его дома, повелеваем вам подать обнадеживание, что... мы будем содействовать не только справедливому удовлетворению Саксонии за претерпенные ей разорения, но содействовать также и вознаграждению принца Карла за потерю Курляндии посредством секуляризации каких-либо епископств или доставлением других выгод; например, можно было бы доставить ему епископство мюнстерское или город Эрфурт, за который майнцкий епископ получит эквивалент», и пр.

Август III потребовал, чтоб Бирон представил прямо ему свои требования. На это Ржичевский получил рескрипт, что Бирон, собственно, не обязан просить о том, чего у него никто и ни по каким правам отнять не мог.

Ржичевский писал: «Не могу утаить, что король находится в большом горе, — боится, чтоб сын не потерял герцогства курляндского в пользу Бирона, и весь двор опасается, чтоб здоровье короля не пострадало от этой печали; говорят, потерпев великое разорение в Саксонии, король возлагал всю свою надежду на великодушные русской императрицы, а теперь и с русской стороны терпит притеснения и по курляндскому делу».

Король надеялся, что польский сейм не согласится на восстановление Бирона в Курляндии; но сейм был «разорван» вследствие предписания Екатерины Ржичевскому действовать в этом направлении. Также и старания австрийского дипломата в Польше действовать в пользу принца Карла не имели успеха. Столь же тщетно Брюль неоднократно давал знать Ржичевскому, что при будущем конгрессе все союзные дворы, без сомнения, вступятся за принца Карла.

Екатерина в раздражении писала Воронцову 10 декабря 1762 года: «Велите внушить графу Брюлю, что, если по курляндским делам он единого противного моей воле шага сделает, я велю покинуть все мои старания у короля прусского об Саксонии, а в Польше сутенировать всем, чем только вздумать он может, все те, которые ему злодеи, и до тех пор не пе-

рестану, пока его из Польши не выгоню». Нарочито Екатерина желала, чтобы все это дошло до саксонского резидента в Петербурге, Прассе, которого она ненавидела.¹



Август III, король Польский.
С гравированного портрета 18-го века Шмидта.

В конце ноября приехал в Варшаву Кейзерлинг и начал «отлично служить». Одновременно Симолин в Митаве действовал с целью сверже-

¹ См. статью Гейсера в «Forschungen zur deutschen Geschichte», IX, 8.

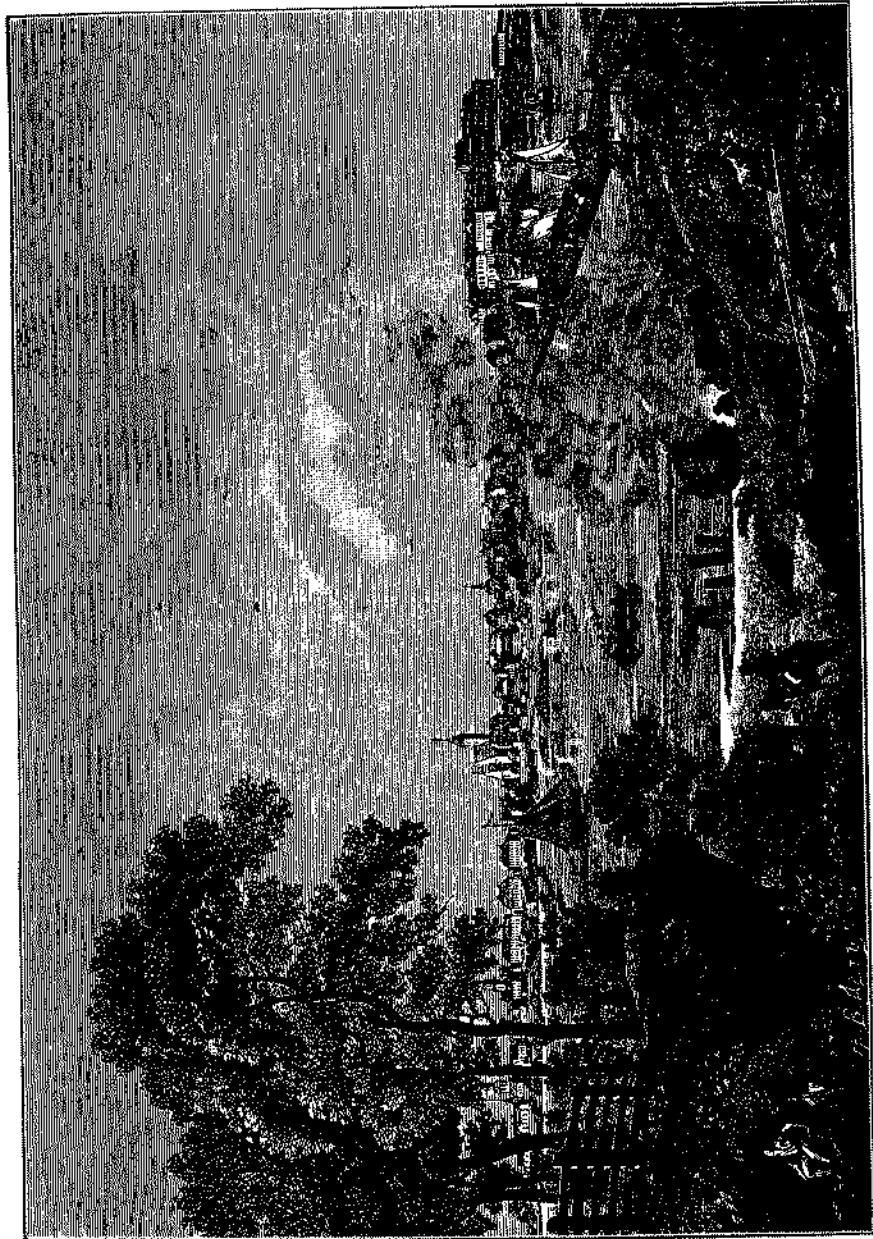
ния Карла и возведения Бирона. Принц Карл объявил, что не признает Симолина русским министром, потому что он к нему не аккредитован, запретил придворным ездить к нему в дом и иметь какие-либо сношения. В ответ явился из России в Митаву батальон русского войска, и Симолин объявил, что батальон прислан для погашения бываемых иногда при настоящих обстоятельствах беспорядков. К тому же в Курляндию вошли русские полки, возвращавшиеся из Пруссии. Симолин успешно уговаривал депутатов сословий стоять за Бирона и доносил в Петербург, что почти все шляхетство и мешанство, лучше сказать, вся страна нетерпеливо желает восстановления Бирона. 13 декабря Симолин получил рескрипт, в котором приказывалось внушить принцу Карлу, что императрица «неотменно намерена восстановить герцога Эрнста Иогана на курляндском престоле, и потому он, принц Карл, выехал бы из Митавы, а ее величество не оставит заботиться о его приустроении; если же он упорно будет сопротивляться намерениям императрицы, то легко может статься, что и собственную особу подвергнет неприятностям». Принц отвечал, что зависит не от себя, а от своего государя родителя, к которому посылал за решением. 30 декабря приехал в Митаву Бирон с сыном Петром и был принят ожидавшими его дворянами, которых было до 200. В январе происходил торжественный въезд Бирона в Митаву; однако он должен был остановиться в частном доме, потому что дворец все еще был занят прежним герцогом.

Польские комиссары, находившиеся в Митаве, удивлялись приезду нового герцога, спрашивали Симолина, почему «какой-то Бирон» въехал в город с великим торжеством, требовали объяснения, почему в Митаве находится столько русских солдат, и пр. Фактическая власть была в руках Симолина, готового отстаивать всячески права Бирона.¹

Императрица в марте 1763 года писала канцлеру Воронцову: «Означите курляндскому депутату аудиенцию сегодня после обеда в шесть часов и извольте с ним конферировать о высылке принца Карла из Курляндии, а по новым депешам графа Кейзерлинга уже, кажется, более нечего обожждать. Они никак меня не менажируют и хотят меня принудить. Не вижу, какой им прибыли ради, чтоб я силой зачала, и за мной не станет. Они рассчитывают в Польше, что я без бунта внутреннего у нас не могу войска сподвинуть. Пора нам показать, кто мы таковы».²

¹ Соловьев, XXV, 64, 210—212, 220—223, 300 и след.

² «Архив князя Воронцова», VII, 647—648.



Вид города Митавы в конце 18 столетия.
С гравюры 18-го века Лорие.

Слухи об опасности, в которой находилась Екатерина, о вероятности новых смут в России постоянно повторялись¹ и содействовали раздражению императрицы. Она хотела доказать своим противникам, что не было повода к опасностям. Тем более энергично она продолжала действовать в области внешней политики, настаивая, между прочим, на удалении принца Карла из Митавы. Он должен был выехать оттуда 16 апреля. Как только Симолин узнал об отъезде принца, то немедленно послал полковника Шредера занять дворец, что и было исполнено. Летом уехали и польские комиссары. Место для Бирона было очищено.

Понятно, что все это поселило сильное неудовольствие между русским и польским дворами. 21 февраля 1763 года Екатерина писала Воронцову: «Надлежит писать к графу Кейзерлингу, что я при теперешних обстоятельствах с великим удивлением слышу, что при польских близ Курляндии и Лифляндии границах собирается войско, что на то я индифферентными глазами смотреть не буду и терпеть не могу, чтоб присвоил себе оный двор выйти из узаконений своего королевства, которые королю не позволяют без сейма собирать на чужой границе войско; а если оное собрание войск целит обеспокоить законного курляндского герцога, Эрнста Иогана, то я им объявляю, что я королевскую власть без сейма над оным не признаю, и все, что без республики сделано будет в оном деле, приму как нарушенное польской вольности, которой гарантию я имею защищать намерена, а герцога Эрнста Иогана в свое покровительство принимаю, как незаконно утесненного владетеля».

Когда в Москву приехал уполномоченный от Августа III ходатайствовать за сына короля, то ему не позволили ни представляться императрице, ни вступать в переговоры с канцлером или вице-канцлером, на том основании, что у России с Польшей не было непосредственных сношений, вследствие того, что республика не признавала императорского титула русских государей. 24 февраля Екатерина писала Воронцову: «Можно господину Борху сказать, что оные труды лишни, что я не переменю своих сентиментов по курляндским делам, понеже они основаны на справедливости; ... что удивительна смелость его короля, который, любя сына, нарушает правосудие и узаконения своего королевства и, что того удивительнее, везде упоминает, будто по научениям чьим-либо поступаю. Можете ему сказать, что уже прходит моему достоинству противно оное

¹ См., например, депешу Бенуа из Варшавы в «Forschungen z. deutsche Gesch.», IX, 8.

дело более трактовать en avocat и что твердо намерена сутенировать то, что я начала, всеми от Бога мне данными способами».¹

В следующем (1764) году императрица посетила восстановленного ей герцога Эрнста Иогана в Митаве. Оказалось, что в сущности не польский король, а императрица была помещным владельцем Курляндии. Бирон принял Екатерину чрезвычайно торжественно, как бы вассал, приветствующий свою благодетельницу. Не без удовольствия императрица описывала подробности оказанного ей в этом случае почета.

Таким образом, действия Екатерины в отношении Курляндии увенчались полным успехом. Она сознательно руководствовалась при этом не столько началами правосудия, сколько требованиями интересов России. В одном документе, от 6 ноября 1763, сказано: «Прямая выгода нашей империи требует, чтобы мы в соседней земле имели герцога, не состоящего в непосредственных сношениях с польским королем, а скорее от нас зависящего».²

Курляндия очень походила на Польшу в малых размерах. То, что удалось сделать в Курляндии, могло удасться в больших размерах в Польше. В Курляндии правление Бирона могло считаться как бы средством для окончательного соединения Курляндии с Россией. Совершенно так же вмешательство России в польские дела было лишь приготовлением к разделам Польши.

Польша

Существуют различные мнения относительно польских разделов. Нелегко решить вопрос о том, кого должно считать главным виновником этого события. И в отзывах поляков, сделавшихся жертвой политики кабинетов, и в заявлениях правительств, участвовавших в этом деле, есть некоторое пристрастие, некоторая доля субъективности. Никто не желает считаться главным виновником несчастья, постигшего Польшу. Историкография довольно часто находилась под влиянием подобных более или менее односторонних взглядов, проникнутых духом партии. С разных сторон слышатся пререкания и обвинения; по некоторым сочинениям, главная

¹ Соловьев, XXV, 303—304.

² Angeberg, «Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862», стр. 3; у Реймана, «Das preussisch russische Bündniss, v. T. 1764», в «Zeitschrift für preussische Geschichte, XIV», 381.

ответственность лежала на России; в других обвиняли главным образом Австрию; по мнению некоторых историков, Фридрих II должен считаться виновником первого раздела Польши.

Современники этого события рассуждали иначе. Знаменитейшие писатели Франции считали польское государство представителем религиозного фанатизма, средневековых сословных прав и экономического застоя, или упадка. Екатерина, напротив, считалась как бы борцом за начала терпимости, провещения, порядка, правосудия. Когда русские войска явились в Польшу, Вольтер заметил, что первый раз в истории военные действия оказываются средством для благоденствия человечества и пр.

И похвала, и порицание являются здесь равно неуместными. Нельзя обесценивать политические события, рассматриваемые как результат исторического развития нескольких столетий, с точки зрения частной нравственности. Ответственность, лежащая на образе действий народов и правительств, не может быть одинакова со вменяемостью отдельных лиц.

К тому же в истории разделов Польши нельзя ограничиваться разбором действий держав, участвовавших в этом деле; нужно принять во внимание и самое состояние Польши во время катастрофы, средневековые учреждения этого государства, политический застой, невозможность обновления, прогресса, которым противодействовали не только иностранные державы, но и самое польское общество.

Весьма важную роль в судьбах Польши имели религиозные вопросы. Совершенно так же, как на западе Испания была точкой опоры для католической пропаганды, на востоке Польша сделалась базисом операций иезуитского ордена; Филипп II старался действовать на Англию, Сигизмунд III — на Швецию; испанский король содержал целую партию в Париже, польский — имел иногда сторонников в Москве. Нетерпимость дорого обошлась Польше. Вопрос о диссидентах имел последствием вмешательство Пруссии и России в польские дела. Разделы Польши собственно начинаются с присоединения Малороссии к Московскому государству, в XVII веке.

Насильственный образ действий государств, приступивших к разделу Польши, не был новостью ни в отношении к Польше, ни в отношении других государств.

Укажем на некоторые примеры подобных случаев.

В начале XVII века была речь о разделе австрийских владений. Между саксонским курфюрстом Августом II и Францией происходили переговоры об этом деле. Война за австрийское наследство была следствием



Эрнст-Иоганн Бирон, герцог Курляндский.
С гравированного портрета 18-го века Соколова.

подобных же намерений, клонившихся к разделу этого государства; потеря Силезии для Австрии была чем-то вроде такого же «démembrement», каким было событие 1772 года для Польши.

В начале XVII века Московскому государству грозила опасность раздела между Швецией и Польшей. Столетием позже присоединение Прибалтийского края к России было чем-то вроде «démembrement» Швеции. Паткуль мечтал о разделе Шведского государства вообще. Во время царствования короля Карла II в Испании было составлено несколько проектов раздела Испании между Францией, Австрией и Англией. Таким же духом насилия проникнуто намерение австрийского правительства присоединить к своим владениям Баварию и вознаградить баварского курфюрста, императора Карла VII, Эльзасом, Лотарингией и пр. Во время Семилетней войны противники Фридриха II мечтали о разделе Пруссии и т. п.

Что касается Польши, то опасность разделов для этого государства была, так сказать, хронической болезнью.

Еще в XIV столетии было сделано предложение разделить Польшу между немецким орденом, Австрией, Венгрией и пр. В конце XVI века в Москве появилась мысль о разделе Польши между Россией и Австрией. В 1657 году шведский король Карл-Густав предложил Фридриху Вильгельму, великому курфюрсту, и императору Леопольду приступить к разделу Польши. В 1660 году возобновились переговоры по этому предмету, причем французское правительство узнало об этих намерениях и сообщило о том польскому правительству. Ян Казимир предсказывал на сейме 1661 года раздел Польши между Московским государством, Бранденбургским курфюршеством и Австрией. В 1667 году опасность раздела Польши заставила Людовика XIV заключить с шведским королем договор, имевший целью препятствовать осуществлению намерений Австрии, царя и курфюрста в отношении Польши. Во время Северной войны самим королем Августом II был составлен проект раздела Польши. В Пруссии явилась эта же мысль около 1709 года, однако Петр Великий не согласился на осуществление ее. В 1732 году польский король изъявил готовность уступить Австрии Ципское графство и т. п.

Условием разделов Польши было сохранение анархии в Речи Посполитой. Недаром уже Паткуль советовал Петру во что бы то ни стало не допускать политических реформ в Польше: этим способом можно было препятствовать усилению Польши. В этом отношении совпадали вполне желания правительств России и Пруссии.

Во время царствования Елизаветы нельзя было думать о соглашении между Россией и Пруссией относительно польских дел. Зато в договоре, заключенном между Петром III и Фридрихом II, в третьем сепаратном параграфе, было решено всячески препятствовать нововведениям в государственном строе Польши, превращению ее в наследственную монархию и пр. Обе державы обещались также взаимно покровительствовать диссидентам в Польше. Все эти соглашения оставались в полной силе и после вступления на престол Екатерины. Таким образом, каждую минуту можно было ожидать вмешательства Пруссии и России во внутренние дела Польши. Самым удобным поводом для этого послужила предстоявшая перемена на польском престоле.

Выбор короля

Уже в то время, когда императрица осенью 1762 года находилась в Москве по случаю своей коронации, ее занимала мысль о кандидатуре ее бывшего любимца Станислава-Августа Понятовского на польский престол. С тех пор как Понятовский, в 1758 году, должен был покинуть Россию, Екатерина находилась с ним в переписке. Она сообщила ему кое-какие подробности о государственном перевороте. Она из Москвы отправила к нему драгоценный подарок: Андреевский орден и значительную сумму денег.¹ Он должен был сделаться орудием русской политики в Польше.

В то же время в Москву был вызван из Белоруссии епископ Георгий Конисский для получения от него сведений о состоянии православной церкви в этом крае. В ответ на вопрос императрицы: «какие политические выгоды может представить для России защита православных в Польше» одним игуменом православного монастыря была составлена записка, в которой выставлялось на вид, что императрица должна оказывать покровительство не только православным, но и лютеранам и кальвинистам, и что в таком случае будет возможно присоединить к России некоторую часть Польши; императрица должна сблизиться с Пруссией: еще Петр I был гораздо более расположен к протестантам, чем к французам и полякам.²

Недаром в Польше более всего опасались сближения между Россией и Пруссией и подозревали существование соглашения между обеими дер-

¹ «Русская Старина», I, 237.

² См. статью Рёпелля в «Historische Zeitschrift», XVIII, 86.

жавами относительно Польши: считали вероятным, что Польша потеряет несколько областей, которые пойдут на вознаграждение России за возвращение Пруссии Фридриху II. Граф Брюль поэтому старался действовать на Чарторыйских в надежде, что, задобив племянника последних, Понятовского, можно будет отклонить крайнюю беду от Польши.¹ Вскоре оказалось, что со стороны Екатерины и Понятовского Польше грозила гораздо сильнейшая опасность, нежели до того со стороны Петра III.

И во Франции в то время считали весьма вероятным соглашение между Пруссией и Россией, имевшее целью раздел Польши.²

Вскоре нужно было заняться вопросом о замещении польского престола. Король Август III в январе 1763 года опасно заболел. Ожидали в ближайшем будущем его кончины, последовавшей, впрочем, не ранее как в октябре этого же года.

Сообщая императрице о заключении Губертсбургского мира, Фридрих II 15 февраля 1763 года писал, что теперь пора заняться польскими делами, что Август III опасно болен. «Если бы, — продолжал Фридрих, — смерть его случилась неожиданно, то должно опасаться, чтобы при этом случае, по интригам разных дворов, не возгорелось снова едва потухшее пламя войны. Я готов участвовать во всех мерах, какие вам будет угодно предложить по этому предмету, и, чтобы скорее приступить к делу, я считаю должным открыто объяснить о том с вашим императорским величеством. Из всех претендентов на польскую корону законы здравой политики обязывают меня, государыня, выключить только принцев австрийского дома, и, насколько я знаком с интересами России, то мне кажется, что по этому вопросу ее выгоды достаточно отвечают моим. Впрочем, я соглашусь избрать из всех претендентов того, которого вы предложите; однако должен прибавить, что нашим общим интересам приличествует, чтобы то был Пяст, а не иной кто». Прося Екатерину высказать свое мнение, Фридрих обращал внимание ее на необходимость хранить все дело в глубокой тайне, «чтобы не возбуждать коварных действий противников России и Пруссии». Екатерина отвечала, что вполне согласна на избрание Пяста, «но такого, который не стоял бы на краю могилы и не получал бы жалованья ни от какой из держав».¹ Можно считать вероятным, что Екатерина исключала из числа этих держав Россию, так как Понятовский постоянно получал деньги от России.

¹ Соловьев, XXV, 63.

² Jauffret, I, 91.

Начались подробные переговоры о польских делах между Паниным и Сольмсом.² Переписка между Екатериной и Фридрихом становилась более и более оживленной. Оказалось, что интересы Пруссии и России в отношении Польши были тождественными. И Фридрих и Екатерина всячески противодействовали избранию на польский престол саксонского



Герцог Шуазэль.

С гравюры Лебо, сделанной с портрета, писанного Марилье.

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 158—162.

² Самое подробное изложение этих переговоров см. в сочинении Реймана, «Neuere Geschichte des preussischen Staats», I, 50 и след.

принца, между тем как именно этого желали Людовик XV и Мария Терезия. Происходили переговоры о заключении тесного союза между Пруссией и Россией. Целью союза служило устройство польских дел. Фридрих в сентябре 1763 года между прочим сообщил императрице о полученных им из Вены известиях, что австрийский кабинет находится в сильном беспокойстве, ожидая вмешательства России в польские дела. Король писал: «Вы дадите королю Польше без того, чтобы возгорелась снова война... Саксонцы сильно встревожены... крики поляков не более, как простой шум... нужно усыпить их, чтобы они не могли принять вовремя мер, могущих затруднить наши намерения» и пр.

В ответном письме Екатерины сказано между прочим: «Мы, как можно тише, с помощью вашего величества дадим, когда представится к тому случай, королю Польше».¹

Тем временем Екатерина старалась узнавать о настроении умов относительно замещения польского престола. Русскому поверенному в делах при французском дворе, князю Д. А. Голицыну, она поручила осторожно спросить министерство, нет ли у них уже кандидата на польский престол. Голицын отвечал, что во Франции прочат польский престол одному из Чарторыйских и что Франция желает противодействовать русскому влиянию в Польше. Бретель доносил своему правительству: «Чем более я обращаю внимания на Россию и на честолюбие ее правительницы, тем более склоняюсь к мысли, что необходимо сожалеться над ослеплением поляков и вывести аристократию из корыстного застоя». Однако во Франции решили, что не должно вмешиваться в польские дела. В королевском совете 8 мая 1763 года читался доклад, в котором было указано на возможность раздела Польши, а вместе с тем и на то, что при соперничестве между Австрией, Пруссией, Россией и Турцией нельзя считать это событие особенно вероятным. Руководствуясь между прочим и финансовыми соображениями, французское министерство решило не заботиться вовсе об избрании польского короля.

В Вене были сильно встревожены слухом, что между Россией и Пруссией заключен союзный договор, и Мерси сделал запрос об этом в Петербурге. Голицыну велено было уверить Кауница, что подобное известие ложное, вымышленное недоброжелательными людьми, которые, завидя доброму согласию между обоими императорскими дворами, стараются их поссорить, что не только нет такого трактата на деле, но и предло-

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 170—174.

жен он никогда не был.¹ Когда Голицын спросил об образе мыслей австрийского кабинета относительно избрания польского короля, в Вене заговорили было о кандидатуре одного из саксонских принцев, но при всем том здесь не было решимости и определенной программы. Когда Голицын



Князь Кауниц, австрийский министр.

С гравюры Шлюцера, сделанной с портрета, писанного Штейнером.

доносил, что Кауниц настаивал на одинаковой необходимости для обоих императорских дворов сохранения прав и преимуществ Польши, то Панин

¹ Соловьев, XXV, 330—331.

сделал такую заметку: «Господин Кауниц суетно поставляет свои интересы равными с нашими в рассуждение Польши. Нет политика, который бы не знал великой разницы: мы потеряем треть своих сил и выгод, если Польша будет не в нашей зависимости».¹

Удаление принца Карла из Курляндии и возведение на курляндский престол Бирона показали ясно, чего могла ожидать Польша от Екатерины. Всякая попытка польского двора действовать хотя бы сколько-нибудь самостоятельно вызывала репрессивные меры со стороны России. Когда Кейзерлинг доносил, что хотят предать суду герцога Бирона, литовского канцлера Чарторийского и стольника литовского Понятовского, последнего за то, что он при Елизавете вел переговоры о допущении русских войск в польские владения, Екатерина написала: «Неужели польский двор в горячке? — Если стольника судить, что он домогался российскую армию в Польшу ввести, так и короля судить надо, что он ему такие для саксонского интереса наставления давал».

В начале 1763 года Екатерина по предложению Кейзерлинга велела раздать значительные суммы сторонникам России в Польше. Узнав, что в сенатус-консилиуме из 60 сенаторов 48 признали принца Карла законным герцогом Курляндским и решили начать уголовный процесс против Бирона и его приверженцев, Екатерина писала: «Пошлите господину Борху сказать, что, видя от его короля не иное, как крайнее мне оскорбление... я повелеваю ему в 48 часов отселе выехать; в противном случае прикажу его выпроводить... чтоб они знали, что я герцога Эрнста Иогана и вольности польской защищать буду всем, чем Бог меня благословил».

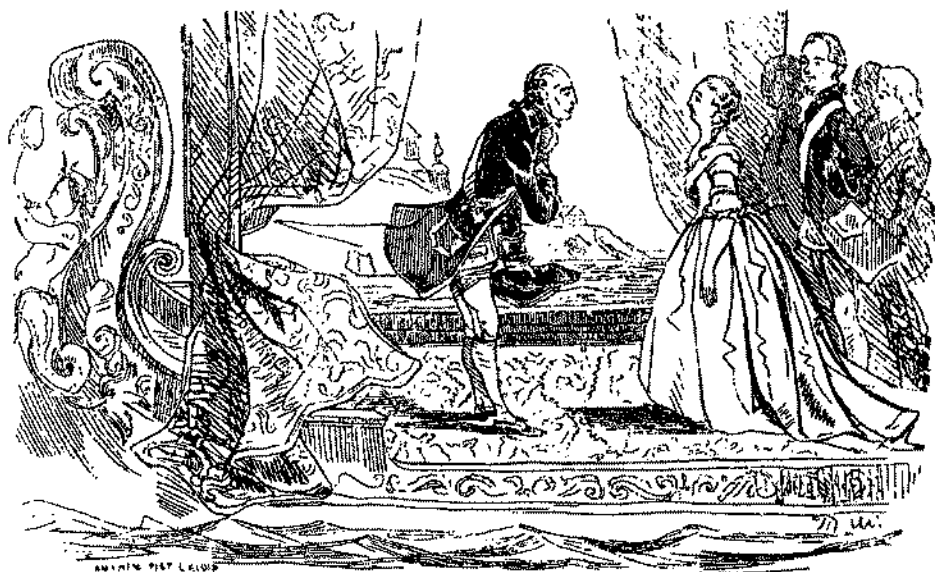
1 апреля императрица писала Кейзерлингу: «Разгласите, что если осмелятся схватить и отвезти в Кенигштейн кого-нибудь из друзей России, то я населю Сибирь моими врагами и спущу запорожских казаков, которые хотят прислать ко мне депутацию с просьбою позволить им отомстить за оскорбления, нанесенные мне королем польским».

Еще при жизни Августа III друзья России в Польше начали действовать в пользу русского кандидата на престол — Понятовского. Впрочем, по получении известия о выздоровлении короля Екатерина отвечала, что была бы очень рада продлению его жизни еще на несколько лет, ибо, в противном случае, могли бы произойти великие и почти неминуемые трудности, особенно при вмешательстве других держав.²

¹ Там же, XXV, 332.

² Соловьев, XXV, 304—312.

Жизнь Августа не продлилась «еще несколько лет». Он умер 5 октября 1763 года. Известие о кончине короля сильно поразило Фридриха II; он получил его во время обеда, выскочил из-за стола и выразил сожаление о том, что отношения Пруссии и России не успели еще окончательно установиться.¹ Екатерина писала Н. И. Панину: «Не смейтесь мне, что я со стула вскочила, как получила известие о кончине короля польского: король прусский из-за стола вскочил, как услышал».²



Встреча Екатерины II с королем польским Станиславом в Каневе.
Гравюра Т. Шевченко.

Тотчас же между Фридрихом и Екатериной завязалась оживленная переписка о возведении на польский престол Понятовского и о мерах к устранению других кандидатов. Король сообщил при этом императрице письмо, полученное им от курфюретины саксонской, которая надеялась на кандидатуру одного из саксонских принцев. Екатерина подробно излагала причины, заставлявшие ее желать возведения на польский престол Понятовского. К тому же она сообщила королю о «военных приготовлениях на

¹ Beer, «Die erste Theilung Polens.» Wien, 1873, I, 134.

² «Сб. Ист. Общ.», VII, 321.

гранницах», то есть о своем намерении ввести русские войска в Польшу для поддержания кандидатуры Понятовского. Хотя между Пруссией и Россией еще не было заключено формального союзного договора, Екатерина писала королю: «Я смотрю на все, могущее теснее соединить нас, как на дело уже оконченное». Фридрих отвечал: «Хотя наш союз еще не заключен, но я смотрю на Россию с этой минуты, как на свою союзницу». Действия прусского и русского дипломатов должны были идти рука об руку.¹

Одновременно с вопросом о кандидатуре Понятовского обсуждался вопрос о разделе Польши. На конференции читался поднесенный государыне графом Чернышевым секретный проект о присоединении к России, для лучшего округления и безопасности границ между Днепром и Двиною, некоторых польских земель. Конференция, признавая, что исполнение проекта представит затруднения, постановила: «Не выпуская этого проекта из виду, первым движением русских войск быть со стороны тех мест, о которых в нем показано».²

Некоторые дворы старались уверить поляков, что между Россией и Пруссией уже заключен договор о разделе Польши.³ Французский посланник в Константинополе представлял Порте, что Фридрих II «вместе с Россией питает тайное намерение разделить Польшу мало-помалу между собою».⁴

И с другой стороны был возбужден вопрос о разделе Польши. В письме к Марии Терезии саксонская курфюрстина изъявила готовность согласиться на раздел Польши, лишь бы польская корона оставалась в саксонском доме. Мария Терезия, склонная поддерживать кандидатуру одного из саксонских принцев, все-таки протестовала против мысли о разделе Польши.⁵

Екатерина действовала быстро и решительно. В письме к курфюрстине саксонской она советовала ей отказаться от кандидатуры саксонского принца. В письме к Марии Терезии Екатерина выразила намерение предоставить полякам полную свободу действий; к этому было прибавлено, что военные приготовления на границах Польши должны обеспечить свободный и спокойный ход дела. Мария Терезия в ответ на это заявление осторожно и скромно заметила, что, по ее мнению, лучше бы в данном случае оставить всякие военные демонстрации.⁶

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 174—182.

² Соловьев, XXV, 315.

³ Там же, XXV, 319.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XX, 190.

⁵ Arneth, «Gesch. Maria Theresia's», VIII, 37—39.

⁶ Beer, Приложения № II, 79—80.

Не было основания ожидать серьезных препятствий со стороны Австрии. Когда австрийский дипломат Мерси прибыл в Варшаву, деятельность русских и прусских дипломатов в пользу кандидатуры Понятовского уже оказалась весьма успешной. Напрасно Кауниц объявил, что считает кандидатуру Понятовского делом опасным, неуместным и несогласным с интересами Австрии: раздор между партиями в Польше, присутствие русских войск, раздача денег приверженцам России, решимость прусских и русских дипломатов — все это повело к желаемой цели. Русская партия оказалась безусловно господствующей.

Фридрих II не сомневался в успехе Екатерины. Он писал ей 15 февраля 1764 года: «Я достаточно знаю эту нацию (польскую), чтобы быть уверенным, что, расточая в пору деньги и употребляя непосредственные угрозы против злонамеренных, которые пожелают нарушить спокойствие своего отечества, вы доведете их до того состояния, какого желаете».¹

В разговоре с Сольмсом Панин намекнул однажды на возможность приступить к разделу Польши. Сообщив разные подробности о своих беседах с Паниным, Сольмс писал королю: «Он прибавил еще, что вашему величеству не придется сожалеть о вступлении в обязательства с его двором, потому что, если, сверх всякого ожидания, дела дойдут до последней крайности, то он мне ручается, что ваше величество, равно как и Россия, будете вознаграждены за свой труд и что даром хлопотать не придется. Это дело, заметил он, я вперед устроил, но не могу объяснить его прежде, чем обстоятельства более выяснятся». В ответ короля на эту депешу Сольмса выражено желание, чтобы Россия не увлекалась слишком далеко и руководствовалась правилами осторожности для избежания опасности общей войны.² Фридрих хотел воздержаться от военных демонстраций со стороны Пруссии на польской границе, однако в договоре, заключенном в начале 1764 года, содержанием одного из сепаратных артикулов были условия военных действий в случае необходимости.³

Екатерина могла быть довольна успехами своих действий. В разговоре с французским посланником Бретёлем она заметила, что Россия по праву может и должна иметь более сильное влияние на Польшу, чем Франция.⁴ Когда австрийский посланник Лобкович начал было говорить о русских войсках, вступивших в Польшу, и требовал объяснений о поводах

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 197.

² «Сб. Ист. Общ.», XXII, 188 и след.

³ Об этом договоре вообще см. соч. Реймана, I, 83.

⁴ Jauffret, I, 160.

к таким действиям России, Екатерина на докладе об этой конференции написала: «При сочинении ответа князю Лобковичу не худо дать им приметить, что здесь весьма странным кажется, что при всяком случае нас в допрос ведут».¹

7 сентября 1764 года состоялся выбор короля Станислава Августа Понятовского. Екатерина писала Панину: «Поздравляю вас с королем, которого мы делали».²

Госпожа Жоффрен (Geoffrin) в шутку называла Понятовского своим сыном. Екатерина писала ей: «Поздравляю вас с возвышением вашего сына; если он сделался королем, то не знаю, как это случилось, но так угодно было Провидению... нужно поздравить его королевство; никто не мог бы сделать его счастливее. Говорят, что сын ваш действует прекрасно; я этому очень рада» и пр.³ В это время за границей ходили слухи о намерении Екатерины вступить в брак с Понятовским.⁴

Со времени избрания Понятовского в польские короли не могло не усиливаться постоянно влияние России на польские дела. В примечаниях Екатерины к сочинению Денины о Фридрихе Великом сказано о Понятовском: «Россия выбрала его в кандидаты на польский престол, потому что из всех искателей он имел наименее прав, а следовательно, наиболее должен был чувствовать благодарность к России».⁵

Фридрих II в письмах к императрице говорит о ее успехе в самых лестных для нее выражениях, указывая, впрочем, на нерасположение к России венского и французского дворов. Екатерина отвечала: «С помощью вашего величества я уверена в успехе всего, что буду предпринимать. Мои предшественники не имели союзником короля Фридриха: и вот мое преимущество перед ними; искреннее содействие, оказанное мне моим союзником, довело это избрание в Польше так же единодушно, как и спокойно, к концу. Поздравляю вас с ним в свою очередь и радуюсь получить одобрение от вас. Я не удивляюсь, что великие державы возбуждены против меня: я устранила преграду, неудобную для России, но весьма выгодную интересам этих держав» и пр.⁶

¹ Соловьев, XXVI, 82.

² «Сб. Ист. Общ.», VII, 373.

³ «Сб. Ист. Общ.», I, 258.

⁴ Г-жа Жоффрен писала Понятовскому об этом слухе: «Вот как объясняли дело: она вовсе не крепко держится на престоле; она уступит его сыну, а сама выйдет замуж за короля польского». Соловьев, XXV, 66.

⁵ «Русский Архив», 1878, II, 290.

⁶ «Сб. Ист. Общ.», XX, 206.

Значение России в Европе обуславливалось в значительной степени преобладанием русского влияния в Польше. Для Екатерины же успехи в области внешней политики могли считаться удобным средством для упрочения за ней престола. Защищая права и интересы православных в Польше, она могла приобрести некоторую популярность в России. Вмешиваясь в польские дела, Екатерина в глазах света играла роль представительницы религиозной терпимости в борьбе против фанатизма католической церкви. Совершенно так же, как впоследствии вмешательство России в турецкие дела в пользу христиан на Балканском полуострове сделалось орудием для ограничения самостоятельности Турции, — вопрос о диссидентах в Польше служил средством для разделов этого государства. Этот вопрос находился в самой тесной связи с основами государственных учреждений в Польше. Не только нетерпимость заставляла поляков противодействовать диссидентам: они хорошо понимали, что уступчивость в этом отношении могла легко повести к потере самостоятельности Польши.

Противники России, следя за успехами императрицы в Польше, надеялись лишь на то, что Екатерина, благодаря какому-либо кризису внутри империи, лишится престола. Так, французский министр Шуазель, вместо того, чтобы прямо подать помощь угнетенным Россией полякам, составил проект какой-то революции, имевшей целью свергнуть с престола Екатерину.¹ Венский двор не желал воспользоваться подобными средствами. Вообще, однако, в глазах дипломатов положение Екатерины казалось несколько шатким. Граф Сольмс писал в мае 1764 года: «Можно считать вероятным, что Екатерина процарствует еще четыре года или, пожалуй, шесть лет, затем, однако, многое будет зависеть от образа мыслей великого князя, который тогда достигнет совершеннолетия».²

Противники Екатерины ошибались, рассчитывая на прекращение ее царствования. Завладев короной, она до гроба удержала за собой власть. Относительно же Польши оказалось невозможным остановить императрицу на пути к желанной цели. Один дипломат, следивший за действиями русского правительства в отношении польских диссидентов, заметил: «Екатерина никогда еще не покидала мысли, которую однажды забрала

¹ Arneth, 133.

² Duncker, «Aus der Zeit Friedrichs des Grossen», стр. 132.

себе в голову».¹ Саксонский дипломат Эссеи писал в это время: «Очевидно, Россия желает иметь в польском короле послушного вассала, который волею-неволею должен содействовать осуществлению дальнейших предположений императрицы. Россия лишит его возможности вредить ей и принудит его всячески служить орудием для достижения ее целей».²

Такими правилами должен был руководствоваться русский резидент в Польше, князь Репнин. Он наблюдал за сохранением в точности прежнего государственного права. «В этом, — было сказано в инструкции Репнину, — заключается главная выгода для России: этим самым мы можем приобрести влияние на общеевропейские дела». Столь же важным казался вопрос о диссидентах. Уже летом 1763 года императрица писала Кейзерлингу: «Рекомендую вашему покровительству польских подданных, исповедующих нашу религию». В инструкции, составленной для князя Репнина, было сказано между прочим: «Несмотря на договор, заключенный в 1686 году, православные в Польше подвергаются разным притеснениям; большая часть их принуждена признать унию, остальных в Белоруссии оскорбляют католическое духовенство и дворянство. Сейм должен согласиться на неограниченную свободу религии и на возвращение православным отнятых у них монастырей и церквей».³

Оказалось, что Россия желала предоставить исключительно себе влияние в Польше. Из разговора с вице-кашлером Голицыным французский дипломат Берайе вывел заключение, что Россия с целью господствовать в Польше даже намеревалась противодействовать разделу Польши и влиянию Пруссии на это государство.⁴

Полятовский вскоре мог убедиться, что он во всех отношениях зависел от императрицы. Его попытки освободиться от этой зависимости оказались тщетными. Он искал между прочим поддержки со стороны Франции, надеялся даже на Австрию и спрашивал советы у госпожи Жофрей, которой писал о Екатерине: «Там очень умины, но уж очень гоняются за умом. Это металл самый дорогой, но для обработки его нужна искусная рука, руководимая добрым сердцем. Некогда были в этом согласны, а теперь судьба и, может быть, вкус переменяли многое».⁵

¹ Reimann, I, 201.

² Herzmann, V, 385—386.

³ Angeberg у Дункера, стр. 137 и 138.

⁴ Jauffret, II, 50.

⁵ Соловьев, XXVI, 66—67.

Из писем Понятовского к императрице видно, что он надеялся провести некоторые реформы в Польше с целью усиления монархической власти и устранения анархического состояния государства. Он изъявил также готовность предоставить некоторые права диссидентам.

В самой России, впрочем, на этот счет существовали различные мнения. Панин был готов согласиться на некоторые политические реформы в Польше. По его мнению, несколько лучше устроенная Польша могла, в качестве вассального царства, принести России большую пользу, чем при сохранении прежнего анархического застоя. К тому же он считал жестокостью принуждать Польшу коснеть в варварском состоянии.

Репнин писал Панину: «Если вы намерены дать Польше какую-нибудь, хотя малую самостоятельность для употребления ее когда-нибудь против турок, то нужно позволить внутренний порядок, ибо без него никакой и самой малой услуги или пользы мы от нее иметь не будем, потому что сумятица и беспорядок в гражданстве и во всех частях в таком градусе, что более быть не могут». Прочтя это донесение, Екатерина написала Панину: «Для чего бы нам не позволить пользоваться соседям некоторым иным индифферентным порядком, который еще и нам иногда может в пользу оборотиться».¹

Таким образом, Россия, обращая главное внимание на вопрос о диссидентах, казалась склонной согласиться на некоторые политические реформы. Совсем иначе относился к Польше Фридрих II. Для него важнейшим делом было сохранение прежней анархии в Польше, которая в таком состоянии не могла быть опасной для Пруссии. Вопрос о диссидентах Фридриху II казался менее важным. То обстоятельство, что интересы России и Пруссии в отношении к польским делам не вполне соответствовали друг другу, могло породить кое-какие недоразумения между обеими державами.

Фридрих II после избрания Понятовского в короли поздравил императрицу в самых лстивых выражениях. Он писал ей между прочим: «Господь сказал: да будет свет, и был свет... вы вещаете, и вселенная безмолвствует пред вами», и пр. Но в то же время король считал себя вправе давать советы Екатерине. В его письме от 30 октября 1764 года сказано: «Многочисленная часть польских магнатов решила уничтожить единогласие на сеймах; этот проект крайне важен для всех соседей Польши. Написано было бы тревожиться по поводу этой перемены в продолжение

¹ Соловьев, XXVII, 263—264.

правления настоящего короля, но политика, объемлющая и будущее, заставляет рассматривать в подобной перемене не только ближайшие ее действия, но и те, какие она может произвести со временем... я не вижу лучшего средства к тому, чтобы препятствовать полякам предаваться первым порывам восторга, как оставить ваши войска в Польше до тех пор, пока сейм не будет окончен».¹

Внушения короля произвели желанное действие. Екатерина ответила, что согласится на нововведения в Польше разве в будущем, но что пока не должно думать об отмене *liberum veto* и пр.²

Бывали, однако, случаи разногласия между Фридрихом и Екатериной. Учреждение Пруссией таможи в Мариенвердере произвело крайнее неудовольствие в Польше. Екатерина, заступаясь за Польшу, просила короля отменить таможду. На этот раз Фридрих повиновался и исполнил желание императрицы, но не без раздражения писал Сольмсу: «Когда же перестанут постоянно требовать от меня разных услуг?»³ Нехотя король согласился и на увольнение из Пруссии знаменитого математика Эйлера, которого Екатерина пригласила в Россию; немного позже король писал: «Иго, которое хотят возложить на меня, становится тягостным. Я с радостью буду союзником России, но я никогда не буду ее рабом». В другом письме сказано: «Я намерен удерживать всецело мою независимость; если захотят меня привести в рабство, то я готов рассориться скорее сегодня чем завтра».⁴

Король был весьма недоволен горячностью, с которой Россия покровительствовала диссидентам в Польше, и убеждал Екатерину действовать умереннее, утверждая, что она собственно не имеет права вмешиваться во внутренние дела Польши. При этом он указывал на опасения, тревожившие западноевропейские державы в этом отношении. Фридрих не хотел, чтобы Россия обращалась с Польшей так, как она обращалась с Курляндией; он желал, чтобы польский король управлял своим государством не иначе, как следуя внушениям России. Король хорошо понимал, что вопрос о диссидентах служил лишь средством для распространения русского владычества в Польше. Особенно Финкенштейн был недоволен образом действий России. Если уже прежде, в то время, когда саксонский курфюрст управлял Польшей, Пруссия должна была желать сохранения Польши в

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 204—214.

² Duncker, 182.

³ «Forschungen», IX, 185.

⁴ Reimann, 170, 180—181.

слабости, то тем более важным считал Фридрих II удерживать Польшу в анархическом состоянии в то время, когда там царствовал вассал России. Союз между Пруссией и Россией был заключен на восемь лет; по истечении этого срока Россия могла употребить Польшу как орудие в борьбе против Пруссии совершенно так же, как она рассчитывала на помощь Польши в случае разрыва с Турцией.

Напрасно прежде некоторые ученые предполагали, что Екатерина в польских делах вообще руководствовалась внушениями Фридриха II. Справедливо замечает один из новейших знатоков этого периода, что такое предположение обнаруживает незнание с характером, энергией и самостоятельностью Екатерины.¹

Пока союз, заключенный между Пруссией и Россией, оставался в полной силе; 4 мая 1764 года между обеими державами произошло новое соглашение, направленное против вмешательства в польские дела Австрии.²

Таким образом, судьба Польши была решена. Репнин царствовал в Варшаве неограниченно. Надежды, которые Понятовский возлагал на Англию, оказались тщетными. Теснимый на каждом шагу Россией, видя неосуществимость своих проектов политической реформы, король порою предавался отчаянию, порой решался упорно стоять за интересы Польши, порой говорил о своем намерении отказаться от престола.³ На Австрию рассчитывать было невозможно. Мария Терезия, правда, заметила однажды в разговоре с английским посланником, что не может смотреть спокойно на пребывание русских войск в Польше, что не может терпеть порабощения короля польского;⁴ несколько раз Мария Терезия высказывала предположение, что между Пруссией и Россией существует соглашение с целью разделить Польшу. При всем том, однако, императрица-королева сознавалась, что не имеет возможности сделать что-либо в пользу короля Станислава-Августа и его несчастного государства.⁵

Польские диссиденты постоянно пользовались самым энергичным наступничеством России. Панин объявил, что русские войска не выйдут из Польши до совершенного уравнивания прав диссидентов с правами католиков. Возникло намерение образовать конфедерацию, поддерживаемую русскими войсками. Екатерина была сильно раздражена образом действий

¹ Duncker, 160.

² Reimann, 211.

³ Herrmann, V, 405 и 415.

⁴ Raumer, «Beiträge zur neueren Geschichte», IV, 83.

⁵ Reimann, 205, 208, 212.

епископов виленского и краковского, употреблявших свое влияние для возбуждения в народе религиозного фанатизма. Репнин и Сальдерн поступали резко и строго с противниками России. Все протесты поляков против пребывания в государстве русских войск оставались тщетными; напрасно король в письмах к Екатерине в самых трогательных выражениях жаловался на свое отчаянное положение. Напрасно даже Репнин советовал действовать более умеренно и кротко для избежания опасности, которая могла грозить России от раздражения поляков, — Екатерина настаивала на своем и писала Репнину между прочим: «Наше достоинство и интерес вверенной нам от Бога империи требуют приведения к концу начатого нами дела». Английский дипломат Макартней доносил 25 июля 1766 года: «Панин сказал мне несколько дней тому назад, что он пожертвовал бы пятьюдесятью тысячами человек и все бы бросил, только бы добиться успеха в польских предприятиях».¹

Недаром король польский говорил, что ему приходится или изменить интересам Польши, или лишиться дружбы Екатерины; недаром он писал госпоже Жоффрен: «Ох, мама! Трудная и печальная комиссия быть королем польским!».²

Борьба в Польше становилась с часу на час все более и более упорной. Один из Чарторыйских сказал Репнину, что в Польше скорее решатся на изгнание всех диссидентов, чем на уступку им политических прав. Репнин ответил, что в таком случае Россия умножит войска, находящиеся в Польше, примет крайние меры и никак не откажется от своих требований. На сейме Репнин сказал громко фанатикам, изъявившим готовность умереть за веру: «Перестаньте кричать! А будете продолжать шуметь, то и я, со своей стороны, шум заведу, а мой шум будет сильнее вашего».³

При таких обстоятельствах нужно было повиноваться. «Все потеряно», — доносил в Рим папский нунций. Во всех отношениях Репнин взял верх; не было более речи об отмене *liberum veto*. Против более смелых оппонентов были приняты крутые меры. Некоторые из них были захвачены и отправлены в Россию.

Екатерина была довольна своим успехом. Из множества документов, писем и записок видно, как она заботилась знать обо всем, следила за всеми подробностями, руководила всеми действиями Репнина и предвидела окончательное превращение Польши в провинцию России.

¹ «Сборник Ист. Общ.», XII, 272.

² Соловьев, XXVII, 291.

³ Соловьев, «Падение Польши», 67.

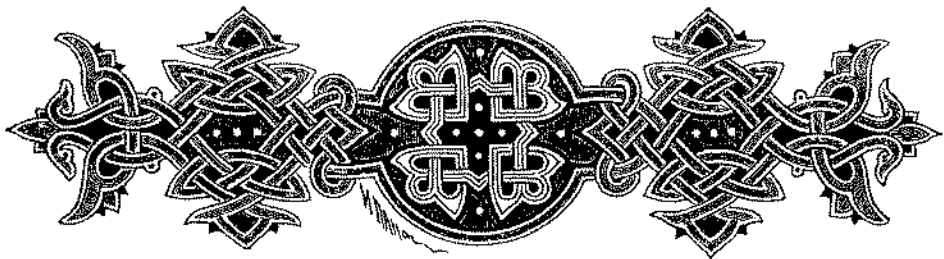
Однако Репнин не без основания опасался от употребления крутых мер усложнения польских дел. Самая упорная борьба предстояла после окончания сейма. Недовольные приступили к образованию Барской конфедерации, имевшей целью устранение анархического состояния Польши, свержение с престола короля Станислава и восстановление свободы и независимости. Началась кровопролитная междоусобная война, борьба не только политических партий, но и различных сословий между собой. При этой повсеместной неурядице русские дипломаты Репнин и заменивший его в 1769 году Волконский, опираясь на русские войска, находившиеся в Польше, удерживали верх. Все это, однако, требовало значительного напряжения сил со стороны России. Недаром Екатерина в 1763 году, узнав о кончине польского короля Августа, заметила, что теперь начнутся бесконечные «tracasseries».¹

Ко всему этому прибавился разлад с Оттоманской Портой и затем турецкая война, которая должна была сделаться роковой и для Речи Посполитой. Поляки сильно ошибались, рассчитывая на спасение при помощи Турции. Справедливо писал тогда один поляк-современник: «Изгнать русских при помощи турок значит зажечь дом для того, чтобы избавиться от мышей».² Русские не были изгнаны, — раздел Польши сделался неминуемым.



¹ Соловьев, XXVI, 167 и след. Соловьев, XXVII, 279 и след. О деятельности Репнина множество данных в «Сб. Ист. Общ.», XVI.

² Jauffret, I, 317.



Глава III. Турецкая война до 1770 года

обытия в Польше повлияли на отношения между Россией и Турцией. Желая заступиться за Польшу, Турция объявила войну России; война эта, показавшая, до каких размеров дошел упадок Оттоманской Порты, окончилась полной победой России.

Было время, когда Турция в отношении Польши играла ту же самую роль, какую играла Россия при Екатерине. В XVI веке Турция безуспешно старалась сохранить в слабости Польшу, вмешивалась в избрание польских королей и пр. Затем настала эпоха упорной борьбы между Польшей и Турцией в продолжение XVIII века. Обе державы быстро падали в продолжение XVIII столетия. Порой интересы Турции и Польши шли рука об руку. Так, например, во время Северной войны они действовали сообща против России. Отец короля Станислава Августа Понятовского играл роль дипломатического агента Карла XII и Станислава Лещинского в Константинополе.

Теперь же, когда готовился раздел Польши, возникла мысль противодействовать этому при помощи Турции.

Благодаря неудачным военным операциям Австрии и дипломатическому искусству Франции, Турция не слишком дорого заплатила за столкновение с Россией при императрице Анне Иоанновне. Подвиги Миниха показали, сколь опасным противником для Турции сделалась Россия. Во время переговоров, имевших следствием Белградский мир, начали говорить о разделе Турции. Порча в государственном организме Оттоманской Порты, невозможность проведения реформ в области военного устройства не предвещали Турции успеха в случае новой войны с Россией.

Внутри Турция страдала от частых бунтов. В области внешней политики она не пользовалась никаким уважением.

Превращение Пруссии и России в первоклассные державы нанесло ущерб политическому значению Турции, служившей все более и более



Фельдмаршал князь А.М. Голицын.

Средкой гравюры Калпашикова 1774 г., сделанной с портрета, писанного Ротари; из собрания Ц.Я. Данкова.

яблоком раздора между великими державами. Особенно сильным оказалось влияние французских дипломатов в Константинополе. Небезуспешно и Фридрих II во время Семилетней войны старался действовать на Порту через своего посланника Рексина. Заключение договора между Пруссией и Россией при Петре III сильно не понравилось Порте; точно так же, как мы уже видели, не особенно обрадовались там и воцарению Екатерины. Вмешательство Пруссии и России в польские дела было как бы нарушением интересов Порты.

Вскоре после вступления на престол Екатерины в Петербурге узнали, что Порта намеревалась помочь полякам. В июле 1762 года Обрезков добыл инструкцию Порты посланнику, отправлявшемуся в Берлин для заключения союза с Пруссией. В инструкции говорилось: во время пребывания в Польше дать знать полякам, что Оттоманская Порта не лишит польской республики помощи и покровительства и отнюдь не позволит нарушения ее прежних прав и вольностей. Французский посланник Вержен указывал Порте на необходимость для нее вмешаться в польские дела и не позволять России господствовать в Польше.¹ Обрезкову приходилось бороться против влияния французского посланника на Порту, которая, между прочим, попыталась было протестовать против избрания Понятовского. Положение русского дипломата в Константинополе становилось довольно затруднительным, потому что с разных сторон, между прочим и от крымского хана, Порта получала предостережения, в которых указывалось на возрастающее могущество России и усиливающееся влияние ее в Польше. В Турции начали являться беглецы из Польши, спасавшиеся от крутых мер Репнина и русских военачальников. К Обрезкову часто обращались с упреками, требовали объяснений. С подобными же затруднениями боролся в Крыму русский консул Никифоров. Хан Керим-Гирей не переставал вооружать Порту против России; то же самое делали австрийский посланник Пенклер и французский Вержен. К тому же прусский посланник Рексин начал хлопотать о заключении прусско-турецкого союза, что внушало русскому правительству некоторое недоверие к Фридриху II и не соответствовало в точности видам короля.²

При таком положении дел Обрезков советовал Панину при вступлении русских войск в Польшу дать строгий приказ начальствующим не приближать к турецким границам никакого отряда, даже самого малочисленного, ради избежания столкновений. В октябре 1767 года молдавский

¹ Соловьев, XXV, 340—342.

² Соловьев, XXV, 340, 342; XXVI, 87—96; XXVI, 182—186.

господарь донес Порте, что в Подолию, поблизости к турецким границам, вступило большое русское войско с осадной артиллерией. Из Польши были получены от разных лиц письма, в которых говорилось, что после Бога Польша не имеет другой надежды получить помощь, как только от Порты,



Адмирал Г.Г. Спиридов.

С портрета, принадлежащего Морскому кадетскому корпусу.

и что истинные сыны отечества возлагают на нее все свое упование. Хан крымский прислал татарина, только что возвратившегося из Варшавы с

вестями, что Россия совершенно привела Польшу в свою зависимость, так что это королевство должно считать погибшим, если Порта не поспешит спасти его.¹

Таким образом, в то самое время, когда образовалась Барская конфедерация, отношения между Россией и Портой становились все более и более натянутыми. Театром военных действий в борьбе России с Польшей был южный край королевства, окруженный турецкими границами. Кречетников занял Бердичев, Апраксин взял Бар, князь Прозоровский разбил войско конфедерации при Бродах, затем, наконец, Апраксин и Прозоровский заняли Краков. Обрезков, обещавший в Константинополе удаление русских войск из Польши в ближайшем будущем, очутился в весьма неловком положении. Вскоре разрыв оказался неминуемым вследствие занятия русскими казаками, преследовавшими конфедератов, местечка Балты, находившегося на самой турецкой границе, причем было убито несколько турок, молдаван и татар; еще хуже казаки свирепствовали в Дубоссарах, где число убитых было довольно значительно.²

Обрезков всячески старался уговорить Порту не объявлять войны России, выставляя на вид, что Россия не обязана отвечать за всяких разбойников. Прусский посланник Цегелин писал в это время: «Все зависит от возможности обуздать народ, жаждущий мести».³

Требования Порты с часу на час усиливались. Сначала она требовала удаления русских войск от турецких границ, затем очищения Подолии, наконец очищения всей Польши. Миротворивый визирь был заменен склонным к войне. 25 сентября 1767 года Обрезков был приглашен на аудиенцию к новому визирю, который осыпал его упреками; затем Обрезков был арестован. Началась война.⁴

Неудача в турецкой войне могла сделаться роковой для Екатерины. Со времени ее воцарения прошло несколько лет. С одной стороны, в продолжение этого времени внутренние кризисы беспокоили императрицу, с другой — она могла гордиться успехами своей политической деятельности в Курляндии и Польше. В области дипломатических сношений Россия в это время приобрела значение и полную независимость. Теперь же она должна была подвергнуться случайностям войны.

¹ Соловьев, XXVII, 269.

² Там же, XXVII, 292 и след.

³ Reimann, 248.

⁴ Соловьев, XXVII, 300—315.



Граф А.Г. Орлов-Чесменский в мундире Кавалергардского полка
Екатеринского времени.
С портрета, находящегося в библиотеке Новгородского Юрьева монастыря.

Екатерина рассчитывала на успех. Она писала Салтыкову, сообщая ему о разрыве с Турцией: «Команды я поручила двум старшим генералам... если б я турок боялась, так мой выбор пал неизменно на лаврами покрытого фельдмаршала Салтыкова... На начинающего Бог! Бог же видит, что не я зачала. Не первый раз России побеждать врагов».¹ В письме императрицы к графу Ивану Чернышеву, находившемуся за границей, обнаруживается смелость, предприимчивость, оптимизм Екатерины. Здесь сказано: «Еще надо вам сказать одно слово. Я нахожу, что, порешив с мирным трактатом, чувствуешь себя свободной от большой тяжести, которая давит собой воображение. Тысячу поноровок, тысячу соображений и тысячу мелочных глупостей нужны, чтобы устранить турецкие крики. Теперь же я спокойна, могу делать что хочу, а Россия, вы знаете, может в значительной степени, а Екатерина II также иногда воображает себе всякого рода испанские замки, и вот ничто ее не стесняет, и вот разбудили спавшего кота, и вот кошка бросилась на мышей, и вот смотрите, что вы увидите, и вот о нас заговорят, и вот мы зададим такого звону, какого от нас не ожидали, и вот турки побиты, и вот с французами везде станут обращаться так же, как обращаются с ними корсиканцы, и вот много болтовни; прощайте, милостивый государь».²

Со свойственной ей энергией Екатерина руководила приготовлениями к войне. Особенно же заботилась она о приведении в надлежащее состояние флота. В ее письмах к Чернышеву сказано между прочим: «Я так расщекотала наших морских по их ремеслу, что они огневые стали...» Через некоторое время она писала: «У меня в отменном попечении ныне флот, и я истинно его так употребляю, если Бог велит, как он еще не был», и пр. К этому времени относится учреждение Государственного Совета, который должен был заняться приготовлениями к открытию военных действий, собиранием денег, войск, запасов. Все это соответствовало учреждению Сената в 1711 году Петром, накануне турецкой войны. И Сенат при Петре, и Государственный совет при Екатерине, как бы из временных комиссий, происхождение которых было вызвано войной, сделались постоянными государственными учреждениями.

Несмотря на все усилия оказалось, что Россия была крайне плохо подготовлена к войне. Комплект полков был далеко не полным. Военная администрация страдала множеством недостатков; значительные суммы,

¹ Соловьев, XXVIII, 8—9.

² «Русский Архив» 1871, 1324.

назначенные для содержания войска, употреблялись на другие предметы: военные припасы оказались большей частью негодными. Записки офицеров, участвовавших в походе, заключают в себе любопытные подробности о жалком положении армии, о худой пище и одежде солдат, о разных недостатках и пр.¹



Медаль, выбитая в честь Чесменской победы.
Лицевая сторона, с портретом графа А.Г. Орлова.

К счастью России, положение, в котором находилась турецкая армия, было еще более печальным. Порта объявила войну поздней осенью, значит,

¹ См. записки Кнорринга в издании Бернгарди, «Vermischte Schriften», I, 62--73, а также и «Русский Архив» 1882, I, 125 и след.

в то время, когда некоторые отряды войска малоазиатских провинций не находились вовсе в распоряжении турецкого правительства. Таким образом, Россия располагала несколькими месяцами для приготовления к походу.

Вольтер не сомневался в успехе русского оружия. В одном из его остроумных писем к графу А. С. Воронцову сказано, что теперь настала эпоха славы России, что турки будут изгнаны в Малую Азию и пр. В восторженных выражениях он говорил о способностях императрицы, в которой он видел представительницу идей просвещения и прогресса, покровительницу наук, искусств и т. д.¹

Деятельность Екатерины в это время отличалась изумительной многосторонностью. Ею были составлены вопросные пункты, лежавшие в основе при обсуждении плана военных действий, она старалась вникнуть в подробности финансовой операции, вызванной потребностями войны, то есть выпуска бумажных денег; она заботилась о всех частностях отправления в Средиземное море флота и пр.² Вольтеру она писала: «Не знаю, есть ли у Мустафы (султана) ум, но имею основание думать, что он говорит: Магомет, закрой глаза! когда он хочет предпринимать против соседей несправедливые войны, не имея к тому никакого повода. Если эта война будет успешна для нас, то я буду многим обязана Мустафе и его приверженцам, потому что они мне доставят славу, о которой я не помышляла».¹

Успехи, однако, заставляли ждать себя долго. В январе 1769 года произошло вторжение в пределы России татар, которые увели в плен несколько тысяч человек и обогатились громадной добычей. Это было последнее нашествие татар, осязательно указавшее на необходимость уничтожения их самостоятельности и расширения пределов России до берегов Черного моря. Такая цель была достигнута лишь через два десятилетия.

Не раньше как весной 1768 года русское войско, предводительствуемое Голицыным и Румянцевым и сильно страдавшее от непогоды, дошло до турецкой границы. Предположение Румянцева завладеть Очаковым и занять Крым осуществилось лишь гораздо позже. Военные действия начались около турецкой крепости Хотина. По недостатку в пушках Голицын не мог открыть правильной осады крепости и должен был отступить обратно за Днестр, где и оставался почти в бездействии до сентября месяца, когда турки от недостатка провианта и наступивших холодов сами очистили Хотин, который и был занят русскими войсками. Голицын был ото-

¹ «Архив князя Воронцова», V, 456—457.

² «Сб. Ист. Общ.», X, 304—337.

зван, но тем не менее занятие Хотина имело благоприятные последствия. 26 сентября генерал-лейтенант Эльмпт вступил в Яссы. Жители Молдавии присягнули Екатерине, что подало ей повод к веселой шутке в письме Бибикову: «Новая молдавская княгиня вам кланяется». «Визирь, — писала она далее, — ушел за Дунай и только с ним тысяч до пяти... от Хотина до



Медаль, выбитая в честь Чесменской победы.
Оборотная сторона, с планом Чесменского сражения.

Ясс считают до двадцати тысяч турецких мертвых лошадей, кои лежат по дороге... Вся Молдавия учинила нам присягу, и скота всем досыта».²

¹ Там же, X, 309.

² «Сб. Ист. Общ.», X, 389.

Достоинны внимания относящиеся к этому времени письма Екатерины к Румянцеву. Она старалась всячески возбудить в нем честолюбие. Здесь, между прочим, сказано после некоторых замечаний об экспедиции в Средиземное море: «Если все это удастся и Бог благословит вас, то великие дела увидим в нашем веку и турецкая громада подвержена будет некоторому потрясению... На вас Европа смотрит». Узнав о взятии в плен господарей Валахии и Молдавии, Екатерина шутила: «Прошу при случае прислать самого визиря, или, если Бог даст, и самого султанского величества». Далее она указывала на необходимость занятия Бендер, что было сделано, впрочем, не раньше как в 1770 году. После занятия русскими войсками Азова и Таганрога императрицу занимала мысль о создании на Азовском море сильного русского флота, который мог бы грозить турецким владениям на берегах Черного моря и явиться в устье Дуная и у самого Константинополя. Екатерина начала думать о возможности завладения Кавказом, собирала сведения о положении Тифлиса и кавказских владений и пр.¹

В продолжение всего этого времени Екатерина в письмах к разным лицам любила говорить о цветущем состоянии России, о ее неисчерпаемом богатстве, об успехах русского оружия. Вместе с тем она подшучивала над отчаянным положением, в котором находятся турки. О вторжении татар в пределы России она говорила как о событии, не заслуживающем никакого внимания; порой она выражала сильное неудовольствие, когда в западноевропейских газетах являлись рассуждения о затруднениях, с которыми должна бороться Россия, о потерях ее в войне, о мнимых победах турок и пр.² Однажды она писала к госпоже Бельеке: «Я очень рада, что статья в газете о том, что мой флот отправится брать Константинополь, вам нравится. Правда, что это сделать несколько легче, чем схватить луну зубами, и если я завладею этим городом, то это будет, конечно, сделано для того, чтобы вам не делать отказа».³ Поздравления Фридриха II по случаю побед России доставляли императрице удовольствие.⁴ В письмах ее к Ивану Чернышеву сказано между прочим: «Много мне пушек надобно; я турецкую империю подпаливаю с четырех углов; не знаю, загорится ли и сгорит ли, но то ведаю, что со времени начатия их не было еще употреблено против их толиких хлопот и забот». Особенно подробно она писала Чернышеву о занятии Азова и Таганрога и о быстрых успехах при со-

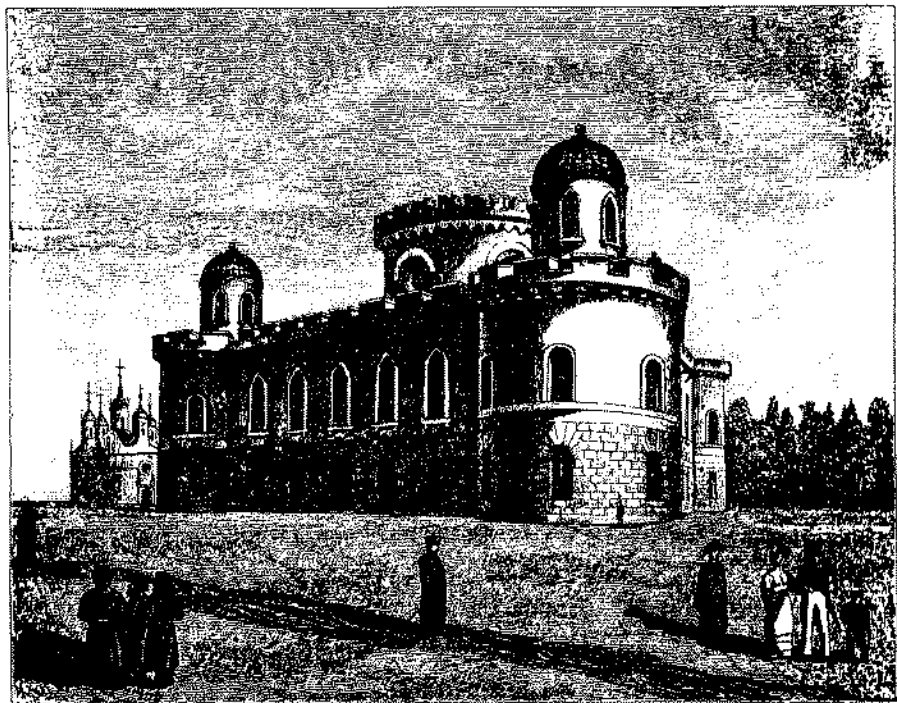
¹ Соловьев, XXVIII, 25 и след.

² «Сб. Ист. Общ.», X, 344, 351, 378, 381, 391, 397, 400.

³ Там же, X, 388.

⁴ Там же, XX, 265, 274.

оружии флота на Азовском море. «Много мы каши заварили, — сказано в другом письме, — кому-то вкусно будет». Рассказывая об экспедиции в Средиземное море и архипелаг, Екатерина говорит: «Верить не можете, с какой силой мы принялись за нынешние военные дела и сколько струн на



Чесменский дворец в Петербурге в конце 18 столетия.
С рисунка того времени Щедрина, из собрания П.Я. Дашкова.

нашу лиру натянуты, и если наши неприятели не закричат путем, то не мы, но отменное несчастье тому причиной будет... Вы видите, что у меня на уме только война да война, и что г. Сабатье (французский посланник) будет встречен, как собака, попадающая в игру в кегли» и пр.¹

Тотчас же после разрыва с Турцией возникла мысль об архипелажской экспедиции. Григорий Орлов первый заговорил об этом проекте в Государственном Совете, настаивая на том, чтобы целью войны было сно-

¹ «Русский Архив», 1871, 1328—1333.

бодное мореплавание на Черном море. Было решено вооружить против Порты ее подданных в Морее, Далмации, Черногории и пр. Вице-канцлер должен был составить список всем христианским народам, населявшим Балканский полуостров.¹

Таким образом, в Турции должно было повториться то, что происходило в Польше относительно диссидентов. Союз России с греками и прочими христианскими подданными Порты мог сделаться роковым для этой державы. Уже в XVII столетии Юрий Крижанич указывал на этот союз как на лучшее средство для уничтожения Турции. В этом же направлении действовал Петр Великий в борьбе с Портой в 1711 году; в 1736 году русский посол в Константинополе Вешняков указывал на возможность вооружения балканских христиан как на самое верное условие победы над Турцией.² Однако все эти надежды не осуществились ни при Петре, ни при Анне Иоанновне. Спрашивалось, можно ли было рассчитывать на успех при Екатерине, употреблявшей для достижения желанной цели гораздо большие средства, нежели ее предшественники.³

Уже в самом начале царствования Екатерины в турецких владениях находились русские агенты, отправленные туда, очевидно, по предложению братьев Орловых. Так, например, в 1763 году к «спартанскому народу» были посланы два грека; один из них вернулся в 1765 году и сообщил о готовности «спартанского народа» восстать против турок, лишь бы они могли рассчитывать на помощь России; по мнению агитатора, можно было тоже ожидать повсеместного бунта и прочих христианских подданных Порты в случае появления у берегов Турции русского флота, раздачи инсургентам оружия и пр.; подобные сведения собирал в дунайских княжествах агитатор-лазутчик болгарин Каразин.

Английский дипломат Каскарт доносил, что сначала такое предприятие показалось Екатерине слишком смелым, но что затем она решилась приступить к осуществлению обширного проекта. В России надеялись, что Морю, Албанию, Эпир и острова в архипелаге сделаются театром повсеместного восстания. В случае удачи Россия могла бы диктовать Турции условия мира. Есть основание думать, что в России мечтали о присоединении к ней турецких областей; быть может, у Григория Орлова и Екатерины явилась мысль и об окончательном уничтожении Турции.⁴

¹ «Архив Госуд. Совета», I, 355—357.

² «Древняя и Новая Россия». 1877. II, 266—267.

³ «Арх. Гос. Совета», 356—395, «Сб. Ист. Общ.», I, 1—169.

⁴ См. Бернгарди, «Vermischte Schriften», I, 115—117. «Русский Архив», 1873, 62.



Чесменская битва.

Стравюра 19-го века Кано и Ватса, сделанной с картины Платона.

Для достижения этой цели нужен был флот. Между тем морское вооружение России находилось далеко не в удовлетворительном состоянии. Со времени Петра Великого немного было сделано для сохранения в надлежащем состоянии флота. Екатерина в 1765 году, в Кронштадте, могла убедиться в недостатке флота; она писала Панину: «У нас в излишестве кораблей и людей, но мы не имеем ни флота, ни моряков». Поражая резко неловкость, с которой маневрировали военные суда в ее присутствии, императрица заключила свое письмо следующим замечанием: «Надобно сознаться, что корабли походили на флот, выходящий каждый год из Голландии для ловли сельдей, но не на военный, так как ни один корабль не умеет держаться в линии».¹

В первых месяцах 1769 года вопрос о сооружении флота сделался предметом оживленных прений в Государственном Совете. Сама императрица представляла записки, вопросные пункты для обсуждения в собрании. Руководителем экспедиции назначили графа Алексея Орлова, находившегося в это время для поправления своего здоровья в Италии. Для исполнения возложенного на него поручения он получил весьма значительные суммы денег, которыми мог распоряжаться по своему усмотрению. Бесчисленное множество рескриптов и писем Екатерины к Орлову, к другим адмиралам и государственным людям, свидетельствует об участии, которое она принимала в деле архипелажской экспедиции. Ею были составлены списки тем лицам, которые в качестве агитаторов должны были действовать в турецких владениях; она лично давала Орлову все время инструкции, выставляя между прочим на вид, что нужно действовать осторожно, что нужно по возможности начать бунт одновременно во всех провинциях Турции; она давала советы относительно способа революционной пропаганды, распределения оружия и военных снарядов между инсургентами; после того как еще в начале 1769 года греки обратились к императрице с адресом, она не сомневалась в успехе.²

В июле 1769 года первая эскадра, под начальством адмирала Спиридова, отбыла из Кронштадта; за ней следовала вторая — под начальством Эльфинстона, только что вступившего в русскую службу; весной 1770 года наконец отправилась третья. С лихорадочным волнением Екатерина все время следила за движением эскадр; ее раздражала медленность действий адмиралов; она постоянно говорила о необходимости торопиться для более

¹ «Сб. Ист. Общ.», X, 23—25.

² «Сб. Ист. Общ.», II, 284—286.



Comte de Toullem
Son Excellence Monsieur Le Comte
General en Chef, des Armées
toutes les Russies, Chevalier

Comte de Toullem del. et sculp. 1783
Alexis d'Orloff Chesmensky
de Sa Majesté Impériale de
de Ses Ordres &c. &c. &c.

Граф А.Г. Орлов-Чесменский.
С портрета, гравированного в 1783 году Тоуллем.

успешного нападения на «медведя в берлоге». Все новые и новые эскадры, транспортные суда, запасы оружия были отправляемы из Кронштадта.¹

Весьма важным обстоятельством для России было расположение к ней Англии, которая на этот раз не желала препятствовать успехам России в борьбе с Турцией. Исполненная надеждой и гордостью, Екатерина писала графу Алексею Орлову: «Европа вся дивится великому нашему подвигу и с любопытством обращает теперь на вас, исполнителя оногo, свои взоры; беспристрастные все радуются успехам нашим и желают оным распространения и прочности; напротив того, державы, славе и возвышению империи нашей завидующие и на нас за то злобствующие, раздражаясь от часу более в неистовой своей ненависти, усугубляют, вопреки, коварства и ухищрения свои».²

Архипелажская экспедиция сильно не понравилась французам; осенью 1769 года в Париж приехал итальянец граф Томатис, служивший у польского короля распорядителем придворных зрелищ, и рассказывал, что русские на основании своих успехов в Турции поговаривают уже о разделе завоеваний; а именно: за собой оставляют Азов, Таганрог и право свободной торговли по Черному морю; король польский получит Молдавию и Валахию; венский двор получит часть Валахии, а за берлинским двором останется епископство Вармийское. Томатис уверял, что между Россией, Австрией и Пруссией уже заключен дружественный договор.³

Напротив, Англия сочувствовала предприимчивости России. Английский министр Рочфорд в разговоре с русским посланником Чернышевым сказал: «Какое смелое предприятие. Как бы я желал, чтоб мы были теперь в войне с Францией: два соединенных флота наделали бы прекрасных вещей!» Но когда английский посол при русском дворе лорд Каскарт сообщил своему министерству о существовании в Петербурге проекта образования из Крыма, Молдавии и Валахии независимых государств для ограждения от Турции, то Рочфорд отвечал ему, что такой план не вполне соответствует умеренности петербургского двора и заявленному им нежеланию расширять русские границы; легко усмотреть, что такие независимые государства в сущности будут в полной зависимости от России. Рочфорд сделал Каскарту внушение, чтобы он не очень увлекался удивлением к высокому характеру русской императрицы и некоторых ее министров, а предполагал бы в них известную долю честолюбия.⁴

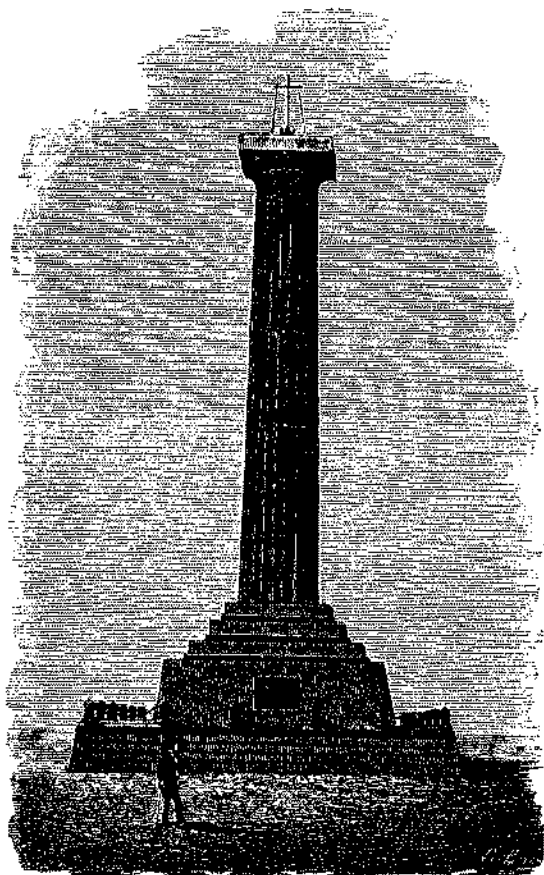
¹ Там же, I, 40. Соловьев, XXVIII, 36 и 37.

² «Сб. Ист. Общ.», I, 40.

³ Соловьев, XXVIII, 94.

⁴ Соловьев, XXVIII, 103.

Хотя Шуазель и представил кабинету Людовика XV записку, в которой было указано на необходимость уничтожения русского флота до достижения им Гибралтарского пролива, Франция не препятствовала предпринятию России. Король и прочие министры не одобряли проекта нападения на русский флот, и таким образом русские эскадры спокойно продолжали свой путь к берегам Балканского полуострова и островам архипелага.¹



Памятник в честь Кагульской битвы, воздвигнутый в Бессарабии,
в колонии Валкоништах.
С гравюры начала 19-го века.

¹ Zinkeisen, «Gesch. d. osman. Reiches», V, 929.

Впрочем, оказалось невозможным возбудить повсеместное восстание христианских подданных султана. С одной стороны, виновниками неудачи были руководители-агитаторы, не умевшие взяться за дело, с другой — мешали успеху склонность к грабежу и насилию и отсутствие порядка у греков. Высадка, сделанная русскими войсками в Морее, где тотчас же началась резня между греками и турками, не увенчалась успехом. Греки действовали без определенного плана, случайно, не соблюдая дисциплины; им не была вовремя оказана помощь со стороны русских войск. Греки сделались добычей кровопролитного мщения турок. Алексей Орлов в самых резких выражениях порицал образ действий инсургентов при этом случае. И Екатерина не без раздражения жаловалась на то, что «греки не хотели извлечь себя из-под ига порабощения».¹

Вольтер сравнивал нападение России на Турцию с походом Ганнибала против римлян. Екатерина в ответном письме заметила: «Карфагеняне имели дело с колоссом, который был в полной силе, тогда как мы стоим против слабого призрака, которого все части распадутся по мере того, как к ним прикасаешься».²

Победы России в июне и июле 1770 года доказали справедливость замечания Екатерины. Она писала в начале 1770 года: «Победа враг войны и начало мира: победой истребляется война и прокладывается путь к миру».³ В продолжение нескольких дней турки три раза были разбиты русскими.

После неудачной высадки в Морее русский флот находился у Наварина; форт этого города был взорван русскими. Алексей Орлов писал императрице: «Ежели Богу угодно будет сокрушить флот неприятельский, тогда стараться станем и употребим всю возможность опять союзно действовать с обитающими народами под державой турецкой, в той стороне, где будет способнее... Если флот победим, тогда и денег не надобно будет, ибо будем господами всего архипелага и постараемся оголодать и Константинополь».⁴

Преследуя турецкий флот, Орлов застал его у острова Хиуса. Здесь он одержал над ним блестящую победу (24 июня). Два дня спустя ему удалось сжечь весь турецкий флот в Чесменской бухте.

Известие об этих событиях произвело глубокое впечатление в Петербурге. Даже Петр Великий не имел такого успеха на море. В разных

¹ «Сб. Ист. Общ.», I, 43, замечание и стр. 51.

² Там же, X, 401.

³ Соловьев, XXVIII, 105.

⁴ Там же, XXVIII, 132.

письмах Екатерины обнаруживаются ее радость и восторг по поводу этой победы над турками: «Дивен Бог в чудесах своих! — сказано в ее письме к Румянцеву. — Мало в свете слыхано подобного. Мы 14-го сего месяца (сентября) Богу приносим благодарение, а на другой день была соборная



Медаль, выбитая в честь фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского.
Лицевая сторона, с портретом Румянцева.

панихида Петру Великому, основателю флота и первому виновнику ссй ювой для России славы. Мы плодом его трудов пользуемся» и пр.¹ Предводители флота были осыпаны наградами. Орлов назван Чесменским. Сама императрица старалась придумать надпись для памятника, поставленного в Царском Селе в честь Орлова и в память Чесмеиской битвы. Вольтеру

¹ Соловьев, XXVIII, 135—136.



Станислав-Август Понятовский, король польский.
С гравюры Клаубера, сделанной с портрета, писаного в 1797 году г-жей Виже-Лебрен.



ГЕНЕРАЛЪ ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
ГРАФЪ ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
РУМЯНЦОВЪ ЗАДУНАЙСКІЙ.

Родился 1725 г. Января 4^{го} дня, скончался 1796 г. Октября 8^{го}.

Сынъ Его Величества
Императора Александра
отъ Государственной супруги
Императрицы Екатерины.

GENERAL FIELD MARSHALL
COUNT PETER ALEXANDROVITSH
ROMANSOFF ZADOUNAISKI.

Born January 4th 1725 Died December 8th 1796

Is his Son the Grand Maitre de la Cour
This title is hereditary reserved
by his Imperial Majesty
Alexander IInd

Граф П.А. Румянцев-Задунайский.

С гравюры Валькера, сделанной с портрета, писанного Левициком.

Екатерина писала, сообщая ему некоторые подробности о Чесменской битве: «Что касается до взятия Константинополя, то я не считающего столь близким, однако в этом мире, говорят, не нужно отчаиваться ни в чем. Я начинаю верить, что это зависит более от Мустафы, чем от всякого другого... если он будет по-прежнему упорствовать, то непременно доведет свою империю до больших бед. Он забыл свою роль, он зачичник».¹

Уничтожение турецкого флота в Чесменской бухте в 1770 году может быть сравнено с поражением, нанесенным туркам в 1571 году при Лепанто соединенными флотами Испании, Венеции и пр. После битвы при Лепанто не осуществились надежды, возбужденные в противниках Порты этим событием. Совершенно так же и Чесменская битва не повела к желаемой цели, то есть к заключению выгодного мира. Русский флот после крайнего напряжения сил нуждался в отдыхе. Барон Тотт, агент Франции, помог туркам укрепить Дарданельский пролив. Быть может, Алексей Орлов не сумел воспользоваться выгодой своего положения, быть может, он имел бы возможность принудить Порту к заключению выгодного мира, если бы со всем русским флотом, непосредственно после Чесменской битвы, появился у стен Константинополя. Слухи о дальнейших успехах Орлова оказались лишними основания.

Вскоре после Чесменской битвы русским удалось нанести туркам страшные удары и на сухом пути.

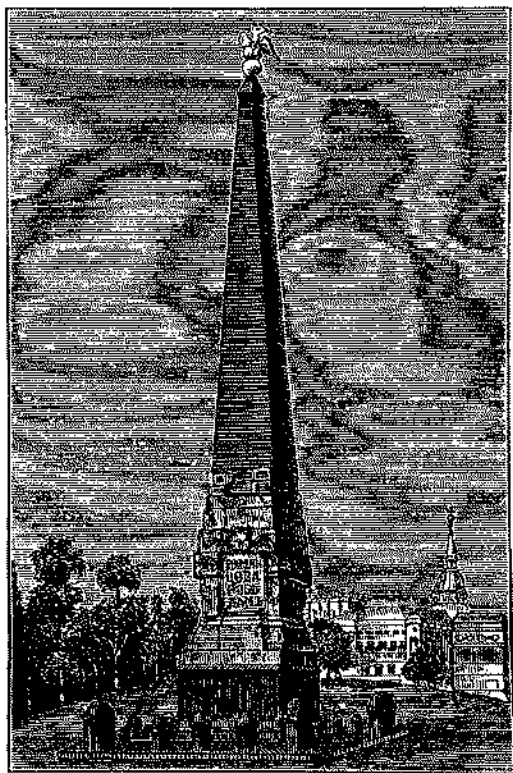
Екатерина с напряженным вниманием следила за операциями русских войск на Дунае. Узнав об опустошении дунайских берегов русскими войсками, она выразила желание, чтобы войска при своих действиях руководствовались началами кротости и гуманности. Вскоре она была обрадована известиями о победах, одержанных Румянцевым при реке Ларге (7 июля) и при Кагуле (21 июля). Великий взырь едва спастись поспешным отступлением за Дунай. Осенью графу Петру Панину удалось взять Бендеры. Ранее этого сдались другие укрепленные места, как-то: Измаил, Килля, Аккерман; немного позже русские заняли Браилов.

Румянцев имел дело с турецким войском, численностью далеко превосходившим русскую армию. Тем большее значение имели его победы. В записках Румянцева встречается замечание, что Кагульская битва, устранившая опасность, грозившую России, может именно в этом отношении быть сравнена с Полтавской битвой 1709 года.²

¹ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 41—42.

² «Русская Старина», II, 129.

Екатерина в своих письмах к Вольтеру, к госпоже Бьельке и прочим заботилась о распространении в Западной Европе подробных известий о победах России, примешивая к своим рассказам остроумные замечания и шутки, выставляя на вид, что Россия вовсе не чувствует бремени войны, восхваляя подвиги русских полководцев и адмиралов и пр. В одном из



Обелиск в честь Румянцева, в его первоначальном виде,
на Царицыном лугу в С.-Петербурге.
С гравюры начала 19-го века.

писем к Вольтеру, писанных до взятия Браилова, сказано между прочим: «Повторения наскучают; я вам так часто рассказывала о взятии того или другого города, о поражении турок в таких-то местах. Для забавы, говорят, нужно разнообразие, ну, так знайте же, что ваш любезный Браилов

был осажден, что к нему был приступ, что этот приступ был отбит и осада снята».¹

Понятно, что Фридрих II с самым напряженным вниманием следил за ходом русско-турецкой войны. Неоднократно он поздравлял Екатерину с одержанными ею победами. Так, например, он писал однажды: «Средиземное море, покрытое русскими кораблями, и ваши знамена, распущенные на развалинах Спарты и Афин, будут вечным памятником, свидетельствующим потомству о величии вашей славы и блеске вашего царствования. Константинополь, трепещущий при виде русского флота, и султан,



Медаль за участие в Чесменском бое. 1770

вынужденный подписать мир, какой предпишет ему ваша умеренность, довершат этот памятник славы. Все это ставит ваше величество наряду с величайшими людьми, каких произвела вселенная». В другом письме сказано: «Я должен поздравить ваше величество не знаю уже со сколькими победами морскими и на суше; число их делает то, что их смешивают; моя скромность заставляет меня ждать полной полдюжины, чтобы не докучать вашему величеству, приветствуя вас с мелкими подробностями этих побед, на которых бы уже зиждилась слава других монархов» и т. п.²

Успехи похода 1770 года заставляли императрицу и ее министров надеяться на скорое окончание войны. Возникла мысль об освобождении Крымского полуострова от всякой связи с Турцией, о превращении татарского ханства в независимое государство и о присоединении его после этого

¹ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 46.

² Там же, XX, 274, 277, 309, 311.

к России. Далее, русское правительство начало рассуждать на право свободного плавания по Черному морю. Екатерина настаивала на необходимости занятия Керченского пролива, кроме того, она выразила желание приобрести несколько укрепленных мест в архипелаге; заговорили о выгодах свободного сообщения России через Черное море со Средиземным.



Князь В.М. Долгорукий-Крымский.
С портрета, принадлежащего княгине Е.П. Кочубей.

Начались переговоры с крымским ханом. Екатерина надеялась, что Крым сделается чем-то вроде вассального государства России. Старания

ее увенчались успехом. В Крыму образовалась русская партия. Петр Панин, в то время когда он был занят осадой Бендер, находился в сношениях с Крымом и действовал на татар для достижения целей России.¹

В то же самое время начались переговоры о мире с Портою. Особенно Григорий Орлов говорил о необходимости скорого окончания войны; Екатерина также желала избежать третьего похода и собственноручно составила записку о средствах к достижению этой цели.² В дипломатических сношениях с разными державами обсуждался вопрос об условиях мира с Турцией. Однако переговоры не повели ни к какому результату; приходилось продолжать военные действия.

В ноябре 1770 года Григорий Орлов представил Совету план военных операций, состоявший в том, чтобы производить строение судов не только для перехода через Дунай, но и для нападения на Константинополь, чтобы этим смелым действием принудить Порту заключить мир по воле победителя. Далее, Совет признавал за нужное учинить сильное предприятие на Крым. За сооружением флота должен был наблюдать англичанин Наульс (Knowles). Екатерина, как видно из множества писем ее, зорко следила за ходом этого дела.³

Во время похода 1771 года Дунайская армия находилась в чрезвычайно затруднительном положении и не имела успеха. Зато князь Долгорукий и в качестве дипломата, и в качестве полководца действовал весьма успешно в Крыму. Им были заняты Перекоп, Евпатория, Керчь. Переговоры с татарами приняли благоприятный оборот. По крайней мере временно Россия управляла Крымским полуостровом. 17 июля Екатерина была обрадована прибытием в Петербург одного из трех курьеров с известиями об успешных действиях русского оружия в Крыму. В письме к Долгорукому сказано между прочим: «Благодарствую вам и за то, что вы не оставили мне дать знать, что вы уже подняли русский флаг на Черном море, где давно не казался, а ныне веет на тех судах, кои противу нас неприятель употребить хотел и трудами вашими от рук его исторгнуты».⁴

Оказалось, однако, что было легче иметь перевес в войне, чем достигнуть желанных целей в области дипломатического искусства. Превращение Крыма из вассального государства Турции в независимую, то есть в находившуюся под влиянием России область было нелегко. Шагин-Гирей

¹ Соловьев, XXVIII, 119—125.

² Там же, XXVIII, 147—148.

³ Там же, XXVIII, 212—217.

⁴ Соловьев, XXVIII, 237.

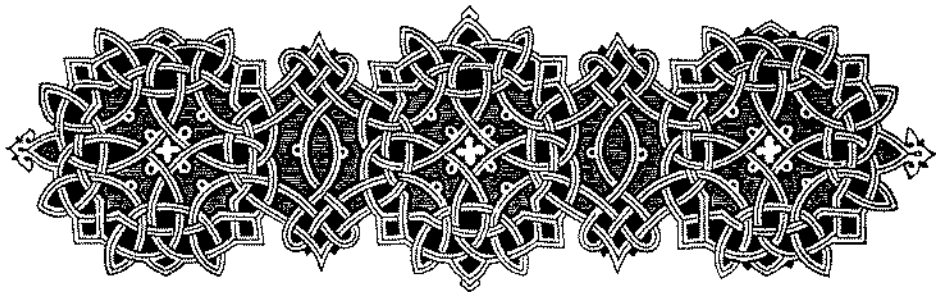
явился для переговоров в Петербург, где всячески старались приобрести расположение татар.

В марте 1771 года Алексей Орлов прибыл в Петербург для представления отчета о положении дел в архипелаге. В одном заседании Государственного Совета он высказался против приобретения какого бы то ни было архипелажского острова. В это время в руках русских находилось не менее 20 островов в архипелаге. Екатерина выразила желание удержать за собой по крайней мере один из этих островов, «чтобы турки постоянно имели перед глазами доказательство перевеса России и держали себя умеренно». Спиридов говорил в пользу приобретения острова Пароса.¹

Заключению выгодного мира препятствовали затруднения разного рода.



¹ Там же, XXVIII, 237.



Глава IV. Раздел Польши. Окончание турецкой войны



России в это время не было недостатка в противниках. Особенно упорно Франция старалась действовать в ущерб русским интересам.

Екатерина сочувствовала инсургентам в Корсике, их вожаку Паскалю Паоли. Между ее бумагами был найден проект манифеста к корсиканцам.¹ В ее письмах к Ивану Чернышеву встречаются нередко отзывы, свидетельствующие о ее внимании к Паоли и его приверженцам. Императрица в это время изучала карту Корсики; она желала приобрести портрет Паоли. Не без раздражения говорила она о «нечестивых», о «проклятых наших злодеях, мерзких французах».²

В продолжение всего этого времени Шуазэль противодействовал видам России в Константинополе. Он отправил туда полковника Валькруассана с поручением помогать туркам в борьбе против России; в этом же направлении трудился барон Тотт. Такие же инструкции получали французские агенты в Польше. Между Шуазёлем и русским послом в Париже Хотинским происходили порой недоразумения. Шуазэль старался вовлечь и Австрию в борьбу против России. Узнав об отправлении русского флота в архипелаг, Шуазэль насмешливо сказал прусскому посланнику, барону Гольцу: «Слышали вы о новом феномене, о русском флоте? Вот и новая морская держава появи-

¹ «Сб. Ист. Общ.», X, 322—323.

² «Русский Архив», 1871 г., 1318, 1319, 1321, 1331.

лась!» Однако в то же время Хотинскому пересказали следующий отзыв Шуазёля: «Это предприятие романтично, но нельзя не признать, что оно имеет основание и на него хорошо смотрят, дорого оно, и не думаю, чтоб много этим было сделано, но все-таки это блестящая экспедиция».¹



Суворов у крымского хана Хагин-Гирея.
Гравюра Т. Шевченко к книге Полевого "История Суворова", 1842.

Козни французов возбуждали гнев императрицы; в одном из ее писем к Алексею Орлову сказано: «Наши враги, французы, теперь мечутся как угорелые кошки, однако, в противность их желания, Бог благослови

¹ Соловьев, XXVIII, 93.

наше дело счастливым и скорым окончанием». ¹ В одном письме к госпоже Бьельке Екатерина жалуется на то, что «французские собаки командуют поляками». ² Падение Шуазёля в конце 1770 года сильно обрадовало Екатерину. Однако и преемник Шуазёля, герцог Эгильон, не благопритествовал России и старался препятствовать заключению выгодного мира с Турцией. В беседе с Хотинским Эгильон порицал стремление России овладеть Константинополем, протестовал против так называемой независимости тагар и против проекта раздела Польши. ³

Гораздо уступчивее была Англия. Отношения России с этой державой оставались дружественными. Победы русских войск и эскадр не возбуждали неудовольствия Англии. Зато там не понравилось намерение России образовать из Крыма, Молдавии и Валахии независимые государства, потому что, как писал Рочфорд английскому послу Каскарту, «независимость такого рода в сущности немыслима иначе, как при новой зависимости от России». ⁴ Каскарт старался собрать сведения о предположениях России при отправлении флота в архипелаг. Когда он узнал о замечании Панина, что едва ли можно ожидать одобрения Англии по случаю решительных побед, одержанных Россией над Турцией, он спешил уверить графа в том, что Англия искренне желает России дальнейших успехов. В инструкции, составленной английским министерством для посланника Гуннинга, сказано: «Каков бы ни был исход настоящих переговоров, вы не преминете изгладить в уме императрицы и ее министров всякое подозрение относительно того, будто бы мы питаем зависть к морским и сухопутным приобретениям, которые могут быть сделаны ею на Черном море, исключая свободный проход русским кораблям из этого моря в Средиземное». ⁵ Значит, уступчивость Англии имела известные пределы. Однако Англия и в отношении к успешным действиям России в Польше, и в отношении к дальнейшим событиям турецкой войны оставалась спокойным и благосклонным зрителем. В письме Екатерины к госпоже Бьельке от 4 января 1772 года сказано: «Я так привыкла к дружбе англичан, что смотрю

¹ «Сб. Ист. Общ.», I, 81.

² Там же, XIII, 187.

³ Соловьев, XXVIII, 382—386.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XII, 460—461.

⁵ Of any territorial or maritime acquisitions she may make on the Black sea exclusive of a passage for Russian ships from that sea to the Mediterranean. Так напечатано в изд. «Сб. Ист. Общ.», XIX, 267. Русский перевод неправилен: «приобретениям, которые могут быть сделаны ею на Черном море ввиду доставления свободного прохода русских кораблей из этого моря в Средиземное».

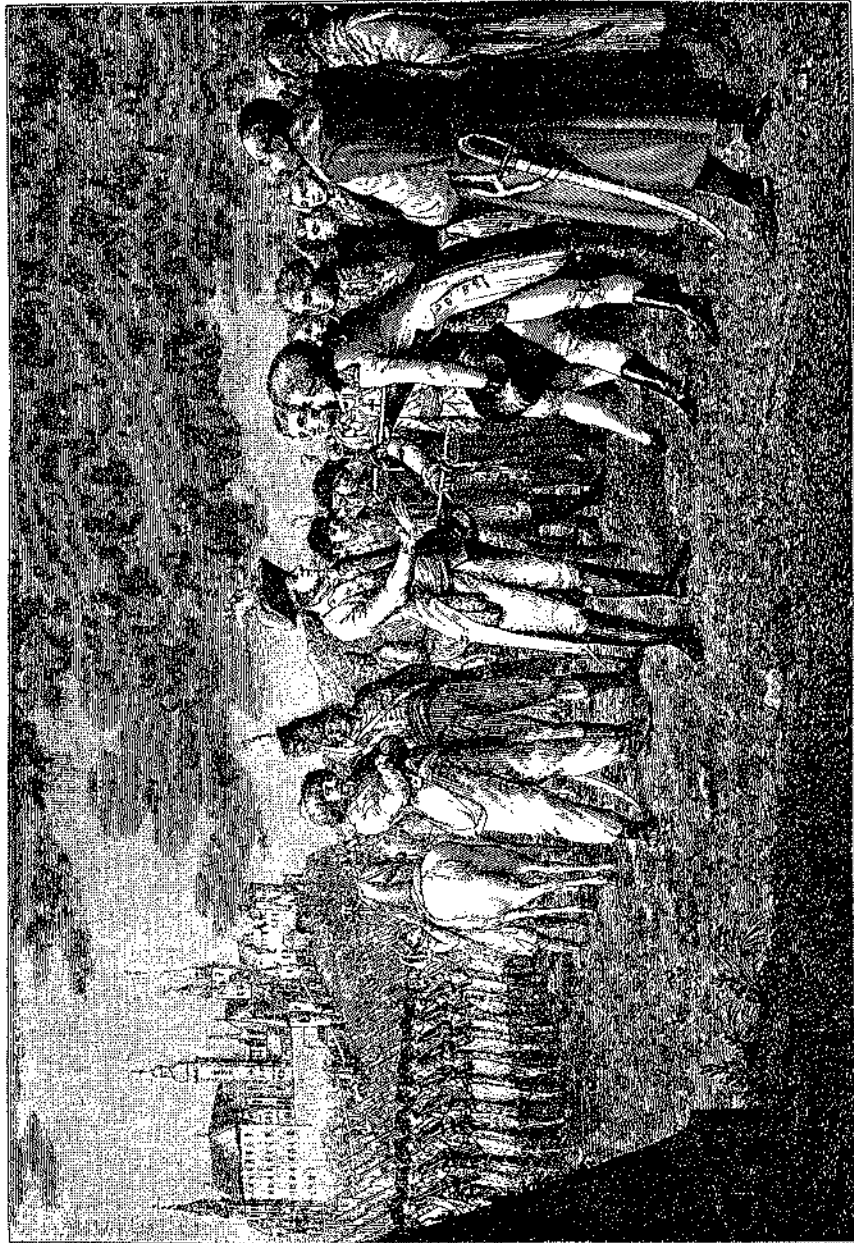
на каждого из них как на лицо, желающее мне добра, и действую, насколько от меня зависит, соображаясь с этим. Если бы Англия была так близко ко мне, как Швеция, я бы давно предприняла туда поездку, но по настоящему ее положению я отказываюсь от этого».¹



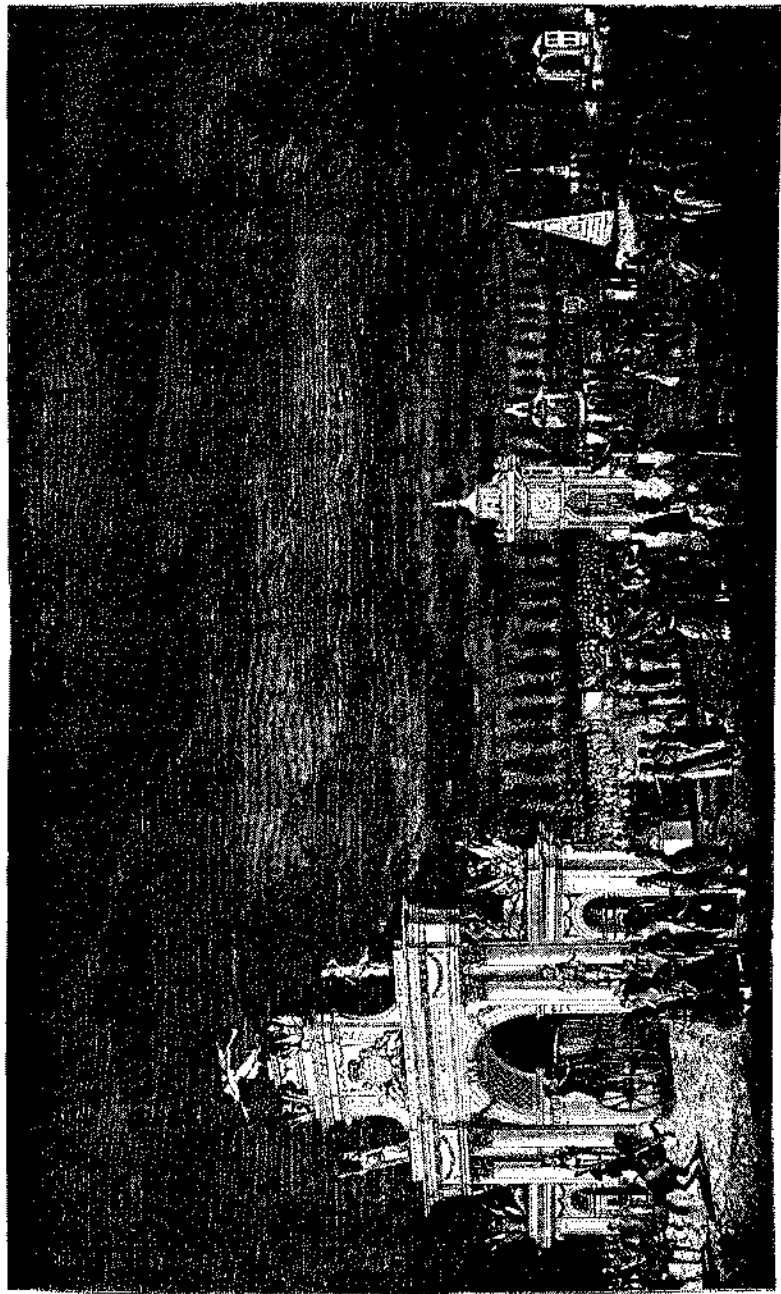
Суворов докладывает Екатерине II о планах боевых действий.
Гравюра Т. Шевченко к книге Полевого "История Суворова", 1842.

Весьма недовольна была успехами русского оружия в борьбе с турками Австрия. В Вене хорошо понимали, что каждая победа России над Портою усиливала влияние России в Польше. Венский двор желал служить посредником между Турцией и Россией. Тугут, австрийский дипломат в Константинополе, должен был внушить Порте, что Австрия не станет смотреть равнодушно на занятие Молдавии русскими войсками. Со

¹ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 209.



Изъявление конфедератами покорности Суворову, после взятия Краковского замка в 1772 году.
С гравюры 18-го века Энденера.



Иллюминация на дороге между Петербургом и Царским Селом
по случаю приезда прусского принца Генриха.
С гравюры 18-го века. из собрания П.Я. Дашкова.

стороны Порты была сделана попытка вовлечь Австрию в войну против России, однако это старание оказалось тщетным. Мария Терезия и Кауниц довольствовались тем, что Иосиф II при свиданиях с Фридрихом II в Нейссе и в Нейштадте говорил о необходимости обуздания честолюбия и страсти к завоеваниям императрицы.

Наконец, и Фридрих II был недоволен постоянно получавшимися известиями о победах России. Он видел, что чрезмерными успехами русского оружия усложняется вопрос об условиях мира. К тому же он начал тяготиться союзом с Россией и изъявлял готовность к некоторому сближению с Австрией. После решительных побед, одержанных Россией летом 1770 года, он в своих письмах к императрице начал давать ей советы, расхваливать добродетель умеренности, справедливости, уступчивости и пр. Все это легко могло повести к недоразумениям, к охлаждению дружбы между Фридрихом и Екатериной. Фридрих II сопровождал свое собственноручное письмо к императрице от 4 января 1771 года запиской, в которой было указано на пределы требований России при заключении мира с Турцией. Король в этой записке выразил желание, чтобы Екатерина отказалась от своего намерения приобрести Крым и дунайские княжества; далее, он выставлял на вид, что приобретение Россией одного из архипелажских островов было бы несовместно с интересами разных держав; затем он требовал, чтобы Екатерина не настаивала на независимости крымских татар; наконец он указывал на то, что в случае чрезмерных требований России Порты станет искать союза с Австрией и пр.¹

Из нескольких писем Фридриха II к брату Генриху, находившемуся в конце 1770 года в Петербурге, видно, в какой степени король желал окончания русско-турецкой войны. Однако из этих же писем можно усмотреть, что он в сущности не считал требования России чрезмерными. В этом смысле он говорил и с австрийским дипломатом фан-Свитеном.

Понятно, что Екатерина была раздражена запиской Фридриха II. Она написала Панину между прочим: «Во всех этих бумагах», то есть в письме и записке Фридриха, «видно большое неудовольствие, мелкая зависть и угрозы; но эти угрозы не прямо от него, а все положено на счет венского двора; но когда увидят, что угрозами ничего не выиграют, то остальное найдется само собой. Держитесь крепко и ни шагу назад: все устроится как нельзя лучше; а если увидят, что мы гонимся за миром, получим мир дурной».²

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 276 и след.

² Соловьев, XXVIII, 211—212.

Требование Фридриха, чтобы Россия после столь успешных военных действий довольствовалась двумя Кабардами, Азовом с округом и свободным плаванием по Черному морю, действительно могло считаться оскорблением. Екатерина отвечала королю несобственноручно, что не может согласиться на условия мира, предложенные королем, указывая несколько



Мария Терезия во вдовьем траурном одеянии.
Гравюра на меди Якова Шмуцера, с портрета Лю Грейе, 1770.

подробнее на притязания России. Фридрих повторил свое предостережение, замечая: «Я прошу ваше величество не смотреть на эти переговоры,

как на безделицу. Я имею причину считать их делом крайней важности, которое, если бы не повело к желанной цели, могло бы навлечь на вас войну, гораздо более опасную и трудную, чем война с турками».¹

В этом же тоне говорили о притязаниях России Кауниц в беседе с Голицыным в Вене, Лобкович в беседе с графом Паниным в Петербурге. В собственноручно составленной записке Екатерина объясняла свой взгляд на вопрос об условиях мира.² Венский двор грозил, что не останется равнодушным к требованиям России. Панин оказался несколько более склонным к уступкам, нежели императрица.

В столь затруднительном положении раздел Польши служил лучшим, если не единственным средством примирения интересов различных держав. В то самое время, когда Россия готовилась к продолжению турецкой войны, к нападению, будь это возможно, на самую турецкую столицу, в то самое время, когда можно было считать вероятным окончательный разлад между Австрией и Россией, три державы, Пруссия, Австрия и Россия, решились приступить к разделу Польши.

Фридрих II хотел во что бы то ни стало препятствовать столкновению между Россией и Австрией; он не без основания опасался быть вовлеченным в войну в качестве союзника России. Поэтому виды России не могли не беспокоить короля. Когда Австрия хотела было заступиться за Польшу, он еще более прежнего сблизился с Россией, рассчитывая на то, что уединенная Австрия едва ли решится на крайние меры, видя тесный союз Пруссии с Россией. После разрыва между Россией и Турцией король не переставал считать возможным усложнение дела, вовлечение в эту войну Австрии и Пруссии. Нужно было для избежания такой беды придумать способ удовлетворения России, приобретшей своими победами над Портою право на кое-какие завоевания. В разговоре с императором Иосифом II в Нейссе Фридрих допускал, что союз с Екатериной может сделаться для него тягостным и слишком дорогостоящим.³ Когда началась турецкая война, Фридрих писал своему брату Генриху: «Я твердо решился не принимать участия в войне, которая несколько до нас не касается и которая может доставить выгоды всякому другому, только не нам». Однако, уплачивая, в силу договора с Россией, субсидии Екатерине, он некоторым

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 301 и след.

² Соловьев, XXVIII, 256 и след.

³ Duncker, 174, 176—177, 182.



Printed in England.

THE TWELFTH | LE GÂTEAU
CAKE. | DES ROIS.

Sold by Robt. Bayne N° 53. in Fleet Street.

se trouve à Paris chez le Citoyen rue St. Charles des Grands.

Аллегорическое изображение раздела Польши.

образом все-таки принимал участие в этой войне и поэтому, в свою очередь, мечтал о кое-каком вознаграждении при дележе добычи. В Нейштадте он говорил князю Кауницу: «Эта проклятая турецкая война беспокоит меня и мешает мне. Я был бы в отчаянии видеть себя вынужденным к войне с вами; так как вы не можете спокойно смотреть на переход русских войск через Дунай, так как вы должны будете препятствовать чрезмерным успехам России, легко могло бы случиться со мной такое несчастье». Затем он говорил о своем искреннем желании, чтобы война без дальнейшего усложнения кончилась скорым заключением мира.¹

Между тем образ действий Екатерины заставлял думать, что до заключения мира было еще далеко. Фридрих писал Сольмсу: «Мне кажется, что императрица всей душой желает вовлечь всю Европу в эту борьбу». Принцу Генриху король писал, что если императрица перешагнет через Рубикон, т. е. передвинет свои войска за Дунай, то легко может разгореться пожар, конец которого ведом одному Богу. «Поэтому мир, мир чем скорее, тем лучше», — писал Фридрих. Именно это миролюбие заставило короля проповедовать Екатерине о добродетели уступчивости и этим оскорбить ее до того, что она заметила: «Никогда я не ожидала, что король сделается стряпчим турок».²

Таким образом, Фридрих в одно и то же время грозил Австрии нерасположением России и, обратно, России склонностью Австрии к разрыву. В Нейссе, сидя за обедом с императором Иосифом, Фридрих сказал, что всей Европе придется останавливать чрезмерное развитие могущества России. В Нейштадте он просил Кауница указать ему на средства внушить императрице страх; он даже предложил, чтобы Австрия прямо протестовала против перехода русских войск через Дунай.³ Узнав о требованиях России при переговорах о мире, король в беседе с бароном фан-Свитеном заметил, что заговорит теперь с императрицей в совершенно ином тоне.⁴ В то же время, однако, король не переставал испещрять свои письма Екатерине восторженными похвалами и любезностями всякого рода. Очевидно, он высоко ценил значение союза с Россией. В тесной связи со всем этим находилась поездка принца Генриха в Петербург.

Летом 1770 года, узнав о пребывании брата Фридриха II в Швеции, у его сестры-королевы, Екатерина просила короля побудить принца к посе-

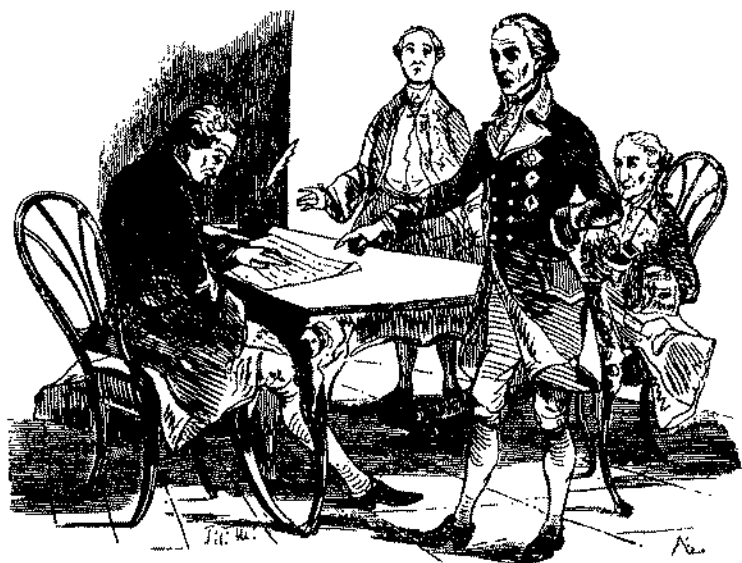
¹ Reimann, 255, 328—329.

² Beer, II, 42; 45, 54.

³ Reimann, 293, 330.

⁴ Beer, II, 15.

щению Петербурга.¹ Быть может, некоторое сближение Пруссии с Австрией, свидание короля с императором Иосифом в Нейштадте заставили Екатерину пригласить к себе принца Генриха. Король тотчас же решился исполнить желание Екатерины и в письме к брату выставлял на вид, что поездка в Петербург должна считаться делом необходимости.² В одной депеше к Сольмсу король указывал на путешествие принца как на средство к еще более тесному сближению с Россией. В сравнении с графом Сольмсом принц Генрих находился в более выгодном положении, имея возможность во всякое время без свидетелей разговаривать с Екатериной.¹



Отречение от престола польского короля Станислава.
Гравюра Т. Шевченко к книге Полевого "История Суворова", 1842.

Принц приехал в Петербург и пробыл там последние месяцы 1770 года до начала 1771 года. Екатерина обращалась с ним крайне любезно и приветливо, устраивала в честь его великолепные празднества, поездки в саних с фейерверком, маскарады и пр. Непринужденный тон в обществе императрицы, веселость, остроумные забавы в «Эрмитаже» понравились.

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 271.

² Duncker, 197.

³ Reimann, 343.

принцу Генриху. Он и лица его свиты удостоились щедрых подарков, орденов и т. д.¹

Принц Генрих произвел в Петербурге довольно благоприятное впечатление.² Екатерина писала графу Алексею Орлову: «Принц при первом свидании так был нам легок на руке, как свинцовая птица, а что умен, то уж очень умен, и сказывают, что как приглядится, то он будет обходителен и ласков; но в первый раз он был так штейф, что он мне наипаче надоел, но притом должно ему ту справедливость отдать, что штейф одна фигура его, а в прочем он все то делал, что надлежало, с большой ко всем атенцией, только наружность его так холодна, что на крещенские морозы похожа».³ В одном из писем к госпоже Бьельке Екатерина, говоря о принце, заметила: «Нужно отдать ему справедливость; этот герой нисколько не роняет своей громкой репутации; независимо от своего рождения, он человек высокого достоинства».⁴ После его отъезда Екатерина старалась узнать, был ли принц доволен своим пребыванием в Петербурге; по ее желанию граф Григорий Орлов должен был отправить принцу драгоценный подарок, картину фан-дер-Верфа, которую сопровождало письмо, написанное самой императрицей.⁵ Из других источников, например, из писем Гримма, из записок Сегюра и пр., мы узнаем, что принц Генрих чрезвычайно выгодно отзывался о Екатерине.

Разумеется, принц Генрих и императрица не раз беседовали о политических делах. Незадолго до этого совершилось занятие Ципского графства австрийцами. Венский двор открыл в Польше клочок земли, который, по его мнению, издавна принадлежал Австрии. Занимая Ципское графство (в 1769—1770 годах), Австрия давала пример другим державам, желавшим также поживиться за счет Польши. В начале января 1771 года Екатерина в беседе с принцем Генрихом как бы случайно заговорила об этом событии, и спросила шутя, почему бы другим державам не подражать примеру Австрии. В тот же вечер граф Чернышев в беседе с принцем затронул этот же предмет и выразил свое удивление скромности короля Фридриха II, который мог бы завладеть Эрмеляндией, так как каждому пригодился бы кусок Польши. Все это было сказано как бы мимоходом, в тоне шутки; однако эти разговоры служили исходной точкой для серьез-

¹ Hordt, «Mémoires d'un gentilhomme suédois». Berlin, 1788. 310—321.

² Blum, «Ein russischer Staatsmann», I, 312, 313, 315.

³ «Сб. Ист. Общ.», I, 62.

⁴ Там же, XIII, 44.

⁵ Там же, XIII, 140.

ных переговоров. Так, например, принц Генрих в разговоре с Сальдерном начал говорить сначала лишь намеками о проекте раздела Польши, объясняя выгоды тройственного союза между Россией, Пруссией и Австрией и пр.¹ Панин с радостью принялся за осуществление этих предположений.

Принц Генрих уже с давних пор сожалел о том, что его брат плагиал России субсидии, не извлекая из этого никакой выгоды; еще до своей поездки в Россию принц в письме к королю выразил надежду на какое-нибудь вознаграждение Пруссии приобретением части Польши.² Он сам впоследствии хвалился тем, что ему принадлежит главная доля заслуги при разделе Польши, и Екатерина изготовила для него даже нечто вроде свидетельства, удостоверявшего его деятельность при этом случае.³ Недаром в публике в то время господствовало убеждение, что пребывание принца в Петербурге имело самое важное значение для решения вопроса о разделе Польши.⁴

Нет сомнения, что письма принца Генриха к королю из Петербурга сильно повлияли на ход дела. Он прямо сделал брату предложение приступить к разделу Польши. Тотчас же после возвращения Генриха в Берлин король начал подробно заниматься вопросом о размерах приобретений в Польше. Фридрих поручил Сольмсу действовать с целью соглашения между Россией, Пруссией и Австрией относительно раздела Польши.⁵

Мысль о разделе Польши была общей. Ее высказывали при разных случаях. Так, например, русский посланник в Польше Волконский в марте 1770 года сказал прусскому дипломату в Варшаве Бенуа, что лучшим средством для устранения многих затруднений было бы занятие Россией и Пруссией некоторых польских провинций.⁶ Также и Сальдерн, преемник Волконского в Польше, в письме к Панину утверждал, что нельзя иначе, как путем раздела, образумить поляков.⁷ Уже в 1769 году Фридрих отправил к графу Сольмсу так называемый проект Линара о разделе Польши для обсуждения его с Паниным, не настаивая, впрочем, впоследствии на подробном разборе этого проекта.⁸

Благодаря образу действий России в Польше со времени вступления на престол Екатерины, вопрос не столько заключался в уничтожении са-

¹ Duncker, 210—213.

² Reimann, 351.

³ Соловьев, «Падение Польши» (нем. изд.), 150.

⁴ Hordt, «Mémoires», 321.

⁵ Arneht, VIII, 195, 294, 300.

⁶ Reimann, 311.

⁷ Там же, 408.

⁸ Schlözer, 111—114. Duncker, 178—180.

мостоятельности Польши, сколько в том, возможно ли было для других держав, для Австрии и Пруссии, предоставить России исключительно всю власть над Польшей. Самой близкой мыслью явилось желание участвовать в дележе добычи. В это же время Австрия была занята мыслью о разделе Турции.¹ Желание приобрести кое-какие турецкие владения заставило Иосифа II в 1780 году сблизиться с Россией. Стремление к присвоению кое-каких польских провинций повело к заключению союза между Екатериной и Фридрихом II.

Вся Польша в это время уже находилась фактически в руках России. Пруссия поневоле должна была спешить с решением участвовать в разделе.

Противники России в Польше напрасно рассчитывали на помощь Турции. Екатерина настаивала на том, чтобы русские войска заняли некоторые важные крепости в Польше под предлогом отражения ожидаемого вторжения татар; в сущности же этим самым императрица хотела укрепить владычество России над Польшей. Россию там ненавидели. Русские дипломаты находились в весьма затруднительном положении. Репнин называл то время, которое он провел в Польше, каторгой. Жалобы на насилия русских не прекращались. Король находился в самом отчаянном положении и во многих письмах к императрице сетовал на свою горькую долю. Екатерина отвечала, что, заступаясь за диссидентов, исполнила свой долг. Несколько раз Станислав говорил о своем намерении отказаться от престола; однако Россия не соглашалась на перемену, потому что нуждалась именно в таком польском короле, каков был несчастный любимец Екатерины.²

В Польше начали предвидеть исход дела. Французский резидент в Данциге Жерар доносил, что король польский предлагал дворам берлинскому и венскому кое-какие провинции Польши на том условии, чтобы они защитили его от насилия России, чтобы они гарантировали наследственность польской короны и пр. Когда Австрия захватила Ципское графство, в Польше стали думать, что непосредственно за тем последует раздел Польши. Вскоре в Польше появились и прусские войска. На помощь Франции нельзя было рассчитывать. Действовать самостоятельно было невозможно. Всякое движение поляков было останавливаемо тотчас же угрозами и крутыми мерами России. Русские войска неустанно преследовали и рассивали конфедератов. В особенности отличался Суворов,

¹ Arneth, VIII, 339.

² Соловьев, XXVIII, 58—82.

взявший штурмом последний оплот коифедератов — Краковский замок. Екатерина писала королю, чтобы он не рассчитывал на помощь Фраиции.¹

Великим державам оставалось только условиться относительно добычи, которую должна была получить каждая из них. Петербургский двор твердил Пруссии: «Так как Австрия подала пример, оторвала кусок Польши, то Пруссия и Россия сделали бы ошибку, не следуя этому примеру: нет сомнения, что в берлинском архиве найдутся кое-какие документы, на основании которых Пруссия могла бы потребовать уступки кое-какой польской провинции, а в Петербурге найдутся, вероятно, бумаги, которые заставят Россию настаивать на присоединении к России некоторой части Польши». Сольмсу было сказано, что Россия считает себя вправе рассчитывать на вознаграждение за расходы многолетней войны в Польше и Турции. Довольно точно были при этом определены размеры притязаний России. Современников удивляла решимость, настойчивость Екатерины, руководившей всем этим делом.²

Однако и действия Фридриха II отличались смелостью и решимостью. Он требовал, чтобы Сольмс всячески старался доставить ему кусок Польши. «Если бы даже это была небольшая частица, — писал Фридрих, — которую вы бы могли выхлопотать мне, все-таки это служило бы некоторым вознаграждением за те суммы денег, которые я все время уплачивал России».³ Фридрих II тем охотнее соглашался на раздел Польши, что этим самым можно было убавить приобретения России в Турции. «Для России все равно, — писал король, — откуда она получит вознаграждение за расходы турецкой войны; а так как эта война была следствием польских смут, то пусть Россия ищет вознаграждения именно в Польше». Король обратился к графу Финкеиштейну с вопросом, нельзя ли внушить Австрии мысль о присоединении к Ципскому графству еще кое-каких польских земель. «Если бы, — прибавил король, — Австрия согласилась на это, то и мы могли бы претендовать на более значительное приобретение». «Мы не остаемся с пустыми руками, — заметил Фридрих немного спустя, — если вообще дело дойдет до раздела Польши». Нужно было придти к некоторому соглашению с Австрией. В разговоре с австрийским посланником Фридрих сказал: «Велите посмотреть в ваших архивах, не найдутся ли там кое-какие притязания на то или другое польское воеводство, которое могло бы вам пригодиться. Поверь-

¹ Соловьев, XXVIII, 177—192.

² Reimann, 367, 377.

³ Reimann, 384.

те мне: нужно воспользоваться случаем; я возьму свою долю, Россия свою» и пр.¹ Говоря о своем желании присоединить город Данциг к Пруссии, король писал Сольмсу: «Авиньон принадлежал папе, а французы все-таки взяли этот город; Страсбург был вольным городом, а Людовик XIV, не стесняясь этим, завладел этим местом. Мало ли подобных случаев в истории?»²

Соглашение относительно Польши оказалось делом необходимости для избежания столкновений между Австрией, Пруссией и Россией по поводу усложнения русско-турецких дел. Екатерина не хотела посредничества Пруссии при заключении мира с Турцией и не допускала, чтобы Австрия хотя бы сколько-нибудь помешала ей пожинать плоды побед, одержанных ею над Турцией. В Австрии не столько желали препятствовать присоединению Крыма к России, сколько считали опасной всякую перемену в Молдавии и Валахии. В Вене даже возникла мысль присоединиться к Порте для борьбы против России. Сама императрица-королева, до этого не соглашавшаяся на заключение союза с неверными, начала серьезно мечтать о средствах, чтобы препятствовать дальнейшим успехам русского оружия. Кауниц утверждал, что кроме Австрии не было ни одной державы, которая могла бы спасти Турцию. Таким образом, Австрия решила на заключение союза с Турцией.³ При таких обстоятельствах можно было считать вероятным разрыв между Австрией и Россией.

Екатерина все время держала себя твердо и со свойственной ей гордостью. Панин в беседе с Сольмсом заметил, что Россия никогда не допустит, чтобы Австрия предписывала ей законы. Фридрих, желавший во что бы то ни стало препятствовать разрыву между Австрией и Россией, старался успокоить венский двор предложением участия в разделе Польши. Во время переговоров по этому вопросу оказалось, что относительно страсти к завоеваниям Австрия несколько не уступала ни Пруссии, ни России.⁴

Известно, что Мария Терезия в течение некоторого времени затруднялась участвовать в разделе Польши. Затем она дала свое согласие.⁵ Раздел состоялся в силу договора, заключенного между тремя державами 5 августа 1772 года. Польша лишилась около 4000 квадратных миль и 5

¹ Там же, 385—391.

² Там же, 425.

³ Beer, II, 26, 32, 37.

⁴ Beer, II, 173.

⁵ См. кое-какие подробности у Соловьева, XXVIII, 252 и след.

миллионов с лишним жителей. Ей оставалась территория в размере 6000 квадратных миль с 9 миллионами жителей. Россия приобрела именно те области, на которые указывал Чернышев за несколько лет до раздела, то есть белорусские области на Двине и Днепре в размере 1775 квадратных миль с 1 800 000 жителей. Даже противники России восхваляли ловкость политических действий Екатерины. Кауниц в то время, когда был заключен договор о разделе Польши, писал князю Лобковичу: «Я смотрю на нынешнюю политическую систему русского двора во всем объеме ее, как на образец политической мудрости; эта система отличается во всех отношениях обдуманностью, совершенством и единством мысли».¹

Настаивая на удержании Польши в прежнем состоянии, заступаясь за польских диссидентов, стремясь к превращению Польши в зависимое от России государство, Екатерина достигла весьма важного результата. Прежняя мысль императрицы о превращении всей Польши, так сказать, в провинцию России, оказалась неудобноосуществимой. Склонность Пруссии к сохранению мира, нерасположение Австрии заставили Екатерину уступить некоторую долю добычи обеим этим державам.² В сущности, завоевательная политика России повела к разделу Польши. Успехи русских дипломатов и полководцев в Польше, победы русского оружия при Чесме, Ларге и Кагуле сделали источником несчастья, постигшего Речь Посполитую. Фридрих II был прав, замечая еще за год до раздела в своем письме к Екатерине от 30 сентября 1771 года: «Опера, сочиненная вашим величеством, будет выполнена без малейшей остановки».¹ Однако он сам во все время, с одной стороны, содействовал успехам России, а с другой, препятствовал чрезмерному расширению ее могущества.

Для Екатерины приобретение Белоруссии имело весьма важное значение. Столетием раньше при подобных условиях, благодаря тесной связи между религиозными и политическими интересами, была присоединена к московскому государству Малороссия. Заступничество за единоповерцев в Польше придавало действиям Екатерины значение национального подвига. Не столько в то время, сколько впоследствии, были резко осуждаема насильственность образа действий России. Ответственность за раздел Польши лежит на Екатерине и на Фридрихе II. Соглашение по этому делу представляло собой апогей прусско-русского союза. Видны России в отношении Турции рано или поздно должны были повес-

¹ Beer, II, 194—195.

² Duncker, 259—260.

ти к отчуждению Пруссии от России и к сближению между венским двором и Екатериной.

В Константинополе известие о судьбе, постигшей Польшу, произвело чрезвычайно тяжелое впечатление. Турки считали вероятным, что между великими державами существовали кое-какие соглашения и относительно раздела владений Порты.²

И действительно, существовали кое-какие проекты относительно раздела Турции, однако их осуществлению препятствовали разные затруднения.

Оказалось невозможным одновременно порешить и с Польшей и с Турцией. Екатерина не хотела допустить посредничества Австрии и Пруссии в примирении Турции с Россией. Несмотря, однако, на готовность императрицы продолжать войну и даже довести дело до разрыва с Австрией, в России вообще обнаруживалась сильная потребность в мире. В этом смысле рассуждали в Государственном совете в Петербурге. Панин писал Румянцеву о необходимости прекращения военных действий; о предстоявшем мире говорилось часто и в переписке Екатерины с Румянцевым, Алексеем Орловым и др.³

При переговорах о мире главное значение имели вопросы о Молдавии, Валахии и Крыме. В отношении к дунайским княжествам расходились интересы России и Австрии; зато можно было легче надеяться на достижение желанной цели относительно Крыма.

В Константинополе заговорили о необходимости съезда дипломатов в Яссах. Россия изъявила готовность согласиться на переговоры, но желала в то же время продолжения военных действий: именно в это время в Петербурге мечтали о нападении на Константинополь. Особенно императрица доказывала в заседаниях Государственного совета, что успехами военных действий в четвертой кампании (1772) должно принудить Порту к заключению выгодного мира.⁴

Переговоры о мире на съезде в Фокшанах летом 1772 года не повели к желанной цели. Поверенными России были Григорий Орлов и освобожденный

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 311.

² См. письмо французского посла из Константинополя от 3-го июля 1772 г. в соч. Жофре (Jauffret), II, 35.

³ «Русский Архив», 1882, III, 59. «Сб. Ист. Общ.», XIII, 203, I, 84—90.

⁴ Соловьев, XXVIII, 336—337. О нападении на Константинополь см. «Архив Государственного Совета», 133 и след.



С Торелли. Аллегория на победу Екатерины II над турками и татарами. 1772.

из заключения Обрезков. В инструкции, составленной для этих дипломатов, было сказано, что главное затруднение при переговорах будет заключаться в требовании независимости татар, но что во всех других отношениях, скорее чем в этом условии, можно делать уступки туркам. Екатерина ожидала успеха от способностей графа Орлова, которые она расхваливала, между прочим, в письмах к госпоже Бьельке.¹

В конце мая 1772 года было заключено перемирие в Джурджеве. В конце июля начались переговоры о мире в Фокшанах. Русские при этом случае чрезвычайно хвалили образ действий прусского дипломата Цегелина, между тем как холодность и нерасположение австрийского дипломата Тугута производила на них неблагоприятное впечатление. Турки не хотели и слышать о независимости татар. Полагали, что Орлов, в сущности, не желал продолжения войны; говорили о разных обширных планах графа, оскорблявшего турецких дипломатов своей надменностью.² Как бы то ни было, но по истечении трех недель съезд кончился, не достигнув цели. Екатерина писала Вольтеру: «Я скоро начну с Мустафой новую переписку пушечными выстрелами, так как ему угодно было приказать своим уполномоченным расторгнуть фокшанский конгресс, и перемирие кончается сегодня».³ Екатерина была склонна приписывать неудачу переговоров козням Австрии. Панин же считал Орлова виновником неуспешного хода дела.⁴ В какой мере Россия желала мира, видно из ее стараний устроить новый конгресс. Действительно, осенью 1772 года переговоры возобновились в Бухаресте, причем представителем России был один Обрезков, после того как Орлов возвратился в Петербург.

Екатерина не желала чрезмерной уступчивости. Она писала: «Если при мирном договоре не будет одержано — независимость татар, ни кораблеплавание на Черном море, то за верно сказать можно, что со всеми победами мы над турками не выиграли ни гроша, и я первая скажу, что такой мир будет столь же стыдный, как прутский и белградский в рассуждении обстоятельства».⁵

Россия в это время находилась в весьма затруднительном положении. Чума свирепствовала в войске; в Швеции совершился государственный переворот, обеспечивший власть короля Густава III, который легко

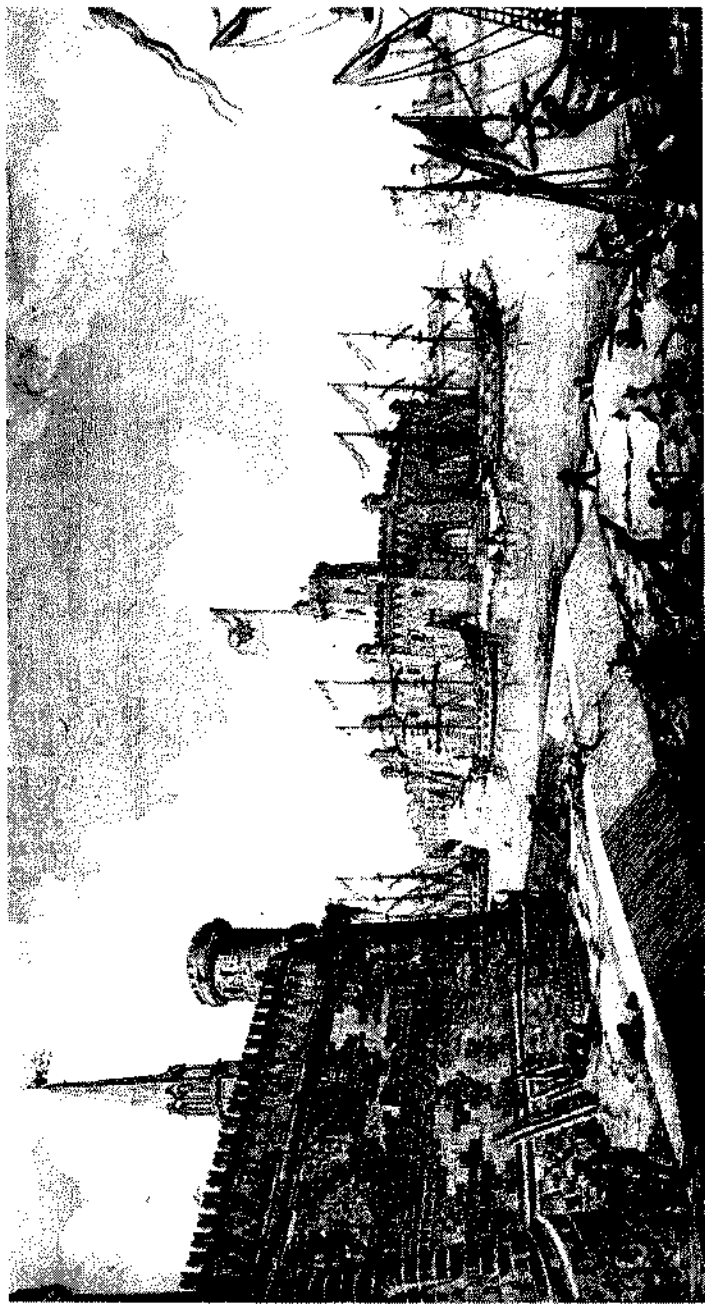
¹ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 258—259.

² Jauffret, I, 440—450. «Русск. Арх.», 1873, 82 и след.

³ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 260.

⁴ Соловьев, XXVIII, 342.

⁵ Соловьев, XXVIII, 343.



Увеселительные строения на Ходынском поле в Москве в 1775 г.
в честь заключения Кучук-Кайнарджийского мира.

мог сделаться опасным противником России; к крайнему удивлению Румянцева, ему было приказано отправить некоторую часть войск для защиты северных границ России в случае нападения на них Швеции.

И бухарестский съезд не повел к желанной цели. Турция не хотела уступить России Керчь и Еникале. Рейс-эфенди говорил Обрезкову: «Уступить Керчь и Еникале все равно, что войти в зависимость от России, которая в короткое время построит там страшный флот и будет предписывать нам законы».¹

Таким образом, нужно было готовиться к продолжению военных действий, распорядиться о новом рекрутском наборе, послать полководцам и адмиралам новые инструкции. Императрица произнесла в Государственном совете собственноручно ею написанную речь, в которой говорила о средствах облегчить для народа бремя войны вообще и рекрутского набора в особенности.² Румянцеву было приказано перейти через Дунай.

Войска действовали успешно. Суворов взял Туртукай; Вейсман разбил турок при Карасу; Румянецв перешел через Дунай, разбил турок, открыл осаду Силистрии и затем вторично разбил турок при Кучук-Кайнарджи. Екатерина была чрезвычайно довольна и писала Вольтеру, что можно ожидать скорого заключения мира.

Однако Румянецв не мог взять Силистрии и даже был принужден возвратиться на левый берег Дуная. В пространным письме к императрице он объяснял, почему отступление сделалось необходимым. Екатерина, хотя сильно смущенная неприятным известием, обнаружила при этом случае необычайное знание людей и беспристрастие; она умела ценить заслуги знаменитого полководца и, несмотря на коварство противников Румянцева, обрадовала его письмом, доказывавшим, что она вникает в его положение.³ Хотя Екатерина и казалась веселой и в письме к Вольтеру шутила над отступлением Румянцева,⁴ но иностранные дипломаты замечали, что императрица, привыкшая к успехам, сильно была озабочена медленностью хода военных действий. Между тем как государственные люди, окружавшие Екатерину, Панин, Чернышев, Орлов и пр., казались склонными к уступкам, императрица держалась своего прежнего мнения, что должно успешными военными действиями принудить турок к заключению выгодного мира.

¹ Там же, XXIX, 8.

² «Сб. Ист. Общ.», XIII, 354—356.

³ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 349.

⁴ Там же, XIII, 357.

Екатерина составила «Хронологический перечень событий кампании против турок, с 6 октября 1768 по август 1771 года». Из этого труда, весьма тщательно писанного, видно, как она любила указывать на блеск и славу этих трех походов, как она гордилась успехами русского оружия.¹ Чем более она обращала внимания на свои победы, тем менее могла согласиться на уступки.



Граф Румянцев-Задунайский

Между тем, то обстоятельство, что Цегелли в Константинополе ревностно хлопотал о мире, оказалось весьма выгодным для России. Порта была утомлена войной. В войсках ее происходили бунты.² Поэтому в Константинополе мало-помалу начинали свыкаться с мыслью о независимости

¹ Там же, XIII, 150—158.

² Bernhardt, «Vermischte Schriften», I, 113—114.

татар. Зато турки никак не хотели отдать России Керчь и Еникале,¹ а взамен того, как писал Цегелин, изъявляли готовность пожертвовать Кинбурнской крепостью в окрестностях Очакова. Государственный совет при обсуждении этого вопроса находил, что можно было принять предложение Порты. Географическое положение Кинбурна представляло собой значительные выгоды. Один Орлов был недоволен, требуя, чтобы Россия настаивала на уступке Очакова с окрестной степью. Сама Екатерина считала возможным требовать не только Кинбурн, но и Очаков. Во всяком случае, решил Государственный совет, Россия должна была вести переговоры о мире с Турцией прямо, без участия других держав, особенно же без вмешательства Франции и Австрии.

Между тем военные операции продолжались. Румянцев оставался в затруднительном положении. Русский флот, не располагавший достаточным войском для высадок, тщетно старался нанести вред туркам на берегах Сирии.

Хотя, таким образом, условия для окончания войны казались неблагоприятными, Россия все-таки не соглашалась на предложение Франции о посредничестве в примирении России с Турцией.² Между тем умер султан Мустафа. В Петербурге ожидали, что воцарение Абдул-Гамида подаст повод к смутам в Турции. Тем более императрица желала, чтобы Румянцев действовал успешно. В это же время в России начала свирепствовать пугачевщина. Государственный совет в марте 1774 года решил отказаться от требования уступки Керчи и Еникале и довольствоваться Кинбурном и свободным плаванием по Черному морю.

К удовольствию Екатерины, русские войска начали действовать успешнее. Каменский одержал победу при Козлудже и приближался к Шумле. Салтыков осадил Руцук; Румянцев — Силистрию. Заборовский готовился к переходу через Балканы и движению на Константинополь.

При таких обстоятельствах оказалось наконец возможным заключить мир в Кучук-Кайнарджи 10 июля на следующих условиях: татары сделались независимыми от Турции; Россия приобрела Керчь, Еникале, Кинбурн и все пространство между Бугом и Днепром, получила право свободного плавания по Черному морю; Турция обязалась заплатить России 4 ¹/₂ миллиона за расходы войны; Азов, обе Кабарды, долины Кубани и Терека были уступлены России. Особенно важным оказалось условие, в силу которого Россия приобрела право заступничества за права христиан в Мол-

¹ Zinkeisen, «Gesch. d. osm. Reiches», VI, 77.

² Соловьев; XXIX, 77.

давии и Валахии, и Турция обязалась довольствоваться умеренной данью и руководствоваться, при обращении с христианскими подданными, началами терпимости. Таким образом, Россия приобрела право вмешательства во внутренние дела Турецкой империи.



Граф Орлов-Чесменский

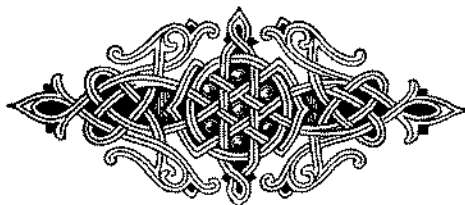
Получив известие о мире, Екатерина в письме к Алексею Орлову заметила о неудовольствии некоторых иностранных дипломатов следующее: «Вчерашний день здесь у меня ужинал весь дипломатический корпус, и любо было смотреть, какие были рожи на друзей и недрузей; а прямо рады были только датский да английский».¹ Князь Кауниц был чрезвычайно недоволен условиями мира.² Из Парижа писал Барятинский: «Невероятно, до

¹ «Сб. Ист. Общ.», I, 100.

² Соловьев, XXIX, 141.

какой степени простирается здесь зависть к нашим успехам. Находящиеся здесь поляки в великом горе». Также и в Стокгольме, как писал Стахивев, известие о мире произвело чрезвычайно тяжелое впечатление.¹ Английский дипломат Гуннинг доносил о следующем эпизоде, случившемся после получения известия о мире: «Императрица села за карты и, пригласив в свою партию датского министра и меня, сказала довольно громко, чтобы быть услышанной, что, так как день этот для нас весьма радостен, ей хочется видеть вокруг себя одни только веселые лица. Смею упомянуть об этом обстоятельстве, ибо оно, между прочим, убедило меня в том, что, по ее мнению, не одни только министры бурбонского дома недовольны столь ранним окончанием войны, но также министры австрийский и прусский».² Разговаривая с Далем о заключенном мире, Екатерина особенно гордилась тем, что соглашение с Турцией состоялось без участия в переговорах других держав.³ В собственноручных письмах к разным лицам она говорила с радостью об условиях мира.⁴ Полководцы и дипломаты были награждены щедро; в следующем году было устроено великолепное торжественное празднество в честь мира, заключенного с Турцией.⁵

Россия нуждалась в отдыхе. Война стоила много денег и людей. Нужны были войска для борьбы против пугачевщины. Впрочем, Кучук-Кайнарджийский мир имел лишь значение перемирия. Дальнейшие столкновения между Россией и Портой в течение царствования Екатерины были неизбежны.



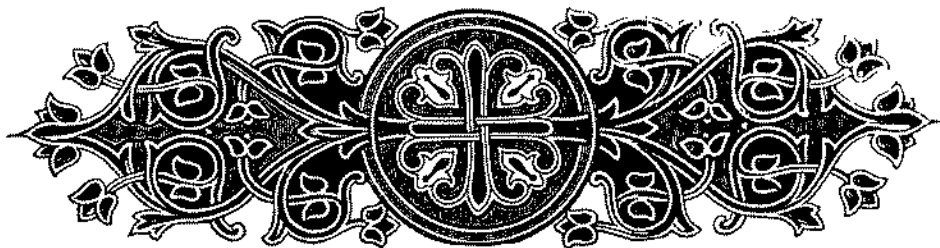
¹ Там же, XXIX, 115—116.

² «Сб. Ист. Общ.», XIX, 428.

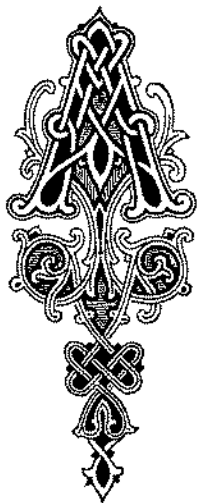
³ «Русская Старина», XVII, 13.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 428, 435; 443.

⁵ Там же, XXIII, 29; XXVII, 42, 48, 93; Болотов, стр. 531 и след.



Глава V. Отношения к Пруссии и Австрии



антагонизм между Австрией и Пруссией в продолжение XVIII века значительно содействовал усилению могущества России. Особенно Екатерина умела воспользоваться борьбой Фридриха II с Марией Терезией для развития сил, средств и влияния России. Соперничество Австрии и Пруссии лишь в конце царствования Екатерины заменилось союзом между этими державами. Подобная перемена оказалась далеко не выгодной для России, так как в продолжение нескольких десятилетий до сближения между Фридрихом Вильгельмом II и Леопольдом II Екатерина, предпочитая сначала союз с Пруссией, ради польских дел, сближению с Австрией, а затем, сближаясь с Иосифом II, ради успешных действий в отношении к татарам и туркам, тем самым заставляла высоко ценить дружбу России.

Однажды, в начале своего царствования, Екатерина в письме к графу Кейзерлингу объявила, что ее система заключается в сохранении добрых отношений со всеми державами с той целью, чтобы, заступаясь за слабейших, угнетенных, иметь возможность играть роль третейского судьи в Европе.¹ Другой раз она заметила, что считает для себя выгодным сохранить некоторое равновесие в Германии и относиться по возможности беспристрастно к разным германским государствам. Стремление Екатерины к достижению могущества и влияния не ускользнуло от внимания современников. Саксонский дипломат Эссен, наблюдая за образом действий императрицы в Польше, заметил, что вмешательство России в польские

¹ Соловьев, XXV, 361. «Être par là l'arbitre de l'Europe».

дела должно считаться лишь приготовлением к достижению дальнейшей и более высокой цели и что эта цель заключается в усилении русского влияния на Германию.¹ Саксонский дипломат Сакен доносил из Петербурга в 1765 году, что Россия никогда не заключит союза, в котором ей приходилось бы играть роль вспомогательной державы, что Екатерина никогда не поссорится с Пруссией из-за Австрии и что она всегда будет стараться удерживать за собой перевес на севере и пр.²

Раздел Польши и Кучук-Кайнарджийский мир доставили России весьма важное положение в Европе. И в Вене, и в Берлине привыкли принимать в соображение виды и намерения России. Недаром Фридрих II всячески старался сохранить доброе расположение к себе императрицы.

По случаю поездки великого князя Павла Петровича в Берлин для свидания с его невестой, виртембергской принцессой, в 1776 году король Фридрих II оказал наследнику Екатерины самый радушный и великолепный прием. Король гордился тем, что был главным виновником второго брака Павла. В каждом случае, следя за успехами России в области внешней политики и удивляясь неутомимой деятельности императрицы относительно администрации и законодательства, Фридрих II не переставал восхвалять способности и заслуги Екатерины и льстить ей в самых восторженных выражениях.

Недаром король прусский считал возможным, что союз с Россией, доставивший ему значительные выгоды в отношении Польши, окажется чрезвычайно выгодным и при других комбинациях. Возобновление союзного договора между Пруссией и Россией в 1777 году принесло Фридриху важную пользу, особенно в то время, когда началась война за баварское наследство.

Война за баварское наследство

Известно, что Австрия желала воспользоваться пресечением баварской курфюршеской линии в лице умершего курфюрста Максимилиана Иосифа (30 декабря 1777 года) для расширения своих владений, и что при этом случае происходило нарушение прав некоторых германских династий. Фридрих II, заступаясь за прежние учреждения Германской империи,

¹ Негтманн, V, 425.

² Там же, V, 572.



Князь Д.М. Голицын, русский посол в Вене с 1761 по 1792 год.
С гравюры Тарлье, сделанной с портрета, писанного Друэ.

противодействовал самым решительным образом притязаниям Иосифа II. Он заметил, что не может допустить замены прежних прав произволом австрийцев и что готов взяться за оружие.¹

Таким образом, должны были возобновиться враждебные отношения между Австрией и Пруссией. Во время Семилетней войны участие России в борьбе между Фридрихом II и Марией Терезией имело роковое значение для решения вопроса о перевесе и победе той или другой державы. Такая же возможность возвысить значение России путем вмешательства в германские дела представилась в 1778 году. Екатерина чрезвычайно искусно умела воспользоваться этой возможностью.

Императрица в отношении к делам Германии предоставила себе полнейшую свободу действий. Саксонский дипломат барон Сакен доносил из Петербурга 5 июля 1776 года: «Здешнему двору нравится, что берлинский двор заступает за права членов империи и оспаривает произвольные правила австрийского правительства. Впрочем, здесь не желают чрезмерного перевеса Пруссии в делах Германии. Императрица желает приобрести славу обеспечением прав германской империи. Россия может теперь в отношении к Германии занять то место, которое занимали Людовик XIV и его преемники. Эта роль весьма важна и лестна».²

Чем менее Франция могла удерживать за собой то значение в Европе, которое она имела до этого, тем легче Россия могла, по случаю войны за баварское наследство, разыгрывать роль «третейского судьи в Европе», как выражалась Екатерина.

В начале 1778 года Фридрих II говорил князю Долгорукому, что смерть курфюрста баварского может иметь чрезвычайно важные последствия. «Я, — говорил король, — желаю, чтоб все уладилось мирно; но дела еще страшно запутаны, это настоящий хаос, и нельзя определить, что отсюда выйдет... Саксония потребовала моей помощи для приобретения того, что вдовствующая курфюрстина уступила своему сыну, и я отвечал, что она может положиться на меня... Верно, что венский двор старается возбудить новую войну между Россией и Портой».¹

Очевидно, Фридрих желал возбудить некоторое нерасположение России к венскому двору. Он не мог желать нового разрыва между Портой и Россией, потому что в случае войны Пруссии с Австрией рассчитывал на вспомогательное войско России. В одном из своих писем к графу Сольмсу

¹ Ranke, «Werke», XXXI, 19.

² Herrmann, VI, 6.

король горько жаловался на страсть Австрии к завоеваниям. «При этом кризисе германских дел, — писал король, — я мог бы требовать помощи России, поставить ее посредницей в деле, от которого зависит спасение всего германского корпуса. Действительно, это самая блестящая роль для русской императрицы, и думаю, что ее величество не будет к нам нечувствительна, а будет мне немножко благодарна за поданный ей случай».²



Граф Кобенцель, австрийский посланник.
С гравированного портрета 18-го века.

Екатерина действительно мечтала о роли посредницы, и 2 февраля 1778 года писала к барону Гримму: «Что касается до баварского наследства, то вы единственный человек в мире, который мог распутать это дело; вы одарены Богом миротворящим духом» и пр.³

¹ Соловьев, XXIX, 258—259.

² Соловьев, XXIX, 260.

³ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 78.

Сольмс открыл переговоры с Паниным об этом деле. Екатерина сохраняла полнейшую независимость. Панин сказал, что русский двор готов бы помочь Фридриху вспомогательным войском, что Россия готова воспользоваться случаем для некоторого убавления австрийской спеси и для усиления значения России в Германии; в то же время, однако, Панин указывал на турецкие дела, требующие усиленного внимания России, на опасность, грозившую ей со стороны Швеции, на неопределенное отношение ко всем этим делам Франции, и из всего этого выводил заключение, что Россия не имеет возможности помочь Пруссии вооруженной рукой. Немного позже, однако, как кажется, в Пруссии были получены более благоприятные известия из Петербурга, ибо король 4 февраля писал принцу Генриху: «Тотчас же по получении известия о кончине баварского курфюрста русский двор от себя предложил мне помощь, которая оказалась бы особенно значительной в случае сохранения мира с Портой».¹

Курфюрст саксонский также обратился к императрице с просьбой о помощи. Посылая ей письмо курфюрста, Фридрих II писал: «Вся империя вопиет против несправедливости этого деспотического действия; семейные договоры уничтожены, трактаты нарушены, имперские постановления уничтожены, словом, свобода и конституция германской империи ниспровергнуты навсегда, если в этих печальных обстоятельствах не противопоставят сильную преграду вероломству и деспотическим видам имперского двора. Все акты и документы, относящиеся к этому делу, будут вручены министрам вашего императорского величества. Я знаю, что вам еще не вполне выяснились намерения двора оттоманского, и надеюсь, что ваше императорское величество будете иметь достаточно веры в мою ненарушимую преданность к вашим интересам; вы не станете подозревать, чтобы я желал отвлечь вас от обороны ваших собственных земель; нет, государыня, если вашим войскам нужно еще унижить турок, то я буду первый, кто посоветует вам употребить на то все ваши силы; но если эти волнения утихнут, вся Германия и я с доверием надеемся, что ваше императорское величество, толико прославив свое иовое отечество — Россию, вспомните, что вся германская империя гордится тем, что вы там увидели свет».²

Как кажется, Екатерина вовсе не отвечала на это письмо. Когда затем граф Подевилль прибыл в Петербург, чтобы от имени Фридриха II поздравить Екатерину с рождением великого князя Александра Павловича, им-

¹ Reimann, «Geschichte des bairischen Erbfolgekrieges». Leipzig, 1869, 36.

² «Сб. Ист. Общ.», XX, 370—372; Reimann, 38—39.

ператрица отвечала в общих выражениях на поздравление короля. В письме к королю от 18 апреля императрица слегка коснулась вопроса о Баварии, выразив надежду на сохранение мира.¹

Король начал терять терпение и 10 апреля писал Сольмсу, что если Россия ограничится внушениями Австрии, разумеется, этим цель не может быть достигнута, и что русский двор хорошо сделает, взвесив вопрос, насколько он может хладнокровно смотреть на насилие Австрии в обращении с германскими князьями. Король всячески старался вовлечь Россию в войну с Австрией.

Панин выразил желание, чтобы все имперские князья разом обратились к России и Франции с просьбой о покровительстве. Фридрих возражил, что это невозможно, что никогда нельзя будет рассчитывать на единогласие всех членов империи, при этом, однако, король выставлял на вид, что образ действий венского двора может опрокинуть равновесие Германии и Европы и что поэтому Россия должна решиться по крайней мере на диверсию со стороны Галиции.²

Фридрих предложил государям Саксонии, Мекленбурга и Цвейбрюкена просить помощи России; Сольмсу он писал, что Екатерина, вместо того, чтобы жертвовать людьми и деньгами для достойного презрения татарского хана, играла бы гораздо более достойную роль, защищая учреждения Германской империи.³

Между тем король выступил в поход. Из Шенвальда он послал Екатерине 20 апреля письмо, наполненное новыми жалобами на венский двор, указывая подробно на положение дел, не настаивая, впрочем, на участии России в войне.⁴ В то же время, однако, он писал принцу Генриху: «Императрица все еще не может решить вопроса о мире и войне с турками. Говорят, что в России предоставляют дела на произвол судьбы».⁵ Панин советовал не открывать военных действий до решения вопроса о сохранении мира с Турцией. Однако Фридрих не успокоился на этом. «Я употреблю все мои усилия, — писал король, — чтоб заставить германских князей обратиться к России с просьбой о помощи; надеюсь склонить к этому округа верхне- и нижне-саксонский, вестфальский, также князей, главным образом заинтересованных в деле, по образцу шмалькальденского союза... но

¹ Там же, XX, 373, 374.

² Соловьев, XXIX, 260—261.

³ Reimann, 67.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XX, 374—376.

⁵ Reimann, 94.

если бы между тем русская императрица захотела сделать что-нибудь по-настоящему, пополезнее для нас, то она бы приказала напасть на австрийские владения в Польше. Она может быть уверена, что жители этих областей примут ее сторону... Кроме того, в Венгрии много греков (православных славян), которые примут сторону России» и пр. В записке к Панину Сольмс заметил: «Так как императрица выразила свое благоприятное решение на этот счет, то она не может оскорбиться сильной настойчивостью короля в получении этой помощи как можно скорее. Есть латинская поговорка: кто дает скоро, тот дает дважды».¹

Для Екатерины было выгоднее медлить с решением; этим она придавала большую цену помощи, которую оказывала Пруссии. К тому же было трудно составить себе точное понятие о частностях вопроса о баварском наследстве. В августе 1778 года императрица писала барону Гримму: «Кто прав, кто виноват? кто врет? Решите эти вопросы, чем скорее, тем лучше». В начале ноября она, по получении от Гримма счетов по суммам, израсходованным им по ее желанию, писала: «О Боже! лишь бы можно было привести в такую же ясность дело о баварском наследстве!!!!!!!» При этом она с насмешкой заметила, что важность дела соответствует числу восклицательных знаков, и что весь этот эпизод похож на комедию вроде «Севильского цирюльника», с той только разницей, что в комедии Бомарше роль обманутого играет доктор Бартоло, между тем как в большой драме, которую разыгрывают в Германии, неизвестно, кто должен взять на себя эту роль.²

Венский двор также всячески старался снискать расположение Екатерины; Кауниц пытался действовать на турок с целью сохранения мира; при этом он ухаживал за русским послом в Вене, князем Голицыным. Иосиф II в беседе с последним говорил о солидарности интересов России и Австрии. Мария Терезия, уверяя Голицына, по поводу рождения великого князя, в своем расположении к Екатерине, не могла не прибавить: «Вы можете быть уверены, что те, которые предполагают во мне другие чувства, говорят неправду». Иосиф II, разговаривая с Голицыным о приобретении Австрией Буковины и о войне за баварское наследство, сказал: «Ничтожные приобретения, какие мы недавно сделали от Порты и какие мы теперь делаем от Баварии, истекают, с одной стороны, из наших прав, а с другой — составляют предмет чистого удобства без всякой примеси честолюбия и

¹ Соловьев, XXIX, 262—263.

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 97, 109.



Вид Могилева в конце 18 столетия.
С весьма редкой гравюры 18-го века, из собрания П.А. Дашкова.

страсти к приобретению». В другой раз Иосиф сказал Голицыну: «Баварская перемена, вероятно, внушит кому-нибудь мысль, что благодаря ей мы так усердно предлагаем вам свои услуги (по турецким делам). Но я вам говорю, что Бавария тут ни при чем» и пр.

Мы видели выше, что Фридрих II сообщил русскому правительству все документы, относившиеся к вопросу о баварском наследстве. Точно так же и Кауниц счел нужным сообщить русскому двору всю дипломатическую переписку между Австрией и Пруссией по этому делу, замечая, что такое сообщение должно считаться знаком полного доверия венского двора к России.

Когда отправление австрийского дипломата Тугута в прусский лагерь для переговоров не повело к желанной цели, Кауниц спросил Голицына, не согласится ли русская императрица, по своему великодушию и дружбе, которую император и императрица-королева всегда старались заслужить, повлиять на прусского короля, сломить его упорство при настоящем столкновении интересов обоих дворов и уничтожить в самом начале пагубную войну, угрожающую Германии. Передавая об этом Панину, Голицын писал, что все образованные люди в Вене указывают на русскую императрицу, как на решительницу настоящей войны и спасительницу австрийской монархии.¹

В Вене все еще питали надежду, что Екатерина не решится на объявление войны Австрии, и что Фридрих, не заручившись участием в войне России, не откроет военных действий.² Мало того: венский двор смотрел на Екатерину, как на третейского судью в этом сложном деле. И Кауниц, и Мария Терезия в подробных письмах и записках старались доказывать, что виновата не Австрия, а Пруссия, что Фридрих II начал спор и пр. К тому же императрица-королева в одном из своих писем к Екатерине горько жаловалась на то, что на старости лет, так сказать, на краю гроба ей приходилось братья за оружие; к этому была прибавлена просьба, чтобы Екатерина принудила прусского короля к сохранению мира. В Петербург отправился для переговоров сын князя Кауница; он вернулся оттуда, не успев сделать что-либо в пользу венского двора, но в восхищении от личности Екатерины. Мария Терезия, в крайне печальном расположении духа, писала Иосифу: «Никто более не говорит о посредничестве».³

¹ Соловьев, XXIX, 263—266.

² Reimann, 49.

³ Там же, 95.

В течение нескольких месяцев Екатерина медлила со своим решением. Мария Терезия сильно опасалась разрыва с Россией. Иосиф твердо держался мнения, что Екатерина не станет помогать Пруссии.¹ Фридрих II не переставал надеяться на помощь Екатерины и ожидал, что Россия строго накажет габсбургский дом за его высокомерие и произвольные действия в Германской империи. Он был сильно недоволен медленностью действий России и писал однажды принцу Генриху: «Я убежден в том, что, если бы императрица Екатерина решилась сделать строгое внушение венскому двору, то это произвело бы сильное впечатление на Марию Терезию».²

Это строгое внушение последовало в октябре 1778 года. Екатерина писала Фридриху II по этому поводу: «Несмотря на молчание, какое я хранила некоторое время, мое внимание не отвратилось и не отвлеклось от наблюдения за положением дел вашего величества и от затруднения германского союза. Представление, которое я велела сделать ныне двору венскому, может убедить вас в том. Я приказала моему министерству сделать о том сообщение министру вашего величества, равно как и дворам: лондонскому, копенгагенскому, стокгольмскому и версальскому, приглашая их содействовать возникающим там миролюбивым намерениям. Мой министр сделает то же сообщение на сейме в Регенсбурге принцам и сословиям империи. Я решилась употребить это последнее усилие относительно венского двора прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей любви к миру, а потом для того, чтобы показать перед глазами названного двора, как и перед глазами Европы, справедливость и беспристрастие своего поведения. Если результат этой меры не ответит моим ожиданиям, то мой генерал, князь Репнин, который немедленно отправится к вашему величеству, будет снабжен приказаниями, чтобы условиться о мерах, которые надо будет предпринять».³

В декларации, сделанной венскому двору, Екатерина выразилась о спорном вопросе совершенно в пользу Пруссии, советовала императрице-королеве помириться с Фридрихом II и к этому прибавила, что иначе ей самой, Екатерине, будет невозможно равнодушно смотреть на несправедливую войну, возгоревшуюся в Германии, и что она должна будет принять меры для обеспечения интересов России и своих приятелей, германских князей, обратившихся к ней с просьбой о помощи, и для исполнения своих обязанностей перед своими союзниками.⁴

¹ Arneth, «Maria Theresia und Joseph II»; III, 129.

² Reimann, 93, 135, 145.

³ «Сб. Ист. Общ.», XX, 376—377.

⁴ Reimann, 183.

Когда Голицын 10 октября сообщил Кауннцу декларацию своего двора, Кауннц был поражен и сказал, что не понимает, каким образом последние, столь умеренные поступки его двора могли подвергнуться такой участи. «Императрица-королева, — сказал он между прочим, — не могла ожидать, что получит приговор своего унижения, подписанный той самой государыней, которая постоянно отличалась справедливостью и великодушием, равно как и дружбой к их императорским величествам». Голицын сказал: «Мы разделяем общее мнение о неосновательности претензий венского двора на баварское наследство... притом же наш двор предлагает добрые услуги для полюбовного улаживания дела». Кауннц возразил, что Австрия едва ли при таких обстоятельствах могла бы рассчитывать на беспристрастное отношение России к делу, и что из всего этого легко может возгореться всеобщая война.¹

Фридрих II был очень доволен шагом, сделанным Екатериной, но все-таки желал, чтобы дипломатические действия были усилены русскими войсками.²

К сожалению, то письмо, в котором Мария Терезия сообщила Иосифу II о русской декларации, не сохранилось. Нет сомнения, что поступок Екатерины был как бы громовым ударом для императрицы-королевы. Иосиф, отвечая матери, находил русскую ноту «сильной» и указал на обороты, которые нужно употребить при возражении на нее. Впрочем, он остался при убеждении, что Россия не решится помочь королю войсками.³

Фридрих в восхищении писал Екатерине: «Блеску вашего царствования предоставлено было поддерживать в одно и то же время на берегах Черного моря независимость татарских аулов, с другой стороны в Вене права германского союза. Он будет обязан всем помощи вашего императорского величества... Россия делается самой грозной оградой, какую Германия будет иметь возможность противопоставить насилию своих цезарей всегда, когда они захотят нарушить установленный порядок. Я с нетерпением ожидаю прибытия князя Репнина» и пр.⁴

Екатерина отвечала Фридриху: «Посольство (la mission) генерала Репнина имеет двойную цель: 1) мое посредничество и добрые услуги, совокупно с Францией, вследствие рекламации, сделанной мне венским двором; 2) помощь моих войск, если примирение не может состояться».⁵

¹ Соловьев, XXIX, 267—268.

² Reimann, 183.

³ Arneth, «Maria Theresia und Joseph II», III, 160. Reimann, 185 и 191.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XX, 378.

⁵ Там же, XX, 379.

В рескрипте Репнину, подписанном императрицей 19 октября 1778 года, сказано, между прочим: «Австрийский дом присвоил себе и захватил знатную часть баварского наследства; курфюрст пфальцский, устрасясь приставленного ему ножа, сделался сонаследником австрийской хищности... Нельзя не отдать королю прусскому справедливости, что он перед поднятием оружия истощил втуне все средства умеренности и миролюбия, и что не он, а хищность и упрямство венского двора причинствовали войну... Честолюбие Кауница есть всему злу виной... но интрига его нашлась недостаточной... король прусский не дал себя уловить мнимой бескорыстливостью австрийского дома»¹ и пр. Говоря о посредничестве Россин, Екатерина заключила рескрипт следующими словами: «Мы будем иметь перед всей Германией честь сей нужной развязки, а может быть и соединения по ней в одну систему разных принцев, из чего далее может для России произрасти давно желаемое преимущество — учиниться ей на будущее время ручательницей германской конституции, качество, которому Франция обязана своей превосходной в делах инфлюенцией».²

Очевидно, венский двор не подозревал содержания рескрипта Екатерины, и Иосиф II все еще считал возможным любезностью, с одной стороны, твердым образом действий — с другой, склонить Екатерину на сторону Австрии.³ Мария Терезия, напротив, во что бы то ни стало желавшая восстановления мира, сочла нужным просить Екатерину о принятии, по своему усмотрению, мер для достижения этой цели, причем выразила уверенность, что в руках императрицы интересы Австрии и ее достоинство будут обеспечены. Екатерина отвечала, что глубоко тронута знаком уважения и доверия императрицы-королевы. Тотчас же ею были отправлены гонцы в Берлин и Париж с предложением открыть переговоры о мире.⁴

Фридрих также желал восстановления мира. Репнин доносил, что престал короля в Бреславле больным и миролюбивым, так что Герцберг в беседе с русским дипломатом жаловался на чрезмерную склонность к уступкам Фридриха, миролюбие которого, впрочем, значительно обусловливалось нежеланием его платить субсидии России.⁵

Репнин при переговорах указывал на необходимость включить в будущее примирение всю Германскую империю, которая через это получит

¹ У Соловьева, XXIX, 271, очевидно, по ошибке сказано: «долга».

² Соловьев, XXIX, 271—273.

³ Arneth, «Maria Theresia und Joseph II», III, 180.

⁴ Reimann, 195—196.

⁵ Соловьев, XXIX, 274—275.

гарантию государств-посредников, и, следовательно, будет ограждена от непомерного честолюбия и деспотизма венского двора, вредных для всей Германии, но особенно для берлинского двора, обязанного прежде других бороться против австрийских замыслов. Репнин виушал, что эта предосторожность необходима, ввиду характера императора Иосифа, который сдерживается единственно миролюбием императрицы-королевы, но последней осталось недолго жить.¹

С разных сторон от германских князей Репнин получал письма, в которых изъявлялась благодарность императрице за вмешательство в дела Германской империи. Ассебург, находившийся в русской службе и старавшийся содействовать заключению мира, писал в это время: «Россия желает усилить свое влияние на дела Европы вообще».² Понятно, что Екатерина чрезвычайно охотно взяла на себя роль посредницы в деле о баварском наследстве.

В марте 1779 года в Тешен начали съезжаться дипломаты. Репнин указал на этот городок, как на самое удобное место для конгресса. В мае мир был заключен. Все уладилось под непосредственным влиянием России. Ассебург писал Панину: «Для Германии можно считать счастьем, что гарантия нашего высокого двора ограждает германскую империю против всякой опасности. Основываясь на этой гарантии, Россия по своему усмотрению будет участвовать в духовных и светских делах Германской империи».³

В письмах Фридриха II к Екатерине в это время сказано, между прочим: «Ваше императорское величество сказали — да будет мир, и мир совершился... Оружие вашего величества ослабило оттоманское могущество; ваш победоносный флот распространил ужас от Пропонтиды до Дарданелл; ваши законы становятся предметом изумления и подражания для самых образованных народов в Европе, и к довершению вашей славы — одно ваше желание восстанавливает мир между несогласными народами... все угнетенные находят убежище в могущественном покровительстве вашего императорского величества».⁴

И Мария Терезия, в письме к Екатерине от 4 (15) мая, выразила ей благодарность за посредничество.⁵

¹ Reimann, 220.

² Соловьев, XXIX, 276.

³ Reimann, 236.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XX, 383—386.

⁵ Соловьев, XXIX, 318.

Екатерина была довольна успехом своего вмешательства в дела Германской империи. Она писала барону Гримму в конце мая 1779 года: «Госпожа посредница, которая плохо управляет делами, кланяется вам». Насмехаясь над мелочностью споров между дипломатами, продолжавшихся в Тешене не менее десяти недель, она писала: «Умные люди иногда делают странные вещи, в особенности же головы, покрытые париками» и пр. Немного позже она жаловалась, что ей было очень скучно заботиться о чужих делах.¹

Приезд Иосифа II в Россию

Удачное окончание распри, возникшей по вопросу о баварском наследстве, и важная роль, которую при этом случае играла Екатерина, заставили прусского министра Финкенштейна заметить, что отныне берлинский и петербургский дворы должны оставаться в самом близком союзе и действовать сообща.²

Вышло иначе. Тешенский мир был окончанием тесного союза Пруссии и России; затем совершилась коренная перемена в общеевропейской политической системе. Между тем как прусский министр Герцберг держался того мнения, что Пруссия нуждается в союзе с Россией и наоборот, для России дружба Пруссии имеет самое важное значение,³ в Петербурге мало-помалу изменялись политические воззрения в ущерб Пруссии, в пользу Австрии.

Английский дипломат Геррис, приехавший в Петербург в начале 1778 года, тотчас же сообщил своему двору о безусловном перевесе Фридриха в Петербурге,⁴ причем жаловался на сильное влияние прусского короля, умевшего льстить императрице, руководить действиями Папина и удаваков всегда готового обманывать не только своих противников, но даже и своих союзников.

Скоро, однако, Геррис стал замечать, что прусское влияние начало мало-помалу ослабевать. Сольмс стал жаловаться, что на его мнения и предложения не обращают достаточного внимания в Петербурге. Еще менее выгодным было положение Герца, занявшего место Сольмса. Граф Кобенцель, прибывший в Петербург в это время в качестве австрийского

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 142.

² Reimann, 236.

³ Ranke, «Die deutschen Mächte und der Fürstenbund». Werke XXXI, 22.

⁴ «Diaries and correspondence of James Harris». London, 1844, I, 175.

посла, действовал в пользу заключения союза между Австрией, Россией и Англией.¹ От Потемкина, с которым Геррис находился в близких отношениях, он узнал в начале 1780 года, что императрица была недовольна Фридрихом, особенно потому, что последний обращал внимание на желания великого князя Павла Петровича.

Фридрих не хотел допустить дальнейших завоеваний России в ущерб Турции. Поэтому он хлопотал о заключении союза между Пруссией, Россией и Турцией, имея в виду таким образом обеспечить дальнейшее существование Порты. Екатерина не согласилась на заключение такого союза.² Появились проекты совершенно иных союзов. Иосиф II во время своего пребывания во Франции хлопотал о заключении союза между Австрией, Россией и Францией.³ Немного позже Фридрих начал думать о заключении союза между Пруссией, Россией и Францией.⁴

Все эти комбинации оказались невозможными, потому что Австрия и Россия стали серьезно помышлять о решительных мерах против Оттоманской Порты.

С другой стороны, сближение между Россией и Австрией встречало сильное затруднение в личной ненависти друг к другу Марии Терезии и Екатерины. Мария Терезия в письмах к своей дочери, Марии Антуанетте, горько жаловалась на образ действий русского двора, на то, что Екатерина следует примеру Фридриха, что Павел Петрович может считаться еще более ревностным сторонником прусских интересов и что на Екатерину нельзя надеяться, так как она всегда склонна к коварству и обману; образ действий Екатерины во время войны за баварское наследство не мог не усилить раздражения императрицы-королевы.

Екатерина, в свою очередь, также была весьма недовольна Марией Терезией и даже насмеялась над Иосифом II, называя его «l'homme à double face» и «маленьким ребенком» (*piccolo bambino*). Она любила шутить над ханжеством и лицемерием Марии Терезии и особенно резко осуждала образ действий императрицы-королевы и ее сына в деле баварского наследства.

Несмотря на все это, однако, сближение между Австрией и Россией было возможно, даже необходимо. Одновременно и Екатерина, и Иосиф II начали заниматься серьезнее восточным вопросом. Екатерина мечтала о

¹ Harris, I, 236, 268, 227.

² Herrmann, VI, 27.

³ Там же, VI, 9.

⁴ Arneth, «Maria-Theresia und Marie-Antoinette». Paris-Wien, 1865, 244.

присоединении к России Крымского полуострова; мало того, она начала думать о так называемом греческом проекте. Иосиф также желал простора для торговли на Черном море. Он начал сильно помышлять о сближении с Россией.



Медаль, Выбитая в честь Иосифа II, по случаю его приезда в Россию.

Граф Кобенцель стал играть в Петербурге довольно важную роль. Он там очень скоро сблизился с английским дипломатом Геррисом. Фридрих II старался, как сообщает Геррис, по возможности вредить Кобенцелю. В апреле 1780 года последний получил от своего правительства наказ: «Не падать ни труда, ни денег для того, чтобы отторгнуть Россию от союза с Пруссией и восстановить прежние дружеские отношения между императорскими дворами».¹

¹ Донесение саксонского дипломата Сакена, в соч. Германа, VI, 28.

Первая мысль о свидании между Екатериной и Иосифом принадлежала последнему. Зимой 1779—80 года он, сначала как бы шутя, заговорил с матерью о своем намерении посетить императрицу. Без ведома князя Кауница он сообщил свой план русскому послу в Вене, Голицыну, который тотчас же донес об этом в Петербург. Екатерина ответила, что чрезвычайно рада намерению императора, причем обещала не сообщать никому, не исключая даже и графа Панина, о предстоящем свидании.

Как думали в Австрии о значении этого свидания, можно видеть, между прочим, из переписки Марии Терезии с графом Мерси, с Марией-Антуанеттой и с Леопольдом Тосканским. Из этих писем мы узнаем, что ни мать Иосифа, ни австрийский посланник в Париже, ни французская королева не были довольны желанием Иосифа сблизиться с Екатериной.¹

В письме к Кауницу, очевидно, написанном для сообщения Голицыну, Иосиф говорил, между прочим, что желает посетить Россию под именем графа Фалькенштейна исключительно с целью познакомиться с императрицей, и что никоим образом не имеет в виду беспокоить ее, ни изменять ее предположений.²

Кауниц хотел воспользоваться свиданием Иосифа с Екатериной для сближения политических интересов России и Австрии и составил подробную записку о делах, которые могли сделаться предметом обсуждения по случаю этой встречи. В этих «*Reflexions sur l'entrevue prochaine*» говорилось о разных проектах относительно Порты, о вероятности намерения России приступить к разделу Турции и пр.³

Понятно, что слух о предполагаемом свидании наделал много шума. Граф Мерси в Париже в беседе с Верженом заметил, что нужно при этом случае стараться предупредить неприязненные действия Пруссии. Мерси, впрочем, писал к Марии Терезии: «Я полагаю, что это событие на некоторое время наделает шуму и затем останется без последствий, не сделавшись новой эпохой».⁴ В одном из писем Марии Терезии к графу Мерси сказано: «Я не сомневаюсь, что Екатерина прежде всего о предстоящем свидании уведомила короля прусского».⁵

¹ Arneth et Geffroy, «*Marie-Antoinette. Correspondence secrète entre Marie-Thérèse et le comte Mercy-Argenteau*». Paris, 1874, III, 404—405. См. также издание Арнета «*Briefe Maria Theresia's an ihre Kinder und Freunde*». Wien, 1881, II, 260—274.

² Arneth, «*Joseph II und Katharina*». Wien, 1869, VI—VII.

³ Ranke, XXXI, 94.

⁴ Arneth et Geffroy, III, 413, 417.

⁵ Там же, III, 404—405.

В начале марта 1780 года граф Герц в беседе с Паниным выразил опасение, что предполагаемое путешествие императора может повести к коренному изменению политической системы и поэтому имеет пагубные последствия. Панин возразил на это: «Если кто в глубине души до такой степени нерасположен к Австрии, как мы в настоящее время, то едва ли можно ожидать какой-либо перемены». Герц в письме к королю Фридриху II сказал, что нужно «быть терпеливым и, не показывая вида какого либо беспокойства, быть настороже». Как кажется, и сам король разделял мнение, что надежды Кауница на важную перемену не исполнятся.¹ Вместе с тем, чтобы скорее уничтожить всякое влияние Австрии, возник план отправить племянника прусского короля, наследника прусского престола принца Фридриха Вильгельма, для свидания с императрицей в Петербурге. Далее питали надежду подействовать на Потемкина и обещанием последнему весьма больших выгод заставить его противодействовать сближению между Австрией и Россией.

Иосиф II ожидал самых благоприятных и важных результатов от своей поездки в Россию. Своему брату Леопольду он писал: «Мне хотелось бы знать, как все будет, в каком состоянии я найду Россию. Как бы то ни было, эта страна с начала этого века изменилась совершенно, была, так сказать, создана заново» и пр.

Между тем Екатерина была занята приготовлениями к своему путешествию в Могилев, где должна была встретиться с Иосифом. Достоинство внимания замечание Безбородки в письме к Белорусскому наместнику, графу З. Г. Чернышеву, от 4 апреля 1780 года: «В иллюминациях и других праздниках могилевских ваше сиятельство постарайтесь избежать постановления имени ее величества, учреждая оные так, чтобы могли они сходствовать, например, к доброму согласию государей, утверждаемому персональным знакомством их и происходящему из того благоденствию и тишине для держав их. По словам ее величества, не дозволить, чтобы тут где-нибудь названием или символом был вспомнят мир Тешенский».²

На пути в Могилев императрица писала из Полоцка великому князю Павлу Петровичу и его супруге: «Вы угадали, полагая, что мне будет очень жарко; я в поту от одной только мысли» (о свидании с Иосифом).¹ В письме к Гримму Екатерина жаловалась на то, что мысль о предстоящей встрече сильно беспокоит ее. «Боже мой, — писала императрица, — не

¹ Zinkeisen, «Gesch. d. osman. Reiches», VI, 258—260.

² «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 65.

лучше ли было бы, если б эти господа сидели дома, не заставляя других людей потеть так страшно. Вот я опять принуждена разыгрывать жалкую роль Нинеты, очутившейся при дворе, и вся моя неуклюжесть, моя обыкновенная застенчивость должны будут явиться в полном свете».² В другом письме сказано: «Граф Фалькенштейн желает видеть меня в Могилеве. Я ему ответила, что игра не стоит свеч; он хочет, чтобы я забыла, кто он; я сказала, что это невозможно» и пр. В письме к Потемкину Екатерина указала на те внешние формы, которые должны были быть соблюдаемы при встрече с Иосифом.³ Так сказать, накануне свидания Екатерина и Иосиф обменялись письмами, в которых говорилось о нетерпении, радости и пр.⁴

Иосиф прибыл в Могилев за день до приезда Екатерины. На пути туда он писал не без удовольствия Марии Терезии: «Литовская земля, которая досталась императрице от Польши, очень плохо и мало населена; все почти леса и болота... население ничтожно».⁵

Первое свидание было устроено таким образом, что император пробыл с Екатериной несколько минут без свидетелей. Когда она вошла, Иосиф хотел поцеловать у нее руку; она обняла его. Екатерина была довольна первой встречей и писала Гримму: «Я нашла, что он (Иосиф) очень образован, любит говорить и говорит очень хорошо... Образцовые училища были вчера одним из предметов нашей беседы... И тут тоже я нашла, что дети иной раз не похожи на своих родителей. Мы (то есть Иосиф), кажется, не очень богомольны, что выражается особенно в выборе книг для чтения. Однако эпохи («Eroques de la Nature», соч. Бюффона) еще не попались ему в руки. Знаете, когда видишь переодетых кесарей, точно будто подымаешься на воздух: нос кверху и обнюхиваешь воздух» и пр.⁶

Без труда императрица уговорила Иосифа, не ограничиваясь пребыванием в Могилеве, посетить Москву и Петербург, причем выставляла на вид, что в уединении дачной жизни в Царском Селе гораздо удобнее можно будет обмениваться мыслями, то есть говорить о делах.

Недаром в то время в публике ходили слухи о том, что важнейшим предметом бесед между Иосифом и Екатериной был восточный вопрос.⁷ Недаром императрица в письме к Гримму заметила, что скрытность не до-

¹ Там же, IX, 51 и 52.

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 128, где год по ошибке показан 1779 вместо 1780.

³ Там же, XXVII, 180—181.

⁴ Arneth, «Joseph II und Katharina», 6—8.

⁵ Там же, «Maria Theresia und Joseph», III, 246—249.

⁶ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 180—181.

⁷ Записки Добрынина в «Русской Старине», IX, 116—117.

пускает сообщения подробностей разговоров с графом Фалькенштейном. И в письмах к великому князю и его супруге не говорится об этом предмете. Зато мы узнаём о содержании бесед Екатерины с Иосифом из писем последнего к Марии Терезии.

Иосиф сообщил своей матери, что Екатерина, очевидно, очень довольна встречей с ним и что обращение его с императрицей становится все более и более свободным. Говорили много и часто о Фридрихе II. Иосиф и Екатерина резко отзывались о прусском короле, о его страсти к интригам. Далее Екатерина как бы мимоходом спросила Иосифа, не пожелает ли он, как император, занять папскую область, завладеть Римом. Он возразил, что многие государства заинтересованы в сохранении *status quo* в Италии, но что она гораздо легче могла бы думать о захвате своего Рима, то есть Константинополя. Прерывая разговор, Екатерина сказала, что желает сохранения мира и не думает о завоеваниях.¹

Панин, Герц и Фридрих II сильно ошибались, предполагая, что свидание в Могилеве не будет иметь последствий и что Иосиф произвел на Екатерину впечатление «легкомысленного болтуна». В резких выражениях Панин осуждал страсть Иосифа к путешествиям.² Напротив, Геррис справедливо доносил своему правительству: «Императрица чувствует себя польщенною таким посетителем; она в самом деле пленена ловкостью и любезностью его. Он же, в свою очередь, сделал все возможное, чтобы понравиться ей», и пр.³

Из писем Безбородки к Воронцову видно, как ловко и остроумно Иосиф, во время путешествия из Могилева в Смоленск, беседовал о политике вообще, о способностях Панина, об искусстве, с которым в России обыкновенно пишутся дипломатические ноты и пр.⁴

Чуть ли не важнейшим сообщением Иосифа в его донесениях Марии Терезии было следующее: «Я сказал ее величеству, что мы решили во всех важных делах сообщать ей наши мысли откровенно и испрашивать ее советов; ей это очень понравилось, и ее ответы и уверения были как нельзя более дружеские и честные». В дальнейших разговорах Екатерина выставила на вид, что заключение союза с Пруссией было делом необходимости; затем следовали со стороны Екатерины новые намеки на Италию, на которые Иосиф возражал намеками на Константинополь. «Однажды, —

¹ Arneth, «Maria Theresia und Joseph», III, 251—265.

² Zinkeisen, VI, 260—261.

³ Harris, I, 313—314.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 69, 372—373.

сказано в письме Иосифа к матери, — она мне сказала положительно, что если бы даже завладела Константинополем, то не оставила бы за собой этого города и распорядилась бы им иначе. Все это меня приводит к мысли, что она мечтает о разделе империи и хочет дать внуку своему, Константину, империю востока, разумеется, после завоевания ее».¹

Что касается позднейших писем Иосифа II к Марии Терезии, то нужно отличать письма, отправленные по почте и подлежащие, как справедливо ожидал император, «перлюстрации», от других, отправленных с особыми курьерами и назначенных исключительно для императрицы-королевы. В письмах, которые через «перлюстрацию» легко могли сделаться известными Екатерине, Иосиф льстил императрице, хвалил блеск и роскошь ее столицы, вкус ее дворцов, садов и пр. Зато в письмах, отправленных через курьеров, он объяснял, в каком положении находятся политические дела и насколько можно надеяться на искреннее расположение России к Австрии; особенно подробно говорит Иосиф о восточных делах, которые, очевидно, в его беседах с Екатериной постоянно находились на первом плане. О Панине и Потемкине Иосиф отзывался не особенно выгодно. Между Потемкиным и Кобенцелем, впрочем, происходили переговоры о заключении австро-русского союза, целью которого была гарантия всех владений обеих держав в смысле оборонительного союза. Дело это усложнилось вопросом императрицы, можно ли включить и те завоевания, которые она могла бы сделать в будущем. Ей возразили, что это невозможно, потому что этим исключается принцип взаимности. Потемкин заявил Кобенцелю, что Россия готова гарантировать Австрии все завоевания, исключая Польшу и Германию, на что опять-таки не мог согласиться Иосиф II. Все это, однако, было лишь приготовлением к дальнейшим переговорам, происходившим после возвращения Иосифа в Вену.²

В одном из своих писем к матери Иосиф справедливо заметил, что ни одно из его прежних путешествий не имело столь важного значения, как поездка в Россию. Иосиф и Екатерина, расставаясь, обещали друг другу вести оживленную переписку. Все это не могло не иметь влияния на дальнейший ход политических событий. В письме великого князя Павла Петровича к Иосифу говорится о том, что от полного согласия убеждений и чувств его и Иосифа можно ожидать хороших результатов в будущем, и что таким согласием может обуславливаться счастье всего мира.³

¹ Arneth, «Maria Theresia und Joseph», III, 256—259.ы

² Arneth, «Maria Theresia und Joseph» III, 265—303.

³ Arneth, «Joseph und Katharina», 8—9.

Напрасно некоторые современники, в том числе Дом, держались прежнего мнения, что встречи такого рода обыкновенно вместо сближения людей приводят к противоположному результату.¹ Свидание Иосифа с Екатериной сделалось исходной точкой истинной дружбы, прекратившейся лишь с кончиной императора. Восхваляя способности и эрудицию Иосифа, Екатерина заметила в письме к Гримму после отъезда императора: «Свидание в Могилеве имело полнейший успех». Из других источников мы узнаем, что и Иосиф был чрезвычайно доволен впечатлением, произведенным на него личностью Екатерины.² Английский дипломат Геррис, донося об отъезде Иосифа, писал: «Граф Фалькенштейн нанес ужасный удар влиянию здесь прусского короля, такой удар, что, как я полагаю, это влияние никогда более не возобновится».³

В среде людей, нерасположенных к России, ходили разные слухи о неблагоприятном впечатлении, произведенном Иосифом в России. Так рассуждали Герц, Бретель, шведский посланник и пр. Фридрих II все еще надеялся, что путешествие Иосифа в Россию не изменит политической системы в Европе.⁴

Спрашивалось, каких последствий можно было ожидать от поездки в Россию прусского принца Фридриха Вильгельма?

Пребывание Фридриха Вильгельма в Петербурге

В начале июня 1780 года Иосиф II писал из Смоленска своей матери: «Принц прусский сюда придет в сентябре с целью испортить все то полезное, что удалось мне сделать».⁵

Геррис доносил своему правительству, что императрице совсем не понравилось предложение прусского двора отправить принца в Петербург.⁶

Самые подробные известия о пребывании Фридриха Вильгельма в Петербурге встречаются в доносениях английского дипломата. Он не может считаться беспристрастным свидетелем этого события, однако его за-

¹ Dohm, «Denkwürdigkeiten», I, 415—420. Этот отзыв повлиял на взгляды позднейших историков, напр., Германа и Бернгарди.

² Письма Гримма к Екатерине, Спб. 1880. Изд. «Сб. Ист. Общ.», 56, 222.

³ Harris, I, 324.

⁴ Zinkeisen, VI, 261—263.

⁵ Arneth, «Maria Theresia und Joseph», III, 259.

⁶ «The Empress was neither flattered nor pleased with the proposition».

мечания о полной неудаче миссии принца подтверждаются письмами Екатерины к барону Гримму.

В довольно резких выражениях Геррис описывает холодность приема, оказанного императрицей принцу, его неуклюжесть и неловкость. Екатерина, рассказывает английский дипломат, на вечерах в Эрмитаже не обращала на него почти никакого внимания и не устраивала для него придворных празднеств; всем были заметны приветливое обращение императрицы с представителем австрийских интересов, остроумным и ловким принцем де-Линь, и равнодушие, которое она выказывала к Фридриху Вильгельму; она как-то избегала беседовать с наследником прусского престола, чувствовавшего себя оскорбленным, униженным жалкой ролью, которую должен был разыгрывать при русском дворе; в противоположность к невниманию Екатерины, великий князь и его супруга относились к принцу дружески; зато Потемкин ограничивался в обращении с принцем самой обыкновенной учтивостью.

Геррис доносил далее, что императрица просила Панина ускорить каким-нибудь приличным способом отъезд принца для избежания неприятностей. В присутствии Фридриха Вильгельма императрица сказала графу Кобенцелю, что ежедневно вспоминает о графе Фалькенштейне и сожалеет о его отъезде. Из всего этого, по замечанию Герриса, можно было заключить, что союз между Пруссией и Россией не имел более никакого значения.¹ Геррис был убежден, что принц Фридрих Вильгельм вместо того, чтобы повредить императору Иосифу, усилил только выгодное мнение, которое императрица составила себе о последнем, и что принц, вместо того, чтобы быть полезным Пруссии, только компрометировал интересы этого государства. В депеше Герриса сказано после отъезда Фридриха Вильгельма: «Или вовсе не говорят о принце, или разве только в тоне сожаления, похожего на презрение».²

В донесениях графа Герца обо всем этом говорится в совершенно ином тоне; по его мнению, путешествие принца оказалось вполне целесообразным и полезным, особенно потому, что оно положило начало дружеским отношениям принца к Павлу Петровичу и Марии Феодоровне. Герц доносил, что в минуту отъезда Фридриха Вильгельма, в присутствии Панина, оба наследника престолов Пруссии и России обменялись торжественными обещаниями вечной дружбы.³

¹ «La cour de la Russie», между тем этого замечания нет в английском издании депеши Герриса.

² Там же, 348. Этого замечания нет в английском издании.

³ Zinkeisen, VI, 265—267.

По случаю пребывания Иосифа в России, как рассказывают, Фридрих II насмешливо заметил, что граф Фалькенштейн плохой дипломатический представитель императора Иосифа.¹ Как бы то ни было, принц Фридрих Вильгельм во всяком случае оказался плохим дипломатическим представителем Пруссии. Говорили, что сам принц вполне сознавал полную неудачу своей поездки в Россию.²



Фридрих-Вильгельм, принц прусский.
С гравированного портрета 18-го века Зинцениха.

Как рассуждала Екатерина о разнице между Фридрихом Вильгельмом и Иосифом, видно из ее писем к Гримму. В начале октября 1780 года она писала: «Мне не следует давать уроки господину Фалькенштейну; он уже совершенно выучился и будет отличным мастером, тогда как другой,

¹ Dohm, I, 425—426.

² Raumer, «Beiträge», V, 459—462.

только что у нас бывший, еще долго не будет даже и подмастерьем». «Бедняк», сказано далее в письме Екатерины о Фридрихе Вильгельме, «совсем нельзя разноухать, что в нем есть. Он сильно путает в разговоре или же отмалчивается, так что ничего из него не выходит; его сдержанность чрезвычайно неудобна для всякого имеющего с ним дело. Говорят, что он хорошо думает; это легко возможно: это можно сказать и об индейском петухе; однако быть индейским петухом или играть роль такового не во всякое время выгодно. Баста». Рассказав Гримму в другом письме о Иосифе II и об удовольствии свидания с последним, императрица продолжает: «А другой (то есть прусский принц) совсем тяжел на подъем; Боже! Боже! какая разница между ним и его дядями!» В этом же письме выражена надежда, что не станут более приезжать гости вроде принца Фридриха Вильгельма, что она захворала от неудовольствия видеть его и пр.¹

Значение путешествий Иосифа и Фридриха Вильгельма однако не ограничивалось разницей впечатления, произведенного принцем и императором на Екатерину. Отношение России к Австрии и Пруссии изменилось совершенно.

«Представьте себе, — писала Екатерина Гримму после отъезда Иосифа, — мы теперь переписываемся, и я получила даже от маменьки (Марии Терезии) письмо, сладкое как мед».²

Вообще Мария Терезия казалась склонной делать угодное России. Когда, в сентябре, в Австрию явились русские офицеры-путешественники, императрица-королева оказала им особенно благосклонный прием. Изъявляя матери благодарность за такой образ действий, Иосиф прибавил: «Нам теперь лучше действовать заодно при каждом случае».³

В письме Екатерины к Иосифу, писанном после отъезда прусского принца, сказано: «Такой посетитель, как ваше императорское величество, заставил нас быть разборчивыми в отношении к другим посетителям. Явиться непосредственно после вас, значило отважиться на слишком трудное и опасное предприятие».⁴ Весьма часто и в позднейших письмах Иосифа и Екатерины упоминается о свидании в Могилеве и в Петербурге.⁵

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 190, 192.

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 192.

³ Arneth, «Maria Theresia und Joseph», III, 314.

⁴ Там же, «Joseph II und Katharina», 19.

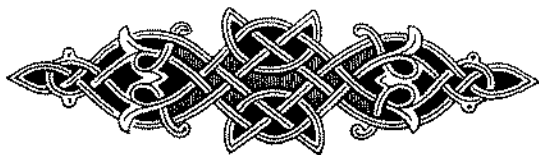
⁵ Там же, 59, 93 и 95.

Переписка между Фридрихом II и Екатериной вскоре прекратилась. Настала другая эпоха. Когда в 1781 году великий князь Павел Петрович с супругой предпринял путешествие в Западную Европу, Вена была одной из главных целей поездки, между тем как Берлин вовсе не входил в состав плана ее. Возвращаясь из Петербурга в Вену, Иосиф близ города Троппау встретился с братом великой княгини Марии Феодоровны. Этому виртембергскому принцу, находившемуся в прусской службе, Иосиф поручил поклониться от него Фридриху II и в то же время дал письмо к Марии Феодоровне. В письме к своей матери Иосиф II объясняет, что поступил так с целью кольнуть Фридриха II.¹

Геррис доносил, что все старания Фридриха II действовать на некоторых влиятельных лиц при петербургском дворе оставались тщетными. Летом 1781 года он писал: «Влияние и значение Пруссии исчезли здесь навсегда».² Возобновление прежних союзных договоров между Россией и Пруссией, которым истек срок в 1780 году, оказалось невозможным.³

Кончина Марии Терезии еще более содействовала сближению между Иосифом II и Екатериной.

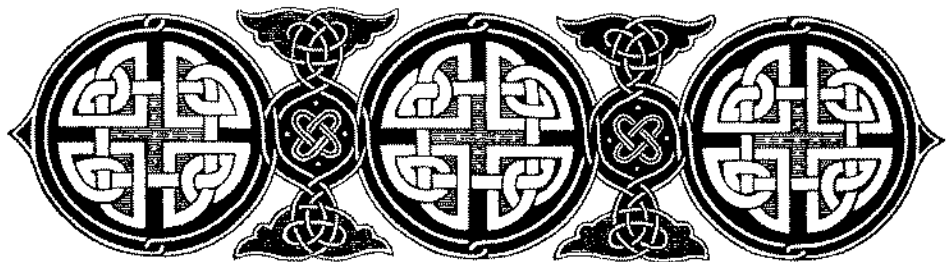
Отношения России и Пруссии доставили Екатерине возможность оказать влияние на польские и германские дела. Успехи России в Польше и Германии не прекращались и после ослабления русско-прусского союза. В дружбе с Иосифом императрица нуждалась для успешных действий на востоке.



¹ Arneth, «Maria Theresia und Joseph», III, 305.

² Там же, I, 432.

³ Dohm. I, 423.



Глава VI. Восточный вопрос до 1788 г. Россия и Порта после мира 1774 г.



урция после заключения Кучук-Кайнарджийского мира находилась в состоянии крайнего утомления, истощения. В сентябре 1774 года Фридрих писал Екатерине: «Мне пишут сегодня из Константинополя, что смущение и уныние, царствующие в этой столице, превосходят всякое представление, и, конечно, нужны будут многие годы, чтобы изгладить губительное впечатление, оставленное в умах всех магометан последней войной».¹ Екатерина писала около этого же времени Петру Панину, что легкие возможные недоразумения с Турцией по поводу вопроса о Крыме едва ли могут повести к разрыву, так как у Турции нет ни денег, ни людей, и пример бесцеремонного обращения с ними австрийцев доказывает бессилие Порты.²

С целью внушить Турции еще более высокое понятие о могуществе России туда был отправлен в качестве посла князь Репнин,³ незадолго до того выказавший свое дипломатическое искусство в суровом обращении с Польшей.

Положение, в котором находилась Порта, было таково, что Россия и Австрия, не опасаясь нисколько разрыва с Турцией, могли беспрепятственно нарушать ее права и интересы. Занятие Австрией Буковины ничем

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 349—350.

² Там же, VI, 179.

³ О посольстве Репнина см. «Сб. Ист. Общ.», V, 159 и след. и XV, 415 и след.

не отличалось от захвата Ципского графства, которым был нанесен удар Польше. Русское влияние господствовало в Крыму; рано или поздно мнимая независимость татар должна была превратиться в безусловное подчинение России. Недаром турецкие патриоты, предвидевшие присоединение Крыма к России еще до Кучук-Кайнарджийского мира, грозили восстанием в случае уступок в отношении Крыма и вопроса о свободном плавании русских на Черном море.¹

Несмотря на все старания французского агента, барона Тотта, военная организация в Турции расстраивалась все более и более; финансовое положение Порты было отчаянным. Только флот пользовался более благоприятными условиями, потому что деятельный капудан-паша, Гази-Гассан, заботился о сохранении в надлежащем состоянии верфей, на которых работали английские и голландские мастера, о покупке строительного материала в Англии, об учреждении школы для навигаторов и пр.

Барон Тугут считал весьма вероятной окончательную гибель Турецкой империи в ближайшем будущем. Кауниц говорил: «С небольшим, но хорошим войском можно во всякое время изгнать турок из Европы». Фридрих II не хотел заступиться за турок в их борьбе против Австрии и России, замечая при этом, что не желает разыгрывать в пользу турок жалкую роль Дои Кихота. Ходил слух, будто австрийский кабинет обещал Фридриху содействовать приобретению Пруссией Торна и Дандига, лишь бы Австрии была предоставлена полная свобода увеличивать свои владения в ущерб Османской Порте.¹

Приведение в исполнение условий Кучук-Кайнарджийского мира представляло собой довольно значительные затруднения. Возникли некоторые недоразумения относительно толкования некоторых пунктов мирного договора. Турки не могли не предвидеть, что Шагин-Гирей в Крыму сделается орудием России и посредником в процессе присоединения полуострова к России. Сначала Стахийев, а затем Репини старались путем подкупа успокоить турецкое правительство, раздраженное насильственным и произвольным образом действий России. В 1776 году Россия отправила несколько мнимо-торговых судов, в сущности бывших военными фрегатами, из архипелага через Дарданельский пролив в Черное море. Порта не хотела пропустить этих кораблей. Этот случай подал повод к обмену довольно резкими дипломатическими нотами, причем старания Рос-

¹ Zinkeisen, VI, 19.

² Там же, VI, 82 и след.

сии уладить дело посредством подкупа не повели к желанной цели.² Каждую минуту можно было ожидать нового разрыва.

Россия не могла и не хотела останавливаться на избранном ею пути. Было сделано распоряжение о постройке разных крепостей на турецкой границе. Одной из этих крепостей сделался город Херсон.³ Грек Булгарис, вступивший в русскую службу, составил две записки: одну об упадке Турции, другую о колонизации юга России.⁴ Жители дунайских провинций неоднократно обращались к русскому послу в Константинополе с просьбой о защите против насилия турок.⁵ Между греками на Балканском полуострове и русскими дипломатами существовали кое-какие сношения.⁶ Русские консулы весьма часто имели значение политических агентов и агитаторов.⁷ Были сделаны кое-какие приготовления для нападения русских войск на Перекоп.⁸ Императрица и Потемкин принимали самое деятельное участие в обсуждении мер для окончательного завладения Крымом. Безбородко, начавший около этого времени свою блестящую карьеру, составлял разные записки о татарах, о необходимости взятия Очакова и пр.⁹ Суворов занимался сооружением укреплений на Кубани. На Днепре кипела работа при снаряжении военных судов.¹⁰ Потемкин указывал на необходимость овладеть крепостью Бендерами.¹¹ Начали говорить о предстоящей осаде Очаковской крепости, которую Екатерина в письме к Потемкину назвала «Кронштадтом юга».¹²

В 1778 году ходили слухи о неминуемо предстоящем разрыве с Турцией;¹³ и английский дипломат Геррис считал войну неизбежной.¹⁴

Однако до войны было еще далеко. Напротив, в марте 1779 года между Россией и Турцией был заключен договор при Айнали-Каваке в дополнение к Кучук-Кайнарджийскому миру и для объяснения некоторых пунктов его.¹⁵

¹ «D'agir contre la Porte comme bon lui semble». Zinkeisen, VI, 153.

² Соловьев, XXIX, 225, 226, 240.

³ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 50.

⁴ «Др. и Нов. Россия», I, 209.

⁵ «Сб. Ист. Общ.», VI, 322, 343.

⁶ Там же, XV, 432, 441.

⁷ Там же, XV, 465 и след.

⁸ Там же, XXVII, 120.

⁹ Там же, XXVI, 339.

¹⁰ Там же, XXVII, 146, 152.

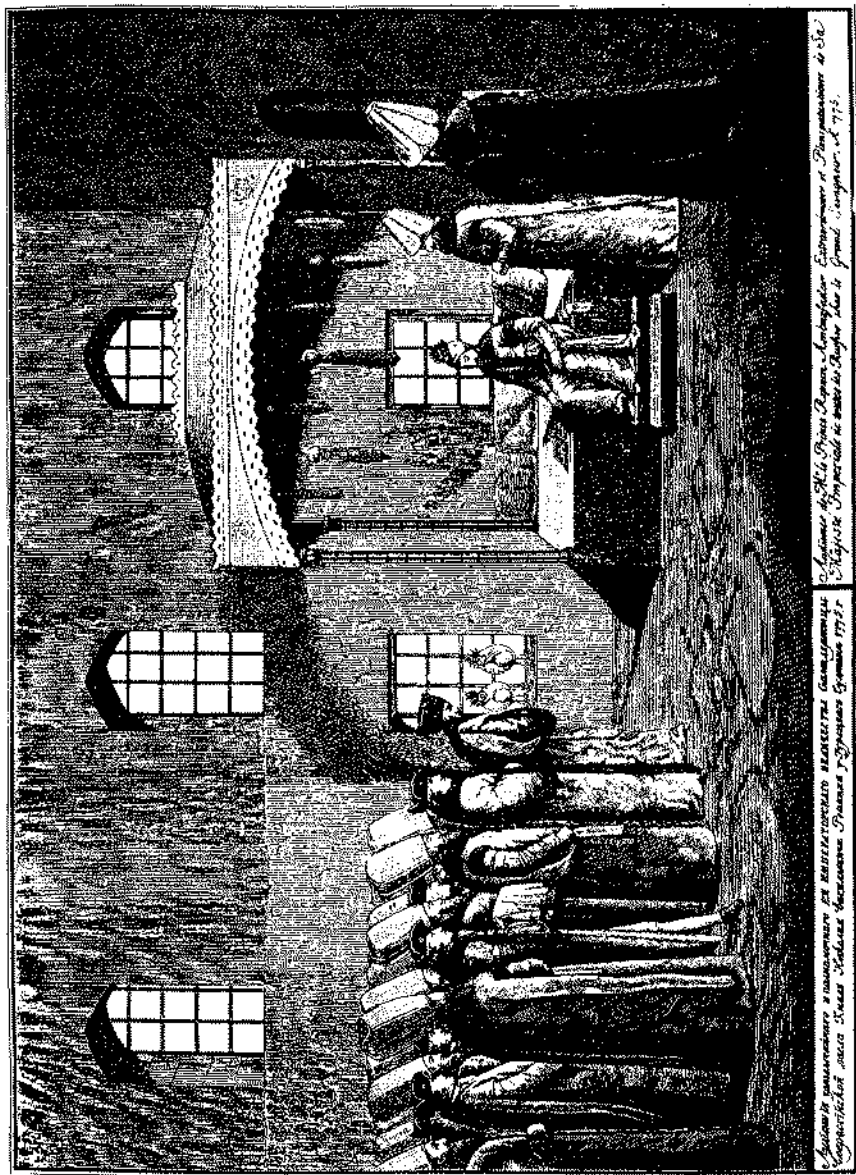
¹¹ Там же, XXVII, 137.

¹² «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 154, 156.

¹³ См. письмо жены Сиверса к мужу в соч. Блюма, II, 244.

¹⁴ Harris, I, 177.

¹⁵ См. подробности о дипломатических сношениях в сочинении Соловьева, XXIX, 301—329. Zinkeisen, VI, 120 и след.



Аудитория русского посла князя Н. В. Репнина у турецкого султана в 1775 году.
Скульптор: М. М. Бурцев

Скульптор: М. М. Бурцев. Реплика в Музее-заповеднике «Петровский дворец» в Москве. Открытие в выставочном зале в Гранд-отеле, с 1998 г.

27 апреля (8 мая) 1779 года родился великий князь Константин Павлович. В манифесте, опубликованном при этом случае, было сказано, что от иоворождения можно ожидать увеличения славы и могущества России. Уже имя, данное великому князю, заключало в себе намек на имеющуюся для него в виду карьеру. Кормилицей его была гречанка. В это время Екатерина беседовала с английским послом Геррисом, отец которого был ученым знатоком древнего мира, о греках, замечая, что им предстоит великая будущность.¹ На празднестве, устроенном Потемкиным по случаю рождения Константина, читались греческие стихотворения. На медали, выбитой по поводу этого события, изображены Софийский храм в Константинополе и Черное море, под которым сияет звезда.² Уже с 1777 года в Петербурге существовало училище для молодых греков.³ Из них же выбирались товарищи для забав великого князя Константина Павловича, с ранних лет усвоившего себе греческий язык.

«Греческий проект», об осуществлении которого начали хлопотать Потемкин и Безбородко, созрел именно во время пребывания Иосифа II в России.⁴

Достоинством того обстоятельство, что известие о путешествии Иосифа II в Россию сильно беспокоило турок, опасавшихся австрийской страсти к завоеваниям. Стахийев по поручению Екатерины заявил в Константинополе о совершении «невиности ее свидания» с императором.⁵ Однако между русским послом и рейс-эфенди происходили в то же время объяснения по поводу жалоб турок на постройку русских военных судов в Херсоне.⁶ Одновременно Уильям Итон (Eton) составил записку о способах изгнания турок из Европы.⁷ Когда, около этого же времени, Екатерине со стороны Пруссии и Франции было сделано предложение заключить союз с Турцией, она в сильных выражениях протестовала против такой мысли.⁸ Потемкину она писала по этому поводу: «Трактаты дружбы и коммерции полезны будут, но оборонительный и наступательный может впутать в такие хлопоты, что сами не рады будем; это французская замашка против Константина II».⁹

¹ Harris, I, 236, 238.

² «Русская Старина», XIX, 220—225.

³ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 5.

⁴ Там же, XXVI, 93—94, 221, 444.

⁵ Выражение, употребленное Екатериной в рескрипте Стахийеву, у Соловьева, XIX, 328.

⁶ Соловьев, XXIX, 327.

⁷ «Русская Старина», XIII, 443.

⁸ Zinkeisen, VI, 239, 240.

⁹ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 264.

Таково было положение дел в то время, когда происходило сближение между Иосифом и Екатериной. До отъезда своего в Могилев Екатерина велела написать портрет Константина, изображающий великого князя со знаменем Константина Великого в руках.¹ Понятно, что императрица с нетерпением ожидала случая побеседовать с императором Иосифом о турецких делах. Таким образом, в Могилеве и Царском Селе повторялись намеки на Рим и Константинополь; Екатерина в одном из своих писем к императору говорила о себе, как о главе Греческой церкви, называя Иосифа главой западноевропейской.

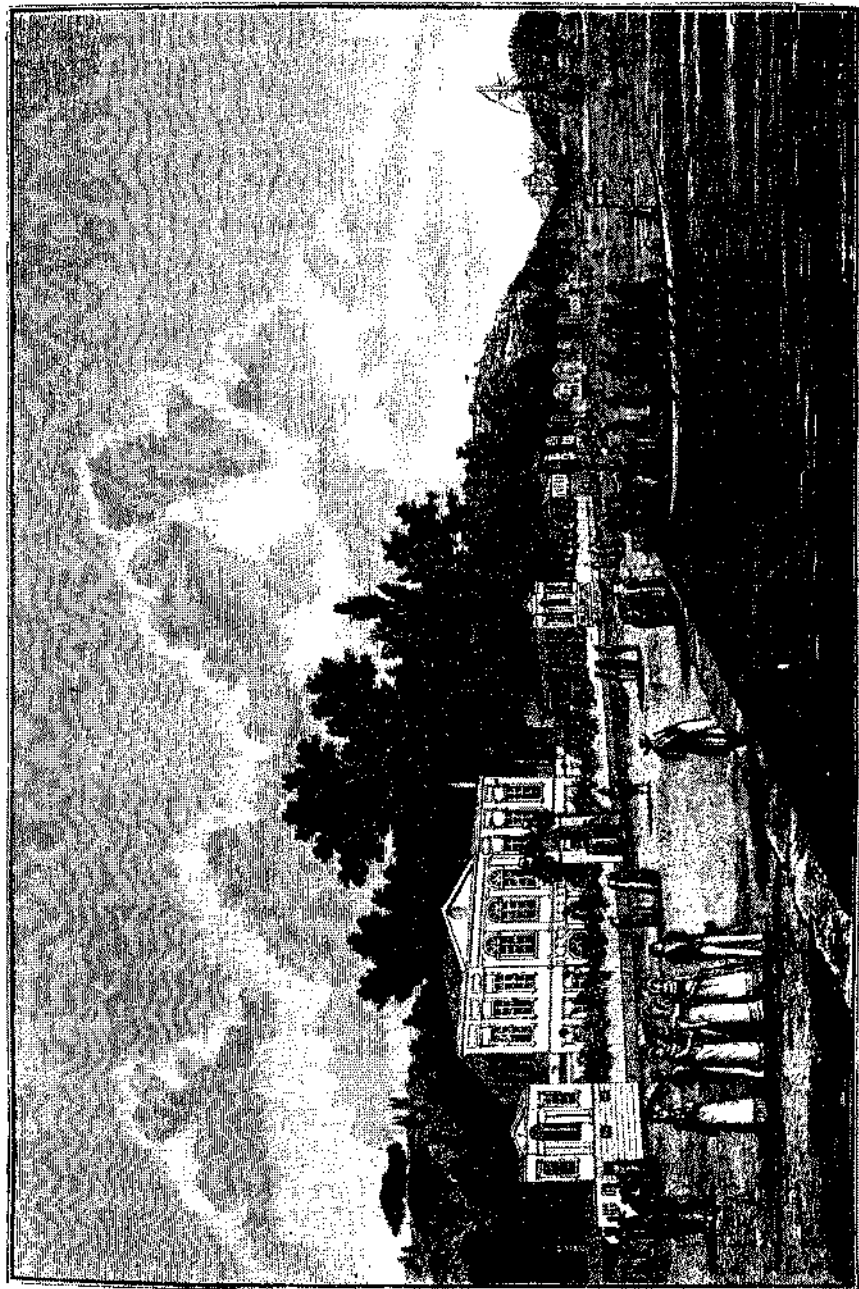
Вскоре начались переговоры о заключении союза. В письме от 1 января 1781 года, писанном главным образом Кауницом, Иосиф II просил указать на те условия, при которых Австрия и Россия взаимно гарантировали бы друг другу целостность территории обеих держав. В этом письме встречается лестное для Екатерины выражение, что императрица гораздо умнее его, Иосифа, и что ей хорошо известно, что соответствует чести и интересам каждого.² В ответ на жалобы Екатерины, что турки постоянно нарушают договоры, и на ее просьбу помочь ей наказать турок Иосиф ответил изъявлением полной готовности приступить к действиям, замечая, впрочем, что императрица, располагая знаменитыми полководцами, каковы Потемкин, Румянцев, Орлов, Репнин и другие, в сущности не может нуждаться в чьей-либо помощи.³

Заключение формального союза между Иосифом и Екатериной не состоялось. Екатерина настаивала на соблюдении при этом случае обыкновенного правила об альтернате, в силу которого при заключении договора в двух экземплярах документа подписи договаривающихся сторон чередуются. Иосиф, в качестве главы Германской империи, не мог согласиться на соблюдение этого правила. Чтобы обойти такое затруднение, Иосиф предложил вместо формальной редакции договорной грамоты в двух экземплярах обменяться двумя письмами, почти совершенно тождественного содержания, которые имели бы силу формально заключенного договора. Иосиф к тому же считал эту форму заключения договора тем более выгодной, что можно было успокоить противников Екатерины и

¹ Zinkeisen, VI, 268.

² Arneht, «Joseph II und Katharina», 32. Перевод этого письма в соч. Ранке (XXXI, 101) неправилен.

³ Там же, 45.



Дом русского посольства в Константинополе.
С рисунка начала 19-го века Ульфальди, из собрания П. Я. Дашкова.

Иосифа формальным и совершенно справедливым в точном смысле объявлением, что заключение трактата между Россией и Австрией не состоялось. «И без того, — заметил Иосиф, — король прусский узнал о существовании нашего тайного соглашения относительно Порты и воспользовался этим, чтобы повредить нам в Париже, Константинополе и других местах».¹

Состоявшийся таким образом союз между Россией и Австрией, совершенно изменил политическую систему Европы. Пруссия очутилась в невыгодном положении. Главным образом сближение между Иосифом и Екатериной было направлено против Турции. В других письмах, которыми обменялись императрица и император, заключался, так сказать, сепаратный артикул об условиях взаимной помощи в борьбе с Портой.²

Нельзя удивляться тому, что Фридрих начал беспокоиться, навел справки и наконец прямо обратился к Екатерине с запросом. Она отвечала уклончиво, замечая в то же время в письме к Иосифу, что документы, относящиеся к этому делу, хранятся у нее самой под ключом, и что она их никому не показывала, так что никто не может знать что-либо положительное об этом договоре.

Фридрих II писал в начале 1782 года к своему племяннику, герцогу Карлу Брауншвейгскому: «Мне кажется, что мы приближаемся к кризису... Очевидно, Россия намерена напасть на турок и надеется принудить их к миру в самом Константинополе. Император очень желал бы приобрести Боснию, Сербию и Белград. Он следует внушениям России». На другой день Фридрих высказал предположение, что война начнется уже в текущем году.³

19 февраля 1782 года императрица шутя писала Иосифу о своей надежде, что папа Пий VI, намеревавшийся посетить императора в Вене, передаст ему при этом случае ключи Рима и в то же время сделает ему предложение изгнать турок из Европы. Иосиф отвечал, что ждет такого предложения не столько от главы Римской церкви, сколько от императрицы, стоящей во главе Греческой церкви. При этом Иосиф заметил, что всегда готов исполнять ее желания.⁴

¹ Arneth, «Joseph II und Katharina», 79—90. Ranke, XXXI, 102. Herrmann, VI, 34.

² Трачевский в «Hist. Zeitschrift», 1875, Heft, 4.

³ Ranke, XXXI, 103—105. О Пруссии и Фридрихе в это время см. соч. Цинкейзена, VI, 272, 281, 300 и ст. Трачевского о княжеском союзе в «Вестнике Европы», 1875, III, 718, 720.

⁴ Arneth, «Joseph II und Katharina», 121—123.

И в Англии в это время ожидали раздела Турции.¹ Действительно, Иосиф и Екатерина в 1782 и 1783 годах мечтали об определении доли каждого участвующего в предполагаемом разделе Турции.



*Воскресший Бонневаль
новая вояжская школа Турок.*

*Der wieder auflebende Bonnevall
die neueste Kriegsschule der Turken*

Уменьшенное факсимиле карикатуры 18-го века
на обучение турецкой армии французскими офицерами.
Подлинник карикатуры находится в собрании П. Я. Дашкова.

Екатерина жаловалась на постоянно повторявшиеся беспорядки в Крыму; Иосиф изъявил готовность содействовать принятию мер для пре-

¹ Harris, I, 482.

крашения этих смут, прося императрицу точнее определить свои желания. 10 сентября 1782 года Екатерина в подробной записке говорила о вероятности разрыва с Турцией и необходимости заблаговременно определить плаи похода и решить вопрос о вознаграждении и приобретениях, требуемых от Турции, как от виновника войны. С Турцией, продолжает Екатерина, справиться не трудно. Беспорядки в этом государстве, отделение Европейской Турции от Азиатской, стремление отдельных пашей к независимости и вечный раздор между ними и султаном, то обстоятельство, что христиан в Турции в пять или шесть раз больше, чем турок, разбой и грабеж, повсеместные в Турции, отсутствие дисциплины в войске, равнодушные янычар к войне и военным делам, продажность и сребролюбие турецких чиновников, готовность населения к восстаниям, — все это, по мнению императрицы, должно содействовать облегчению задачи императорских дворов. Эта задача заключалась бы в приобретении турецких земель. Екатерина предлагает учредить между тремя монархиями (Россией, Австрией и Турцией) навсегда независимое от них государство под именем Дакии, состоящее из провинций Молдавии, Валахии и Бессарабии, под скипетром государя, который исповедовал бы религию, господствующую в этих странах. Что касается дальнейших приобретений, то Россия желает получить: 1) город Очаков с областью между Бугом и Днестром, 2) один или два острова в архипелаге для безопасности и удобства торговли. Затем от успехов войны будет зависеть, можно ли идти далее и приступить к изгнанию врага христианского имени из Константинополя и к восстановлению Греческой империи под неперменным условием сохранять эту возобновленную монархию в полной независимости от России и возвести на престол ее великого князя Константина Павловича. За это, кроме приобретения Австрией некоторых провинций на Дунае, Екатерина обещает Иосифу содействовать приобретению некоторых мест в Средиземном море, если император сочтет это удобным для поддержания и развития торговли своих подданных. В заключение императрица замечает: «Эти предположения могут казаться громадными и слишком смелыми; но я думаю, что при тесном союзе между нашими государствами почти все можно осуществить».¹

Нельзя не удивляться тому, что в записке Екатерины ни слова не сказано о приобретении Крыма. В это время все было приготовлено к занятию полуострова; несколько месяцев спустя совершилось присоединение его к России.

¹ Arneth, «Joseph II und Katharina», 143—157.

Иосиф медлил несколько недель ответом на записку Екатерины; быть может, и болезнь императора — у него сделалась рожа — заставила его отложить ответ. В письме от 13 ноября Иосиф прежде всего выразил опасение насчет противодействия Пруссии и Бурбонских дворов, которые легко могут препятствовать осуществлению проектов Екатерины. Присоединение к России Очакова с принадлежащею к нему областью, заметил



Проект медали на рождение вел. кн. Константина Павловича.

С рисунка, приложенного к «Русской Старине» 1877 года.

Иосиф, не может встретить никакого затруднения. Что же касается образования нового государства, Дакии, и возведения на престол Греции великого князя Константина, то это будет зависеть от успехов войны: со стороны же императора не будет затруднений в исполнении всех этих желаний, если только будут исполнены и его желания, которые состоят в следующем: для округления Австрийской монархии нужно присоединить к ней город Хотин с небольшой областью, прикрывающей Галицию и Буковину, часть Валахии, которую огибает река Алута, Никополь и отсюда оба берега вверх по Дунаю, следовательно, города Виддин, Оршову и Белград, для прикрытия Венгрии; от Белграда должно протянуть самую прямую и самую короткую линию к Адриатическому морю, включая Golfo della Drina, и, наконец, к Австрийской монархии должны отойти все вла-

дения венецианские на твердой земле и с прилежащими островами, ибо только этим средством произведения австрийских земель получат ценность; полуостров Морея, который принадлежал некогда венецианцам, острова Кандия, Кипр и другие, архипелажские, могут богато вознаградить этих республиканцев; император же может иметь тогда морские суда и быть, следовательно, гораздо полезнее для России; дунайская торговля останется совершенно свободною для австрийских подданных как при входе в Черное море, так и при выходе из него через Дарданеллы, и пр.¹

И в ноябре, и в декабре Екатерина в письмах к Иосифу повторяла, что она занята составлением ответа на записку императора. Из ее ответа (4 января 1783 года) видно, что мнения Иосифа и Екатерины расходились по главному предмету. Что касается венецианцев, писала Екатерина, то она считает, что их расположение в пользу России и Иосифа в случае войны с Турцией должно считаться слишком важным условием успеха, чтобы лишить их владений на твердой земле, что непременно возбудило бы их против императорских дворов. К тому же Екатерина полагает удобным предоставить будущей Греческой империи значительную территорию, а потому Морея и архипелаг должны войти в состав этого государства. Впрочем, заключает императрица, соглашение по вопросу о различных приобретениях австрийской монархии не может встретить никаких затруднений.²

Таким образом, Екатерина отказала Иосифу в предоставлении ему тех выгод, которых он наиболее желал. Ответ ее сильно подействовал на императора. В записке к Кауницу, которому он тотчас же по получении письма императрицы отправил этот важный документ, выражалось сильное негодование на Екатерину. Он говорил, что Екатерина, очевидно, хочет обмануть его, но что это ей не удастся. Вскоре после этого император написал ответ Екатерине в столь сильных выражениях, что Кауниц решительно советовал Иосифу изменить редакцию; иначе можно было, по его мнению, ожидать разлада с императрицей. Таким образом, ответ Иосифа был отправлен в совершенно новой редакции. Император писал, что, так как Турция не хочет разрыва и склонна к уступкам, значит, при совершенно изменившихся обстоятельствах не должно думать о войне. Отказываясь от приведения в исполнение своих прежних предположений, Иосиф уничтожал смелый проект Екатерины.³

¹ Arneth, «Joseph II und Katharina», 169 и след.

² Arneth, «Joseph II und Katharina», 182—188.

³ Arneth, 188—196.

Понятно, что она была крайне недовольна и вовсе не разделяла мнения Иосифа в отношении мнимой уступчивости турок. Она писала, что удивляется быстрой перемене в образе мыслей императора и что исполнение прежнего плана было бы достойным Цезаря. «Вот каково письмо императрицы, — писал Иосиф Кауницу, — в нем выражается сильная злоба, да это не могло быть иначе: она, однако, не может возразить ничего существенного на мои соображения». В течение нескольких недель между Екатериной и Иосифом не было переписки. Недаром Фридрих еще до этого выразил надежду на то, что при разделе Турции окажется невозможным соглашение интересов Австрии и России; он даже был убежден в том, что план завоевания Турции должен будет повести к разладу между Иосифом и Екатериной: очевидно, говорил он, австрийцы предпочтут слабого соседа — Турцию сильному — России.¹

Отказываясь нехотя от принятия мер к приведению в исполнение своего обширного плана, Екатерина приступила к завладению Крымским полуостровом.

Присоединение Крыма

В Крыму существовала русская партия, которую систематически поддерживал Потемкин. Приверженцы России обратились к императрице с адресом, в котором просили о присоединении Крыма к России.

Превращение Тавриды в русскую провинцию было делом необходимости для пресечения опасности, постоянно грозившей южным пределам России со стороны хищных татар. Занятие Крыма было некоторым образом оборонительною мерою. К тому же с давних пор, в продолжение веков, Россия стремилась к расширению своих пределов до берегов Черного и Азовского морей.

Так называемая независимость татар, бывшая одним из условий Кучук-Кайнарджийского мира, продолжалась лишь несколько лет. Все это время в Крыму свирепствовала упорная борьба партий. Преемником хана Сагиб-Гирея, бывшего представителем интересов России, сделался поддерживаемый Турцией хан Девлет-Гирей. Так как Сагиб-Гирей обратился к России с просьбой о помощи, Суворов силою оружия возвратил ему власть; затем явился настоящий воспитанник России, Шагин-Гирей, про-

¹ Zinkeisen, VI, 306.

живший несколько лет в России и привыкший к западноевропейским нравам и обычаям. Сделавшись ханом, он постоянно должен был бороться против влияния Турции, которая желала возвести на престол в Крыму своих кандидатов. Свергнутый с престола Шагин-Гирей вернулся при помощи русского оружия, благодаря появлению в Крыму генерала Самойлова. Противники его подверглись жестокому преследованию. Русских войск в Крыму прибавлялось все более и более. В апреле 1783 года Потемкин явился в Херсон, откуда сделал последние распоряжения для занятия Крыма; начались переговоры с Шагин-Гиреем и с начальниками племен на Кубани; переговоры эти повели к желанной цели: хан уступил свои права императрице, и Крым превратился в провинцию России.¹ Все эти события напоминали то, что происходило в Курляндии и Польше в начале царствования Екатерины.

Из весьма значительного числа рескриптов, собственноручных писем и записок Екатерины видно, в какой степени императрица принимала участие во всем деле присоединения Крыма. Особенно оживленной была в это время ее переписка по этому вопросу с Потемкиным.² Постоянно Екатерина готовилась к разрыву с Турцией. Узнав от Потемкина о плохом состоянии укреплений Очакова, она писала: «Не блистающее описание состояния Очакова, которое ты из Кинбурна усмотрел, совершенно соответствует попечению той Империи об общем и частном добре, к которой по сию пору принадлежит; как сему городишку нос подымать против молодого Херсонского колосса!» и пр.³ В конце 1782 года Екатерина писала Потемкину, что нужно воспользоваться первым удобным случаем для захвата Ахтиарской гавани, то есть Севастопольской бухты.⁴ Несколько раз императрица выражала надежду, что присоединение Крыма к России наконец состоится.⁵

Во все это время продолжалась переписка Екатерины с Иосифом II, хотя в ней и заметны следы недоразумений, возникших по поводу вопроса об условиях раздела Турции. Получив в апреле 1783 года от Иосифа скудное содержанием, но богатое фразами письмо, Екатерина сообщила о нем

¹ Весьма важным источником для истории этих событий служат записки Самойлова в «Русском Архиве» 1867, 1208—1225. Об участии Безбородко в этих делах см. «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 91—95. Богатый материал у Цинкейзена, VI, 907—934. Там же о дальнейшей судьбе Шагин-Гирея.

² «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 207 и след.

³ Там же, 217.

⁴ Там же, 228.

⁵ Там же, 265, 269.

князю Потемкину, замечая при этом: «Я твердо решилась ни на кого не рассчитывать, кроме нас самих. Когда пирог будет испечен, у каждого явится аппетит. Как мало я считаю на союзника, так мало я опасаюсь и уважаю французский гром, или, лучше сказать, зарницу».¹



Татарские набеги в Крыму времен Екатерины II.
С офорта 18-го века Гейслера.

Крым был присоединен к России указом 8 апреля 1783 года. 7 апреля Екатерина писала Иосифу о новых неприязненных действиях Порты, ко-

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 252.

торые принуждают ее к принятию решительных мер. Далее в ее письме сказано: «Я никаким образом не стану требовать от вас, чтобы вы подвергли ваши владения какой-либо опасности для моих выгод... Я надеюсь, что на этот раз собственные силы моего государства будут достаточны для того, чтобы принудить Порту к миру надежному, выгодному и соответствующему моему достоинству. Зная, однако, высокую душу императора Иосифа II и искренне желая личной славы для него и выгод для его государства, интересы которого столь сходны и столь тесно связаны с интересами России, я не могу не желать, чтоб он участвовал в предстоящей борьбе и посредством новых побед и приобретений озарил новым блеском свое царствование».¹

Немного спустя Иосифу было сообщено о присоединении Крыма. Император оказался довольным этим событием, которое считал выгодным для австрийской монархии. Можно было надеяться, что вследствие этого турки будут миролюбивее и не так легко начнут наступательную войну, что занятие крымских гаваней русскими и развитие русского флота на Черном море могло скорее удерживать Порту от нападений на австрийские владения. К тому же Иосиф, одобряя образ действий императрицы, поддерживал союз с Россией и таким образом еще успешнее препятствовал сближению России с Пруссией.²

В нескольких письмах Екатерина изъявила Иосифу свою благодарность за его косвенное содействие занятию Крыма, обещая ему, что Россия при случае станет также действовать для доставления выгод Австрии. Иосиф в записке к Кауницу выразил предположение, что императрица при этом случае имела в виду присоединение Молдавии и Валахии к австрийской монархии.³ Старания Екатерины помочь Иосифу по поводу проекта об обмене Нидерландов на Баварию и по поводу спора о плавании по реке Шельде доказывало, что Екатерина действительно считала себя обязанной императору.

Приобретение Крыма имело громадное значение для России. Недаром брат Иосифа, Леопольд Тосканский, заметил тогда же, что Россия отныне станет господствовать на Черном море так же, как она уже прежде господствовала на Каспийском море, и что Россия с берегов Крымского полуострова во всякое время станет угрожать Турции нападением на Константинополь.⁴

¹ Arneth, «Joseph II und Katharina», 195—199.

² Ségur, Mémoires, III, 209.

³ Arneth, 206.

⁴ Ranke, XXXI, 115.

Рассказывали впоследствии о замечании Екатерины, что она прибыла в Россию бесприданницею, но что в Тавриде и Польше она приобрела себе приданое.¹ В веселом тоне она сообщила Гримму о присоединении Крыма и о том, что ей удалось раз навсегда положить конец хищничеству татар и штригам турок в Крыму. Останавливаясь на частностях этого события, Екатерина доказывала, что нельзя было не решиться на энергичные действия. При этом она изъявила сожаление, что Даламбер, скончавшийся в октябре 1783 года, не одобрял образа действий России.²

Императрица не была равнодушна к отзывам о ней в Западной Европе. Для России довольно важная выгода заключалась в том обстоятельстве, что на западе во время присоединения Крыма оканчивалась многолетняя война между разными державами, которые, в утомлении после напряжения сил, не желали вооруженною рукой препятствовать успехам России.

Мысль о возможности столкновения между Россией и другими державами по поводу турецких дел оказалась довольно близкой к осуществлению. Когда Екатерина сообщила великому князю Павлу Петровичу об успешно совершенном присоединении Крыма, Павел высказал убеждение, что особенно Франция едва ли спокойно станет смотреть на столь важное усиление могущества России; императрица уверяла сына, что не имеет основания опасаться ни Франции, ни Швеции.³

Геррис уже в 1782 году доносил своему правительству, что можно считать весьма вероятным разрыв с Турцией и что Екатерина, как можно полагать, желает войны.⁴ В других депешах английский дипломат возвращался неоднократно к этому предмету: Потемкин, писал он, желает завладеть Очаковым; в России усиливают артиллерию; очевидно, существуют широкие планы относительно Турции, и эти планы доходят до таких размеров, что императрице приходится сдерживать пылкое воображение Потемкина; нет сомнения, что все это клонится к разделу Турции. Немного позже Геррис писал, что можно ожидать турецкой войны по поводу крымских дел; Потемкин в ближайшем будущем, доносил Геррис, намерен приступить к осаде Очакова, и потому просил об усилении артиллерии в Южной России, и пр.⁵

Уже прежде в Петербурге узнали о разных кознях прусского дипломата в Константинополе, Гафрона, направленных против России.⁶ После

¹ Masson, «Mémoires secrets sur la Russie», I, 49.

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 277, 287, 308.

³ «Русская Старина», VIII, 652—653.

⁴ Harris, I, 540.

⁵ Там же, II, 8, 12, 13, 15—19, 22, 27, 42, 46, 56.

⁶ «Вестник Европы», 1876, III, 317.

присоединения Крыма к России были получены новые известия об усиленных интригах Гафрона.¹ Из Испании писали о сильном раздражении Франции по случаю усиления России.² С иасмешкою и в тоне неудовольствия императрица отзывалась о дипломатической деятельности французского дипломата Шуазэля-Гуфье в Константинополе.³ Вержен составил план подачи Турции помощи в борьбе с Россией; он же мечтал о возможности заставить петербургский и венский дворы согласиться на посредничество Франции в споре между Турцией с одной стороны, и Россией и Австрией — с другой.

В августе 1783 года Екатерина была убеждена в том, что Турция ей объявит войну.⁴ И действительно, в Константинополе партия, склонная к войне, производила сильное давление на правительство. Рейс-Эфенди объявил, что скорее готов умереть, чем допустить, чтобы Крым оставался в руках России. Несмотря на все это, умеренная партия взяла верх, и мир пока не был нарушен.⁵

Впрочем, Россия не переставала готовиться к походу. Грейг составил записку о нападении на Дарданеллы, к которой Потемкин прибавил некоторые замечания.⁶ И Кауниц желал разрыва с Турцией и считал время удобным для открытия военных действий: он говорил, что Австрия теперь может возратить себе то, чего она лишилась при Белградском мире. Император Иосиф должен был сдерживать предприимчивость канцлера.⁷

Мир не мог быть продолжительным. Присоединение Крыма к России было слишком тяжелым ударом, нанесенным Порте. Можно было ожидать разрыва тем более, что Россия не переставала действовать наступательно и возбуждать Порту к объявлению войны.

Путешествие 1787 года

Несколько лет спустя после первого раздела Польши Екатерина предприняла путешествие в Могилев, для ознакомления с новоприобретенным краем, Белоруссией. С такою же целью была совершена поездка в

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 274.

² «Вестник Европы», 1876, III, 710.

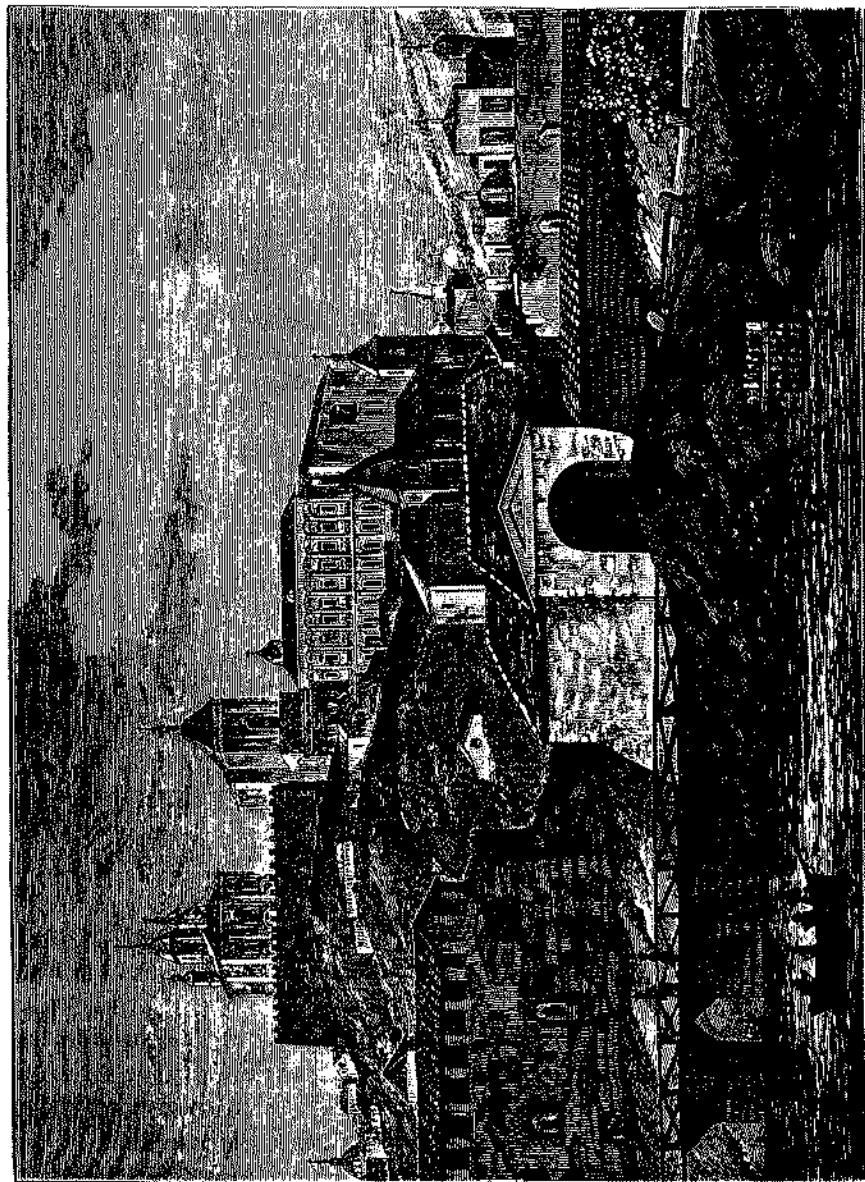
³ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 281—282.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 274.

⁵ Zinkeisen, VI, 404—405.

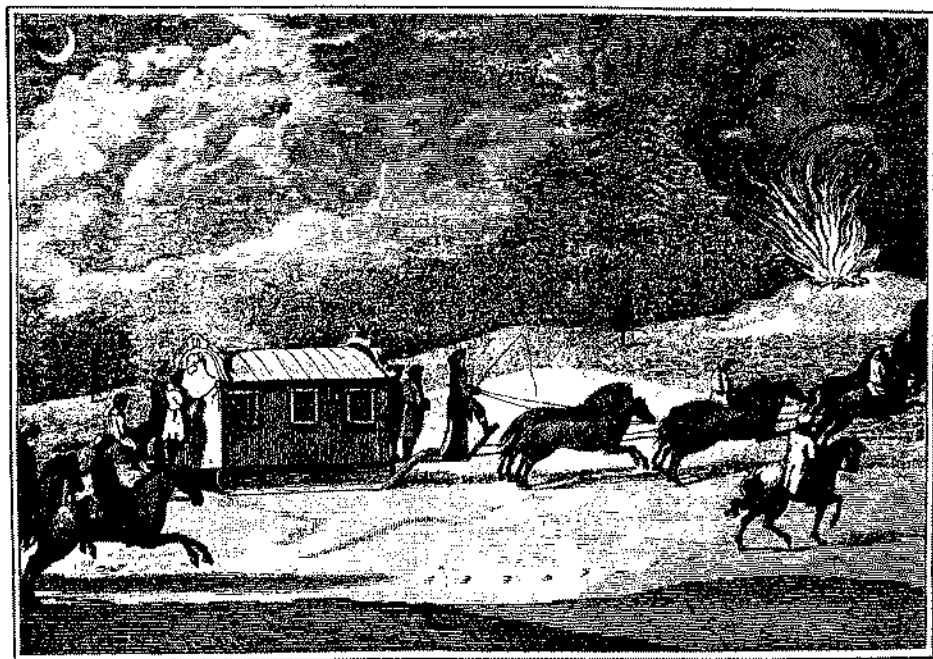
⁶ «Русская Старина», XXII, 449 и след.

⁷ Трачевский в «Вестнике Европы», 1876, III, 716.



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.
Вид Смоленска в конце 18 столетия.
С гравюры того времени Химмеля.

Крым несколько лет после присоединения полуострова. То обстоятельство, что императрица отправилась в Южную Россию в то самое время, когда можно было ожидать разрыва с Турцией, придало ее путешествию характер политической демонстрации; нельзя не признать, что такой образ действий русского двора ускорил решение вопроса о турецкой войне.



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.

Дорожный возок Екатерины II.

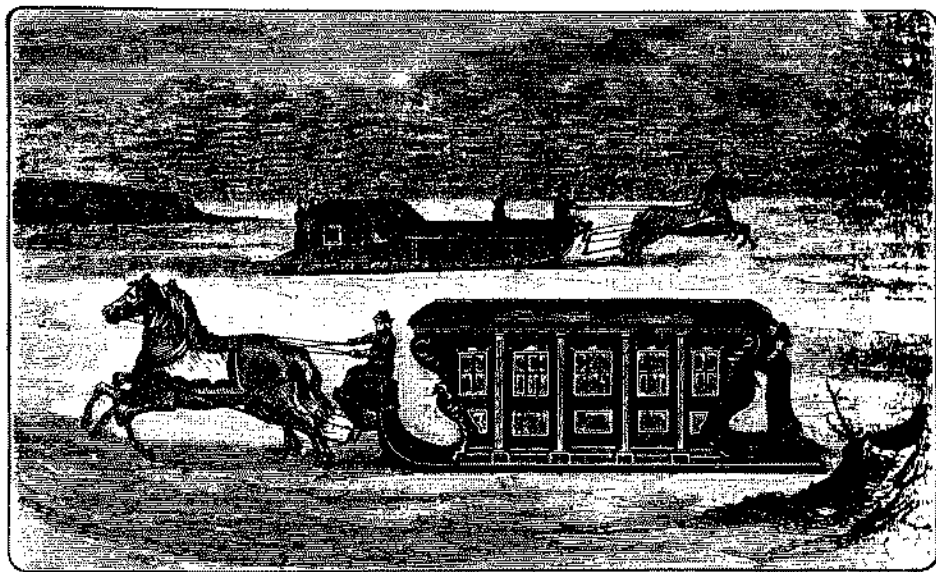
С гравюры 18-го века Гоппе.

Императрицу сопровождали при этом случае многочисленная свита, министры, некоторые из иностранных дипломатов; целью путешествия были Херсон, приобретший в последнее время значение военного порта, Бахчисарай — бывшая столица крымских ханов, Севастополь — одна из лучших гаваней в мире, в которой можно было видеть созданный Потемкиным в самое короткое время флот, готовый сражаться с турками.

Таким образом, путешествие Екатерины в то же самое время было придворным увеселением, так сказать, пикником в громадных размерах, и

весьма важным и серьезным политическим действием, которое должно было возбудить страх и раздражение противников России.

Уже за несколько лет до этого путешествия была речь о нем. В письмах к Иосифу Екатерина напоминала императору о данном ей в Могилеве обещании встретиться с нею в Херсоне.¹ Еще в 1784 году были приняты



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.

Придворные дорожные экипажи Екатерининского времени.

Со старинной гравюры.

кое-какие меры для приведения в исполнение намерения Екатерины посетить южные окраины империи.² Между тем императрица в письмах к разным лицам старалась распространить мнение, что предполагаемое ею путешествие не имеет ничего общего с политикой;³ так как, однако, было известно, что главным поводом к поездке было обревизование результатов административной деятельности Потемкина, заключавшихся главным образом в приготовлениях к турецкой войне, то уверения Екатерины не согласовались с положением дел.

¹ Arneth, «Joseph II und Katharina», 92, 277.

² «Записки Одесского Общества Ист. и Др.», II, 758.

³ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 378—380. Соч. Екатерины, изд. Смирдиным, III, 449.

Путешествие Екатерины должно было сделаться торжеством Потемкина, имевшего возможность показать вверенную ему новоприобретенную область в самом выгодном свете. Богатство и производительные силы степного края, быстрое развитие новопостроенных городов, множество военных снарядов и припасов, значение новых крепостей, многочисленность войск, сила и блеск нового флота, роскошь и прелесть великолепной природы в Крыму — все это не могло не произвести благоприятного впечатления на императрицу, все это должно было обезоружить противников светлейшего князя и в то же время дать всему миру высокое понятие о размерах средств, которыми располагала Россия.

Французский дипломат Сегюр, участвовавший в этой поездке, утверждает, что Потемкин, устраивая путешествие Екатерины, тем самым желал довести ее до объявления войны туркам.¹ Однако не должно упускать из виду того обстоятельства, что план поездки состоялся независимо от соображений Потемкина.

Сама императрица едва ли ожидала, что ее путешествие поведет прямо к разрыву с Портой. Считая вообще войну неизбежной, Екатерина, однако, не могла желать столь быстрого открытия военных действий. Если бы она считала вероятным разрыв с Портой в ближайшем будущем, то сообщила бы императору о предстоящем путешествии в ином тоне, нежели это было ею сделано.

Иосиф удивился небрежности в форме приглашения императрицы. Он писал Кауницу, что после всех услуг, оказанных им Екатерине, после содействия присоединению Крыма к России, такой способ приглашения может казаться странным, и что он намерен в своем ответе дать почувствовать «принцессе Цербстской, превращенной в Екатерину», что не должно так бесцеремонно располагать им.

Сначала Иосиф вовсе не хотел ехать в Россию. Но те самые соображения, на которых вообще был основан его союз с Россией, побудили его к поездке в Херсон, и он, по совету Кауница, в самых лестных выражениях известил Екатерину о том, что скоро увидится с нею. Хотя в письмах Иосифа и Екатерины по случаю предстоявшего свидания не говорилось о главной цели свидания, то есть о турецких делах, все-таки в этом событии заключалась широкая политическая программа. Вопрос о разделе Турции не мог не сделаться главным предметом бесед между Иосифом и императрицей.

¹ Ségur, Mémoires, III, 113.

При всем том, однако, важнейшей целью поездки казалось развлечение, веселье, непринужденная беседа. О забавах во время дороги Сегюр сообщает некоторые любопытные подробности. И в карете, и на станциях продолжали забавляться совершенно таким же образом, как забавлялись в



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.

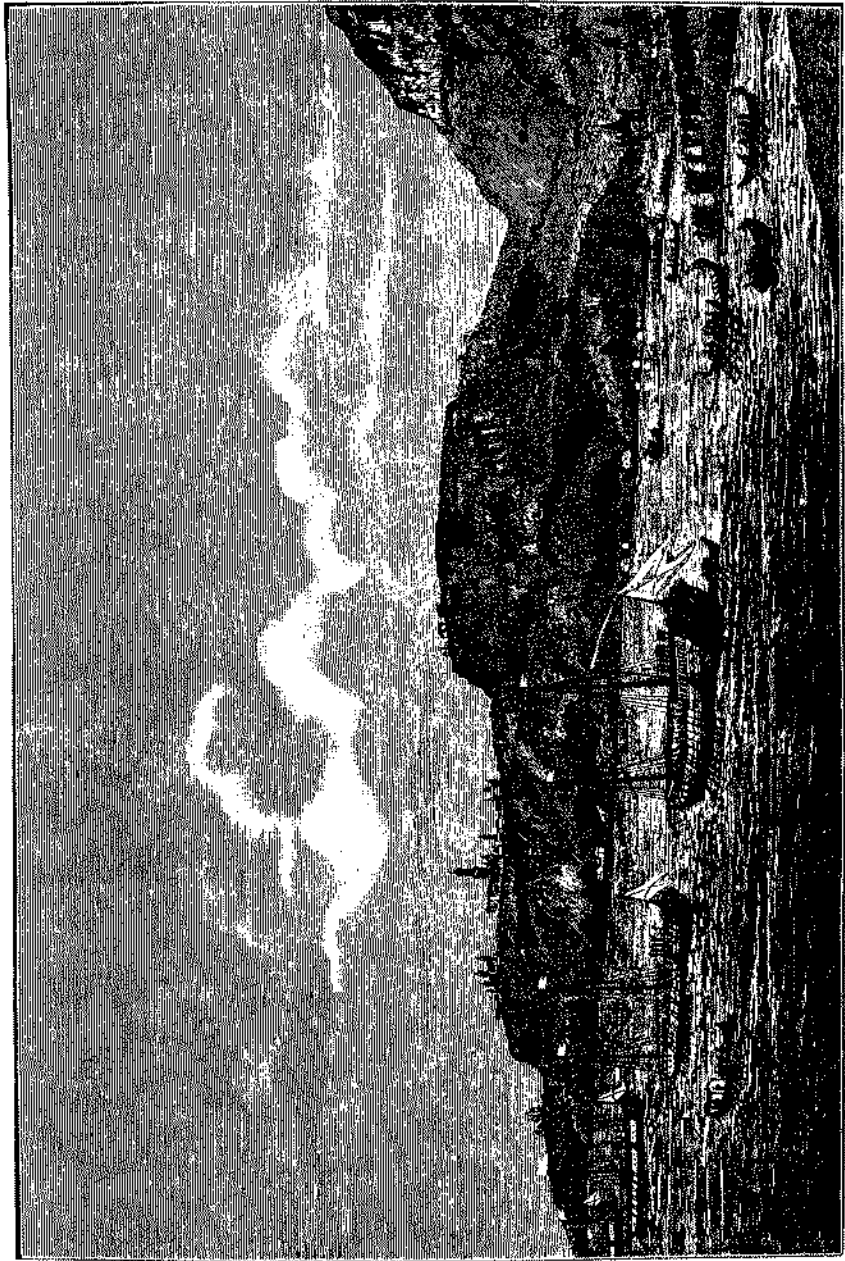
Верстовой столб Екатерининского времени.

С гравюры 18-го века.

Царском Селе или в Эрмитаже. Рассказывали анекдоты, например, о Вольтере, Дидро, Мерсье де ла Ривьере и других знаменитостях французской литературы, говорили об истории и статистике, о мифологии и земледелии, о словесности и философии; задавали друг другу шарады; писали

bouts-rimés, в сочинении которых особенно отличался граф Сегюр; представляли живые картины, об устройстве которых более всего хлопотал граф Кобенцель. Придворный этикет по возможности был устранен. Строгие формы церемониала на время исчезли. Тем легче путешественники могли наслаждаться прелестью беседы, о которой Талейран сказал, что эта дореволюционная «conversation» в высших сферах общества составляет самое утонченное удовольствие, самое большое счастье. Из записок Сегюра, из писем принца де Линя, из заметок Екатерины можно видеть, каким необыкновенным талантом для такого рода беседы отличались и сама императрица, и ее спутники.

Несмотря на это, оказалось невозможным устранить на время поездки политику. Каждый из собеседников был представителем известных политических интересов и имел определенную политическую программу. Вопросы об Оттоманской Порте, о стремлении прусского короля Фридриха Вильгельма II вмешиваться в дела других государств, о печальном положении Франции, приближавшейся к перевороту, занимали всех. Большею частью шутя касались в разговорах и этих предметов. Весьма ловко императрица говорила о России, о народном богатстве, о плодородии почвы, о доходности рыбной ловли на Волге, об удобстве при столь выгодных условиях хозяйственного быта русского народа производить реформы в его общественном строе. Ей было известно, что за границей не особенно выгодно рассуждали о России, и потому она старалась подействовать на образ мыслей своих собеседников-дипломатов в этом отношении; она называла империю своим «petit ménage» и утверждала, что пока хозяйничает весьма благополучно. Посланники, казалось, были восхищены быстротою прогресса, совершающегося в России, сыпали комплименты по этому поводу, хвалили Петра Великого, который, по словам Екатерины, служил ей образцом при управлении государством и пр. Такие беседы были прерываемы торжественными выездами в губернские города, речами высоких сановников и духовных лиц, аудиенциями, балами, иллюминациями. Царствование Екатерины являлось в полном блеске. В Киеве представлялись императрице многие богатые и знатные поляки различных партий, в том числе и племянники короля. Вместе с представителями Западной Европы Екатерину окружали депутаты от татар, калмыков, киргизов и пр. Все это представляло собою занимательное зрелище, соприкосновение разных степеней культуры, цивилизации различных эпох, крайнее разнообразие в нравах и приемах общежития, в физиономиях и одеждах, в наречиях, поведении, наклонностях и пр.

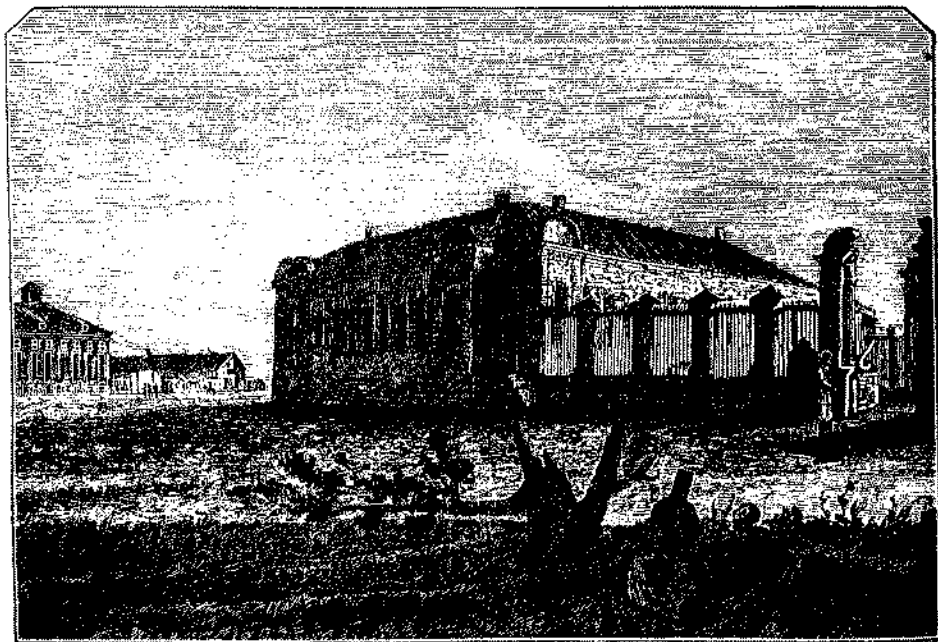


ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.

Императорские галеры, открывающие из Клева по Днепру.

С акварельного наброска с натуры сэра-вождявшего императору, художника Хатфильда; сам рисунок находится в Эрмитаже.

Хотя Екатерина всячески старалась разузнать во время путешествия об образе мыслей и о разговорах между собою иностранных дипломатов, но сама не говорила с ними о важнейших политических вопросах. Ей хорошо было известно, что в Западной Европе ее путешествие приписывали важное политическое значение. Поэтому она распорядилась, чтобы, когда она в день именин Иосифа II на балу у Кобенцеля торжественно пила за

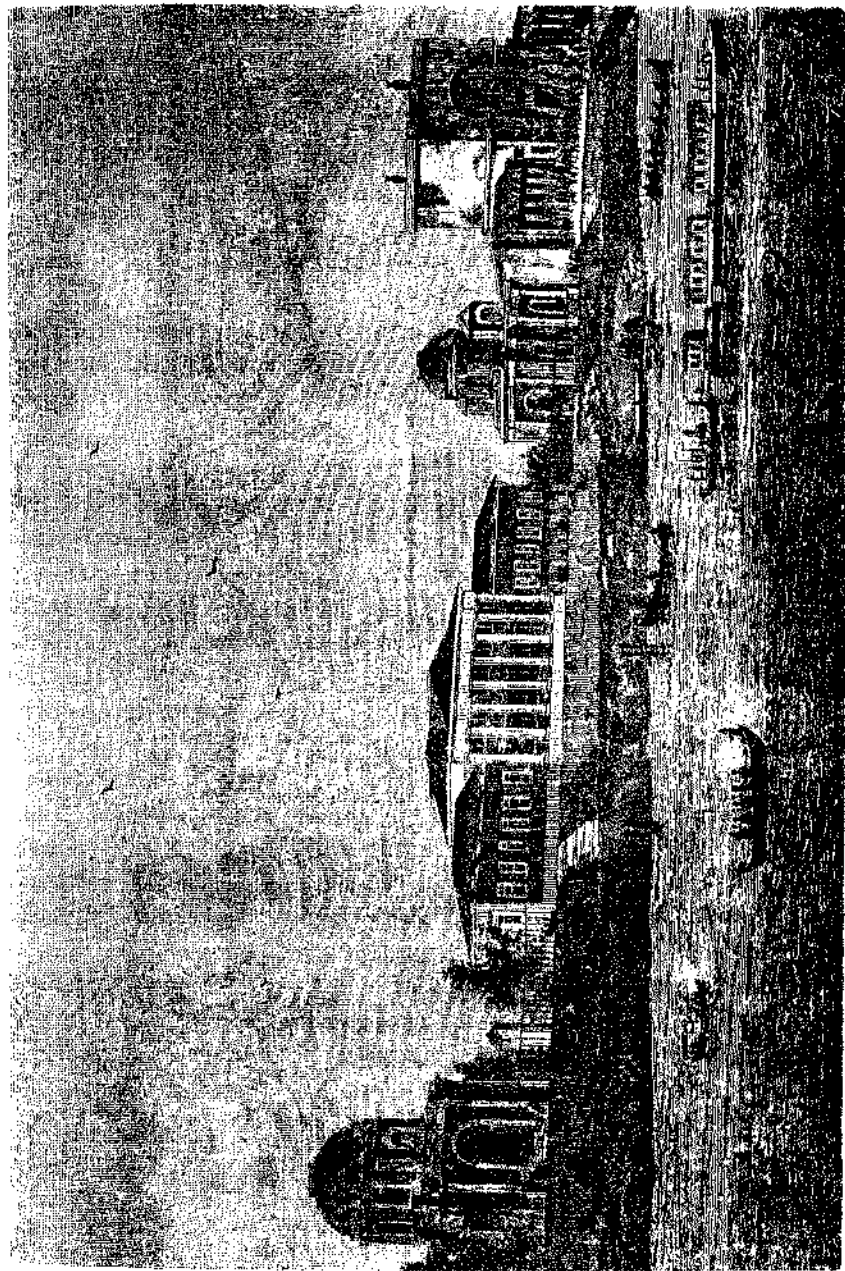


ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.

Дворец в Киеве в конце 18 столетия.

С рисунка того времени И. Сергеева, из собрания П.Я. Дашкова.

здоровье ее друга императора, этот эпизод не был упомянут в печатаемом, по ее желанию, журнале путешествия. Шутя она затрагивала политические дела. Рассказывая, например, о том, что один русский моряк женился на негритянке, она, смеясь, заметила, что из этого факта можно видеть, до чего доходит ее честолюбие, так как в этой женитьбе кроется бракосочетание русского флота с Черным морем. «Вы не хотите, — сказала императрица однажды, смеясь, Сегюру, — чтоб я прогнала ваших питомцев,



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.

Прибытие императорских галер в Кременчуг.

С акварелью и наброском с натуры сопровождал ее императрицу художника Хатфильда; сам рисунок находится в Эрмитаже.

турок. Хороши они; они вам делают честь. Будь у вас в Пиемонте или в Савойе такие соседи, которые ежегодно беспокоили бы вас голодом и чумой, убивали и уводили бы в плен по целым тысячам ваших соотечественников, — что сказали бы вы, если бы мне вдруг вздумалось защищать их? Разумеется, вы назвали бы это варварством с моей стороны».¹

В беседе с Храповицким Екатерина в это время говорила о Порте в совершенно ином тоне, жаловалась на европейские кабинеты, «которые Порту вооружают», и заметила: «Мы сами можем начать на основании споров с турками по делам на Кавказе и в Дунайских княжествах».² В то же время императрица, находясь в обществе иностранных дипломатов, шутила о своем путешествии, будто бы чрезвычайно опасном для Европы, говорила о слухе, что она и Иосиф II имеют в виду завладеть всей Турцией, всей Персией, а пожалуй еще и Индией и Японией.³

Свидание Екатерины с польским королем в Каневе не имело особенного политического значения. С тех пор, как она находилась с Понятовским в близких отношениях, прошло около трех десятилетий. Теперь Екатерина и Станислав Август встретились при совершенно изменившихся обстоятельствах. О политике говорили немного, хотя Понятовский надеялся поправить свое положение личными переговорами с Потемкиным и императрицей. На вопрос, сделанный королем русским государственным людям, можно ли ожидать скорого разрыва с Турцией, Потемкин и Безбородко отвечали уклончиво.⁴

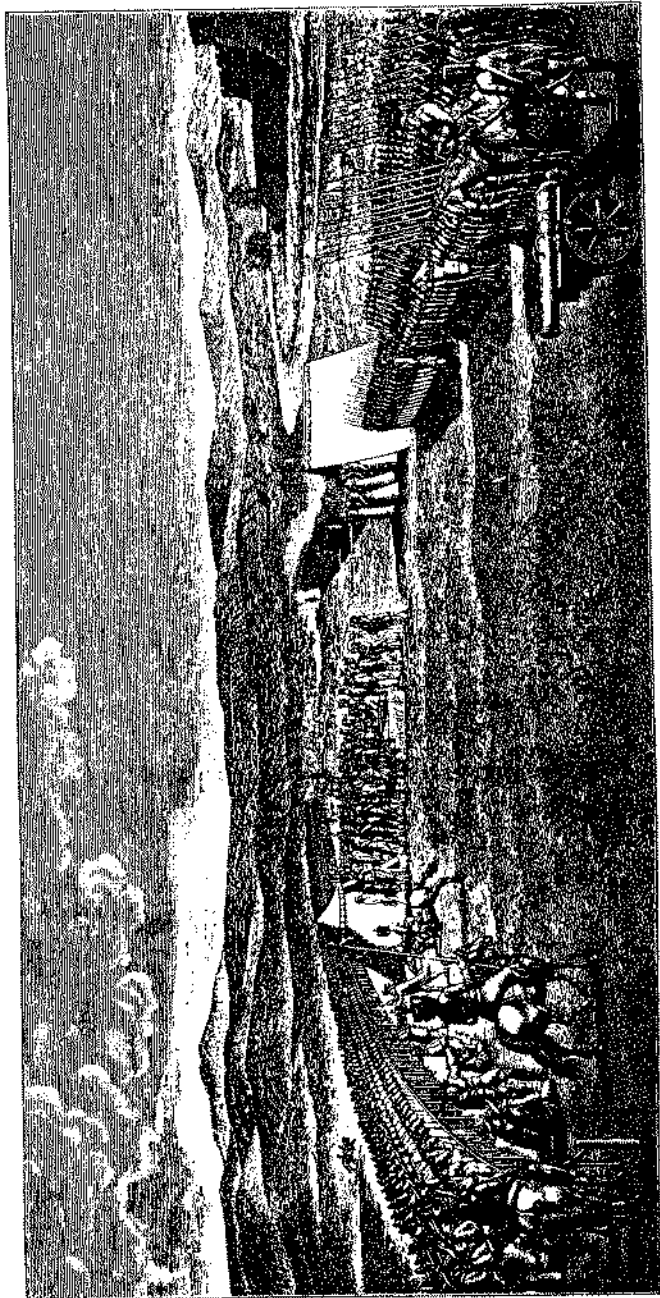
Гораздо важнее было свидание с Иосифом II. Он прибыл в Херсон до приезда туда Екатерины и успел осмотреть довольно тщательно тамошние постройки, верфи, склады и пр. Затем он отправился навстречу императрице, которую застал в Кайдаках. Херсон произвел на Иосифа довольно благоприятное впечатление; город развивался быстро и успешно. На верфях было несколько готовых военных судов. Екатерина была чрезвычайно довольна. В Херсон прибыли из Константинополя русский дипломат Булгаков и австрийский барон Герберт; в Херсоне происходило нечто похожее на конгресс. Между Екатериною и Иосифом шли беседы о политике. Турецкий флот сделал демонстрацию, явившись во время пребывания

¹ Ségur, Mémoires, III, 15 и 29.

² Храповицкий, 7 апр. 1787.

³ Ségur, III, 120.

⁴ См. статью Лиске в «Russische Revue», IV, 481—508. Kalinka, «Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta» в «Pamiętnicz ozmnostego wieku», X, Poznan, 1868, CCLXVII и след.



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.
Встреча Екатерины II ногайскими татарами в Ольвиополе.
С редкой гравюры 18-го века.

Екатерины в Херсоне около устья Днепра, так что императрица не могла предпринять предполагавшейся поездки в Кинбурн. Между дипломатами России, Франции, Англии и Австрии происходили переговоры; никто не думал, что военные действия откроются через несколько месяцев. Иосиф II и Екатерина казались лишь туристами, которых соединяли не столько политические цели, сколько личная дружба и охота путешествовать.

В Ольвиополе императрицу ожидали ее новые подданные — ногайские татары, которые пожелали сопровождать царский поезд в виде конвоя.

Появление русского двора со столь блестящей свитой в Бахчисарае было торжеством России над Азией. Недаром Екатерина в беседе с Храповицким, вспоминая о частых набегах татар на Россию в прежнее время, говорила о значении приобретения Таврического полуострова. Из ее замечаний видно, что некоторые из спутников императрицы не разделяли ее оптимизма относительно будущности Крыма.¹

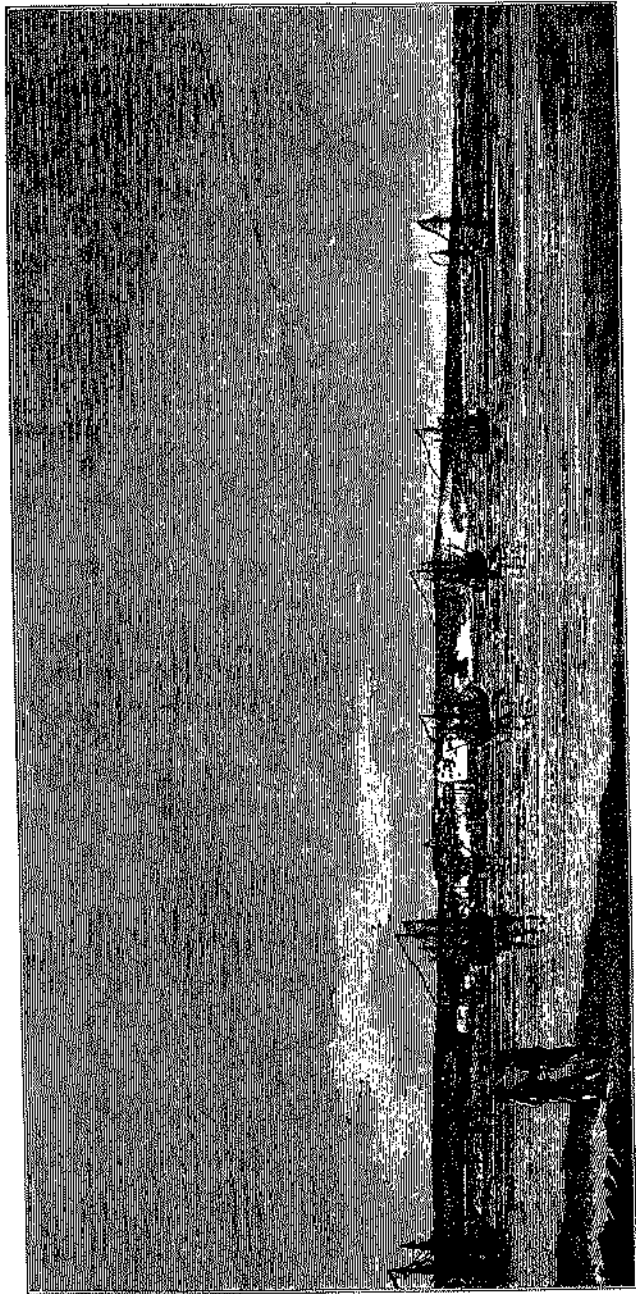
Вид севастопольской гавани с великолепным военным флотом поразили всех путешественников. За столом Екатерина пила за здоровье своего лучшего друга Иосифа II, замечая при этом, что в значительной степени обязана ему приобретением Крыма.² Все удивлялись деятельности Потемкина, успевшего в столь короткое время создать черноморский флот. Иосиф не сомневался в том, что Севастополю предстояла великая будущность. И его и графа Сегюра занимала мысль, что из Севастополя можно в 36—48 часов приплыть в Константинополь. Иосиф писал фельдмаршалу Ласи, что Сегюр очень нахмурился, видя такое быстрое развитие новой гавани России. «Вообразите себе, — продолжал Иосиф, — что за мысли при этом должны явиться в голове моего товарища султана; он постоянно в ожидании того, что эти молодцы беспрепятственно придут и разобьют громом своих пушек окна его дворца. Императрица в восхищении от такого приращения сил России».³

После осмотра других мест на южном берегу Крыма Иосиф простился с императрицею; получив известие о беспорядках, происходивших в Нидерландах, он спешил вернуться в Вену. Тотчас после окончания путешествия Екатерины началась турецкая война.

¹ Храповицкий, 21 мая 1787 г.

² Там же, 21 мая 1787 г. Письмо Иосифа к Ласи в издании Арнета, «Joseph und Katharina», 363.

³ Arneth, 363, Ségur. III, 181.



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.
Вид Севастопольской бухты во время присоединения Крыма к России.
С гравюры Куше, сделанной с рисунка того времени Гейслера.

Каждое приобретение России в ущерб туркам и татарам заставляло русское правительство распространять свои наступательные действия все далее и далее. Едва были заняты кое-какие места на берегу Черного моря, появилась мысль о свободном проходе через Дарданельский пролив. Занятие Крыма и постройка Херсона породили желание завладеть Очаковым. Являлись все новые поводы к столкновениям между Россией и Турцией.¹ В подробной записке о необходимости занятия Таврического полуострова Потемкин прямо говорил, что целью России должно быть полное господство на Черном море.² Вержен предсказывал, что Екатерина, не ограничиваясь занятием Крыма, сделает нападение на Турцию с целью уничтожить ее.³ Турки говорили: «Пока Крым находится в руках России, Турцию можно сравнить с домом без дверей, в который каждую минуту беспрепятственно могут явиться воры».⁴ Каждую минуту турки ожидали появления русского флота у самого Константинополя и уничтожения их морских сил.⁵

Недаром присоединение Крыма к России считалось образцом ловкости русской дипломатии. Россия продолжала действовать в том же направлении. Русскому послу в Константинополе были предоставлены в распоряжение значительные денежные средства, для того, чтобы успешно действовать посредством подкупа. Фридрих II справедливо считал продажность турецких сановников самым коренным злом Турции. Прусский дипломат Диц писал в 1784 году, что Турецкой империи едва ли остается просуществовать еще десять лет и что затем вся она делается добычей России; поэтому он указывал на необходимость для Пруссии и других держав не ограничиваться ролью праздных зрителей, а участвовать в разделе Турции.⁶

Не было недостатка в поводах к разрыву между Россией и Турцией. К числу их должно отнести, между прочим, набеги лезгинов и других кавказских народов во владения грузинского царя Ираклия, признавшего в 1783 году над собою верховную власть России. Ожидали, что Россия рано

¹ См. статью князя Щербатова о голоде 1787 г. в «Чтениях Моск. Общ. Ист. и Др.», 1860, I.

² Соловьев, «Падение Польши», 163.

³ Herrmann, VI, 62.

⁴ Там же, VI, 172.

⁵ Eton, «Schilderung des turkischen Reiches», 100.

⁶ Zinkeisen, VI, 513. О Булгакове и его действиях путем подкупа в 1784 г. см. «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 452—453.



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.

Вид Керчи в 18 столетии.
С гравюры того времени Саблина.

или поздно станет думать о покорении всего Кавказа, где совершенно так же, как в Крыму, существовала рядом с турецкой и русская партия. Порта поддерживала лезгинов, противников вассала России; распространение же русского влияния на Кавказе считалось ударом, нанесенным могуществу Порты. Далее, турки жаловались на вмешательство России в египетские дела. Образ действий русских консулов, барона де Толюса в Александрии, Ферриери в Смирне и других казался опасным Турции. Думали иногда, что Россия желала при предстоявшем разделе турецких владений предложить Египет французам.

Тотчас же после приезда в Россию, в 1785 году, французский дипломат Сегюр неоднократно беседовал с Екатериною о турецких делах; императрица не раз говорила о необходимости изгнания турок из Европы.¹ Шутя она называла Сегюра, заступавшегося за турок, «Сегюр-Эфенди».² Французские офицеры заботились об улучшении военной организации в Турции. На каждом шагу было заметно противодействие недоброжелателей России. Трудно было определить меру опасности, грозившей Турции со стороны Екатерины. Между тем как Фридрих II утверждал в 1787 году, что осуществление проектов Екатерины окажется невозможным,³ султан в манифесте к своим подданным умолял их пожертвовать всем и употреблять все силы для спасения Турции от грозившей ей со стороны России опасности.⁴

Понятно, что при таком положении дел путешествие Екатерины в Южную Россию произвело сильное волнение. Во время этого путешествия на юге были сосредоточены многочисленные отряды конницы, пехоты, артиллерии. Уже в таком громадном скоплении значительных военных сил заключалась довольно внушительная демонстрация против Порты и ее защитников.⁵ Сегюр считал нужным сообщить о своих опасениях французскому посланнику в Константинополе и постоянно говорил о необходимости привести в надлежащее состояние Очаковскую крепость и собрать на берегу Дуная войска в количестве 150000 человек.⁶

Из напечатанной в последнее время переписки между Потемкиным и Булгаковым видно, каким образом отношения между Россией и Турцией в

¹ Ségur, II, 339.

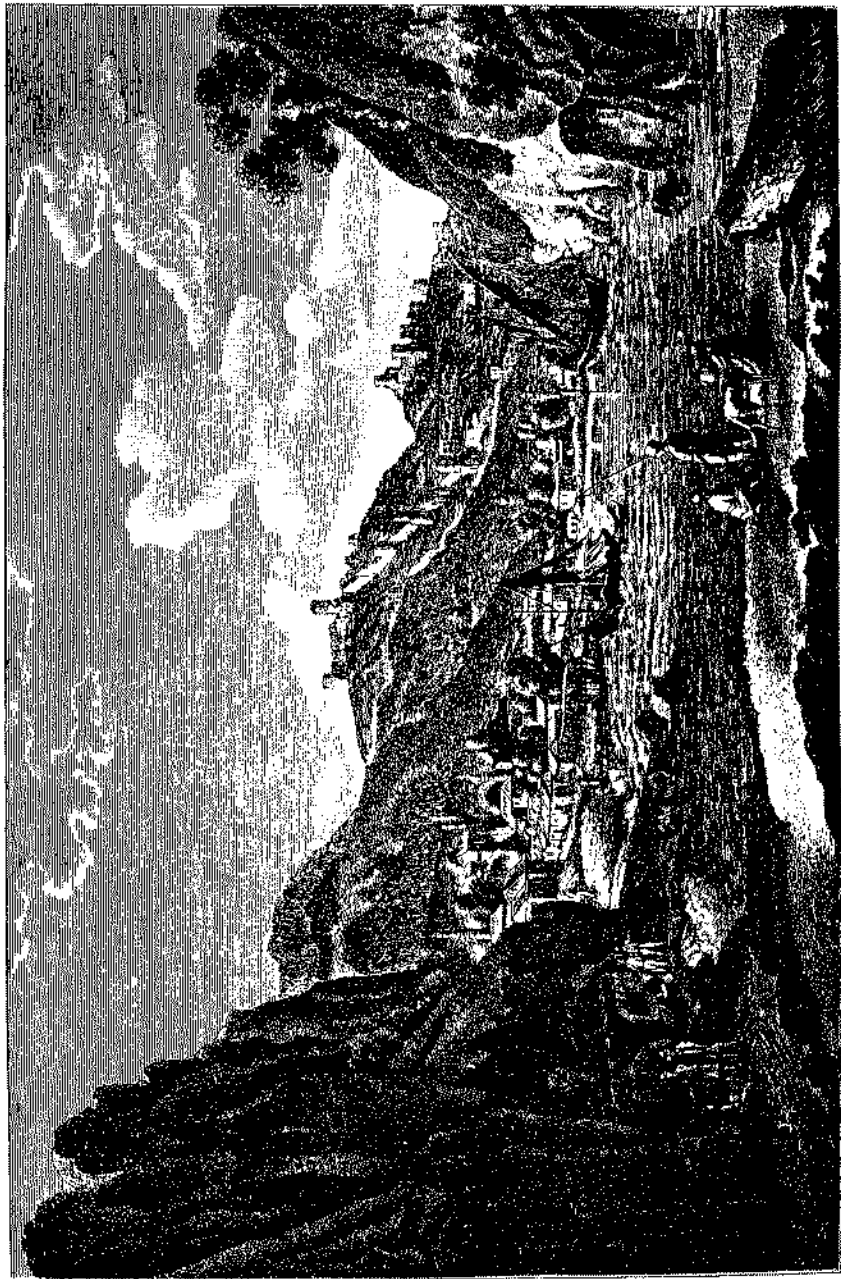
² Там же, II, 363.

³ Zinkeisen, VI 541.

⁴ Herrmann, VI, 165.

⁵ Современные брошюры, напр. «Lettre d'un voyageur à Mr. le baron de L. sur la guerre des Turcs», Philadelphie, 1788. Volney, «Considérations sur la guerre actuelle» etc.

⁶ Ségur, III, 92.



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.

Вид Балаклавы в конце 18 столетия.

С английской гравюры 18-го века

это время становились все более и более натянутыми. Дипломаты западных держав в Константинополе Диц, Энсли (Ainslie) и Шуазель-Гуфье вооружали Порту против России. Иосиф II, не желавший скорой войны, старался сдерживать воинственный пыл императрицы. Когда, во время пребывания царственных путешественников в Херсоне, в устьях Днепра появилась турецкая эскадра, Екатерина сказала: «Вы видите, что турки забыли Чесменскую битву».¹ Нассау-Зиген, показывая на карте положение турецких кораблей, предложил императрице напасть на них; она ничего не отвечала, но, улыбаясь, оттолкнула карту.² «Вообразите себе, — говорил Сегюр русским министрам, — что султан, окруженный своими сановниками, в сопровождении могущественного союзника, с громадным флотом и 150000 войском явился в Очакове; можно ли было бы удивляться, если бы вы приняли некоторые меры предосторожности, привели бы в оборонительное состояние Херсон и думали бы о собрании войск?» В беседе с императором Иосифом Сегюр указывал на невозможность раздела Турции уже потому, что Константинополь не мог бы не сделаться яблоком раздора между державами, участвующими в разделе. Сегюр просил императора действовать в пользу сохранения мира. Было не легко составить себе точное понятие о видах Екатерины, так как разве только Потемкин и Безбородко знали о ее намерениях. Безбородко уверял Сегюра, что Россия не желает разрыва с Турцией; в то же самое время, однако, узнали, что Булгаков, возвратившийся в Константинополь с новыми инструкциями, обратился к Порте с новыми, усиленными требованиями.³ Очевидно, об этом не было сделано официального сообщения иностранным дипломатам в Херсоне. Недаром князь Щербатов, резко порицавший образ действий Екатерины и Потемкина, указывал на то, что объявления России о желании сохранить мир не соответствовали ее бесцеремонному обращению с Портою.⁴

15 (26) июля Рейс-Эфенди передал Булгакову ультиматум, в котором Порты требовала: немедленного удаления из Ясс, Бухареста и Александрии русских консулов, старавшихся будто бы нарушить мир между Россией и Турцией, удаления русских войск из Тифлиса и Грузии вообще, признания царя Ираклия вассалом Порты, права подвергать тщательному осмотру все русские корабли, выходящие из Черного моря и пр.⁵

¹ Ségur, III, 145.

² «Oeuvres du prince de Ligne», II, 17.

³ См. мою статью «Разрыв между Турцией и Россией в 1787 г.» в журнале Минист. Нар. Просв., т. CLXVIII, отд. 2, стр. 147.

⁴ «Чтения, Моск. Общ.», 1860, I, 77—80.

⁵ Neittmann, VI, 169.



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.
Вид Феодосии в конце 18 столетия.
С гравюры того времени Химмеля.

Разрыв становился неизбежным. Только Россия, занятая приготовлениями к войне, желала отсрочить начало военных действий.¹

В заседании Дивана 2(13) августа было решено объявить войну России; 5 (16) Булгакова, приглашенного в конференцию, осыпали упреками и прямо оттуда отправили в Семибашенный замок. Порты требовала возвращения Крыма и указывала на нарушение Россией Кучук-Кайнарджийского мира. Главным поводом к войне был Крым. В России приписывали разрыв преимущественно козням английского и прусского дипломатов в Константинополе, причем упустили из виду, что сама Россия своим образом действий довела Турцию до крайнего раздражения.²

Самым важным делом для Екатерины в эту минуту был вопрос об образе действий Иосифа II. Он решился примкнуть к России. В письме к Екатерине от 30 августа (10 сентября) 1787 года император изъявил готовность исполнить свою обязанность в качестве союзника России. «Очень сожалею, — сказано далее в письме императора, — что мы в эту минуту не находимся в Севастополе, откуда отправились бы в Константинополь приветствовать султана и его неразумных советников пушечными выстрелами».³

В продолжение без малого полувека не было войны между Австрией и Портой. Очевидно, Иосиф надеялся теперь на осуществление проекта раздела Турции. Во время переговоров по этому поводу Екатерина и Иосиф не могли придти к точно определенному соглашению. Теперь же счастье войны должно было решить вопрос об удобоисполнимости проектов России и Австрии вообще и о доле добычи каждого в особенности.

Ожидания Екатерины и Иосифа не исполнились. Их надежда на раздел Турции оказалась тщетною.

Война 1787 и 1788 г.

В минуту разрыва один публицист писал: «Если турки останутся победителями, они не пойдут в Москву; зато русские, разбив турок в двух сражениях, непременно явятся в Константинополе».⁴

В 1768 году, при объявлении войны, Турция оказалась недостаточно подготовленною к походу. То же самое повторилось и в 1787 году. Впро-

¹ См. письмо Безбородко к Воронцову в «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 188.

² Zinkeisen, VI, 628—629. «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 400, 530.

³ Arneth, «Joseph II und Katharina», 299. Храповицкий, 2 сентября, 1787 г.

⁴ Volney, «Considérations sur les causes de la guerre actuelle etc.».

чем, и Россия не была готова к немедленному открытию военных действий. Иосиф не без основания в своих письмах к фельдмаршалу Ласи отзывался невыгодно о военной организации России. Армия, в сущности, была гораздо менее многочисленна, чем на бумаге; артиллерия находилась в весьма неудовлетворительном состоянии; крепости были построены наскоро, матросы оказались неопытными, флот был построен из плохого материала.¹



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.
Павильон в Старом Крыму, где останавливалась Екатерина II.
С гравюры 19-го века.

Назначение главнокомандующего представляло затруднения; Потемкин соперничал с Суворовым, Репнин с Румянцевым. Алексей Орлов не принял предложения командовать флотом. В довольно резких выражениях князь Щербатов порицал образ действий правительства, с одной стороны, своею заносчивостью заставившего Турцию объявить войну, с другой — недостаточно приготовленного к открытию военных действий.²

¹ Arneth, 353 и след.

² «Чтения», 1860, I, 78—80.

Было заметно некоторое беспокойство императрицы в это время. Принц де Линь говорит, что она сильно беспокоилась, показывая, впрочем, вид, что не сомневается в успехе.¹ 2 сентября Храповицкий занес в свой дневник выражение Екатерины: «Нельзя себя обольщать надеждою, но, кажется, Бог поможет хорошо дело кончить». 12 сентября императрица подписала манифест о войне. «Плакали», — пишет Храповицкий в этот день о Екатерине.



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.
Медаль, выбитая в честь Потемкина после путешествия.
Лицевая сторона, с портретом Потемкина.

В продолжение тринадцати лет Екатерина привыкла обо всем советоваться с Потемкиным. Теперь же его не было в столице, так как он был

¹ «Oeuvres du prince de Ligne», II, 233, III, 21.

занят приготовлениями к походу на юге, к тому же он писал императрице редко и сам не был в бодром и смелом расположении духа. Впрочем, Екатерина ожидала успеха, особенно рассчитывая в ближайшем будущем на взятие Очакова.¹

Вскоре узнали, что турки собирались атаковать Кинбурнскую крепость. Зная, что Потемкин сильно беспокоился, императрица писала ему: «Дай Боже его (Кинбурна) не потерять, ибо всякая потеря неприятна; но



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.
 Медаль, выбитая в честь Потемкина после путешествия.
 Обратная сторона, с картой Южной России.

положим так, то для того не унывать, а стараться отметить и брать реванш; империя останется империя и без Кинбурна; того ли мы брали и по-

¹ Зап. Гарновского в «Русской Старине» XV, 247, 260, 263.

теряли?» и пр. Между тем как Потемкин совсем падал духом и не верил даже в возможность отстоять Кинбурнскую крепость, в Петербурге ходили слухи о необыкновенно успешном ходе военных действий, о решительном наступлении русских войск.¹

Нападение турок на Кинбурн было отбито. 1(12) октября, у самых стен крепости, происходило сражение, в котором Суворов одержал верх над турками, потерявшими несколько тысяч человек. Сам полководец выказал в этом сражении необычайную храбрость и дважды раненный не оставлял поля битвы.

Екатерина за несколько дней до этого события всячески старалась ободрить Потемкина. Она писала ему между прочим: «Укрепи твой ум и душу против всех затруднений и будь уверен, что ты победишь их с некоторым терпением; но это настоящая слабость, чтоб, как ты пишешь ко мне, низложить свои достоинства и скрыться» и пр.²

Узнав об успехе русского оружия при Кинбурне, Екатерина писала Потемкину: «Важность сего дела в нынешнее время довольно понятна, но думаю, что той стороны не можно почитать за обеспеченную, дондеже Очаков не будет в наших руках... Дай Боже, чтобы вооруженные на Лима не имело бы полный успех» и пр.³ Чем менее Екатерина ожидала столь радостных известий, тем более она теперь надеялась на дальнейшие успехи; многим лицам она рассказывала подробности Кинбурнского сражения.⁴ Кинбурн имел весьма важное значение для Крымского полуострова, который, через потерю этой крепости, подвергся бы серьезной опасности.⁵

Вскоре, однако, были получены неутешительные известия. Страшная буря на Черном море нанесла чувствительный вред русскому флоту; один фрегат был поглощен волнами, другой был увлечен течением в Босфор, где вынужден был сдаться туркам; прочие суда сильно пострадали, потеряв мачты и пр.⁶

Потемкин сообщил о случившемся императрице, преувеличивая в отчаянии размеры вреда, нанесенного флоту. «Флот севастопольский разбит бурей», доносил он, «остаток его в Севастополе, все малые и ненадежные суда, и лучше сказать не употребительные, корабли и большие

¹ Соловьев, «Падение Польши», 173 и 174.

² «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 429.

³ Там же, XXVII, 438.

⁴ Гарновский, в «Рус. Стар.», XV, 472.

⁵ Zinkeisen, VI, 638.

⁶ Самойлов в «Р. Арх.» 1867, 1239. «Ист. Черноморск. флота», 268 и 269.



Вид города Севастополя для обозначения в Атласе Екатерины II в Крыму в 1787 году. Гравюра по рисунку Саблина.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.

Вид Гверн в конце 18 столетия.

С гравюры 18-го века Саблина.

фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки». Опять императрице приходилось утешать князя: «Молю Бога», писала она, «чтобы тебе дал силы и здоровья и унял ипохондрию... не унывай и береги свои силы. Проклятое оборонительное состояние, я его не люблю. Старайся поскорее оборотить в наступательное: тогда тебе да и всем легче будет» и пр. Екатерина знала обо всем, следила за всеми частностями военной организации. Из ее писем к Потемкину видно, в какой мере она превосходила князя силою воли, твердостью и решимостью, умом и душою.

Потемкин не переставал унывать и даже сделал предложение очистить Крымский полуостров. Екатерина в крайнем удивлении писала ему: «А вот как я о сем сужу: что ты нетерпелив как пятилетний ребенок, между тем как дела, порученные тебе в сие время, требуют непоколебимого терпения... Пишешь ты о выводе войск из полуострова... чрез это туркам и татарам открылася бы паки дорога, так сказать, в сердце империи, ибо на степи едва ли удобно концентрировать оборону; в прошедшие времена мы занимали Крым, чтоб укротить оборону, а теперь Крым в наших руках» и пр. Далее Екатерина писала по поводу этого же предложения Потемкина: «Что же будет и куда девать флот севастопольский?.. Прошу ободриться и подумать, что бодрый дух и неудачу покрыть может. Все сие пишу к тебе, как лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и более еще имеет расположений, нежели я сама; но на сей случай я бодрее тебя, понеже ты болен, а я здорова», и т. д.¹

В следующее за тем время Екатерина порою была недовольна Потемкиным, оставлявшим ее без известий по целым неделям. Впрочем, в продолжение нескольких месяцев не происходило важных военных действий. По временам и Екатерина унывала, так что Потемкин, в свою очередь, должен был утешать ее. Оказалось, что армия Румянцева в Бессарабии находилась в плачевном состоянии. Принц де Линь, бывший в лагере Потемкина, удивлялся медленности военных действий и доносил императору Иосифу и князю Кауницу о неудовлетворительном состоянии русского войска, о недостатке в припасах и снарядах, о нерешительности Потемкина.²

Очевидно, Потемкин не составил заблаговременно точного плана действий. Приходилось посылать из Петербурга подробные инструкции для военных операций. Весною 1788 года Потемкин повторил свое прежнее предложение о выводе войск из Крыма. Екатерина писала ему: «На

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 433 и след.

² «Oeuvres du prince de Ligne», Paris, 1860, II, 58—61.

оставление Крыма, воля твоя, согласиться не могу; об нем идет война и если сие гнездо оставить, тогда и Севастополь и все труды и заведения пропадут и паки восстановятся набеги татарские на внутренние провинции; кавказский корпус от тебя отрезан будет, и мы в завоевании Тавриды паки упражнены будем и не будем звать, куда девать военные суда, как ни во Днепре, ни в Азовском море не будем иметь убежища; ради Бога, не пушайся на сии мысли, кои мне понять трудно, и мне кажутся неудобными, понеже лишают нас многих приобретенных миром и войною выгод и пользы. Когда кто сидит на коне, тогда сойдет ли с одного, чтоб держаться за хвост?»¹



ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 Г.

Медаль, выбитая в память путешествия.

С гравюры того времени Крюгера.

При всем том императрица не теряла доверия к способностям и рению Потемкина и при случае защищала его против нападков недоброжелателей. Впрочем, даже принц де Линь, вообще недовольный медлительностью операций русских войск, хвалил таланты и деятельность Потемкина. Созданный им флот два раза успел разбить в Очаковском лимане турецкую эскадру (7 и 17 июня). Эти события произвели некоторое впечатление. Екатерина была чрезвычайно обрадована известием об этих

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 491.



gravé par Schebanoff.

Reconnait vous le Nord l'aimant qui nous attire

Cet heureux empereur profond législateur.

Femme aimable, grand homme et que l'on vit adorer

Qui parcourt ses États y veut le bien-être

L'original se trouve dans la collection de M. le Général Mamonoff à qui cette planche est dédiée avec le plus profond respect.

An 1788 par la Notice de M. le Baron de Schebanoff et de son atelier.



Maître en l'art de régner, savante en l'art d'écrire,

Respectant la lumière, évitant les erreurs,

Si le sort n'a voit pas lui donner un Empire

Elle auroit eu toujours un Throne dans ses cœurs

par son bon caractère et son cœur. Louis Mollat

Екатерина II в дорожном платье,
которое она носила во время путешествия в Крым в 1787 году.
С гравюры Валькера, сделанной с портрета, писанного Шебановым.



Взятие крепости Очаков 6 декабря 1788 года.
С гравюры 18-го века Барча, сделанной с картины Казанова, заказанной Екатериной II.

победах и писала Потемкину: «Хорошо посмеется тот, кто посмеется последним; справедливость, право и истина на нашей стороне».¹ Чем более императрица в это время была озабочена начавшейся войной со Швецией, тем сильнее на нее подействовала весть о торжестве русского флота над турецким.

Осада Очакова началась не раньше как в конце июля и продолжалась несколько месяцев. Война затянулась. Русские и австрийцы упрекали друг друга в медленности. Иосиф II был сильно озабочен неудачей своего оружия и не надеялся на осуществление плана раздела Турции.²

Суворов, принц де Линь и другие лица порицали образ действий Потемкина, руководившего осадой Очакова. Трудно судить о мере справедливости таких упреков. Потемкин, в свою очередь, был недоволен Суворовым, готовым от чрезмерной смелости жертвовать множеством людей при бесплодных наступательных действиях. Как бы то ни было, при осаде Очакова не было единства стратегической мысли, не доставало настоящего доверия к главнокомандующему. Суворов, раненный несколько раз, оставил лагерь и не участвовал в чрезвычайно кровопролитном штурме крепости, взятой наконец после страшного напряжения сил 6 (17) декабря 1788 года.³

Екатерина неоднократно выражала желание, чтобы полководцы по возможности щадили жизнь солдат. Быть может, Потемкин, откладывая решительный удар, руководствовался отчасти этим соображением. Однако же при взятии Очакова погибло множество народа.

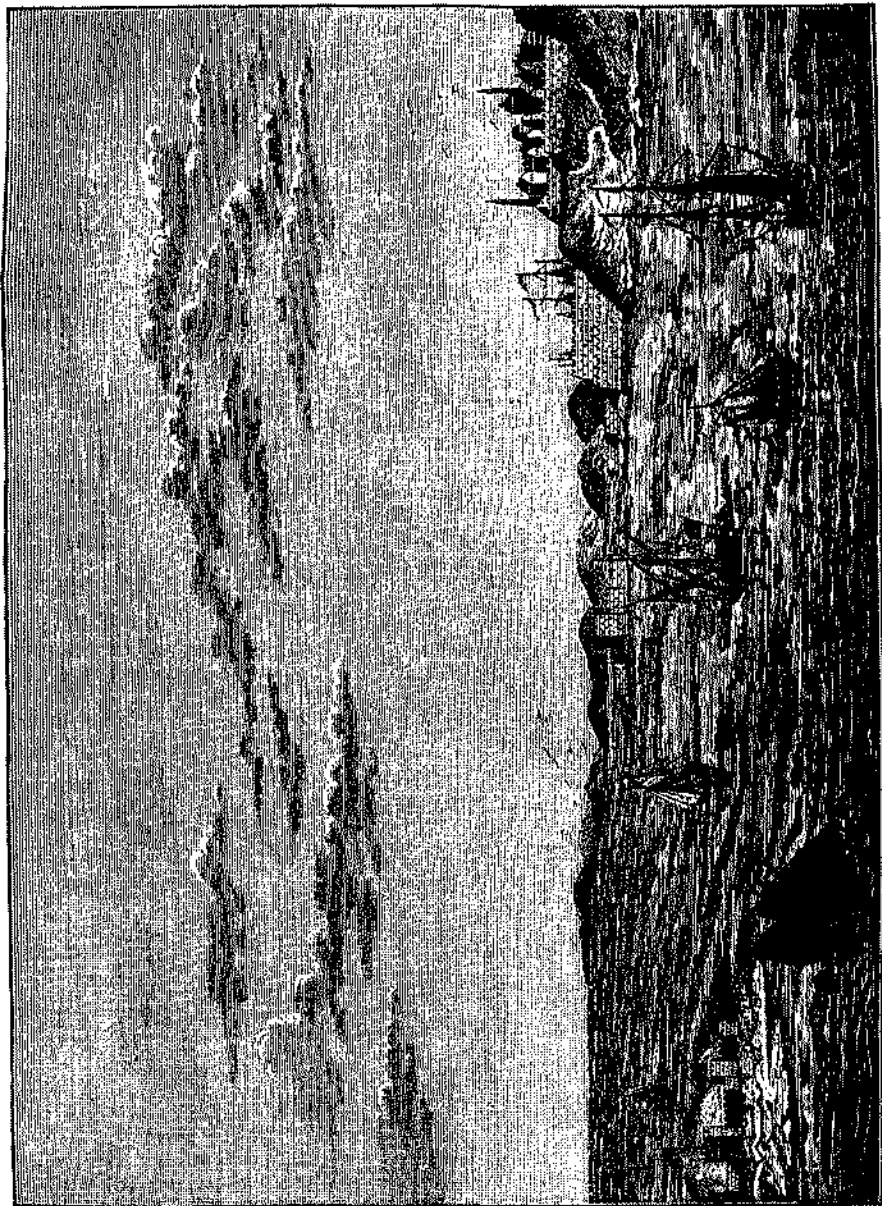
Достигнув, наконец, желанной цели, Потемкин оправдал доверие Екатерины, недаром рассчитывавшей на способности и энергию князя. В продолжение нескольких недель она находилась в волнении, ожидая ежеминутно известия о взятии крепости. Она даже хворала в это время и, получив радостное известие, сказала, что оно вылечило ее от болезни, прибавляя к тому, что Очаков навсегда останется достоянием России.⁴ Иосиф, искренне обрадованный этим событием, поздравил императрицу. Французский двор казался чрезвычайно недовольным при получении известия о взятии Очакова, зато даже прусский король, Фридрих Вильгельм II, призывал доблесть русского войска, говоря о взятии Очакова, как о «grande

¹ Там же, XXVII, 503.

² Ranke, XXXI, 326. Екатерина насмеялась над австрийцами; см. «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 476, 478. 524.

³ См. подробности этого события в моей статье, в «Журнале Министерства нар. проsv.» т. CLXVIII, отд. II.

⁴ Храповицкий, 5 января 1789 г.



Вид города Очаков в конце 18 столетия.
С гравюры 18 века Бейсона.

pouvelle», что очень понравилось Екатерине.¹ В Вене говорили: «Русский флот из Очакова в два дня может приплыть в Дарданеллы».² В минуту взятия Очакова французский посланник в Константинополе был занят составлением плана о спасении крепости и дальнейших действиях против русского войска. Булгаков писал Потемкину: «Взятие Очакова привело здесь не только турок вообще, но и известных наших врагов и завистников в крайнюю робость. Султан, совет, большие бороды — плачут; все желают мира» и пр.³

Успех русского оружия оживил надежды южных славян, зорко следивших за подвигами России; в разных песнях они восхваляли Потемкина, Румянцева и пр.⁴ Славянские народы и греки помышляли о свободе.

В продолжение всего этого времени Екатерина мечтала о нанесении страшного удара Турции с противоположной стороны. Уже в начале войны возник план нападения на Турцию со стороны Средиземного моря, сходный с тем, который в 1770 году доставил России значительные выгоды. Нельзя было не вспомнить при этом случае Чесменской битвы и попытки вооружить подданных Порты против их правительства.⁵

Уже осенью 1787 года были приняты некоторые меры для приготовления экспедиции в Средиземное море. Начальником флота был назначен адмирал Грейг. Императрица сказала, что на этот раз экспедиция окажется лучше приготовленной и будет снабжена большими средствами, чем в 1769 году. И теперь, как во время первой турецкой войны, Россия рассчитывала на религиозные и национальные чувства балканских христиан. Недаром Екатерина в переписке с Иосифом II называла себя главою Православной церкви. Желая возбудить в греках и южных славянах сочувствие к России, Екатерина входила во все подробности приготовлений к экспедиции, переписывалась с архиереями о священниках, которые должны были сопровождать экспедицию, об иконах, сосудах, колоколах и приборах для богослужения, которые на нескольких транспортных судах назначено было отправить к берегам Турецкой империи.⁶

¹ Там же, 4 января 1789 г. Arneth, 325. Ségur, III, 417.

² «Спб. Петерб. Вед.», 1789 г., стр. 100.

³ «Русский Архив», 1866, стр. 1587.

⁴ Изд. Григоровичем в его статье «Значение взаимности славянской в русском споре о старине и преобразованиях», в V томе «Записок Новор. Университета».

⁵ См. мою статью «Russlands Politik im Mitteldmeer 1788 und 1789» в журнале «Historische Zeitschrift», XXVI, 85—115.

⁶ «Русский Архив», 1869, 1580—86.



Изображение покойнаго
Фельдмаршала Князя
Потемкина-Таврическаго
скою Императорскою
и при взятъи Оеикова



Господина Генерале
Григорья Александровича
накальствовавшего Ресми
армию на приступъ
Декабря 6 дня 1788 года.

Князь Г.А. Потемкин-Таврический.
С гравированного портрета Харитонова.

Русское правительство предполагало затем распределить между православными подданными Порты значительные запасы оружия, причем рассчитывало особенно на измену греков, служивших в турецком флоте. Благодаря этому Екатерина надеялась завладеть турецкими кораблями.¹ Назначено было большое число агентов и эmissаров, которые со стороны Италии должны были действовать на православное население Балканского полуострова.

После того как Алексей Орлов не согласился сделаться начальником экспедиции, императрица назначила на эту должность генерал-лейтенанта Заборовского, отличившегося во время первой турецкой войны. Составленная для него инструкция дает нам точное понятие о размерах и характере экспедиции. Из этого документа видно, как велико было число эmissаров, действовавших в Италии и на Балканском полуострове. Во множестве экземпляров хотели вдруг распространить манифесты, в которых православные христиане на Балканском полуострове призывались к восстанию.²

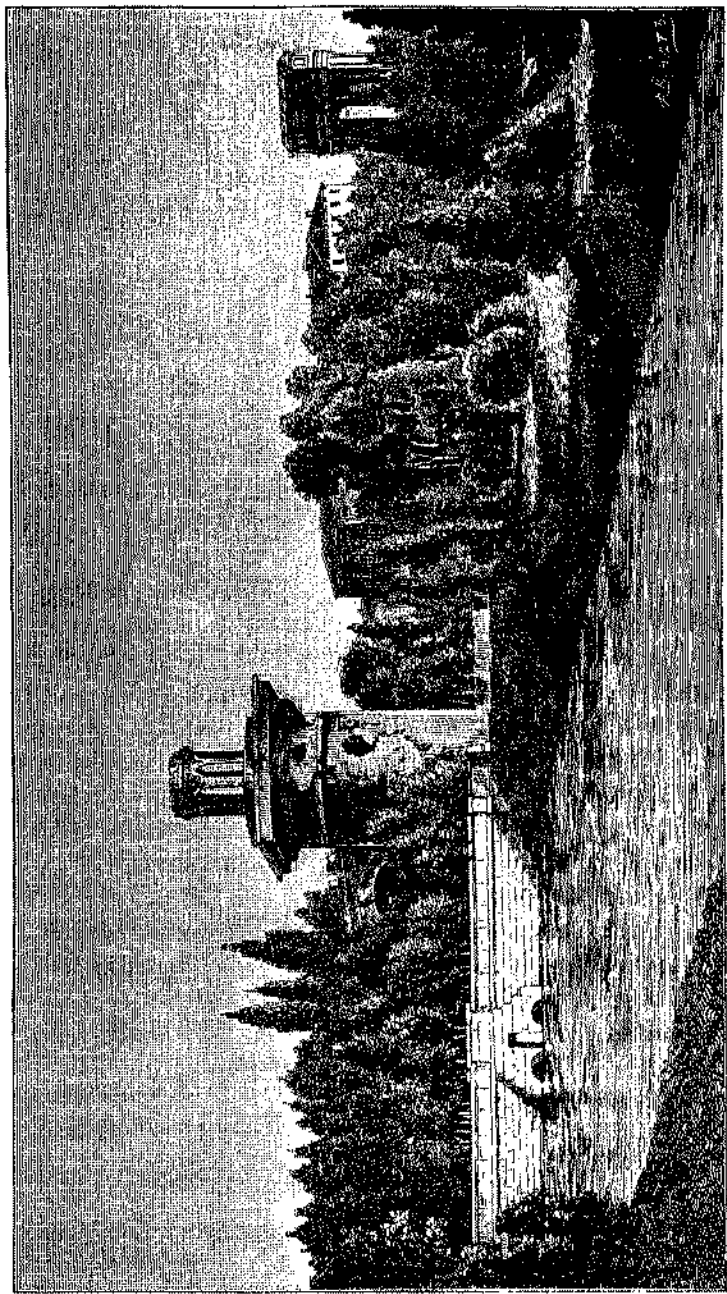
Между тем как флот под предводительством Грейга должен был отправиться в Средиземное море вокруг Европы, Заборовский сухим путем поехал прямо во Флоренцию, откуда должен был руководить восстанием на Балканском полуострове. Предприятие, задуманное в больших размерах, могло сделаться чрезвычайно опасным для Порты.

Однако осуществление экспедиции оказалось невозможным. Предприятие 1769—70 годов состоялось благодаря тому обстоятельству, что Англия не препятствовала появлению русского флота в Архипелаге. Протесты Франции тогда не имели значения. Спрашивалось теперь: как станут смотреть западные державы на новую русскую экспедицию, о которой заговорили во всей Европе.

Оказалось, что Россия на этот раз не могла рассчитывать на равнодушные или на согласие английского правительства. Англия, напротив, через своего посланника в Константинополе содействовала разрыву между Портой и Россией. Сближение между Францией и Россией, имевшее следствием заключение в 1786 году торгового договора между обеими державами, сильно не понравилось Англии. Недаром Екатерина, задумывая экспедицию, рассчитывала скорее на Францию, чем на Англию. В ноябре 1787 года она писала Потемкину: «Когда мои двадцать кораблей пройдут

¹ Храповицкий, 22 мая 1788.

² Инструкция напечатана в «Русском Архиве» 1866 г., стр. 1373—94. Манифест в соч. Скаловского, «Жизнь Ушакова». Спб., 1858, 79—80.



«Руина», воздвигнутая в память взятия Очакова и «Орловские ворота» в Царском селе.
С акварели Щедрина 1791 года. из собрания П. Я. Дашкова.

Гибралтарский пролив, тогда признаюсь, чтобы полезно быть могло, чтоб авангард его была эскадра французская, и арьергард той же нации, а наши корабли составляли корп-дарме... за сию услугу французам бы дать можно участие в Египте, а англичане нам в сем не подмогут» и пр.¹

Вообще с разных сторон появились затруднения. В одной политической брошюре был поднят вопрос, не обязан ли испанский двор, в силу договоров, препятствовать проходу в Средиземное море флота, назначенного для нападения на Польшу.² Когда Россия хотела в Англии нанять транспортные суда для экспедиции, английский кабинет наотрез отказал разрешить английским подданным заключение таких сделок с русским правительством. В английских газетах явилось строгое предупреждение всем англичанам вступать в русскую службу в качестве матросов.

Екатерина была раздражена таким образом действий Англии и в сильных выражениях осуждала коварство английского правительства. Она собственноручно составила черновую резкой дипломатической ноты, в которой хотела образумить Англию; министры не без труда убедили ее в необходимости менее резкой редакции.³

Екатерина должна была искать других способов для найма транспортных судов. В Пруссии и Голландии встретились затруднения; зато можно было рассчитывать на Данию.⁴ В апреле 1788 года в Петербурге был получен запрос Франции: намерена ли Россия отправить экспедицию в Средиземное море; к этому было прибавлено, во-первых, замечание, что такое предприятие свидетельствовало бы о желании России расширить свои пределы в ущерб Порте, во-вторых — предложено посредничество для восстановления мира между Турцией и Россией. Все это произвело в Петербурге самое неблагоприятное впечатление. Екатерина объяснила действия Франции коварными внушениями прусского двора.⁵

Переговоры об экспедиции в Средиземное море прекратились. Явилось новое препятствие, положившее конец проектам России нанести удар Турции со стороны Средиземного моря и архипелага. Приходилось употребить флот для борьбы против другого противника, то была Швеция.

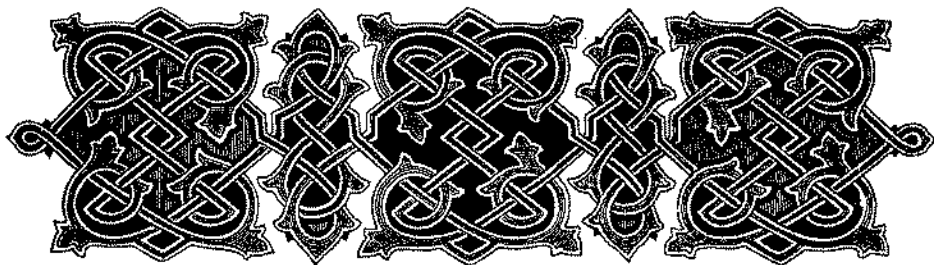
¹ Соловьев, «Падение Польши», 160.

² Volney, «*Considérations sur la guerre actuelle*», 55, и возражение Пейссонелля, стр. 110.

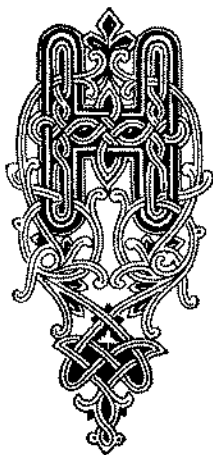
³ См. подробности в «Дневнике» Храповицкого, 30 марта и 4 апреля 1788 г.

⁴ Ségur, *Mémoires*, III, 352.

⁵ Дневник Храповицкого 17 апреля 1788 г.



Глава VII. Война с Швецией



е только упадок Польши оказался удобным средством для усиления могущества России, но и внутреннее расстройство Шведского государства содействовало развитию ее силы и значения в Европе. В Швеции, как и в Польше, сословные привилегии породили борьбу между королевскою властью и дворянством, в которую вмешивались другие державы. В Швеции, как и в Польше, реформы в области государственного права и пользу монархической власти могли положить конец влиянию России на дела соседнего государства. Благодаря перевесу Пруссии и России реформы такого рода оказались невозможными в Польше; в Швеции, напротив, королю Густаву III удалось ограничить власть привилегированных сословий и тем самым спасти государ-

ство от той опасности, которая повела к разделам Польши. В этом подвиге заключается значение царствования короля Густава III. Государственный переворот, совершившийся в начале этого царствования, служил оборонительной мерой в борьбе против перевеса могущественного соседа.

Густав III не хотел, однако, довольствоваться обороной и мечтал о расширении пределов Швеции, о возвращении ей потерянных в предыдущие царствования провинций. Вследствие этого столкновение между Швецией и Россией сделалось неизбежным. Театром войны служила Финляндия, неоднократно бывшая яблоком раздора в борьбе между Россией и Швецией.

Завоевание Финляндии началось при Петре Великом и продолжалось при Елизавете Петровне. Надеясь вернуть себе провинции, уступлен-

ные России в силу Ништадтского мира, Швеция потеряла значительную часть Финляндии, до реки Кюмене (1743).

Мир, заключенный между Россией и Швецией в 1743 году, был лишь перемирием. Густав III возобновил борьбу в надежде если не вернуть себе все области, занятые Петром, то по крайней мере отвоевать Финляндию. Король не мог достигнуть желанной цели. Река Кюмене оставалась границей, отделявшей шведскую половину Финляндии от русской. Тем самым не прекратились стремления обеих держав соединить всю Финляндию в одно целое. Вопрос этот был решен в пользу России в царствование внука Екатерины.

После кончины Карла XII Швеция, все еще называвшаяся монархией, в сущности была республикой. Во всех отношениях шведские короли находились в полной зависимости от дворянства. Депутаты шведских сеймов, не менее польских, оказались продажными, доступными внушениям иностранных держав. Французские и русские деньги играли весьма важную роль при решении дел на сеймах.

Тотчас же после своего воцарения Екатерина позаботилась о том, чтобы в Швеции сохранялось неподвижно прежнее ограничение монархической власти.¹ Далее приходилось бороться против влияния Франции на шведских вельмож именно потому, что Франция стремилась к усилению монархической власти в Швеции.² Русский посланник в Стокгольме, граф Остерман, в 1766 году узнал о заговоре королевской партии, направленном против приверженцев сословных привилегий; в нем играла важную роль королева, сестра Фридриха Великого.³ Русское правительство тратило значительные суммы денег для того, чтобы противодействовать таким попыткам политической реформы в Швеции. При этом Екатерина указывала иногда на то обстоятельство, что не только Россия, но и Пруссия в свое время гарантировала сохранение в неизменном виде шведской конституции. Все более и более ясно обнаруживалось желание Франции содействовать перевороту в Швеции, где начали говорить о необходимости освобождения от «русского ига».⁴ Не без раздражения жаловалась в это время Екатерина на образ действий

¹ Соловьев, XXV, 204.

² Там же, XXV, 343; XXVI, 97 и след.

³ См. жалобы Екатерины в письме к Фридриху в «Сб. Ист. Общ.», XX, 219.

⁴ Соловьев, XXVII, 203—217, 271, 316—318.



*Des Talens des Vertuz,
On le fait aisement,*



*Vent on peint les traits
en tirant son Serpent*

Густав III, король шведский.

С гравированного портрета Калашникова 1777 г., сделанного по случаю приезда Густава III, под именем графа Готландского, в Россию, из собрания И. Р. Дашкова

королевской четы, находившейся в некотором разладе с русским посланником.¹

Во время первой турецкой войны Швеция легко могла сделаться опасной России. Франция силилась устроить тесный союз между Портой и Швецией. Одновременно Густав, бывший в то время наследником, начал действовать в пользу усиления королевской власти, так что русское правительство для того, чтобы успешнее противодействовать этому намерению, должно было опять отправить в Швецию чрезвычайно значительные денежные средства.²

Понятно, что вступление на престол Густава III (в феврале 1771 года) сильно беспокоило Екатерину.³ Можно было предвидеть решительную перемену в государственном строе Швеции, причем едва ли можно было надеяться на секретный параграф прусско-русского договора 1769 года, в силу которого обе державы гарантировали друг другу сохранение в неизменном виде государственного права Швеции.⁴ Остерман из Стокгольма послал в Петербург нарочного курьера с требованием новой присылки денег, объявляя, что у него осталось не более 9000 рублей. Екатерина написала Панину: «Лучше дать денег, нежели видеть в Швеции самодержавство и с ним войну посредством французских денег и интриг: итак, старайтесь, чтобы Остерман снабжен был нужным и в пору». Это нужное состояло в 337 900 рублях.⁵ В то же самое время, когда король Густав III говорил о своем намерении посетить Екатерину в Петербурге, им было приготовлено все для совершения переворота в Швеции.⁶ Происходили по этому предмету тайные беседы между королем и Верженом.

Еще в то время, когда он был лишь наследным принцем, Густав находился под влиянием французских государственных людей, наставлявших его, каким образом можно было со временем изменить государственный строй Швеции. Без денежных средств, предоставленных ему Францией, король не имел бы возможности приступить к делу освобождения монархической власти от опеки аристократического элемента.⁷

¹ «Сб. Ист. Общ.», X, 208.

² Соловьев, XXVIII, 97—102. «Р. Арх.», 1882, I, 88. «Сб. Ист. Общ.»; XX, 253, 257, 260.

³ Екатерина и Густав были родственники: отец Густава, Адольф Фридрих, был братом матери Екатерины.

⁴ См. письма Екатерины к Панину и Вольтеру, в «Сб. Ист. Общ.», XIII, 77 и 82.

⁵ Соловьев, XXVIII, 315.

⁶ Там же, XXVIII, 391 и след.

⁷ Geffroy, «Gustave III et la cour de France» в *Revue des deux mondes*, 1865, LIX, 352.

Накануне государственного переворота в Швеции Екатерина писала госпоже Бьельке: «Сердце говорит мне, что ваш любезный шведский король и его милая маменька не сделают ничего путного». ¹ Узнав о совершившейся перемене, она писала: «Я нахожу, что молодой шведский король не придает большого значения самым торжественным клятвам и уверениям, которые он высказывает. За день до революции он объявил бунтовщиком и виновным христианштадтский гарнизон, а на другой день принял ее сторону. Никогда законы ни в какой стране не были так нарушаемы, как в Швеции при этом случае, и я вам ручаюсь, что этот король такой же деспот, как сосед мой, султан: ничто не удерживает его». Немного спустя Екатерина насмеялась над страстью к завоеваниям Густава, высказывая предположение, что король сделает нападение на Норвегию. ² Русское правительство считало нужным отправить несколько полков к границе Финляндии. Возникла мысль о наступательной войне против Швеции, однако осуществление ее оказалось невозможным, потому что в то же время, при необходимости продолжения турецкой войны, нужно было сосредоточивать все силы и средства для достижения выгодного мира с Портою. ³

Во всяком случае, при разрыве со Швецией Россия могла рассчитывать на содействие тех элементов шведского общества, которые были недовольны переменою, совершившейся в Швеции. В первые годы царствования Густава постоянно возобновлялись слухи о неминуемо предстоявшем разрыве между Швецией и Россией. В то же самое время, однако, король не переставал говорить о своем намерении отправиться в Петербург для личного свидания с императрицею. В разговоре с русским посланником Стахиевым, сменившим Остермана, король заметил, что надеется своим посещением устранить то неблагоприятное мнение, которое, благодаря внушениям недоброжелателей, о нем составила себе императрица. Впрочем, вскоре узнали, что Франция всячески старалась препятствовать поездке Густава III в Россию. ⁴

Екатерина писала госпоже Бьельке: «Если он (Густав III) придет ко мне в гости, то по неравенству наших лет я предвижу, что он будет странно скучать со мною. Кроме того он француз с ног до головы» и пр. ⁵ К тому же

¹ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 262.

² Там же, XIII, 265, 286.

³ Соловьев, XXVIII, 395—403.

⁴ Соловьев, XXIX, 81, 115—116.

⁵ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 380.

Екатерина была недовольна приемом, оказанным Стахиеву в Стокгольме, и вообще весьма резко отзывалась об образе действий короля.¹ Как бы то ни было, Екатерина не желала свидания с Густавом. Панин писал Симолину, заменившему Стахиева: «Если от вас будут выведывать относительно того, как наш двор смотрит на это путешествие, то говорите, что вами получены частные, но верные известия о намерении императрицы провести почти все будущее лето в разных путешествиях, которые удалят ее от Петербурга. Вы видите, что дело идет об избежании, возможно приличным образом, всех внушений со стороны короля относительно этого путешествия».²

Когда в феврале 1777 года управлявший посольскими делами в Стокгольме (в отсутствие Симолина) Рикман дал знать, что весной король поедет в Финляндию и оттуда в Петербург, Екатерина написала Остерману: «Напишите Рикману, что я проведу весну и лето в Смоленске».

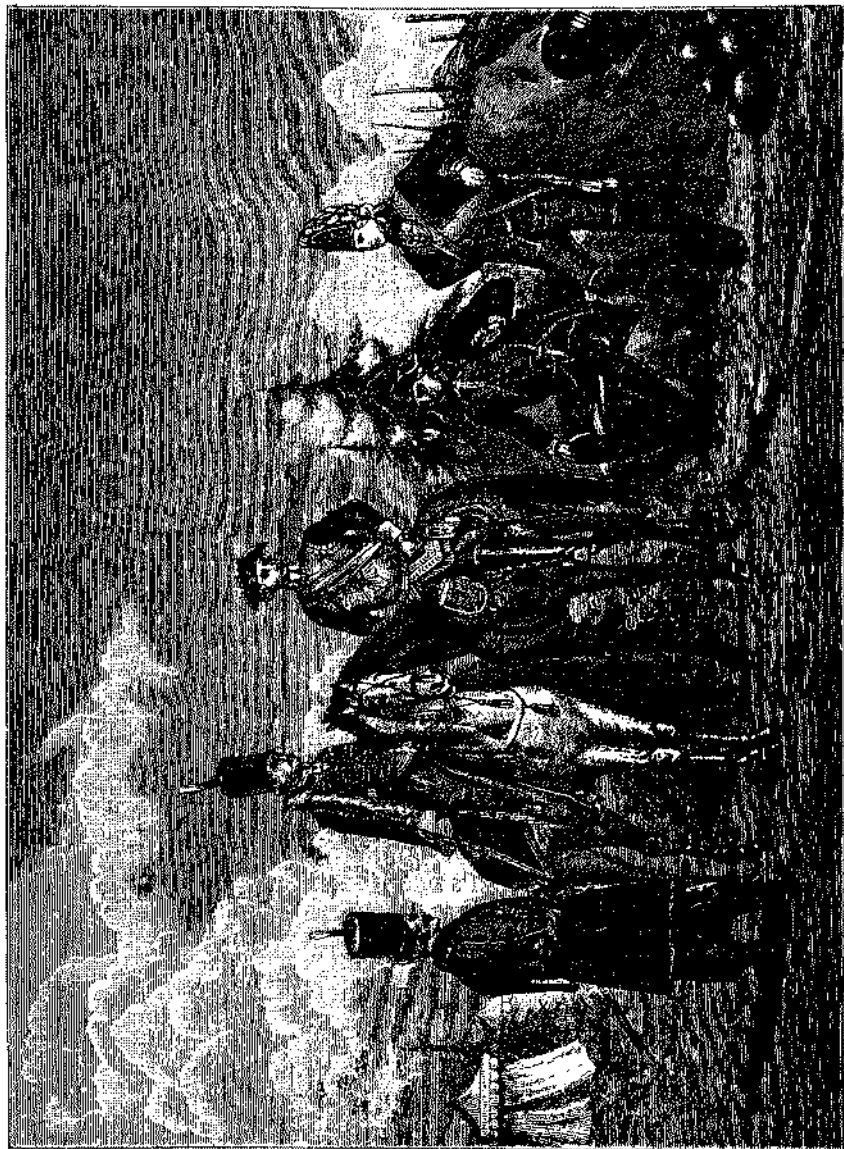
Несмотря на все это, в 1777 году все-таки состоялось свидание между Екатериною и Густавом. В характере обоих было много общего. Оба они были обязаны значительною долею своего образования и взглядов французской литературе просвещения: оба отличались честолюбием, дорожили славою, любили окружать себя блеском и роскошью престола. Нельзя не признать, что Екатерина превосходила Густава гениальностью, силою воли, проницательностью ума, политическими способностями.

Нельзя сказать, чтобы свидание между Густавом и Екатериною сблизило значительно короля с императрицею. Екатерина обласкала своего родственника, подарила ему большую сумму денег и начала с ним переписку. Однако король не произвел особенно благоприятного впечатления на императрицу. Тем не менее он написал графу Крейцу: «Мое путешествие удалось сверх ожидания, и я уже пожинаю плоды его» и пр. В другом письме сказано, что целью поездки Густава в Петербург было желание успокоить императрицу относительно результатов государственного переворота 1772 года, что вследствие свидания исчезли последние остатки огорчения Екатерины по этому поводу и что недоверие уступило место искренней дружбе. Вскоре, однако, шведский посланник в Париже, граф Крейц, писал королю (5 сентября 1777 года): «Вержен сказал мне, что императрица после вашего отъезда употребила выражения, из которых видно, что ее дружба неискренна; она, между прочим, заметила, что не верит в истину дружбы вашего величества».³

¹ Соловьев, XXIX, 237—238.

² Там же, XXIX, 254.

³ См. мое соч. «Война России с Швецией 1788—90». Спб., 1869, стр. 25.



ФОРМА ОБМУНДИРОВАНИЯ РУССКИХ ВОЙСК
В ЕКАТЕРИНИНСКОЕ ВРЕМЯ.

Гвардейские офицеры.

С рисунка, находящегося в «Хронике российской гвардии».

В Петербурге действительно не особенно благоприятно отзывались о короле. Великий князь Павел Петрович писал Сакену: «Нас посетил великий и славный дон Густав Шведский, герой севера. По этим эпитетам вы можете судить о впечатлении, произведенном им на нас. Это самый блестящий ветреник нашего века. У него были какие-то виды на нас, которых осуществление ему не совсем удалось» и пр.¹

Между тем как Густав был убежден в том, что Екатерина вполне помирилась с мыслью о необходимости монархического начала в Швеции, Симолин в Стокгольме находился в сношениях с противниками короля, надеявшимися лишиться его результатов государственного переворота 1772 года. Так, например, Симолин спросил однажды (в 1777 году) одного из сенаторов, барона Функа, как можно поправить сделанное на сейме 1772 года и вернуть народу его прежнюю вольность, отнятую самым оскорбительным насилием. Другой раз Симолин уверял майора Пайкуля, что петербургский двор не переменил своей системы относительно Швеции и что шведы всегда могут рассчитывать на готовность России содействовать восстановлению шведской свободы.² Когда в 1779 году Густав III предлагал заключить договор между Россией и Швецией, Екатерина уклонилась от этого, выставляя на вид, что заключение договора непременно возбудит сильное неудовольствие как в Англии, так и во Франции.³

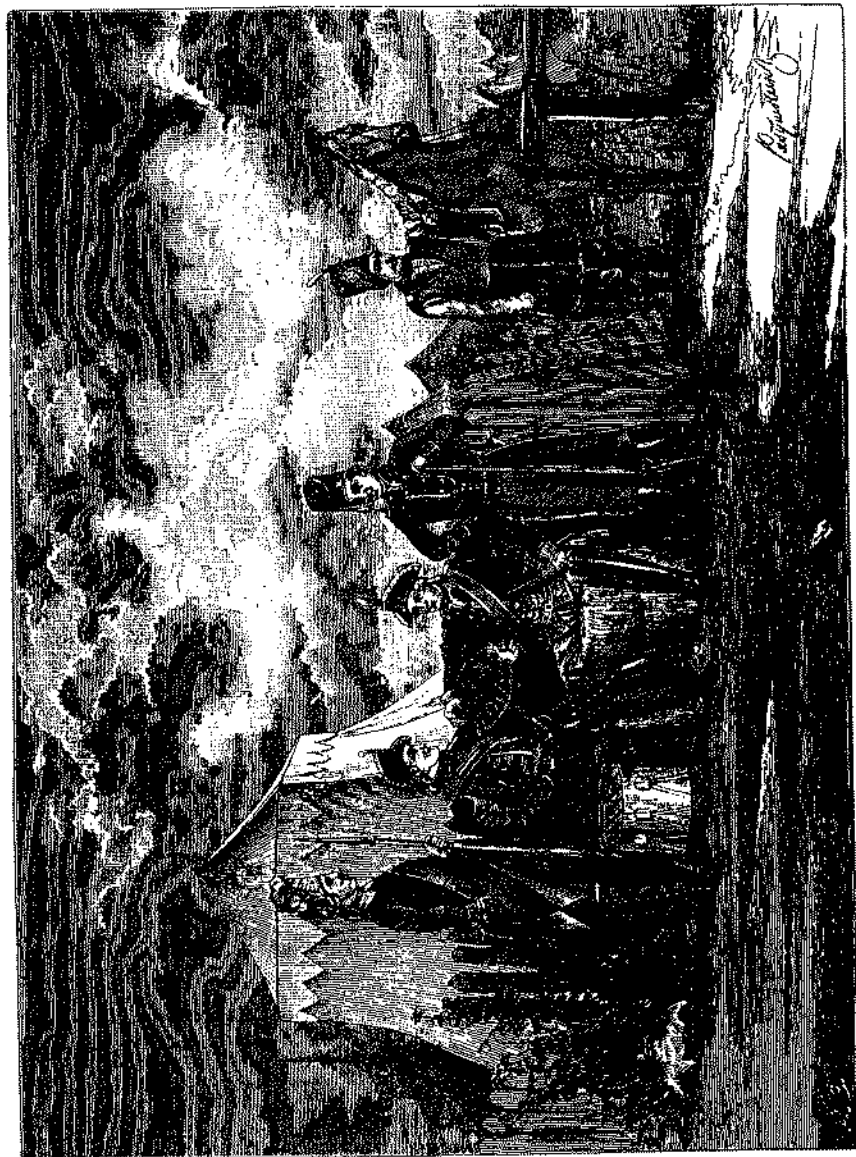
Таким образом, оказывалось невозможным устранить антагонизм между Россией и Швецией. Еще в 1775 году Густав III заметил, что разрыв между обеими державами отсрочен лишь польскими делами и турецкою войною. «Все клонится к войне в настоящем или будущем году, — сказано в записке короля, — должно, не теряя ни одной минуты, готовиться к обороне. Чтоб окончить по возможности скорее такую войну, я намерен всеми силами напасть на Петербург и принудить таким образом императрицу к заключению мира». Эта программа действий была в точности исполнена Густавом тринадцатью годами позже, в 1788 году.

Все это не мешало королю писать Екатерине между прочим: «Я люблю мир и не начну войны... Швеция нуждается в спокойствии... Король этого государства не может начать войны без согласия чинов, и то обстоятельство, что он сам в этом отношении связал руки себе и своим наследникам, должно считаться ручательством основательности такого убеждения с его стороны». Впоследствии оказалось, что, во-первых, король нарушил это

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 414. См. также стр. 420.

² Соловьев, XXIX, 257, 297.

³ Там же, XXIX, 326.



ФОРМА ОБМУНДИРОВАНИЯ РУССКИХ ВОЙСК
В ЕКАТЕРИНИНСКОЕ ВРЕМЯ.

Гвардейские солдаты.

С рисунка, находящегося в «Хронике российской гвардии».

постановление государственного права, решаясь на наступательную войну с Россией, и что, во-вторых, он при первом случае позаботился об уничтожении этого параграфа шведской конституции.

Впрочем, Екатерина и Густав в продолжение нескольких лет обменивались весьма дружескими, исполненными любезностей письмами. Екатерина подробно рассказывала королю о рождении и воспитании великого князя Александра Павловича; Густав отправил своего шталмейстера, Мунка, в Петербург к Екатерине и великому князю Павлу Петровичу с подарками, состоявшими из экипажей и лошадей. Когда в 1782 году у короля родился второй сын, он просил императрицу быть восприемницею новорожденного. Екатерина занималась изучением истории, получала от Густава книги по истории Швеции, хвалила его ученость, когда он для нее составил обзор содержания отправленных к ней книг, и уверяла его, что она смотрит на него, как на самого достойного члена Академии наук, и пр.¹

В 1783 году состоялось второе свидание между Екатериною и Густавом в Фридрихсгаме. Между тем как пребывание короля в Петербурге в 1777 году продолжалось целый месяц, свидание в Финляндии ограничилось несколькими днями. И на этот раз король не произвел благоприятного впечатления на Екатерину. В нескольких письмах ее к императору Иосифу и к Потемкину встречается целый ряд резких отзывов о короле, о его тщеславии и мелочности, о недостатке в нем искренности и пр.² Впрочем, и Густав III, как видно из его беседы с Леопольдом Тосканским, с которым он встретился вскоре после своего путешествия в Финляндию, не был доволен свиданием с Екатериною.³

Осенью 1783 года Екатерина писала Густаву, находившемуся тогда в Венеции: «Говорят, что вы намерены напасть на Финляндию и идти прямо к Петербургу, по всей вероятности, чтобы здесь поужинать. Я, впрочем, не обращаю внимания на такую болтовню, в которой выражается лишь игра фантазии».⁴

В 1784 году Екатерина писала Потемкину о намерении Густава III напасть на Норвегию и о необходимости подвинуть на всякий случай русские войска к границам Финляндии.⁵ Около этого времени между шведским королем и французским двором происходили переговоры по вопросу

¹ Geijer, «Gustaf III efterlemnade Pappers», 1843.

² Arneth, «Joseph II und Katharina», 209; «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 266.

³ См. письмо Мочениго в «Русск. Арх.», 1879, I, 85.

⁴ Herrmann, в «Raumers Histor. Taschenbuch», 1857, стр. 386.

⁵ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 334—336.



Théophile Goussier, Paris.

Густав III, король шведский.
С гравированного портрета Гоше 1773 года.

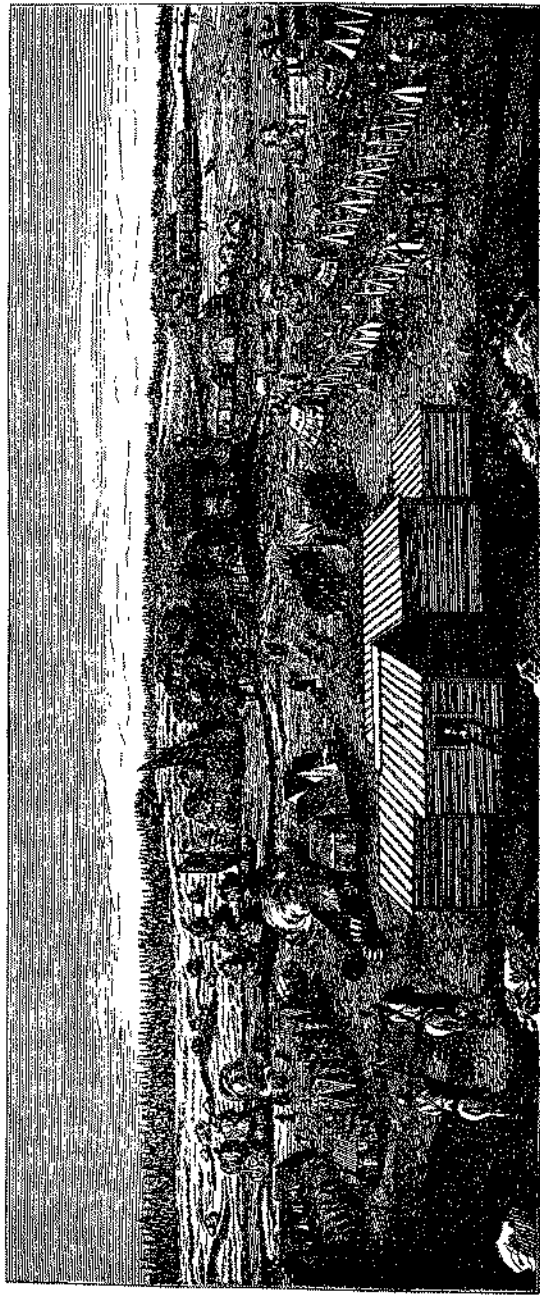
о том, насколько Густав, в случае разрыва с Россией, мог рассчитывать на помощь Франции. По возвращении в Швецию Густав, в переписке с французским министерством, указывал хвастливо на значительные средства, которыми располагала Швеция для войны с Россией, так что Людовик XVI, желавший сохранения мира, должен был сдерживать пыл короля.¹

Весною 1784 года Густав находился в Финляндии. В 1786 году один русский генерал, под предлогом обыкновенного путешествия, объехал всю Финляндию, осмотрел крепости и дефилен, обращал внимание на места, удобные для военных действий против Швеции, и старался разузнать о настроении умов населения Финляндии.² Во все это время русский посланник в Стокгольме оставался противником короля и поддерживал тесные связи с партией недовольных. В этом отношении действовали одинаково Остерман, Симолин, Морков и Разумовский. В доме русского посланника происходили сходки оппозиционных депутатов сейма. Граф Аксель Ферзен и семейство Браге на сейме 1786 года находились во главе партии, враждебной королю. Недаром король требовал удаления Моркова; вскоре ему пришлось настаивать и на удалении Разумовского. Говорили, что последний через барона Спренгтпортена, вступившего впоследствии в русскую службу, узнавал о подробностях событий на сейме, которые могли считаться настоящей причиной войны 1788 года; рассказывали далее, что Спренгтпортен сообщил князю Потемкину тайные проекты обороны Швеции и Финляндии, которые были составлены им и одобрены королем. Вступление Спренгтпортена в русскую службу было чувствительной потерей для Швеции и значительной выгодой для России. Он в борьбе между Густавом и Екатериною играл ту роль, которую при Карле XII и Петре Великом играл Паткуль.

Густав III должен был думать о средствах остановить действия России, клонившиеся к ущербу самостоятельности и целостности Швеции. Успешные военные действия могли положить конец агитации дворян, противников короля. Средством спасения монархического начала была военная диктатура. В этом смысле начавшаяся в 1788 году война была как бы продолжением государственного переворота 1772 года.

¹ См. мою статью «Schweden und Russland» в *Histor. Zeitschrift*, XXII, 326.

² Posselt, «Gustaf III», 339.



Вид главной квартиры Густава III, в Финляндии, близ Фридрихсгамма, во время войны 1788-1789 годов.
С весьма редкой шведской гравюры того времени, из собрания П.Я. Дашкова.

ОБЪЯСНЕНИЕ: 1) Дорога из Гегфорса, по которой слет шведский казачий офицер со своим ординарцем. 2) Гумна и сараи, в которых помещалась канцелярия и столовая гвардейских офицеров. 3) Королевский гвардейский лагерь со своими обозами и маркитантами. 4) Королевская лейб-гвардия, телохранители или легкий драгунский отряд. 5) Маркитанты главной квартиры. 6) Королевская лейб-гвардия, идущая для занятия караулов. 7) Мост через реку, ведущий к мызе. 8) Мыза, обсаженная рябиновой рошей, где его королевское величество жил в палатке по случаю пожара главного здания (весной 1788 г.). 9) Большое старое строение, где находилась королевская кухня. 10) Развалившаяся беседка в саду, где жил генерал-интендант Клингспор. 11) Ворота по сю сторону реки, где находилась канцелярия его королевского величества. 12) Конюшня и скотный двор, где стояли лошади и конюхи его королевского величества. 13) Гумна и сараи, в которых помещалась часть адъютантов короля, походная почтовая и чертежная контора. 14) Быстрая речка, протекающая у самой мызы. 15) Выезд из мызы на большую дорогу к станции Суттула. 16) Место, где ловилась лососина для продовольствия армии. 17) Плоскодонные суда, доходившие из шхерного фарватера до моста.

Еще в 1739 году между Швецией и Турцией был заключен оборонительный союз на случай разрыва одной из этих держав с Россией. То обстоятельство, что во время первой турецкой войны (1768—1774) Швеция и не думала защищать Турцию, ясно доказывало, что тогда договор 1739 года в самой Швеции считался уже недействительным. Но Густав, желая начать войну с Россией, воспользовался старым договором, указывал на него, как на повод к войне, и в продолжение всего этого времени искал дружбы султана. Шведский посланник в Константинополе уже с 1787 года пользовался особенным уважением. Густав утверждал, что он с самого начала войны получал субсидии, которые, впрочем, по другим известиям, стали уплачиваться не ранее как с 1789 года.¹

Во всяком случае, Густав с самого начала войны тесно сблизился с Турцией, и именно это обстоятельство придавало его предприятию против России особенное значение в глазах лондонского и берлинского кабинетов. Они были готовы поддерживать неприятелей России и войсками, и флотом, и деньгами. Франция, напротив, желала сохранения мира на севере. В инструкции, данной французскому посланнику, маркизу де Понсу, было сказано, что если шведский король будет действовать против России под непосредственным влиянием Англии и Пруссии, то он, король, тем самым лишает себя права считаться другом Франции, и что французский двор крайне сожалел бы о таком заблуждении.¹

Благодаря французским субсидиям, Густав III до войны имел возможность привести в надлежащее состояние войско и флот. Теперь же он рассчитывал на помощь Англии и Пруссии. Усиливавшееся постепенно могущество России считалось на Западе как бы нарушением европейского политического равновесия. Теперь, как казалось вероятным, настала пора успешных действий с целью ограничения власти и влияния России. Помогая Турции в борьбе против России, препятствуя дальнейшим разделам Польши, действуя косвенным образом против императора Иосифа II, Густав III мог рассчитывать на благодарность некоторых западноевропейских держав.

В то же время нападение на Россию могло считаться чрезвычайно опасным предприятием уже потому, что оно не согласовалось с конституцией, запрещавшей королю вести наступательную войну без особенного соглашения с государственными чинами. Если не было возможности заставить Россию объявить войну и начать военные действия, король легко

¹ См. мое сочинение «Война России с Швециею 1788—90». Спб., 1869. Стр. 6 и 7.

мог сделаться жертвою оппозиционной партии. Разве только быстрые и важные успехи в военных действиях могли, в случае разлада между королем и подданными его, спасти Густава III.



Граф Сегюр, французский посол при русском дворе.
С гравированного портрета, приложенного к французскому изданию его «Записок» 1826 г.

Шведский посланник в Петербурге Нолькен доносил о плачевном состоянии России в это время. Вследствие этого Густав III, придавая слишком

¹ Geffroy, 667.

большое значение вооружению Швеции, не имел точного понятия о средствах, которыми располагала Россия. Когда флот 29 мая (9 июня) 1788 года из порта Карлскроны вышел в море, экипаж не знал вовсе о цели плаванья. Все приготовления к походу происходили в глубочайшей тайне.

Узнав еще в марте 1788 года о вооружении Швеции, Екатерина в записке, внесенной в Государственный совет, заметила, что «императрица Анна Иоанновна в подобном случае велела сказать, что в самом Стокгольме камня на камне не оставит».¹ Немного спустя узнали о распространении Густавом слуха, будто русские намереваются сделать нападение на Карлскрону, а также о получении Швецией турецких субсидий. Несмотря на это, Екатерина все еще надеялась на сохранение мира. 26 мая она сказала: «Я шведа не атакую, он же выйдет смешон». Еще в начале июня императрица писала князю Потемкину о предстоящем путешествии великого князя на юг для участия в турецкой войне.

Впрочем, Екатерина сильно беспокоилась. «Не веселы», — замечает в это время неоднократно в своем дневнике Храповицкий о расположении духа императрицы. Гарновский уверяет, что она даже плакала.² Екатерина рассматривала карты, изучала положение пограничных мест в Финляндии, велела приказать адмиралу Чичагову, чтобы он спешил выйти в море с флотом, и старалась узнавать о шведских курьерах, приезжавших от короля к Нолькену. И в разговорах с Храповицким, и в письмах к Потемкину Екатерина называла Густава сумасшедшим и выражала надежду на миролюбие шведского народа, который не допустит короля до разрыва с Россией. Потемкину она писала: «Терпеть ли демонстрацию? Если бы ты был здесь, я бы решилась в пять минут что делать, переговоря с тобою».¹

Штакельберг, русский посол в Польше, узнал из прусских и шведских писем, перлюстрированных им по приказанию императрицы, что Густав надеялся присоединить к Швеции Финляндию, Эстляндию, Лифляндию и Курляндию. Наступая прямо на Петербург, король намеревался диктовать мир Екатерине. Храповицкий, вследствие замечания Спренгт-портена, что Густав может атаковать Кронштадт, не спал всю ночь, думая постоянно о такой опасности.

Россия была плохо подготовлена к войне со Швецией. На севере империи почти вовсе не было войска. Возникла мысль о выделении части русских войск, действовавших против Турции, для военных операций в

¹ Храповицкий, 22 марта 1788.

² «Русская Старина», XVI, 20.

Финляндии и нападения на Стокгольм.² Главную надежду русское правительство возлагало на внутренний раздор в Швеции; императрица считала возможным парализовать предприимчивость шведского короля постаивлениями шведской конституции и оппозицией шведского дворянства.



Князь Потемкин-Таврический

Граф Разумовский согласно с этими соображениями 7 (18) июня передал шведскому министру иностранных дел записку, в которой от имени императрицы требовал объяснений по поводу вооружения Швеции. Здесь было сказано между прочим: «Императрица объявляет министерству его величества, короля шведского, а также и всем тем, кои в сей иации некое участие в правлении имеют, что ее императорское величество может

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 481—483, 487.

² «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 293; XXIX, 17, 23, 26, 513, 517.

только повторить им уверение своего миролюбия и участия, приемлемого ею в сохранении их спокойствия», и пр.¹

Король принял эти выражения графа Разумовского за оскорбление. К тому же русский дипломат позаботился о появлении этой записки в разных шведских газетах, желая тем самым подействовать на общественное мнение. Понятно, что после этого Густав требовал удаления графа Разумовского.

Граф Сегюр в беседе с императрицей, которая ему сообщила о случившемся, сказал: «В этом событии самое замечательное то, что посол самодержавной государыни оказывает такое внимание к самостоятельной нации, и что король этой самостоятельной нации этим оскорбляется».²

В дипломатических нотах, в письмах к разным лицам, в манифестах Екатерина и Густав осыпали друг друга упреками. Раздражение постепенно усиливалось. Густав желал войны; Екатерина не надеялась более на сохранение мира. Разрыв становился неизбежным.

Ответ короля на записку графа Разумовского заключал в себе ультиматум, о неприличии которого граф Сегюр заметил, что даже султан не посмел бы обратиться к слабому господарю молдавскому в таком тоне, в каком Густав говорил теперь с императрицей: «Даже сам Фридрих Великий, даже этот знаменитый полководец, во главе победоносного войска и имея полную казну, не осмелился бы сделать таких мирных предложений, которые скорее можно было счесть за объявление войны».³

Густав требовал: наказания Разумовского, уступки Финляндии и Карелии, возвращения Крыма Турции и скорейшего восстановления мира между Россией и Портой.

Недаром прусский посланник в Петербурге барон Келлер, которому вице-канцлер дал прочесть ноту шведского короля, находил везде «неистовства, нелепости и клеветы», замечая, что записка «сочинена, конечно, в замешательстве ума».⁴

Густав III увлекался чрезмерным честолюбием. Мысль о предстоящем торжестве Швеции над Россией вскружила ему голову. Он не сомневался в успехе, говорил о своем намерении опрокинуть статую Петра Великого на Исаакиевской площади в Петербурге, обещал дамам шведского двора при-

¹ См. весь документ в русском переводе у Колотова, III, 264—269; на немецком языке у Горфта, «Geschichte des letzten schwedisch-russischen Krieges.» Frkf. a. M. 1792, 39—42.

² Ségur, III, 366.

³ Posselt, «Geschichte Gustafs III», Karlsruhe, 1792, 361.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XXIX, 30.

гласить их на великолепный праздник, который устроит для них в Петергофе и к участию в торжественном богослужении в Петропавловской церкви. Отправляясь в поход, король писал своему другу Армфельдту: «Мысль о том, что я могу отметить за Турцию, что мое имя станет известно Азии и Африке, все это так подействовало на мое воображение, что я не чувствовал особенного волнения и оставался спокойным в ту минуту, когда отправлялся навстречу всякого рода опасностям... Вот я перешагнул чрез Рубикон».¹



Адмирал Грейг.

С портрета, писанного Левицким и принадлежащим С.А. Грейгу.

¹ Ségur, III, 382—387.

Недаром Екатерина в сильных выражениях говорила о «иелепости» шведской записки, о «сумасшедшей ноте» и т. п. «Мие кажется», сказал Сегюр императрице, «что шведский король, очароваиный обманчивым сиом, вообразил себе, что уже одержал три зиачительные победы». — «Если б он и одержал три зиачительные победы, граф», ответила Екатерина с жаром, «даже если бы он завладел Петербургом и Москвою, я бы ему показала, что может сделать во главе храброго и покорного народа жеициииа с сильным характером, стоя на развалинах великого государства».¹

Вскоре была обнародована шведская «декларация», подписанная королем в Гельсингфорсе 21 июля. В ней заключался весьма резкий разбор образа действий России по разным вопросам внешней политики; говорилось об участии, постигшей Курляндию, Польшу и Крым. Густав надеялся расположить в свою пользу недоброжелателей Екатерины в Западной Европе, указывая на страшную опасность, грозившую всем и каждому от чрезмерного усиления могущества России.

Екатерина не могла не возражать на эту «декларацию». В «Observations et éclaircissements», написанных собственноручно императрицею и напечатанных в переводах на разные языки, она подвергла строгой критике все обвинения Густава, иисколько не щадя короля и осылая его сильными упреками. Далее она сочиняла французские стихи, в которых был осмеян шведский король. Мало того: в театре в Эрмитаже появилась сочиненная императрицею опера «Горе-Богатырь», в которой главным действующим лицом был Густав в карикатурном виде и которую иеодиократно давали в присутствии двора и ииоотраинных дипломатов.²

Между тем начались военные действия. Встреча между шведским флотом и русскою эскадрою при Дагерорте 11 (22) июня не имела последствий, потому что параграф шведской конституции, в силу которого король не мог вести иаступательной войны, препятствовал иападению шведов на слабейшую русскую эскадру; таким образом, король, стесниенный государственным правом, должен был отказаться от значительной выгоды, которую представило бы ему иаисенение России сильного удара в самом начале войны.

¹ Там же, 371—372.

² См. мою статью «Eine komische Oper aus dem Jahre 1788» в журнале «Baltische Monatsschrift», 1867. Опера напечатана в Соч. Эк., изд. Смирдиным. Напрасно считали возможным, что в ней был осмеян Павел или Потемкин; см. соч. Грота «О Густаве III и Екатерине», Спб. 1877, стр. 71 и след., и мою статью в «Russ. Revue», XI, 22 и след.

Густава III упрекали в сделанной будто бы им ошибке, заключавшейся в том, что он двинул свой флот преждевременно, не выждав отправления русской эскадры в Архипелаг. Однако можно сомневаться в том, решилась ли бы Россия отправить свой флот в Средиземное море при таком усложнении политических обстоятельств на севере. К тому же нападение Швеции на Россию должно было быть, как мы знаем, существенной услугой, оказанной Густавом Турции, и поэтому удержание русского флота на севере могло считаться важной услугой со стороны союзника Порты.

В возмущении Екатерины на шведскую «декларацию» упомянуто о выдумке короля, будто на финляндской границе русскими войсками было сделано нападение на шведов. Утверждали, что горсть шведских солдат, наряженных в русские мундиры, сожгла небольшое селение в шведской Финляндии с целью доставить королю возможность указать на открытие неприязненных действий Россией. И действительно, мы имеем основание думать, что Густав III прибегнул к столь мелочной интриге для того, чтобы при своем нападении на Россию избавиться от упрека в нарушении постановления шведской конституции.¹

В истории политических действий Густава III красною нитью проходит столкновение между интересами короля и Швеции с постановлениями государственного и международного права. Не иначе как путем государственных переворотов и войн можно было положить конец подобным затруднениям и препятствиям; насильственный образ действий в соединении с хитростью, козни и обман с одной стороны, геройские подвиги — с другой, должны были повести к желанной цели. На этот раз королю не удалось обмануть современников. И в Швеции, и в прочих странах Европы Густава III считали зачинщиком войны; ему, а не Екатерине приписывали открытие военных действий. Это обстоятельство повело к развитию сильной оппозиции против короля. Благодаря протестам дворянского элемента в шведском войске, король очутился на краю гибели. Не без крайнего напряжения сил, не без употребления дальнейших мер насилия и хитрости королю удалось избавиться от страшной опасности, устроить второй государственный переворот и окончить войну с Россией без ущерба для себя и для Швеции.

Военные действия начались, собственно, не загадочным эпизодом в Пумалазунде, а осадой Нишлотской крепости.² Екатерина сильно беспо-

¹ Вопрос об этом эпизоде в Пумалазунде исследован мною в «Historische Zeitschrift», XXII, 393—402.

² Подробности см. в моем сочинении «Война России с Швецией 1788—90», СПб. 1869. Стр. 73 и след.

коилась; театр войны иаходился на небольшом расстоянии от Петербурга. В разговоре с Храповицким озабоченная войною императрица сказала: «Правду сказать, Петр I близко сделал столицу», к чему Храповицкий прибавил: «Он ее осювал прежде взятия Выборга, следовательно, иадеялся иа себя». Волнение Екатерины усиливалось. В Петербурге ожидали нападения шведов иа самую столицу.

Впрочем, шведы ие могли занять Нишлота. К тому же оказалось возможным подействовать на начальника войск, осаждавших крепость, Гастфера, посредством подкупа. Он же участвовал в образовании коифедерации в Аньяла, положившей на некоторое время конец военным операциям. Таким образом, иаежда короля с этой стороны приблизиться к Петербургу для нанесения решительного удара России ие осуществилась.

Наступательные действия шведов иа море также ие повели к желанной цели.

Битва при Гохланде (6 (17) июля) была скорее победою русского, чем шведского флота, который после сражения должен был удалиться в Свеаборгскую гавай и там был блокирован некоторое время русским флотом, которым командовал адмирал Грейг. Теперь-то оказалось, какая существенная выгода для России заключалась в неотправлении русского флота в Средиземное море.¹ Грейга считали «спасителем столицы и Лифляндии».² Екатерина насмеялась иад Густавом, считавшим гохландскую битву победою шведов и приказавшим отпраздновать мнимую победу торжественным богослужением в Стокгольме.

Накаиные получения известия о гохландской битве императрица жаловалась иа сжатие в груди; иа следующий деиь после прочтения донесения Грейга, проснувшись, она сказала, что чувствует себя совершенно здоровою.³ Густав иамеревался, по одержании победы иа море, атаковать Кроиштадт, сделать высадку в Ораииеибауме и идти к Петербургу. Все эти планы оказались фантазией.

Главную целью военных операций шведов было взятие крепости Фридрихсгамской. Во время приготовлений к осаде этого города между офицерами в лагере Густава III иачалось волнение, которое повело к образованию коифедерации в Аньяла. Офицеры ие хотели сражаться, указывая на незаконность наступательной войны, иачатой без согласия иа то сейма.

¹ Головачев, «Операции русского флота в шведско-русскую войну 1788—90». Спб. 1871. Донесение Грейга в «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 506.

² Blum, «Ein russischer Staatsmann», II, 506. Архив кн. Воронцова XII, 62.

³ Храповицкий, 9 и 11 июля 1788.

Около ста офицеров подали в отставку и готовились к отъезду на родину. Старались убедить короля к немедленному заключению мира; он не соглашался на это, называя столь быстрое окончание войны «самоубийством». В деревнях Ликала и Аньяла происходили сходы недовольных. Конфедерация шведских и финляндских дворян-офицеров при этом случае ничем не отличалась от польских конфедераций, повлекших за собою разделы Польши.¹ Возникла мысль обратиться за покровительством к императрице Екатерине. Недовольные подписали адрес, в котором объявили, что финляндцы желают сохранения мира с Россией, но в то же время они просили императрицу возвратить часть Финляндии, сделавшуюся достоянием России в 1743 году. В записке к королю офицеры требовали немедленного заключения мира и созвания сейма, который определил бы в точности условия государственного управления в Швеции. В то же время конфедераты в объявлении ко всем соотечественникам протестовали против ведения войны, несогласной с законами государства.

Все эти события имели значение реакции против результатов государственного переворота 1772 года. Конфедерация положила конец военным операциям 1788 года. Король был в отчаянии. «Наша слава исчезла навсегда, — говорил он, — я ожидаю смерти от руки убийцы». В лагере инсургентов мечтали о полной независимости Финляндии. Главную целью конфедератов, однако, было восстановление прав дворянства. Положение короля становилось крайне опасным; он начал думать о сложении короны, но вскоре оставил эту мысль, надеясь на спасение путем хитрости и насилия, и писал графу Стединку: «Никогда я не преклонюсь под иго императрицы. Я предпочитаю быть уничтоженным своими подданными, чем победенным иностранными врагами. Большие государства не так легко уничтожаются. Я говорю, как говорил Франц I: «tout est perdu, hors l'honneur».²

Неоднократно было высказано предположение, что конфедерация в Аньяла была вызвана просками русского правительства. Однако, кажется, Екатерина до приезда майора Егергорна в Петербург с адресом конфедератов не знала вовсе о событиях, совершившихся в шведском лагере. Генерал же она видела в обороте, принятом событиями, «пособие Божие»,³ и решилась воспользоваться этим движением для борьбы против Густава.

¹ См. мою монографию о конфедерации в Аньяла в «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. СXXXVII, стр. 680—771.

² Stedingk, Mém., I, 121.

³ Храповицкий, 29 июля.

Она лично вела переговоры с Егергорном и советовалась со Спренгтпортенем. Достоверно известно, что Егергорн при этом случае хлопотал о совершенной независимости Финляндии, между тем как эта цель едва ли соответствовала соображениям конфедератов вообще. Екатерина обрадовалась такому плану, осуществление которого занимало особенно Спренгтпортена. Незадолго до этого подобная агитация в пользу мнимой независимости крымских татар повела к присоединению к России Таврического полуострова. Такая же цель легко могла быть достигнута на севере. Екатерина была чрезвычайно довольна этими событиями. Сообщая некоторым приближенным лицам о случившемся, она смеялась над шведским королем, замечая, что конфедерация должна считаться справедливым наказанием короля за нанесенные ей обиды. При всем том, однако, действия императрицы в отношении конфедератов отличались крайней осторожностью. На ее ответе лицам, подписавшим адрес, отправленном в Финляндию через Егергорна, не было подписи императрицы; однако начались оживленные сношения между русскими и шведскими войсками.

По колкому замечанию одного современника, шведы в этом походе нуждались не столько в солдатах, сколько в трубачах для оказания услуг при непрестанном обмене визитами шведских и русских парламентаров.¹

Екатерина следила за всеми частностями этих событий и руководила переговорами. Порою она резко осуждала изменнический образ действий офицеров в шведском лагере. «Какие изменники!» сказала она однажды, «буде не таков был король, то заслуживал бы сожаления; но что делать? надобно пользоваться обстоятельствами: с неприятеля хоть шапку долой». Великому князю Павлу Петровичу, находившемуся в то время в Финляндии, Екатерина писала, что отступление шведов должно считаться выгодною, равносильною победою, одержанной на поле битвы.² О короле она писала Сиверсу: «Мне кажется, что он помешан».³ Императрица не сомневалась в дальнейшем и окончательном торжестве над Густавом III.

Вскоре, однако, обстоятельства изменились к худшему. Королю Густаву удалось принять решительные меры против конфедератов. Привер-

¹ Об отношении великого князя Павла Петровича к Карлу Сюдерманландскому см. довольно важные данные в «Русской Старине», XV, 151 и след.

² «Сб. Ист. Общ.», XV, 146. О переговорах Мусина-Пушкина с Мейерфельдом см. Bernhardt, «Vermischte Schriften», I, 124—126.

³ Blum, II, 502.

женцы короля действовали столь успешно в пользу монархического начала, что Екатерина сочла необходимым прервать сношения с противниками Густава III, который сумел воспользоваться настроением умов в Швеции в пользу королевской власти. Народ предпочитал монархию преобладанию аристократического начала. В конце 1788 года императрица велела советовать финляндцам подумать о мерах спасения и не рассчитывать более на помощь России. «Зачем вести финнов на плаху?» — говорила она 30 декабря 1788 года, «Пусть подадут повинную. Зачем их обманывать? Я не могу им помочь».¹ Некоторые из главных зачинщиков бунта спаслись бегством в Россию; другие были арестованы и отданы под суд. Торжеству короли над конфедератами содействовали удачные действия в войне с Данией.

Обстоятельства заставляли Данию держаться союза с Россией. Подобно договорам, заключенным между Пруссией и Россией с целью приступить к разделу Польши, между Данией и Россией существовало соглашение, клонившееся к разделу Швеции. В договоре 1766 года обе державы гарантировали друг другу сохранение в целости прав дворянства в Швеции. К тому же был заключен оборонительный союз между Данией и Россией на случай нападения, которое Швеция могла сделать на ту или другую из этих держав. По случаю переворота 1772 года в Швеции можно было ожидать вмешательства Дании и России в шведские дела. И в Копенгагене, и в Петербурге хорошо понимали, что усилением монархической власти в Швеции обуславливалось развитие могущества этой державы в области внешней политики. Густав III вполне сознавал меру опасности, заключающуюся в необходимости одновременно воевать с Россией и с Данией. Недаром он еще в семидесятых годах заметил однажды, что не может обойтись без сохранения на военной ноге трех армий: одной в Финляндии, другой в Шонии, третьей на границе Норвегии.

Некоторые государственные люди в Швеции советовали королю вступить в тесный союз с Данией, чтобы тем самым приобрести возможность более успешно бороться с Россией. Король предпочитал искать союзников в Берлине и Лондоне для борьбы против Дании и России.

Екатерина в 1773 году заключила с Данией договор, в силу которого эта последняя держава была обязана, в случае нападения Швеции на Россию, предоставить в распоряжение России некоторое число кораблей и известное количество войск, то есть, атакуя Швецию с тыла или с фланга, сделать диверсию в пользу России.

¹ Храповицкий, 30 дек. 1788 г.

Когда же начались военные действия между Россией и Швецией, Дания медлила исполнением своего обязательства. Быть может, Густав III, показывая вид, что военные действия были открыты не им, а русскими войсками, рассчитывал на то, что Дания не сочтет себя обязанною в данном случае подать помощь России. Однако вскоре исчезли все сомнения относительно решения вопроса о том, кто был зачинщиком войны, и Дания, принужденная признать этот случай за «*casus foederis*», не могла не приступить к исполнению договора 1773 года. Впрочем, прошло несколько недель до открытия военных действий датчан. Тогда как шведские и русские войска уже в конце июня в Финляндии обменялись первыми выстрелами, датские войска не раньше как в сентябре вступили в пределы шведской территории.

Екатерина была недовольна Данией. И без того она имела основание жаловаться на неудачу союзных австрийских войск в турецкой войне. Теперь же она, говоря об австрийцах и датчанах, заметила: «Лучше бы без них иметь дело». Несмотря на то, однако, в Петербурге рассчитывали на успех датских войск, приступивших к осаде Готенбурга.

По тогдашним понятиям международного права Дания, действуя таким образом в пользу России, не считала свое участие в войне нарушением своего нейтралитета в отношении к Швеции. Это воззрение даже было разделяемо Англией и Пруссией; только дипломаты этих держав объявили, что их правительства не останутся равнодушными в случае вооружения Данией бóльшего количества войск, чем было необходимо для исполнения договора, заключенного этой державой с Россией. Начальник датских войск, принц Карл Гессенский, готовясь напасть на шведскую территорию, объявил, что датский король не думает вовсе о войне со Швецией, но что в силу договора, заключенного с Россией, он не может не выставить в поход известного количества вспомогательных войск.

Оказалось невозможным отстаивать теорию о столь странном нейтралитете. С одной стороны, Екатерина жаловалась на то, что Дания, вместо того чтобы действовать в качестве воюющей державы, довольствовалась лишь объявлениями о вспомогательном войске; с другой — образ действий датчан, вторгнувшись в пределы Швеции, атаковавших шведские войска, занявших несколько шведских городов (Уддевалла, Венерсборг), собиравших всюду с шведских жителей контрибуции, не согласовался с их объявлением о нейтралитете. Вскоре и Швеция, и Россия, и Англия указывали на несообразность такого утонченного различия между ролью воюющей державы и «диверсией вспомогательными войсками».

Немного спустя события положили конец неопределенному состоянию держав в их взаимных отношениях.

Между тем как принц Гессенский готовился приступить к осаде Готенбурга, королю Густаву удалось организовать народное ополчение в Швеции и привести в надлежащее оборонительное состояние Готенбургскую крепость. Геройский образ действий короля в Готенбурге лишил Екатерину выгод, доставленных ей образованием конфедерации офицеров в Финляндии. К тому же Густав успел склонить Англию и Пруссию на сторону Швеции. Английский посланник Эллиот отправился в Швецию, чтобы предложить королю добрые услуги Англии, и объявил в то же время, что принц Гессенский, зашедший слишком далеко в Швецию, переступил пределы данных ему датским правительством инструкций, и что Англия и Пруссия не могут более считать войска, которыми командует принц Гессенский, так сказать, датскими, а не русскими. Эллиот поэтому требовал немедленного прекращения военных операций датчан, выставляя на вид, что в противном случае Пруссия и Англия сделают нападение на Данию. Таким образом, принц Гессенский должен был заключить перемирие, и Дания с тех пор оставалась нейтральной, так что Россия с этой стороны не могла рассчитывать на поддержку против Густава. Обрадованный король писал Стединку: «Мы избавились от датчан: их нападение послужило лишь к возбуждению национального чувства и к собиранию войска, совершенно покорно подчиняющегося моей воле».¹

Екатерина была крайне раздражена образом действий Дании. Считая заключение перемирия как бы нарушением датско-русского договора, она сказала, что Россия никогда не поступила бы столь недобросовестно со своими союзниками без их согласия. В то же время она дала знать прусскому двору, что нападение на Данию сочтется ею равносильным объявлением войны России. В Данию был отправлен чрезвычайный дипломатический агент Нумзен с целью побудить эту державу к возобновлению военных действий против Швеции. Успеха не было: Дания оставалась нейтральной.

Благодаря такому обороту дел положение короля Густава в Швеции совершенно изменилось. Недаром современники ожидали от занятия Готенбурга датчанами неминуемой катастрофы монархического начала в Швеции. Король в этом случае непременно лишился бы плодов государственного переворота 1772 года. Теперь же все изменилось в пользу короля.

¹ См. мою монографию «Dänemarks Neutralität schwedisch-russischen Kriege im Jahre 1788», в журнале «Baltische Monatsschrift». Neue Folge, II, 361—372.

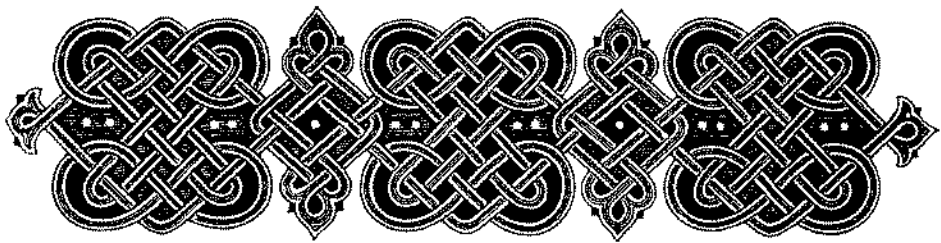
Нападение датчан возбудило в Швеции национальное чувство и патриотизм. Недаром Густав в Финляндии во время крайней опасности, грозившей ему со стороны дворян-офицеров, при получении известия о нападении датчан на Швецию указывал на это событие, как на средство спасения королевской власти.¹

При совершенно изменившихся обстоятельствах происходили зимою 1788—1789 года заседания сейма в Стокгольме. Королю удалось путем второго государственного переворота обеспечить монархическое начало в Швеции. Благодаря заявлениям общественного мнения, король, как бы в качестве диктатора, мог со свежими силами продолжать борьбу против России.

Таким образом, Екатерина к концу 1788 года, несмотря на целый ряд успехов русского оружия, находилась в несколько затруднительном положении. Взятие Очакова, победы русского флота над турецким, гохландская битва, образование конфедерации в Аньяла — все это не имело большого значения, если бы к прежним противникам России, Порте и Швеции, присоединились новые неприятели. И на юге, и на севере Екатерина не без раздражения встречала противодействие английского и прусского кабинетов. Трудно было предвидеть, до чего могли дойти размеры борьбы при столкновении с этими державами.

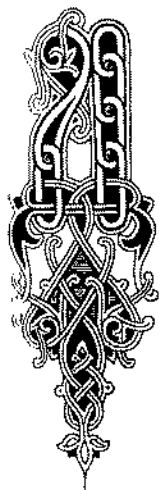


¹ Geffroy, I. с. 665. Horft, «Gesch. d. letzten schwedisch-russischen Kriegeres», Frankfurt a. M., 1792, 112.



Глава VIII. Англия. Пруссия. Окончание шведской и турецкой войн

Англия



ружеские отношения России и Англии во время первой турецкой войны имели весьма важное значение для успешных военных операций против Порты. Интересы России и Англии в продолжение некоторого времени шли рука об руку. В 1766 году между обоими государствами был заключен торговый союз. Неприязнь между Францией и Англией представляла собою такую же выгоду, какую заключала в себе вражда между Австрией и Россией в первое время царствования Екатерины.¹

Россия также могла быть довольна англо-французской войной во время борьбы за независимость англо-американских колоний. Чем более Англия была занята делами на отдаленном западе, тем менее можно было ожидать, что она станет препятствовать расширению могущества России на востоке. Мало того: Англия надеялась, что Россия предоставит ей вспомогательные войска для войны в Америке; однако Екатерина в письме к королю Георгу III отказала в исполнении этой просьбы.

Неоднократно Екатерина весьма резко осуждала слабость английского правительства, не бывшего в состоянии удержать за собою все колонии в Америке и не успевшего наказать «мятежников». Вообще, говоря с прус-

¹ См. частности об отношении России к Англии у Соловьева, XXV, 230 и след., 374 и след.; XXVI, 110 и след., 200 и след.; XXVII, 221 и след., 321 и след.; XXVIII, 102 и след., 202 и след., 327 и след., 412 и след.; XXIX, 65 и след., 85 и след.

зрением о «суконщиках», — так она в это время любила называть английское правительство — об ошибках, сделанных английским кабинетом, об англо-французской войне, в которой воюющие партии, по ее мнению, наделали множество «глупостей», о неспособности короля Георга III и пр., императрица не понимала, каким образом Англия могла примириться с мыслью о потере столь важных провинций, как англо-американские колонии.¹ Когда в 1787 году во время путешествия в Крым английский дипломат Фиц-Герберт в присутствии императрицы объяснял Сегюру, что потеря американских колоний не только не может считаться ущербом для могущества Англии, но даже окажется выгодой для этой державы, Екатерина удивлялась тому, что благоразумный и осмотрительный дипломат мог высказать мнение, которое ей казалось нелепостью.² Подобные замечания встречаются в письмах императрицы к госпоже Бьельке и другим лицам.³

При всем том, однако, Екатерина не хотела заступиться за Англию в борьбе за американские колонии. Критикуя резко и строго образ действий короля Георга и его министров, императрица не считала выгодным для себя и для России вмешаться в дела Англии. Благодаря такому равнодушию России, в отношениях ее с Англией произошло некоторое охлаждение. Новый английский посол, Геррис, прибывший в Россию в конце 1777 года, вследствие этого очутился в несколько затруднительном положении. Его старания склонить Россию к заключению оборонительного и наступательного союза оставались тщетными. Столь же неуспешными были старания вооружить императрицу против Франции; Екатерина, высоко ценившая необычайные способности английского дипломата и любившая беседовать с ним о разных предметах, оставалась равнодушною к интересам Англии. Между обеими державами даже возникли недоразумения по поводу произвольных действий английских каперов относительно русских торговых судов.⁴

В Петербурге господствовало убеждение, что Англия гораздо более нуждалась в России, чем Россия в Англии. Недаром Геррис в одном из своих донесений сравнивал дружбу России с суровым климатом этой страны; недаром он жаловался на несоответствие между любезным обращением с ним императрицы и невниманием русского правительства к

¹ См. ее письма к Гримму в «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 92, 149, 191, 224, 395.

² Ségur, Mémoires, III, 229, 230.

³ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 44, 147, 154.

⁴ Соловьев, XXIX, 299—301.



ALEXANDRE COMTE

*Grand Maître de la Cour de Sa Majesté
son Conseil privé et de la Direction générale des frontières
et Grand Croix
qu'on a été le général dans sa vieillesse*



DE BESBORODKA

*Impériale de toutes les Russies
Chevalier des Ordres de S. André de S. Alexandre, etc., etc.,
de celui de S. Vladimir
hérit pas de profession d'arme*

Граф А.А. Безбородько.

С гравюры Валькера, сделанной с портрета, писанного Лампи.

интересам Англии,¹ Екатерина не хотела взять на себя посредничество между Францией и Испанией с одной стороны и Англией с другой. На этот счет императрица вполне разделяла мнение Панина, тогда как Орлов и Потемкин изъявляли готовность действовать в пользу Англии.²

Холодность отношений между Англией и Россией не могла не усиливаться вследствие объявления некоторых правил о вооруженном нейтралитете, сделанного русским правительством в 1780 году. Екатерина имела в виду обеспечить права и интересы русских купцов и мореплавателей, пострадавших неоднократно во время войны между Англией, Францией и Испанией. Точным определением прав нейтральных держав императрица оказала человечеству существенную услугу в области международного права.

Мысль о вооруженном нейтралитете не принадлежала исключительно Екатерине. Многие государственные люди, желавшие положить конец произволу и насилию со стороны воюющих держав в отношении к судам и товарам нейтральных наций, занимались решением этого вопроса. Вержен, Густав III, Фридрих II, датский министр Бернсторф составляли разные проекты для достижения этой цели. В России то Панин, то Екатерина, то Бакунин, то Безбородко считались виновниками декларации о вооруженном нейтралитете. Сама Екатерина приписывала себе важнейшую долю в решении этого вопроса.³ По поводу замечания в сочинении Денины, что соглашение о вооруженном нейтралитете было придумано прусским королем еще в 1744 году, Екатерина писала: «Это неправда; вооруженный нейтралитет родился в голове Екатерины II и ни в чьей другой. Граф Безбородко может засвидетельствовать, что в одно утро мысль эта была высказана императрицей как будто по внезапному вдохновению. Граф Панин не хотел о ней слышать, потому что она принадлежала не ему, и потребовалось много труда уломать его. Разработка поручена была Бакунину, и напоследок он занялся ею».⁴

Действительно, по новейшим источникам оказывается, что Безбородко и Бакунин занимались приведением в исполнение проекта Екатерины, причем, впрочем, были заимствованы мысли графа Бернсторфа, сфор-

¹ Harris (Malmesbury), Diaries I, 197.

² Там же, I, 533. Arneth, «Joseph und Katharina», 31, 33, 35, 49.

³ Carl Bergbohm, «Die Bewaffnete Neutralität 1780—1783». Berlin, 1884 — где особенно подробно разобран вопрос о доле участия Бернсторфа, Панина и Екатерины в этом деле.

⁴ «Русский Архив» 1878, II, 290.

мулированные им уже в 1778 году.¹ Нет сомнения, что инициатива в применении на практике этих мыслей принадлежала Екатерине, хотя, впрочем, при исполнении проекта Панин успел дать всему делу оборот, направленный против Англии.²

Не без удовольствия Екатерина писала барону Гримму об этой декларации, как о единственном средстве избавиться от насилия воюющих держав, не щадивших интересов торговли и судоходства нейтральных наций.³ Фридрих II писал Екатерине: «Между столькими чудесами, которыми ознаменовано царствование вашего императорского величества, нельзя считать последним обнародование морского устава, защищающего торговлю от всякого хищничества на море. И та, которая дала столь мудрые законы величайшей монархии в Европе, могла с тем же правом предписать их царству морей».⁴

В какой степени декларация о вооруженном нейтралитете не понравилась англичанам, видно из донесений Герриса. Он неоднократно беседовал об этом предмете с Паниным и не без удовольствия указывал на то обстоятельство, что адмирал Грейг решительно высказался против нового постановления о правах нейтральных держав. Геррис порицал высокомерие императрицы, считавшей себя законодательницей всего мира. В беседе с Екатериной английский дипломат тщетно добивался того, чтобы новые постановления не получили общего применения ко всем народам. Екатерина настаивала на своем и превратила временную меру в постоянное учреждение международного права.⁵ Немного спустя она требовала от Англии формального признания устава о нейтралитете в благодарность за посредничество России при окончании борьбы между Англией и Голландией.⁶ Напрасно Геррис в своих донесениях жаловался на образ действий России, не вполне согласный с поступками русских каперов во время первой турецкой войны, указывал на несовместность понятия о вооружении с понятием о нейтралитете и пр.,⁷ — новое учреждение было признано и принято всеми державами, что содействовало усилению значения России в Европе.

Удар, нанесенный Екатериной Англии, оказался чувствительным. Вскоре после этой декларации о нейтралитете последовало сближение

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 64—65, 329. 331. Bergbohm, 134.

² Bergbohm, 239.

³ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 174.

⁴ Там же, XX, 392—393.

⁵ Harris, I, 284 и след., 448.

⁶ Там же, I, 482.

⁷ Там же, I, 486, 502; II, 28, 39.

между Францией и Россией. Благодаря стараниям Сегюра между обеими державами был заключен торговый договор. Все это не могло не породить некоторой натянутости отношений между Россией и Англией.

Пруссия

Перемена во внешней политике России, происшедшая в 1780 году, нанесла решительный удар отношениям России с Пруссией. Переписка между Фридрихом и Екатериной вскоре прекратилась. При преемнике Фридриха II, короле Фридрихе Вильгельме II, отношения между Россией и Пруссией становились все более и более холодными и натянутыми.

Мы видели выше, как невысоко ценила императрица способности нового государя Пруссии. В ее письмах к барону Гримму встречается целый ряд колкостей и насмешек, предметом которых был король Фридрих Вильгельм II. Называя его «frère Gu» (Guillaume), а короля английского «frère Ge» (George), Екатерина смеялась над союзом между обоими государями; она придумала особые термины для обозначения такой дружбы: «gegu» и «geguisme» и т. п.¹

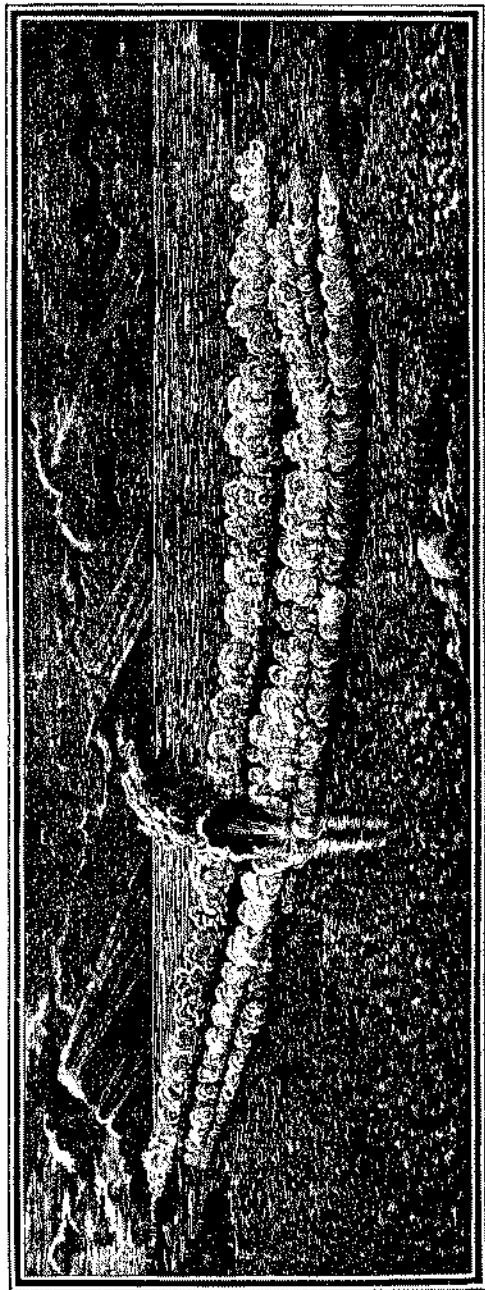
Особенно начиная с 1787 года, становилось заметным враждебное отношение Пруссии к России. В своих письмах к Потемкину Екатерина весьма часто жаловалась на козни Фридриха Вильгельма II и Англии, между тем как Потемкин постоянно говорил о необходимости сохранения дружеских отношений с обеими державами.² Понятно, что вмешательство Пруссии и Англии в турецкие и шведские дела раздражало императрицу. Ей хорошо было известно, что Густав III взялся за оружие в надежде на помощь Пруссии и Англии. В видах спасения Турции берлинский и лондонский кабинеты одобряли нападение шведского короля на Россию. Английский дипломат в Берлине Эллиот прямо указывал на необходимость положить конец постоянному развитию могущества России.³ Заступничеству Пруссии и Англии Густав III был обязан скорым окончанием шведско-датской войны.

Письма Екатерины к Потемкину свидетельствуют о сильном раздражении императрицы. Порою она ожидала разрыва с Пруссией. Также и в письмах к императору Иосифу она жаловалась на интриги прусских

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 384, 431, 434.

² См., напр., «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 446.

³ «Gustaf tredje's efterlemnade Pappers» III, 204—206.



Морская битва при Свенкзунде.
С весьма редкой шведской гравюры 18-го века Сильберга, из собрания П. Я. Дашкова.

дипломатов в Константинополе и Польше, насилие в обращении Англии и Пруссии с Данией и пр. И Безбородко в письме к Воронцову, указывая на то, что прусский король считает себя диктатором, полагал необходимым обращаться с Пруссией твердо и решительно, хотя Потемкин советовал действовать крайне осторожно и избегать поводов к оскорблению прусского короля.¹

Совместные действия Англии и Пруссии легко могли сделаться роковыми для России. Продолжение шведской и турецкой войн требовало крайнего напряжения сил; при всеобщем утомлении и истощении страны, при расстройстве финансов было тяжело думать о возможности разрыва с Пруссией. Екатерина считала как бы личными своими врагами и прусского короля Фридриха Вильгельма II, и английского министра Питта. Последний объявил решительно и ясно, что интересы Англии и Пруссии требуют ограничения власти и влияния России. Пруссия заступалась за Швецию и препятствовала усилению влияния России в Польше; Питт старался принять меры для спасения Турции от чрезмерного перевеса Австрии и России.² При столь затруднительных обстоятельствах Россия должна была продолжать и окончить шведскую и турецкую войну.

Шведская война 1789 и 1790 гг.

Военные действия России против Швеции в 1789 году начались довольно удачно. Русским войскам удалось занять некоторые важные места в Южной Финляндии. Так, например, уже весной 1789 года был взят город Христина. Зато известие о неблагоприятном исходе схватки русских и шведских войск при Киро, или Паросальми, до того поразило императрицу, что она заметила: «Двадцать семь лет такого известия не получала».³ Глубокое впечатление, произведенное этим маловажным событием, свидетельствует об утомлении и расстройстве Екатерины.

Более важные встречи происходили на море, где они начались успешными действиями сооруженного в последнее время галерного флота. Екатерина посвящала этому предмету особенное внимание и назначила главнокомандующим галерным флотом принца Нассау-Зигена, весьма успешно сражавшегося в 1788 году с турецким флотом в Днепровском ли-

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXXVI, 407. «Русский Архив» 1873, 1686.

² Ranke, XXXI, 337 и след.

³ Храповицкий, 9 июня 1789 года.

мане. 14—25 июля произошло между Борнгольмом и берегами Швеции столкновение русского флота, которым командовал Чичагов, с шведским; сражение не имело решительного исхода. Зато главнокомандующему галерным флотом, принцу Нассау-Зигену, удалось разбить шведский галерный флот при Свенкзунде, или Рочензальме (13—24 августа). Екатерина



Адмирал В.Я. Чичагов.
С портрета, принадлежащего Эрмитажу.

сравнивала эту победу с Чесменской битвой. Она сообщила Гримму и Циммерману об этом событии, нарочно отправив свои письма по обык-

новой почте с целью, чтобы они распечатывались и читались на дороге.¹

По поводу этого морского сражения, по внушению Густава, в «Hamburger Zeitung» был напечатан рассказ, не соответствовавший истине. Екатерина собственноручно составила возражение на эту статью. Она смеялась над королем, замечая: «La Majesté Gustavienne ударилась в бегство, как собака, которую прогнали из кухни».² Вместе с тем императрица выразила надежду, что при столь успешных действиях русского оружия можно рассчитывать на скорое окончание войны.³

Однако дальнейших успехов в течение 1789 года не было. Екатерина была весьма недовольна бездействием командующего сухопутными войсками Мусина-Пушкина. Для достижения мира, в котором сильно нуждалась Россия, нужны были дальнейшие победы. Турция рассчитывала на помощь Швеции; Пруссия желала ограничения могущества России; Англия поддерживала султана; Польша надеялась воспользоваться затруднительным положением, в котором находилась Россия, для соединения с Пруссией и Швецией против опасного соседа; Австрия была занята вспыхнувшей революцией в Нидерландах и к тому же продолжала действовать крайне неудачно в турецкой войне; Дания не имела возможности оказать услуги России в качестве ее союзницы. Таким образом, Россия стояла одиноко. Недаром Безбородко в это время в письмах к разным лицам указывал на чрезвычайно затруднительные обстоятельства, в которых находилась Россия, на расстройство финансов, на недостатки в административном организме и пр.

Из записок графа Сегора видно, в какой мере Англия и Пруссия были довольны тем, что войны России с Швецией и Турцией затягивались. Порою эти державы предлагали свои добрые услуги, но в то же время постоянно старались сеять раздор между воюющими державами.⁴ Екатерина зорко следила за образом действий обеих держав и поэтому руководствовалась правилами крайней осторожности.⁵ Потемкину она писала: «Каковы цесарцы бы ни были и какова ни есть от них тягость, но она будет несравненно менее всегда, нежели прусская, которая сопряжена со всем тем, что в свете может только быть придумано, поносным и несносным. Мы

¹ Там же, 17 авг. 1789 г.

² «Русская Старина», VIII, 879.

³ Зап. Гарновского в «Русской Старине», XVI, 412.

⁴ Ségur, Mémoires, III, 426.

⁵ Там же, III, 430 и след.



Принц Нассау-Зиген.
С гравированного портрета 18-го века.

пруссиков ласкаем; но каково на сердце терпеть их грубости и ругательством наполненные слова и дела!» В одной из записок императрицы, относящихся к этому времени, читаем следующие слова: «Молю Всевышнего, да отметит пруссаку гордость. В 1762 году я его дядюшке возвратила Пруссию и часть Померании, что не исчезнет в моей памяти. Не забуду и то, что двух наших союзников он же привел в недействие, что со врагами нашими заключил союз, что шведам давал денег и что с нами имел грубые и неприлично повелительные переписки. Будет и на нашу улицу праздник авось либо!»¹

В это время считали возможным нападение Пруссии на остзейские провинции, что могло иметь роковые последствия. «Теперь мы в кризисе, — сказала Екатерина 24 декабря 1789 года, — или мир, или тройная война, то есть с Пруссией»; а 31 декабря: «Теперь кризис: пруссаки мешают миру и готовы начать войну с нами и с императором; все державы в ферментации, одна Гишпания спокойна», и пр.²

Когда Пруссия в начале 1790 года обратилась к императрице с вопросом об условиях, на которых она хотела бы заключить мир, русское правительство заявило о следующих требованиях: Швеция и Турция должны объявить, что начали войну без причины; о турецких делах должно трактовать особо от шведских; в Швеции должно быть восстановлено государственное право, существовавшее там до 1772 года, и т. п.³ Понятно, что Густав III не мог и думать о сложении оружия. Он начал войну для обеспечения результатов государственного переворота 1772 года и потому не мог согласиться на подобные условия мира.

Екатерина, ожидавшая с часу на час нападения Пруссии, писала Потемкину 13 мая 1790 года: «Мучит меня теперь несказанно, что под Ригою полков не в довольном числе для защищения Лифляндии от прусских и польских набегов, коих теперь почти ежечасно ожидать надлежит. Король шведский мечется всюду, как угорелая кошка. Долго ли сие будет, не ведаю; только то знаю, что одна премудрость Божия и его всеильные чудеса могут всему сему сотворить благой конец. Странно, что воюющие все хотят и им нужен мир. Шведы же и турки дерутся в удобность врага нашего скрытного, нового европейского диктатора (короля прусского), который вздумал отнимать и даровать провинции, как ему угодно: Лифляндию посылит с Финляндию шведам, а Галицию полякам» и пр.⁴

¹ Соловьев, «Падение Польши», 200.

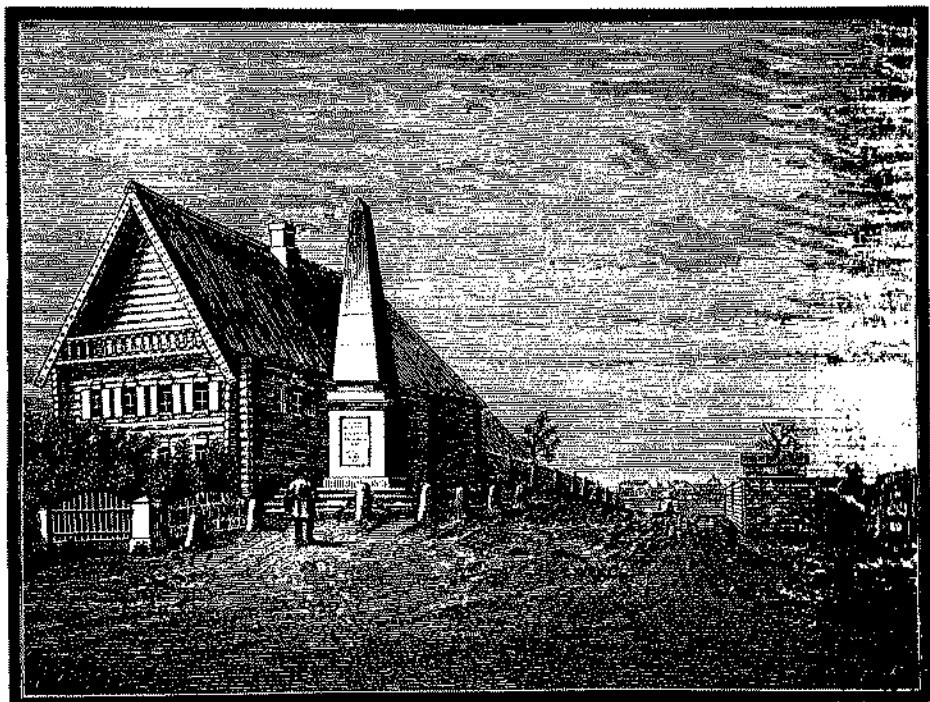
² Храповицкий.

³ Негтманн, VI, 270.

⁴ Соловьев, «Падение Польши», 201.

Таким образом, Россия должна была готовиться к третьей кампании против Швеции. Война требовала крайнего напряжения сил и средств.

Поход 1790 года начался занятием шведами Балтийского порта 6 (17) марта, который они, впрочем, очистили опять по истечении нескольких часов. Известие об этом эпизоде, хотя и оставшемся без последствий, произвело сильное впечатление в Петербурге.¹ В Финляндии русские войска



Памятник в Рыбацкой слободе, близ Петербурга,
поставленный Екатериною II в память того, что в войну со Швецией, в 1789 году,
жители этой слободы добровольно поставили по одному рекруту с четырех человек.
С гравюры 18-го века.

дрались неуспешно и были разбиты в разных мелких стычках. Озабоченная всем этим императрица искала утешения в чтении и научных занятиях.² Впрочем, решительных действий не происходило. В лагере шведов

¹ См. статью Бинемана в «Russ. Revue», V, 40—90.

² Храповицкий, 27 апреля, 1790.

возник план обойти крепости Фридрихсгам, Выборг, Вильманstrand, Нишлот, идти прямо на Петербург и занятием столицы принудить Екатерину к заключению мира.

В Петербурге узнали о намерениях шведов и сильно беспокоились. Ходили слухи о сильном вооружении шведов на море. Храповицкий писал 3 мая 1790 года: «Шведский корабельный флот в 26 парусах подходит к Чичагову, на Ревельской рейде стоящему. Великое беспокойство. Почти ночь не спали (то есть Екатерина не спала). Граф Безбородко плакал».

На другой день было получено известие о победе, одержанной Чичаговым над шведами у Ревеля. Обрадованная этим событием Екатерина назвала его в письме к Павлу и Марии «велие чудо Божие».¹

Однако победа Чичагова не устранила опасности, грозившей столице. Шведский флот приближался к Кронштадту. Когда однажды в одном из предместий Петербурга случился нечаянно взрыв запаса пороха, испуганная публика думала, что шведы находятся уже в городе.² Во время морской битвы при Сейскаре (23—24 мая) гром пушек был слышен в Петербурге. Беспокойство достигло высших пределов. Ходили разные слухи об исходе битвы. Соединение эскадр под командою Крузе и Чичагова на этот раз отклонило опасность, грозившую столице. Шведский флот удалился в Выборгскую бухту, где оставался некоторое время, блокированный русским флотом. Екатерина в крайнем волнении следила за движениями эскадр. Нассау-Зиген с галерным флотом успел присоединиться к эскадрам Крузе и Чичагова. Положение шведов внезапно сделалось отчаянным. Они так тесно были окружены русскими кораблями и войсками, что Екатерина отправила судно со съестными припасами и пресною водою для короля Густава III, а Нассау-Зиген сделал ему предложение сдаться на капитуляцию. Густав во что бы то ни стало должен был пробить себе дорогу из Выборгской бухты: шведский флот не без громадной потери проложил себе путь через густой строй русских кораблей и галерных судов. Это событие могло считаться равносильным блестящей победе, одержанной над шведами, которые потеряли убитыми, ранеными и взятыми в плен несколько тысяч человек, семь линейных кораблей, два фрегата и множество мелких судов.

Тяжелый удар, нанесенный королю Густаву, произвел сильное впечатление на современников. В Лондоне, тотчас же по получении известия

¹ «Сб. Ист. Общ.», XV, 167.

² «Русская Старина», XVI, 431.

об этом событии, собралась конференция министров, в Стокгольме происходили совещания представителей дипломатического корпуса; английский посланник Роберт Листон изъявил готовность отправиться в Петербург для открытия переговоров о мире.¹ Возникла мысль о переводе Стокгольмского банка в другой город и об удалении всех драгоценных предметов из шведской столицы.²



Суворов в домашнем костюме.
С рисунка 18-го века, из собрания П.Я. Дашкова.

Можно было ожидать нового столкновения между шведским и русским флотами при Свенкзунде, куда удалились шведы. От исхода этой битвы могла зависеть судьба короля и Швеции. Второе поражение могло повлечь за собою полную катастрофу Густава.

¹ Колотов, IV, 54.

² Posselt, «Gustaf III», 461.

На том самом месте, где были разбиты шведы в августе 1789 года принцем Нассау-Зигеном, он хотел 28 июня 1790 года — то была годовщина воцарения Екатерины — нанести смертельный удар королю и его флоту.

Вышло иначе. Русские были разбиты наголову. Их потеря доходила до нескольких тысяч людей.

Не без труда Екатерина сохранила спокойствие и присутствие духа. Она писала Безбородко, что должно следовать примеру Фридриха Великого, никогда в подобных случаях не предававшегося отчаянию. Когда Нассау просил отставки и возвратил императрице все свои ордена, она сумела ободрить и утешить его письмом, свидетельствующим о ее великодушии и мудрости. Здесь было сказано между прочим: «Боже мой, кто не имел больших неудач в своей жизни? Величайшие полководцы имели свои невзгоды. Покойный прусский король был действительно велик после большой неудачи: тогда он снова являлся на сцену, более нежели когда-либо окруженный славою; все считали все проигранным, и в то время он снова разбивал врага» и пр.¹ В письмах к Алексею Орлову и Голицыну Екатерина тоже выказывает необычайную твердость и мужество. Зато в письме к Потемкину сказано: «Дело с гребною флотилиею мне столь прискорбно, что после разнесения черноморского флота бурей ничто столько сердце мое не сокрушило, как сие».²

Теперь можно было думать о заключении мира. Широкие планы короля Густава оказались неудобоосуществимыми. Неоднократно в продолжение трехлетней борьбы он выражал желание хотя бы однажды разбить русских, чтобы затем иметь возможность заключить мир. Теперь этот благоприятный случай к открытию переговоров представился. Король не мог желать, чтобы будущность его зависела от морской битвы. Надежда на турецкие субсидии оказалась тщетною; Пруссия вступила в переговоры с Леопольдом II; польские смуты лишали Густава надежды на помощь со стороны Речи Посполитой. Все партии в Швеции желали мира.

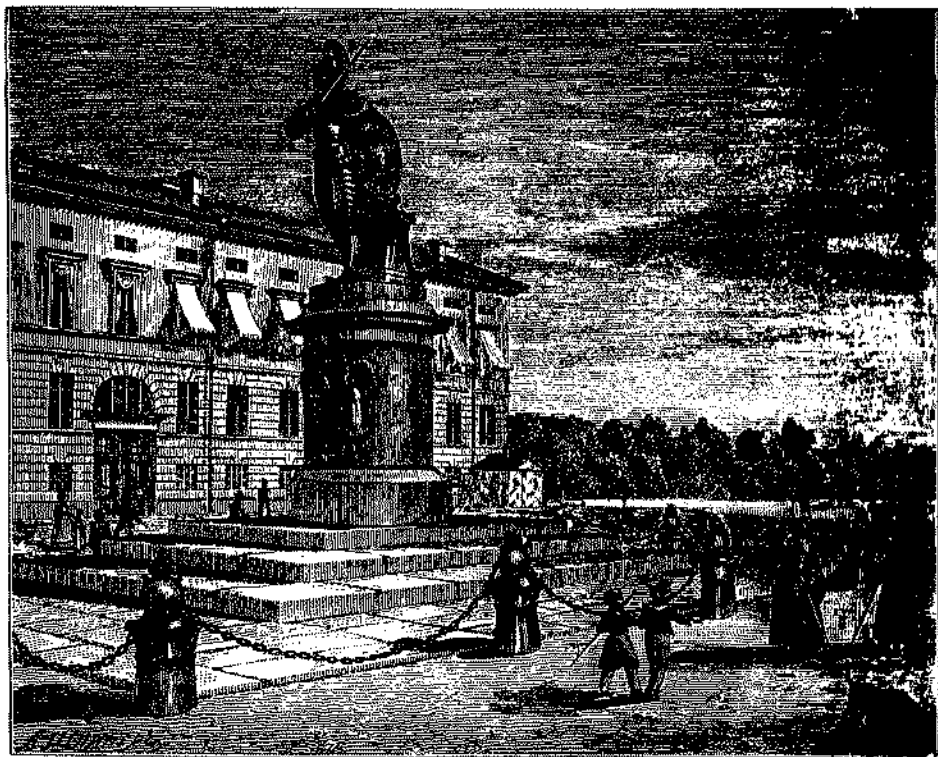
И Екатерина видела необходимость окончания войны. Опасность, грозившая ей со стороны Англии и Пруссии, не прекращалась; польские дела все более и более обращали на себя внимание императрицы; перемена на престоле в Австрии не предвещала России ничего хорошего.

При посредстве испанского дипломата в Петербурге Гальвеса начались переговоры. Игельстром в качестве уполномоченного России отпра-

¹ «Сб. Ист. Общ.», I, 210—211.

² Соловьев, «Падение Польши», 202.

вился в Финляндию.¹ Переговоры продолжались четыре недели. Россия не хотела уступить Швеции ни пяди земли и настаивала на том, чтобы в мирном договоре не было упомянуто о Турции. Зато обе договаривающиеся стороны устно выразили надежду на скорое восстановление мира между Россией и Портой.



Памятник Суворову в Петербурге, на его первоначальном месте.
С гравюры, приложенной к «Панораме С.-Петербурга» Бушицкого.

Мир, заключенный в Вереле 3 (14) августа, несколько не изменяя территориальных отношений между Швецией и Россией, все-таки заключал в себе важную перемену. Россия не настаивала на гарантии прежнего государственного права, о прежних соглашениях по этому вопросу не бы-

¹ См. письма и бумаги Екатерины, изд. Бычковым, 84—86.

ло и помина. Таким образом, Густав III достиг желанной цели — освобождения от вмешательства во внутренние дела Швеции.

Известие о Верельском мире произвело неблагоприятное впечатление в Лондоне и Берлине. Шведский посол в Константинополе при получении известия о мире очутился в неловком положении. Тем довольнее была Екатерина, успевшая окончить войну без посредничества какой-либо державы. Особенно резко отзывалась она при этом случае о Пруссии. В ее письме Потемкину сказано: «Одну лапу мы из грязи вытащили; как вытащим другую, то пропоем аллилуйя». Потемкин писал, что стал спать спокойно с тех пор, как узнал о мире со Швецией; императрица отвечала: «Ты пишешь, что спокойно спишь с тех пор, что сведал о мире со шведами; на сие тебе скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли от самого 1784 года, а в сии три недели начали узки становиться, так что скоро паки прибавить должно меру; я же гораздо веселее становлюсь».¹

Конечно, и личные отношения между Густавом и Екатериною тотчас же изменились к лучшему. Храповицкий замечает 6 августа: «Получено собственноручное письмо от короля шведского к ее величеству, просит, по связи крови, возвратит к нему *amitié*, забыть сию войну, как быстро пронесшуюся грозу». Екатерина в беседе с Храповицким заметила, что никогда не имела дружеского расположения к королю. В ответе последнему Екатерина упрекнула его в том, что он оказался доступным наветам недоброжелателей.² Отправляя в Швецию посланником Палена, Екатерина сказала ему, «чтобы имел глаза и уши, но сам бы ни во что не вмешивался».³ Очевидно, императрица убедилась в невозможности относиться к Швеции так, как она обращалась с Польшей. Агитация русских дипломатов в Стокгольме против монархической власти должна была прекратиться. Борьба против французской революции на некоторое время соединила потом Россию со Швецией, а немного спустя, в царствование внука Екатерины, между обеими державами возобновилась война из-за Финляндии, окончившаяся в пользу России.

Туецкая война до Ясского мира

Екатерина в 1787 году начала военные действия против Порты, питая надежду на осуществление широких проектов. Походы 1787 и 1788 годов

¹ Соловьев, «Падение Польши», 202.

² «Qu'il ne faut pas prêter l'oreille aux tracasseries».

³ Храповицкий, 25 сентября 1790 г.

доказали неудообоосуществимость этих планов. Неудачные действия австрийцев, медленность военных операций Потемкина давали императрице понятие о препятствиях, с которыми приходилось бороться при осуществлении греческого проекта. Надежды оживились лишь после взятия Очакова в декабре 1788 года.



Фельдегерь Екатерининского времени.

С рисунка 18-го века Гейслера.

Из некоторых замечаний Екатерины видно, что она все время не упускала из виду первоначальной цели. Так, например, она сказала 21 апреля 1788 года: «Надобно брать Очаков... Молдавию и Валахию оставить независимую для будущей греческой империи под названием Дакии». Узнав о некоторых успехах известного моряка Поля Джонса (Paul Jones), вступившего в русскую службу, Екатерина заметила: «Он проберется в Константинополь».

7 июня она говорила: «Франция, неформально зная о большом проекте нашем, готова согласиться с нами, и требует только, чтоб ей все открыть; но теперь еще не время; довольно того, что, предузнавая намерения наши, с нами соглашаются. Пусть турки пойдут, куда хотят. Греки могут составить монархию для Константина Павловича; и чего Европе опасаться? ибо лучше иметь в соседстве христианскую державу, нежели варваров; да она и не будет страшна, разделясь на части. Откроется коммерция при порте Византийском, где неудобно уже быть столице».

Около этого же времени Густав III в своем ультиматуме требовал, чтобы Россия возвратила Крым Порте и чтобы границы Турции 1768 года были восстановлены.

После взятия Очакова Екатерина стала мечтать об осуществлении своей любимой мысли. «Приметна в ее величестве возрастающая надежда», — пишет Храповицкий 17 декабря. 26 января 1789 года Екатерина сказала о Потемкине: «Он будет в нынешнем году в Цареграде: о том только не вдруг мне скажите». 30 января опять она говорила о возможности раздела Турции, и даже с согласия западных держав. «Дать куски Англии и Франции и Гишпаниии, а остатка довольно для великого князя Константина Павловича, *roug un cadet de la maison*; зачем не быть обеим отраслям в такой связи, как дворы Бурбонские, т. е. Франция и Гишпаниия». Когда Храповицкий, 27 апреля 1789 года, поздравил императрицу с рождением великого князя Константина Павловича, она сказала: «*C'est un cadet de la maison*; он должен искать карьеры; он ее найдет, увидите». 9 октября Екатерина сказала о греках: «Их можно оживить. Константин мальчик хорош: он через 30 лет из Севастополя проедет в Царьград. Мы теперь рога ломаем, а тогда уже будут сломлены, и для него легче». Таким образом, Екатерина не переставала думать и говорить о греках. На острове Мальте тоже действовал агент русского правительства. Гроссмейстеру мальтийского ордена императрица подарила свой портрет во весь рост. На нем виднелась радуга, опиравшаяся одним концом на Крым, а другим на остров Мальту.¹

Осуществление проектов Екатерины зависело главным образом от успеха русского оружия. Недаром поэтому она была раздражена неудачей австрийцев. Между главнокомандующими русской и австрийской армий происходили разные недоразумения. Однако Румянцев и герцог Кобургский в сентябре 1788 года заняли Хотин. Затем военные операции остано-

¹ Колотов, IV, 33.

вились на некоторое время. Принц де Линь горько жаловался на бездействие Румянцева.

Взятие Очакова не могло не возбудить опасений Пруссии и Англии относительно дальнейшей судьбы Турции. Эти державы начали думать об участии в войне ради спасения Порты. России грозила опасность со стороны новых противников. В то же время приходилось не упускать из виду поляков, на которых начал действовать весьма энергично прусский министр Герцберг. Россия не имела союзников. На Францию, при начавшемся в этом государстве кризисе, нельзя было рассчитывать. Весною 1789 года возникла мысль, принимая во внимание нерасположение Англии и Пруссии, заключить мир с Портой при посредничестве Франции, однако вскоре события революции лишили эту державу возможности вообще участвовать в общеевропейских дипломатических делах.

Весьма решительно Екатерина уклонялась от принятия добрых услуг Пруссии. Герцберг, пожимая руку посланнику императрицы Нессельроде, говорил: «Если бы на нас положились, то и Крым, и Очаков были бы наши». Екатерина отметила против донесения Нессельроде: «Наместник Божий, вселенною распоряжающий; зазнались совершенно!».¹ Между тем как Потемкин советовал действовать крайне осторожно с Пруссией, Екатерина предпочитала оставаться верной союзу с Иосифом II. Она скорее была готова делать уступки Турции, чем Пруссии.²

В кампанию 1789 года русские сражались успешно. В апреле Дерфельден разбил турок при Пруте и взял Галац. Так как турки намеревались занять вновь Очаков, то левый берег Дуная оставался главным театром военных действий. Суворов, соединившись с принцем Кобургским, 21 июля (1 августа) нанес сильное поражение туркам при Фокшанах. Екатерина обрадовалась особенно тому обстоятельству, что в этом подвиге австрийцы и русские действовали сообща. Она выразила надежду, что вследствие этого умолкнут слухи об охлаждении между Россией и Австрией. Императрица плакала от радости при получении известия о Фокшанской битве.³ В сентябре турки были разбиты при Мартинештах и Рымнике; австрийцы заняли Белград; Потемкин и Ангальт взяли Бендеры и Аккерман. Репнин, победив турок при Исакчи, осаждал Измаил. Русские заняли турецкий форт Гаджибей, на месте которого был построен город Одесса. Потемкин в Яссах начал вести переговоры о мире. И австрийцы

¹ Соловьев, «Падение Польши», 196.

² Herkmann, VI, 278 и след.

³ Гарновский, в «Русской Старине», XVI, 410.

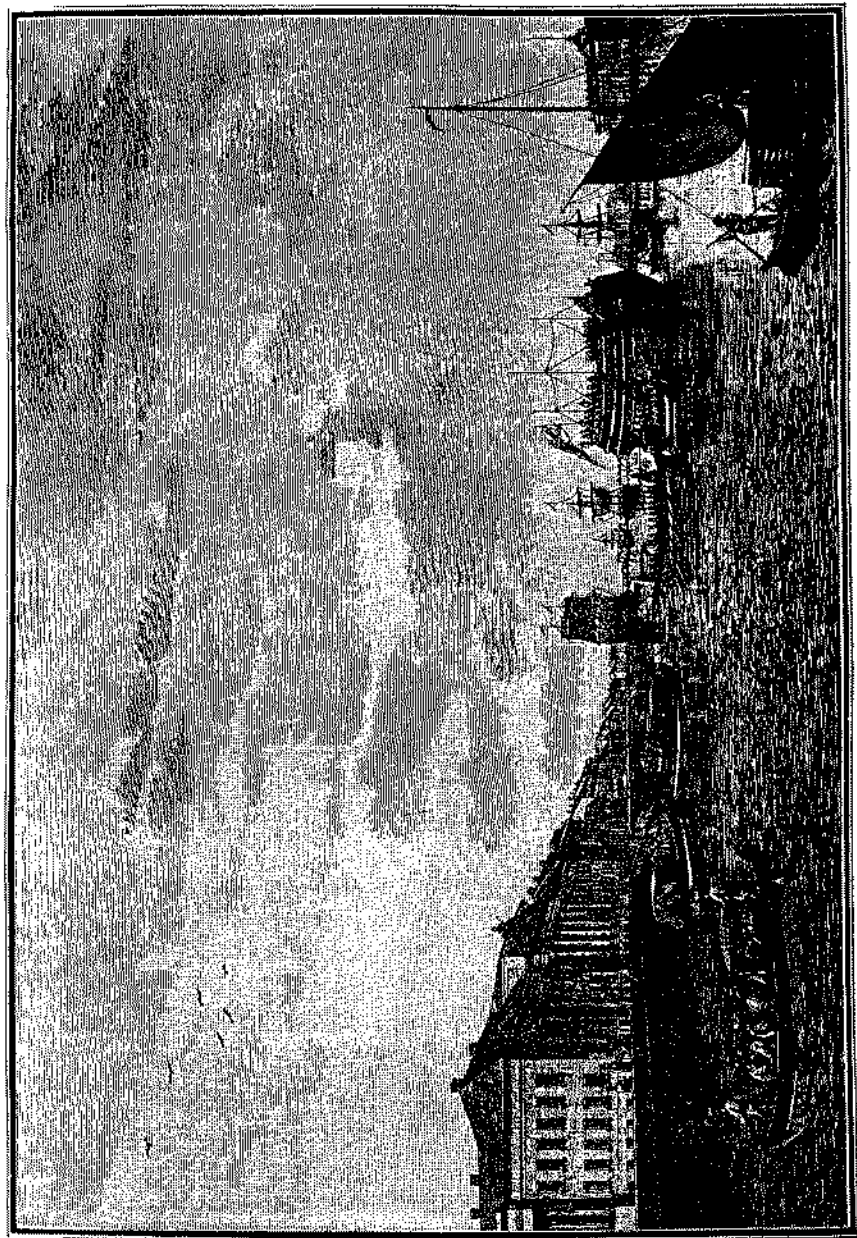


СУВОРОВЪ

*Гравированъ Н. Уткинъ съ портрета писаннаго Шмидтомъ
живописцемъ Курфюрста Саксонскаго.*

Суворов.

С гравюры Уткина, сделанной с портрета, писанного Шмидтом.



Спуск корабля на Неве с конце 18 столетия.
С рисунка 18-го века Петерсона, из собрания П. Я. Дашкова.

действовали успешно; им удалось занять Семендрию, Пассарович и другие места. Екатерина была чрезвычайно довольна и особенно обрадовалась занятию Бендер, потому что этим успехом была обязана Потемкину.¹ Начали говорить о мире. Освобожденный из плена Булгаков отправился к Потемкину для совещаний об условиях мира. Турки изъявили готовность заключить перемирие, однако им возразили, что Россия желает или окончательного мира, или войны.

Порта находилась в весьма опасном положении. Можно было ожидать перенесения театра военных действий в самую середину государства. Многие зависело от того, успеют ли турецкие крепости на Дунае удержать дальнейшее вторжение русских войск, или нет.

К сожалению, во время похода 1790 года и австрийские, и русские войска действовали чрезвычайно медленно. Не было битв вроде Фокшанской и Рымникской. Зато летом происходили столкновения между турецкими и русскими эскадрами, в которых последние одерживали верх. Лишь поздней осенью сухопутное войско одержало успех, который можно было сравнить со взятием Очакова. Считавшаяся до того неприступною крепость Измаил была взята Суворовым после кровопролитного штурма.² Потеря людьми была громадна, однако подвиг, совершенный русским войском, произвел глубокое впечатление на современников. Екатерина, желавшая окончания войны, увидела во взятии Измаила средство к достижению этой цели. Чем успешнее русские сражались на Дунае, тем легче они при заключении мира могли рассчитывать на удержание за собою Очакова с окружающей эту крепость степью. Екатерина пока хотела довольствоваться этим приобретением.

В Константинополе с давних пор существовало предание об опасности, грозившей Турции со стороны народа, которого должно было ожидать с севера. Теперь же русские войска начали приближаться к турецкой столице. Страх и уныние господствовали в Константинополе. Было строго запрещено говорить о действиях русских войск. Ежеминутно можно было ожидать возмущения. Когда распространился слух о взятии Измаила, волнение народа достигло крайних размеров. Заговорили о необходимости укрепления столицы, о всеобщем ополчении. Более чем когда-либо Турция рассчитывала на помощь Пруссии и Англии.

¹ «Русская Старина», XVII, 211—216.

² См. мою монографию об этом эпизоде в «Baltische Monatsschrift», Neue Folge, II, 556—585.



Вид города и порта Николаева в конце 18 столетия.
С редкой гравюры того времени, из собрания П. Я. Дашкова.

Кончина императора Иосифа II 9 (20) февраля 1790 года значительно изменила положение политических дел в Европе. Родственники императора приписывали значительную долю бедствий, постигших Австрию в последнее время, сближению Иосифа с Екатериной. Он сам до гроба оставался верным другом и союзником императрицы. В последнее время его



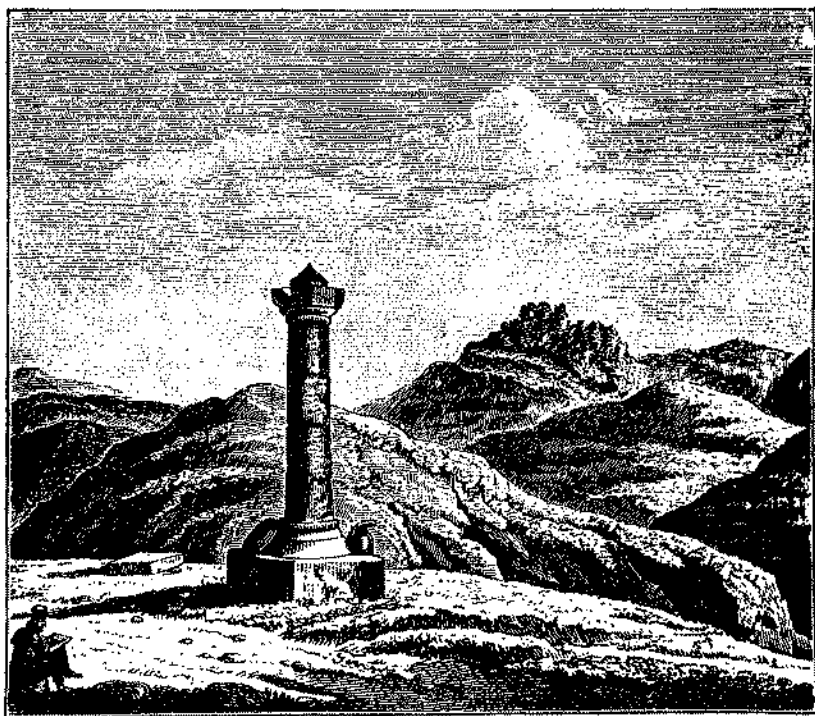
Потемкин на смертном одре.

С единственной гравюры Скородумова. Из собрания П. Я. Дашкова.

жизни она утешала его по поводу революции в Нидерландах и по случаю его болезни. Чувствуя себя умирающим, Иосиф был в отчаянии, что оставляет свою монархию в столь затруднительном положении. Он просил Екатерину содействовать сохранению целостности австрийских владений. В весьма дружеских выражениях Екатерина в последнем своем письме к Иосифу старалась его успокоить. Вскоре после этого он скончался.¹

¹ Arneth, «Joseph und Katharina», 389.

Екатерина вполне сознавала, что в Иосифе II потеряла неоцененного друга и союзника. Кончина императора была для нее тяжелым ударом. Она писала Гримму, что не могла видеть австрийского посла без слез и рыданий, и заметила, что в Австрии не умели ценить достаточно добродетели Иосифа.¹

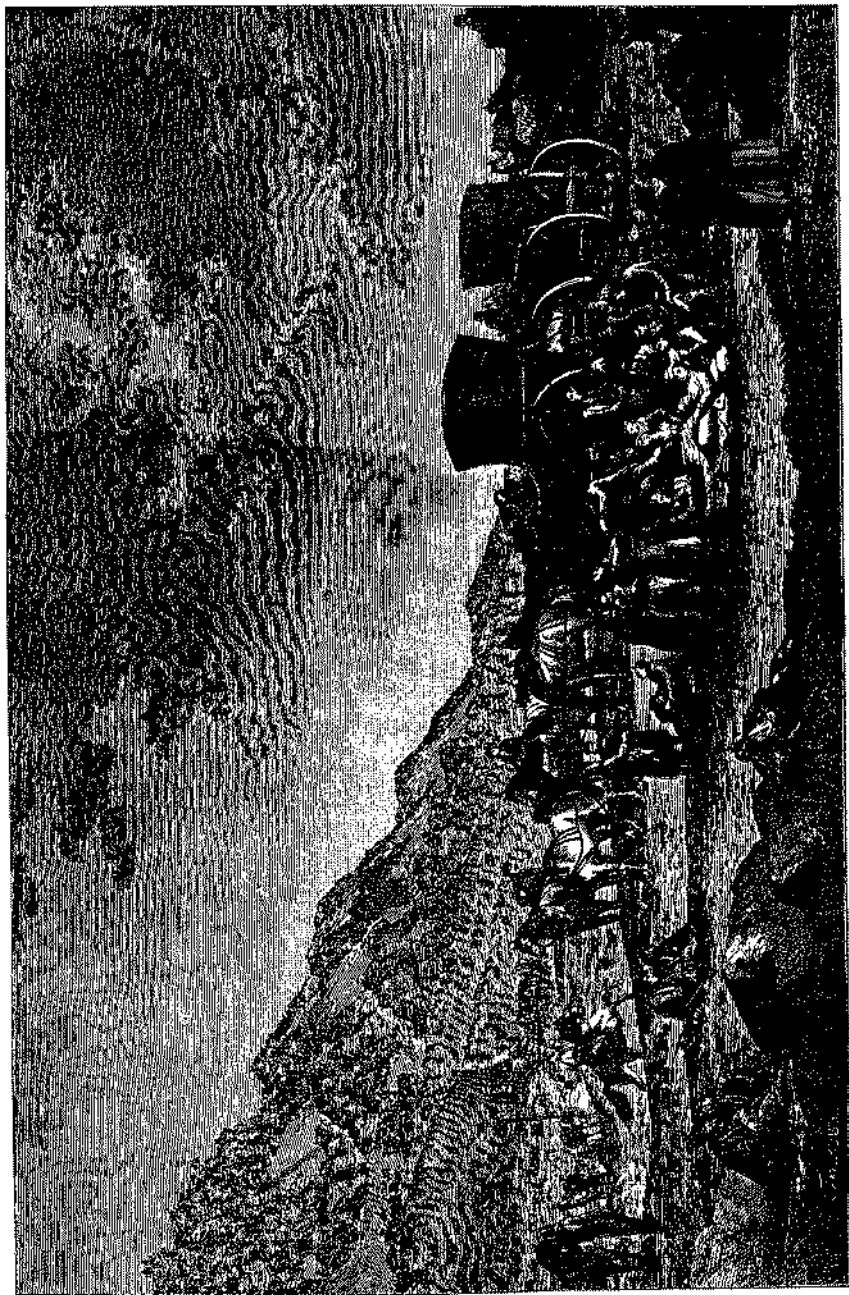


Памятник близ Ясс, на месте кончины Потемкина.
С гравюры начала 19-го века.

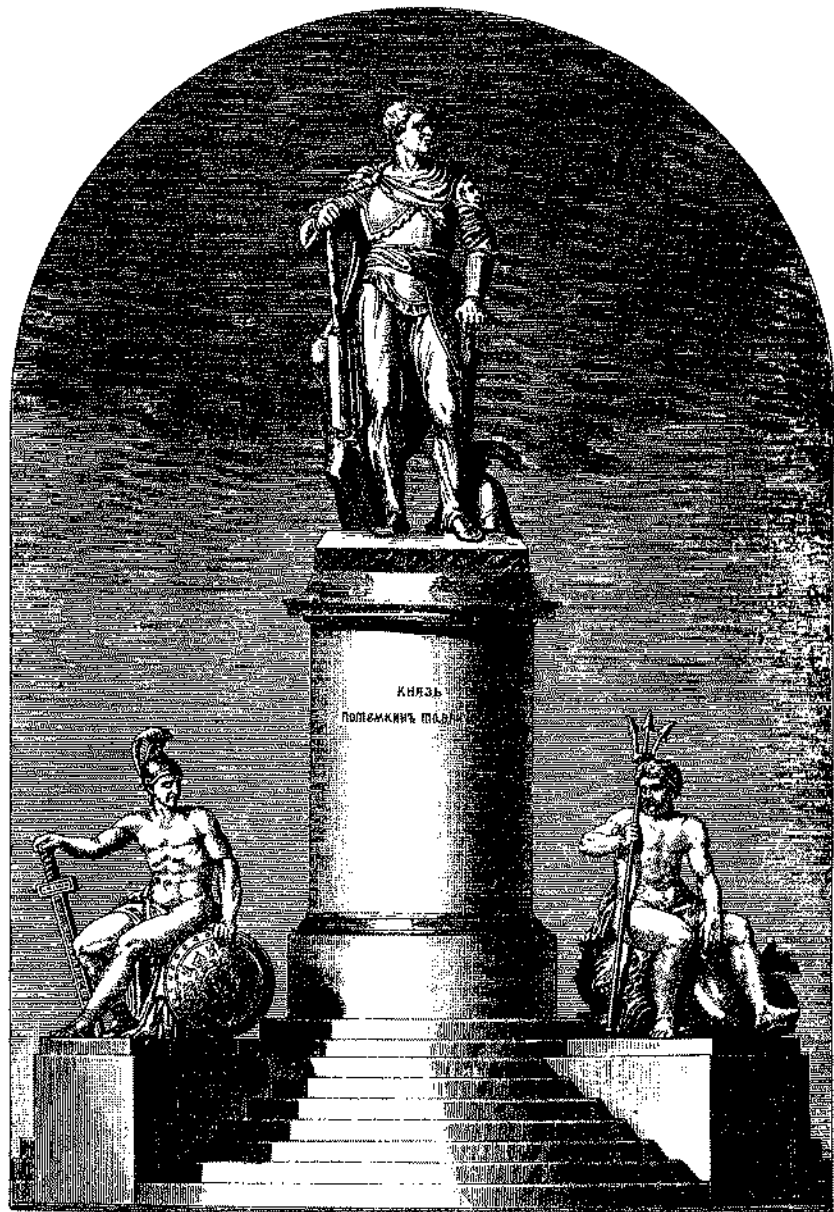
Во время турецкой войны был возобновлен на восемь лет союз, заключенный в 1781 году между Австрией и Россией. В минуту кончины Иосифа нельзя было рассчитывать на скорое окончание войны, оказавшей столь опасной для Австрии.

При Леопольде II образ действий и политическая система австрийского правительства изменились совершенно. Перемена эта прежде всего

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 483, 484, 608.



Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврического.
Гравюра на дереве Паннемакера в Париже, с гравюры Скородумова.



Памятник Потемкину в Херсоне.
С гравюры, приложенной к «Русской Старине» 1875 г.

заклучала в себе значительную выгоду для Пруссии. В среде дипломатов ходили слухи о намерении короля Фридриха Вильгельма II «проучить» австрийский и русский дворы и показать им, что Пруссия не уступает им во влиянии и могуществе. Герцберг хотел защитить Турцию от страсти к завоеваниям России и Австрии, а далее имел в виду, в качестве посредника при заключении мира, требовать для Пруссии значительных выгод. Австрия, по его мнению, должна была возвратить Галицию Польше, между тем как Польша взамен того уступила бы Данциг и Тори Пруссии. При таком положении дел воцарение Леопольда имело важное значение. Он вскоре сблизился с Пруссией. Была заключена Рейхенбахская конвенция. Во время переговоров австрийцы заявили, что не считают себя в чем-либо обязанными перед Россией; отношение Австрии к России изменилось совершенно.

При получении известия о соглашении между Австрией и Пруссией Екатерина обрадовалась тому, что Пруссии не удалось завладеть Ториом и Данцигом.¹ Недаром она около этого же времени выразила удовольствие в том, что ей удалось заключить мир с королем Густавом III «sans intervention aucunière», как сказано в ее письме к барону Гримму.²

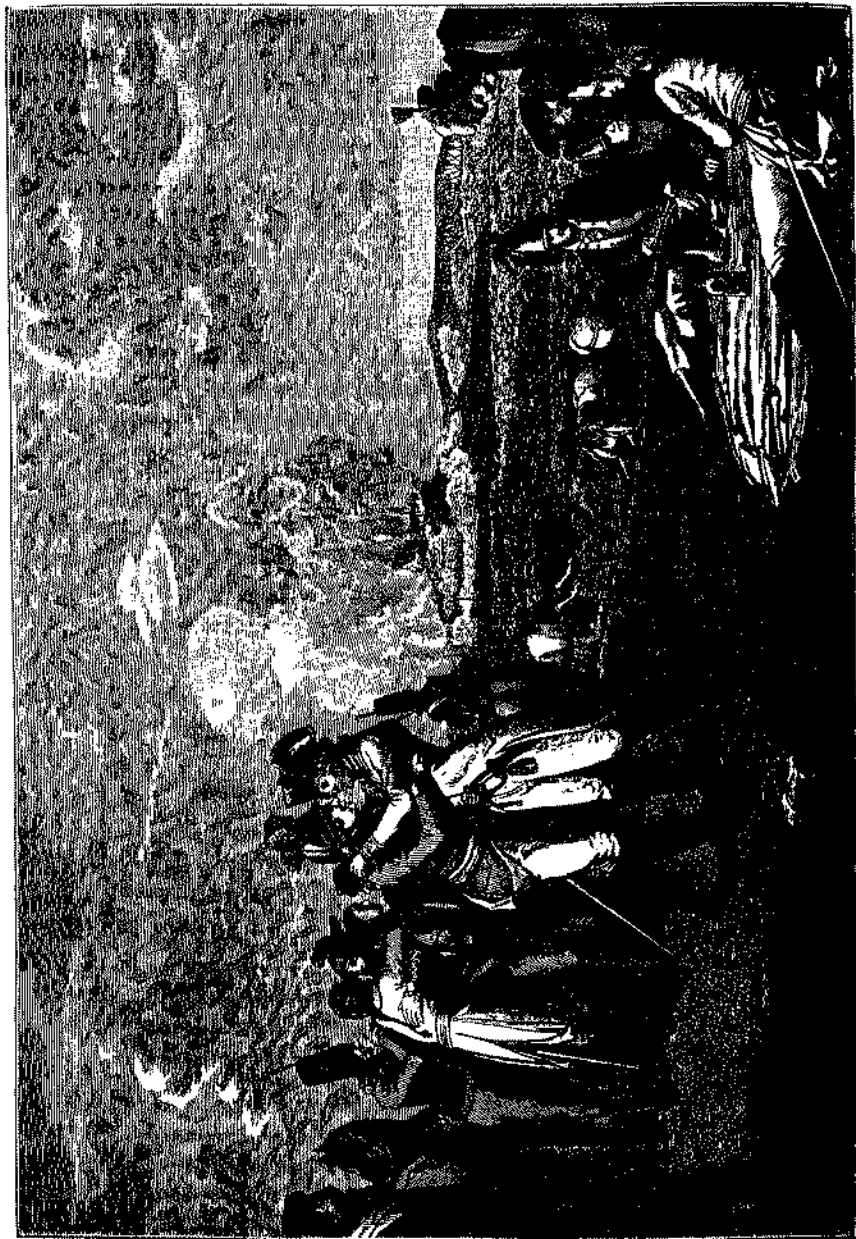
Одиако заключение Рейхенбахской конвенции не могло смягчить раздражения императрицы против Пруссии. В письмах к Гримму она говорила о Фридрихе Вильгельме II в самых резких выражениях, насмехаясь над посредственными способностями короля, над его мистицизмом и пр. Чрезвычайно резко она осуждала образ действий прусского министра Герцберга и прусского дипломата в Польше Лукезини. К тому же ей сильно не понравилась уступчивость Пруссии относительно Франции, находившейся в сильном брожении.³ В одном из писем Екатерины к Потемкину сказано: «Штиль их (пруссакон) столь груб, да и глуп, что и сему еще примеру не бывало, и турецкой самый мягкий в рассуждении их. Я Всемогущим Богом клянусь, что все возможное делаю, чтоб сносить все то, что эти дворы, наипаче же всемогущий прусской, делают; но он так надулся, что если лоб не расшибет, то не вижу возможности без посрамления на все его хотения согласиться; он же доныне сам не ведает, чего хочет, либо не хочет».⁴

¹ Храповицкий, 2 авг. 1790.

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 492.

³ См., напр., замечания Екатерины по поводу приключения с прусским дипломатом Гюттелем, в «Русской Старине», XVII, 436.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 532.



Победа при Фокшанах. Встреча Суворова с принцем Кобургским.
С гравюры 18-го века Каффера

Леопольд II начал играть роль посредника. Между тем как Англия и Пруссия старались отделить Россию от Австрии и заключить оборонительный союз против Екатерины, Леопольд хлопотал о наступательном союзе Австрии, России, Англии и Пруссии против Франции.¹

Таким образом, сближение Пруссии с Австрией устранило опасность, грозившую России со стороны Фридриха Вильгельма II. В то же время и неприязнь английского министерства против России была смягчена оппозиционной партией в парламенте, не желавшей разрыва с Россией.

При всем том, однако, Екатерине приходилось отказываться от приведения в исполнение широких планов России и Австрии относительно Порты; Леопольд должен был желать заключения мира с Турцией. Нельзя было более рассчитывать на общие действия русских и австрийских войск в борьбе с турками. Единственным выигрышем для России было устранение опасности, грозившей со стороны Англии и Пруссии. Фридрих Вильгельм II и его министр Бишофсвердер находились теперь под влиянием Леопольда. Хотя еще в 1791 году прусский король говорил о своем намерении объявить войну России, хотя Англия также показывала вид, что готова к разрыву, однако вскоре можно было видеть, что в сущности нельзя ожидать войны. Недаром Екатерина была довольна успехом своих стараний освободиться от диктатуры обеих держав.²

Таково было положение дел в то время, когда Россия должна была продолжать и окончить турецкую войну. К счастью для нее, кампания 1791 года была успешна. Значительная выгода заключалась в том, что фанатик Шейх-Мансур, в продолжение нескольких лет руководивший борьбою против России на Кавказе, был взят в плен. «Нам он стоит до 30 000 войска», — сказано в дневнике Храповицкого об этом агитаторе.³ Летом 1791 года русские войска штурмом взяли крепость Анапу, а князю Репнину удалось нанести туркам сильное поражение при Мачине в июле 1791 года. В какой степени императрица желала окончания войны, видно из относящихся к этому времени писем и записок ее к Потемкину, в которых она настойчиво требовала самых энергичных мер для принуждения турок к миру. Все это время она находилась в крайнем волнении. Тем более она обрадовалась известию о Мачинской битве. При дворе хвалили энергию князя Репнина, порицая в то же время медленность действий Потемкина.

¹ См. подробности в соч. Германа, *Ergänzungsband*, 2 и след.

² См. ее письмо к Штакельбергу в «Русской Старине», III, 608.

³ Храповицкий, 6 июля 1791 г.

Для последнего весть о победе, одержанной Репниным над великим визи-рем, была тяжелым ударом. Зависть тревожила Потемкина, находившегося тогда в Петербурге; он медлил с отъездом к армии; Екатерина должна была убедить его в необходимости решительных действий для окончания войны.¹

Потерпевшие урон турки начали говорить об условиях мира. Еще до прибытия Потемкина в лагерь Репниным были подписаны прелиминарные условия мира. В то же время адмиралу Ушакову удалось разбить турок на Черном море; он преследовал турецкий флот до самого Босфора и был ошповлен лишь известием о заключении прелиминарных условий.

Состоявшийся съезд дипломатов в Систове не повел еще прямо к заключению мира. Получив известие об успешных действиях Ушакова, Екатерина еще раз на минуту возмечтала о нанесении Турции страшного удара. В дневнике Храповицкого сказано: «Довольны тем, что хотя князь теперь Ушакова остановить должен, но доказано, что возможность есть идти прямо в Константинополь».² Вскоре были получены известия об успешном ходе переговоров о мире. Австрия еще ранее пришла к соглашению с Турцией. Русские и турецкие уполномоченные в продолжение нескольких недель вели переговоры в Яссах. Осенью умер Потемкин. Он заболел горячкой и, сознавая опасность своего положения, поспешил уехать из Ясс в основанный и очень любимый им Николаев, но на пути скончался в степи, окруженный лишь несколькими близкими к нему лицами. Безбородко в качестве чрезвычайного уполномоченного отправился в Яссы, где наконец мир был заключен 29 декабря 1791 года (9 января 1792 года).³ Условия были следующие: подтверждение Кучук-Кайнарджийского мира, признание уступки Крыма России; приобретение Россией Очакова со степью между Бугом и Днестром.

Россия могла гордиться успехом войны. Немного спустя на развалинах турецкого форта Гаджи-бея поднялся город Одесса, приобретший вскоре всемирное значение. Весь северный берег Черного моря сделался достоянием России.

Екатерина сожалела о том, что заключение мира остановило адмирала Ушакова на пути к Константинополю.⁴ В начале войны она надеялась

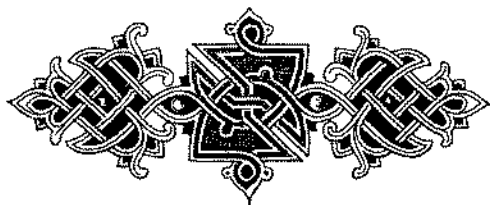
¹ См. мою монографию «Potemkin's Glück und Ende» в журнале «Baltische Monatsschrift». Neue Folge, II, 524 и след.

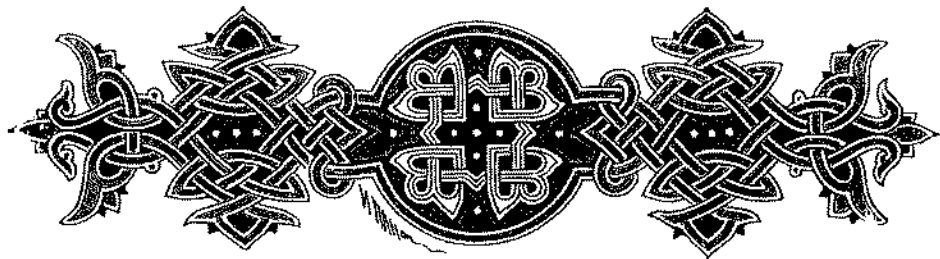
² Храповицкий, 24 августа 1791.

³ Богатый материал о переговорах в XXIX т. «Сб. Ист. Общ.», 109—221.

⁴ См. письмо к Гримму в «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 563.

положить конец существованию Турции. Окончание ее не соответствовало первоначальным ожиданиям императрицы. При всем том, однако, можно было считать заключение Ясского мира успехом. России удалось освободиться от войны, требовавшей страшного напряжения сил и значительных жертвований. Во время войны Россия, встречая всевозможные затруднения и вынужденная бороться против многих и сильных неприятелей, удержала за собою прежнее влияние и значение в Европе.





Глава IX. Последние годы Речи Посполитой

Конституция 3 мая 1792 года



овременники, следившие за событиями в Польше, находили, что это государство после первого раздела сделалось вполне зависимым от России. Русский посланник играл как бы роль наместника; русские войска распоряжались в Польше по своему усмотрению; настоящей столицей, по замечанию одного современника, был Петербург, между тем как Варшава имела значение губернского города; в области внешней политики главным руководителем был русский посланник; не оставалось почти никаких следов политической самостоятельности.¹

После первого раздела в продолжение двадцати лет русским посланником в Польше был Штакельберг. Из переписки Екатерины с этим дипломатом можно видеть, как в продолжение всего этого времени Екатерина думала о польских делах и в какой мере она лично руководила ими.² Она вникала во все подробности и постоянно давала советы, писала указы, делала предписания. Особенно зорко императрица следила за отношениями других держав к Польше. Точно так же и переписка Екатерины с Вольгером, Даламбером и другими представляет многие данные для знакомства с видами императрицы относительно Польши. Порою она довольно резко отзывалась об агитаторах в Польше, насмешливо порицала католический фанатизм в этой стране и глумилась над участием женщин в делах

¹ Костомаров, «Последние годы Речи Посполитой. СПб.», 1870. 120 и след.

² «Русская Старина», III.

политики.¹ Старания Австрии в вопросе о польских диссидентах отстаивать права и интересы католицизма раздражали императрицу.² Между петербургским двором и некоторыми из знатнейших польских вельмож постоянно существовали самые оживленные сношения. В 1776 году граф Артуа, брат Людовика XVI, вздумал было сделаться королем польским, и в Варшаву явился французский эmissар, который сделал Станиславу Августу предложение отказаться добровольно от польского престола и взамен его взять Лотарингию. Штакельберг объявил эmissару, что проект не может быть осуществлен. Получив об этом донесение посла, Екатерина написала Панину: «Что касается до сумасбродных замыслов графа д'Артуа, то Штакельбергу дайте знать, что наши дела всегда будут от нас и защищаемы».³ При отправлении Репнина в Константинополь в качестве русского посла императрица поручила ему также и руководство польскими делами при турецком дворе.⁴ Сегюр, на пути в Россию пробывший некоторое время в Польше, сравнивал значение Штакельберга в отношении к королю Станиславу Августу с перевесом маиордомов над Меровингами.⁵

Впрочем, иногда русскому дипломату в Варшаве приходилось бороться с разными затруднениями. Поляки обращались за помощью к другим державам; агитация против России не прекращалась; говорили о возможности устроить сицилийскую вечерню для всех русских в Польше; нередко вельможи осыпали короля упреками за то, что он не противодействовал замыслам трех держав, участвовавших в первом разделе. Штакельберг требовал увеличения русского войска для более успешного сдерживания мятежного духа поляков. Когда во время беспорядков на сеймиках случились кровопролитные схватки, Штакельберг доносил: «Мы должны смотреть на это событие, как на образчик сицилийской вечерни».⁶ Довольно часто Екатерине приходилось силою оружия защищать православных в Польше против фанатизма католиков. В одном из писем к Потемкину Екатерина, жалуясь на «продерзости от поляков», требовала, чтобы «в случае наглости польской, поступаемо было с твердостью, достоинству нашему и славе воинства нашего свойственною».⁷ С королем Станиславом Августом Екатерина все время обращалась строго и бесцеремонно. Когда

¹ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 280, 285, 288, 309; XIV, 256, 263, 267.

² Соловьев, XXIX, 212.

³ Там же, 231.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», V, 206.

⁵ Ségur, Mém., II, 170.

⁶ Соловьев, XXIX, 233.

⁷ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 352—353.

ему однажды вздумалось послать любимцу императрицы, Ланскому, знаки ордена Белого Орла, Екатерина в раздражении отправила подарок обратно в Варшаву. Немного спустя она требовала этот же орден для Ермолова и, разумеется, желание императрицы было тотчас же исполнено.¹



Граф Оттон-Магнус Штакельберг, русский посланник в Польше.
С гравюры Кошкина, сделанной с портрета, писанного Бачиарелли.

Понятно, что при таком положении дел король во время свидания с Екатериною в Каневе в 1787 году производил впечатление вассала, встре-

¹ «Русская Старина», III, 321 и 476.

чавшего свою ленную владительницу. Он явился просителем; представленную им при этом случае программу политических реформ приняли с холодной учтивостью, уклоняясь от решительного ответа на его мольбу о дозволении перемен в Польше.¹ Несчастный король не мог надеяться на Иосифа II, хотя император говорил, что не допустит дальнейших потерь Польши.

Турецкая война, начавшаяся вскоре после свидания короля с Иосифом и Екатериною, усилила волнение в Польше. Сегюр сообщает в своих записках разные сведения о ненависти поляков к России,² а между тем Екатерина не переставала хладнокровно предписывать Штакельбергу самые крутые меры против строптивости подданных Станислава Августа.

Противники России считали возможным воспользоваться ее одновременной войной с Турцией и Швецией для проведения политических реформ в Польше. Пруссия явилась покровительницею Речи Посполитой, обещала полякам помощь и намеревалась положить конец вмешательству России в польские дела. Возник план уступить России некоторую часть Турции, но требовать от нее в то же время возвращения Финляндии Швеции, от Австрии возвращения Галиции Польше, причем Пруссия получила бы в награду за это Данциг и Торн и т. п.

Около этого времени шла особенно успешно агитация национальной партии в Польше, которая 29 марта 1790 года заключила оборонительный союз с Пруссией. Мечтали о дальнейшем сближении между Польшей и Пруссией. Состоялся проект политической реформы, новой конституции; спешили с окончанием проекта, потому что ежеминутно можно было ожидать препятствий со стороны России. Хотели назначить саксонского курфюрста наследником Станислава Августа, объявить польскую корону наследственной, отменить конфедерации и *liberum veto*. Торжественное объявление новой конституции происходило 3 мая 1791 года. Король был в восхищении. Заговорили о великой будущности Польши; сравнивали новую конституцию с государственным правом Англии и Соединенных Штатов.

Вскоре, однако, оказалось, что политическая реформа была лишь результатом агитации меньшинства поляков. На сейме присутствовало не более 157 лиц, между тем как отсутствующих было 327. Большинство далеко не благоприятствовало реформе.

Спрашивалось, как отнесутся к новой польской конституции великие державы.

¹ См. монографию Лиске в «Russische Revue», IV, 481—508.

² Mémoires, III, 547.



Граф Я.Е. Сиверс.
С гравюры Валькера, сделанной с портрета, писанного Кугельхеном.

Нет сомнения, что Леопольд II благоприятствовал политической реформе в Польше; даже считали вероятным, что он принимал участие в приготовлении к государственному перевороту, происшедшему 3 мая 1791 года.¹ И со стороны Пруссии приверженцы реформы не могли ожидать противоречия.

Совсем иначе относилась к этому делу Екатерина. Кобенцель доносил тотчас же после получения известия о конституции: «Я видел, что императрица, князь Потемкин и граф Остерман были сильно озабочены мыслью, что Польша при наследственной династии легко может достигнуть значения, между тем как пока, напротив, считали важнейшею выгодою для России, чтобы Польша никогда не выходила из своего ничтожества. Императрица сказала мне: нам нужно условиться об этом деле» и пр.²

Екатерина, по получении известия о новой конституции в Польше, писала барону Гримму, что надеется вскоре узнать подробности этого дела. «Впрочем, — сказано далее, — мы на все готовы и не остановимся ни пред каким препятствием».³ Собрав затем подробные сведения об этом событии, Екатерина в другом письме к Гримму жаловалась на непоследовательность поляков, «своим сумасбродством превосходивших парижское национальное собрание» и уничтоживших вместе с *liberum veto* и с выбором королей главные основы польской свободы. И все это, заметила императрица, произошло оттого, что король Станислав Август распустил слух о предстоящем новом разделе Польши. «Увидим, — сказано в заключение, — что король сделает со своими двумя присягами, бросит ли он в огонь прежние Pacta conventa, отправится ли он в Венецию для участия в карнавале» и т. п.⁴

Кобенцель доносил, что Потемкин начал было думать об образовании конфедерации в соседних провинциях Польши для борьбы против конституции. Екатерина писала преемнику Штакельберга в должности русского посла в Варшаве, Булгакову: «Мы, как и прежде, останемся спокойными зрителями, пока поляки не станут просить нас о помощи для восстановления прежних учреждений Речи Посполитой».

Екатерина имела еще особую причину отложить до поры до времени решительные действия против конституции 3 мая 1791 года. Пока она

¹ Sybel в «Historische Zeitschrift», XXIII, 72.

² Liske, «Zur polnischen Politik Katharinas 1791», в журнале «Historische Zeitschrift», XXX, 282.

³ A tout événement nous sommes parfaitement préparés et morgué nous ne plierons pas devant le diable. Tiens, souffre douleur, je vous le promets». «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 519.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 534.

была занята турецкою войною, раздробление сил и средств России могло казаться опасным. Впрочем, Екатерина уже и прежде в письмах к Штакельбергу говорила, что никогда не согласится на введение в Польше наследственной монархии, а также не допустит назначения наследника при жизни короля. Теперь же она, не приступая пока к решительным мерам, в двух записках, отправленных Потемкину летом 1791 года, изложила свой взгляд на этот предмет. Здесь сказано между прочим: «Мы не желаем разрыва с поляками, хотя после столь наглого с их стороны нарушения дружбы, после ниспровержения гарантированных нами учреждений, после многих нанесенных нам оскорблений, имели бы на то полное право». Затем императрица говорит о средствах, которые можно употребить для того, чтобы отвлечь Польшу от Пруссии, и упоминает о тайном проекте Потемкина, относившемся к воеводствам Киевскому и Брацлавскому и в Подолии, то есть о возможности дальнейшего приобретения части Польши и т. п.¹

В новейшее время сделалось известным, что Потемкин уже в 1790 году составил проект второго раздела Польши. В письме от 18 марта этого года он указывает на выгоду, заключающуюся в приобретении вышеупомянутых провинций.²

В рескрипте от 18 (29) июля 1791 года Екатерина, сильно порицая образ действий поляков, указала на возможность вызвать в самой Польше протесты против конституции 3 мая, покровительствовать протестующим и этим уничтожить замыслы представителей реформы; она прямо указывала на необходимость образования конфедерации.³

Таким образом, Екатерина начала действовать против политической реформы в Польше, усиление которой могло быть опасным для России. Оставаясь верною началам прежней политики в отношении к Речи Посполитой, она не могла допустить перемены в польском государственном праве. Даже и те историки, которые резко осуждают насилие и бесцеремонность образа действий императрицы при этом случае, отдают полную справедливость осмотрительности, ясности, последовательности и ренности мыслей и действий императрицы в этом деле.⁴ Она ждала лишь окончания турецкой войны для принятия энергичных мер против Польши.

¹ Historische Zeitschrift, XXX, 286—295.

² Там же, XXXIX, 237 и след.

³ «Русск. Архив», 1865, 758—765. См. статью Лиске в журнале «Historische Zeitschrift», XXX, 286—301, и XXXIX, 232 и пр.

⁴ Лиске, Калинка.

Все было обдуманно и приготовлено; был составлен проект второго раздела; вскоре можно было приступить и к его исполнению.¹

Второй раздел

Пока продолжалась турецкая война, Екатерина предписывала русскому послу в Варшаве крайне осторожный образ действий. Она не сомневалась в том, что рано или поздно в самой Польше возьмет верх оппозиция против новой конституции и что тем самым окажется легко возможным вмешательство России в польские дела. Можно было ожидать немедленного образования конфедерации против приверженцев нового порядка. В то время, когда в Яссах происходили переговоры о мире, туда прибыли некоторые знатные поляки, например, Феликс Потоцкий и Северин Ржевусский, с целью просить покровительства императрицы и условиться с Потемкиным, а затем, после кончины последнего, с Безбородко о мерах к успокоению Польши.²

Тотчас же после заключения Ясского мира Екатерина принялась за польские дела. В это время главное внимание других держав было обращено на французскую революцию. Екатерина желала воспользоваться этим для того, чтобы свободнее действовать в Польше. «Я стараюсь, — сказала она в беседе с Храповицким, — втянуть берлинский и венский дворы в дела французские. Прусский бы пошел, но останавливается венский; ³ у меня много предприятий неконченных, и надобно, чтобы они были заняты и мне не мешали».⁴

7 марта 1792 года Екатерина, говоря с Храповицким о Потоцком и Ржевусском, заметила: «Как их не принять? Один 30 лет нам верен и предан, а другой из неприятеля сделался, по обстоятельствам, нам друг, потому что польская республика не может устоять без России. По польским делам есть один из самых неблагодарных: это король».⁵ В письмах к Гримму императрица жаловалась на то, что партия реформы в Польше состоит в связи с Якобинским клубом в Париже и что король, обнаруживая неблагодарность к России, находится под влиянием столь опасных эле-

¹ См. замечания Лиске в журнале «Historische Zeitschrift», XXX, 302—303.

² Разные данные об отношениях Безбородко к этим полякам в XXVI и XXIX томах. «Сб. Ист. Общ.».

³ Je veux les engager dans les affaires pour avoir les coudées franches».

⁴ Храповицкий, 14 декабря 1791 г.

⁵ Храповицкий, 7 марта 1792 года.

ментов. Очевидно, заметила Екатерина, Станислав Август при своих действиях рассчитывал на крайнее изнеможение России и пр.¹ И в других письмах к барону Гримму встречаются резкие отзывы о короле, о его



Костюшко.

С гравированного портрета Олецинского.

склонности к измене, о его двоедушии. «Его польское величество, — сказано в письме императрицы от 26 августа 1792 года, — считает своею за

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 567, 571.

дачею возбудить свой народ против России потому только, что Россия любила Польшу, а он хотел погубить ее».¹

С самого начала 1792 года предприняты были со стороны России систематические действия против реформы в Польше. Остерман объявил прусскому посланнику Гольцу, что соединение Саксонии с Польшей заключало бы в себе опасность для России и Пруссии. Екатерина писала: «У нас трактаты с Польшею; трактаты имели для нас всегда священную обязанность, и так как от этого зависит безопасность империи со стороны Польши, то у нас не будет других правил, кроме наших трактатов. Все, что противно нашим трактатам с Польшею, противно нашему интересу. Заключив трактат с республикою, гарантировав *Pacta conventa* (ограничительные условия) нынешнего короля, нарушенные конституцией 3 мая, не соглашусь ни на что из этого нового порядка вещей, при утверждении которого не только не обратили никакого внимания на Россию, но осыпали ее оскорблениями, задирали ее ежеминутно. Но если другие не хотят знать России, то следует ли из этого, что и Россия также должна забыть собственные интересы? Я даю знать господам членам Иностранной Коллегии, что мы можем сделать все, что нам угодно, в Польше, потому что противоречивые полуволи дворов Венского и Берлинского противопоставят нам только кипу писанной бумаги и мы покончим наши дела сами. Я высказываюсь враждебно только к тем, которые хотят меня испугать. Екатерина II часто приводила в трепет врагов своих, но не знаю, чтобы враги Леопольда II когда-нибудь его трусили». Когда некоторые лица советовали составить русскую партию в Польше и делать внушения соседним дворам, то Екатерина написала: «А я говорю, что дворам не сказывать ни слова, а партия сыщется всегда, когда нужно будет. Нельзя, чтоб не было людей, кои бы лучше желали старины, тут же дело идет о продаже староств и об уничтожении гетманов. Взять, кажется, тут Волинию и Подолию много разных предлогов, лишь выбрать».²

Россия всячески старалась произвести в Польше контрреволюцию. В особенной декларации Екатерина подвергла строгой критике образ действий партии реформы. Явились русские войска для поддержания дипломатических действий русского правительства. Таким образом состоялась Тарговицкая конфедерация. Указывая на опасность, грозившую Польше по поводу приближения генерала Каховского с войском, прусский дипломат маркиз Люкезини сказал: «Гром гремит вдалеке; небо омрачается со

¹ Там же, 577.

² Соловьев, «Падение Польши», 259—260.

стороны Борисфена, гроза приближается, и ясность третьего мая исчезнет навсегда».¹

Польша не могла не уступить России. 7 июля, ночью, приехал к Булгакову литовский вице-канцлер Хрептович от имени короля просить о перемирии. Булгаков советовал «чистосердечно и с доброю верою прибегнуть



Граф В.А. Зубов.

С гравюры Пфейфера, сделанной с портрета, писанного Грасси.

к великодушию ее императорского величества»; Хрептович говорил: «Намерение и желание короля и всех любящих отечество поляков есть: пред-

¹ Там же, 268.

ложить польский трон с наследством для великого князя Константина Павловича, с просьбою к ее императорскому величеству учредить и новое и прочее правление для Польши». В этом же смысле и сам король писал к императрице. Польша находилась в руках России. Две трети страны были заняты русскими войсками. В польской столице, у театра, приклеили сатиру на лагерь под Варшавою: «Антрепрениеры национальной защиты будут иметь честь дать печальной публике представление и новой оригинальной комедии, сочиненной варшавским военным советом, под заглавием: «Экспедиция против комаров, или смехотворный лагерь за Прагою»; затем непосредственно актеры немецкие и русские дадут большую трагедию под заглавием: «Разрушение Польши». Так как последняя пьеса стоит казие около 20 миллионов, то вход для публики бесплатный».¹

В ответ на письмо короля императрица требовала решительно, чтобы Стаислав Август присоединился к Тарговицкой конфедерации, то есть отказался бы формально от своего проекта политической реформы и от конституции 3 мая 1791 года. Король был в отчаянии, выразил желание отказаться от престола, требовал по крайней мере гарантии ненарушения территории Польши и пр. Булгаков объявил, что о каких-либо условиях не может быть и речи. Таким образом, король должен был повиниться и присоединиться к Тарговицкой конфедерации. Русские войска вступили в Варшаву. Вожаки партии реформы искали спасения в бегстве. Новый русский посол, преемник Булгакова, Я. Е. Сиверс, располагавший весьма значительными средствами, распорядился во всех отношениях по своему усмотрению.

Одновременно начались переговоры с Пруссией о втором разделе Польши. После неудачного похода в Шампань Пруссия желала чем-нибудь себя вознаградить и требовала присоединения некоторых польских областей. Чем более Польша становилась жертвою России, тем менее Пруссия могла допустить, чтобы вся Польша сделалась добычею Екатерины. Прусское войско под начальством генерала Меллеидорфа явилось в пределах Польши. В то время, когда в Петербурге происходили переговоры между Зубовым и Гольцом, Сиверс в Польше старался прийти к некоторому соглашению с прусским дипломатом Бухгольцом. Таким образом, обе державы легко условились о разделе. Пруссия взяла область, составляющую иынешнюю Познань, и некоторую часть земли на границе Силезии. Россия получила Волынь и Подолию и часть Литвы.

¹ Соловьев, «Падение Польши», 277—281.

Не без некоторых затруднений и препятствий состоялось и соглашение с Австрией.¹

Созыв Гродненского сейма, волей-неволей одобдившего результаты военных операций и дипломатических переговоров великих держав, был возможен благодаря успехам русского оружия и русским деньгам. Вскоре все было улажено в смысле интересов России, которая приобрела при этом случае 4533 квадратных миль и около 3 миллионов жителей. Игельстром, преемник Сиверса, занял Варшаву. В дневнике Храповицкого сказано 24 февраля 1793 года: «Из Риги получено по почте письмо Северина Ржевуского в собственные руки. Он делает возражение на раздел Польши и описывает, сколь затруднительно теперь положение его и графа Потоцкого. Он не верит, чтобы была на то воля ее величества». Затем слова императрицы: «Я думала войти в Польшу к готовой конфедерации, но вместо того войска мои дошли до Варшавы, и конфедерацию открыли за спиною армии. Они сами не сдержали слова, и теперь беру я Украину взамен моих убытков и потери людей». Затем замечание Храповицкого: «Читали с шутливой и велено скорее заготовить ответ».²

В августе 1793 года Екатерина писала графу Ивану Чернышеву: «Изменя не поздравляете с конибелькою [то есть колыбелькою] русскою, то есть с присоединением к империи трех прекрасных и многолюдных губерний, которому вы, конечно, сорадуетесь».³

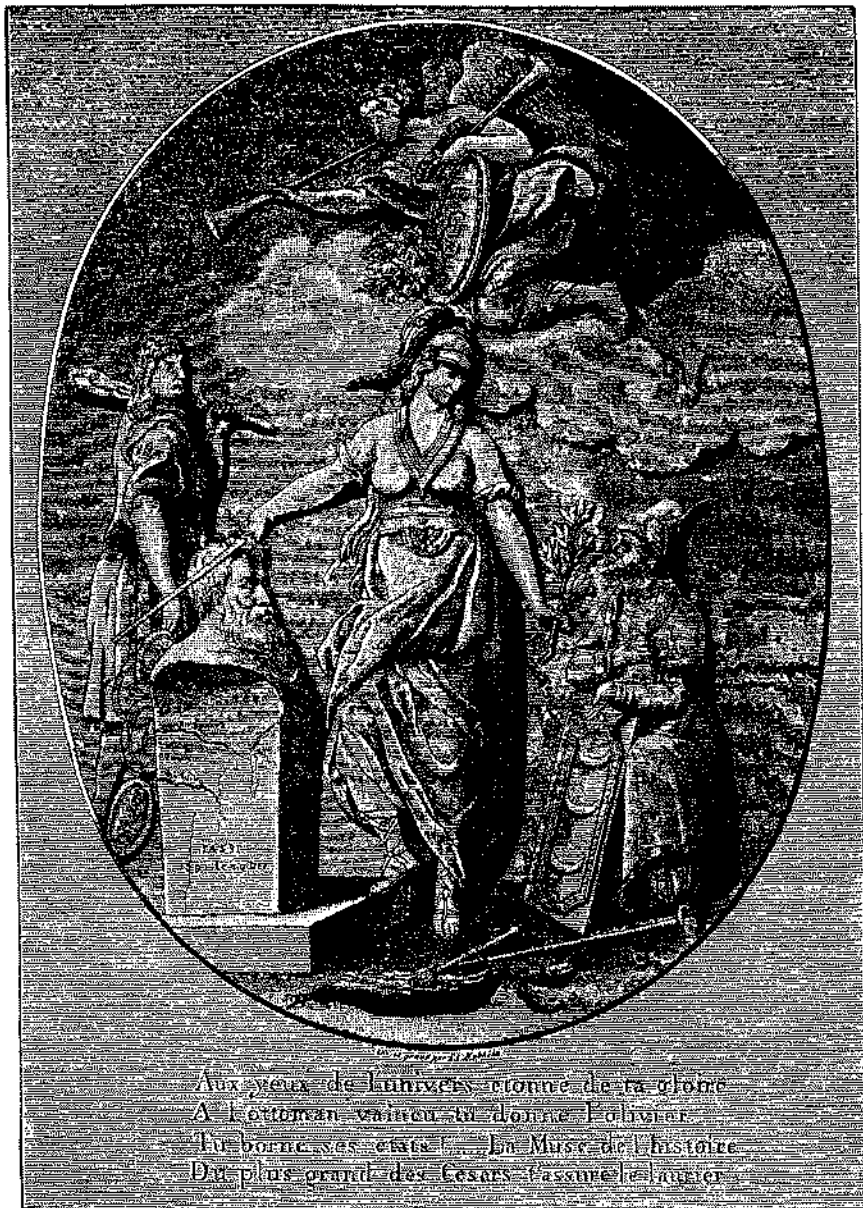
Сиверс исполнил свой долг с решимостью и не обращая внимания на интересы короля и Польши. Принужденный обстоятельствами употреблять насилие и строгость, он написал своей дочери между прочим: «Держать под арестом короля и целый сейм! Это задача, тяжелая сердцу». Нужно было силою заставить сейм согласиться на признание договора, заключенного с Пруссией. Однако образ действий Сиверса оказался целесообразным. Россия получила львиную долю; она царствовала в Польше безусловно. Недаром Сиверс писал, что Польша в руках России — как мягкий воск, которому во всякое время можно дать любую форму по усмотрению императрицы.⁴

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 430; Blum, III, 153, Herrmann, «Ergänzungsband», 367 и след.

² Храповицкий, 24 февраля 1793 года.

³ Письма и бумаги Екатерины II, изд. Бычковым, СПб. 1873, 95.

⁴ Blum, III, 371, 376, 453.



Аллегория на заключение Ясского мира.
С редчайшей гравюры 18-го века Набоглюша, из собрания П.Я. Дашкова.



Петр Бирон, герцог Курляндский.
С гравированного портрета 18-го века Баузе.

В другом месте мы укажем на отношение Екатерины к французской революции. Чем более она была раздражена либерализмом национального собрания, тем сильнее ее оскорбляли сношения, существовавшие между недовольными в Польше и революционной Францией. При таком положении дел она считала себя вправе употреблять самые крутые меры для подавления мятежного духа в Польше.

С другой стороны, нельзя было удивляться тому, что после насильственных и плачевных событий в продолжение последних лет поляки не могли легко успокоиться. Уже прежде они сочувствовали Франции, так что могла явиться мысль о получении оттуда готовой конституции для Польши. Теперь же события революции должны были усилить сочувствие поляков к Франции. Искавшие спасения в бегстве поляки, виновники конституции 3 мая 1791 года, находились в Париже в близких сношениях с членами Конвента. Революционные идеи могли вовлечь Польшу в страшный кризис. Там начали мечтать о повсеместном восстании против перевеса России.

Екатерина не могла относиться спокойно и равнодушно к подобному брожению умов в Польше. Она твердо решила поддержать всячески авторитет России в Польше. Борьба против мятежного духа поляков сделалась неминуемой.

Когда в Польше после второго раздела обнаружилось сильное волнение, когда приверженцы политической реформы начали говорить о необходимости восстановления конституции 3 мая 1791 года и освобождения Польши от влияния России, Екатерина в самых резких выражениях осуждала образ действий поляков. Особенно то обстоятельство, что Костюшко и другие поляки отправились в Париж, где просили помощи Франции и в особенности надеялись на покровительство Робеспьера, содействовало раздражению Екатерины. Она писала барону Гримму, что Костюшко и Мадалинский в Польше развернули «истинно якобинское» знамя бунта, намереваясь повесить всех не разделяющих их революционные мнения; немного позже императрица сообщила Гримму о намерении поляков отнять у прусского короля приобретенные им в силу второго раздела польские земли, что нужно было отправить в Польшу несколько сотен казаков, которые проучили поляков; теперь, прибавляет императрица, можно ожидать, что французские агенты, сулившие полякам 30 миллионов ливров для поддержания бунта, поспешат с возвращением на родину ради избежания виселицы. Довольно подробно в других письмах к Грим-

му говорится о военных операциях в Польше, о неудачных действиях прусских войск, осаждавших Варшаву, и пр.¹

Впрочем, инсургенты действовали не совсем безуспешно. Игельстром должен был оставить Варшаву, где было учреждено временное правление; приходилось принимать самые решительные меры. Суворов действовал удачнее пруссаков, разбил поляков при Мацеёвицах и 4 ноября 1794 года штурмом взял Прагу. На другой день сдалась Варшава; 6 ноября русские войска вступили в польскую столицу.

В одном из писем к Гримму Екатерина отзывалась крайне неблагоприятно о Костюшке, взятом в плен русскими войсками.¹

Оказалось необходимым покончить с остальной частью Польши. В начале 1795 года между Австрией и Россией состоялось соглашение об условиях третьего раздела. Гораздо бóльшие затруднения явились при переговорах, происходивших по этому же поводу между Россией и Пруссией. Антагонизм между Екатериной и Фридрихом Вильгельмом II усилился вследствие заключения в Базеле мира между Пруссией и Францией. Поэтому переговоры о польских делах продолжались несколько месяцев. Екатерина в самых резких выражениях осуждала образ мыслей короля и Герцберга. Не ранее как в октябре 1795 года состоялся договор о разделе Польши соответственно начертаниям императрицы и австрийского министра Тугута. Россия получила всю ту часть Литвы, которая осталась после второго раздела, все пространство между Неманом и верхним течением Буга, а также Курляндию, значит, область, обнимавшую около 2000 квадратных миль; Австрии достались воеводства Краковское, Сендомбрское и Люблинское; Пруссии — остальная часть Польши. Король Станислав Август, отказавшись от короны, переселился на некоторое время в Гродно, и затем в Петербург, где и скончался в царствование императора Павла.

Екатерина специально занималась изучением истории России. Теперь же она в подробной записке старалась доказать, что присоединенные к России части Польши принадлежали когда-то России, и что поэтому, не взяв ни пяди чужой земли, она не имела повода к принятию титула польской королевы.

В 1814 году известный государственный деятель Поццо ди Борго заметил, что главным содержанием новой истории России должно считать уничтожение Польши; достижение этой цели, говорил он далее, было не-

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 611.

обходимо для сближения России с Западной Европой, для усиления ее влияния, для удовлетворения ее честолюбия и пр. Это замечание можно отнести не только к Польше, но и к Турции и к Швеции и пр. Правда, особенно последовательностью отличалась политика России при Екатерине в области польских разделов. Однако и в отношении к другим государствам заметны, как мы видели, те же самые черты стремления к власти, к расширению пределов России. Успех был замечателен. Хотя не удалось привести в исполнение первоначальный проект Екатерины, заключавшийся в том, чтобы превратить всю Польшу в вассальное государство, императрица могла быть довольна результатами своей деятельности в этом направлении. Поделившись добычей с Пруссией и Австрией, Россия приобрела важные области и значительно подвинула свои границы к западу.

Первым действием Екатерины в области внешней политики, как мы видели, было возведение на курляндский престол герцога Эрнста-Иогана Бироа. Царствование этого вассала России может считаться как бы переходным временем для Курляндии, которой было суждено сделаться достоянием России. Фактически все это время Курляндия уже была провинцией России. Авторитет Польши в Курляндии исчез окончательно. Господствовало влияние русского правительства, всячески подавлявшего малейшие попытки сближения недовольных курляндцев с Польшей.² Совершенно так же, как польский король Станислав Август, и курляндский герцог Петр, сын Эрнста-Иогана, вполне зависел от русского посланника. Неодиократия Екатерина играла роль третейского судьи в разных спорах, возникших в Курляндии.³ Еще за два года до окончательного присоединения Курляндии к России все предвидели такую судьбу этой страны. Между курляндским дворянством образовалась, под покровительством графа Зубова, партия против курляндского герцога. Присоединение Курляндии к России сделалось неминуемым. Повторилось при этом случае то же самое, что происходило с Польшей в несколько больших размерах. Разница заключалась лишь в том, что не приходилось из-за Курляндии вести переговоры с другими державами. Все было улажено по исключительному усмотрению русского правительства.

¹ «Kostiuchko amené ici a été reconnu pour un sot dans toute la valeur du terme très au dessous de la besogne»; «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 617.

² «Сб. Ист. Общ.», XVI, 91 и след.

³ Blum, III, 27.

Польские и турецкие дела не переставали занимать Екатерину до последних дней ее царствования. Около того времени, когда состоялся третий раздел Польши, можно было считать вероятным разрыв с Турцией. Французские дипломаты старались возбудить Порту к нападению на Австрию. Екатерина должна была думать о приготовлениях к походу. При этом появились вновь обширные проекты, занимавшие Екатерину во время тесного союза с императором Иосифом II. Еще раз, в 1795 году, императрица мечтала о возможности занятия Константинополя.¹ Турция оставалась опасным противником России. Турецкие шпионы в Малороссии и в Крыму старались вооружить население против русского правительства. В 1795 году между польским королем и султаном существовали кое-какие тайные сношения. Карл Сюдерманландский, регент Швеции, также старался сеять раздор между Портой и Россией. Таким образом, отношения между обеими державами оставались натянутыми. До конца своей жизни императрица не покидала мысли о нанесении Турции окончательного, смертельного удара.

Персидская война в конце царствования Екатерины имела лишь эпизодический характер и не могла повести к важным последствиям. Нельзя было не защитить Грузию от нападений со стороны хана Астерабадского. Валериан Зубов действовал успешно на западном берегу Каспийского моря. Русские войска заняли Дербент и Баку; смерть императрицы положила конец военным операциям в этом крае.

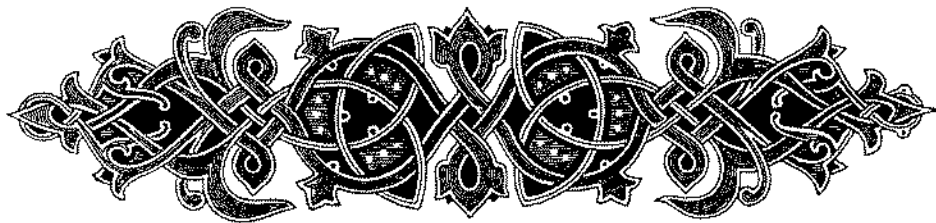
И отношения с Швецией после Верельского мира не были особенно дружескими. В 1791 году даже считали возможным возобновление войны между Екатериной и Густавом III. Обе державы готовились к походу. Резкий и высокомерный образ действий русского посла в Стокгольме Штапельберга произвел неблагоприятное впечатление. Несмотря на все это, между Екатериной и Густавом III был заключен наступательный союз против Франции. Войны между Россией и Швецией не было. О пребывании юного короля Густава IV в Петербурге в самое последнее время жизни Екатерины мы будем говорить ниже.

Также в последней части настоящего труда будет помещен разбор вопроса об отношении России к французской революции. Участвуя в борьбе против революционной Франции, Россия пожинала плоды прежне-

¹ «Русский Архив», 1876, I, 218.

го вмешательства в дела Германской империи. Сначала коалиционная война против Франции служила Екатерине средством для отвлечения внимания других держав от польских дел; затем, однако, во время разгара радикализма во Франции, императрица обращала все большее и большее внимание на революцию, казавшуюся опасной для всех государей, для представителей высших классов общества в разных странах и для сторонников старого порядка вообще. Екатерина не дожидая эпохи Наполеона; она, однако, неоднократно говорила о необходимости диктатуры, которая могла бы положить предел революционному брожению во Франции.





ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Внутренняя политика

Глава I. Общие правила. «Наказ»



же в то время, когда Екатерина была лишь великой княгиней, она занималась вопросами законодательства и администрации, причем руководствовалась правилами литературы просвещения. В набросках и суждениях великой княгини был заметен некоторый доктринерство. Главной чертой, основной мыслью ее воззрений было желание содействовать счастью и благосостоянию народа. Екатерина была убеждена в необходимости заменить деспотический произвол законностью. Вопросы о теории законодательства, о мерах к достижению важнейшей цели, то есть обеспечения народного благосостояния, в это время занимали весьма видное место в публицистике. И государи начали заниматься этими вопросами. Мысль об ответственности государей перед подданными выдвинулась на первый план.

Люди, занимавшиеся этими вопросами, обращали чрезмерное внимание на теорию законодательства, считая возможным, что безупречная кодификация служит чуть ли не единственным условием решения самых сложных задач, представляющихся при управлении государством.

Особенно глубокое впечатление произвело на современников сочинение Монтескьё «О духе законов». Между ревностными читателями этой книги встречаются Фридрих II, Иосиф II, Екатерина II. Успешнее других занималась изучением сочинения Монтескьё императрица.

С самого первого времени своего царствования она старалась применять на практике идеи о благосостоянии народа, законности, свободе; не щадя ни труда, ни времени она изучала весьма тщательно вопросы законодательства и администрации, причем обращала особенное внимание на общие правила человеколюбия и либерализма. Вольтер заметил однажды, в 1764 году, что девизом императрицы должна служить пчела; ей понравилось это сравнение; она любила называть свою империю ульем.¹ Особенно тщательно Екатерина изучала сочинения о государственном праве и об общественоведении. Член Берлинской Академии Бильфельд послал Екатерине свои сочинения о вопросах государственного устройства, читая которые императрица распорядилась, чтобы кое-что из сочинений Бильфельда было переведено на русский язык.² С замечательным государственным деятелем Я. Е. Сиверсом она любила беседовать о вопросах народного хозяйства, гигиене, смертности и пр.³ Разговоры с опытными государственными людьми, какими были, например, Н. И. Панин, Миних, Вяземский, Бестужев, Шаховской и другие, оказались полезной школой для Екатерины. Возбуждая прения о разных новых государственных учреждениях, выслушивая мнения других лиц, Екатерина весьма часто высказывала свое мнение и составляла иногда подробные проекты. Ее занимали вопросы о круге деятельности Сената, об учреждении Государственного совета, о судебной реформе, о правах различных сословий, о полиции, о ревизии присутственных мест.⁴ Когда Сенат в 1762 году хотел отправить в Сибирь для ревизии генерала Веймарна, Екатерина требовала, чтобы последний до путешествия собрал подробные сведения о Сибири и изучил основательно условия политического и общественного строя этой области.⁵ В записке, составленной Екатериной в 1769 году и заключающей в себе некоторые данные о первых годах ее царствования, сказано между прочим: «В Сенате за излишество почитали государственные дела слушать, ландкарту имел перед собою на столе, и оттого сделалось, что иногда сами не знали, о чем судят. Стыдно сказать, что и карты печатные не были в Сенате и первую карту я, быв в Сенате, послала купить в Академии».⁶ В числе первых действий Екатерины после воцарения встречается

¹ «Сб. Ист. Общ.», XVII, 251.

² Там же, XIII, 3.

³ Blum, «Ein russischer Staatsmann», I, 202.

⁴ См., напр., «Записки Шаховского», 2-е изд., II, 166.

⁵ «Сб. Ист. Общ.», VII, 168.

⁶ Там же, X, 381.



ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ



CATHERINE THE SECOND.

Екатерина II в императорском одеянии, у трона.
С гравюры Валькера, сделанной с портрета, писанного Лампи.

учреждение значительного числа комиссий для изучения состояния государства; в каждой из этих комиссий участвовало лицо, пользовавшееся особым доверием императрицы.¹ В первое время своего царствования она самолично принимала просителей всякого рода и звания, стараясь в разговоре с ними составить себе понятие о положении различных классов общества.² По случаю бунтов заводских крестьян в 1762 году императрица изучала следственные дела для того, чтобы составить себе точное понятие о причинах волнений.³ Когда Сиверс должен был занять место губернатора в Новгороде (в 1764 году), он имел у императрицы не менее двадцати аудиенций, продолжавшихся по несколько часов; Екатерина вместе с Сиверсом изучала все пункты составленной для нового губернатора инструкции.⁴

Таким образом, императрица, не пренебрегая мелочными вопросами администрации и полиции, изучая теорию государственных отправлений, заботясь о действиях разных присутственных мест, составляя разные проекты преобразований, не могла не желать приведения в некоторую систему всех законоположений, всех государственных учреждений. Многие меры, принятые предшественниками Екатерины, были вызваны минутною нуждою, случайными обстоятельствами. Весьма часто распоряжения правительства отличались отрывочностью, не имели отношения к основным идеям законодательства и администрации. Надлежало привести в систему существующее законодательство. Начали серьезнее прежнего мечтать о кодификации.

Несколько раз до «Большой Комиссии» 1767 года являлась в России мысль о пересмотре и составлении законов путем созыва больших собраний.

«Уложение» царя Алексея Михайловича обсуждалось в продолжение нескольких недель в Соборе, созванном для этой цели. При Петре I, в 1720 году, была созвана для кодификационного труда комиссия, состоявшая из русских и иностранцев. Она не окончила своих работ. Иван Посошков предлагал созвать собрание, состоявшее из нескольких сот депутатов. Верховный Тайный Совет времени Екатерины I и Петра II созвал для этой же цели собрание, состоявшее из сорока членов, по пяти депутатов из

¹ Blum, I, 155.

² «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 171.

³ Там же, II, 276.

⁴ Blum, I, 153.



А.П. Сумароков.
С гравированного портрета Зейферга.

каждой губернии; однако при невнимании выборных к общим нуждам это собрание оказалось далеко не полным и неспособным успешно заняться трудом кодификации.¹ В следующие десятилетия неоднократно были созываемы комиссии для кодификации, которые, однако, не имели возможности исполнить возложенную на них задачу.



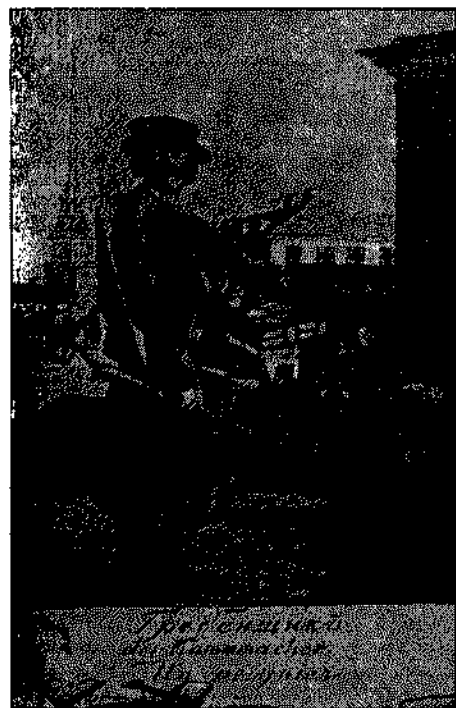
Петербургские типы конца 18-го века.

С офорта 18-го века Гейслера, из собрания П.Я. Дашкова.

Созывая такую же комиссию в марте 1761 года, Сенат объявил следующее: «Как оное сочинение «Уложения» для управления всего государства гражданских дел весьма нужно, следственно, всего общества и труд в советах быть к тому потребен: и потому всякого сына отечества долг есть советом и делом в том помогать и к окончанию с ревностным усердием споспешествовать стараться. В сходство сего Правительствен-

¹ См. статью Поленова во II томе «Сб. Ист. Общ.», 394—405.

ный Сенат уповает, что всякий, какого бы кто чина и достоинства ни был, когда будет к тому избран, отречься не будет, но, пренебрегая все затруднения и убытки, охотно себя употребить потщится, чая, во-первых, незабвенную в будущие годы о себе оставить память, да сверх того за излишние труды и награждение получить может».¹ Депутаты должны были



Петербургские типы конца 18-го века.
С офорта 18-го века Гейслера, из собрания П.Я. Дашкова.

прибыть в Петербург не позже 1 января 1762 года. Об успехе этой меры Сената ничего не известно. Можно думать, что случившиеся в это время перемены на престоле воспрепятствовали осуществлению сенатского проекта.

Екатерина тотчас же после своего воцарения начала думать о средствах к приведению в исполнение проекта кодификации. Приехав в Сенат 9

¹ Соловьев, «История России», XXIV, 426.

августа 1762 года, она приказала созвать комиссию для составления уложения. Руководителем комиссии был назначен князь Шаховской; однако и на этот раз цель не была достигнута. Нужно было взяться за дело иначе, устроить его в гораздо больших размерах. Таким образом состоялась «Большая Комиссия», 1767 года.



Петербургские типы конца 18-го века.

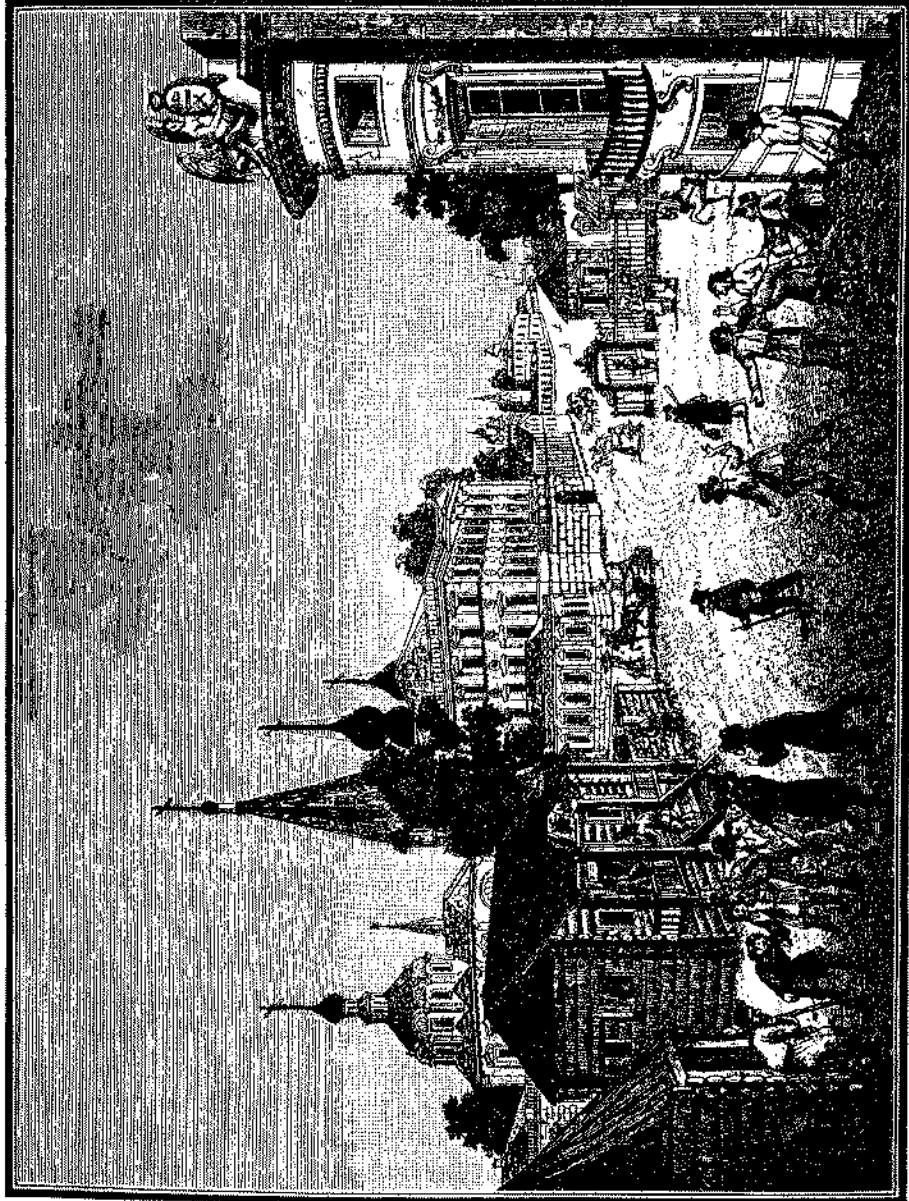
С офорта 18-го века Гейслера, из собрания П.Я. Дашкова.

Около 1780 года Екатерина составила довольно пространную записку об учреждениях, введенных в ее управление. Здесь говорится о «Наказе» и о комиссии уложения следующее:

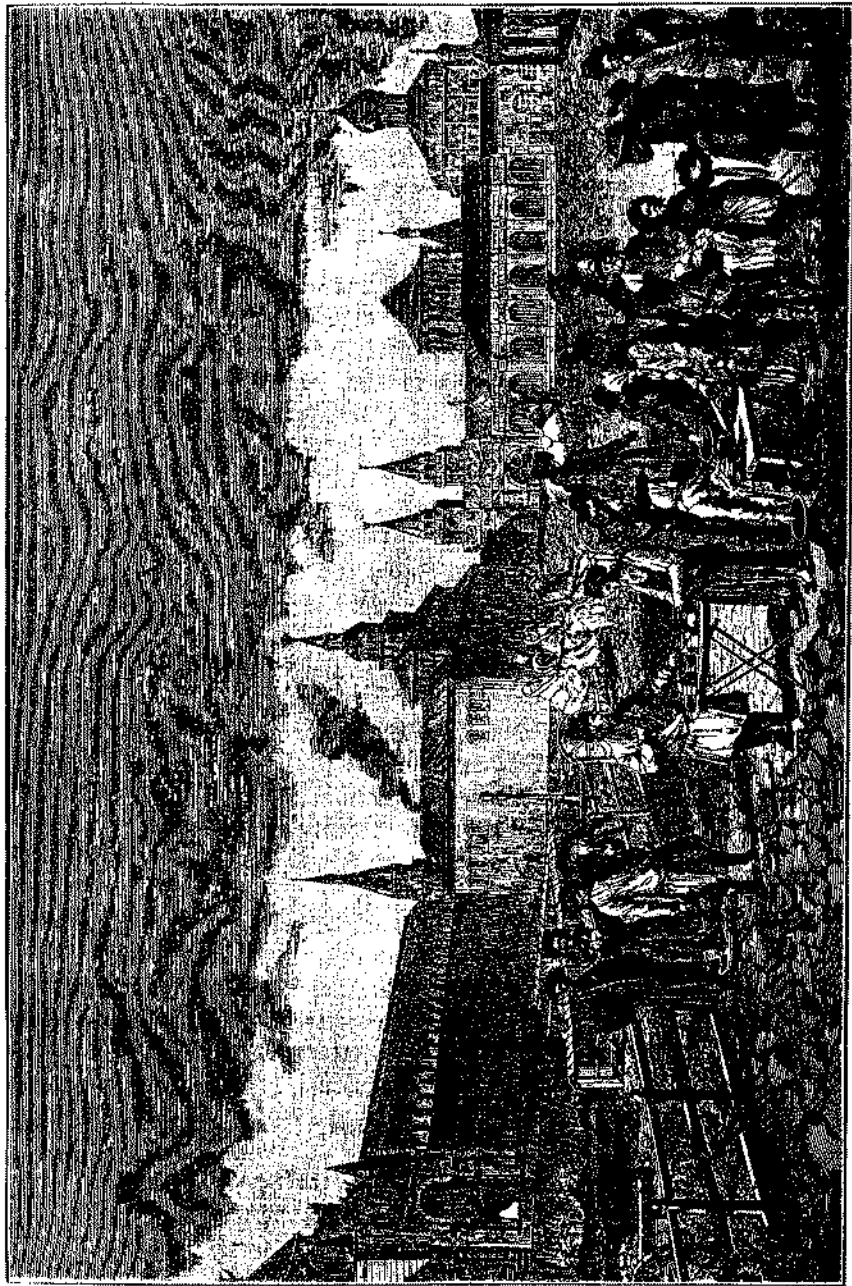
«В первые три года царствования моего, усматривая из прошений, мне подаваемых, из сенатских и разных коллегий дел, из сенаторских рассуждений и прочих многих людей разговоров, не единообразные об единой вещи установленные правила, что законы, по временам сделан-

ные в соответствие тогдашних умов расположения, многим казались законами противоречащими, и что все требовали и желали, дабы законодательство было приведено в лучший порядок, — из сего вывела я себе в уме заключение, что образ мыслей вообще, да и самый гражданский закон, не может получить поправки иначе, как установлением полезных для всех в империи живущих и для всех вообще вещей правил, мною писанных и утвержденных. И для того начала читать, потом писать «Наказ» комиссии уложения. Два года я и читала, и писала, не говоря о том полтора года ни слова, но следуя единственно уму и сердцу своему, с ревностнейшим желанием пользы, чести и счастья империи и чтоб довести до высшей степени благополучия всякого рода живущих в ней, как всех вообще, так и каждого особенно. Преуспев, по мнению моему, довольно в сей работе, я начала казать по частям статьи, мною заготовленные, людям разным, всякому по его способности, и между прочими князю Орлову и графу Никите Панину. Сей последний мне сказал: «ce sont des axiomes à renverser des murailles». Князь Орлов цены не ставил моей работе и требовал часто, чтобы тому или другому онаю показать. Но я более одного листа или двух не показывала вдруг. Наконец заготовила манифест о созыве депутатов со всей империи, дабы лучше сознать каждой округи состояние. Съехались оные в Москве в 1767 году, где, быв в Коломенском дворце, назначила я разных персон, вельми разномыслящих, дабы выслушать заготовленный наказ комиссии уложения. Тут при каждой статье родились прения; я дала им волю чернить и вымарать все, что хотели. Они больше половины из того, что написано было мною, помарали, и остался наказ уложения, яко оный напечатан. Я запретила на оный иначе взирать, как единственно он есть, то есть, правила, на которых основать можно мнение, но не яко закон, и для того по делам не выписывать яко закон, но мнение основать на оном дозволено. Комиссия уложения, быв в собрании, подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно. Она все части закона собрала и разобрала по материям и более того бы сделала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты и военные поехали в армию. Наказ Комиссии Уложения ввел в единство правила и в рассуждения, не в пример более прежнего. Стали многие о цветах судить по цветам, а не яко слепые о цветах. По крайней мере стали знать волю законодавца и по оной поступать».¹

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 175—176.



Московская улица в конце 18 столетия.
С гравюры 18-го вка Дюрфеляда.



Уличный торг в Москве у Кремля, в конце 18 столетия.
С гравюры 18-го века Калпашикова, из собрания П. Я. Дашкова.

В одном из писем к Вольтеру (в 1777 году) императрица называет «Наказ» «фундаментом законодательного здания империи».¹

Уже в 1765 году в письмах Екатерины к госпоже Жоффрен упоминается о «Наказе». Так, например, она пишет: «Вот уже два месяца, как я занимаюсь каждое утро в продолжение трех часов обработыванием законов моей империи. Труд огромный». При этом она замечает о Монтескье: «Его «Дух законов» должен быть молитвенником монархов со здравым смыслом». В письме от 6 апреля 1766 года сказано: «Моя большая работа подвигается, равно как и мое шитье; первая в продолжение двух часов утром, второе во время чтения после обеда».² В письме Екатерины к Даламберу (в 1765 году) говорится: «Я вам хотела послать некоторую тетрадь, но требуется время, чтобы сделать ее разумною; притом же она еще не окончена. Если вы ее одобрите, то я тем останусь довольна. Вы из нее увидите, как там я на пользу моей империи обобрала президента Монтескье, не называя его. Надеюсь, что если бы он с того света увидел меня работающею, то простил бы эту литературную кражу во благо двадцати миллионов людей, которое из того последует. Он слишком любил человечество, чтобы обидеться тем; его книга служит для меня молитвенником».³ «Будь я папой, — заметила Екатерина в письме к госпоже Жоффрен о Монтескье, — я признала бы его святым, даже не выслушав речей адвоката сатаны».⁴

В 1767 году императрица писала к Даламберу о продолжении своего труда: «Я занимаюсь непохожим на то, что желала к вам отослать. Более половины мною зачеркнуто, разорвано и сожжено, и Бог ведает, что станет с остальным; однако придется окончить к означенному мною сроку». Говоря о предстоявшем открытии законодательного собрания, Екатерина заметила: «Начнут новое Уложение на основании установленных мною начал, которые, надеюсь, не будут отвергнуты теми, кто любит человечество».⁵ Императрица сообщила также и Вольтеру в 1766 году некоторые сведения о характере и содержании «Наказа».⁶

Нельзя сказать, чтобы императрица занималась тщательно юриспруденцией. Она любила обобщения, размышляла об общем характере политики, социологии, философии права, разве только в виде исключения входя в подробности юридических вопросов. Общее содержание, философ-

¹ Там же, XXVII, 136.

² «Сб. Ист. Общ.», I, 268, 269, 288.

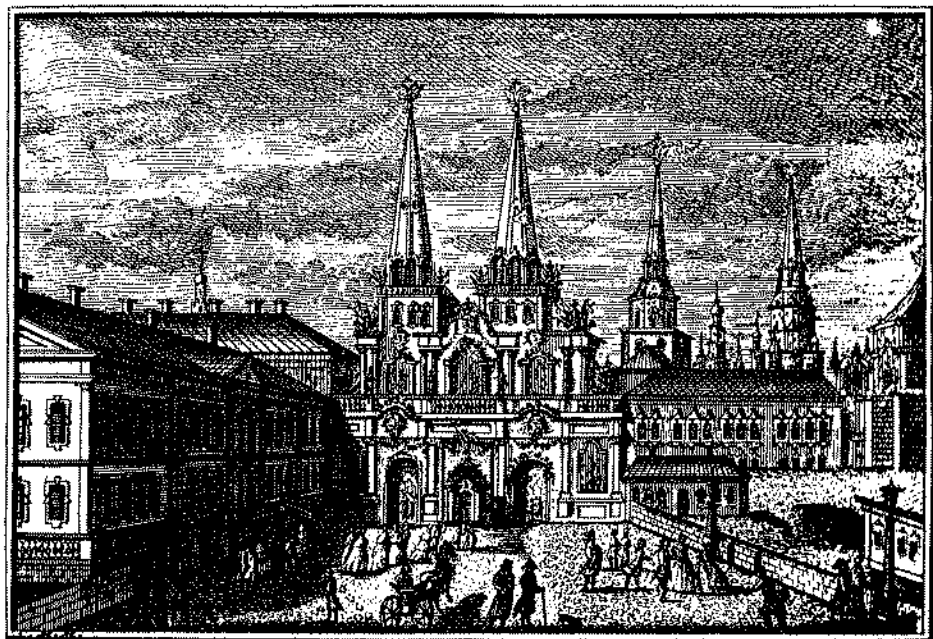
³ Там же, X, 31.

⁴ Там же, I, 287.

⁵ Там же, X, 167 и 168.

⁶ Там же, 94.

ский характер сочинения Беккария «О преступлениях и наказаниях» заставили ее мечтать о приглашении знаменитого итальянского писателя в Россию.¹ «Наказ» богат общими теоретическими положениями о государстве, о развитии общества, о гуманности и цивилизации. Многие были прямо заимствованы из сочинений Беккария и Монтескье; кое-что было плодом



Видъ Воскресенскихъ Триумфальныхъ воротъ отъ Куретнаго моста.

Vue de l'Arc Triomphal de Воскресенски du côté du pont de Kurétny.

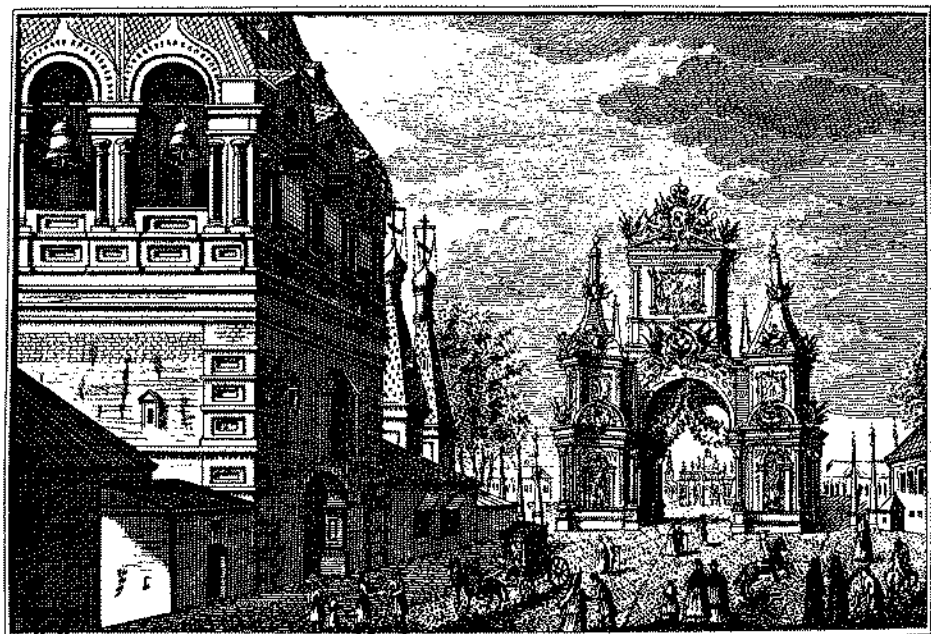
Вид Воскресенских триумфальных ворот от Куретного моста.

Гравюра по рисунку М.И. Махасва, 1763.

бесед с такими людьми, как Сиверс, Панин, Орлов, Бибииков и другие. Вообще было заметно на каждом шагу влияние на императрицу и на лиц, ее окружавших, литературы просвещения, легко доступной каждому образованному человеку. Вопрос о кодификации вообще не мог быть разрешен иначе, как воспроизведением воззрений энциклопедистов и прочих знаме-

¹ «Сб. Ист. Общ.», 183, 185, 242.

нитостей литературы просвещения. «Наказ» был плодом совместного действия индивидуального темперамента императрицы, любившей изучать теорию отвлеченных предметов и духа времени, принявшегося за решение важных проблем человеческого счастья и прогресса. Сиверс говорил Екатерине, что новое Уложение могло бы служить самым славным памятником



*Видъ Триумфальныхъ воротъ
на Тверской улицѣ въ Беломъ
городѣ.* | *Vue de l'Arc Triomphal sur
la rue Tverskaja dans le
Bielgorod.*

Вид Триумфальных ворот на Тверской улице в белом городе.

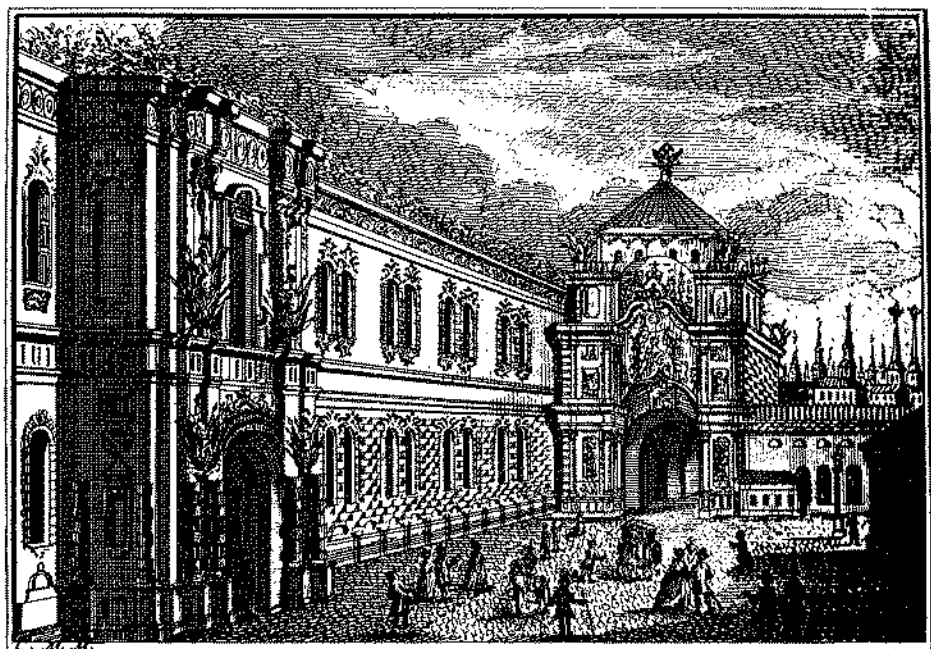
Гравюра по рисунку М.И. Махаева, 1763.

ее царствования.¹ Она с радостью занялась начертанием плана нового законодательства. Таким образом состоялся знаменитый труд: «Instruction de Sa Majesté impériale Cathérine II pour la commission chargée de dresser le projet d'un nouveau code, de lois».²

¹ Blum, I, 236. На стр. 256 и 259 автор приписывает Сиверсу слишком важную долю в составлении «Наказа» и созвании Большой Комиссии.

² В моей монографии, в «Russische Revue», XVIII, 414 и след. см. частности о различных изданиях и пр.

17 октября 1767 года Екатерина писала Фридриху II: «Сообразно желаниям вашего величества, я вручила сегодня вашему министру, графу Сольмсу, немецкий перевод «Наказа», данного мною для преобразования законов России. Ваше величество не найдете там ничего нового, ничего неизвестного для себя; вы увидите, что я поступила, как ворона басни,



Видъ Никольскихъ Триумфальныхъ воротъ съ частию Цейхгауза. *Vue de l'Arc Triomphal de St Nicolas avec une partie de l' Arsenal.*

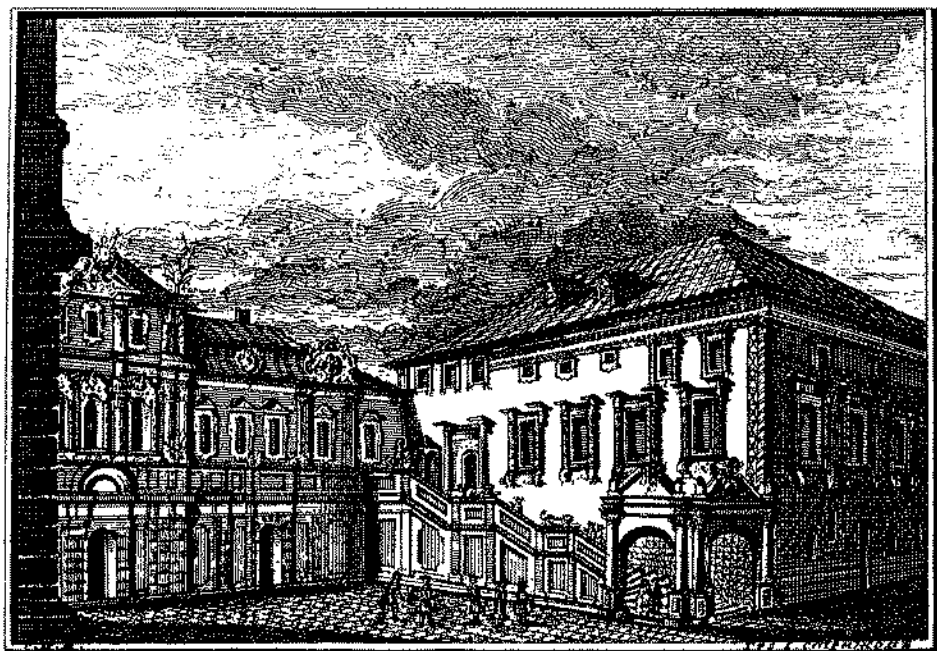
Вид Никольских триумфальных ворот с частью Цейхгауза.

Гравюра по рисунку М.И. Махаева, 1763.

сделавшая себе платье из павлиньих перьев. Во всем труде мне принадлежит лишь распределение предметов по статьям и в разных местах то строчка, то слово; если бы собрали все, прибавленное туда мною, я не думаю, что вышло бы свыше двух-трех листов. Большая часть извлечения из «Духа законов» президента Монтескье и из сочинения «О преступлениях и наказаниях» Беккария».¹

¹ «Сб. Ист. Общ.», XX, 236—237.

Укажем вкратце на характер и содержание «Наказа», который был сначала напечатан на русском языке и роздан членам Большой Комиссии. На главной части сочинения (§ 1—526) показано число: «Москва, 30 июля 1767 года» — день открытия Большой Комиссии. В ней заключаются в 20 главах размышления о России, о монархической власти, о законах,



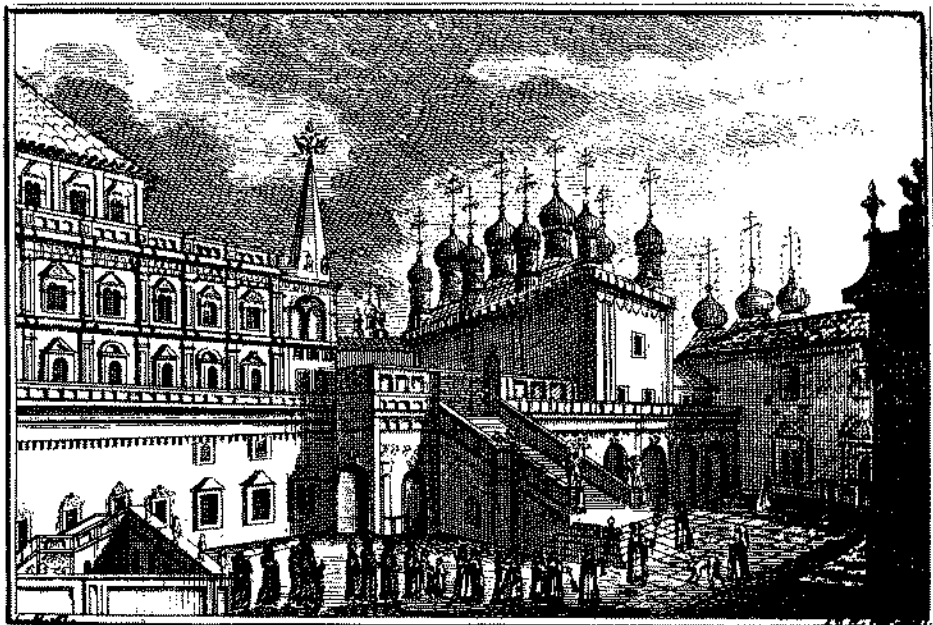
Красное крыльцо и Грановитая палата. | *Vue du grand Escalier et du pavillon nommé Granovitaja Palata au Kremlin.*

Красное крыльцо и Грановитая палата.

Гравюра И.С. Стрижова по рисунку М.И. Махаева, 1763.

наказаниях, народном хозяйстве, о воспитании, о наследственном праве и суде и расправе, о населении и о кодификации. Первое дополнение «о полиции» (§ 527—566) означено числом «Петербург — 28 февраля 1768»; второе «о расходах, доходах и о государственном управлении» и пр. (§ 568—653) — «Петербург, 8 апреля 1768 года».

Во введении сказано: «Господи, Боже мой! воими ми и вразуми мя, да сотворю суд людем твоим по закону святому твоему судити в правду» § 1: «Закон христианский иаучает нас взаимно делати друг другу добро, сколько возможно». Во многих местах сочинения указано на нравственные обязанности человека и правительства, на добродетели, патриотизм.



Видъ Кремлевскаго стараго дворца съ Краснымъ крыльцомъ и Золотою решеткою | *Vue du vieux Palais de Kremlin dans le Kremlin avec le grand Escalier et la grille d'or.*

Вид Кремлевского старого дворца с Красным Крыльцом и Золотою решеткою.
Гравюра Н.Ф. Челнакова по рисунку М.И. Махаева, 1763.

гуманность, любовь к ближнему, кротость и пр. § 35: «Равенство требует хорошего постановления, которое воспрещало бы богатым удручать меньшее их стяжание имеющих». § 81: «Любовь к отечеству, стыд и страх поношения суть средства укротительные и могущие воздержать множество преступлений». § 241: «Предупреждать преступления есть намерение и конец хорошего законоположения, которое не что иное есть, как ис-

кусство приводить людей к самому совершенному благу, или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малейшее зло».

Некоторые параграфы должны были заставить многих задуматься. В § 417 говорится о пагубных следствиях сосредоточения в Древнем Риме больших имений в руках немногих лиц, а в § 425 сказано: «Мое намерение в сем деле склоняется больше к разделению имения, понеже я почитаю себе за долг желать, чтобы каждый довольную часть на свое пропитание имел. Сверх сего, земледелие таким образом может прийти в лучшее состояние, и государство через то большую получит пользу, имея несколько тысяч подданных, наслаждающихся умеренным достатком, нежели имея несколько сот великих богачей». Особенного внимания заслуживает также следующая мысль, высказанная в § 520 «Наказа»: «Все сие не может понравиться ласкателям, которые по вся дни всем земным обладателям говорят, что народы их для них сотворены. Однако ж мы думаем, и за славу себе вменяем сказать, что мы сотворены для нашего народа, и по сей причине мы обязаны говорить о вещах так, как они быть должны. Ибо, Боже сохрани, чтобы после окончания сего законодательства был какой народ больше справедлив и, следовательно, больше процветают, на земле; намерение законов наших было бы не исполнено: несчастье, до которого я дожить не желаю».

Местами в «Наказе» встречаются попытки определить понятие о свободе. «Разум вольности, — сказано в § 16, — в державах может произвести столько же великих дел и столь споспешествовать благополучию подданных, как и самая вольность». В §§ 36 и 37 сказано: «общественная или государственная вольность не в том состоит, чтобы делать все, что кому угодно, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть принуждену делать то, чего хотеть не должно». § 38: «Надобно в уме себе точно и ясно представить: что есть вольность? Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют, и сжали бы где какой гражданин мог делать законами запрещаемое, там бы уже больше вольности не было, ибо и другие имели бы равным образом сию власть». § 39: «Государственная вольность в гражданине есть спокойство духа, происходящее от мнения, что всяк из них собственно наслаждается безопасностью; и чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такому, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов».

В разных местах «Наказа» говорится об основании естественного права, о разнице между положительным и естественным правом и т.п. (например, в §§ 405, 407, 410). Обобщения такого рода заставляли императ-

рицу в своем сочинении сравнивать различные народы, различные страны между собою. Она в этом отношении следовала примеру Гуго Гроция, Пуфендорфа, Монтескье и пр., довольно часто затрагивавших вопросы сравнительной этнологии. История и география доставляли всем этим писателям, а также и Екатерине, богатый запас примеров для подтверждения преподаваемых правил о теории государства и общества. Многие параграфы «Наказа» начинаются словами: «есть народы» или «есть страна» и т. п. Весьма часто указано на нравы, обычаи и учреждения греков и римлян, китайцев, вестготов, англичан и пр. Говорится о добродетелях и пороках, о выгодах и недостатках темперамента различных народов, о влиянии климата и почвы на историю различных стран и о необходимости принятия в соображение всего этого при законодательстве и т. д.

Впрочем, императрица отстаивала начала абсолютизма. В § 10 сказано: «Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит». § 19: «Государь есть источник всякой государственной и гражданской власти». § 15: «Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и государя».

Местами императрица является защитницей сословных прав. В § 360 сказано: «Дворянство есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены». Неточным и неясным оказывается определение среднего сословия (§§ 377 и 378), причем, впрочем, указано на развитие этого класса общества в будущем. Крестьянству не была посвящена особая глава в «Наказе». Мы тотчас же увидим, что некоторые замечания императрицы в черновой «Наказе» не были напечатаны. Впрочем, и в печатном «Наказе» встречаются либеральные идеи, имеющие в виду пользу низшего класса народа. Правда, в § 250 сказано: «Надлежит быть в гражданском обществе одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются», но зато уже в § 253 замечено: «Нужно избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю, разве крайняя необходимость к учинению того привлечет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной, однако и та едва не весьма ли редко бывает». В § 256 говорится о необходимости наказания мучителей крестьян: в § 269 — о неблагоразумном собирании оброка с крестьян, причем императрица осуждает абсентеизм господ. Хотя в § 260 сказано: «Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных», Екатерина мечтала об эмансипации крестьян. В § 295 она пишет: «Не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного». Вообще замечания Екатерины о крестьянстве производят впечатление несисте-

матических, бессвязных афоризмов. Это обстоятельство объясняется тем, что Екатерина, уступая влиянию лиц, ее окружавших, в печатном «Наказе» выпустила разные параграфы, помещенные в черновой этого труда.

Некоторые замечания посвящены вопросам уголовного права, причём заметно влияние сочинения Беккария. В § 24 говорится об обязанности



Торговцы лубочными картинами и стальными изделиями
в Екатерининское время.
С офорта 18-го века Гейслера.

«предупреждать преступления», об условиях, при которых можно прибегнуть к смертным приговорам. В § 96 сказано: «Все наказания, которыми

тело человеческое изуродовать можно, должно отменить». В § 194 подробно изложено, в какой степени пытка должна считаться не только варварским, но и нецелесообразным средством уголовного судопроизводства. В § 207 императрица восстает против чрезмерной жестокости наказаний. В следующих затем параграфах говорится против смертной казни вообще;



Торговка старыми вещами и рекрут в Екатерининское время.
С офорта 18-го века Гейслера.

Екатерина допускает исполнение ее разве только во время анархии и крайней опасности. В этом отношении она была гораздо либеральнее своих подданных.

В весьма подробных параграфах, посвященных вопросам уголовного судопроизводства, императрица излагает чрезвычайно гуманные и либеральные начала. § 83: «Приложить должно более старания к тому, чтобы вселить узаконениями добрые нравы во граждан, нежели привести дух их



Уличный продавец пряников в Петербурге в конце 18 столетия.
С гравюры того времени.

в уныние казнями». § 245: «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми», и т. п.

Многие из этих мыслей могли считаться новыми, даже парадоксальными. Они, однако, должны были служить руководством для членов Большой Комиссии. В § 522 сказано: «Остается ныне Комиссии подробности каждой части законов сравнить с правилами сего Наказа». При сжатой

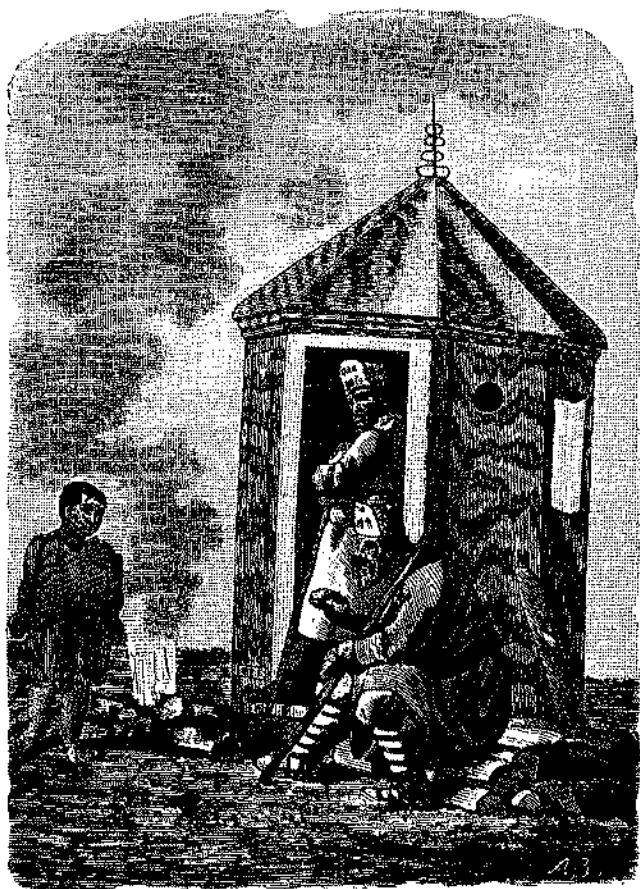
форме тезисов Екатерины членам Большой Комиссии было нелегко усвоить себе содержание «Наказа». Поэтому императрица предписала в § 525: «Сей Наказ читать в Комиссии... единожды в начале каждого месяца до окончания Комиссии». Далее она требовала от законодателей популярного



Священник и слепой нищий с вожакom.
С гравюры Шефнера конца 18-го века.

изложения законов. «Законы, — сказано в § 158, — должны быть писаны простым языком, и Уложение, все законы в себе содержащее, должно быть книгою весьма употребительною, и которую бы за малую цену достать можно было, наподобие букваря... Преступления не столь часты будут, чем большее число людей Уложение читать и разуметь станут. И для того предписать надлежит, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных книг и из тех книг, кои законодательство содержат».

Нельзя сказать, чтобы все лица, окружавшие Екатерину, были довольны ее трудом. Она сама вызывала критику и при окончательной редакции руководствовалась сделанными ей замечаниями. Последние не всегда нравились ей.



Городские сторожа днем в Екатерининское время.
С акварели 18-го века Шефнера, из собрания П.Я. Дашкова.

Бибиков пожелал некоторых неважных изменений в редакции для большей ясности выражения мыслей Екатерины. Баскаков находил, что попытка в некоторых случаях неизбежна. Екатерина, читая примечания Бас-

какова, заметила на полях: «О сем слышать не можно, и казус не казус, где человечество страждет».

Особенно же Екатерина была недовольна замечаниями Сумарокова, который во многих отношениях противоречил ей. Она снабдила записку



Городские сторожа ночью в Петербурге в Екатерининское время.

С гравюры того времени Аткинсона.

Сумарокова приписками или подстрочными, отчасти весьма меткими и острыми замечаниями. Так, например, Сумароков смотрел на крестьянский вопрос иначе, нежели Екатерина. Она была гораздо либеральнее его. «Господин Сумароков, — выразилась она о нем, — хороший поэт, но

слишком скоро думает, чтобы быть хорошим законодателем; он связи довольной в мыслях не имеет, чтоб критиковать цель, и находит, что здесь и там в полире ошибки есть, которых пороков он бы оставил, если бы понял связь». В другом месте, по поводу *Монтескьё*, мы встречаем приписку *Екатерины*: «Многие критиковали *Монтескию*, не разумея его; я вижу, что я сей жребий с ним разделяю». По поводу какого-то параграфа в «*Наказе*» *Сумароков* заметил: «Для краткости времени без всякого возражения мною оставлена». *Екатерина* прибавила: «Потери нету».

Приведем здесь мнение *Сумарокова* о крестьянском вопросе, высказанное им по прочтении смелых предложений императрицы и замечания последней. *Сумароков*: «Сделать русских крепостных людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея иметь не будут, и будут ласкать слуг своих, пропуская им многие бездельства, дабы не остаться без слуг и без повинующихся им крестьян; и будет ужасное несогласие между помещиками и крестьянами, ради усмирения которых потребны многие полки, и непрестанная будет в государстве междоусобная брань, и вместо того, что ныне помещики живут покойно в вотчинах (*Екатерина*: «и бывают зарезаны отчасти от своих»), вотчины их превратятся в опаснейшие им жилища, ибо они будут зависеть от крестьян, а не крестьяне от них. (*Екатерина*: «Не от роду»). В других государствах и в *Украине* другое сему основание, а у нас этого быть без отъятия помещичьего покоя не может... Все дворяне, а может быть, и крестьяне, сами такую вольностью довольны не будут, ибо с обеих сторон умалится усердие. А это примечено, что помещики крестьян, а крестьяне помещиков очень любят, а наш низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет». (*Екатерина*: «и иметь не может в нынешнем состоянии»).¹

Впрочем, замечания, сделанные разными лицами на первоначальный проект «*Наказа*», заставили *Екатерину* исключить значительную его часть. О различии между первоначальной редакцией и печатным изданием можно судить по некоторым отрывкам, найденным между бумагами *Екатерины* и изданным в последнее время. Особенно важны те из них, которые относятся к крепостному состоянию крестьян; в первоначальном проекте занимали они видное место, но почти совершенно исчезли в печатной редакции.

В отрывке мы читаем: «Два рода покорностей: одна существенная, другая личная, т. е. крестьянство и холопство. Существенная привязывает,

¹ «Сб. Ист. Общ.», X, 79—86.

так сказать, крестьян к участку земли, им данной. Такие рабы были у германцев. Они не служили в должностях при домах господских, а давали господину своему известное количество хлеба, скота, домашнего рукоделья и пр., и далее их рабство не простиралось. Такая служба и теперь введена в Венгрии, в Чешской земле и во многих местах Нижней Германии.¹ Личная служба и холопство сопряжено с услужением в доме и принадлежит больше к лицу. Великое злоупотребление есть, когда оно в одно время и личное и существенное». Все это в печатном «Наказе» выпущено и оставлено только следующее за приведенными статьями место: «Какого бы рода покорство ни было, надлежит, чтоб законы гражданские с одной стороны злоупотребление рабства отвращали, а с другой стороны — предостерегали бы опасности, могущие оттуда произойти».

Далее в отрывке читаем: «Всякий человек должен иметь пищу и одежду по своему соостоянию, и сие надлежит определить законом. Законы, должны и о том иметь попечение, чтоб рабы и в старости, и в болезнях не были оставлены... Когда закон дозволяет господину наказывать своего раба жестоким образом, то сие право должен он употреблять как судья, а не как господин. Желательно, чтобы можно законом предписать в производстве сего порядок, по которому бы не оставалось ни малого подозрения в учиненном рабу насилии... В российской Финляндии выбранные семь или восемь крестьян во всяком погосте составляют суд, в котором судят о всех преступлениях. С пользою подобный способ можно бы употребить для уменьшения домашней суровости помещиков или слуг, ими посылаемых на управление деревень их беспредельное, что часто разорительно деревням и народу и вредно государству, когда удрученные от них крестьяне принуждены бывают неволею бежать из своего отечества. Есть государство, где никто не может быть осужден иначе, как 12-ю особами ему равными — закон, который может воспрепятствовать сильно всякому мучительству господ, дворян, хозяев и пр. Есть положение в ломбардских законах, которое во всех родах правления полезно быть может: если господин насилует жену или дочь своего раба, то вся семья одного будет от рабства освобождена; средство к предупреждению и укрощению невоздержанности господ».

¹ Очевидно, императрица говорит в этом месте о реформе, состоявшейся в 1766 году в Австрии, при Марии Терезии. Так называемая «*Urbarialordnung*» имела целью обеспечить быт крестьян в Венгрии предоставлением им некоторых прав; см. соч. Зугенгейма, «*Gesch. d. Aufhebung der Leibeigenschaft*». St.-Petersburg, 1861, 393.

Все это в печатном «Наказе» пропущено; за приведенной статьей (§ 254), начинающейся словами: «Какого бы рода покорство ни было», прямо следует § 255: «Несчастливо то правление, в котором принуждены устанавливать жестокие законы», статья, не имеющая здесь смысла без дополнения, выпущенного в изданном «Наказе» и сохранившегося в отрывке:



Femme Moscovite
Musier dont elles portent naturellement leur Voile.

Женщина из Московии.
С офорта Ж.-Б. Лепренса 1768 г.

«Причина сему, что повиновение сделалось несносным игом, так необходимо надлежало и наказание за ослушание увеличить или сомневаться о верности. Благоразумно предостерегаться, сколь возможно, от того несча-

ствия, чтоб не сделать законы страшные и ужасные. Для того, что рабы и у римлян не могли полагать упования на законы, то и законы не могли на них иметь упования. Но какой тот народ, в котором гражданские законы противоборствуют праву естественному? Был у греков закон, по которому рабы, жестокостью господ своих убежденные (?), могли требовать, чтоб



Ajustement des vieilles Femmes Moscovites.

Пожилая женщина из Московии.

С офорта Ж.-Б. Лепренса 1768 г.

они другому были проданы. В последние времена был подобный закон и в Риме: господин, раздраженный против своего раба, и раб, огорченный

против господина своего, должны быть друг от друга разлучены. Сей закон служил к безопасности хозяина и раба».

В печатном «Наказе» (§ 261) сказано: «Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов нмущества», но здесь выпущена вторая половинка фразы: «и прнвезть их в такое состояние, чтоб они могли купить сами себе свободу». Выброшено и следующее: «Могут еще законы определить уреченное время службы: в законе Монсеевом ограничена на шесть лет служба рабов. Можно также установить, чтоб на волю отпущенного человека уже более не крепить ннкому, из чего еще та польза государственная выйдет, что нечувствительно умножится число мещан в малых городах. Также можно уврачевать зло сие при самом оногo корени. Великое число рабов находится при отправленни разных должностей, им поручаемых, и уже от земледельца бесповоротно отлученных: перенести некоторую часть сих званий на людей свободных, например, торговлю, мореплавание, художество; чрез то уменьшится число рабов. Надлежит, чтоб законы гражданские определли точно, что рабы должны заплатить за освобождение своему господну, или чтоб уговор от освобождения определил точно сей их долг вместо законов».¹

Как видно, Екатерина серьезно мечтала об отмене злоупотребленнй крепостного права, об устраненни ужасов патримоннального судопроизводства, об освобожденни крестьян. Однако при этом она столкнулась с воззрениями влиятельных лиц. Сумароков, Арсеннй Мацеевнч, Державин, княгиня Дашкова и другие — отстаивали крепостное право. Императрица, желавшая, чтобы вопрос о крестьянах сделался предметом прений в Большой Комиссии, должна была подвергнуть свой «Наказ» цензуре представителей привилегированных классов. Несмотря, однако, на такие меры предосторожности, крестьянский вопрос явился между очередными занятиями законодательного собрания. Несколько лет спустя пугачевщина доказала, что императрица более точно и справедливо, чем сторонники консервативных начал, оценила опасность, грозившую государству и обществу со стороны находившихся в отчаянном положении крестьян.

«Наказ» и в печатном виде, без тех либеральных предложеннй, которые были устранены партией консерваторов, произвел в Европе сильное впечатление. Во Франции правительство смотрело на него, как на весьма

¹ Соловьев, XXVIII, 80—83. «Сб. Ист. Общ.», X; 152 и след.

опасную книгу. Князь А. Голицын писал вице-канцлеру А. М. Голицыну из Берлина 2 ноября 1767 года: «Только здесь узнал я, что императрицын «Наказ» для составления Уложения подвергся в Париже запрещению... Как ни полон я негодования, но известие меня не удивляет. Напротив, одобрение от французского министра (Шуазёля), давно привыкшего гнать из Франции все доброе, честное и полезное для человечества, придало бы «Наказу» вид недостатка» и пр. Зато в среде французских писателей господствовал общий восторг по поводу появления «Наказа». В этом смысле выразились Фальконет, Вольтер и пр.¹



Эвенк, охотник на соболей в Сибири.

Еще до получения печатного «Наказа» Фридрих Великий, узнав о занятиях Екатерины, восхвалял ее за намеренно приступить к преобразованию законов. В письме от 12 мая он замечает: «Скажут, что императрица первая из женщин могла носить имя законодателя своей империи, и что она по своей мудрости первая положила основание счастья своих народов, установив

¹ «Сб. Ист. Общ.», XV, 629, 634; XVII, 91 и 92.

справедливые законы, Если царь Петр I не гнушался работать в Амстердаме на верфи адмиралтейства, чтобы создать флот для своего народа, то и ваше величество не пренебрегли бесчисленными подробностями юриспруденции, чтобы обеспечить владения и благосостояние России».¹

Получив «Наказ» и принявшись за чтение его, король писал между прочим: «Это приношение имеет мало примеров на свете... я восхищен не только правилами человеколюбия и кротости, о чем вещают эти законы, но также порядком, связностью мыслей, великою ясностью и точностью в выражениях, господствующими в этом творении, и обширными сведениями, содержащимися в нем».²

Как кажется, избрание императрицы членом Берлинской Академии наук находилось в связи с изданием ее «Наказа». В ответе своем на предложенную ей честь она заметила между прочим: «Вся моя наука заключается именно в том, что все люди братья, и всю мою жизнь я проведу в изучении искусства поступать согласно этому правилу. Если я до сих пор в чем-либо успела, то приписывайте это только означенной истине».¹

Мы уже знаем, что иностранные дипломаты в Петербурге с напряженным вниманием следили за планами императрицы. Английский посланник Макартней писал в декабре 1766 года: «В настоящую минуту внимание царицы исключительно поглощено любимым проектом, успех которого будет ей полезнее и принесет ей больше истинной чести, чем выигранное сражение или приобретение целого королевства. Обладая проницательным умом, вследствие которого она не только усматривает недостатки, но тотчас же находит средство их исправить, она давно с сожалением убедилась в беспорядке, сложности, запутанности и несправедливости законов ее империи; исправление их давно составляло предмет ее честолюбия, и с этой целью она рассматривала и изучала с величайшим вниманием и точностью различные законодательства других стран. На основании собственных ее замечаний по этому предмету и мнений самых ученых и способных ее советников она составила Уложение, равно соответствующее благу ее подданных и характеру народа. Уложение это будет предложено на рассмотрение депутатов империи, которые соберутся в Москве в течение будущего лета, причем им будет предоставлено право высказывать свои мнения о нем, указывать на те недостатки, которые они найдут в нем, и предлагать изменения. Когда по всем этим вопросам про-

¹ Там же, XX, 233, 234.

² Там же, XX, 238—240.

изойдет соглашение и они будут окончательно утверждены, Уложение это будет обнародовано и составит основное законодательство империи на будущее время. Поистине это высокое предприятие, достойное честолюбия великого монарха, предпочитающего титул законодателя славе побед и полагающего в основание своего величия заботу о благоденствии, а не уничтожении человечества».



Уличный продавец цветов в Петербурге в конце 18 столетия.
С гравюры того времени Шенберга.

Полгода спустя, когда английский дипломат донес об открытии Большой Комиссии и о первых заседаниях ее, министр Конуэ (Conway)

¹ Там же, X, 282.

писал ему 9 октября 1767 года: «Прошу вас продолжать сообщать все главнейшие обстоятельства, сопровождающие это великое и необычное предприятие, достойное восторженного удивления и приносящее высокую честь монархии, способной возыметь и исполнить столь великодушное намерение, как предоставление свободы великому народу, жертвуя при этом собственным могуществом для счастья своих подданных. История представляет нам много примеров отнятия власти из рук деспотических государей, что обыкновенно происходило после волеий и борьбы за освобождение, но я не знаю примера тому, чтобы самодержавный монарх добровольно отказался от власти в пользу своего народа».¹

В этой переписке двух английских государственных людей бросаются в глаза две ошибки. Во-первых, Екатерина не составила для депутатов проекта Уложения; она указала лишь на те общие правила, которыми следовало руководствоваться при составлении его. Самый важный, громадный труд был предоставлен собранию. Очевидно, Екатерина не оценила затруднений, с которыми приходилось бороться многочисленному собранию при решении своей задачи. В 1648 году, до созыва Собора, законодательная комиссия окончила свой труд, и Собор занялся лишь просмотром и дополиением готового Уложения. В 1767 году, напротив, даже не было подробного плана кодификации, не было точно определений программы занятий Большой Комиссии. Английский дипломат, узнавший лишь по слухам о работе Екатерины, очевидно, не предполагал, не считал возможным, что она ограничится составлением лишь общих правил теории законодательства. «Наказ» можно было написать в два года. Проект Уложения потребовал бы гораздо большего времени.

Во-вторых, оказалось ошибочным предположение английского министра, что Екатерина, созывая Большую Комиссию, мечтала об ограничении абсолютной монархической власти, о введении системы парламентаризма. Екатерина не думала об этом: она не допускала, чтобы вопросы государственного права сделались предметом обсуждения в Большой Комиссии. И в этом случае, как и по поводу донесения Макартия, можно видеть, что предположения англичан о характере и значении предприятия Екатерины обуславливались их предвзятыми идеями об английских государственных учреждениях.

При всем том, однако, Макартием и Коуэ (Conway) не без основания хвалили либерализм и человеколюбие Екатерины. Она действительно

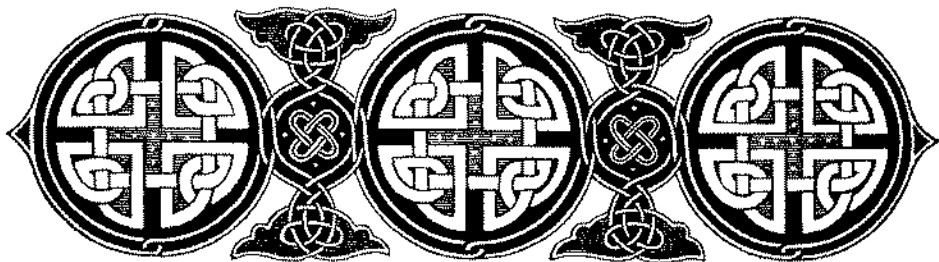
¹ «Сб. Ист. Общ.», XII, 291 и 316.

руководствовалась в этом случае идеализмом, любовью к прогрессу, стремлением к усовершенствованию. Понятно, что современники с большим вниманием следили за ходом этого дела.

Екатерина сама, как можно думать, не сомневалась в успехе затеянного ею предприятия. Опыт, однако, показал, что задача была слишком сложной и трудной. Оптимизм Екатерины в 1767 году не соответствовал ее резким отзывам по поводу законодательного собрания в Париже в 1789 году. Через два десятилетия после созвания Большой Комиссии она выражала удивление тому, что во Франции столь многочисленному собранию, каким была «Assemblée nationale», поручили решение задачи кодификации.

И Большой Комиссии приходилось бороться с разными затруднениями. Цель ее не была достигнута.





Глава II. Большая Комиссия



о всех сочинениях, имевших предметом историю царствования Екатерины, встречаются, почти без исключения, весьма неблагоприятные отзывы о законодательном собрании, состоявшемся в 1767 году. Виной этому оказываются, во-первых, некоторые депеши иностранных дипломатов, находившихся в России в то время, и, во-вторых, сочинения о Екатерине, писанные современниками, вообще порицавшими ее царствование. До новейшего времени историография, особенно в Западной Европе, не могла освободиться от сильного влияния на нее этих источников, односторонность и тенденциозность которых при более внимательном исследовании вопроса бросается в глаза.

В настоящее время, после появления в свет некоторых монографий по этому предмету, в особенности же после издания архивных дел, относящихся к истории Большой Комиссии, мы имеем возможность составить себе более точное понятие о характере и значении этого события.¹

¹ Деше английских дипломатов, заключающие в себе неблагоприятные отзывы, были напечатаны в сборнике Раумера «Beiträge zur neueren Geschichte» и в издании «La cour de la Russie il y a cent ans», а в новейшее время в XII т. «Сборника Исторического Общества». Эти отзывы влияли на суждения некоторых историков, например, Германа, Бернгарди, Беркгольца, к тому же писавших под влиянием Кастера и Массона. — В 1861 году в «Р. Вестнике», октябрь и декабрь, явились статьи Соловьева и Лонгинова. В XXVII т. «Истории России» Соловьева истории Большой Комиссии посвящена особая глава. Документы изданы в IV, VIII, XIV, XXXII и XXXVI томах «Сборника Ист. Общества». См. мои статьи в «Russische Revue» XVIII, XX, XXI, XXII. — Там же указано на статьи Пахмана, Сергеевича и пр.



Князь М.М. Щербатов.

С неизданного гравированного портрета из собрания Бекетова
(подлинник принадлежит Д.А. Ровинскому).

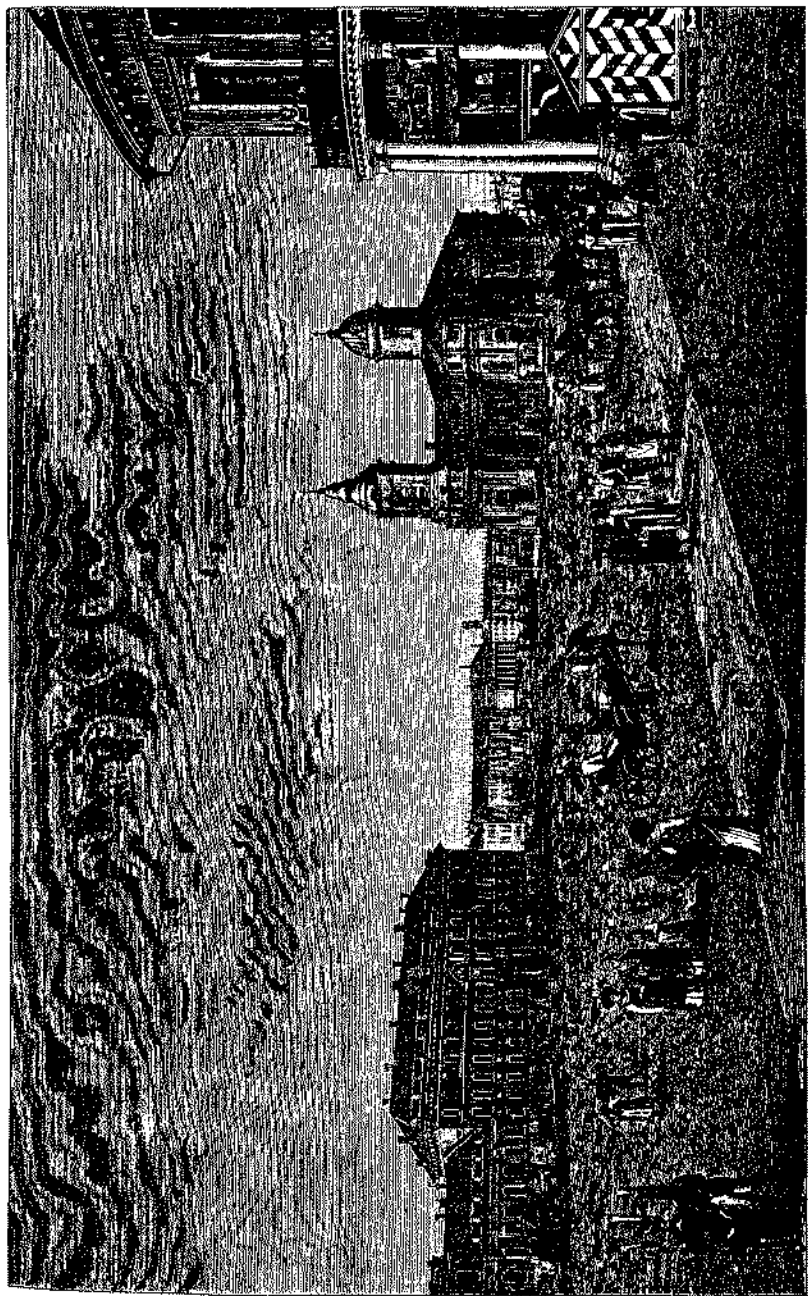
14 декабря 1766 года появился манифест Екатерины о созвании Большой Комиссии. В нем указано на воцарение императрицы, как на спасение империи от грозившей ей опасности, и на старания нового правительства обеспечить права всех и каждого и усовершенствовать законодательство, суд и расправу. Далее говорится о необходимости составления нового Уложения. Наконец, велено прислать депутатов от Сената и Синода, от коллегий и канцелярий и «изо всех уездов и городов».

Число депутатов простиралось до 564. Нельзя не удивляться тому, что духовенство имело лишь одного депутата: то был митрополит Новгородский Димитрий, представитель Св. Синода.¹ Число представителей различных правительственных ведомств было незначительно — всего 27. Дворянских депутатов было около 150, представителей городов — около 200; одиодворцы, пахотные солдаты и другие выслали около 50; военные элементы на окраинах России около 70 депутатов; представителей ииородцев было около 50.

Можно думать, что процедура выборов производила некоторое впечатление на современников. Укажем на кое-какие характеристические черты при выборе депутатов. В Петербурге манифест 14 декабря во многих экземплярах был прибит на видных местах и к ним были приставлены от полиции канцелярские служители, которые были обязаны прочитывать манифест неграмотным. Город был разделен на несколько участков. В одном из них граф А. С. Строганов предоставил домовладельцам для производства выборов, происходивших публично, свой дом.

Уже в первом из таких собраний было замечено, что саиовники, «дабы более применить себя к бывшим тут прочим гражданаим, приехали в собрание, не имея на себе никаких ордеиских знаков или других отличий». Впрочем, в этом собрании повсеринными были выбраны исключительно лица знатиного происхождения и высшие государственные саиовники. Поэтому руководивший выборами генерал-полицимейстер Чичерин, открывая второе собрание, обратил внимание присутствовавших на это обстоятельство, заметив, что «так как знатные лица и саиовники по причине частых отлучек не имеют способов знать все городские нужды, он, генерал-полицимейстер, считает необходимым собранию свой совет ие в указ предложить: ие

¹ На некоторое косвенное участие духовенства указал г. Сергеевич в «Вестнике Европы», 1878, I, 201; оно имело влияние на составление наказов депутатских.



ПЕТЕРБУРГ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II.

Вид Исаакиевской площади со стороны Большой Морской улицы.

С рисунка 18-говека Петерсона, из собрания П.Я. Дашкова.

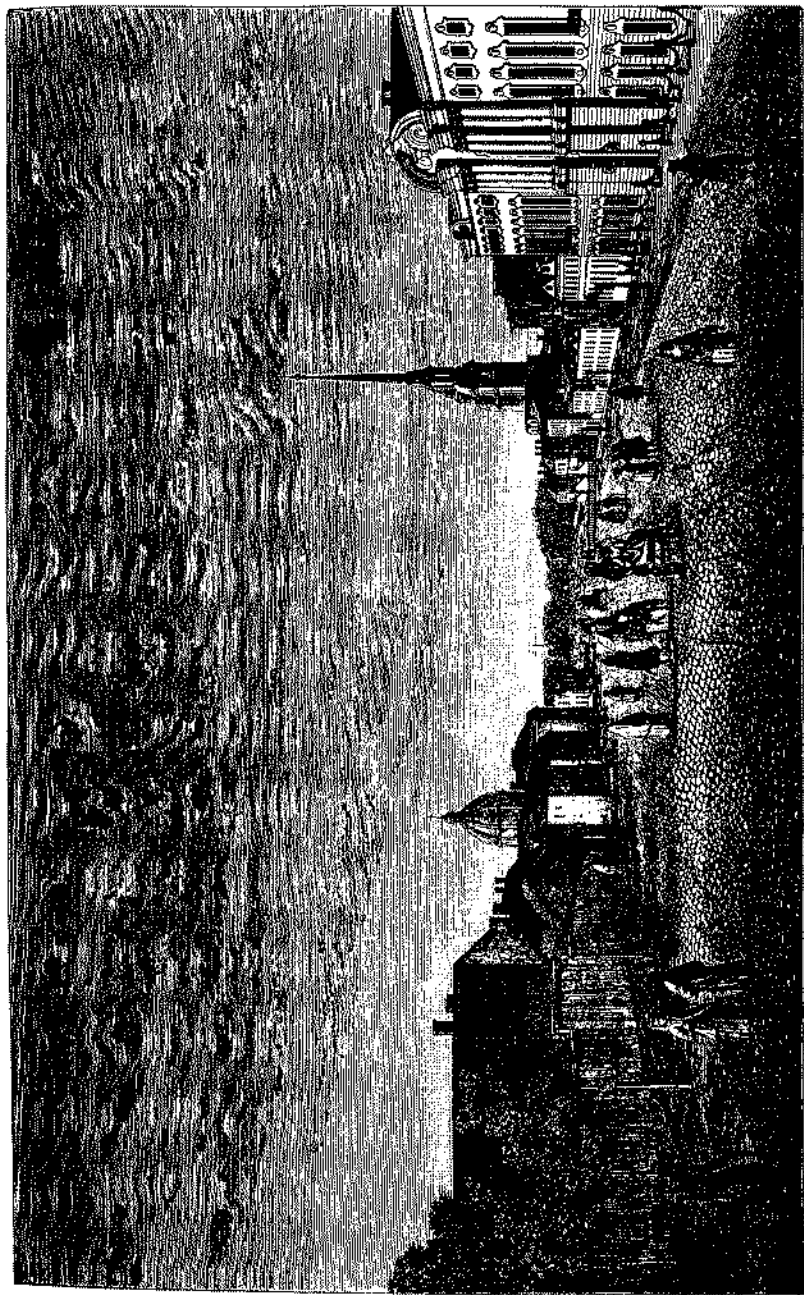
полезнее ли было бы избирать в поверенные лиц из всякого звания жителей, способных и знающих городские нужды». Вследствие такого заявления между избранными поверенными на этот раз уже встречаются некоторые купцы. Депутатом от города Петербурга был выбран граф Алексей Орлов. В комиссии для составления депутатского наказа участвовали: один тайный советник, один генерал-майор и три купца.

Совершенно тот же характер имел выбор депутата от города Москвы. В Волоколамске по случаю выбора дворянского депутата проходили разные празднества, торжественные обеды, ужины у знатных лиц. Был сожжен фейерверк, в котором изображено имя императрицы, а по сторонам начальные литеры: Б. М. И. П. Б. О., означавшие: «благоволение монаршее, исполнение подданных, благополучие общества» и т. п. Почти везде манифест 14 декабря 1766 года был встречен с радостью и благодарностью; местами заговорили о памятнике, который дворянство намеревалось воздвигнуть Екатерине II. Всема лишь немногие города воспользовались правом, за неимением средств, не отправлять депутата в Большую Комиссию.

Систематической оппозиции против всего предприятия мы нигде не встречаем, за исключением Малороссии. Здесь выборы встретили довольно сильные затруднения, как видно из письма малороссийского генерал-губернатора Румянцева к императрице. Он писал, что малороссияне не ценят благодеяния, заключавшегося в созвании Большой Комиссии, опасаясь изменения местных прав Малороссии, в особенности же ограничения привилегий высших слоев общества.¹

Впрочем, худые известия из Малороссии не произвели на Екатерину особенно неприятного впечатления. «Я надеюсь, — отвечала она Румянцеву, — что вы употребите такие меры, которые непознающих советенной евоей и общественной пользы степенями приведут, наконец, к познанию оной. Нет нужды, кажется, некоторое принуждение или усиленные увещания употреблять и в том, чтоб для избрания депутатов к сочинению проекта непременно все явились, а довольно, когда некоторое число, хотя малое, для выбору являются, тем наипаче, что города, как вы пишете, уже публично признают некоторые введенные у вас порядки за полезные для них, следовательно, мешане не преминут дать от себя депутатов» и пр. В другом письме она писала: «Я почитаю препятствия за маловажные, а

¹ См. статью г. Авсеенко в «Русском вестнике», 1863 г., т. XLVI, 506—509, и статью Соловьева в «Русском вестнике», 1861 г., окт., 333—334.



ПЕТЕРБУРГ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II.

Вид Невского проспекта от Зеленого (Полцейского) до Аничкова моста.

С рисунка 18-го века Бенца, из собрания П. Я. Дашкова.

только они означают умоначертания прежних времен, кои несомненно исчезнут», и пр.

Впрочем, и в других местах участие в выборах было далеко не общим: дело представлялось новым и, по-видимому, многие относились недоверчиво и неохотно. Во втором собрании в Санкт-Петербурге для выбора поверенных из внесенных в список 204 домовладельцев явилось лишь 102; в четвертом собрании из 221 не более 88; в пятом из 175 только 56.¹

Из некоторых сведений видно, что вообще по уездам лишь незначительное число дворян принимало непосредственное участие в выборах. Последняя статья верейского наказа прямо упоминает об этом; и действительно, под наказом мы находим всего пять имен.² Дмитровский наказ насчитывает до трехсот помещиков, а между тем подписались под ним тринадцать, процент крайне незначительный. В Пусторжевском уезде было двести помещиков, — наказ подписан тридцатью тремя; из 42 уездов Московской губернии только в двух (Московском и Михайловском) число дворян, подписавшихся под наказом, превышало 100. В двадцати одном уезде подписалось менее двадцати, в том числе попадаются пять, шесть, семь подписей. В северных губерниях число подписей вообще гораздо больше. Цифра десять попадается всего два раза; менее десяти не встречаем. Что же касается лиц, подавших мнения заочно, то определить их число невозможно: только Юрьевский уезд приложил к наказу список их, из которого видим, что явились на выборы двенадцать человек; письменный отзыв прислали пятьдесят три. Юрьевский наказ еще в другом отношении заслуживает внимания. В дворянских выборах могли участвовать и женщины, которые, впрочем, подавали голоса заочно, но в числе имен, подписанных под наказом, встречаем женские лишь в юрьевском наказе.³

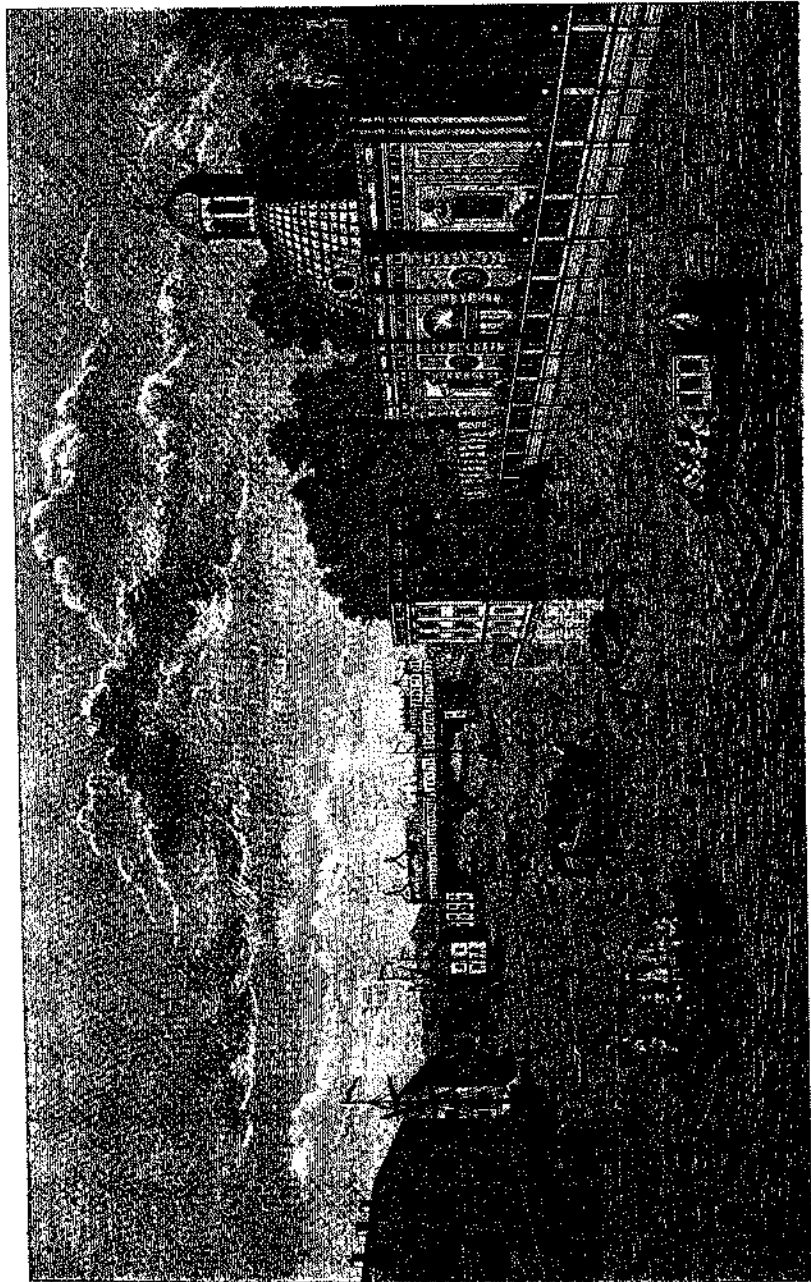
Депутатские указы

В двадцать пятом пункте «обряда выбора» предписывалось по избрании депутата выбрать пять лиц для сочинения наказа, «в который они включают все нужды, какне в комиссию хотят представить». В 28-м пункте прибавлено: «В представления об общих нуждах не вносить никаких

¹ «Сб. Ист. Общ.», IV, 12—14.

² Там же, 382.

³ См. «Сб. Ист. Общ.», IV, 319—320, а также статью Б-вой в «Вестнике Европы», 1876, I, 52—53.



ПЕТЕРБУРГ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II.
Вид реки Фонтанки близ устья и части Летнего сада с «Гротом».
С гравюры Холжеса серединой 18-го века.

партикулярных дел, кои всегда судебными местами разобраны быть должны». Сочинениис наказа предписывалось окончить в течение шести дней.

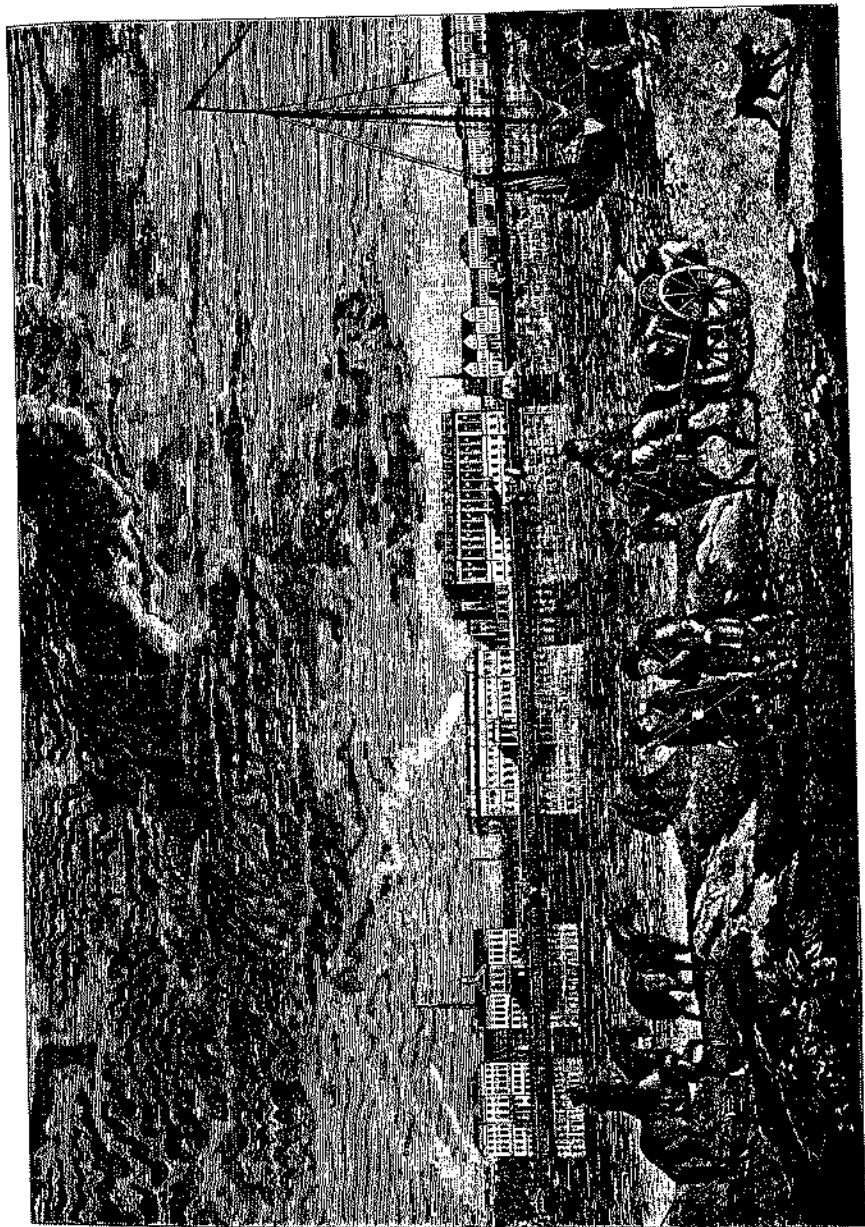
Наказы должны были очсьн интересовать правительство по содер-жавшимся в них сведениям о состоянии страны, и для занятий Большой Комиссии они имели важное значение уже потому, что в первое время труды ее заключались главным образом в чтении и обсуждении их.

На первый взгляд шестидневный срок для составления депутатского наказа может казаться слишком кратким. Однако не следует забывать, что манифест о Большой Комиссии был обнародован еще в декабре 1766 года, выборы же происходили в феврале, марте или апреле 1767 года. Таким образом лица, участвовавшие в выборах, могли в продолжение нескольких недель или даже нескольких месяцев обсуждать дело.

Так как указы должны были содержать указания на местные нужды, то в этом отношении они походили на челобитные прежних времен. Но огромная разница заключалась в том, что сама императрица пригласила подданных к заявлению о своих нуждах, обещая заботиться об их благе и имея в виду коренные реформы. Нередко челобитные XVII века, как можно думать, не доходили до царей; местные начальства, воеводы едва ли могли относиться к ним доброжелательно. Совсем не то было в 1767 году. Депутатские указы с заявлениями о местных нуждах должны были обсуждаться в Большой Комиссии, то есть в присутствии представителей всего общества.

До сих пор небольшая часть наказов напечатана целиком; Около 80 дворянских наказов изданы в разных томах «Сборника Исторического Общества». С помощью их мы можем составить себе понятие о нуждах, желаниях и надеждах дворянского сословия. О содержании других наказов мы узнаем из кратких извлечений и из протоколов заседаний Большой Комиссии. Некоторые депутаты имели с собою по несколько наказов: так, например, у депутата от города Нсжина оказалось пять наказов, очевидно, соответствовавших нуждам разных групп населения этого города. Депутат от однодворцев некоторых уездов Архангельской губернии Чупров имел с собою не менее 195 наказов. Вообще было не менее 1500 депутатских наказов, из которых около двух третей были составлены представителями крестьян.¹

¹ 81 дворянских наказов изданы в IV, VIII и XIV тт. «Сб. Ист. Общ.». Краткое извлечение из всех вообще наказов в статье Соловьева в «Русском вестнике», 1861 г., окт., стр. 331—336. См. также статью Сергеевича в «Вестнике Европы», 1876; I, 229.



ПЕТЕРБУРГ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II.

Вид набережной Невы и дома князя Г. Г. Орлова (ныне Мраморный дворец).

С гравюры 18-го века Ф. А. Шуберта.

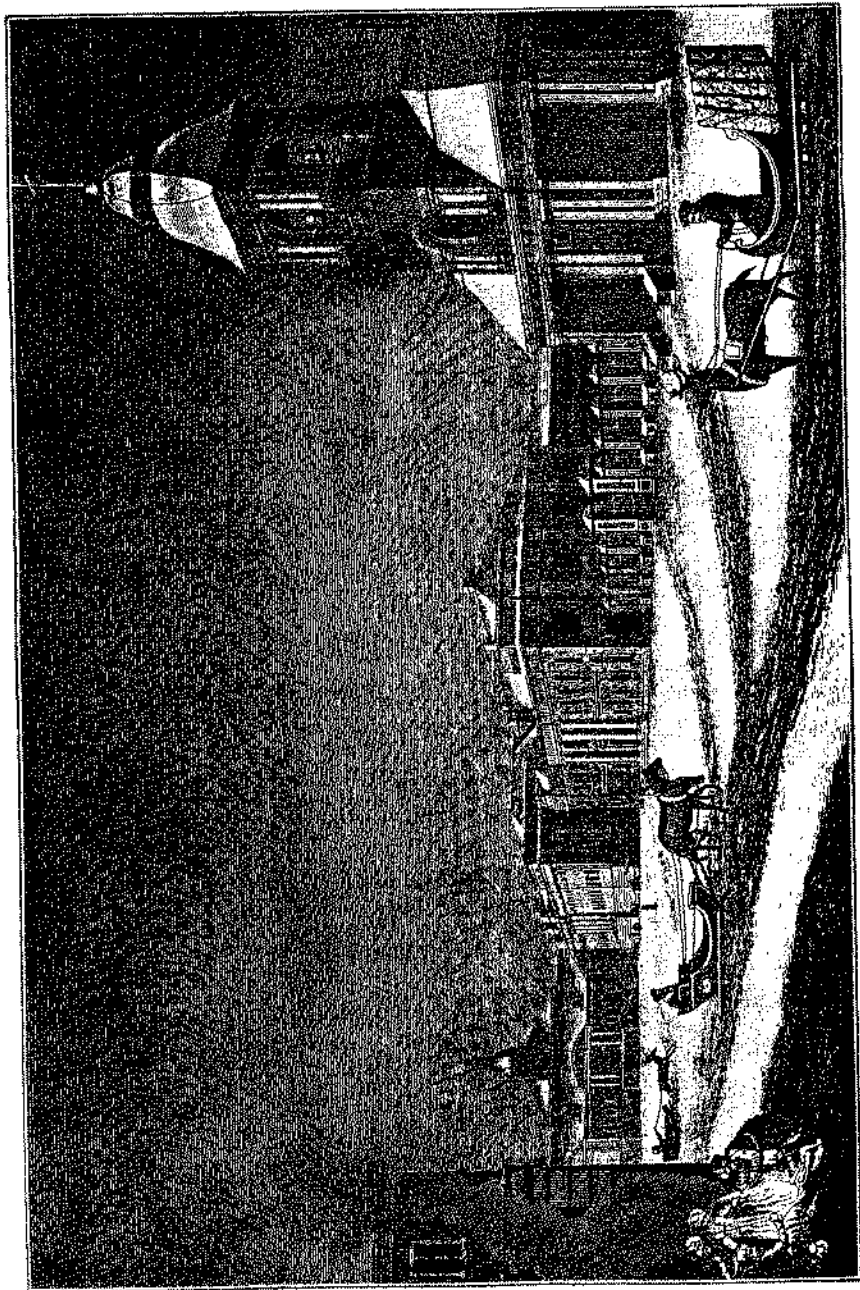
Наказы отличаются один от другого объемом, формой, характером содержания. К наиболее подробным принадлежит, например, перемышльский, который разделен на 86 параграфов и в печати занимает 32 большие страницы; в верейском наказе тоже затронуто множество вопросов, а в заключение предписано депутату: «В случае и сверх сего нашего наказа что вами усмотрено или признано будет за нужное для пользы общества недостатки, то вам, где надлежит, представлять неизъемлемой дозволяетея же».¹ Напротив, наказ бежецкого дворянства краток и обращает внимание исключительно на один пункт — самоуправление дворянства.

Некоторые указы отличаются систематической группировкой материала, разделением на разные статьи с заголовками. Таковы, например, заголовки шуйского наказа: «о мостах и дорогах»; «о фабрикантах», «о указных ценах хлебу» и т. п. В весьма редких случаях мы имеем сведения о том, кто занимался сочинением наказов. Так, например, важнейшее участие в составлении коетромского наказа принадлежало Александру Ильичу Бибикову, который был потом назначен маршалом собрания и пользовался особенным доверием императрицы. Есть основание думать, что составление наказа ярославского дворянства пронеходило главным образом под влиянием князя Щербатова: по крайней мере, по содержанию своему он вполне соответствует многим речам, произнесенным Щербатовым в Большой Комисии.

Случалось, что дворянство одного уезда, составляя наказ, пользовалось наказом уезда соседнего, или даже прямо списывало его. В некоторых наказах обнаруживается полное доверие к способностям и энергии отправляемого депутата. Так, например, наказ муромского дворянства ограничивается, собетвенно, еледующей фразой: «Мы, будучи в собрании, по довольном общем нашем расееуждении всего муромского дворянства, никаких отягощений и нужд не признаем; а ежели что вашим высокоблагородием по обществу муромского дворянства к пользе усмотрено будет, оное все в Комисию для еочинения проекта нового уложения для представления в полномочие препоручаем вашему высокоблагородию; ибо вашему высокоблагородию, яко здешнему жителю и имеющему свои в Муромском уезде деревни, все наши обстояельства муромского дворянства довольно известны».² Зато депутату Шуйского уезда было вменено в обязанность еледующее: «Когда вы прибудете в назначенное вам место, то

¹ «Сб. Ист. Общ.», IV, 382.

² «Сб. Ист. Общ.», VIII, 511.



ПЕТЕРБУРГ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II.

Вид Арсенала и Интейного двора в Петербурге в конце 18 столетия.

С гравюра Мальдона 1766 года.

при сочинении проекта нового Уложения, в пристойных местах данные вам в сем наказе пункты, не пропуская ни одного, должны представлять, куда вам дозволено будет, а по представлениям уведомлять письменным известием ежелпочтно предводителя с его собранием дворянским» и пр.¹

В некоторых случаях составление наказов сопровождалось оживленными прениями. Так, например, в Малороссии происходили столкновения между представителями центральной власти и сторонниками местных прав и сословных привилегий. В некоторых из этих наказов встречаются резкие жалобы на недостатки администрации. Все почти шляхетские указы ходатайствуют о подтверждении старинных прав и привилегий, удержанных малороссийским краем.² Черниговский наказ был составлен под влиянием Безбородко (отца министра) и очень понравился императрице. Зато депутат Скоропадский, для которого он предназначался, был чрезвычайно недоволен им.³

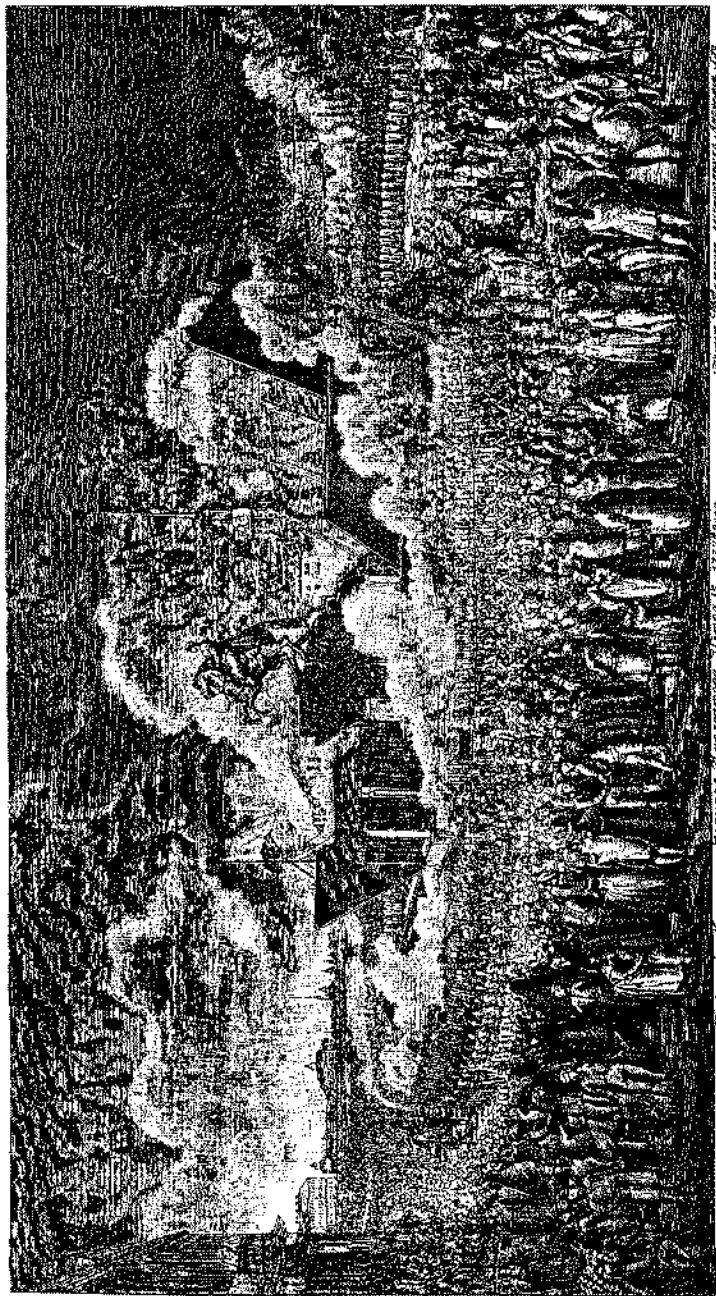
Вообще в наказах, насколько содержание их сделалось известным, было множество жалоб, требований и просьб. Из них можно усмотреть, какие были недостатки в администрации, каков был антагонизм между разными сословиями, в какой степени все классы общества нуждались в обеспечении своих прав, в улучшении суда и расправы, в защите против насилия и произвола приказных людей, офицеров и пр. Весьма часто в наказах говорится о волоките, о происках судей, о несносном бремени налогов и податей. В весьма многих наказах обнаруживается стремление к некоторой независимости от органов центральной власти, к самоуправлению. Почти все сословия требовали учреждения постоянных собраний, которые состояли бы из депутатов и занимались бы решением менее важных судебных вопросов и делами местной администрации. Во всем этом нельзя не заметить либерализма, чуждого всякого доктринерства и руководствовавшегося лишь практическими нуждами какого-либо сословия или какой-либо местности.

Желание императрицы было исполнено. Она хотела составить себе более точное понятие о нуждах своих подданных. Ей был доставлен громадный материал для обсуждения вопроса о недостатках в государственном и общественном строе России. Все это должно было сделаться предметом прений в Большой Комиссии.

¹ Там же, IV, 397.

² См. вообще извлечение из некоторых малороссийских наказов в статье г. Авсеенко в «Р. Вестнике», 1863, XLVII, стр. 511—523.

³ См. письмо Румянцева в статье Соловьева в «Р. Вестнике», 1861, окт., 329.



Среднее изображение здания Петропавловской крепости в Петербурге в 1782 году

Множество людей в Петербурге в 1782 году

ПЕТЕРБУРГ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II.

Вид памятника Петру Великому при его открытии, в 1782 году.

С гравюры Мельникова, сделанной с рисунка 18-го века Давыдова; из собрания П. Я. Дашкова.

В начале 1767 года английский посланник Макартней писал: «Так как это собрание будет состоять из депутатов числом от 100 до 1200 (sic), избранных из всех сословий и из всех народов, составляющих русские владения, без различия исповедания, то есть, христиан, язычников и магометан, то нельзя предполагать, чтобы действия столь шумного собрания были особенно правильны, а решения их отличались бы быстротою».¹

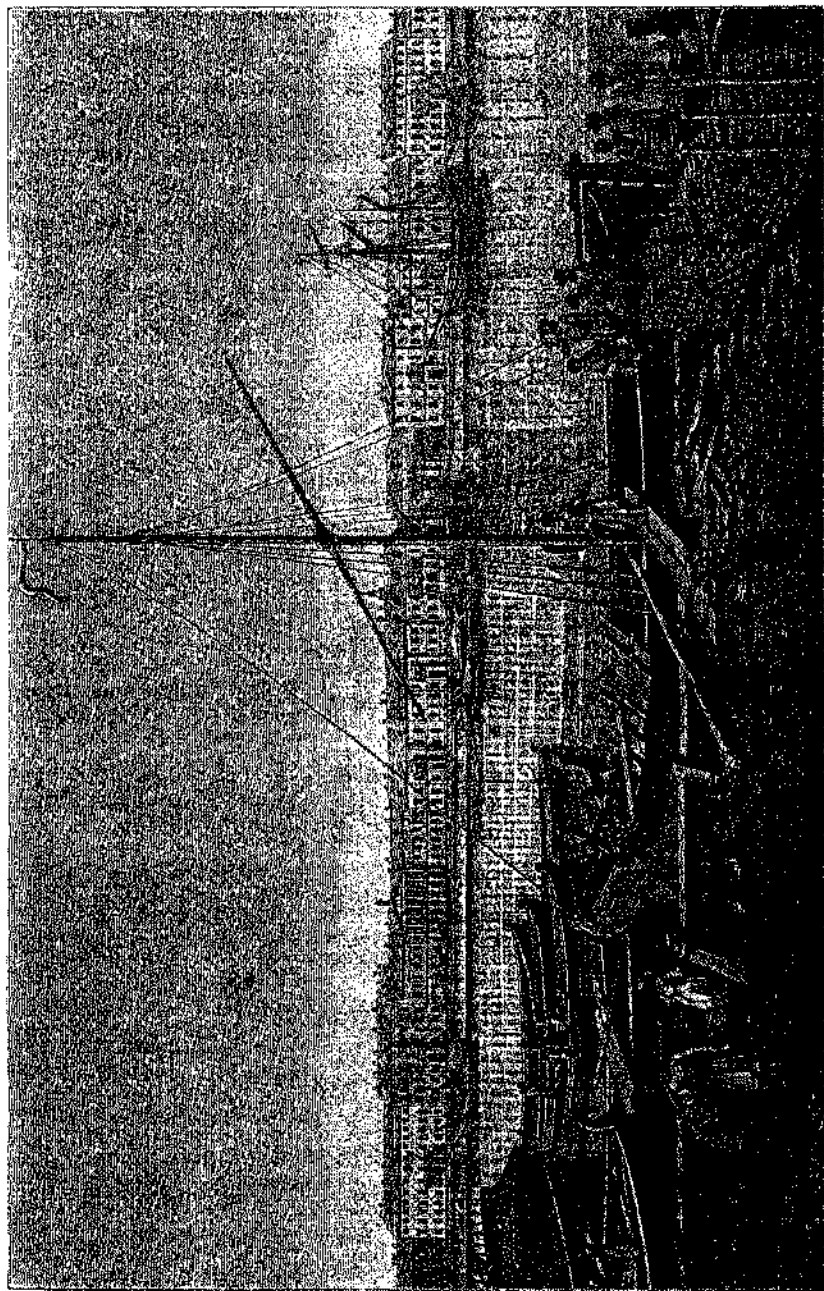
Собрание не было «шумным» (tumultuous), а вело себя все время весьма чинно и осторожно. Зато ожидание дипломата, что решения собрания не будут отличаться быстротою, оказалось не лишним основанием. Неудача обуславливалась не столько неспособностью собрания, сколько недостатками в организации работ Комиссии.

Правительство во всех отношениях имело инициативу. Оно сделало ошибку, не составив предварительно подробной программы занятий. Полтора года продолжались заседания Большой Комиссии. Система очередных занятий несколько раз изменялась совершенно в продолжение этого времени. Не окончив прений по одному предмету, собрание переходило к разбору других вопросов. В первое время заседаний основанием прений служили депутатские наказы, затем, однако, исходною точкою прений сделалось существующее законодательство по специальным вопросам; все это было часто прерываемо чтением Наказа Екатерины и другими занятиями.

По истечении нескольких месяцев после открытия Большой Комиссии, после того, как во все это время не было точно выработано определенной программы для занятий собрания, 8 апреля 1768 года правительством был составлен план, по которому должна была работать Комиссия.² Однако и в этом плане заключался лишь краткий перечень предметов законодательства. Так как и это средство дать известное направление ходу работ не подействовало, то была составлена (3 июля 1768 года) особая инструкция для генерал-прокурора, руководившего занятиями Комиссии. Однако и этот документ заключал в себе лишь краткую систематику предметов, подлежащих обсуждению, к чему было прибавлено, что генерал-прокурор при прениях о специальных вопросах должен прибегать к советам юристов.

¹ «Сб. Ист. Общ.», XII, 293.

² П. С. З. XVIII, № 13095. Извлечение в IV т. «Сб. Ист. Общ.», 49—51.



ПЕТЕРБУРГ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II.

Вид Английской набережной с Васильевского острова, в конце 18 столетия.

С гравюры Патерсона 1796 года.

Таким образом, правительство, не успев приготовить проект законов, ограничивалось общими замечаниями, намеками, советами. Самый труд составления законов не мог собственно быть возложен на общее собрание, в котором участвовали столь многочисленные и разнокалиберные элементы; тут разве могли быть заслушаны просьбы и желания, могли быть подвергнуты критике кое-какие готовые проекты законов. Самая же редакция последних, кодификация в тесном смысле, должна была быть предоставлена специальным комиссиям, учрежденным при так называемой Большой Комиссии; таких комиссий было 19, которые могут быть разделены на два разряда. Общее значение, так сказать, канцелярий, состоявших при большом собрании, имели: 1) дирекционная комиссия, 2) экспедиционная комиссия, 3) комиссия для разбора депутатских наказов.

Дирекционная комиссия должна была вообще руководить ходом всего дела; ей было вменено в обязанность составлять, смотря по надобности, особые частные комиссии, наблюдать за работами последних, смотреть, согласны ли оконченные этими комиссиями части законов с Большим Наказом и пр. Экспедиционная комиссия наблюдала за тем, чтобы труды прочих комиссий изложены были «по правилам языка и слога», следовательно, работа ее заключалась главным образом в редакции. Комиссия о разборе депутатских наказов должна была, сделав из них выписки и своды, представлять последние полиому собранию.

Прочие специальные комиссии, которых было 16, занимались разбором вопросов о законодательстве, разделении жителей на сословия, относительно судебных учреждений, городского управления, полиции, школ, различных отраслей народного хозяйства и пр.¹

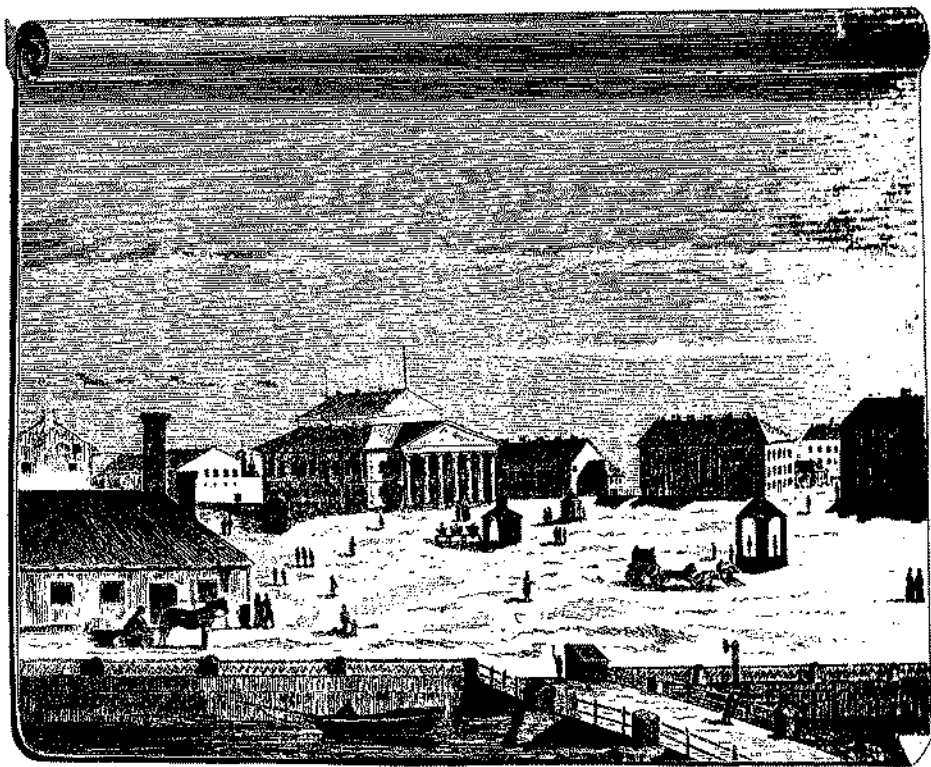
О занятиях этих комиссий мы пока почти ничего не знаем; лишь в виде исключения сохранился и был напечатан весьма важный документ, относящийся к занятиям комиссии о школах.²

В какой степени зорко Екатерина следила за ходом всех дел, видно из следующего эпизода. В то время, когда были учреждены некоторые частные комиссии, именно 26 апреля 1768 года, она писала Бибикову: «Я вчера получила список кандидатов по баллам для военной комиссии. Необходимо иужно, чтобы один из гражданских депутатов которого-нибудь

¹ Список комиссий с обозначением их членов в «Р. Вестнике», 1861, декабрь, приложение 67—79. Замечание Каскарта о комиссиях в «Сб. Ист. Общ.», XII, 360. Весьма дельное обсуждение недостаточного отношения специальных комиссий к Большой у Сергеевича на с. 224 и след.

² «Р. Вестник», 1861, окт., 338—339.

порта нашего в сию комиссию вошел, а еще лучше или архангелогородский, или кронштадтский, если они еще не умещены. Отдаю на ваш выбор, кого вы изберете».¹ Желание императрицы было исполнено в точности; Бибиков предложил в члены означенной комиссии кронштадтского депутата, купца Рыбиикова.²



ПЕТЕРБУРГ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II.

Площадь Большого театра.

С редкой гравюры 18-го века, из собрания П.Я. Дашкова.

Вообще Екатерина входила во все подробности затеянного ею предприятия, как видно, между прочим, и из чернового списка обряда Комис-

¹ «Сб. Ист. Общ.», X, 285.

² «Р. Вестник», 1861, дек., приложение, 73.

сии, писанного Козицким и исправленного ею,¹ из черновых собственно-ручных отрывков ее, из обряда управления Комиссии и пр.² Она постоянно старалась исправлять ход занятий, давала советы маршалу собрания, заботилась о дополнении обряда управления Комиссией, придумывала разные средства для избежания «остановки и конфузии» и пр.³

Ведению дневных записок Екатерина придавала особенное значение в той мысли, «чтобы будущие времена имели верную записку сего важного производства и судить могли о умоначертании сего века и найти могли те правила, коим в наставление служить будут и от коих много зависит твердость нашего нынешнего здания, которое бы менее нас обременяло, если бы мы не были лишены подобных прошедших веков записок или известий; и того для надлежит стараться, чтобы записки были как возможно вернее и яснее».⁴

Екатерина предвидела некоторые затруднения при руководстве прениями собрания. Можно было ожидать, что не все депутаты будут избегать каких бы то ни было столкновений. Поэтому императрица старалась усилить авторитет председателя следующим образом, как сказано в заключении наказа, данного ею директору дневных записок: «Мы за нужное находим здесь изъяснить, для чего маршалу, генерал-прокурору и директору дневной записки в обряде предписано сидеть за одним столом. Мы предвидели тогда еще, что в Комиссии будут такие печальные происшествия, для коих никак не можно предписать правила, и для того велели мы сидеть трем вместе, дабы маршал, как человек, явно действующий, имел бы близ себя людей, с кем советовать, и чрез то получил бы он приличный род помощи, в чем всем прочим, мы надежны, что нужды не имеем предписывать обхождение дружеское и чистосердечное, дабы довести порученное великое. дело до благополучного конца».⁵

Впоследствии оказалось, что таких «нечаянных происшествий» было немного. Собрание держало себя хорошо; столкновений почти вовсе не было. Все, что мы знаем на этот счет, заключается в следующем.

Когда однажды по случаю прений о наказе каргопольских крестьян один депутат от дворянства заметил, что «крестьяне Каргопольского уезда ленивы и утягощены, утороплены (?) и упорны», то ни со стороны депута-

¹ «Сб. Ист. Общ.», X, 222 и след.

² Там же, 230 и след.

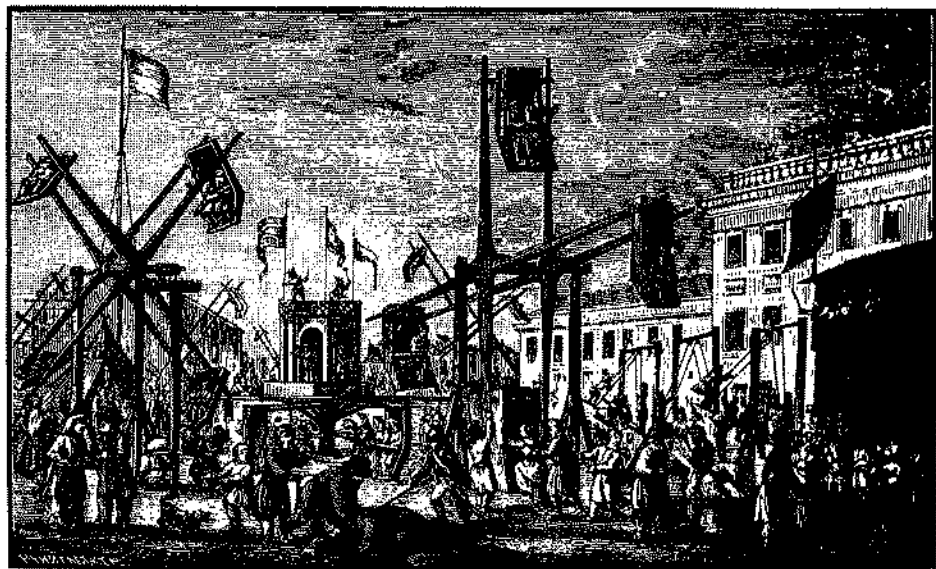
³ Там же, 297 и след.

⁴ Там же, IV, 46.

⁵ «Сб. Ист. Общ.», IV, 47.

та каргопольских крестьян, ни со стороны маршала собрания не было сделано замечания по этому поводу; только граф Орлов заметил, что подобные названия не должны быть употребляемы при обсуждении дела.¹

Другой раз, когда депутат от дворян Обоянского уезда Глазов позволил себе в записке о делах крестьян Каргопольского уезда также употребление резких выражений о пороках этих крестьян, маршал прекратил чтение записки и обратился к собранию с вопросом: «что с депутатом Обоянского уезда учинить следует?» Некоторые депутаты предложили исключить Глазова из числа собрания; при баллотировании оказалось, что



Народные увеселения в Петербурге в Екатерининское время.
С гравюры Ходовецкого, сделанной с рисунка с натуры Майера.

105 голосов за исключение Глазова, 323 голоса за меньшее наказание, в виде денежной пени. Глазову была возвращена его записка с выговором; потом он просил у обиженных прощения, которое маршал повторил точными его словами; наконец Глазов заплатил пять рублей пени. Собрание при этом эпизоде держало себя спокойно и с достоинством. Любопытно, что при таком случае столкновения между представителями разных сосло-

¹ Там же, 77—79.

вий председатель особенно энергично заступился за слабейших и скромных, т. е. за крестьян, замечая при этом, что и в крестьянском сословии встречаются добродетели и благородные чувства и т. п.¹

В какой мере Екатерина следила за всем этим, видно из ее записки к Бибикову: «Если Глазов не покорится и сделают приговор об исключении его, то не забудьте последний пункт обряда, если чуть складию употребить способ найдете, — да будет ему стыдно и всех неудовольствие на себе да понесет».²

Был еще другой случай такого рода. Депутат от города Вологды Блазов сделал несколько резких замечаний о крестьянах, которые, не имея на то права, участвуют в делах торговли. Маршал объявил, что считает выражения Блазова неприличными. На вопрос маршала собрание определило единогласно возвратить депутату Блазову его записку с выговором, дабы впредь от таких выражений он остерегался.³

От депутатов требовалось регулярное посещение заседаний. В обряде было предписано строго наблюдать за этим. Те, которые не присутствовали в продолжение целой недели без уважительной причины, подвергались неие.⁴ Далее мы узнаем, что маршал делал внушение депутатам, являвшимся на заседание слишком поздно. Имея опаздывавших были отмечаемы в дневных записках собрания.⁵ На заседании 13 августа, как сказано в дневных записках, «было примечено, что некоторые депутаты от дворянства вставали с мест и оборачивались лицом к своим лавкам, довольно громко и весьма много разговаривали».⁶ Депутат от города Дерпта Гадебуш сообщает в своем дневнике, что один из депутатов был замечен в собрании в нетрезвом виде, в чем сам маршал удостоверился.⁷ О каком-то неправильном действии одного башкирского депутата мы узнаем из намеков Екатерины в одной из ее записок к Бибикову.⁸

Форма прений

Что касается неуспешного и отчасти неправильного хода прений, то в этом, как кажется, можно обвинять и депутатов, и маршала. Обнаружива-

¹ Там же, 109—113, 131.

² Записки Бибикова, 54.

³ «Сб. Ист. Общ.», VIII, 185.

⁴ Там же, IV, 48.

⁵ Там же, VIII, 284.

⁶ Там же, IV, 67.

⁷ «Baltische Monatsschrift», V, 150.

⁸ Записки Бибикова, 53 и 55.

лась вообще замечательная неопытность. Прения не велись систематически: в одном и том же заседании нередко были затрагиваемы разные предметы; часто делались замечания или подавались мнения, относившиеся не к очередным вопросам; и здесь, как относительно дисциплины, Бибииков не всегда считал себя вправе действовать решительно, своею властью. Вместо того, чтобы при прениях не допускать объяснений, уклоняющихся от очередного предмета, он довольствовался общими внушениями, замечаниями, что депутаты иногда подают совершенно не подлежащие к обсуждаемому предмету мнения и тем производят лишь путаницу, или предоставлял собранию решить вопрос, должно ли или нет выслушать такие мнения и т. п.¹



Народное гулянье на Неве в Екатерининское время.
С офорта 18-го века Нютгейля, из собрания П.Я. Дашкова.

В Большой Комиссии говорили весьма мало, а читали много. Читались в каждом заседании: протокол предыдущего заседания, затем целые главы из Большого Наказа, перечни законов, относившихся к тому предмету, который был на очереди, указы депутатские, мнения их и возражения. Лишь в виде исключения депутаты делали свои замечания устно.

¹ «Сб. Ист. Общ.», VIII, 130, 212.

Преобладание письменного изложения было, как кажется, важным затруднением, препятствовавшим достижению цели. Прения по какому-либо вопросу, таким образом, не могли быть закончены в одном и том же заседании. Часто пререкания между двумя-тремя депутатами тянулись весьма долго, возобновляясь в нескольких заседаниях, тогда как на очереди стояли совсем другие предметы для обсуждения.

Ни дирекционная комиссия, которая должна была направлять занятия собрания, ни маршал Бибииков, ни генерал-прокурор Вяземский, ни директор составления дневных записок Андрей Шувалов не были в состоянии руководить собранием надлежащим образом, стараясь о сбережении времени и о достижении цели.

Даже вопрос о том, что вообще могло быть предметом обсуждения в собрании и что нет, оставался как-то нерешенным, неясным, спорным, как видно, между прочим, из следующих данных.

В обряде было сказано (§ 27), что «в представления об общих нуждах не должно вносить никаких партикулярных дел, кои всегда судебными местами разобраны быть должны». Несмотря на это, в разных заседаниях обсуждался вопрос о мере виновности саратовского полицмейстера, потому что в депутатском наказе саратовских черносошных крестьян были помещены жалобы на этого чиновника; явились жалобы на этого полицмейстера и в наказе от пахотных солдат города Саратова, и эти жалобы также сделались предметом обсуждения в собрании, которое, как видно, при частом повторении подобных случаев могло превратиться в какое-то судебное место.¹

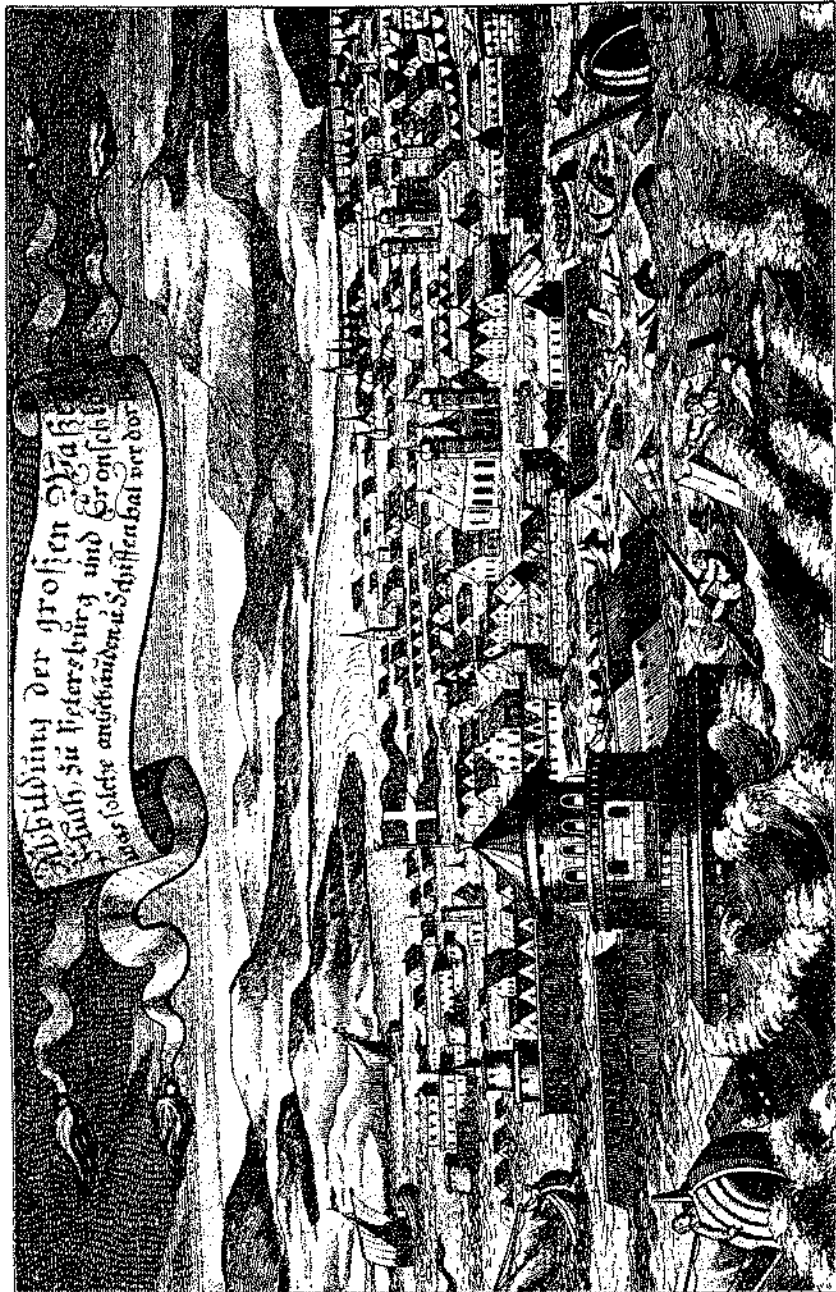
Программа занятий Комиссии оказалась тем более обширною, чем менее она была определена в точности. Вот пример такой пестроты прений.

В то время, когда собрание было занято чтением и обсуждением законов о купечестве, дворянский депутат Лев Нарышкин прочитал весьма подробное мнение о страшной смертности в России. Это заявление заставило депутата от смоленского шляхетства сообщить собранию о двух средствах для лечения болезни от сильных морозов. Собрание определило послать это мнение в медицинскую коллегию для дальнейшего распоряжения и т. п.²

При столь широких размерах программы, при недостатке проекта законов нельзя удивляться тому, что настоящая и главнейшая цель созвания

¹ «Сб. Ист. Общ.», IV, 113, 123, 132.

² Там же, VIII, 302, 321, 352.



Наводнение в Петербурге в 1777 году.
С немецкой гравюры того времени.

комиссии не была достигнута: новое уложение не состоялось. Зато другое желание императрицы — собрать сведения о состоянии всего государства — было исполнено. Неопытность в деле парламентаризма шла рука об руку с готовностью собрания выслушивать жалобы, просьбы, советы и предложения всех и каждого. Было трудно найти среднее между слишком отвлеченными обобщениями «Наказа» императрицы с одной стороны, и чересчур конкретными нуждами отдельных местностей, сословий, групп населения или даже отдельных лиц, от которых были сделаны заявления в собрании, с другой. Таким образом, Большая Комиссия вместо того, чтобы сделаться настоящим законодательным собранием, превращалась все более и более в сходку, имевшую характер совещательного собрания, доставлявшего драгоценный материал для правительства, которому в конце концов должно было быть предоставлено решение законодательной задачи.¹

Депутаты

В записках Бибикова о Большой Комиссии между прочим сказано, что «предприятне было рановременно и умы большей части депутатов не были еще к сему приготовлены и весьма далеки от той степени просвещения и знания, которая требовалась к столь важному делу».

Этот отзыв едва ли может считаться вполне справедливым. Число членов Большой Комиссии, которые участвовали в прениях и тем самым свидетельствовали о некоторой способности к участию в этом деле, оказывается довольно значительным. Из числа 564 депутатов уже в продолжение первых месяцев заседаний Большой Комиссии не менее 202 человек подавали мнения, делали возражения, замечания.² Такое процентное отношение не может не казаться удовлетворительным.

Разумеется, степень умственного развития, познаний и образования была неравномерна. Между депутатами мы встречаем людей, принадлежавших к лучшему обществу, как, например, Щербатова, отличавшегося необычайно богатой эрудицией, но также и людей, которые были знакомы лишь с нуждами своей родины в тесном смысле и не имели никакого по-

¹ Весьма дельные замечания о неудовлетворительной постановке техники дела в Большой Комиссии, о неопытности руководителей собрания, в особенности Бибикува, встречаются в статье г. Сергеевича в «Вестнике Европы», 1878, I, 228, 233, 238 и след., и введении к XXXII тому «Сборника Исторического Общества».

² См. статью г. Бланка в «Р. Вестнике» 1876, СХХI т., стр. 566, подробное изложение этого вопроса.

нения о задачах законодателя в более широком смысле. Возле замечательных ученых, каковы были, например, академик Гергард Фридрих Миллер и Гадебуш, мы видим башкиров и самоедов, которые большею частью едва ли были в состоянии дать себе отчет об ответственности, лежавшей на членах собрания. Разумеется, нельзя сравнить способности Бибикова, Вяземского, Петра Панина и других с ограниченным умственным кругозором того или другого депутата от пахотных солдат или от каких-нибудь сибирских казаков.

Уже то обстоятельство, что почти все ораторы часто ссылались на Большой Наказ Екатерины, как нам кажется, служит доказательством, что не только люди высших классов общества, но и простолюдины были в состоянии вникнуть в дух этого замечательного сочинения и заимствовать отсюда кое-какие данные для усиления аргументации при поддержании своих интересов. Некоторые параграфы Большого Наказа особенно часто служили цитатами при защите сословных прав и преимуществ; например, § 360: «Дворянство есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены», или § 317: «Торговля отсюда удаляется, где ей делают притеснение, и водворяется там, где ее спокойствия не нарушают». Очевидно, «Наказ», находившийся в руках каждого депутата, читался не раз и не без пользы. Некоторые мнения, поданные депутатами различных сословий, заключали в себе много мыслей, высказанных Екатериною. Тут мы встречаем, например, мысль о соответствии климата и почвы страны с историческим развитием, нравами и обычаями народа, далее указания на этнографические и культурно-исторические данные разных веков; весьма часто говорится об истории дворянства, об истории торговли, о кротости и гуманности, о благе народа, о всеобщем материальном благосостоянии совершенно в духе «Наказа», и такого рода воззрения встречаются не только в речах знатных лиц, но и в мнениях купцов, крестьян или казаков. Екатерина, как писательница, могла быть довольна действием, произведенным ее сочинением. Большой Наказ, как видно из множества ссылок на него во время прений, был популярным трудом в лучшем смысле этого слова.

И между крестьянами были люди опытные, рассуждавшие метко и правильно, хотя иногда высказывались и довольно наивные мысли. Депутат от черносошных крестьян Архангельской провинции Чупров довольно часто говорил дельно и благоразумно и участвовал успешно в прениях по разным вопросам. Его замечания о необходимости дозволения крестьянам участвовать в делах торговли могут быть названы меткими и вескими.

Даже чувашы, мордвинны, татары и прочие ннородцы представляли несколько раз обстоятельные мнения по разным вопросам тогда, когда шла речь об их крае и местных нуждах. Иногда такие скромные элементы в собранин делали довольно важные предложения общего свойства. Так, например, депутат от казаков Хоперской крепости Андрей Алейников



Барские сани в конце 18-го столетия.
С гравюры 18-го века Шефнера.

предложил заменить денежное взысканне за бесчестие, как непристойное для всего без изъятия, «несмотря ни на какое достоинство», телесным наказанием; вместе с тем он представил, чтобы с гражданина, употребляющего непристойную брань, брать пени по рублю на содержание богаделен, и пр.¹

Значительно выдавались вперед некоторые малороссийские депутаты. В мнениях их заметна риторика, процветавшая в этом крае со времени учреждения Киевской академии. Особенно красноречиво говорили, например, депутат Мотонис об ужасах войны и о блаженстве мира, депутат

¹ «Сб. Ист.Общ.», VIII, 122.

Тошкович об ужасах одиночной продажи крестьян и пр. Замечательным знанием дела отличалась записка депутата от города Устюга о половниках; некоторая ученость или, по крайней мере, некоторое энциклопедическое образование были заметны в записке депутата от города Рыбинска, в которой заключался очерк истории законодательства Петра Великого



Извозничьи сани в конце 18-го столетия.

С гравюры 18-го века Шефнера.

относительно торговли и т. д. Лучшие ораторы, понятно, принадлежали к высшим классам общества, или к бюрократии, или к сословию ученых; таковы были, например, депутат коммерц-коллегии, Межеинов, депутат медицинской коллегии, барон Аш, депутат от города Дерпта, Урннус, некоторые из депутатов Прибалтийского края вообще. Замечательнейшим депутатом по способностям, образованию и красноречию был князь М. М. Щербатов. Принадлежа по своим фамильным связям к высшей аристократии, он был скорее дворянином, чем царедворцем. Та же самая кичливость, родом, которой проникнуты некоторые из его сочинений, проявлялась и в

его обращении с людьми разных сословий. Оставаясь главным образом сторонником сословных интересов, он не мог сделаться особенно популярным в других сферах. Будучи человеком партии, он не мог не сталкиваться с другими лицами. Тон его полемики довольно часто становился весьма резким; однако он никогда не выходил из пределов настоящего благоприличия. Порою его воззрения отличались некоторым доктринерством, либерализмом. Его речи и записки были испещрены указаниями на множество исторических фактов. Защищая права дворянства, нападая на купцов, резко порицая жестокость крепостного права, князь Щербатов своим необычайным красноречием обращал на себя внимание всех членов собрания. Можно было не соглашаться с ним, возражать ему, но нельзя было не уважать благородства его воззрений, тонкости его приемов в полемике, глубины и искренности политических убеждений. Лица вроде князя Щербатова могли быть наставниками прочих депутатов в области парламентаризма.¹

Открытие собрания

Когда летом 1767 года депутаты собрались в Москве в достаточном числе, последовало (30 июля) торжественное открытие Большой Комиссии, причем были произнесены речи. Из документов, хранящихся в архиве Министерства иностранных дел, мы узнаем, что речь вице-канцлера Голицына была сочинена самой императрицей.¹ На другой день состоялось первое заседание в Грановитой палате. Происходило прежде всего, под председательством генерал-прокурора, чтение обряда. Затем приступили к выбору маршала собрания. Больше число голосов пало на Ивана Орлова, Григория Орлова, Чернышева и Бибикова. Императрица из этих кандидатов выбрала Бибикова.

В следующих затем заседаниях происходило чтение «Наказа» императрицы; содержание, тон и характер этого сочинения произвели глубокое впечатление на всех присутствовавших. Возникла мысль о поднесении императрице в знак благодарности титула великой и премудрой матери отечества. Узнав об этих прениях, Екатерина писала Бибикову: «Я им велела, делать рассмотрение законов, а они делают анатомию моим качествам». Депутатам, поднесшим ей вышеозначенный титул, императрица от-

¹ См. мою статью о князе М. М. Щербатове в «Истор. Вестнике», ч. II, т. VI, 217—249.

ветила: «О званиях, кои вы желаете, чтоб я от вас приняла, на сие отвечаю: 1) на великая, — о моих делах оставляю времени и потомкам беспристрастно судить; 2) премудрая, — никак себя таковою назвать не могу, ибо один Бог премудр, и 3) матери отечества — любить Богом врученных мне подданных я за долг звания моего почитаю; быть любимою от них есть мое желание».

О впечатлении, произведенном ответом императрицы на собрание, сказано в дневной записке: «До начала заседания депутаты читали список с ответа, данного императрицею на прошение Комиссии о принятии поносимых ей титулов. Иные его переписывали, а иные переводили на разные языки».²

Подобные случаи повторялись и в позднейшее время. Так, например, в ноябре 1768 года депутаты поздравили императрицу с выздоровлением после привития оспы. Принимая депутатов, Екатерина заметила, «что она ежедневно видит, с какой ревностью и усердием они трудятся в порученном им деле, и она смотрит на их труды, как на полезнейшие для всех и каждого».³

Избрание маршала, учреждение дирекционной комиссии и чтение Большого Наказа были предметом занятий первых семи заседаний. Затем началось чтение и обсуждение депутатских наказов. Это занятие продолжалось около трех недель. На очереди явились многие вопросы: о хозяйственном состоянии крестьян, о судопроизводстве, об отношении крестьян к другим сословиям, т. е. к дворянам и купцам. Началась борьба между различными классами общества. Результата не было. Тогда только остановились на разборе одного весьма важного вопроса: о правах дворянства.

Дворянство

С давних пор дворяне пользовались важнейшими преимуществами в России. Обряд выбора депутатов для Большой Комиссии предоставил дворянам весьма видное место в этом собрании. Более одной трети депутатов принадлежало к дворянскому сословию. Хотя в продолжение нескольких столетий до созвания Большой Комиссии дворянство постепенно лишалось своего первоначального значения, хотя в особенности «табеля о

¹ «Сб. Ист. Общ.», X, 234—235.

² «Сб. Ист. Общ.», IV, 65 и 66.

³ Там же, X, 305.

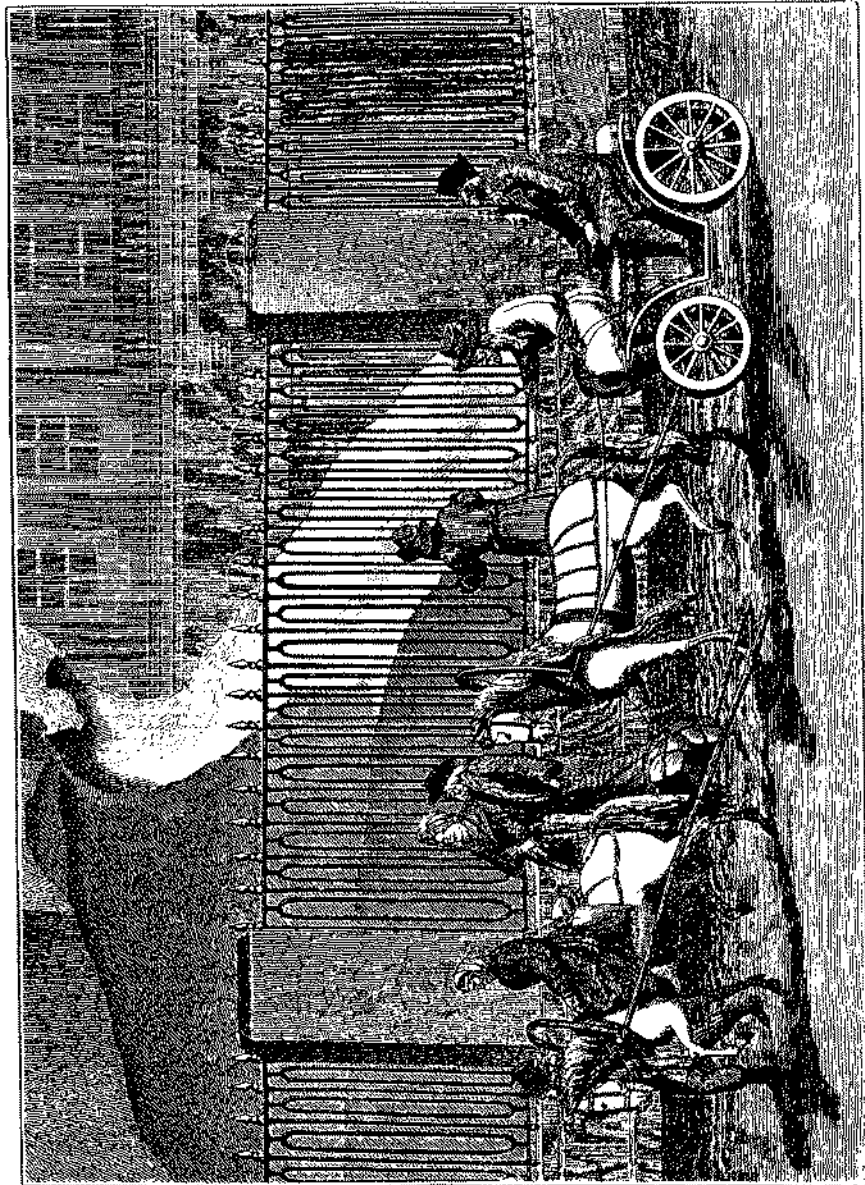
рангах» при Петре Великом значительно подорвал авторитет дворянства в обществе и в государстве, все-таки существовали еще чисто аристократические элементы.

Дворянские депутаты не переставали заявлять свои требования о расширении дворянских привилегий, указывая довольно часто на заслуги своих предков. Происходили столкновения между дворянами и представителями других сословий. Обнаружился антагонизм между двумя важнейшими группами дворянства: настоящая аристократия, т. е. Рюриковичи по происхождению, богачи по состоянию, потомки столпов государства, не хотели пользоваться одинаковыми правами с дворянами нового происхождения, т. е. с людьми, вступившими в дворянское сословие не иначе, как путем постановления «табели о рангах».

Особенно в депутатах московского дворянства обнаруживалось сознание о значении и достоинстве аристократии в государстве и обществе. В наказах дворянских депутатов встречается целый ряд требований, клонившихся к выделению дворянства из прочих элементов народа, к обеспечению прав и привилегий знати. В наказе ярославского дворянства, составленном, как кажется, князем М. М. Щербатовым, в восторженных выражениях говорилось о добродетелях дворянства, об услугах, им оказанных отечеству; в этом документе внимание было обращено не столько на местные, сколько на сословные нужды; в нем преобладали чисто корпоративные интересы и было заметно стремление к самоуправству, к независимости от органов правительства; к отличию от прочих сословий.

Впрочем, депутатские наказы дворянства были результатом прений дворян-избирателей вообще, т. е. дворянства в более тесном и дворянства в более широком смысле. В них поэтому еще не обнаруживался в той мере, как впоследствии, при прениях в заседаниях Большой Комиссии, антагонизм между представителями старых дворянских фамилий и сторонниками прав тех дворян, которые, путем военной и гражданской службы, сделались дворянами. Как скоро начался разбор вопроса о правах дворянства, в сентябре 1767 года, князь М. М. Щербатов, в некотором смысле протестуя против результатов законодательства Петра Великого, требовал — отмены прав служилого дворянства. В этом же смысле выразился депутат от муромского дворянства, Чаадаев. Все это было обставлено указанием на историю дворянства, на заслуги настоящей аристократии, на благоприятные условия дворянских детей и пр.

Главными противниками дворянства оказались представители военного сословия, а также купцы. Сторонники коренного дворянства требовали



Извозничьи дрожки в конце 18 столетия.
С картины Ю. С. Иванова, хранящейся в собрании Г. С. Шпилькина.

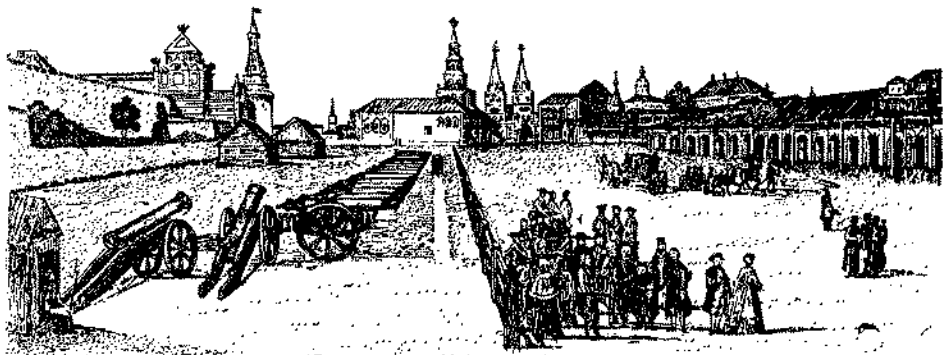
строгo разграничения различных групп дворянства; представители иового дворянства отстаивали понятие о дворянстве в более широком смысле, изъясняя свое убеждение в том, что не должно уничтожать результатов законодательства Петра Великого. Преия делались все более и более оживленными. Особенно важным становился вопрос о происхождении дворянства. Малороссийский депутат Мотоиис объяснял, что всякое поколение дворян имело свое иачало с тем лишь различием, что одно получило его ранее, другое позже; Щербатов говорил о древних римляиах, ссылаясь на сочиение Варроиа, на мнение Пуфендорфа; депутат от ромаиовского дворянства, князь Давыдов, указывал на римлян и египтяи, говорил о Пизистрате, Лизаидре и Поликрате, приводил мнения Платоиа и Аристотеля и из всех этих исторических даиных вывел заключение, что «иужно разделить дворянство по древности рода, т. е. сколько у кого степеней предков по прямой восходящей линии окажется действительными дворянами».

В собрании было много представителей военного сословия. Некоторые из них сильно и метко возражали на предложения отменить законы Петра Великого. Особенно замечательны были речи депутата Изюмской провинции, Зарудиого, и депутата Днепровского пикниерного полка, Козельского. Им возражал с иеобычайным Красиоречием князь Щербатов, речь которого произвела глубокое впечатление на присутствующих.

В следующих затем преиях были сделаны разные предложения. Так, например, депутат от города Рузы, Смирнов, предлагал самую корейную реформу: отменить вообще иаследственное дворянство и оставить только личное. Депутат от города Мензелинска, Кузнецов, объяснял, что «дворяииу быть в команде у офицеров, хотя бы они были не из дворян, несколько не может быть постыдно»; он же доказывал, что в Уфимской провинции «есть дворяне, которые иикаким ииостранным наукам не обучаются, а только одной российской грамоте, тогда как драгунские дети кроме русской грамоты обучены и арифметике». Даже один из крестьян, депутат от однодворцев Воронежской провинции, Ефим Фефилов, участвовал в этих дебатах о правах дворянства. Щербатов предлагал иаизачать на офицерские и даже уитер-офицерские должности исключительно дворян. Фефилов возражал, во-первых, что такого ограничения иикогда не было и что такое иововведение было бы «иесообразно с самым естественным законом», а во-вторых, что одних дворян не хватит для занятия во всей империи не только всех уитер-офицерских чиов, но даже не хватит его и для зайтия всех обер-офицерских чиов. Он же сказал: «Премудрая иаша моиархиня не с тем оказывает матернее свое попечение о верных

сынах отечества, чтобы один род возвысить, а другой унижить, но, по вдохновенной в сердце ее от Всевышнего премудрости, она распространяет на всех своих верноподданных милосердные щедроты и всех желает видеть в таком благополучии, до какого счастье человеческое достигнуть может» и пр.

Недаром однодворец Фефилов ссылался на императрицу. Вопрос о дворянстве был решен впоследствии не в духе предложений Щербатова, Чаадаева, Языкова, а в духе Зарудного, Козельского, Мотониса, Кузнецова и Фефилова.



Красная площадь, вид на Воскресенские ворота.
С рисунка Гильфердинга, конец 18 века.

Прения о правах дворянства были прерваны осенью 1767 года; зато в июле 1768 года из дирекционной комиссии был прислан проект о правах благородных, который сделался предметом обсуждения в тринадцати заседаниях Большого Собрания. По характеру прений заседания в настоящем случае мало, чем отличались от заседаний по этому же вопросу, происходивших осенью 1767 года. Достоинно внимания то обстоятельство, что императрица в одной записке к Бибикову выразила желание, чтобы одному депутату было поручено защищать проект, составленный в дирекционной комиссии, против всякого рода возражений. Она указала, как на самого способного для решения этой задачи депутата, на Коробьина, который, как мы увидим ниже, возбудил прения по вопросу об освобождении крестьян. Однако почему-то желание Екатерины не исполнилось. Прения происходили без участия в них Коробьина. Они закончились баллотировкой, в которой большинство голосов (242) оказалось в пользу прав служи-

лого дворянства, хотя весьма значительное число депутатов (175) подало голос в ущерб дворянским правам офицеров.¹

Разумеется, баллотировка вопроса в Большом Собрании не могла ни в каком случае иметь окончательно решающее значение. Комиссия имела и могла иметь лишь совещательный голос. Прения в собрании доставляли правительству ни более ни менее как материал или средство для всестороннего обсуждения вопроса. Правительство хорошо умело ценить значение олигархических и феодальных стремлений дворянства. Ему, без сомнения, было известно, как смотрели на этот вопрос в различных классах общества. Литература уже в то время указывала на такого рода притязания, как на анахронизм. Сатирики, как, например, Каитемир, Новиков и другие, не раз ополчались против кичливости феодальных воззрений шляхетства на другие классы общества. Со времени Петра I водворился перевес чина над породой. Недаром Шлецер в своих письмах из России говорил: «Дворянин здесь не имеет никакого значения». Кокс удивлялся тому, что в России благородный ничего не значит без ранга, без должности; что старшие сыновья важнейших лиц в государстве не имеют никаких прав в силу своего рождения, как пэры Англии и Фрации, грады Испании; что значение аристократической фамилии упадет со смертью ее главы и т. д.²

Купцы

Во время прений о правах благородных главными действующими лицами были дворяне и офицеры. Когда же Большая Комиссия в конце сентября 1767 года перешла к разбору вопроса о правах купеческого сословия, выступили на сцену, в качестве главных ораторов, купцы и крестьяне.

Еще до этого существовал некоторый антагонизм между дворянством и купечеством. В депутатских наказах дворяне встречаются неблагоприятные отзывы о купечестве, которое упрекали в чрезмерном корыстолюбии, в старании отстранить дворян и крестьян от всякого участия в торговых делах и пр. В депутатском наказе ярославского дворянства было сказано следующее: «Поимые еще российское купечество, хотя пользуясь

¹ Свидетелем-очевидцем этого заседания был английский дипломат Каскарт; он сообщает числа голосов иначе: 242 за права офицеров, 213 против; см. «Сб. Ист. Общ.», XII, 359; в документах, XXXII, 298, показано 242 и 175.

² См. соч. Романовича-Славятинского о дворянстве в России, 16, 19, 24 и пр.

и великими привилегиями и имея внутри своего отечества самонужные вещи для чужестранных народов, еще нигде ни консулей, ни контор не учредило, и всю прибыль, какую бы могло от вывоза из заморской продажи иметь, торгующим народам оставляет». Дворянство решительно требовало права участия в коммерческих и промышленных предприятиях и даже хотело приобрести кое-какие привилегии в этом отношении.



Хлебные лабазы у Китай-города.
Деталь гравюры «Москворецкий мост».

Все эти вопросы сделались предметом весьма оживленных прений в Большой Комиссии. Высшее дворянство, желая предоставления этому словию особенных прав и преимуществ, должно было и при этом случае ратовать против узаконений Петра Великого: купечество постоянно ссылалось на законы Петра, старавшегося поддерживать развитие торговли и промышленности, даровавшего разные монополии и привилегии и защищавшего купцов от нападений и притеснений других сословий.

Замечательным оратором в пользу прав купечества оказался депутат от города Рыбинска, Алексей Попов. Восхваляя Петра, он говорил о необходимости поддержания всех прав купечества, протестовал против участия дворян в фабричной промышленности, против участия крестьян и

делах торговли и пр. В собрании было Много купцов. Не менее 69 депутатов объявили, что они вполне согласны с заявлением Попова.

Необычайно риторически и эффектно Щербатов возражал Попову, указывая на весьма благоприятные условия, которыми пользовалось дворянство при устройстве разных фабрик и заводов, хвалил гуманное обращение дворян с крестьянами, работавшими на фабриках, принадлежавших дворянам, и протестовал против возможности лишить дворянство права заниматься фабричной промышленностью. Особенно резко Щербатов порицал жестокость в обращении купцов с принадлежавшими им крестьянами, предлагая запрещение купцам покупать крестьян и пр. Указав на стремления Петра привести внешнюю торговлю России в цветущее состояние, он сказал: «Отвечали ли русские купцы таким попечениям? Учредили ли они конторы в других государствах? Имеют ли они корреспондентов для узнания, какие куда потребны товары и в каком количестве? Посылали ли они своих детей учиться торговле? Нет! Они ничего этого не сделали», и пр. Затем Щербатов говорил еще подробно о выгодах географического положения России для международной торговли, о неумении купцов воспользоваться столь благоприятными условиями и, наконец, предлагал ограничение прав купцов и расширение прав дворян в области торговли и промышленности.

И при этом случае Щербатов оказался весьма замечательным оратором. Упреки, сделанные им русским купцам, не были лишены основания. Ему были хорошо известны многие частности истории и статистики торговли. Он лучше русских купцов был знаком с коммерческими делами немцев, англичан, голландцев.

Купцы защищались, возражали Щербатову, однако никто из городских депутатов не располагал такими средствами красноречия и таким запасом данных для аргументации, как депутат ярославского дворянства. Когда Щербатов в одном из следующих заседаний говорил подробно о значении фабричной промышленности для народного хозяйства вообще, депутат от города Тихвина, Солодовников, заметил, что «в мнениях, поданных господином депутатом, князем Михайлом Щербатовым, он очень редко основывается на прежних узаконениях, и эти мнения он подкрепляет весьма разумными рассуждениями, которыми он отменно одарен от Бога». Купцы, пользуясь известными правами, стоя на твердой почве положительного законодательства, имевшего исходной точкой реформу Петра, как видно, обвиняли князя Щербатова в некотором доктринерстве. В свою очередь, однако, и Солодовников довольно ловко указывал для опровер-

жения предложений Щербатова на разные исторические факты, приводил разные параграфы из Большого Наказа Екатерины и пр.

Впрочем, прения не привели ни к какому результату. Их польза заключалась в том, что вообще обсуждались, и к тому же в столь многочисленном собрании, вопросы, относившиеся к торговле и промышленности, к цехам, пошлинам, ярмаркам и пр. В прениях по всем этим вопросам участвовали и представители разных коллегий, служащие, опытные в делах, специально знакомые с технической стороной дела. Их замечания и сообщения оказывались особенно полезными для собрания.

Крестьяне

Петр Великий создал новое дворянство; он же способствовал развитию среднего сословия; зато он не только не успел улучшить быт крестьян, но при нем, напротив, положение низшего класса народа становилось все более и более плачевным.

После воцарения Екатерины II можно было, казалось, ожидать реформ в пользу крестьян. Императрица, однако, как мы видели выше, предлагая кое-какие либеральные меры, встретила сопротивление со стороны привилегированных сословий. Те части Большого Наказа, которые заключали в себе некоторые предложения, клонившиеся к улучшению быта крестьян, не могли быть напечатаны. Уже в то время, когда Екатерина была лишь великой княгиней, она в своих набросках и записках обсуждала вопрос об освобождении крестьян. Так, например, она писала: «Противно христианской вере и справедливости делать невольниками людей (они все рождаются свободными). Один Собор освободил всех крестьян (прежних крепостных) в Германии, Франции, Испании и пр. Осуществлением такой меры, конечно, нельзя будет заслужить любовь землевладельцев, исполненных упрямства и предрассудков. Но вот удобный способ: постановить, что отныне при продаже имения, с той минуты, когда новый владелец приобретает его, все крепостные этого имения объявляются свободными. Таким образом, в сто лет все или, по крайней мере, большая часть имений переменят господ, и вот народ освобожден».¹

Как видно, Екатерина в то время не сознавала затруднений, с которыми приходилось бороться при проведении столь важной реформы. Сде-

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 84.

лавшись императрицей, она имела случай присмотреться к сложности этого вопроса, и ей пришлось предоставить решение его следующим за нею государям. Однако она сама сильно и решительно порицала крепостное право. Сохранились разные заметки, выражавшие неудовольствие императрицы по поводу взглядов сторонников крепостного права; здесь сказано: «Если крепостного нельзя признать персоною, следовательно, он не человек; но его скотом извольте признавать, что к немалой славе и человеколюбью от всего света нам приписано будет».¹

Незадолго до открытия заседаний Большой Комиссии Вольное Экономическое Общество по желанию Екатерины назначило премию за лучшее сочинение о крестьянском вопросе. Когда к определенному сроку было доставлено значительное число трудов и подлежал обсуждению вопрос о напечатании лучшего из этих сочинений, большинство членов общества высказалось против печатания подобного труда, между тем как Екатерина разделяла мнение меньшинства, стоявшего за печатание этого сочинения.²

После волнений в крестьянском сословии в начале царствования Екатерины, после заявлений сторонников крепостного права, сделанных по поводу некоторых смелых тезисов в Большом Наказе, нельзя было считать вероятным, чтобы крестьянский вопрос очутился на очередных занятиях Большой Комиссии. Когда, во время путешествия императрицы по Волге весной 1767 года ей было подано крестьянами несколько сот челобитных с жалобами на тяжкие поборы помещиков, все эти просьбы были возвращены с подтверждением, чтоб впредь таковых не подавали.³

Разумеется, депутатов от крепостных крестьян в Большой Комиссии не было. Однако все-таки крестьянский вопрос сделался предметом прений в собрании.

Уже при чтении депутатских наказов от свободных крестьян некоторые ораторы слегка касались вопроса о положении крепостных крестьян. Вопрос о заводах также подал повод к намекам на плачевное состояние заводских крестьян. Князь Щербатов, обвиняя купцов в жестоком обращении с фабричными рабочими, сказал следующее: «Обратим взоры наши на человечество и устыдимся об одном помышлении дойти до такой суровости, чтобы равный нам по природе сравнен был со скотами и по-одиночке был продаваем. Древние времена, не просвещенные чистым нравоучением, приводят нас в ужас, когда вспомним, что людей, как скотину, по тор-

¹ Соловьев, XXVII, 329.

² Там же, 124.

³ Там же, XXVII, 64.

гам продавали. Если невольнику приключался какой-либо вред, то не болезнь его и страдание, но убыток господский принимался во внимание, и за него законы принуждали к платежу. Мы люди, и подвластные нам крестьяне суть подобные нам. Разность случаев возвела нас на степень властителей над ними; однако мы не должны забывать, что и они суть равное



Местность за р. Яузой.

Гравюра Дюрфельда.

нам создание. Но с этим неоспоримым правилом будет ли сходствовать такой поступок, когда господин, единственно для своего прибытка, возьмет от родителей, от родственников или от дома кого-либо мужского и женского пола и, подобно скотине, продаст его другому? Какое сердце не тронется, глядя на истекающие слезы несчастного проданного, оставляющего и место своего жилища, и тех, кем рожден и кем воспитан и с кем привык всегда жить, и еще находящегося в неизвестности о будущем своем состоянии? Кто не сжалится на вопль, на слезы и на сожаления остаю-

щихся? От одного этого изображения вся кровь во мне волнуется, и я, конечно, не сомневаюсь, что почтенная Комиссия узаконит запрещение продавать людей по-одиночке без земли».¹ В этом же духе говорил депутат малороссийский Тошкович.²

По тону и характеру этих заявлений можно бы думать, что в то время одиночная продажа крестьян происходила, во-первых, в виде какого-то исключения, и что, во-вторых, крестьяне, купленные по-одиночке, без земли, главным образом употреблялись на фабриках. Между тем из тогдашних газет видно, как публика относилась к этому вопросу. Мнение князя Щербатова оставалось гласом вопиющего в пустыне. В «С.-Петербургских ведомостях» за 1796 год наряду с объявлениями и о сбежавших собаках, о потерянных вещах, за возвращение которых обещаются награды, мы читаем объявления и о сбежавших дворовых людях и крестьянах, за возвращение которых обещается также довольно значительное вознаграждение. Вслед за объявлениями о продаже коров, жеребцов, малосоленной осетрины, лиссабонских апельсинов — объявления о продаже крепостных семьями и порознь, и чаще всего — о продаже молодых девок, собою видных. Крепостных не только продавали, но проигрывали в карты, платили ими долги, давали ими взятки, платили ими врачам за лечение и пр.³

Впрочем, возбужденный Щербатовым вопрос об одиночной продаже крестьян не сделался предметом систематических прений в собрании. Зато довольно подробно рассуждали о необходимости принятия мер против бегства крестьян; с разных сторон послышалось требование усиления строгости в этом отношении. В некоторых наказах проглядывало опасение, что Екатерина занимается проектом освобождения крестьян. Так, например, в одном из дворянских наказов замечено: «Ныне не только есть примечанию достойное, что люди и крестьяне некоторым видом помещикам своим, яко издревле поставленным над ними господам, послушание по несколько уменьшают; а как есть древнее узаконение наистрожайшее хранить повиновение от Бога избранному и над ними поставленному монарху, яко же и ныне владеющей нами Всемилостивейшей Государыне и высокому Ее наследнику от всех нас и потомков наших с должным усердием и раболепным повиновением исполняемо будет; а при том всеподданнейше просим, дабы, в сохранение древнего узаконения, и дворянские люди и крестьяне в подлежащем повиновении, яко своим господам, были,

¹ «Сб. Ист. Общ.», VIII, 108.

² Там же, 222.

³ Романович-Славатинский, 338—341.

и о том в ныне сочиняемом проекте Нового Уложения подтвердить с таким объявлением, что узаконенная издревле власть над их людьми и крестьянами не отъемлется безотменно, как донныне была, так и впредь будет».¹

Несмотря на все это, в частных кружках депутатов Большой Комиссии осенью 1767 года зашла речь о возможности улучшения быта крестьян путем законодательной реформы. Барон Зальца, депутат Прибалтийского края, просил депутата от города Дерпта Гадебуша составить записку об этом предмете. В ней особенно обсуждался вопрос о возможности для крепостных крестьян приобретения движимого имущества.² Именно этот же вопрос несколько месяцев спустя был возбужден в прениях Большой Комиссии.

Когда начали говорить о причинах бегства крестьян, с разных сторон, в особенности же со стороны некоторых городских и крестьянских депутатов, послышались упреки: порицали жестокость и произвол помещиков, своими притеснениями и тиранством заставляющих весьма часто крестьян искать спасения в бегстве. Представители привилегированного сословия возражали, доказывая, что всему виной пороки крестьян, их склонность к разбою, грабежу и бродяжничеству.³ Трудно было определить меру виновности крестьян и помещиков. Однако дебаты принимали все большие и большие размеры. В них был затронут и вопрос о барщине и необходимости точного определения ее меры.⁴ Наконец, депутат от козловского дворянства Коробьин, поручик артиллерии, представил записку о мерах к пресечению злоупотреблений помещиков. Обвиняя их в жестоком обращении с крестьянами, приводя к тому же целый ряд параграфов «Наказа» императрицы, Коробьин говорил следующее: «Есть помещики, кои, промотав свои пожитки и набрав много долга, отдают своих людей, отлучив их от земледелия, зарабатывают одни хотя следуемые ежегодно к уплате проценты; есть и такие, которые, видя, что получаемых с крестьян себе доходов на удовольствие прихотей своих не станет, удалив от семейства, употребляют единственно для своей корысти; но что еще всего больше, то являются между ними и такие, кои, увидев своего крестьянина, трудами рук своих стяжавшего малый себе достаток, лишают вдруг всех плодов его старания. Сожаления, подлинно, достойно взирать на земледельца, потом лица своего от земли мало-помалу собирающего имение,

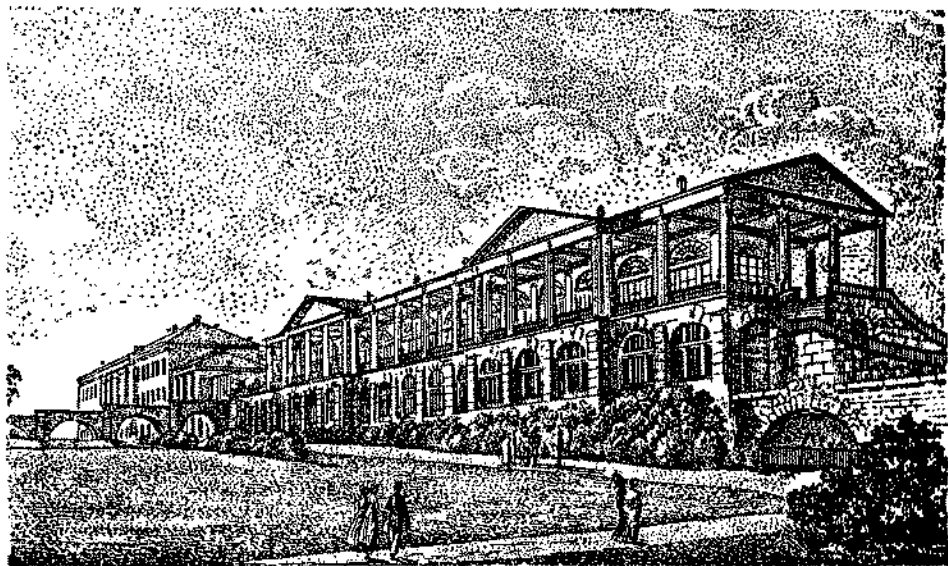
¹ «Сб. Ист. Общ.», XIV, 348—349. Этот наказ снабжен более ста подписями.

² Издание дневника Гадебуша в журнале «Baltische Monatsschrift», V, 148—149.

³ «Сб. Ист. Общ.», XXXII, 42—43, 49, 390—391.

⁴ Там же, 50, 53, 402—403.

почитаемое им за бесценное сокровище, в надежде во время болезни своей или старости питать себя и семью свою, также платить оброк своему господину, но вдруг неожиданным помещичьим приказом, или под предложением усмотренной за ним будто какой вины, или без сего, лишаящегося всех своих с толиким трудом собранных пожитков и погружающегося паки паче прежней в горестную бедность, что подлинно с человеколюбием



Камеронова галерея в Царском Селе.
С литографии.

сходства никакого не имеет. Но ежели все сие беспристрастно рассмотрим, увидим точно, что сие угрожает разорением целому государству; ибо тогда только процветает или в силе находится общество, когда составляющие оное члены все довольны: от сего их спокойствие, от сего и дух, к защищению своего отечества распаляющийся, происходит. Но, как известно, что земледельцы суть душа обществу, следовательно, когда в изнурении пребывает душа общества, тогда и самое общество слабеет» и пр. «Причиною бегства крестьян», сказано далее в записке Коробьина, «по большей части, суть помещики, отягощающие столь много их своим правлением. И для того всячески стараться должно предупредить помянутые случаи, как несносные земледельцам, вредные всем членам общества и

государству пагубные». Таким образом, видя корень зла в произволе, иа-силлии и корыстолюбии помещиков, Коробьии предлагал «предписать за-коиами, коликую власть имеют помещики иад имениями своего крестья-инииа. Даиная иами торжественная присяга, собствениая польза дворяи, благодеевствие крестьяи и умножение хлебопашества сего от иас требуют. А паче всего велит сие учииить Ее Императорское Величество, Всемило-стивейшая иаша Государыня Екатерииа Вторая, которая, в главе о раз-миожении иарода и земледелия даиного иам Большого Наказа, наичувст-вительнейшим образом иам о сем виушает», и пр.¹

Как видио, Коробьии, заступаясь за крестьяи, требуя корееиной ре-формы, указывая иа массу иарода, как иа «душу государства», действовал заодио с императрицей. Нельзя удивляться тому, что заявление смелого иародного трибуиа возбудило сильное иегодование в среде депутатов-представителей привилегированых сословий. С разиых сторои иа Ко-робьииа посыпались упреки, насмешки, пререкаиия. Консерваторы утвер-ждали, что закон, защищающий имущество крестьяи, сеял бы раздор меж-ду крестьяиами и помещиками; упрекали Коробьииа в том, что он плохо знаком с положением дел; говорили о его молодости и неопытности. Опять возобновились иападки иа злокачественность крестьяи, опять вос-хвалялись великодушие и гуманность помещиков. Находили, что Коробь-ии, рассуждая таким образом о столь важном деле, едва ли мог действо-вать сообразно с даиной ему от избирателей ииструкцией; замечали, что ссылки. Коробьииа иа «Наказ» императрицы заключают в себе ошибочиос толкование мыслей императрицы и пр.

При всем том, оидяко, Коробьии сделался ие только предметом об-щего внимания, но даже вдруг приобрел некоторую популярность; при баллотировке члеиов разиых частных комиссий противиики Коробьииа ие имели успеха, получали миожество иеизбирательных голосов, между тем как он сам при таких случаях удостоился весьма большого числа избира-тельных баллов. В этом иельзя не видеть иекоторого одобрения образа мыслей Коробьииа. Одну из баллотировок можно прямо считать реши-тельной демоистрацией в пользу Коробьииа. Очевидио, в это время было миого толков о миеиии, поданииом им по поводу крестьяиского вопроса. Нет сомиеиия, что большииство собрания отиосилось к нему далеко ие враждебно и даже одобряло мысль об улучшении быта крепостиых.²

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXXII, 55, 406—411.

² См. замечание Сергеевича в предисловии к XXXII тому «Сб. Ист. Общ.», стр. III.

Не имея возможности следить за частностями любопытных прений, возбужденных предложением Коробьина, мы ограничиваемся указанием на необычайную ловкость и замечательное остроумие, с которыми Коробьин возражал своим противникам, доказывая, что некоторые из них его не поняли, что некоторые из их замечаний были «недостойны дворянского звания», и заключая свою речь следующими словами: «Я совершенно ведаю, что из таковых препинательных речей ничего более не произойдет, как то, что намерение ее императорского величества и желания всех ее верноподданных, удостоивших нас печись об их и всех нас общем благе, едва когда исполнится. Почему и стараться должно, дабы не так скорым быть к учинению возражений, как к рассмотрению предложенной материи и, ежели она того достойна будет, к поправлению и приведению ее, по возможности, на вышнюю степень совершенства».¹

Борьба продолжалась. Князь Щербатов указал на некоторые географические и климатические условия бегства крестьян; депутат тамбовского дворянства, Лопухин, объяснял, что «уменьшение власти помещиков произведет разрушение тех оснований, на которых утвердись, отечество наше достигло столь высшей степени славы и благоденствия, в каковых весь свет его видит». Зато майор Козельский требовал определения и ограничения меры барщины и обеспечения прав крепостных в отношении к приобретенному ими имуществу. Сравнивая крестьянина с пчелой, Козельский заметил: «Пчела приобретенное почитает за собственное добро, защищает его и для того кусает, жалит, жизнь теряет, как только человек или другое животное подойдет к гнезду ее. Крестьянин же — чувствительный человек; он понимает, впрямь знает, что все, что бы ни было у него, то говорят, что не его, а помещиково; то... как ему быть добронравну и добродетельну, когда ему не остается никакого средства быть таким; он в сем насилии принужден и себе недоброхотствовать, а оттого разве и пьянствовать, будучи в унынии, а не от лености» и пр.² Достойны внимания также замечания крестьянского депутата Чупрова, особенно возражавшего князю Щербатову, когда тот, по своему обыкновению, расхваливал заслуги и добродетели дворянства: «Правда, что заслуга и завсегда признается за справедливо и честь дворянская за достоверно почитается, да однако и всякого звания люди во всем государстве не без порученных дел остаются: за кем какая должность стоит, чаю, что по возможности своей и все отправляют; только ныне дело не о том идет, и господа депутаты не на то

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXXII, 476—484.

² Там же, 87 и след., 499 и след.

собраны, чтобы чести себе приписывать, но в сходственность Большому Наказу об узаконении всех вообще и каждого особенно; то посему никакой вещи остаться не надобно без узаконения, и для того не должно, кажется, оставить без определенного закона и помещиковых крестьян».¹

Можно считать вероятным, что некоторые из знатных членов Большой Комиссии, не принимавших участия в прениях по вопросу о крепостных крестьянах, в сущности одобряли образ мыслей Коробьина и Козельского. Мы знаем, что граф Панин в особой записке, представленной им Екатерине, указывал на жестокость помещиков, как на главную причину бегства крестьян, и предлагал точное определение меры барщины, ограничение оброка и пр. В одном из писем русского посла при французском дворе князя Д. Голицына к вице-канцлеру А. Голицыну (от 1765 года) выражено желание, чтобы крестьяне могли сделаться собственниками земли, чтобы им было обеспечено право приобретения недвижимого имущества и т. п. В составленном дирекционной комиссией проекте о правах дворянства говорится о правах крепостных крестьян, о защите их против произвола помещиков и пр.²

При всем том, однако, число противников предложения Коробьина было весьма значительно. Не только дворяне-помещики почти в один голос протестовали против нововведений такого рода, — и купцы-фабриканты, покупавшие крестьян для работ на заводах, не могли желать проведения либеральных мер в пользу крепостного сословия.

Впрочем, вопрос об улучшении быта крестьян оставался открытым. Прения не привели ни к какому определенному результату. Вся выгода, правда, довольно значительная, заключалась в том, что вопрос о плачевном состоянии крестьян был возбужден и обсужден, по крайней мере в теории, в многочисленном собрании депутатов. Не имея возможности приступить к делу освобождения крестьян, Екатерина своим «Наказом» и созванием Большой Комиссии, хотя косвенно, дала некоторым образом направление развитию идей по этому вопросу в духе либерализма и прогресса.

Вопрос о привилегиях окраин

Число немецких депутатов в собрании было довольно значительно. Они встречаются не только между представителями различных сословий

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXXII, 90, 504.

² См. статью Сергеевича в «Вестнике Европы», 1878, I, 258—258.

прибалтийского края, но также между депутатами Финляндии, некоторых коллегий и пр.

Нет сомнения, что эти депутаты, большей частью занимавшие кое-какие должности в администрации или служившие в войске, владели русским языком. Гадебуш, депутат от города Дерпта, совсем не знавший русского языка, был вскоре заменен другим депутатом, Урсинусом, который, как можно судить по его чрезвычайно деятельному и успешному участию в прениях по всем вопросам, отлично владел русским языком. То обстоятельство, что депутаты Прибалтийского края сделались членами разных специальных комиссий, свидетельствует о некотором доверии к их познаниям и опытности в делах. Им даже поручалось иногда составление подробных записок о разных вопросах законодательства..

Депутаты Прибалтийского края, подобно малороссиянам, изъявляли опасения, что новое законодательство будет ограничением особых прав и привилегий остзейских провинций. По поводу прений о правах дворянства депутаты Ренненкампф, Вильбуа и Блумен представили записки, в которых было выражено желание, чтобы привилегии Лифляндии и Эстляндии оставались неприкосновенными.

Екатерина была весьма недовольна такой манифестацией. Она писала Вяземскому о «лифляндской замашке» и заметила: «Они хотят быть нашими законодателями, а не от нас получить узаконений». Императрица выразила желание, чтобы кто-нибудь в Большой Комиссии возражал депутатам лифляндским, причем указывала на способ возражения. В своей записке она между прочим говорила: «Чтоб же лифляндские законы лучше были, нежели наши будут, тому статья нельзя; ибо наши правила само человеколюбие писало, а они правил показать не могут, и сверх того иные их узаконения наполнены невежествами и варварствами. И так, предохраняя себя, торжественно они просят: мы хотим, чтобы нас смертью казнили, мы просим пыток, мы просим, чтоб от непрерывной ябеды наши суды никогда не были окончены; мы торжественно предохраняем противоречия и темноты наших узаконений и пр. Просвещенному свету останется судить о подобных неистовствах. Признаюсь, что сие с жаром писано, и так употребите лишь то, что прилично».¹

Настоящий случай свидетельствует, в какой степени внимательно императрица следила за всеми частностями прений в Большой Комиссии и даже косвенно принимала в них участие. Отстаивая начала единства в де-

¹ «Осьмнадцатый век», III, 389.

ле ее кодификации, она могла рассчитывать на значительное число сторонников в Большой Комиссии. Так, например, когда депутат от любимского дворянства, Толмачев, выразил мнение, что по недостаткам законов Лифляндской, Эстляндской и Выборгской губерний должно сочинить «законы, одинаковые для всех ее императорскому величеству подданных народов», около ста депутатов в Большой Комиссии присоединились к мнению Толмачева.

Также и депутат от дворянства Новосильского уезда, Лев Шишков, выразился по поводу вопроса о лифляндских привилегиях следующим образом: «Капитуляция, оружием вынужденная, не есть отличная выслуга плебейка, но великодушная победа победителя. Поэтому не сделает ли больше чести означенным губерниям, если они будут называться не завоеванными, но одного с нами общества равными гражданами, а это иначе быть не может, как только тогда, когда они будут находиться под одними с нами законами. Лифляндия и Эстляндия не есть иное царство; климатом же, земледелием и другими упражнениями не рознится с русскими жителями, следовательно, и под законами одинаковыми с нами быть могут и должны быть». В этом же смысле выразились и некоторые другие депутаты.¹

Напротив, депутат от города Киева, Иосиф Гудим, обратил внимание собрания на невозможность составления одинаковых законов для всех народов и выразил требование, чтобы город Киев оставался при своем пользовании магдебургским правом. При этом он заметил: «Это право укреплено было за городом Киевом грамотой царя Алексея Михайловича, которая преемниками его и ныне царствующею все милостивейшею нашею Государынею была подтверждена».²

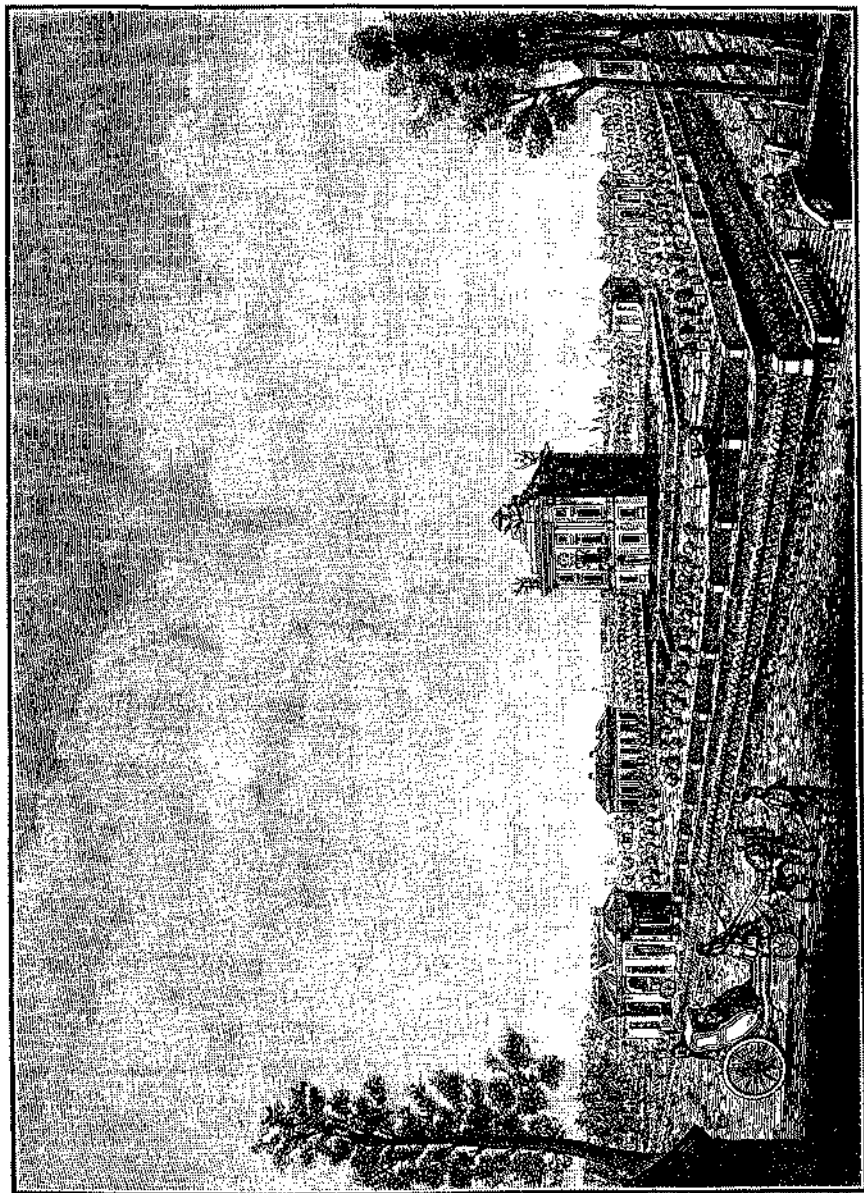
Также и депутат от эстляндского дворянства Вильбоа находил, что «нет нужды, чтобы для всех вообще подданных ее императорского величества все законы были равные», причем он заметил, что «права и привилегии лифляндские вполне соответствуют расположению живущего под ними народа», и пр.³

Вообще оказывалось, что в данном случае малороссийские и прибалтийские депутаты действовали одинаково, выражая желание, чтобы местные права оставались неизменными.

¹ «Сб. Ист. Общ.», VIII, 335—336. В «Чтениях Моск. Общ. И. Др.» 1867, IV, Смесь, 83—95, помещена записка Шишкова, депутата от камер-конторы лифлянд., эстлянд. и финлянд. дел, которая, однако, не читалась в Большой Комиссии; см. «Сб. Ист. Общ.», VIII, 337.

² «Сб. Ист. Общ.», VIII, 338.

³ Там же, 348.



Загородный дом грава А. С. Строганова на Петергофской дороге. в 18 столетии.
С редкого офорта Шгеллина 1768 г. из собрания П. Я. Дашкова.

Все это сильно не понравилось императрице. В ее письме к Румянцеву сказано: «Господа лифляндцы, от коих мы ожидали примерное поведение как в просвещении, так и в вежливости, не соответствовали нашему ожиданию: они сначала просили и требовали, чтобы их законы были по материям читаны рядом с нашими; но когда оных стали читать, а депутаты об их законах начали говорить, так, как и о прочих узаконениях, тогда они не только тех депутатов, но и всю Комиссию попрекали, что будто они присваивают себе власть, коей Комиссии не дано; одним словом, я ожидала то, что они закричат громко «дело и слово» на всю Комиссию. Наконец, когда увидели, что великое число соблазняется их поведением, тогда все корпусом лифляндцы подписали и подали в Комиссии голос, что им не надобно и не хотят ни дополнение, ни перемену в их законах. На сие один из наших принес в Комиссию выписку из двадцати или более челобитен лифляндских, как дворян, так и от городов, где корпусом просят в разных годах от времени завоевания, с 1710 года и последующих, чтобы законы их были дополнены, ибо они весьма недостаточны и отягогительны в иных случаях для них... Еще не знаем, как господа лифляндцы из противоречащего поступка выпутаются».¹

Из этого письма императрицы видно, что изображение прений в изданных в последнее время документах Большой Комиссии не может считаться полным. Из других данных мы узнаем далее, что прибалтийскими депутатами был представлен проект законов для Лифляндии и Эстляндии и что Екатерина занималась тщательным разбором этого проекта. Из ее замечаний видно, что она довольно резко критиковала образ мыслей остзейских депутатов; здесь сказано между прочим: «Я ничего подтвердить не буду, что не в силе обряда мне поднесется. Они подданные Российской империи, а я не лифляндская императрица, но всероссийская» и т. п.²

Императрица решила положить конец этим прениям. По ее повелению Бибииков на заседании 9 сентября 1768 года объяснил собранию, что Комиссия не должна ни в чем другом упражняться, кроме того, для чего именно она учреждена, т. е. в сочинении проекта; заявления депутатов лифляндского, эстляндского, финляндского, малороссийского и смоленского дворянства не могут сделаться предметом обсуждения, потому что касаются правления; поэтому ему, маршалу, не остается ничего другого сделать, как торжественно возвратить помянутым депутатам поданные ими заявления.³

¹ Соловьев, XXVII, 141.

² «Сб. Ист. Общ.», X, 272—274.

³ «Сб. Ист. Общ.», IV, предисловие, стр. 25, а также XXXII, 345.

Из «Записок о жизни и службе Бибикова» видно, что возвращение депутатам их заявлений было сопряжено со сделанным им строгим «наставлением». Бибиков сказал депутатам, что «долг звания предводителя принуждает его напомнить и просить, чтобы господа депутаты при сочинении своих голосов помнили и то, что потомство оных беспристрастно судить будет, но инапаче то, сколь далеко простиралась наша благодарность к тому престолу, который непрерывно и столь много изливает на нас щедроты, которых мы опыты и в сей день ощущаем».¹

Таким образом, прения по вопросу об особенных правах Малороссии, Лифляндии и Эстляндии не имели результата. Екатерина считала опасным обсуждение вопросов, относящихся, как в данном случае, хотя бы лишь косвенно, к области государственного права. Впрочем, опасения малороссийских и прибалтийских депутатов оказались лишены основания. Общее законодательство, которое могло бы устранить привилегии отдельных провинций, не состоялось.

Судоустройство, полиция

В 1767 году, начиная с июля по декабрь, в Москве состоялось не менее 77 заседаний Большой Комиссии. Закрывая сессию в древней столице (14 декабря), Бибиков сообщил собранию о желании императрицы, чтобы, начиная с 18 февраля 1768 года, заседания Большой Комиссии продолжались в Петербурге. При этом маршал с признательностью говорил о «ревности, усердии и прилежании» депутатов при исполнении возложенной на них обязанности.²

Столь же торжественной была речь Бибикова при открытии, 16 февраля 1768 года, заседаний в Петербурге. В ней сказано следующее: «Вы знаете, конечно, что и успех от собственного вашего рачения произойти должно, и потому не оставите преодолевать препятствия, могущие затруднить вас в совершении вашего намерения. Единомыслие же ваше и согласие никакой вражды и раздора между вами не допустят. Напоминайте, почтеннейшие господа, что на исправления ваши весь свет смотрит, а дела ваши и будущим родам в рассмотрение подвергнутся. Ведайте, наконец, что Великая Екатерина вами руководствует» и пр.³

¹ «Записки о жизни и службе Бибикова», 32. Приложение 25—27.

² «Сб. Ист. Общ.», VIII, 382.

³ Там же, XIV, 1.

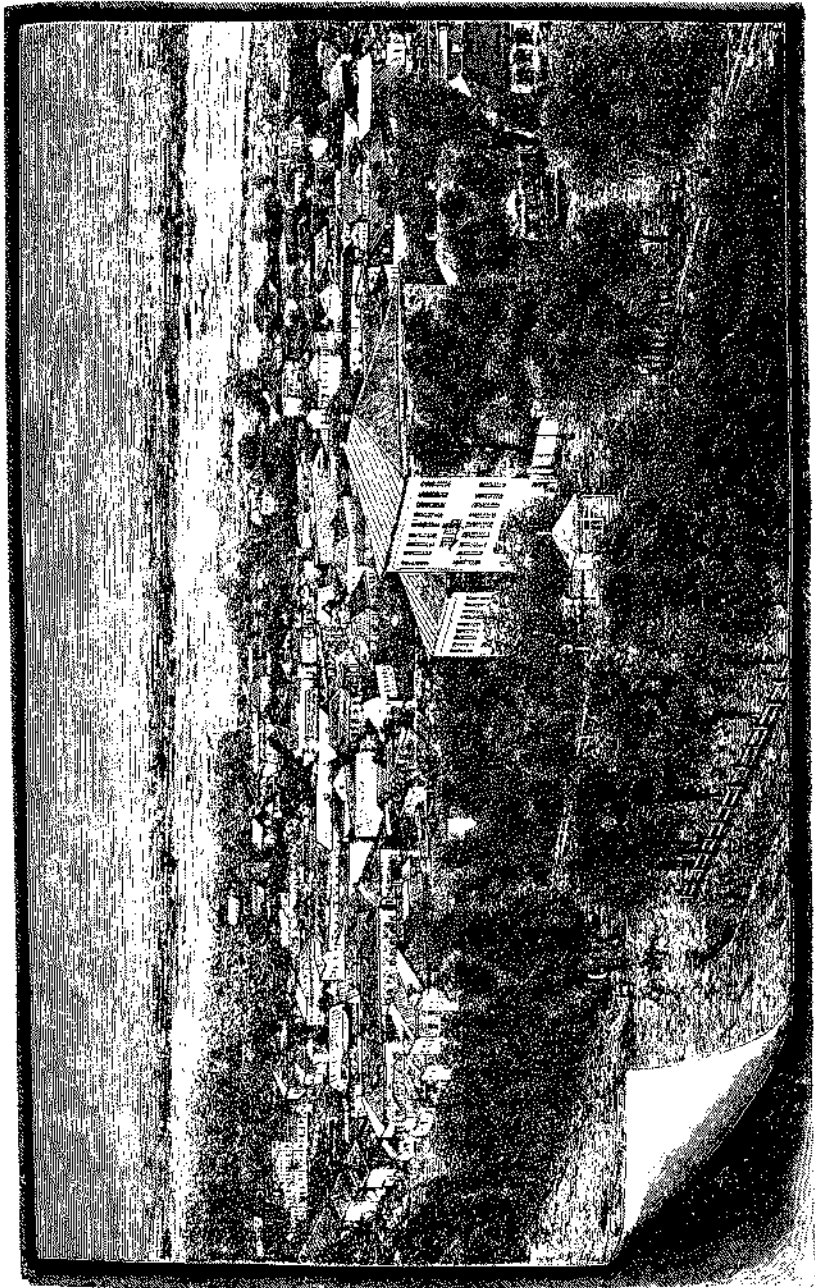
По открытии заседаний обсуждались законы о юстиции, к которым были отнесены, между прочим, постановления об исполнении обязанностей, предписываемых христианской верой и установлениями церкви. Этому предмету было посвящено не менее 70 заседаний; по разным вопросам, сюда относящимся, было подано около 200 мнений; при прениях, относившихся к судоустройству, обсуждался и вопрос о состоянии крепостных крестьян.

В продолжение прений по вопросам о суде и расправе обнаруживалось стремление различных классов общества к реформе в смысле децентрализации и развития самоуправления; с разных сторон слышались жалобы на медленность и сложность судопроизводства, и было выражено требование, чтобы менее важные случаи нарушения права обсуждались и решались местными судебными инстанциями при помощи выборных. Было сделано предположение ввести в России учреждение мировых судей. Протоколы заседаний представляют собой чрезвычайно обильный материал для истории понятий о праве.

Мы знаем, что Екатерина при составлении «Наказа» выписывала некоторые важнейшие положения Беккария. Сочинение этого знаменитого писателя заключало в себе протест против употребления пытки и против мучительных способов казни. Все это вполне соответствовало воззрениям императрицы, старавшейся, по возможности, при разных случаях препятствовать пытке и вообще жестокости в судопроизводстве. Рассматривая в 1765 году дело Волинского, она в особой записке указывала на нелепость и варварство пытки вообще. Здесь сказано между прочим: «Страшно, как роду человеческому пришло на ум лучше утвердительнее верить речи в горячке бывшего человека, нежели с холодною кровью; всякий пытанный в горячке и сам уже не знает, что говорит. Итак, отдаю на рассуждение всякому, имеющему чуть разум, можно ли верить пыточным речам и на то с доброю совестью полагаться?»¹

Подобно тому, как в отношении к крестьянскому вопросу весьма лишь немногие лица разделяли либеральные мысли императрицы, и относительно приемов уголовного судопроизводства Екатерина со своими гуманными и кроткими воззрениями оставалась в меньшинстве. При обсуждении вопроса о пытке в Большой Комиссии многими было высказано убеждение, что отмена пытки была бы сопряжена с ужасной опасностью для жизни и имущества всех и каждого. Только дворянское сословие требовало для себя

¹ «Сборник Ист. Общ.», X, 57.



Вид Екатеринославля с нагорной стороны.
С гравюры 19-го века.

освобождения от пытки в виде сословной привилегии. Зато неоднократно было выражено опасение, что кроткое законодательство, смягчение наказаний, гуманные приемы судопроизводства непременно поведут к разложению общества, к порче нравов. В особенности террор в глазах многих был важнейшим средством борьбы против склонности массы народа к разбою и грабежу. В одном из депутатских наказов встречается требование, чтобы даже всякое малейшее преступление наказывалось смертью. И мещане, и крестьяне разделяли такие мнения о необходимости ригоризма и терроризма.¹

Все это, разумеется, далеко не соответствовало «Наказу» Екатерины. Поэтому Бибиков не мог не указать на те параграфы труда императрицы, в которых была речь о пытке. Собрание, в свою очередь, беспрекословно и тотчас же повиновалось желаниям Екатерины и изъявило свое согласие с ее кроткими воззрениями.

Впрочем, и прения об уголовном праве оставались фрагментом, не были доведены до конца и не повели к какому-либо результату.

Далее обсуждались вопросы народного просвещения, о школах. При этом оказалось, что все сословия, не исключая и дворянства, относительно учреждения школ рассчитывали на инициативу правительства, на денежные средства казны. Однако во время прений были высказаны мнения, достойные внимания. Дворянство требовало учреждения сословных училищ для дворян. В одном из депутатских наказов говорилось о необходимости учреждения публичных библиотек в разных городах. Депутат города Дерпта, Урсинус, в подробной записке требовал составления учебников по разным предметам, отмены телесного наказания в училищах, точного определения платы за посещение школ и особенных правил надзора над преподаванием и пр.²

Церковные вопросы лишь мимоходом и слегка были затронуты в депутатских наказах и в прениях Большого Собрания. Послышались кое-какие жалобы на корыстолюбие сельского духовенства. В противоположность терпимости Екатерины, некоторые депутатские наказания требовали строгих мер против раскольников. Обсуждался вопрос о способе ведения метрических книг. Майор Блумен, депутат от лифляндского земства, предложил перенести церковные праздники (исключая самых больших) на воскресные дни, причем довольно красноречиво указывал на пагубные

¹ См. подробности прений в моей статье в «Russische Revue», XXII, 525 и след.

² См. статью Соловьева в «Русском Вестнике», 1861 г., XXXV, 338—339.

следствия множества праздников, прерывающих труд крестьян и возбуждающих нерадивых к лени, пьянству и пр.¹ Единственный представитель духовенства в собрании, депутат Синода, не участвовал в этих прениях.

Гораздо подробнее обсуждались вопросы, относившиеся к народному хозяйству и к финансам. Тут явилось множество жалоб, просьб, требований. Из этих прений можно было вывести заключение о многих недостатках в системе налогов и податей; обнаружилось вопиющее злоупотребление чиновников и офицеров, всячески притеснявших народ своими требованиями даровых подвод или при рекрутских наборах и пр. Неоднократно было указано и в депутатских наказах, и в прениях на несправедливость или неудобство некоторых особенно тягостных налогов. Заговорили о возможности и выгоде превращения кое-каких натуральных повинностей в денежную плату. Особенно часто обнаруживается желание представителей разных сословий освободиться от произвола и корыстолюбия чиновников; требовали более точного определения обязанностей всех и каждого в отношениях к казне, в коммерческих оборотах и промышленных предприятиях; заговорили об условиях народной гигиены, о причинах странной смертности в народе и о средствах помочь этому злу и пр.

Закрытие Собрания

Нельзя отрицать, что обсуждение столь важных и многосторонних вопросов в Большой Комиссии могло быть чрезвычайно полезно и для представителей власти, и для подданных. Последние при этом случае по крайней мере могли убедиться в том, что правительство желало реформ, не щадило средств для составления себе точного понятия о лучших способах законодательства. Никогда до этого власть не имела возможности столь подробно всмотреться в нужды народа, столь точно определить меру необходимости прогресса. Недаром Екатерина при созвании Большой Комиссии, не ограничиваясь желанием, чтобы было составлено новое Уложение, имела в виду еще другую, чуть ли не важнейшую цель — ознакомление с бытом народа, с потребностями всех и каждого, с недостатками существовавшего законодательства. Эта цель была вполне достигнута. Правительство, руководствуясь характером и содержанием прений в Большой Комиссии, разбирая депутатские наказы, изучая записки, состав-

¹ «Сб. Ист. Общ.», XIV, 36.

ленные в специальных комиссиях, могло убедиться в необходимости усиленной работы в области реформ вообще, изучать последствия и влияние прежних законодательных мер и ответить на вопрос, насколько можно было при коренных переменах рассчитывать на содействие общества. Поэтому Екатерина имела полное право характеризовать значение Большой Комиссии вышеупомянутыми словами: «Комиссия Уложения, быв в собрании, подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело имеем и о ком печись должно».¹

Английский дипломат Каскарт, присутствовавший на одном из заседаний Большой Комиссии в августе 1768 года, пишет, что помещение, в котором происходило собрание, отличалось громадными размерами и великолепием. Затем он продолжает: «Знакомые мне лица были по большей части военные, одетые в мундиры и украшенные знаками различных орденов... представители различных частей этой огромной империи столь многочисленны, что нет возможности перечислить в депеше их имена и костюмы; список этот составил бы целую песню героической поэмы. Заседание еще не начиналось... Комната казалась до того наполненной, а различные группы до того заняты разговором, что невозможно было смотреть на собрание, не вспомнив о пчелином улье. Трон императрицы занимает одну часть комнаты... расставлены скамьи, как в нашем Парламенте». Когда заседание началось, Каскарт, впрочем, как можно думать, не владевший русским языком, удивился достоинству и ясности, с которыми маршал руководил прениями. Описывая подробно устройство собрания, Каскарт заключает свой рассказ следующими словами: «Все это установление представляется мне чем-то вроде подмостков, которые, без сомнения, будут разбросаны, как ненужные леса, тотчас по окончании императрицею всего великого здания. Она имеет в виду составление законодательства, соответствующего ее воззрениям и действительным интересам и характеру всех ее подданных».²

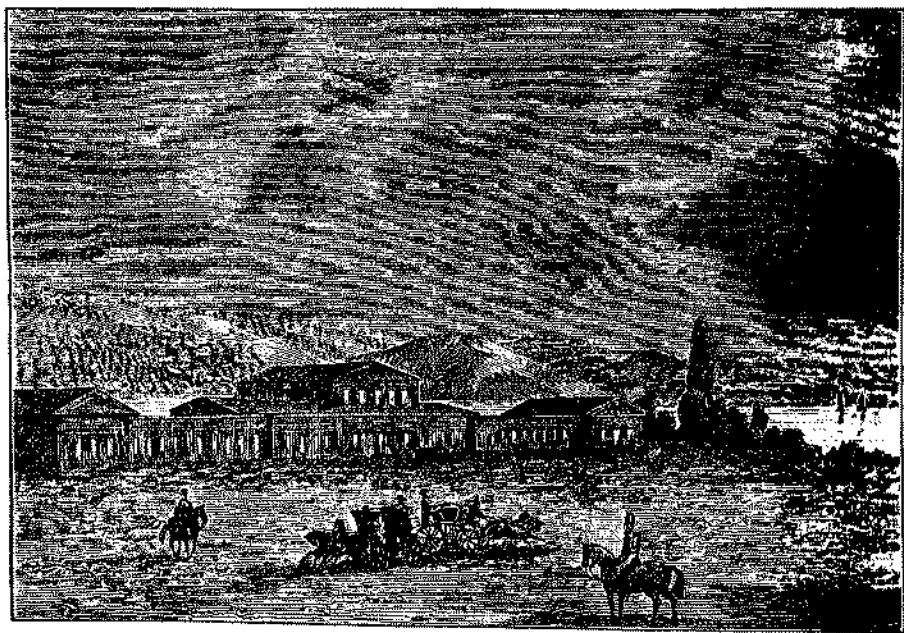
Мы знаем, что «подмостки» были устранены еще до окончания предполагаемого Екатериной здания.

В сентябре 1768 года происходили прения о правах благородных. В октябре обсуждались законы о поместьях и вотчинах. Около этого времени заседания собирались несколько реже прежнего. До июня 1768 года обычно было по пять заседаний в неделю; в августе собирались лишь 7 раз, то же самое в сентябре, в октябре Бибииков объявил, что заседания бу-

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 176.

² «Сб. Ист. Общ.», XII, 360.

дуг происходить дважды в неделю.¹ Наконец, 18 декабря 1768 года маршал сообщил собранию о полученном именном указе, в котором императрица, объявляя, что по случаю турецкой войны многие из депутатов, принадлежащие к военному званию, должны отправиться к занимаемым ими по службе местам, повелевала: депутатов, которые за выбором членов в



Бывший дворец Потемкина в Екатеринославле.
С гравюры 19-го века.

частные комиссии остались в Большом Собрании, распустить до тех пор, пока они вновь будут созваны, членам частных комиссий остаться и продолжать свои занятия и на место членов этих комиссий, обязанных отправиться к своим местам, выбрать других из Большого Собрания депутатов.

Таким образом, Большая Комиссия окончила свою деятельность и вновь уже не была созываема.

Поводом для закрытия собрания была турецкая война. Спрашивается, насколько можно верить рассказам некоторых иностранных писателей, объяснявших закрытие собрания неудовольствием императрицы?

¹ Сергеевич в «Вестнике Европы», 1878, I, 242.

Впрочем, как видно, закрытие собрания считалось лишь временным. Центр тяжести законодательной работы, как мы знаем, находился не в Большом Собрании; а в частных комиссиях. Эти частные комиссии, членов которых было около ста человек, оставались в полном составе. Они продолжали свои работы и были закрыты только 4 декабря 1774 года.

В кружках иностранцев ходили разные слухи о поводах к закрытию собрания. Говорили, что правительство нашло вообще все это предприятие преждевременным и опасным. Эти толки лишь отчасти заслуживают внимания, потому что вообще рассказы современников о Большой Комиссии изобилуют нелепыми баснями и недоразумениями. Иностранцы, не имевшие возможности следить за ходом дел, легко могли ошибаться при оценке всего предприятия и при обсуждении его частных сторон. Укажем на некоторые примеры таких рассказов, заслуживающие внимания, потому что они повлияли на повествования позднейших историков.

Мы видели, что Каскарт, присутствовавший в августе 1768 года на одном из заседаний Большой Комиссии, вынес из него довольно благоприятные впечатления. Совсем иначе рассуждал об этом же предмете его предшественник, Ширлей, в донесениях которого встречаются довольно резкие отзывы о Большой Комиссии. Так, например, он доносил в августе 1767 года: «Русские не говорят и не думают ни о чем другом, как о собрании депутатов, и заключают, что теперь они составляют мудрейшую, счастливейшую и могущественнейшую нацию во всей вселенной, и было бы совершенно бесполезно доказывать им, что это собрание не имеет ровно никакого значения перед деспотическою властью государыни. Всякий, кто обратит внимание на образ действий депутатов, на то, о чем им предоставлено рассуждать, и насколько им позволено расширять реформы и сравнить это с мерами, принятыми в государствах, благословенных конституционным правлением, тотчас же убедится, что это не что иное, как известное число людей, служащих в некотором роде советниками императрицы при определении законов империи, и что людям этим предоставлены лишь такие привилегии, которыми бы не захотел воспользоваться ни один гражданин благоустроенного государства... Как только депутаты касаются предмета, неприятного для императрицы или несогласного с ее видами, Вяземский просит их не касаться этой струны, так как, если при многочисленных вопросах, требующих их обсуждения, они будут удаляться за пределы, им назначенные, такое увеличение работы неминуемо отзовется пренебрежением к более существенным задачам, порученным их рассмотрению».

Ширлей писал все это в самом начале заседаний Большой Комиссии. Тогда еще не было случаев строгих внушений, сделанных собранию. Еще раньше как в августе 1768 года возник вопрос о привилегиях Малороссии и Лифляндии, обсуждение которого правительству казалось неуместным. Рассказ Ширлея о выборе маршала не соответствует истине; он, очевидно, основан на слухах. Источники, которыми пользовался английский дипломат, не были особенно надежны; он продолжает: «Депутатам не только поручено переделать заново гражданские законы и устройство полиции, но также и основные законы империи; и мне даже говорили, что они коснутся шекотливого вопроса о престолонаследии».

Именно выражение английского дипломата — «в довершение этой комедии вчера депутаты явились к Ее Императорскому Величеству благодарить ее» и пр. — имело чрезвычайно сильное влияние на историографию позднейшего времени. Забывали, что екатерининское собрание не могло и не должно было походить на английский парламент, Ширлей, не имевший возможности составить для себя точное понятие о деятельности Большой Комиссии и о способности депутатов, находил приемы их «комическими», говорил о «курении фимиама тщеславию императрицы» и заключил свой рассказ следующими замечаниями: «Намерения императрицы первоначально клонились к тому, чтобы заявить ее заботливость о счастье своих подданных; но так как ее намерения проистекают из оснований не совсем чистого свойства, то и дела ее, как поддельный жемчуг, имеют более блеска, но меньше ценности, чем жемчуг настоящий».

Далее Ширлей сообщил следующие соображения, относящиеся к Большой Комиссии: «Чего мы можем ожидать от нового свода законов? Не следует ли предположить, что эта новая работа потребует гораздо большего числа лет, чем сколько считается нужным? Если бы даже императрица была одним из великих гениев, созданных для просвещения мира, возможно ли было бы для России надеяться в будущем на управление справедливыми, равными и прочными законами, приняв в соображение, что и в том случае, если бы законы эти были доведены до некоторой степени совершенства, тем не менее Россия не ощутила бы их благих последствий, по причине полного недостатка почтенных и бескорыстных чиновников. Нельзя не пожалеть о русских, которые считают себя столь мудрыми и сильными, между тем как в действительности они находятся на очень далеком расстоянии от счастливого положения некоторых европейских народов» и пр.¹

¹ «Сб. Ист. Общ.», XII, 291—93, 304—9, 316, 326—30.

Во всем этом, как видно, есть некоторая доля правды; вообще же отзыв Ширлея, служивший важнейшим руководством для позднейших историков при оценке значения Большой Комиссии, не может считаться справедливым и беспристрастным.

Гораздо более резким оказывается отзыв Кастера, имевший также сильное влияние не только на читателей вообще, но и на специалистов-историков. Он пишет о депутатах: «Страх и лесть в их выражениях имели большую долю, нежели настоящее удивление. Все желали снискать расположение императрицы или по крайней мере избежать ссылки в Сибирь». Упомянув о прениях, относившихся к крестьянскому вопросу, Кастер пишет: «Спор становился все более оживленным; опасались страшных последствий разногласия, и поэтому депутатов распустили домой. Но до окончания заседаний все-таки требовали, чтобы было сделано некоторое заявление благодарности. Желали, чтобы собрание, кончившееся без всякой пользы для себя, принесло выгоду государыне, возымевшей первую мысль этого предприятия. Поэтому единогласно решили поднести императрице титул великой, премудрой, матери отечества» и пр.¹

Не говоря уже о других небылицах и недоразумениях в рассказе Кастера, мы укажем лишь на то обстоятельство, что тут совершенно перепутан хронологический порядок событий. Поднесение вышеозначенного титула императрице происходило не в конце сессии (т. е. не в конце 1768 года), а в начале ее, т. е. полутора годами раньше. Крестьянский вопрос, служивший будто причиной закрытия собрания, обсуждался весной 1768 года; закрытие же собрания последовало семью месяцами позже.²

При всем том, однако, нельзя не допустить возможности существования некоторой связи между обсуждением крестьянского вопроса и местных привилегий, с одной стороны, и закрытием собрания — с другой. Из «Записок о жизни и службе Бибикова» видно, что им была составлена для императрицы записка, о которой рас- сказано следующее: «Вскоре императрица удостоверилась в непобедимых затруднениях, или, справедливее сказать, в неисполнительности ее великого предприятия и убедилась в истине следующего предварительно данного Александром Ильичем мнения: что собрания различного состояния людей депутатов должны быть только с тем, что хотя они все вообще к увеличению государственного собрания, к составлению благоразумных законов и согласных пользе каждого состоя-

¹ «Vie de Cathérine», II, I, 248—250.

² См. мой разбор источников, где указано и на Массона, а далее на сочинения позднейших историков в «Журн. Мин.», ССXVII, отд. 2, стр. 2 и след.

ния способствовать будут, но, в самом существе, чтобы не они составители законов были, но особливо выбранные из них самих или из посторонних особ и не в столь во многом числе состоящее собрание» и пр.¹

Мы считаем вероятным, что эта записка Бибикова была составлена им накануне закрытия собрания. В качестве маршала он более чем кто-либо мог убедиться в затруднениях, которые встретило предприятие. Поэтому он мог советовать императрице закрыть собрание.

К тому же в записках Бибикова сказано: «Должно признаться чисто-сердечно, предприятие сие было рановременно, и умы большей части депутатов не были еще к сему приготовлены и весьма далеки от той степени просвещения и знания, которая требовалась к столь важному их делу. Некоторые же из депутатов, увлеченные вольнодумием, ухищрялись уже предписывать законы верховной власти; другие предлагали уничтожение рабства, неоспоримо истинною философию и христианским человеколюбием предначертанное, но исполнение чего (говорит патриотический наш и благоразумный писатель Болтин), по обширности и малонаселению Российской империи, еще гораздо более мудрых и благовременных мер, прилежного рассмотрения и опасного внимания и рассуждения требует».²

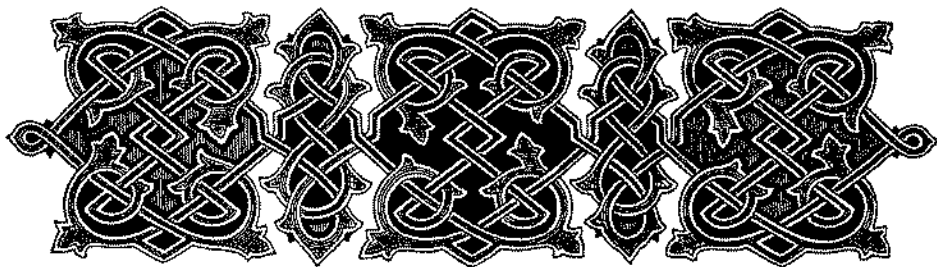
Мы видели, что Екатерина была либеральнее многих лиц, ее окружавших. Весьма легко возможно, что лица, побудившие ее к уничтожению значительной части «Наказа», содействовали и закрытию Собрания. Сиверс, одобрявший мысль Екатерины о созвании Большой Комиссии, говорит о разных кознях, происходивших во время сессии, о нерадении представителей бюрократии, об опасениях сановников, что депутаты окажутся сильнее и влиятельнее их и пр.³

Как бы то ни было, законодательная цель собрания не была достигнута. Однако, принимая во внимание все вышеизложенные обстоятельства, не следует обвинять главным образом Екатерину в неудаче. К тому же было бы несправедливо утверждать, что предприятие ее оказалось вполне неудавшимся. Материал, собранный в 1767 и 1768 годах и группировка этого материала в частных комиссиях послужили пособием для законодательной деятельности следующего времени.

¹ Зап. Бибикова, 57.

² Там же, 55—56.

³ Blum, I, 260.



Глава III. Законодательство и администрация

Общий характер



Екатерина любила говорить об успехах своего царствования. Она нуждалась в одобрении и похвале. Недаром ее упрекали в чрезмерном славолубии. Довольно часто она не без самообольщения говорила о важных результатах своей деятельности в области администрации и законодательства.

Современники и потомство находили, что императрица, обращая чрезмерное внимание на вопросы внешней политики, недостаточно усердно занималась решением более важных задач внутреннего благоустройства России. Находили, что Екатерина, гоняясь за славой громких побед или стремясь к присоединению чужих земель к России, пренебрегала трудами в области администрации и законодательства. Сама Екатерина во все время своего царствования весьма часто не без удовлетворения указывала на свои заботы о благоденствии народа, на видимый прогресс в общественном строе России. Так, например,

во время первой турецкой войны Екатерина неоднократно хвалилась тем, что народ почти вовсе не замечает бремени войны, спокойно и успешно продолжает свои обычные занятия; не без некоторого торжества она заметила, что тотчас же после заключения Кучук-Кайнарджийского мира она была в состоянии отказаться от взимания недоимочных податей в размере двух миллионов рублей. Составляя правила для управления губерний, она хвалилась, что этот труд удался ей особенно хорошо, так что в сравнении с ним Большой Наказ, по ее выражению, мог казаться лишь пустой болтовней.¹

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 39.

При этом она объясняла, в чем должны будут состоять выгоды и благие результаты нового учреждения. «Я строю нынче сто с чем-то городов вдруг», — сказано в одном из писем Екатерины к Гримму в 1781 году. Она любила сообщать подробности о своих занятиях. Летом 1781 года она переписала для Гримма составленный Безбородко список успехам ее царствования. Оказалось, что в продолжение девятнадцатилетнего царствования Екатерины было учреждено 29 новых губерний, построено 144 города, заключено 30 договоров, одержано 78 побед, издано 211 указов и пр. Сообщая об этих фактах, императрица не без раздражения упомянула об отзыве аббата Рэналя (Raynal), сомневавшегося в успехе ее царствования, и заметила, что весь свет может убедиться в прогрессе России. Особенно охотно Екатерина указывала на бросающиеся в глаза результаты реформ, которые она замечала во время своих частых путешествий по империи: говорила, что в тех местах, где прежде виднелись одни убогие хижинки, теперь построены большие города со множеством каменных домов, и что там, где прежде не было никаких следов какой-либо деятельности, теперь закипела работа в области земледелия, промышленности и торговли.

Мы знаем, однако, что люди, окружавшие императрицу во время ее путешествий, умели показывать ей всю страну в чрезвычайно выгодном свете. Поэтому она едва ли имела возможность составить себе точное понятие о настоящем положении России; видя многое, так сказать, в праздничном виде, в искусственной обстановке, при необычайном освещении, и к тому же увлекаясь свойственным ее характеру оптимизмом, Екатерина легко могла составить себе ложное представление о мнимых успехах своей административной и законодательной деятельности, о якобы цветущем состоянии управляемого ею государства.

Все это, как известно, бросается в глаза во время знаменитого путешествия Екатерины в Южную Россию в 1787 году.

Современники удивлялись пышности и роскоши этой поездки, на которую были истрачены миллионы рублей. В губернских городах, через которые проезжал двор, собирались дворяне с их семействами, а из отдаленных городов купцы и «лучшие граждане». Всюду устраивались иллюминации и фейерверки, по обеим сторонам дороги вечером пылали костры. Везде императрица должна была встретить радостные и веселые зрелища, чтобы убедиться в богатстве и счастье России. Иностранцы с насмешкой говорили о множестве народа, который, отчасти поневоле, должен был толпиться около тех мест, через которые проезжала Екатерина. Она же, как рассказывает принц де Линь, с удовольствием смотря на

эту толпу, спрашивала своих спутников, видели ли все это иностранные писатели, утверждавшие, что в России лишь одни пустыни.¹ Песейники в шляпках на реке, а также по берегам, одетые в лучшее платье; дома, украшенные гирляндами и цветами; большие стада, появлявшиеся часто на пути; рынки со множеством товаров — все это должно было действовать на воображение императрицы. Все, что не согласовалось с целью произвести самое благоприятное впечатление на Екатерину, было тщательно устраняемо. О пребывании Екатерины на обратном пути в Москве, в то время, когда уже в большей части империи свирепствовал голод, князь Щербатов писал немного позже: «Я видел, и сие есть истинно, в изгнанных из Москвы всех нищих, без всякого определения о их пропитании, которое они от подаяния московских жителей получали, и сие было учинено к приезду всемилостивейшей государыни, дабы видение такого числа нищих ее не обеспокоило».² Зато принц де Линь рассказывает, что он иногда полными руками от имени императрицы должен был бросать золото толпившемуся около кареты Екатерины народу.³

Приказ тогдашнего правителя харьковского наместничества В. Чертова включает в себе, между прочим, следующие распоряжения: обыватели должны ожидать карету Екатерины в лучшей одежде, а «особливо девки в уборе на головах, по их обыкновению, с цветами, наблюдая, чтоб отнюдь никого в разодранной одежде, а паче пьяных не было»; все должны «изъявлять свои восхищения приличными поступками и приветствиями». По всем улицам, где предполагался проезд императрицы, было велено дома выбелить, крыши и заборы исправить и пр. Далее было приказано, чтобы нигде «стеснения народа и шуму, равно просящих милостыню и в разодранной одежде, отнюдь не было, для чего иметь караулы, кои бы всюду неупустительно соблюдали тишину, чистоту, безопасность». Строгим наказанием, кнутом, каторгой грозили тому, кто бы имел «продерзость» подать императрице прошение. Городовым магистратам было вменено в обязанность наблюдать за тем, чтобы не были повышены цены на товары, особенно на съестные припасы, чтобы не было в продаже ничего поврежденного и залежавшегося, чтобы торговцы сами «были одеты опрятно и чисто, чтоб их посуда, столы и лавки были чисты, фартуки незамараны, и чтобы нигде ничего не было завешано рогожами, в шинках же чтобы никто на то время никого отнюдь допьяна не напаввал под штрафом взятя

¹ Ligne, II, 49; Сегюр, Tabl. 87, утверждает, что многое было «fardé, déguisé».

² «Чтения Моск. Общ.», 1860, I, 130.

³ Ligne, II, 49.



Лейб-камергеръ и
Генералъ Прокуроръ,
Кавалеръ Высшаго Ордена св. Анны



и св. Екатерины
Орденовъ: Высшаго Россійскаго
Императорскаго Св. Анны Кавалеръ

Князь А.А. Вяземскій.
С гравированнаго портрета Скородумова.

таковых людей под стражу, запрещения им торговать, или, смотря по вине, и неминуемого истязания».¹

Строгость таких приказаний свидетельствует, что чистота, опрятность, зажиточность были редким исключением. Екатерина, напротив, должна была считать все это за обычные явления. Подобный образ действий администрации подал повод к рассказам современников, будто большая часть городов и деревень, показанных на пути императрице, было не что иное, как театральная декорация.² Один из спутников Екатерины, принц де Линь, смеется над подобными слухами, которые он называет нелепыми, но он допускает, что действительно на пути встречались «города без улиц, улицы без домов, дома без крыш, без дверей и окон»; что императрице показывали лишь казенные помещения губернаторов и некоторые находившиеся вблизи каменные строения; что Екатерина не прогуливалась пешком по городам, в которых останавливалась, и поэтому видела меньше, чем некоторые из ее спутников.³ Довольно резко выразил это также и князь Щербатов, замечая: «Монархиня видела и не видела, и засвидетельствование и похвала ее суть тщетны, самим действием обучающие монархов не хвалить того, чего совершенно сами не узнают».⁴

Екатерина любила хвалить и слушать хвалебные отзывы. Она однажды сообщила Гримму о замечании, сделанном принцем де Линь, что нигде нельзя встретить столь опытных и добросовестных чиновников, как в России; другой раз она воспроизвела отзыв де Линя, что население в России умножается быстро, что голод в России совершенно небывалое и неслыханное явление, что между простолюдинами нет худощавых и болезненных и пр.⁵ В одном из своих писем к Гримму императрица объясняет технику дела при учреждении городов в России, труды устраиваемых в подобных случаях комиссий и т. д.⁶ Как видно, Екатерина и ее советники не сознавали меры затруднений при развитии среднего, городского сословия; оптимизм императрицы в таких случаях доходил до крайних размеров. Оказалось невозможным создавать множество городов посредством одних указов и административных распоряжений. Нельзя отрицать, что кое-что было сделано в этом отношении, что правительство, не оставаясь праздным, действительно трудилось над развитием народа, старалось спо-

¹ «Осьмнадцатый век», I, 306.

² Nettmann, VI, 151.

³ Ligne, II, 49.

⁴ Чтения, 1860, I, 80.

⁵ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 487, 676.

⁶ Там же, 603.

собствовать успехам торговли и промышленности, мечтало о преобразованиях, занималось разного рода опытами, но результаты всей этой кипучей деятельности далеко не соответствовали надеждам и намерениям Екатерины и Потемкина. Последний, желая превратить Южную Россию в богатый край, покрытый садами, изобилующий городами, селами, отличающийся производительностью, густым населением и пр., не мог достигнуть этой цели. Из огромного числа деловых бумаг и писем канцелярии светлейшего князя видно, сколь многосторонней и неуспешной была его деятельность при управлении Южной Россией. Но в то же время заметны лихорадочность, поспешность, самообольщение и хвастовство в таком стремлении к чрезмерно высоким целям; приглашение колонистов, закладка городов, разведение лесов и виноградников, зачатки шелководства, учреждение школ, фабрик, типографий, корабельных верфей — все это предпринималось чрезвычайно размахисто, в больших размерах, причем Потемкин не жалел ни денег, ни труда, ни людей; однако многое было начато и брошено; другое с самого начала оставалось на бумаге; самая ничтожная часть смелых проектов оказывалась удобоосуществимой. О скромных результатах административной деятельности Потемкина мы узнаем из рассказов известного путешественника академика Палласа, который, объезжая юг вскоре после самого разгара этих трудов светлейшего князя, повсюду видел полуразрушенные фабрики, неудачно заведенные и оказавшиеся негодными рассадники тутовых деревьев, остановившие свои действия роскошно устроенные заводы и пр. Иосиф II и Сегюр, наблюдавшие за результатами администрации в южном крае, нисколько не обманывались насчет бесполезности большей части предприятий Потемкина и не одобряли громадной заграты деньгами и людьми при преобразованиях, оказывающихся неудобноисполнимыми.

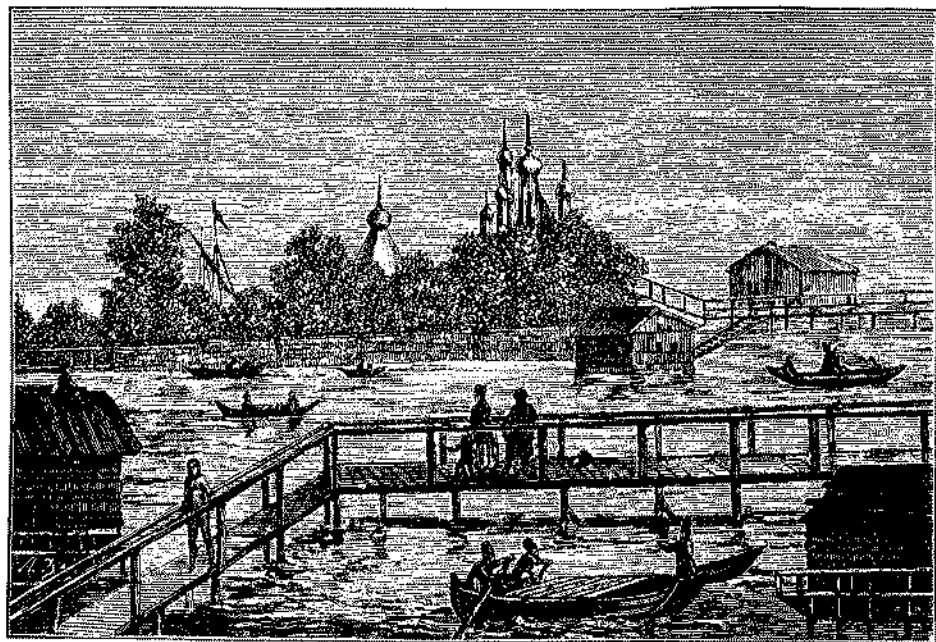
Такое несоответствие между предначертаниями и успехами Екатерины и Потемкина бросается в глаза на каждом шагу при разборе истории администрации и законодательства этого царствования. Особенно же рельефно выступает эта разница при основании Екатеринослава, города, назначенного первоначально для возвешения всему свету славы императрицы.

Уже в 1784 году императрица приказала Потемкину избрать место для постройки города по правой стороне Днепра,¹ и тогда же было велено учредить университет в Екатеринославе.² В начале 1785 года явилось

¹ П. С. З., №№ 15908, 15910.

² Там же, 16057.

множество рабочих в том месте, где предполагалось строить город. Потемкин вызвал из Петербурга кирпичников и поручил им приготовить большие запасы жженого кирпича. В селе Половице начались работы.¹ В донесениях Потемкина от 4 и 8 октября 1786 года указывается на значение Екатеринослава и на богатство всего края, говорится о необходимости



Вид Запорожской сечи в конце 18 столетия.

С гравюры того времени, сделанной с рисунка инженера Боплана.

устроить там университет и выражается надежда, что по соседству Польши, Греции, земель Волошской, Молдавской и народов иллирийских, «множество притечет юношества обучаться».² Далее сказано, что следует выстроить храм в подражание храма Святого Петра в Риме,³ «в знак, что страна сия из степей бесплодных преобразена попечениями вашими в обильный вертоград, и обиталище зверей в благоприятное пристанище

¹ Самойлов в «Р. Архиве», 1867, 1228.

² «Русский Архив», 1865, 66.

³ В бумаге, очевидно, по ошибке сказано «Св. Павла».

людям, из всех стран текущим»; затем Потемкин предлагал построить «судилище наподобие древних базилик, лавки полукружием наподобие пропилей, или преддверия Афинского», с биржей и театром на середине; кроме того, Потемкин предлагал учредить «музыкальную академию, или консерваторию», двенадцать фабрик — шерстяную, шелковую, суконную и т. д. Ко всему этому он прибавил, что для всех предполагаемых зданий уже заготовлено довольно строительных материалов.¹

Что касается университета, то немедленно были приняты меры для его устройства.² Предполагали строить обсерваторию, жилище для профессоров и студентов.³ Уже в 1785 году назначено было жалование университетским наставникам.⁴ Для правления университетскими суммами учреждена канцелярия, чиновники которой получали 1284 рублей в год.⁵ Приглашены были некоторые преподаватели. Знаменитый музыкант Сартти был определен директором музыкальной консерватории. Ему было назначено 3500 рублей жалованья и еще разные доходы; де Гюсин должен был преподавать историю, Леванов экономию, Прокопович земледелие, художники Неретин и Бухаров искусства. На устройство университета была назначена сумма 300000 рублей.⁶ Учреждены были строительные комиссии. Город должен был иметь пространство в 300 квадратных верст. Выгонной земли для пастбища городского скота предназначалось до 80000 десятин. Улицы должны были иметь ширину 30 саженей. На заведение чулочной фабрики предназначено было 340000 рублей; из этой суммы истрачено было 240000 рублей на постройку 200 изб для мастеровых.⁷

Великолепный дом Потемкина отделали совершенно. При доме был сад на прекрасном месте, с двумя оранжереями — одна ананасовая, другая — из лавровых, померанцевых, лимонных, апельсинных, гранатных, финиковых и других дерев.⁸ Соборная церковь, проектированная наподобие храма Святого Петра в Риме, должна была иметь 71 сажень длины, 21 сажень ширины.⁹

¹ «Русский Архив», 1865, 394.

² В 1786 г. говорилось об учреждении университетов в Пскове, Чернигове и Пензе. — П. С. З., № 16315.

³ «Русский Архив», 1865, 869.

⁴ Всего 20178 р. — «Зап. Од. Общ.», II, 774.

⁵ «Зап. Од. Общ.», II, 773.

⁶ Статья Ляликова: «Истор. и стат. взгляд на успехи умственного образования в Новороссийском крае». «Зап. Од. Общ.», II, 332.

⁷ Чулочная фабрика существовала недолго, суконная до 1836 г. «Зап. Од. Общ.», V, 426—453.

⁸ «Зап. Од. Общ.», V, 437.

⁹ Проекты вида собора, составленные итальянцем Моретти, хранятся в музее Общества истории и древностей в Одессе.

Когда Екатерина, сопровождаемая императором Иосифом II, 8 мая 1787 года приехала к тому месту, где строился Екатеринослав, последний уже «имел вид приятного обиталища», — как выражается один из современников.¹ В походной церкви, устроенной в шатре, раскинутом на берегу Днепра, отслужили молебен, а затем происходила закладка собора,² причем Потемкин приказал архитектору «пустить на аршинчик длиннее, чем собор Святого Петра в Риме».³ Рассказывают, будто Иосиф II с саркастической улыбкой сказал при этом своим приближенным, что в один день совершил вместе с императрицей великое дело: «она положила первый камень нового города, он же — второй и последний».⁴

Надежды относительно Екатеринослава не сбылись. Фундамент собора был построен и обошелся казне 71 102 рубля. Затем постройка была приостановлена. Предсказание Сегюра, что в этом соборе никогда не будет службы,⁵ сбылось. Денежных средств не доставало. После заключения мира с Портою были приняты кое-какие меры для отстройки города, но еще в 1795 году, кроме нескольких казенных зданий и весьма немногих частных домов, существовали только дом и сад Потемкина.⁶ Фабрики, устроенные им, вскоре прекратили свои действия.⁷ В тридцатых годах нашего века на том месте, где предполагалось воздвигнуть громадный собор, была построена церковь в гораздо более скромных размерах; фундамент проектированного собора составляет ее ограду.

Екатеринослав не сделался вторым Римом или вторыми Афинами; Херсон, который Екатерина называла «Колоссом», не стал замечательным военным портом. Все это оказалось праздными мечтами. Подобное несоответствие между предположениями с одной стороны и осуществлением их — с другой, повторилось и при основании города Григориополя, названного так в честь Потемкина. Сбылось и предсказание Иосифа, что торговля Херсона никогда не достигнет цветущего состояния.⁸

На севере Сиверс неусыпно трудился во вверенной ему Новгородской губернии, не истрачивая миллионов, не создавая развалин, но в более скромных размерах заботясь о благоденствии народа и стараясь в особенности

¹ Самойлов в «Русском Архиве», 1867, 1232.

² «Зап. Од. Общ.», V, 430.

³ «Русский Архив», 1865, 870.

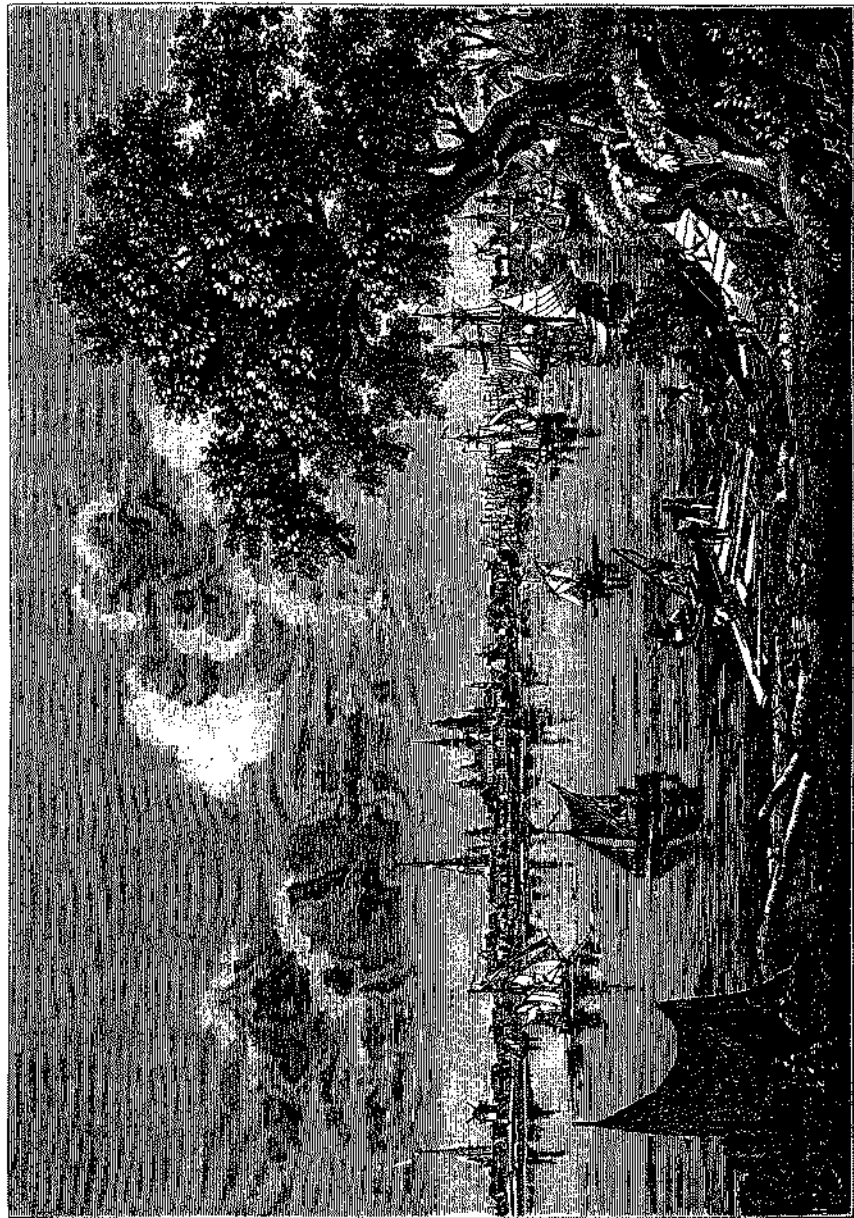
⁴ Masson, «Mémoires secrets», I, 105.

⁵ Masson, «Mémoires secrets», III, 212.

⁶ Georgi, «Beschreibung des russ. Reichs». Königsberg, 1799, II, 850.

⁷ «Зап. Од. общ.», V, 444.

⁸ Arneth, «Joseph u. Katharina», 355.



Вид Риги в конце 18 столетия.
С гравюры 18-го века Дюпарка.

обеспечить городское население.¹ Однако и здесь развитие цивилизации путем постройки городов встречало сильные затруднения, как видно это из следующего эпизода. В 1787 году Державину в качестве губернатора в Петрозаводске было поручено генерал-губернатором Тутолминым ехать в Кемь и открыть там уездный город. По уверению Тутолмина, здесь уже были и присутственные места, и канцелярские служители, но Державин не нашел ни тех, ни других. Чтобы хоть чем-нибудь ознаменовать «открытие города», он решился по крайней мере отслужить обедню и молебен с водосвятием; но на беду священника не оказалось дома: насилу его отыскивали на каком-то острове, куда он поехал на сенокос. Обошли все селение и окропили его святою водой. Тем обряд и кончился. Державин рапортовал об открытии города Кеми.²

Понятно, что некоторые современники-иностранцы, ввиду таких неудач и препятствий, сомневались в успехе царствования Екатерины в отношении к внутренним преобразованиям. Такого рода заявления сильно раздражали императрицу, и она неоднократно возражала печатно на них. Таково, например, главное содержание знаменитого труда ее «*Antidote*», в котором она восставала против французского ученого Шап д'Отерош (*Chappe d'Auteroche*), написавшего сочинение о России. Таковы ее отзывы о сочинениях саксонского легационного секретаря Гельбига и пр.³

Нет сомнения, что Екатерина слишком высоко ценила результаты своей административной и законодательной деятельности. Ее окружали льстецы, на каждом шагу восхвалявшие ее действия и тем самым способствовавшие развитию в ней тщеславия и самолюбия. К тому же не следует забывать, что значительная доля несомненных результатов ее деятельности обуславливалась необычайной самонадеянностью, чрезмерным оптимизмом императрицы. Никто не станет оспаривать трудолюбия Екатерины; серьезные, усидчивые занятия, самая энергичная работа были для нее высшим наслаждением. До последних дней своего царствования она неуспынно трудилась на пользу России. Еще за несколько недель до своей кончины она писала Гримму, что занята громадным законодательным трудом, от влияния которого на нравы всего народа можно ожидать самых важных результатов, так как этой реформой разом будет устранено множество ужасных злоупотреблений и неудобств.⁴

¹ Blum I, 373; Соловьев, XXVII, 155—157.

² Грот, «Державин», VIII, 390.

³ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 651.

⁴ Там же, XXIII, 683.



В.Л. Боровиковский. Портрет Г.Р. Державина, 1795 г.

Барон Гримм писал однажды госпоже Неккер, что главной целью стараний Екатерины в области внутренней политики было развитие в русском народе способности к самоуправлению, уничтожение деспотизма и усиление в ее подданных чувства свободы.¹

Екатерина весьма решительно и систематически отстаивала начала абсолютизма. Неоднократно она утверждала, что неограниченная монархическая власть должна считаться единственной годной для России формой правления. Всякая попытка ослабления центрального авторитета возбуждала в ней негодование и недоверие. Ей казалось необходимым, чтобы все учреждения находились в полной зависимости от нее и действовали исключительно благодаря ее внушениям, ее инициативе. Виды внешней политики заставляли ее защищать конституционализм в Швеции и в Польше. В России, напротив, по ее мнению, должно было господствовать безусловно чисто монархическое начало.

Вскоре после своего воцарения императрица была занята мыслью об усилении деятельности Сената и о создании в то же время возле Сената Государственного совета. Некоторые лица, пользовавшиеся особым доверием Екатерины и отличавшиеся опытностью в политических делах, например, Миних и Панин, обратили ее внимание на необходимость создания учреждения, которое, стоя ближе к личности государя, нежели Сенат, сосредоточивало бы в себе главные отправления государственного организма. И прежде существовали подобные учреждения, как, например, «Верховный Тайный Совет» при Екатерине I, «Кабинет» при Анне Иоанновне, «Конференции» при Елизавете Петровне. Миних в особой записке, преимущественно исторического содержания, указывал на недостатки в устройстве прежних учреждений и выставлял на вид, что должно создать нечто вроде министерского совета, который служил бы посредником между императрицей и Сенатом.² Можно думать, что старый фельдмаршал желал занять самое видное место в предлагаемом им учреждении.

Панин желал обезопасить правление от влияния фаворитов. Поэтому он в особом докладе о необходимости Императорского Совета отозвался в самых резких выражениях о царствовании Елизаветы.³ Записка Панина не

¹ Издано д'Оссонвилем (d'Haussonville) в «Revue des deux mondes», 1-го марта 1880.

² См. его сочинение «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement en Russie». A Copenhague (?) 1774. См. в особенности стр. 183.

³ «Русский Архив», 1871, стр. 1408 и след.

понравилась Екатерине; ее, может быть, оскорбило заметное между строками доклада Панина предположение и опасение, что и во время ее царствования станут оказывать сильное влияние фавориты, против которых нужно защититься учреждением совета. Императрица занялась подробным изучением записки Панина и приготовленного им манифеста, сделала замечания на некоторые выражения. Наконец она подписала манифест — и все же он не был обнародован, и Императорский Совет не был учрежден. Можно думать, что собранные Екатериной мнения от разных лиц заставили ее отказаться от приведения в исполнение этого плана. Любопытны замечания, сделанные генерал-фельдцейхмейстером Вильбуа: «Мне кажется», писал он, «как будто под видом защиты монархии, таким образом склоняется более к аристократическому правлению. Обязательный и государственным законом установленный Императорский Совет и влиятельные его члены могут с течением времени подняться до значения соправителей» и пр.¹

Несколько лет спустя, когда началась турецкая война, Екатерина сочла необходимым учредить «Государственный Совет». Из некоторых записок императрицы к Панину видно, каким образом состоялось это учреждение, вызванное нуждами военной администрации. Панин высказал мнение о том, кого следует назначить членами нового Совета. Он назвал Орлова, Чернышева, себя самого, вице-канцлера Голицына, фельдмаршал Разумовского и генерал-прокурора Вяземского. 4 ноября 1768 года происходило первое заседание, открытое самолично императрицей и имевшее предметом обсуждение мер, необходимых для ведения войны.² Таким образом, Совет имел сначала характер чрезвычайной комиссии, созданной для решения специальной задачи. Мало-помалу он приобрел значение постоянного учреждения. Круг деятельности Государственного Совета расширялся постепенно; вскоре он начал заниматься регулярно всеми делами, относившимися к государственному управлению.³ До 1768 года Екатерина присутствовала весьма часто на заседаниях Сената. Затем она по обыкновению председательствовала в Государственном Совете.

О мере внимания, обращаемого Екатериной на деятельность высших государственных учреждений, можно судить по записке, составленной ею

¹ Соловьев, XXV, 173—182; Blum, «Sieviers», I, 144; разные документы в VII томе «Сб. Ист. Общ.», 200 и след., 338 и след.

² Соловьев, XXVIII, 10—11.

³ См. введение к изданию бумаг Государственного Совета, С.-Петербург, 1869; а также монографию Даневского по этому предмету (СПб. 1859).



3.



2.

4.



1.

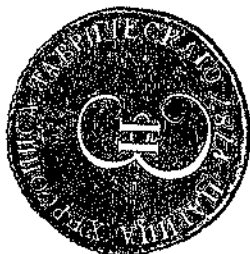




—



6.



—



5.



—



7.

Монеты Екатерининского времени. Снимки с подлинных монет.

- 1) Рубль 1763 года. — 2) Рубль 1766 года. — 3) Рубль последних лет царствования. — 4) Медная сибирская монета. — 5) Крымская серебряная монета. — 6) Копейка 1763 года. — 7) Монета, выбитая в 1772 г., во время занятия Молдавии.

для Вяземского при назначении его на генерал-прокурорскую должность. То было секретнейшее наставление, начинавшееся очень не лестным отзывом о предшественнике Вяземского, Глебова и заключавшее в себе некоторые замечания о недостатках деятельности Сената. Екатерина объясняет подробно, почему прежний генерал-прокурор вследствие недостающего «чистосердечия» и несовершенной «откровенности» должен был лишиться ее доверия. Затем она продолжает: «Вам должно знать, с кем вы дело иметь будете. Ежедневные случаи вас будут ко мне предводительствовать (т. е. приводить); вы во мне найдете, что я иных видов не имею, как наивысшее благополучие и славу отечества, и иного не желаю, как благоденствия моих подданных, какого бы они звания ни были; мои мысли все к тому лишь только стремятся, чтобы как изнутри, так и вне государства сохранить тишину, удовольствие и покой. Увидя от вас верность, прилежание и откровенное чистосердечие, тогда вы ласкать себя можете получить от меня поверенность беспредельную. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить против меня без всякого опасения, лишь бы только то благо произвело в деле. Я слышу, что вас все почитают за честного человека; я же надеюсь вам опытами показать, что у двора люди с сими качествами живут благополучно. Еще к тому прибавлю, что я ласкательства от вас не требую, но единственно чистосердечного обхождения и твердости в делах». Объясняя затем подробнее, каково положение дел в Сенате, каковы в нем различные партии и в чем заключаются недостатки некоторых членов Сената, которых, впрочем, императрица не назвала, она советует новому генерал-прокурору оставаться во всяком случае вполне независимым и беспристрастным. «В чем вы будете сомнительны, — сказано далее в записке Екатерины, — спроситесь со мною и совершенно надейтесь на Бога и на меня, а я, видя такое ваше угодное мне поведение, вас не выдам». Затем Екатерина, порицая довольно резко деятельность Сената за последнее время, приходит к такому заключению, что Россия нуждается в поддержании монархического начала. «Покамест я жива, — пишет Екатерина, — то останемся как долг велит. Российская империя есть столь обширна, что кроме самодержавного государя всякая другая форма правления вредна ей, ибо все прочее медлительнее в исполнениях и многое множество страстей разных в себе имеет, которые все к раздроблению власти и силы влекут, нежели одного государя, имеющего все способы к пресечению всякого вреда и почитая общее добро своим собственным, а другие все, по слову евангельскому, наемники есть».¹

¹ Соловьев. XXVI, 19—21.

№ 738238

ОБЪЯВИТЕЛЮ СЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АССИГНАЦИОННОЙ БАНКЪ ПЯТЬ
РУБЛЕЙ КОЛЛЕЧЕЮ МОНЕТОЮ 1792 ГОДА **ПЯТЬ**

Д. Б.

С. П. Пятирублевая

№ 738238

№ 738238

С. П. Пятирублевая

Пятирублевая ассигнация Екатерининского времени.
Факсимиле подлинной ассигнации.

Принимая участие в заседаниях Сената в первое время своего царствования, императрица приобрела вскоре некоторый опыт в делах.¹ Нередко она упрекала сенаторов в нерадении, выражала свое неудовольствие по случаю частых споров и пререканий, происходивших между ними, жаловалась на «ужасную медлительность» Сената и пр. Вскоре она решилась разделить Сенат на шесть департаментов. В манифесте, объяснявшем это нововведение, сказано: «Правило неоспоримое, что всякого государства благосостояние основано на внутреннем спокойствии и благоденствии обитателей, и что тогда только обладатели государств прямо наслаждаются спокойствием, когда видят, что подвластный им народ не изнурен от разных приключений, а особливо от постановленных над ним начальников и правителей; но нельзя иначе сего достигнуть, как только добрым учреждением внутренних распорядков и всех государственных и судебных правительств, которые в истории нашей, по состоянию нынешнего времени, весьма недостаточны, что можно наиболее всего усмотреть в нашем сенате, в который не только апелляционные, но и всякого рода дела из всего государства с требованием резолюции вступают, и который столь отягчен множественным числом оных, что превосходит силы человеческие все оные дела решить в надлежащее время».²

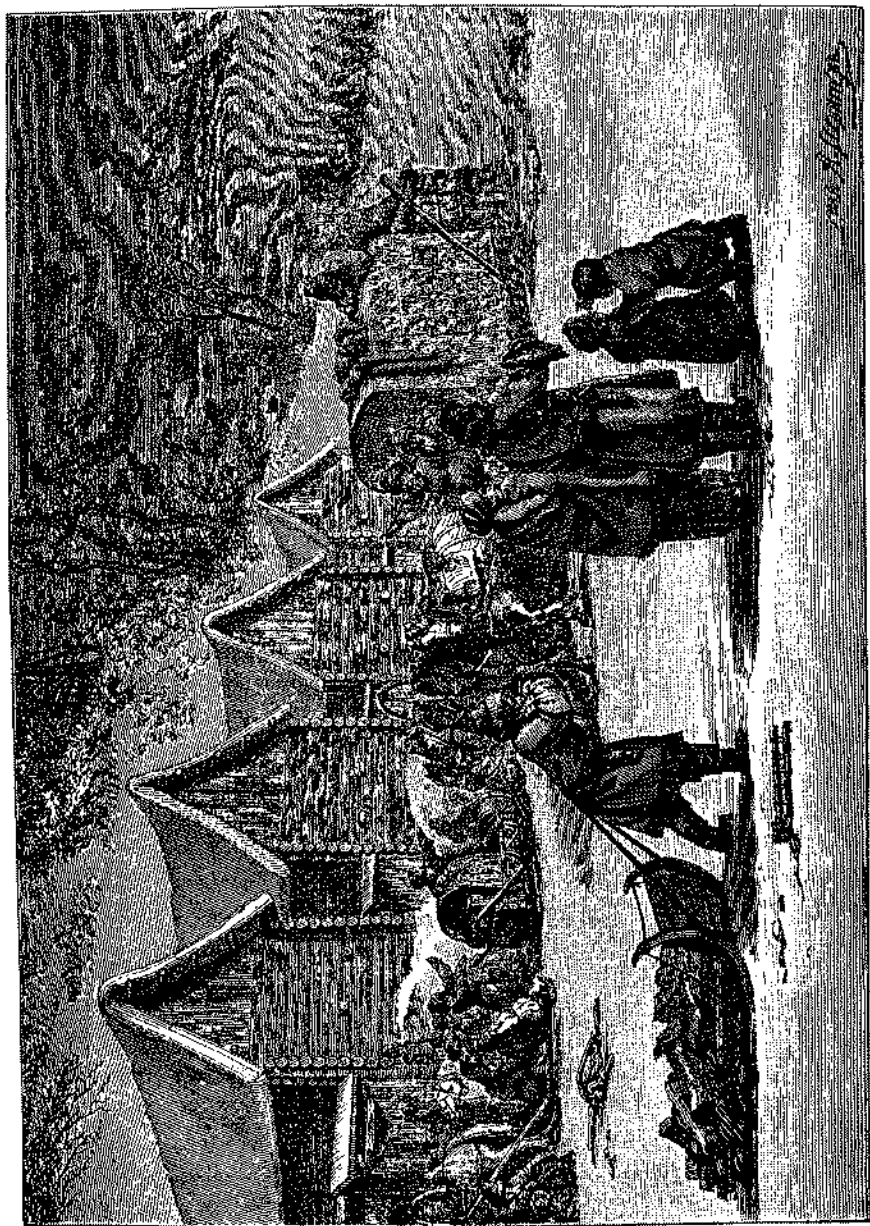
Петр Великий, как известно, видел в коллегиальной форме правления главное средство к ограничению личного произвола сановников; это убеждение заставило его вверить Сенату широкую власть. Екатерина, напротив, старалась руководить Сенатом через генерал-прокурора, пользовавшегося личным доверием императрицы. Успех действий и других учреждений во время этого царствования обуславливался участием в них лиц, которых можно было считать как бы непосредственными исполнителями воли императрицы. Такими лицами были, например, Вяземский, Бецкий, Миних, Неплюев, Шаховской и др.³ При таких обстоятельствах Сенат уже в первое время царствования Екатерины лишился своего прежнего значения. Сиверс особенно обвинял Вяземского в том, что он был виновником подобной перемены.⁴ В 1775 и 1781 годах Екатерина мечтала о преобразовании Сената, однако исполнение ее предначертаний не состоялось.

¹ См. статью Соловьева в «Древней и Новой России», 1875, I, 22 и след.

² Соловьев, XXV, 263—264.

³ См. некоторые замечания в монографии Градовского о высшей администрации России в XVIII веке и о генерал-прокурорах. Спб., 1866, стр. 204 и след.

⁴ Blum, II, 141, 155, 181, 303.



Русская деревня на почтовом тракте в 18 столетии.
С гравюры 18-го века Лепренса.

И в области местного управления было заметно личное влияние Екатерины, находившейся в переписке с некоторыми губернаторами и составившей для них подробные инструкции. Когда Елагин в 1765 году составил «Наставление губернаторам», где губернатор называется поверенной от государя особой, главой и хозяином всей губернии, был опубликован указ, в котором при перечислении обязанностей губернатора сказано следующее: «Он во всем том пред нами, яко хозяин своей губернии, отчет и ответ дать долженствует и незнанием или непроницательством отговариваться не может», и т. п.¹

При составлении правил учреждения для управления губерний (в 1775 году) Екатерина особенно воспользовалась знанием дела и политической опытностью Сиверса, с которым она постоянно находилась в личных отношениях или в переписке. Вместе с ним она занималась всеми подробностями предмета, причем обнаруживала необычайную рабочую силу.² Эти работы доказывают, что императрица, обращая внимание на вопросы внешней политики, не упускала из виду и управление делами внутри государства. При учреждении наместничеств столько же, сколько и при определении прав дворянства (в 1785 году) и при составлении правил о городском положении, Екатерина пожинала плоды трудов Законодательной Комиссии 1767 и 1768 годов. Работая усидчиво над этими преобразованиями, императрица довольно часто сообщала своим друзьям, например, барону Гримму, о ходе дела, об удовольствии, которое доставляет ей такой труд, о надеждах, возлагаемых ею на новые учреждения и пр.³

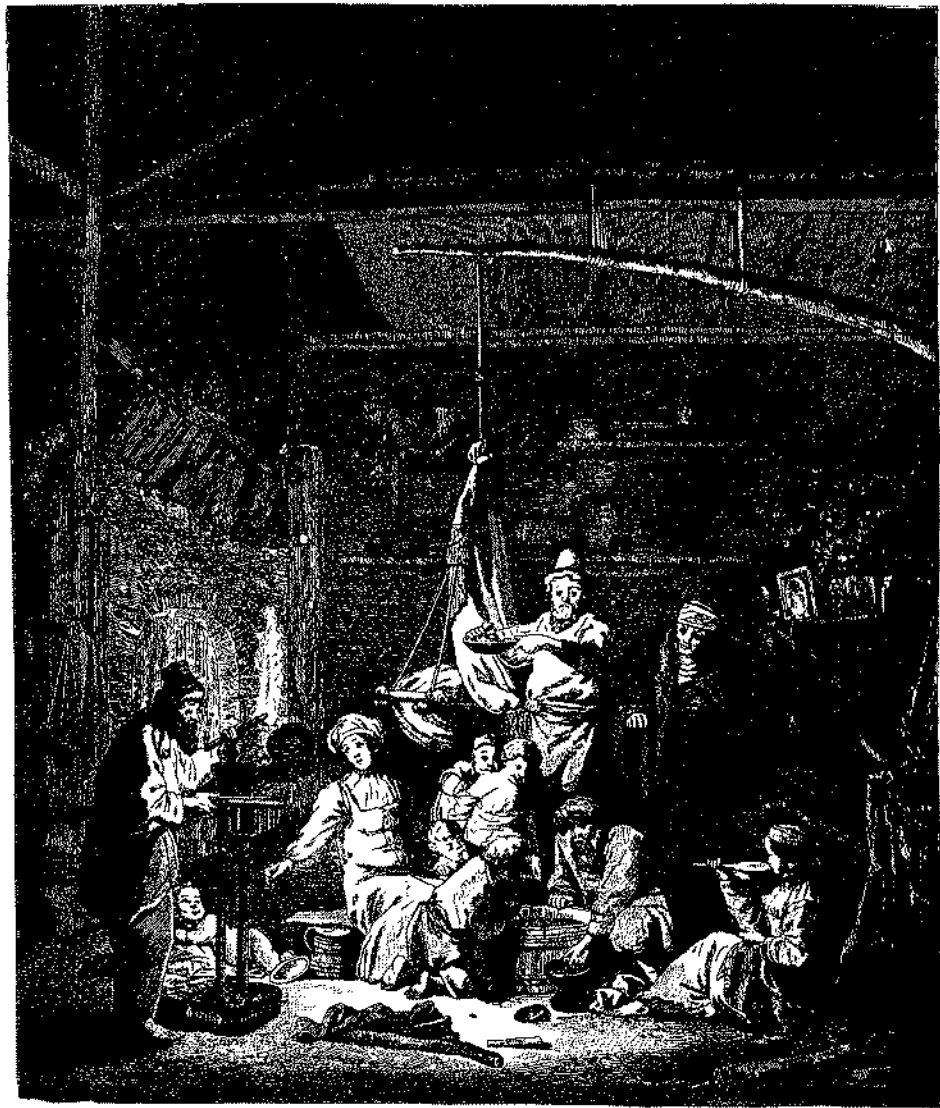
В сделанном нами обзоре истории Большой Комиссии мы указывали, как Екатерина относилась к вопросу об особых правах и привилегиях Малороссии и Лифляндии. В ее деятельности заметно стремление к соединению всех частей России в одно целое.

Около 1764 года в Малороссии возникла мысль о наследственном гетманстве. Возмечтали о чем-то вроде малороссийской династии Разумовских. После того, однако, как императрица всячески противодействовала введению наследственной монархии в Польше, она, разумеется, тем не менее могла согласиться на такого рода нововведение в Малороссии.

¹ Соловьев, XXVI, 30—33; «Сб. Ист. Общ.», VII, 352 и след.

² Blum, II, 89.

³ Об учреждении наместничеств см. Блюма, II, 112, Градовского 227, монографии Андреевского «О наместниках, воеводах и губернаторах», Спб. 1864, 131—154. О Сиверсе, кроме сочинения Блюма, см. Соловьева, XXVI, 135, 142; XXVII, 71; XXIX, 120.



Внутренность крестьянской избы в конце 18 столетия.
С гравюры 18-го века Лепренса.

Агитация в пользу Разумовских сильно не понравилась Екатерине. Вот что сказано в инструкции, составленной ею для Вяземского по этому поводу: «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся подтвержденными им привилегиями; нарушить оные отрешением всех вдруг весьма непристойно бы было, однако ж и называть их чужестранными и обходиться с ними на таком же основании есть больше нежели ошибка, а можно назвать сие ¹ достоверною глупостью. Сии провинции, также Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу. К тому приступ весьма легкий, если разумные люди избраны будут начальниками в тех провинциях; когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб век и имя гетманов исчезло, не токмо бы персона какая была произведена в оное достоинство».²

Можно подумать, что это было писано после получения Екатериной известия об агитации в пользу преемственности гетманства. Она твердо решила противодействовать таким мечтам и поручила Теплому составить записку по этому вопросу. Записка Теплова побудила императрицу энергически приняться за искоренение беспорядков в Малороссии, начав это с уничтожения гетманства.³

Граф К. Г. Разумовский был вызван в Петербург. В одной из записок Екатерины к Панину сказано: «Гетман был у меня, и я имела с ним экспликацию, в которой он все то сказал, что и вам, а наконец просил меня, чтоб я с него столь трудный и его персоне опасный чин сняла. Я на то ответствовала, что я теперь о его верности уже сомневаться не могу, а впредь с ним далее изъяснюсь. Теперь извольте ему моим именем сказать сегодня или завтра, чтоб он письменно подал то, что он мне говорил». В другой записке, к Панину же, императрица пишет: «Приведите, пожалуй, скорее к окончанию дело гетманское». Гетман подал просьбу об увольнении. Екатерина передала просьбу на обсуждение коллегии иностранных дел, которая пришла к убеждению в необходимости отменить вообще гетманское правление в Малороссии. Таким образом, состоялось учреждение малороссийской коллегии вместо гетманского правления; председателем был назначен граф Петр Александрович Румянцев, который получил от императрицы обширное наставление относительно своей должности и сделан малороссийским генерал-губернатором.⁴

¹ У Соловьева «с» (?).

² Соловьев, XXVI, 39.

³ Там же, 43.

⁴ Соловьев, XXVI, 39—48.



Аллегория на издание Екатерининского «Наказа».
С гравюры 19-го века Шюффара.

Современники при этом случае обвиняли Теплова в коварстве. Есть основание думать, что действительно ему принадлежала весьма важная роль в перемене, постигшей Малороссию. Он, как окажется впоследствии, был главным виновником прикрепления малороссийских крестьян к земле; на бумагах, относящихся к этой перемене в Малороссии и хранящихся в государственном архиве, помечено рукою Екатерины: «Сохранить в тайне». Многое бы разъяснилось, если бы бумаги Теплова были напечатаны.¹

В образе действий Екатерины в течение этого дела заметно некоторое раздражение. Ее переписка с Тепловым осталась пока неизвестной. Зато из переписки Екатерины с Румянцевым мы усматриваем, в какой мере императрица старалась содействовать сближению Малороссии с империей и противодействовать сепаратизму в этой провинции.² Порою там происходили беспорядки, заставившие Екатерину приказать Потемкину занять Сечь и все Запорожье вооруженной рукой; Запорожье перестало существовать (5 июня 1775 года).

Мы уже знаем, что Екатерина была недовольна также стремлением к некоторой самостоятельности в Прибалтийском крае. После воцарения она медлила с подтверждением привилегий Эстляндии и Лифляндии. В Петербурге говорили о необходимости лишь условного, ограниченного признания этих привилегий, указывая на несоответствие их с общими законами и интересами империи. Тем не менее последовало безусловное подтверждение прежних прав Остзейского края, причем императрица объявила, что не намерена лишить лифляндцев тех преимуществ, которые они наследовали от своих предков.³

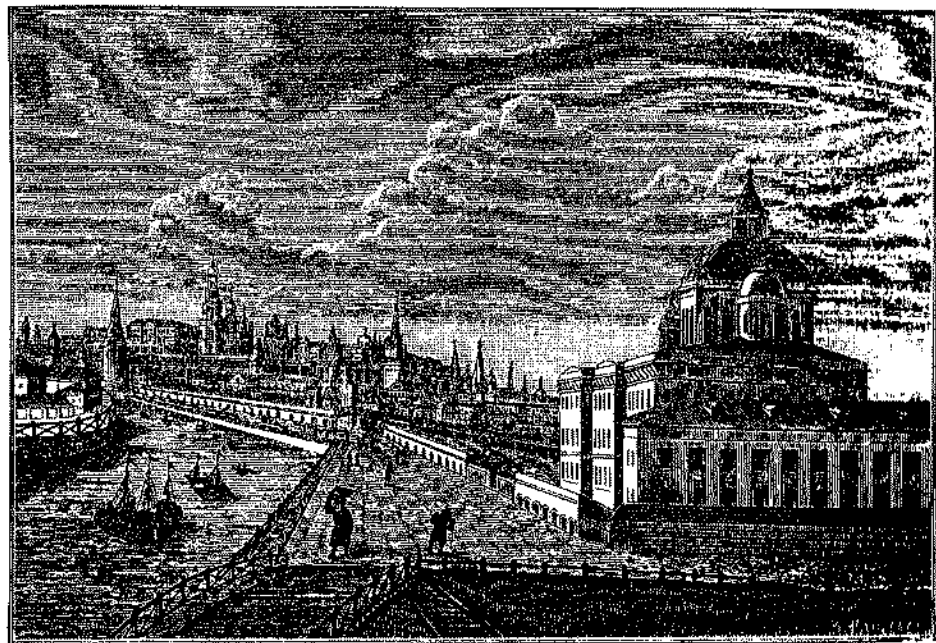
Вскоре, однако, оказалось, что генерал-губернатор Броун (Browne) играл в Прибалтийском крае ту самую роль, какую играл в Малороссии Румянцев, и что существовал некоторый антагонизм между стремлением к единству правительства и сепаратизмом лифляндцев и эстляндцев, относившихся, впрочем, весьма сочувственно к правительству вообще и к императрице в особенности. Екатерина неоднократно выражала свое расположение к Прибалтийскому краю. Так, например, однажды она изъявила желание, чтобы между членами Сената всегда находилось несколько лифляндцев для того, чтобы правительство всегда могло подробно знать о нуждах этой провинции. Подтверждая прибалтийские привилегии, Екатерина

¹ «Осьмнадцатый век», II, 467.

² Соловьев, XXVI, 150 и след.; XXVII, 28 и след. и 134 и след.; «Сб. Ист. Общ.», IX, 405—417.

³ Eckardt, «Livland im achtzehnten Jahrhundert». Leipzig, 1876, I, 288—297.

заметила: «Впрочем, я должна сознаться в том, что ни я, ни кто-либо иной знает, полезны ли краю эти привилегии, основаны ли они на обычае, или на предании, или на формальных законах; я, однако, думаю, что пока главным делом должно считаться сохранение спокойствия в этой провинции».¹



Воспитательный дом в Москве.
С гравюры начала 19-го века.

Императрица постоянно старалась собирать сведения о состоянии Прибалтийского края; о многом она узнавала из бесед с Сиверсом и Далем,² из переписки с Броуином и пр. В 1764 году она посетила Эстляндию и Лифляндию. Достойны внимания некоторые замечания в собственноручном проекте манифеста Екатерины, в котором она признавала результаты культурного развития Остзейского края. Здесь сказано (в 1778 году): Лифляндия, под звуками оружия пришедшая к России, купно с оной, трудами человечества представляет преодоленное естественное положение, болота,

¹ Blum, I, 142.

² «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 164.

обращенные в луга, леса в пашни, пустыни в деревни и города, камень — в здания, посреди глубоких снегов — растущие сады, копаные огороды, между толстых льдин — корабли и суда, готовые к плаванию, несмотря на суровость полугодичной зимы, с веселием ожидающие лета и с ним своих питомцев водоходцев с готовым повсюду для нее привозом как пропитания, так и товара».

Порой обнаруживалось некоторое неудовольствие в отношении к Прибалтийскому краю и Финляндии. Сенат требовал, чтобы служащие в рижской, ревельской и Выборгской канцеляриях старались приобрести совершенное знание русского языка, и жаловался на то, что «теперь Лифляндия, Эстляндия и Финляндия в производстве дел причиняют некоторое затруднение».¹

Введение в Прибалтийском крае (в 1783 году) нового положения о наместничестве заключало в себе некоторое ограничение прежних прав Эстляндии и Лифляндии. Самую важную долю в этой перемене имел генерал-прокурор Вяземский. Происходили и иные нововведения, отчасти не понравившиеся местному населению. Порою Сиверс старался отстаивать прежние права прибалтийских провинций, в которых, впрочем, не все элементы населения во что бы то ни стало были убеждены в необходимости сохранения в целостности старых порядков и учреждений; оказалось важной задачей изгладить прежние различия между сословиями и разными элементами населения. Принцип реформы, прогресса восторжествовал и здесь, как в Малороссии; стремление к единству со стороны правительства не могло не получить перевеса над местными привилегиями.

Хозяйственный быт

Кипучая деятельность правительства во время царствования Екатерины, обширные предприятия императрицы — требовали громадных материальных средств. Размеры государственного бюджета росли быстро. Между тем как в 1763 году расходы государства составляли сумму 17 миллионов рублей, эта цифра в конце царствования Екатерины, в 1796 году, увеличилась до 70—80 миллионов.¹

В составленной около 1779 года записке Екатерины об учреждениях, введенных в России в ее управление, сказано о положении финансов в на-

¹ Соловьев, XXIX, 122.

чале ее царствования следующее: «При вступлении моем на престол я нашла сухопутную армию в Пруссии, за две трети жалование не получившую. В статс-канцелярии именные указы на выдачу семнадцати миллионов рублей не восполненные... Почти все отрасли торговли были отданы частным людям в монополию. Таможни всей империи Сенатом даны были на откуп... Кредита или доверия к России не существовало» и пр. Затем в записке говорится о некоторых мерах императрицы к улучшению финансов и об успехах ее деятельности в этом отношении.²

По рассказу одного из иностранных дипломатов (в 1780 году) видно, с каким удивлением современники следили за необычайно быстрым развитием размеров бюджета России. Находили, что введение новых налогов и податей не оказывалось особенно тягостным для подданных, удивлялись личному участию императрицы в труде финансового управления.³

При постоянно возрастающих размерах бюджета оказалось необходимым прибегнуть к государственному кредиту, занимать значительные суммы у иностранных капиталистов и придумывать более или менее сложные финансовые операции. Впрочем, Екатерина не хотела сознаваться в том, что государство при ней боролось с чрезвычайными финансовыми затруднениями, начавшимися уже во время первой турецкой войны и усложнявшимися все более и более во второй половине ее царствования. В 1771 году императрица однажды писала Фальконету, что из сочинских Монтекукули узнала правило, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги.⁴ Зато вскоре после заключения Кучук-Кайнарджийского мира императрица гордилась тем, что, несмотря на огромные расходы во время войны, она была в состоянии возратить голландцам занятую у них значительную сумму денег.⁵ Когда один французский авантюрист хотел указать Екатерине на «простое средство иметь в течение четырех месяцев 30 миллионов, без малейшего отягощения», она писала сообщившему ей об этом ваятелю Фальконету: «Я имею обыкновение отвечать составителям золота и денежных проектов: господа, воспользуйтесь своими выдумками сами, чтобы не просить милостыню. Вы знаете или не знаете, что я не люблю пользоваться новыми источниками для добывания денег без необходимости; быть может, вы мне не поверите, если я скажу вам, что по-

¹ См. таблицу, составленную Куломзным в введении к XXVIII тому «Сб. Ист. Общ.», стр. XXXII и след.

² «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 170 и след.

³ Herrmann, «Ergänzungsband», 616 и след.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XVII, 137.

⁵ Там же, VI, 313.

сле пятилетней войны я нисколько не нуждаюсь в денежных средствах; между тем это правда, я отказалась от сорока миллионов, которые мне предлагали четыре месяца тому назад», и пр.¹

При всем том, однако, финансовое положение России в последнее время царствования Екатерины становилось хуже и хуже. Турецкая и шведская войны, разделы Польши, участие в борьбе против революционной Франции — все это требовало чрезвычайного напряжения материальных сил и средств государства. Понятно, что в письмах и записках современников встречаются в это время многие заметки о безденежье казны.²

Учреждение ассигнационного банка в 1769 году состоялось при личном участии в этом деле императрицы, которая и при этом случае руководствовалась советами Сиверса.³ Она следила за всеми частностями дела, как видно между прочим из ее записки к Елагину от 1 апреля 1769 года: «С крайним удивлением слышу, что государственные ассигнации дворцовая канцелярия отказывается принимать от частных людей. Один мужик принес бумагу, а ему сказали, принеси денег. Разве мои установления недействительны в дворцовой канцелярии, или подьячие шалят для своего прибытка мерзкого, для того, что на ассигнации прочета нету? Изволь сие немедленно исследовать и преступников моих установлений прошу наказать».⁴

Между бумагами императрицы сохранились собственноручный проект ее об ассигнационных банках в Петербурге и Москве и разные, довольно подробные заметки, относящиеся к этому предмету.⁵

Как известно, предприятие это оказалось далеко не безопасным, так как политические обстоятельства и усилившиеся расходы заставляли правительство увеличить массу обращающихся в народе бумажных денег. Вследствие этого появился значительный лаж, дошедший в 1796 году до того, что 1 рубль серебряной монетой равнялся 142 копейкам ассигнациями. Недаром генерал-прокурор Вяземский предсказывал такого рода денежный кризис, хотя он тем самым возбудил неудовольствие Екатерины.⁶ Сиверс горько жаловался на то, что императрица не имеет

¹ Там же, XVII, 187—188.

² Harris, II, 10, 18; «Русская Старина», XV, 243, 718—719; XVI, 8, 418; Herrmann. «Ergänzungsband», 655; Письма Безбородко в XXIX т. «Сб. Ист. Общ.», стр. 65 и 68.

³ Blum, I, 273 и след.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», X, 334.

⁵ «Сб. Ист. Общ.», X, 313—317.

⁶ Ségur, Mémoires, II, 394 и след.

понятия об ущербе, нанесенном народному хозяйству этой денежной операцией.¹

Между тем Екатерина, насколько возможно, следила за ходом всех дел, относившихся к народному благосостоянию. Так, например, она старалась, хотя безуспешно, устроить казнокрадство и взяточничество чиновников. Всякий раз, когда она узнавала о случаях злоупотреблений,



Титульный лист
«Московского ежемесячного издания».

**ДРЕВНЯЯ
РОССІЙСКАЯ
ВИВЛІОФИКА,**

ИЛИ

Собрание разныхъ древнихъ сочиненій, яко то: Россійскія посольства и друтія государства, рѣдкія грамоты, описанія спаденихъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей, и многія сочиненія древнихъ Россійскихъ Стихотворцевъ,

издаваемая

Николаемъ Новиковымъ,
Членомъ

Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ЧАСТЬ II.

Изданіе Второе.



Титульный лист московского издания
«Древняя Российская Вивлиофика», 1782 г.

приказывала производить строгое следствие, сама просматривала дела, стараясь составить себе точное понятие о мере виновности подсудимых.² В ее предписании Правительствующему Сенату (в октябре 1763 года) ска-

¹ Влуг, II, 530.ы

² См., напр., «Сб. Ист. Общ.», XI, 50—56.

зано: «Время уже настало, чтоб лихоимство искоренить, что весьма желаю в покое пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегают Божий закон и государственные права и в том чинят Российскому государству недобро... Ныне правду всю изринули да и из России вон выгнали, да и слышать про нее не хотят, что российский народ осиротел, что дети малые без матерей осиротели; или оным дворянам не умирать, или им пред Богом на суде не быть, такой же им суд будет: ею же меру мерите, возмерится и вам».¹

Подобно Петру Великому и Екатерина постоянно мечтала и заботилась о развитии торговли и промышленности. Так, например, она распорядилась об отправлении за границу для обучения коммерции молодых купцов из Архангельска, причем, однако, заметила, чтобы это было сделано не иначе, как с согласия родителей.² Ее занимала мысль о развитии русской торговли в Средиземном море.³ Когда граф Редерн составил проект об учреждении морской кампании, императрица снабдила его записку собственноручными подробными замечаниями.⁴ Между бумагами Екатерины сохранилась объемистая записка о мануфактурах, в которой она подробно говорит о промышленности вообще, о разных ее видах, о рабочей плате и т. д.⁵ Еще в бытность великой княгиней Екатерина указывала на значение торговых сношений с Азией. Она писала: «Соединить Черное море с Каспийским, и оба — с Северным, направить торговлю Китая и Восточной Индии чрез Татарию значило бы возвысить Россию на степень могущества, высшую чем прочие государства Европы и Азии».⁶ Развитие путей сообщения и постройка ; каналов во время царствования Екатерины сходны с успехом деятельности Петра Великого в этом отношении. Особенно важны были заслуги Сиверса, руководившего работами этого рода. Одно из путешествий императрицы имело целью осмотр результатов таких сооружений.⁷ Неоднократно императрицу занимал вопрос о дороговизне хлеба, причем она весьма тщательно обсуждала меры против этого зла.⁸

¹ Там же, VII, 322.

² Письма и бумаги Екатерины, изд. Бычковым. Спб. 1873, стр. 10. П. С. З. № 12150. «Русская Старина», XIII, 437—439.

³ «Русск. арх.», 1870, 541.

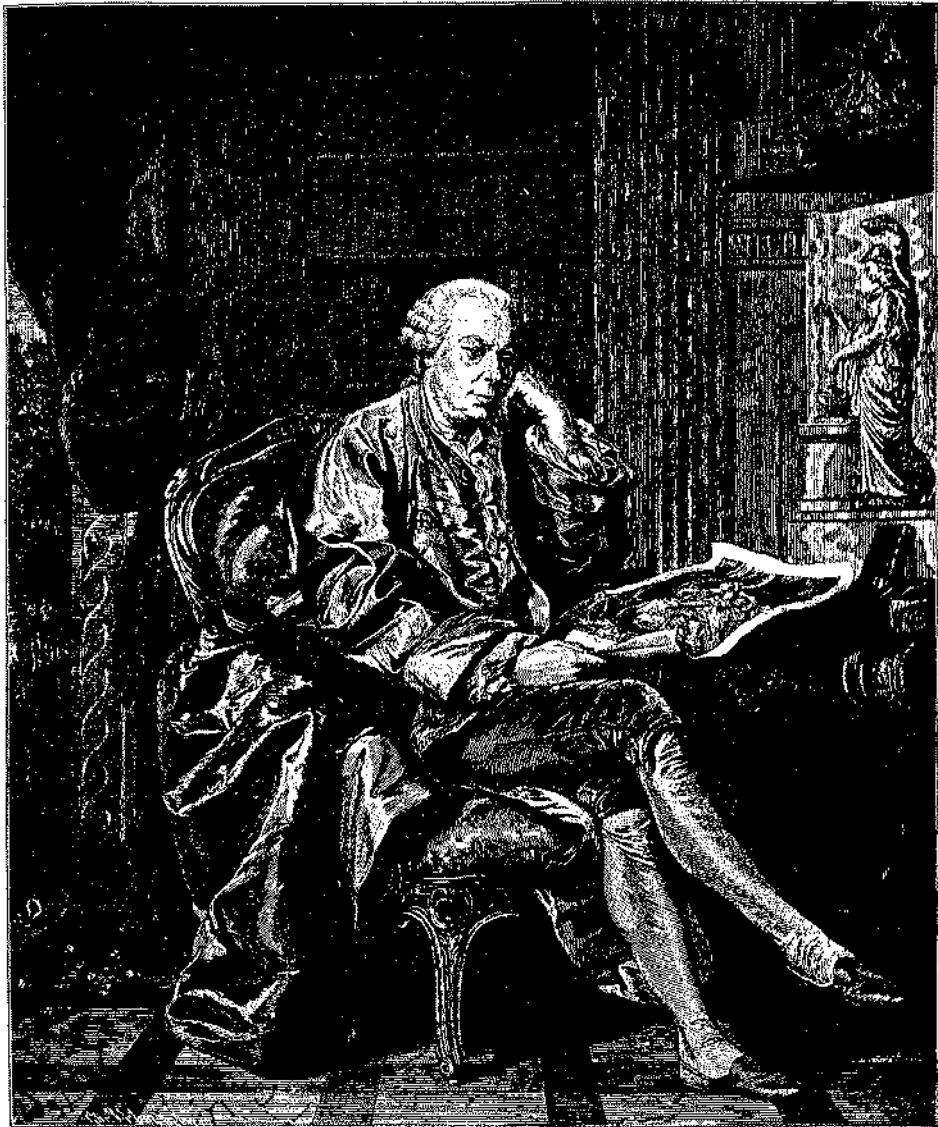
⁴ «Сб. Ист. Общ.», X, 358, 385.

⁵ «Русский Архив», 1865, 501—510.

⁶ «Сб. Ист. Общ.», VII, 100.

⁷ См. мою статью о путешествии 1785 г. в журнале «Vom Fels zum Meer» выпуск III.

⁸ «Сб. Ист. Общ.», VI, 183; X, 213—218, и пр.



И.И. Бецкий.
С гравированного портрета Дюпюи.

Уже выше было указано на участие, которое принимала императрица в проектах решения крестьянского вопроса. По ее внушению этот важный предмет появился между очередными занятиями учрежденного ей в 1765 году Вольного Экономического Общества. Она же, как мы видели, назначила сумму в 1000 червонцев в награду за лучшее сочинение об отмене крепостного состояния крестьян. Неоднократно императрица, письменно и подписываясь «I.E.», обращалась к Вольному Экономическому Обществу с запросами по этому важному предмету. Достойны внимания ее беседы с Далем во время пугачевщины. Склонив голову на руку и с озабоченным видом, она говорила о крестьянском вопросе: «Да, дело нелегкое; оно немало меня озабочивает, и все-таки оно остается в одинаковом положении. Я боюсь, не вышло бы из этого чего-либо вроде американского колониального дела, если только я его затрону. Где только ни начнут его трогать, оно нигде не поддается. Императрица-королева (Мария Терезия) при всем своем старании не подвинулась ни на шаг. И мне предстоит те же трудности; они окажутся еще большими, когда только примусь действовать. Однако, как жаль! Удалось же мне окончить многие другие дела. Я надеюсь, что обстоятельства сложатся так, что не пойдут наперекор моим намерениям».¹

И с Сиверсом императрица неоднократно беседовала и переписывалась о крестьянском вопросе; он чрезвычайно решительно и смело указывал на необходимость реформы, предсказывая страшный кризис в будущем, если не будут заблаговременно приняты меры для предупреждения зла. Из его замечаний можно заключить о тех затруднениях, с которыми императрице приходилось бороться в этом деле.² Она сама, впрочем, думала, что ужасные кризисы вроде пугачевщины угрожали России. Разбирая бумаги, относившиеся к кое-каким преступлениям, совершенным крестьянами, Екатерина писала генерал-прокурору Вяземскому: «Пророчествовать можно, что, если за жизнь одного помещика в ответ и в наказание будут истреблять целые деревни, что бунт всех крепостных деревень впоследствии, и что положение помещичьих крестьян таково критическое, что кроме тишиной и человеколюбивыми учреждениями ничем избежать не можно. Генерального освобождения несносного и жестокого ига не впоследствии, ибо, не имев обороны ни в законах и нигде, следовательно, всякая малость может их привести в отчаяние; коль паче мстительный такой закон, как Сенат вздумал некетати не в ладу издать. Итак, прошу быть

¹ «Русская Старина», XVII, 14—15.

² Blum, II, 95—97.

весьма осторожным в подобных случаях, дабы не ускорить и без того довольно грозящую беду, если в новом узаконении не будут взяты меры к пресечению сих опасных следствий. Ибо, если мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческого роду нетерпимого положения, то и против нашей воли сами оную возьмут рано или поздно. Из сих строк можете сделать такое употребление, как вы сами для пользы империи заблагорассудите. Ибо небезнужно, чтоб не я одна сие только чувствовала, но и другие оглянулись в своих предубеждениях».¹

Между бумагами Екатерины был найден проект «об устройстве свободных сельских обывателей». Он, как кажется, составлен не самой императрицей, однако поправки и примечания ее свидетельствуют о внимании, с которым она просматривала этот проект и занималась всеми частностями предмета.²

Французский посланник Верак доносил в 1780 году, что императрица при учреждении наместничеств имела целью узнать точнее и подробнее о злоупотреблениях и неудобствах в области администрации. «Особенно же», продолжает Верак, «это нововведение должно было положить конец произволу и жестокости помещиков в их обращении с крепостными крестьянами; мало того: императрица хотела постепенно отменить крепостное право, и, между прочим, намеревалась ежегодно освобождать некоторое число крестьян дарованием им гражданских прав в разных городах. Однако исполнение такого плана не состоялось по недостатку в честных и добросовестных чиновниках. Таким образом, государыня, к крайнему сожалению, потерпела неудачу в этом важном предприятии».³

Нельзя не признать, что, несмотря на убеждение императрицы в необходимости реформы, на ее стремление к улучшению быта крестьян, па некоторые составленные ею планы для достижения этой цели, положение крепостного сословия не только не улучшилось во время царствования Екатерины, но даже становилось хуже. Допуская, что на Екатерине лежит некоторая доля ответственности за это ухудшение положения массы народа, нельзя не сознавать в то же время, что обстоятельства препятствовали проведению реформы. Не без основания Екатерина, беседуя с Далем, указывала на опасность предпринять эмансипацию. При каждом слухе о яко-

¹ «Осьмнадцатый век», III, 390—391.

² Изд. Вешняковым в XX т. «Сб. Ист. Общ.», стр. 447—498. Впрочем, ссылки на Блекстона и указания на биографию Нумы Помпилия в тексте проекта сходны с характером таковых же замечаний в других сочинениях Екатерины.

³ Heitmann, «Ergänzungsband», стр. 620.

бы предстоящей перемене происходили волнения в крестьянском сословии. Мысль об освобождении крестьян возбуждала сильное негодование в среде привилегированных сословий. Прения в Большой Комиссии дали императрице понятие об оппозиции, на которую она могла рассчитывать при коренных мерах преобразования в этой области. К тому же надо вспомнить, что с самого начала царствования Екатерины в разных частях империи происходили бунты крестьян, что эпоха пугачевщины также не благоприятствовала реформе, и что некоторые лица, пользовавшиеся доверием Екатерины, оставались сторонниками крепостного права и были проникнуты убеждением, что крестьяне не нуждались вовсе в реформе. В таком смысле княгиня Дашкова объясняла положение дела в беседе с Дидро в Париже;¹ это мнение разделял и граф Сегюр, находивший положение крестьян в России вообще удовлетворительным.² Все это объясняет противоречие, которое заключалось в теоретических воззрениях и практических мероприятиях императрицы в отношении к крестьянам. Обстоятельства заставили Екатерину объявить в самом начале ее царствования о своем намерении «сохранять ненарушимо помещиков при их имениях и владениях и содержать крестьян в должном им повиновении»;³ в конце 1762 года она подписала «Наставление князю А. Вяземскому об усмирении горнозаводских крестьян и разбор жалоб между ними и владельцами их».⁴ Затем, однако, строже прежнего было запрещено крестьянам подавать челобитные.⁵ Только разве в виде исключения и случайно правительство узнавало об ужасах, происходивших в обращении помещиков с крестьянами, и в таких случаях императрица принимала участие в разборе дела и определяла меру наказания. Самым крупным фактом такого рода был случай с Салтычихой, строго наказанной императрицей за целый ряд преступлений, совершенных над крепостными крестьянами.⁶ Прикрепление крестьян к земле в Малороссии, страшное зло одиночной продажи крестьян во все время царствования Екатерины, ужасные истязания, которым подвергались крестьяне, жаловавшиеся на своих господ, и пр. — все

¹ Memoirs of the princess Dashkaw, I, 165—167.

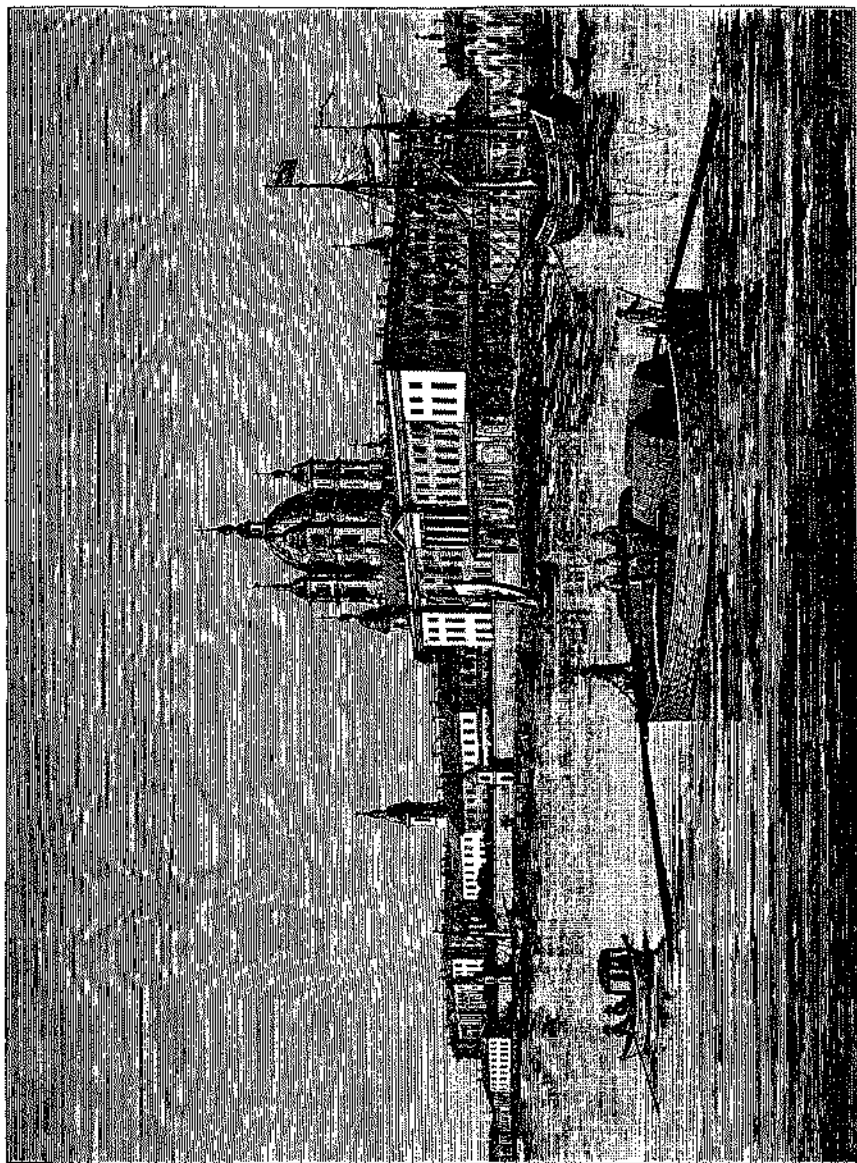
² Ségur, Mémoires, II, 238 и 246.

³ Соловьев, XXV, 146.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», VII, 188 и след.

⁵ См. статью В. Семевского в «Русской Старине», XVII, 675.

⁶ О таких случаях см. Соловьева, XXV, 280—284. П. С. З. 13211, 13758; Соловьева, XXII, 154. — «Русская Старина», XIX, 43. — «Осьмнадцатый век», I, 171, 174; Соловьева, XXIX, 133—134. «Русская Старина», XVII, 611 и след. О Салтычихе целая литература, о которой я говорил в моей статье в «Rigasche Zeitung», 1871, № 272 и след.



Смоленский монастырь и его окрестности.
С рисунка 18-го века Урениуса, из собрания П. Я. Дашкова.

это далеко не соответствовало теоретическому либерализму императрицы, любившей говорить и писать о правах человеческих, о началах гуманности и цивилизации. Воззрениям, заимствованным Екатериной из литературы просвещения, противоречили и некоторые отзывы ее о положении крестьян. Справедливо было замечено, что императрица с течением времени даже и на словах перестала высказывать либеральные мысли по крестьянскому вопросу, не говоря уже о том, чтобы осуществлять их на деле. Так, например, она находила, что у нас «в повинностях нет ничего произвольного», и что, раз уплатив их, крестьянин «почти совершенно волен в своих действиях». В замечаниях на книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» она выражается еще решительнее. «Едет», пишет она о Радищеве, «оплакивает плачевную судьбу крестьянского состояния, хотя и то неоспоримо, что лучше судьбы наших крестьян у хорошего помещика нет во всей вселенной». По поводу одного места она говорит: «Уговаривает помещиков освободить крестьян, да никто не послушает».¹ Мы увидим ниже, что такая перемена в образе мыслей Екатерины объясняется главным образом тяжелым впечатлением, произведенным на нее французской революцией.

Школа и церковь

Князь Щербатов в своей записке «О повреждении нравов России», чрезвычайно резко осуждая славолубие Екатерины, отзываясь следующим образом о бесполезности ее деятельности в отношении к народному просвещению и школьному делу: «Свидетельствует сие заведение сиропитательного дома, девичьего монастыря для воспитания благородных девиц, переправление кадетского корпуса и пр., из которых в первом множество малолетних померло, а и поныне, через двадцать с лишком лет, мало или почти никого ремесленников не вышло; во втором ни ученых, ни благонаравных девиц не вышло, как толико, поелику природа их сим снабдила, и воспитание более состояло играть комедии, нежели сердце, нравы и разум исправлять; из третьего вышли с малым знанием и с совершенным отвращением всякого повиновения».²

При чтении такого отзыва об администрации императрицы относительно педагогики не должно забывать, что сочинение Щербатова о повреждении нравов отличается чисто полемическим характером и не может

¹ См. статью В. Семевского в «Русской Старине», XVII, 689.

² «Русский Архив», т. III, 684.

считаться беспристрастным. Впрочем, нельзя не признать, что страшная смертность между младенцами в учрежденных Екатериной воспитательных домах, обращение главного внимания на внешний лоск светского образования в учрежденных императрицей училищах для благородных девиц, действительно могут считаться существенными недостатками. При всем том, однако, нельзя объяснять учреждение приютов, школ, высших училищ при Екатерине исключительно ее славолобием: она действительно интересовалась вопросами педагогики, желала принести пользу империи и руководствовалась в своих заботах о школьном деле началами, преподаваемыми передовыми людьми того времени.



Медаль, выбитая в честь Эйлера.

Еще в бытность великой княгиней Екатерина обращала внимание на женское образование. Между набросками ее, писанными в последнее время царствования Елизаветы Петровны, встречается следующее замечание: «Учреждение Сен-Сира.¹ Средство подражать ему с пользой и удобством будет заключаться в вызове наставницы классов и получении прямо от французского двора устава и журналов этого заведения. Дом легко бы был найден, так же как и доходы», и пр.²

Вскоре после вступления на престол Екатерина по проекту, составленному Бецким, решила учредить воспитательный дом в Москве

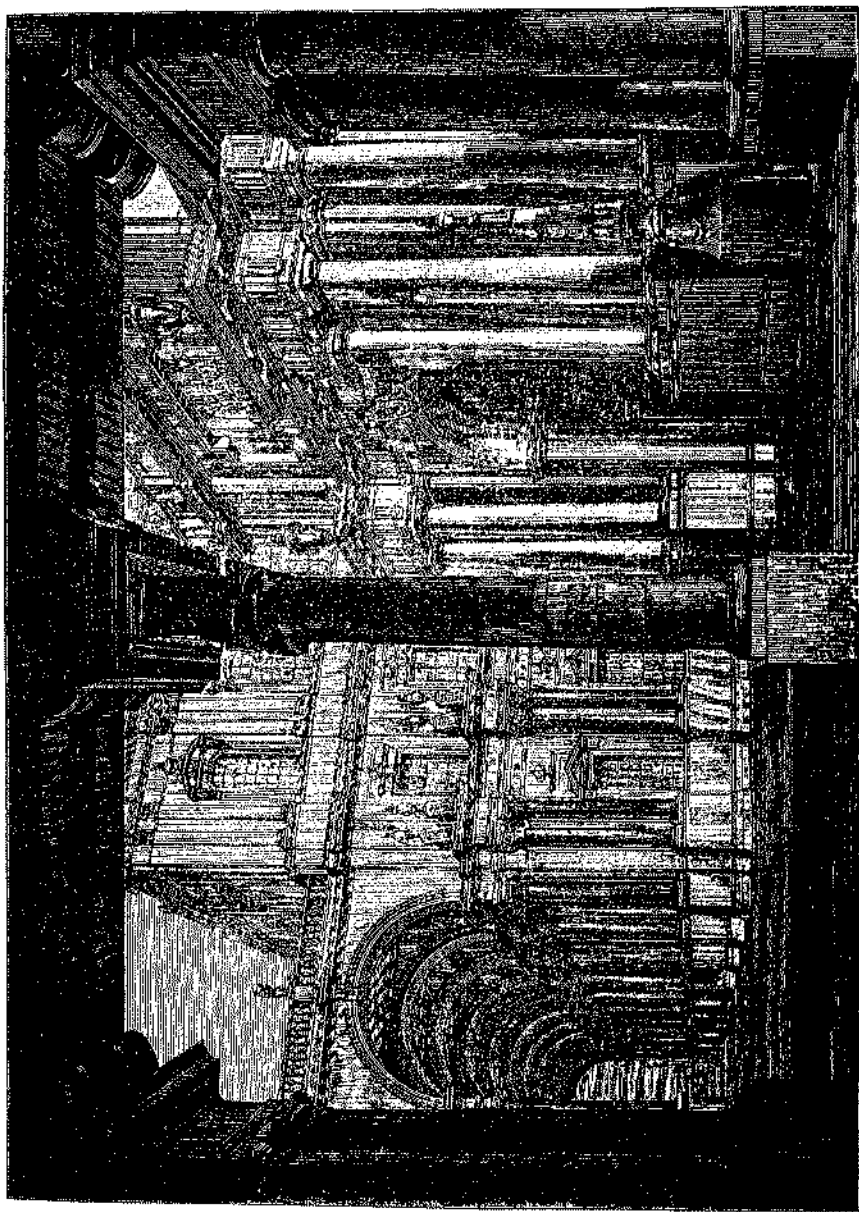
¹ Знаменитый институт для благородных девиц во Франции, учрежденный г-жею Ментенон.

² «Сб. Ист. Общ.», VII, 82.

(1763); десятилетием позже последовало учреждение воспитательного дома в Санкт-Петербурге.¹ На содержание этих учреждений императрица назначила большие денежные средства. В продолжение всего царствования Екатерина следила с большим вниманием за успехом воспитания благородных девиц в учрежденном ею в 1764 году институте. Она часто посещала это учреждение, переписывалась с Вольтером о выборе пьес, в которых играли воспитанницы, и пр. Императрица любила беседовать с людьми знающими о воспитании, о школьном деле. Так, например, она, как мы видели выше, старалась узнать подробно о так называемых «нормальных школах», учрежденных в Австрии незадолго до путешествия Иосифа в Россию. Она обратилась к Дидро с просьбой просмотреть и обсудить планы и правила училищ, существовавших в России. Дидро составил проект учреждения университета, исполнение которого оказалось невозможным. Также предложение Сиверса о восстановлении Дерптского университета осталось без исполнения. Мы видели выше, что во время царствования Екатерины неоднократно мечтали об учреждении нескольких университетов, а между тем ни один из этих проектов не осуществился. Зато последовало открытие многих других школ, например, артиллерийского, инженерного, коммерческого и горного училищ, академии художеств и пр. В 1781 году были приняты кое-какие меры для народного образования; в 1783 году состоялось учреждение Российской академии. Неоднократно приглашались из-за границы ученые и специалисты в школьном деле, как, например, знаменитый математик Эйлер в число членов Академии наук, Бэмер для преподавания морского права в кадетском корпусе, Янкович-де-Мириево для учреждения нормальных школ по образцу австрийских и пр. В продолжение всего царствования Екатерины значительное число молодых русских находилось за границей для обучения. К концу этого царствования была учреждена публичная библиотека. При академии наук существовала комиссия для перевода иностранных книг на русский язык. Для этой цели назначено было ежегодно по 5000 рублей и пр.

Сообразно с правилами, преподаваемыми литературой просвещения, Екатерина в области церкви и религии придерживалась начал терпимости. В то же самое время она, однако, отстаивала весьма решительно авторитет светской власти в отношении духовной. Мы видели выше, каким образом был решен в самом начале царствования Екатерины вопрос о секуляризации

¹ «Русская Старина», XXV, 457 и след.; XII, 146, 359, 665; XIII, 177, 532; XIV, 426.



Иезуитская коллегия в Полоцке, в Екатерининское время.
С оригинального рисунка, сделанного генералом отставкой князем Г. Губергом, из собрания П. Я. Дашкова.

духовных имений. При этом она руководствовалась советами и воззрениями светских людей, как, например, князя Шаховского, графа Бестужева и пр.¹ Еще в 1779 году императрица, вспоминая об этих мерах, заметила, что вследствие отдачи «деревень архиерейских и монастырских в управление коллегии экономии монастырских крестьян непослушание одним разом пресеклось».²

К раскольникам императрица относилась снисходительно и гуманно. Неоднократно она выражала желание, чтобы вместо строгих мер представители светской и духовной власти относились к ним кротко, стараясь убеждать в ошибочности их воззрений.³ Даже и в таких случаях, когда оказывалось необходимым принимать более строгие меры, Екатерина, изучая подробно и тщательно следственные дела, смягчала наказания виновных и делала духовным лицам и светским судьям внушения в духе кротости и человеколюбия.⁴ Раскольникам были возвращены некоторые гражданские права; правительство не желало употребления внешних принудительных средств. По поводу появления в 1772 году скопческой ереси Екатерина, в данном ею полковнику Волкову указе, выразила желание, чтобы «невинным людям не было привязок и притеснений» и чтобы «сие дело трактовали как обыкновенное гражданское, а отнюдь не инако».⁵ В 1767 году она просила архиепископа Димитрия Сеченова «изыскать способы», чтобы побудить раскольников, бежавших в Польшу — их было до 300000 — к возвращению в Россию.⁶ В беседе с Храповицким Екатерина сказала однажды (в 1782 году): «В 60 лет все расколы исчезнут; сколь скоро заведутся и утвердятся народные школы, то невежество истребится само собой; тут насилия не надобно».⁷ Надежды императрицы не сбылись ни в том ни в другом отношении. Организация народных школ шла чрезвычайно неудачно; раскол не исчез в указанное Екатериной время.

Подобно Петру Великому, и Екатерина старалась противодействовать склонности к аскетизму в народе. Между собственноручными черновыми заметками и распоряжениями Екатерины встречаются и следующие: «Означить точное число монахов и более не постричь, как на сколько оклад положен будет в каждом монастыре. То же о монахинях. Наикрепчай-

¹ Зап. Шаховского, II, 151. «Сб. Ист. Общ.», VII, 135.

² «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 174. Соловьев, XXVI, 34 и след.

³ Соловьев, XXV, 277, XXVI, 37 и след.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», II, 279.

⁵ Соловьев, XXIX, 130—131.

⁶ «Сб. Ист. Общ.», X, 259.

⁷ Храповицкий, 18 июля 1782 г.

ше подтвердить, чтоб мужчин прежде шестидесяти лет, а женщин прежде пятидесяти лет не постригли, и определить во всякий год одну духовную, а другую светскую персону в каждую епархию для объезда монастырей... Монастырей положить число и некоторые оставить для престарелых и раненых офицеров; другие — для таких же солдат и унтер-офицеров, также



Барон А.И. Черкасов.
С фамильного портрета, принадлежащего барону Ф.А. Бюлеру.

для долгаус¹ и вместе нищепитательных домов обоих пол персон. Новых монастырей отнюдь не строить, и то для того, что большая часть монастырей в худом присмотре и разорении» и пр.²

О духовных братствах говорится в письме Екатерины к графу А. С. Строганову следующее: «Мелочное, бесполезное дело, из которого ничего не происходит. Формы этого дурачества, умножая собой сумму человеческих дурачеств, соединяют в себе религиозные обряды с детской игрой; на нем явная примета той страны, где оно родилось, а равно и народный характер этой страны. Множество уставов, конгрегаций, обыкновенных и чрезвычайных, каноникатов, аббатств, приходов и пр. и пр. Участвующие лица кладут самые лучшие обеты. Тем не менее бесполезность для человечества этих учреждений до такой степени всеми признана в странах, наиболее просвещенных, что придумываются средства, как бы уменьшить число их. Человеку, делающему добро просто для добра, нужны ли на что-нибудь эти дурачества, эти внешности, столь же странные, как и легкомысленные?»³

Относительно геррнгутеров, магометан и др. Екатерина руководствовалась правилами терпимости. На доклад Сената по одному такому делу императрица велела отвечать: «Как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и она (императрица) из тех же правил, сходяствуя Его святой воле, и всем поступает, желая только, чтоб между подданными ее всегда любовь и согласие царствовали».⁴ В одном из своих писем к Вольтеру Екатерина жаловалась на нетерпимость капуцинских монахов, которым было дозволено жить в Москве и которые «заупрямились», не желая похоронить одного француза, умершего внезапно, отзываясь тем, что он не причастился. «Наконец, — продолжает Екатерина свой рассказ, — им сказали выбирать — или отправиться за границу, или похоронить того француза. Они уехали, и я послала отсюда августинцев, более уступчивых, которые, видя, что тут шутить было нечего, сделали все, что от них хотели».⁵ Когда во время пугачевщины оказалось, что неистовства крестьян обуславливались в значительной степени слабостью духовного и нравственного влияния на них духовенства, Екатерина высказала намерение поднять уровень образования духовного сосло-

¹ Tollhaus — дом умалишенных.

² «Сб. Ист. Общ.», XII, 15.

³ «Русский Архив», 1864, стр. 587—588.

⁴ Соловьев, XXIX, 132.

⁵ «Сб. Ист. Общ.», X, 39.

вия,¹ однако в этом отношении не было сделано ничего особенного в ее царствование.

Мы видели выше, каким образом императрица, защищая права диссидентов в Польше, должна была относиться несколько враждебно к католицизму. Неоднократно в письмах к Вольтеру она жаловалась на фанатизм католиков. Порой Екатерина любила шутить над Папой. Однажды она заметила: «Вы увидите, что Папа восстанет против ужина, на который вы меня приглашаете в Софии». Говоря о Большом Наказе, она писала: «Сомневаюсь, чтобы ее одобрили святой отец и муфтий».² Во время турецкой войны она в письме к Вольтеру говорила: «Брат Ганганелли (т. е. Папа Климент XIV) слишком умен, чтобы сердиться в глубине души на мои успехи. Нам нечего делить с ним. Я не взяла у него ни Авиньона, ни Беневента. В конце концов, мое дело есть дело христианства», а далее: «Вы можете сделаться Папой, и это должно даже произойти для блага церкви, и вот почему: две главы церковей восточной и западной не только будут в прямой переписке, но их увидят связанными дружбой — обстоятельство, до сих пор еще не существовавшее. Я предвижу заранее великое благо для христианства. Я объявляю вам, что я буду умеренна, но тверда без упрямства».³

Приобретение Белоруссии, где проживало значительное число католиков, заставило императрицу поддерживать некоторые сношения с Папой. Не нарушая в чем-либо догматов католической церкви, Екатерина умела оставаться вполне независимой от папства. Тотчас же, в 1772 году, она распорядилась, чтобы папские буллы обнародовались в Белоруссии не иначе, как с согласия генерал-губернатора и с ее разрешения. В борьбе против стремления Папы к расширению власти сторонником Екатерины был архиепископ Могилевский, Сестренцевич-Богуш. Таким образом, императрице удалось без особенных затруднений провести организацию католической церкви в России. В 1782 году она возвела Сестренцевича в архиепископский сан, невзирая на то, что он не пользовался расположением Папы.⁴ Когда Пий VI сначала казался склонным препятствовать возвышению Сестренцевича, Екатерина писала барону Гримму, что в случае необходимости она готова прибегнуть к более решительным мерам.⁵

¹ Там же, VI, 150.

² «Сб. Ист. Общ.», X, 348, 352.

³ Там же, X, 423.

⁴ Толстой, «Римский католицизм в России». Спб. 1876, II, 4—35.

⁵ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 259.

В то время, когда Иосиф II находился в несколько натянутых отношениях с Папой и, стараясь ограничить чрезмерное влияние его и католического духовенства, обнародовал закон о терпимости, сокращал число монастырей и пр., императрица всей душой одобряла образ действий Иосифа и даже находила, что он действует еще слишком умеренно. 4 марта 1782 года она писала Иосифу: «Как скоро образ мыслей вашего величества в отношении к терпимости делается всем известен, вы можете рассчитывать на благословения всех исповеданий. На этом пути вы не встретите столь сильного противоречия, как можно бы полагать. Я сужу по собственному опыту: как скоро я объявила, что не терплю преследований, оказалось, что все стали склонными к терпимости». В другом письме к Иосифу императрица в самом веселом расположении духа сообщала о полученном ею письме от Папы Пия VI. Иосиф в ответ на это письмо находит довольно забавным, что Папа надеется обратить императрицу в католицизм. Екатерина отвечала: «Папа Пий VI получил от меня ответ, который, может быть, не слишком обрадовал его; но что делать? У каждого свои правила. Я распространилась в моем послании о прекрасных началах веротерпимости, которых применение к практике ваше императорское величество видели у нас, и которые всегда оказывались полезными; свое послание я заключаю молитвой, чтобы Бог окончательно соединил всех в одну христианскую общину. По-настоящему мне, как первенствующему члену греческой церкви, следовало бы просить вас оказать покровительство вашим православным подданным, но я считаю это лишним» и пр. Узнав немного позже о путешествии Папы в Вену, Екатерина писала: «Я не завидую вашему величеству в том, что вы теперь живете в самом близком соседстве с Папой. Откровенно говоря, я желала бы, чтоб он скорее оставил Вену; не знаю почему, но мысль о пребывании Пия VI в вашей столице беспокоит меня. Итальянский священник всем не католикам всегда должен внушать опасения. Зато я весьма охотно увидела бы ваше императорское величество у дверей Капитолия. Если бы я присутствовала при вашем свидании с Папой, я объяснялась бы с ним согласно с началами православной церкви и этим до того надоела бы ему, что он поспешил бы возвратиться в Рим. Тогда я, конечно, была бы виноватой; но уж и без того я отлучена Папой от церкви, причем, однако, чувствую себя довольно хорошо» и пр.¹

В отношениях с Папой Екатерина сумела отстаивать полную независимость светской власти и в то же время обеспечивать духовные интересы

¹ Arneth, «Joseph II und Katharina», 30, 38, 123, 125, 127.

своих католических подданных. Папа, сначала не хотевший согласиться на посвящение Сестренцевича в сан архиепископа, наконец решился возложить на него паллиум. Папский нунций Аркети, прибывший в Петербург, оказался уступчивым. Зато Папа не решился исполнить желание Екатерины



П. Д. Ерошкин.

С портрета, принадлежащего княгине Е. П. Кочубей.

возвести Сестренцевича в кардинальское достоинство; старания князя Юсупова, отправленного в Рим для достижения этой цели, не увенчались успехом.

Вследствие второго и третьего разделов Польши число католических подданных императрицы возросло. Современники отдавали полную справедливость Екатерине за ее умение, не прерывая дипломатических сношений с Папой, сохранять в полной целостности авторитет светской власти. В последние годы ее царствования было вновь подтверждено о недопущении к обнародованию папских бумаг без предварительного их рассмотрения и утверждения. О заключении конкордата императрица не думала; на многие жалобы Папы она не обращала внимания. То обстоятельство, что Екатерина после закрытия иезуитского ордена позволила иезуитам пребывать в России, свидетельствует о полной самостоятельности Екатерины в отношении к папству.¹

Заботы о народном здоровье

К самому началу царствования Екатерины (1763) относится учреждение медицинской коллегии. Это может быть названо эпохой в истории медицины в России.² Первым председателем этой коллегии был барон Черкасов, пользовавшийся особенным доверием императрицы. Он может считаться основателем народно-санитарной полиции в России.³ Черкасов возбудил вопрос о прививании оспы в России. Он несколько лет пробыл за границей, весьма успешно занимался медициной и сельскохозяйственными науками в Кембридже и служил посредником при приглашении в Россию барона Димсдаля, который привил оспу и императрице, и великому князю Павлу Петровичу.

Решимость императрицы подвергнуться этой операции, как известно, считалась в то время геройским подвигом. Сама Екатерина, сообщая Вольтеру о приезде Димсдаля, писала по этому поводу: «Он мне привил оспу 12 октября 1768 года. Я была очень удивлена открытием после этой операции, что гора родила мышь, и говорила, что не стоит труда кричать против этого и мешать людям спасать себе жизнь при помощи таких пустяков... я ни одной минуты не была в постели и принимала все дни. От-

¹ См. сочинение гр. Д. А. Толстого «О католицизме в России», II; 34—100; Морощкина «Иезуиты в России». Спб. 1867, I, 1—169; Bernhardt, «Gesch. Russlands», II, 2, 251—260. Документы в I т. «Сб. Ист. Общ.», 421—540.

² См. соч. Шторха «Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs». Riga, 1797, I, 370 и след.

³ См. статью барона Бюлера «Два эпизода из истории Екатерины II» в «Русском Вестнике», 1870, т. LXXXV, 17 и след.

правляюсь сейчас прививать оспу моему единственному сыну. Фельдцейхмейстер граф Орлов, этот герой, похожий на древних римлян лучших времен республики и обладающий неустрашимостью и великодушием, сомневался, существует ли такая болезнь; он теперь в руках нашего англичанина. На другой день после операции он поехал на охоту» и пр.¹ И Вольтеру, и госпоже Бьельке Екатерина писала с радостью, что чрезвычайно многие лица последовали ее примеру и решились подвергнуться этой операции.² «Весь Петербург, — писала она, — хочет себе привить оспу, и те, которые это сделали, уже здоровы» и пр.¹

Фридрих II считал подвиг Екатерины слишком смелым. Он писал ей: «Вы ведете себя как мать ваших народов, героически подвергая себя операции, которая может спасти жизнь множеству ваших подданных, предохраняя их от зла, столько же ужасного, сколько губельного. Но ваше величество не посетуете на меня, если я представлю вам, что, если бы привитие оспы не удалось вам так счастливо, то Россия потеряла бы бесконечно более того, что может когда-либо приобрести через употребление этого предохранительного средства» и пр. Екатерина отвечала Фридриху: «Я представляю вашему величеству то, что побудило меня к тому, и, надеюсь, что вы согласитесь, что я поступила только правильно. Меня приучали с детства питать ужас к оспе; мне стоило больших трудов уменьшить эту болезнь в более зрелом возрасте; в малейшем нездоровье, постигавшем меня, я уже видела вышеназванную болезнь. В течение весны и прошедшего лета, когда эта болезнь производила большие опустошения, я скрывалась из дома в дом и удалилась из города на целые пять месяцев, не желая подвергать опасности ни сына, ни себя. Я была так поражена положением, исполненным такой трусости, что считала слабостью не суметь выйти из него. Мне посоветовали привить оспу моему сыну. Но, сказала я, с каким лицом сделаю я это, если не начну с себя самой, и как ввести прививание оспы, если я не подам к тому примера. Я принялась за изучение этого предмета, твердо решившись взяться за средство менее опасное. Последующее размышление заставило меня решиться наконец; всякий благоразумный человек, видя перед собой две опасные дороги, избирает ту из них, которая менее опасна, — при одинаковых условиях. Было бы трусостью не следовать тому же правилу в деле большей важности, оставаться всю жизнь в действительной опасности со многими миллионами людей, или

¹ «Сб. Ист. Общ.», X, 308.

² Там же, 302.

же предпочесть меньшую опасность, продолжающуюся короткое время, и тем спасти много народу. Я думала, что выбрала самое верное; миг прошел, и я в безопасности» и пр.² Императрица насмеялась над королем испанским, заявившим, что он никогда не допустит привития оспы в своем семействе.³

Когда депутаты Большой Комиссии поздравили Екатерину от имени собрания с благополучным исходом операции, она возразила им: «Мой предмет был спасти от смерти многочисленных моих верноподданных, кои, не зная пользы сего способа, оного страшась, оставались в опасности. Я сим исполнила часть долга звания моего, ибо, по слову евангельскому, добрый пастырь полагает душу свою за овцы. Вы можете уверены быть, что ныне и паче усугублять буду мои старания и попечения о благополучии всех моих верноподданных вообще и каждого особо».⁴

Пример, данный императрицей, произвел сильное впечатление. Сотни и тысячи лиц вслед за Екатериной подвергли себя операции оспопрививания. Сиверс был в восхищении от столь легкого и целесообразного способа уничтожения предрассудков, замечая, что подвиг императрицы достоин памятника.⁵ В письме Екатерины к Чернышеву от 17 ноября 1768 года сказано: «Ныне у нас два разговора только: первый о войне, а второй о прививании. Начиная от меня и сына моего, который также выздоравливает, нету знатного дома, в котором не было по несколько привитых, а многие жалеют, что имели природную оспу и не могут быть по моде. Гр. Гр. Г. Орлов, гр. Кирилл Гр. Разумовский и бесчисленно многие прошли сквозь руки господина Димсдаля, даже до красавиц, как княжны: Щербатова и Трубецкие, Елиз. Алекс. Строганова и многие, долго прописать было, покорились сей операции. Вот каков пример. Месяца с три назад никто о сем слышать не хотел, а ныне на сие смотрят как на спасение», и пр.⁶

В 1771 году, во время моровой язвы, свирепствовавшей в Москве, императрица следила за всеми подробностями распоряжений, признанных необходимыми для ограничения зла.

¹ Там же, 303. См. также записку к Фальконету в «Сб. Ист. Общ.», XVII, 61.

² «Сб. Ист. Общ.», XX, 244—247.

³ Письмо к Вольтеру «Сб. Ист. Общ.», XIII, 124; см. также ее письмо к Брауну в «Сб. Ист. Общ.», II, 312; там же записку Димсдаля о своем пребывании в России, стр. 295—322.

⁴ Соловьев, XXVIII, 7.

⁵ Blum, I, 272.

⁶ «Русский Архив», 1871, стр. 1320.

Первые случаи заболевания и смерти от чумы появились в русском войске, находившемся в Турции, в 1769 году. Затем, в продолжение 1770 года зараза пробралась в Подолию и в Польскую Украину, наконец в Киев. К концу этого же года болезнь появилась и в Москве.



Архиепископ Амвросий Зертс-Каменский.

С портрета, принадлежащего Н.Д. Быкову.

Никогда до этого в России не принимались столь обширные меры для борьбы с заразой, как в 1770 и 1771 годах. В Государственном Совете,

часто в присутствии императрицы, обсуждались гигиенические и карантинные меры. В одном из заседаний «объявлено было соизволение Ее Императорского Величества отписать к генерал-фельдмаршалу графу Салтыкову о запрещении всех людных собраний в покоях, и чтоб вместо того умножены были гульбища на открытом воздухе».¹ Екатерина предлагала целый ряд других мер, чтоб, сколько возможно, остановить распространение заразы. Когда московские сенаторы донесли императрице, что нельзя привести в исполнение никаких мер, предписанных для избавления Москвы от чумы, она велела отвечать, что «весьма вредно оставлять полезное учреждение для того, что трудно оное учредить».² Постоянно Екатерина переписывалась о карантинных и гигиенических мерах с главнокомандующим древней столицы Салтыковым.³

Известно, что в начале распространения болезни не все доктора признавали ее за настоящую чуму. Екатерина писала Вольтеру 2 декабря 1770 года: «Не находите ли вы странным это сумасбродство, которое заставляет Европу всюду видеть чуму и принимать против нее меры, между тем как на самом деле она только в Константинополе... Я взяла свои предосторожности: всех окуривают до задушения», и пр. Еще в мае 1771 года она писала госпоже Бьельке: «Тому, кто вам скажет, что в Москве моровая язва, скажите, что он солгал: там были только случаи горячек гнилой и с пятнами, но для прекращения панического страха и толков я взяла все предосторожности, какие принимаются против моровой язвы. Теперь жалуются на строгие карантинны, окуривание и пр.; в самом деле, не изуверы ли те, которые видят моровую язву там, где ее вовсе нет?»⁴ Не веря в чуму, императрица шутила над чрезмерно строгими правилами карантина. В ее письме к Панину от 18 апреля 1771 года сказано: «По-видимому, у нас укусу не жалеют и не только стараются язву из писем вывести, но уже чернила вымывают, насилу писем прочесть можно».⁵ 2 мая, однако, она объявила в Совете, что хотя опасность в Москве, по-видимому, и миновала» однако же она не желает, чтобы предосторожности были оставлены.⁶ Протоколы Государственного Совета всюду свидетельствуют о личном участии Екатерины в разных мероприятиях, о том, что она весьма часто и в этих делах имела инициативу.⁷

¹ «Архив Госуд. Совета», I, 400.

² См. ст. Соловьева в «Русской Старине», XVII, стр. 189.

³ Соловьев, «Ист. России», XXIX, 148 и след.

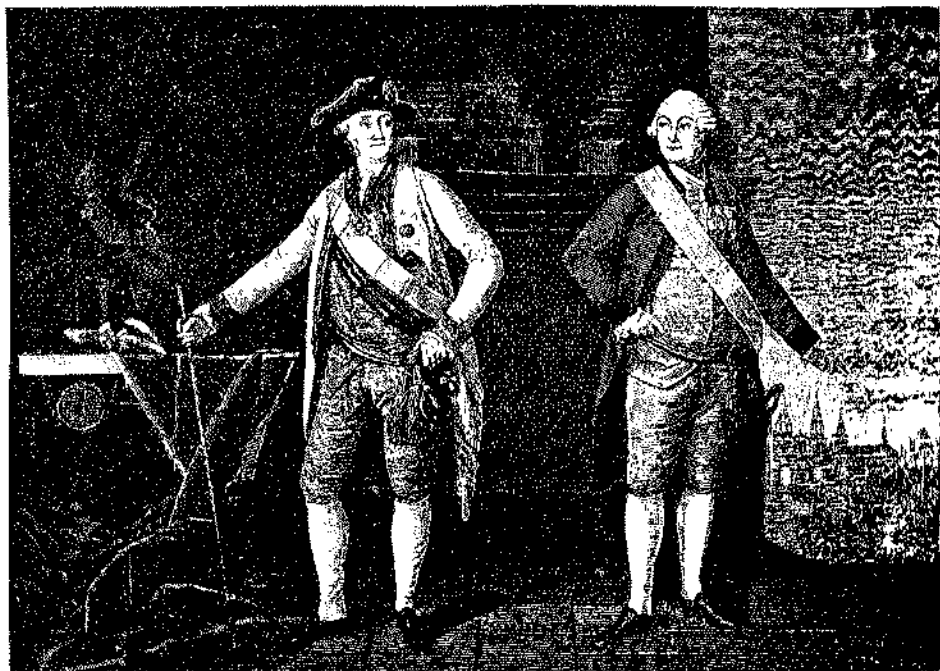
⁴ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 49—50, 9.5.

⁵ Там же, 79.

⁶ «Госуд. Сов.», 402.

⁷ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 204 и след.

В одном из манифестов Екатерины, относившихся к чуме, было приказано: «Зараженных домов жителей, какого бы звания ни были, вывести из города, а знатным сказать, чтоб ехали в свои деревни, выдерживая карантин», и пр.¹ Однако затем она на заседании Государственного Совета



Братья Орловы во время Московской чумы 1771 года.
С гравюры того времени, принадлежащей князю П.П. Вяземскому.

«изъявила неудовольствие, что сенаторы и другие присутствующие без позволения из Москвы разъехались, и велела, чтоб они немедленно туда созваны были».²

Зло постоянно усиливалось; летом 1771 года смертность в Москве принимала ужасающие размеры. Екатерина сильно беспокоилась. Английский посланник Каскарт писал графу Суффолку: «Говорят, что императрица чрезвычайно расстроена бедствиями своих подданных в Москве и

¹ «Соч. Ек. П», изд. Смирд., III, 314.

² «Госуд. Сов.», 415.

низким поступком дворянства и знатных лиц, которые уехали из города, предоставив его в жертву всякого рода несчастий».¹

Еще весной в Петербурге решили, что по старости графа Салтыкова охранение Москвы от заразы надобно поручить кому-нибудь другому. Совет медлил с приведением в исполнение этой меры, полагая, что это будет предосудительно главному командиру. Но императрица поручила распоряжение всеми мерами против чумы генерал-поручику сенатору Петру Дмитриевичу Еропкину, с которым она все это время находилась в весьма оживленной переписке.² Еропкин мужеством, самоотверженностью и порядительностью оказался вполне достойным доверия и признательности Екатерины. Когда он просил увольнения, она просила его не покидать службы; в ее письме сказано: «Подписав по вашему желанию приложенный указ, посылаю его к вам, дабы вы его объявили тогда, когда заблагорассудится, что всегда будет для службы рано. Видя ревность вашу, нельзя, чтоб я не так думала».³

Оптимизм не покидал императрицы. В конце августа на заседании Государственного Совета она еще выражала надежду, что болезнь в Москве не есть «действительная язва».⁴ 10 сентября 1771 года, в то время, когда чума свирепствовала сильнее прежнего, накануне страшного бунта в древней столице императрица писала Паннну: «Язва на Москве, слава Богу, умяться начала».⁵ При всем том, однако, императрица не переставала усиленно следить за плачевными событиями в Москве. 15 сентября она писала Еропкину: «Здесь говорят и слухи носят, будто бы на Москве неосмотрительно поступают в хранения мертвых и будто бы и между мертвыми были случаи такие, что и живых схоронили; но, как я мало привыкла верить слухам, кон с улицы приходят, то я и сему не подаю веры, а пишу к вам единственно для того сие, дабы вы взяли всевозможные предосторожности, чтобы подобные случаи бы не могли случиться».⁶

В минуту крайней опасности, когда смертность в Москве доходила до того, что умирало в сутки около 1000 человек, когда было заметно крайнее волнение черни в городе, Салтыков, описав в подробном письме к императрице печальное положение Москвы, просил дозволения отлучить-

¹ «Сб. Ист. Общ.», XIX, 234.

² Соловьев, XXIX, 151. Письма Екатерины к Еропкину напечатаны в III томе Смирдинского издания сочинений Екатерины.

³ «Соч. Ек.», III, 323.

⁴ «Госуд. Сов.», 407.

⁵ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 166.

⁶ «Соч. Ек.», III, 321.

ся на некоторое время из города и, не дожидаясь ответа на свою просьбу, уехал в свое подмосковное село Марфино.¹ На другой день вспыхнул бунт.² Чернь неистовым образом убила архиепископа Амвросия. Бунтовщики хотели было зажечь Москву, перебить лекарей, дворян, Еропкина, уничтожить все, что было устроено для прекращения чумы. Еропкину приходилось вооруженной рукой сражаться с мятежниками. Два-три удачных пушечных выстрела положили конец бунту.³

Еще до получения известия об этих событиях в древней столице возникла мысль об отправлении графа Григория Орлова в Москву как бы в качестве диктатора. Императрица сильно волновалась. Каскарт доносил 11 октября: «Императрица обнародовала указом, что лишь дела, возбужденные войной, препятствуют ей самой ехать в Москву, и что она послала туда лицо, к которому питает наибольшее доверие, предоставив ему неограниченную власть действовать от ее имени для оказания помощи и облегчения ее подданным, посреди настоящих несчастных обстоятельств. Она чрезвычайно поражена этими бедствиями и, несмотря на свое желание, не может этого скрыть».⁴

Екатерина писала почтдиректору Эку о московских событиях: «Письма, в коих сие происшествие названо бунтом, советую сжечь, а прочие раздайте».⁵ В другом письме к Эку же сказано: «Мое мнение таково, чтобы все французские письма, в коих бестолково о московской истории пишут и кои из Москвы сюда присланы с сегодняшней почтой, отправились в ваш камин». Затем, несколько дней спустя: «Мне весьма хочется узнать, была ли восстановленная 18 и 19 числа тишина продолжительна, в чем, кажется, и сомнения нет. Восемнадцатое столетие везде шалит, хотя оно перед своими предшественниками и восхваляется».⁶

Императрица все еще не решалась назвать болезнь, свирепствовавшую в Москве, чумой; в ее письмах к госпоже Бьельке и к Вольтеру в начале октября сказано: «Это гнилые горячки, злокачественные, горячки с

¹ Соловьев, XXIX, 159.

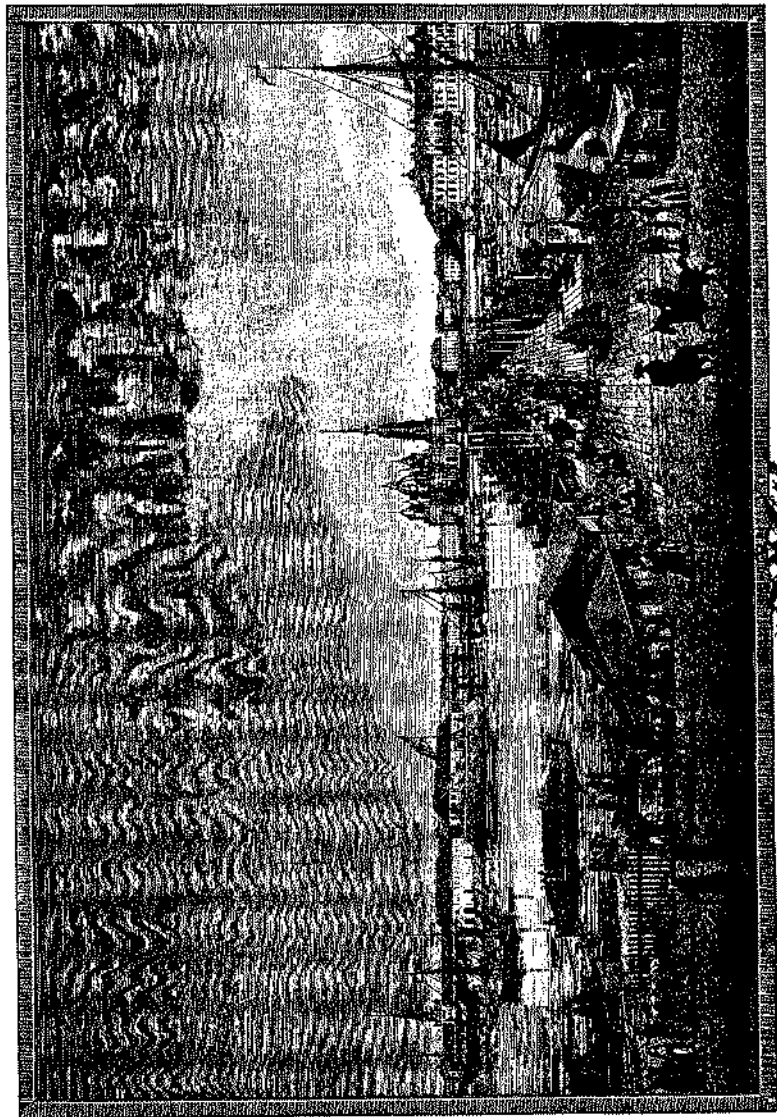
² Болотов рассказывает, что отсутствие Салтыкова содействовало беспорядкам; см. его записки, III, 16.

³ О бунте см. Соловьева, XXIX, 159 и след., статью Мордовцева в «Др. и Н. России», 1875, II, 106 и след.; некоторые данные в записках Болотова, III, 17 и след., рассказ Алексеева в «Р. Архиве», 1863, стр. 491 и след., Саблукова в «Р. Архиве», 1866, стр. 329 и след. и пр., а далее мою статью в «Р. Вестнике», т. LXXXIII.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XIX, 237.

⁵ Там же, XIX, 169.

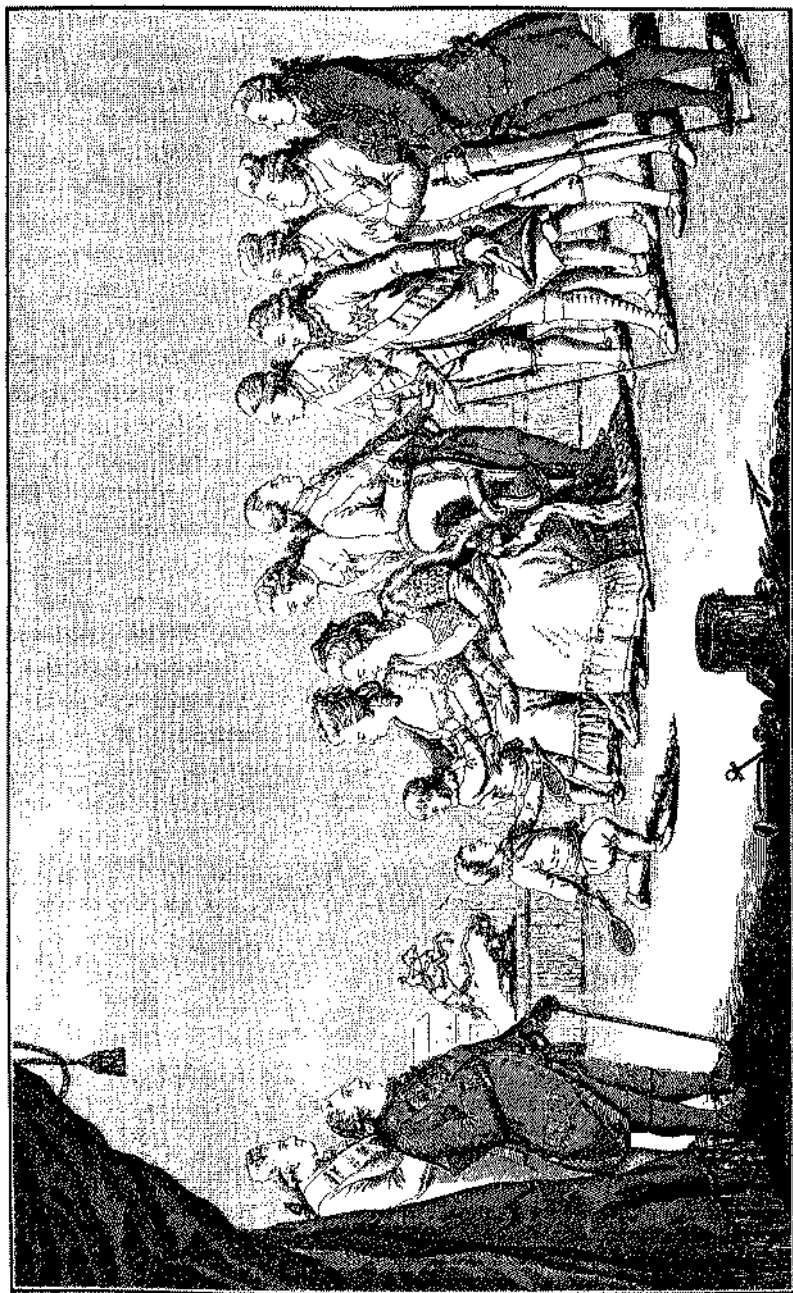
⁶ Там же, XIII, 170—171.



ПЕТЕРБУРГ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II.

Вид Исаакиевского моста и части города от Адмиралтейства до Сената.

С рисунка Петерсона 1791 года, из собрания П.А. Дашкова.



Екатерина II, окруженная семейством и близкими придворными.
С гравюры 1784 года Сило. находящейся в Эрмитаже.

пятнами и без пятен. Наш простой народ не может привыкнуть и примениться, по суеверию и невежеству, к предосторожностям, необходимым в подобных обстоятельствах. Граф Орлов, видя быстрые успехи этой заразы, умолял меня позволить ему ехать туда, чтобы на месте принять меры, какие окажутся нужными, к прекращению бедствия. Я согласилась на такой прекрасный и усердный с его стороны поступок, хотя это мне и очень больно, ввиду опасности, которой он подвергается. И госпоже Бельке и Вольтеру Екатерина сообщила некоторые подробности о московском бунте. «Этого не случилось бы», сказано в одном из этих писем, «если б, по несчастью, фельдмаршал Салтыков не был на эту пору в деревне». «Поистине», сказано далее, «этому знаменитому восемнадцатому веку есть чем гордиться! Вот какой мудрости мы достигли» и пр.¹ Гораздо подробнее и свободнее говорится о подробностях этого плачевного эпизода в письме Бибикову от 20 октября; тут сказано о московских «дурнотах»: «Проводили и мы месяц в таких обстоятельствах, как Петр Великий жил тридцать лет. Он сквозь всех трудностей продрался со славой; мы надеемся из них выйти с честью. Слабость фельдмаршала Салтыкова превзошла понятие» и пр.²

Орлов прибыл в Москву в самый разгар чумы.³ Благодаря, быть может, его распоряжениям, но особенно, как кажется, благодаря наступившим морозам, болезнь мало-помалу стала ослабевать. Смертность убавлялась. В начале ноября императрица распорядилась заменить Орлова Волконским. В честь Орлова к его возвращению в Петербург была выбита медаль⁴ и воздвигнуты мраморные, до сих пор существующие, ворота с надписью.

Даже в то время, когда древняя столица постепенно освобождалась от заразы, Екатерина не переставала думать о мерах предосторожности, переписываясь об этом предмете с Волконским⁵ и участвуя в заседаниях Государственного совета.

¹ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 175—177.

² Там же, 179—181.

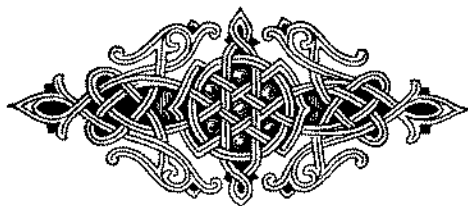
³ Напрасно между современниками ходили слухи, что Екатерина, посылая в Москву Орлова, желала освободиться от него — чумою. Эту басню повторили в новейшее время Блюм (в соч. о Сиверсе, I, 339) и Бернгарди (II, 2, 274). Напрасно также г. Барсуков («Др. и Н. Россия», 1875, III, 120) говорит, что присутствие Орлова «едва ли уже было необходимо». Смертность в октябре была громадна. Неустрашимость и распорядительность Орлова не подлежат сомнению.

⁴ См. переписку Екатерины с Фальконетом в XVII т. «Сб. Ист. Общ.», стр. 158 и 193. Анекдоты Карабанова в «Р. Старине», V, 132.

⁵ Письма к Волконскому в «Осьмнадцатом веке», I, 79 и след.

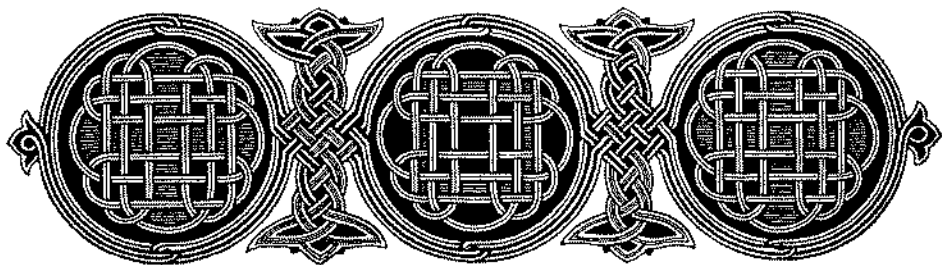
Нелегко определить число жертв чумы в Москве в 1771 году; официальные цифры, без сомнения, далеко ниже действительности.¹ Императрица в письме Гримму от 30 января 1775 года из Москвы заметила, что убыль населения в древней столице бросается в глаза и что от чумы умерло более 100000 человек.²

Из всех этих данных можно усмотреть, сколь многосторонней была деятельность Екатерины в области администрации и законодательства. Она не переставала заботиться об общем благе подданных. Недостаточные успехи неусыпных трудов императрицы объясняются затруднительным положением, в котором находилась империя, вследствие усложнения некоторых вопросов внешней политики, недостатком в добросовестных и опытных сотрудниках и некоторым дилетантизмом в предначертаниях Екатерины, не всегда постигавшей вполне отчетливо и ясно всю сложность задач внутреннего управления. Однако нельзя не сознавать, что не только готовые и законченные результаты законодательной и административной деятельности правительств должны сделаться предметом исторического изложения, но что достойны внимания также и дух, высказывающийся при таком труде, направление, в котором совершаются реформы, благие намерения, которыми руководствуются замечательные деятели.



¹ См. таблицы в издании: «Описание моровой язвы» и пр. Москва, 1775. Приложение 115 (стр. 620 и след.).

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 15.

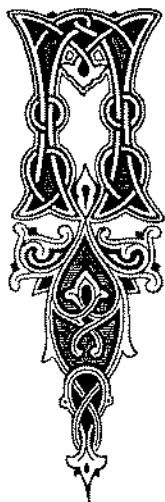


ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Последние годы. Личность императрицы

Глава I. Реакция

Французская революция



оследние годы царствования Екатерины совпали с переворотом во Франции. Настала новая эпоха в истории человечества. Императрица не могла понять всей важности значения событий во Франции. Необычайно резко порицала она образ действий партии прогрессистов в этой стране; обстоятельства заставляли ее принять участие в борьбе против революционной Франции. В этой борьбе, однако, сторонники старого порядка, к которым принадлежала Екатерина, потерпели поражение; роялисты и эмигранты, поддерживаемые ею, не могли остаться победителями. Начала, проповедуемые ими, оказались анахронизмом. Такая неудача исполнила императрицу негодования и раздражения.

Екатерина называла Вольтера своим наставником; она была как бы питомцем литературы просвещения, находилась под влиянием тех самых либеральных идей, которые служили руководством, или программой, для революции. Теперь же она не была в состоянии постигнуть тесную связь, существовавшую между новыми воззрениями эпохи революции и началами того либерализма, которым она сама с ранних лет была проникнута. Поэтому она не умела су-

дить правильно о событиях и беспристрастно о лицах, игравших важнейшие роли в этих событиях. Все это ложилось как бы мрачной, густой тенью на последние годы жизни и царствования Екатерины.

Дипломатические отношения между Россией и Францией во все время царствования Екатерины оставались холодными; зато в течение всего этого времени существовала самая оживленная связь между императрицей и корифеями французской литературы. Положение французских дипломатов в России и русских в Версале часто оказывалось довольно затруднительным; французское правительство считало, как мы видели, «Большой Наказ» Екатерины чрезвычайно опасной книгой; французские министры и дипломаты всячески противодействовали интересам России в Польше, Швеции, Турции и пр.; в то же время, однако, Екатерина переписывалась с Вольтером, Дидро, Даламбером, госпожой Жофрен, бароном Гриммом; представители высших классов русского общества часто посещали Францию и находились в личных отношениях с французскими писателями и учеными.

В восьмидесятых годах, впрочем, и в области политики произошло некоторое сближение между Россией и Францией. «Вооруженный нейтралитет», возбудивший неудовольствие англичан, понравился французам. Франция начала надеяться на заключение наступательного союза с Россией против Англии. Граф Сегюр, прибывший в Россию в начале 1785 года в качестве французского посланника, пользовался личным расположением императрицы; он играл при русском дворе в продолжение нескольких лет гораздо более важную роль, нежели его предшественники, как, например, Сабатье де Кабр, Верак и Корберон. Король Людовик XVI относился к Екатерине с гораздо большим вниманием, чем Людовик XV. Около этого же времени, однако, Франция приближалась к ужасному кризису.

Мы уже упоминали раньше, что восстание американских колоний возбудило сильное негодование Екатерины. Она несколько не разделяла восхищения французского общества по поводу этого события. Неоднократно она говорила, что на месте короля Георга III никогда не могла бы помириться с мыслью о потере столь богатых провинций. При всем том, однако, Екатерина пригласила знаменитого генерала Лафайета, героя войны за освобождение американских колоний, сопутствовать ей в путешествии в Крым в 1787 году и крайне сожалела о том, что собрание нотаблей во Франции воспрепятствовало поездке Лафайета в Россию. Когда Франк-

лин в 1778 году выразил желание посетить Россию, Екатерина заметила, что свидание со знаменитым героем американской революции доставило бы ей, без сомнения, гораздо большее удовольствие, нежели личное знакомство с Густавом III, однако в то же время она просила Гримма отсоветовать Франклину, находившемуся в преклонных годах, отваживаться на столь дальнее путешествие.¹ Взглянув однажды, в 1782 году, на портрет Франклина, Екатерина сказала: «Je ne l'aime pas».²

Из всего этого видно, что было нелегко соединять либеральные идеи, связанные с республиканизмом, с практической деятельностью монархини России. Екатерина не замечала непоследовательности, которая бросается в глаза при разборе мыслей и действий ее самой, Иосифа II, Фридриха II, Густава III и прочих представителей просвещенного абсолютизма.

Катастрофа, постигшая Бурбонов, была для многих современников, в особенности же для представителей власти, неожиданным событием. Франция во время царствования Людовика XVI, приближаясь к роковому кризису, имела все-таки некоторое значение в области международных отношений. Однако симптомы ее внутреннего разложения заставляли более зорких наблюдателей задумываться насчет будущности этого государства.

Екатерина все время с напряженным вниманием следила за событиями во Франции. Граф Иван Чернышев писал ей в 1778 году из Парижа о страшном волнении во французском обществе. «Никто не может предвидеть», сказано в этом письме, «куда поведет это брожение умов». Екатерина отвечала, что ей не нравится легкомыслие королевы Мари-Антуанеты, смеявшейся при каждом случае, между тем как ей следовало бы вспомнить о поговорке: «*gira bien qui rira le dernier*».³ В беседе с Сегюром императрица много говорила о расстройстве французских финансов, о расточительности Версальского двора и пр.⁴ Когда возникло знаменитое дело об ожерелье королевы, для императрицы были выписаны из Парижа относящиеся к этому знаменитому процессу бумаги и книги. Весьма неблагоприятно отзывалась она о легкомысленном отношении французского общества к известному обманщику Калиостро.⁵ С бароном Гриммом она переписывалась о Неккере, о споре французского правительства с парламентами. Прочитав известный «*Compte rendu*» и другой труд Неккера, о

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 83—84.

² Дневник Храповицкого, 6 июня 1782 г.

³ «Сб. Ист. Общ.», II, 407.

⁴ Ségur, Mémoires, II, 343.

⁵ Дневник Храповицкого, 14 и 30 апреля, 14 июня 1786 г.

хлебной торговле, Екатерина выразила надежду, что авось удастся этому талантливому государственному деятелю вывести Францию из крайне опасного положения, прибавляя, что ей по собственному опыту хорошо



Вольтер.

С портрета, писанного в 1764 г. в Фернейском замке Дуазелем.

известны все такого рода затруднения. Чем более она надеялась на Неккера, тем неприятнее ее поразила весть об отставке этого министра в 1781 году. Она получала письма и книги от самого Неккера; по ее желанию Гримм заказал для нее портрет знаменитого министра; в 1785 году она выразила надежду, что Людовик XVI оставил прежнее нерасположение к полезному деятелю. Затем, однако, когда вспыхнула революция, Екатерина возненавидела Неккера, считая его виновником кризиса, упрекая его в чрезмерном тщеславии, в изменчивости убеждений и пр. В 1795 году она называла его «се très-vilain et bête Necker» и находила его «достойным ненависти», радуясь тому, что Гримм прервал все отношения с бывшим министром.¹

Екатерина одобряла мысль французского правительства созвать собрание нотаблей; она ожидала, что эта мера приведет в лучший порядок финансовое состояние Франции, и выражала надежду, что благодаря этому король Людовик XVI сделается столь же популярным, каким был Генрих IV.² В разговоре с Храповицким Екатерина сказала об «Assemblée des notables»: «Не всякому все удастся; мы могли сделать собрание депутатов».³ И в письме к Гримму она сравнивала собрание нотаблей с Большой Комиссией, указывая на опасность таких предприятий. О Калонне она сначала отзывалась неблагоприятно; затем, однако, она была более выгодного о нем мнения; Лафайет ей понравился; она заметила, что если он будет в немилости у короля, то всегда может найти подходящее положение в России.⁴

Прилежнее прежнего принимаясь за чтение газет, Екатерина не без раздражения узнала о том, что чернь в Париже метала грязью в карету королевы, когда она ехала в оперу, и что Мария-Антуанета была вынуждена воротиться.⁵

Между тем во Франции уже был поднят вопрос о собрании государственных чинов. Екатерина, услышав об этом, хорошо понимала, что такое собрание заключало в себе страшную опасность. 9 января 1788 года Храповицкий пишет: «Разговор об обстоятельствах Франции и что ей должно войти в войну, дабы избежать сделанного королем обещания о собрании чинов государственных — Etats». 18 мая 1788 года у Храповицкого сказано: «В откровенности рассуждали, что во Франции может последовать

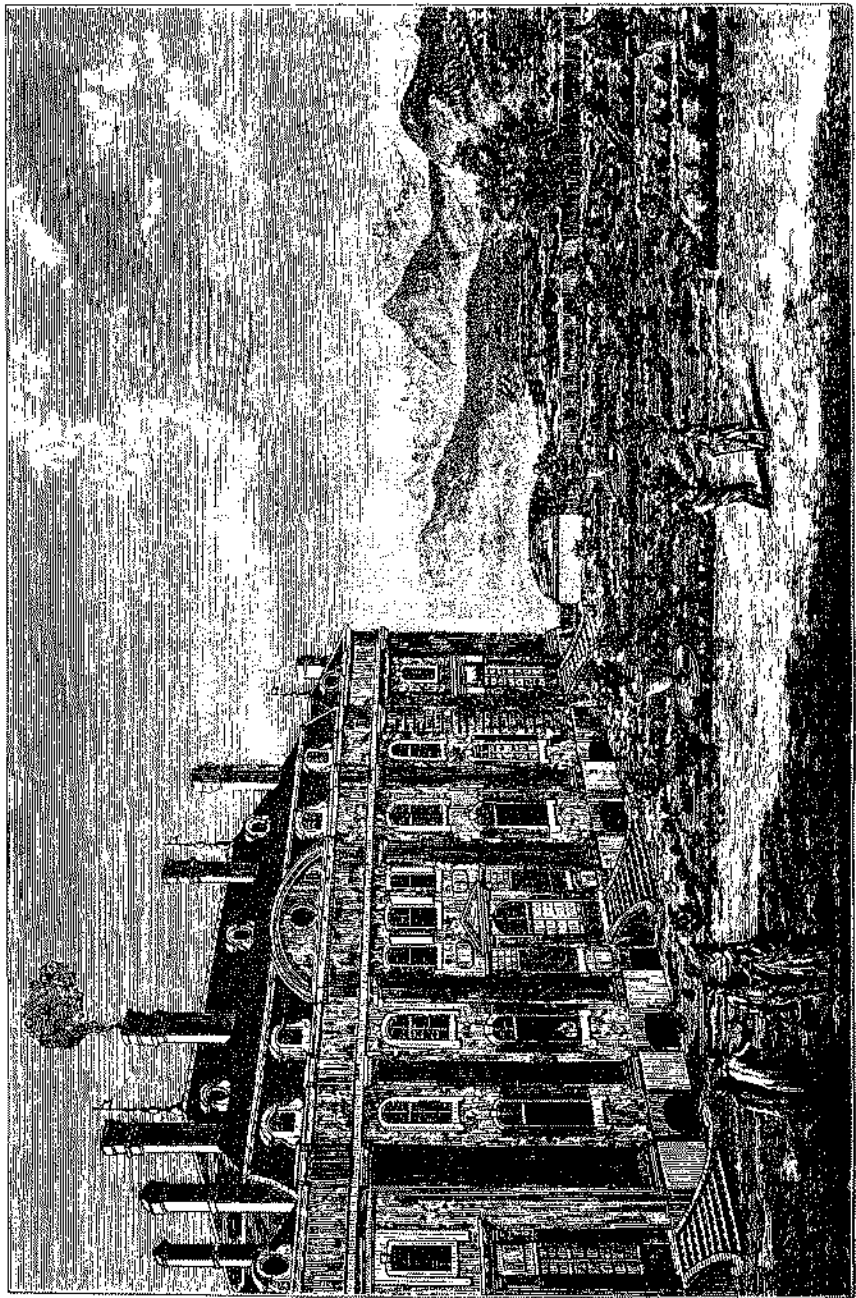
¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 10, 14, 66, 197, 215, 338, 448, 483, 509, 631, 637.

² Ségur, Mémoires, III, 83.

³ Храповицкий, 26 апреля 1787 г.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 400, 403, 414, 415, 443, 466.

⁵ Храповицкий, 12 сентября 1787 года.



Вид Фернейского замка, принадлежащего Вольтеру, в конце 18 столетия.

С гравюры 18-го века Маскелье, сделанной с рисунка с натуры Брандзюена.

междоусобие, по сильному упорству парламентов против власти королевской, и тем важнее будут следствия, ежели Англия тут замешается». В письмах к барону Гримму Екатерина, также не без опасения, говорила о созвании «Etats généraux», замечая, что в интересе Европы нельзя не желать, чтобы Франция сохранила свою силу и свое значение.¹ В беседе с графом Сегюром императрица, после созвания «Etats généraux», порицала чрезмерные притязания собрания, замечая, что жертва, приносимая королем, не положит конца брожению умов во Франции.²

Как императрица приняла известие о штурме Бастилии, видно из дневника Храповицкого. Путем регистрации писем она узнала об образе мыслей Сегюра по поводу этого события. Сегюр был в восхищении от штурма Бастилии и писал в этом смысле Лафайету, поздравляя его с этим событием и пр. Екатерина в раздражении спрашивала: «Может ли так писать королевский министр? Что скажет император, когда обо всем этом узнает? Странное письмо. Он его поздравляет со счастливой революцией». Неоднократно императрица сожалела о слабости характера Людовика XVI; однажды она заметила: «Le pourquoi est le roi. Он всякий вечер пьян, и им управляет кто хочет» и пр.³ Когда Сегюр собирался уехать во Францию, императрица сказала ему, что он, вероятно, застанет свою родину охваченной опасной болезнью и в страшной лихорадке; к этому она прибавила, что Сегюр, вероятно, сделается сторонником народного дела («de la cause populaire»), между тем как она, уже по своему ремеслу, останется верной аристократическому началу.⁴

10 августа 1789 года Екатерина сказала: «С вступления на престол я всегда думала, что ферментации там быть должно; ныне не умели пользоваться расположением умов: Файета, comme un ambitieux, взяла бы к себе и сделала своим защитником! Заметь, что делала здесь с восшествия». В сентябре она назвала состояние Франции чисто анархическим и заметила: «Они там в самом деле способны повесить короля; это ужасно». Судьба Людовика XVI сильно беспокоила императрицу; она выразила надежду, что королю удастся оставить Париж и удалиться в Мец для соединения с дворянством. Узнав о событиях во Франции в октябре, Екатерина в крайнем волнении рассказывала Храповицкому, что чернь заставила короля переехать из Версаля в Париж. При этом она сказала: «Его постигнет

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 432.

² Ségur, Mémoires, III, 506.

³ Храповицкий, 29 июля 1789.

⁴ Ségur, Mémoires, III, 531.



Дидро.

С гравюры Катлена, сделанной с портрета, писанного Кошнем.

судьба Карла I»; в раздражении она воображала в какой степени были бы поражены всем этим Буало и Людовик XIV. Екатерина хвалила сочинение Бёрке о французской революции и заметила при этом, что дела Людовика XVI «касаются до всех государей, и его оскорбленное достоинство требует торжественного восстановления». ¹ Отмена титулов во Франции исполнила императрицу негодованием. Она выразила опасение, что герцог Орлеанский сделается правителем и что корона во Франции не останется наследственной, что поэтому Франция, подобно Польше, лишится всякого значения и пр. ² Ей сильно не понравилась также отмена привилегий. В самых резких выражениях она порицала образ действий либеральных депутатов от дворянства и духовенства, подавших свои голоса в пользу такой радикальной меры. Она считала неблагодарным, что правительство могло верить столь многочисленному собранию обширный авторитет и поручить ему редакцию законов. Особенно же императрица была раздражена уступчивостью короля, соглашавшегося на многие важные перемены. Изменение королевского титула — его стали называть «королем французов» — казалось Екатерине нелепым и преступным нарушением векового обычая, достойного благоговения. Императрица, намеревавшаяся раньше подарить городскому голове Парижа, Бальи свой портрет, объявила, что теперь нельзя этого исполнить, потому что Бальи, сделавшись «*démonarchiseur*ом», не может получить портрет «самой аристократической императрицы в Европе». Екатерина находила, что «*Assemblée nationale*» должна будет сжечь сочинения французских философов, потому что в них заключается протест против всего того, что ныне происходит во Франции. Негодование императрицы доходило до того, что она начала говорить о необходимости повесить некоторых членов национального собрания, чтобы тем самым образумить остальных; вообще она называла депутатов интриганам, недостойными звания законодателей, «канальями», которых можно бы сравнить с «маркизом Пугачевым». Летом 1790 года Екатерина писала барону Гримму, что, в случае торжества французских либеральных идей и в других государствах можно считать Европу погибшей; она сожалела о громадной разнице между находившимся в состоянии опьянения национальным собранием и великолепным двором Людовика XIV. Лучшие французские писатели, говорила Екатерина, были роялистами, как, например, и Вольтер: все они отстаивали тишину и порядок. Отмена дворянского достоинства в глазах Екатерины была «сумасбродным» действием; она указывала на

¹ «Соч. Екат.», издание Смирдина, III, 413.

² Храповицкий, 14 июля 1790 года.



Даламбер.

С гравюры Генрикеца, сделанной с портрета, писанного Жоленом.

вопиющую несправедливость, заключающуюся в лишении дворян тех преимуществ, которые они заслужили себе своим трудом, доблестью и пр. Слава Франции, сказала она, погибла навсегда. С гордостью Екатерина заметила, что, пока она жива, в России не будут разыгрывать роль законодателей адвокаты и прокуроры. Она считала вероятным, что Франция, вследствие революционных событий, превратится опять в ту полудикую страну, какой она была при Цезаре; по ее мнению, нельзя было сомневаться в предстоявшем появлении какого-нибудь Цезаря, который образумит «галлов». Иногда императрица говорила о том, что бы она сделала на месте Артуа, Конде, Булье и др., или заявляла о своем намерении написать большую книгу о происходящих во Франции «нелепостях»; закон об ответственности министров казался императрице ужасным преступлением; она ожидала, что благодаря такому законопроекту все министры должны будут очутиться на галерах. Она не могла понять, каким образом многие считали Мирабо великим государственным человеком, тогда как, на ее взгляд, он был достоин тюрьмы, виселицы, колесования. О себе Екатерина утверждала, что она и по своему званию, и по долгу остается роялисткой.

Неоднократно императрица заявляла о своем сочувствии Марии-Антуанете, о желании содействовать спасению королевы. Узнав о бегстве королевского семейства, Екатерина чрезвычайно обрадовалась; однако вскоре радость превратилась в печаль. Вечером того же дня в Петергофе узнали о задержании Людовика XVI, его супруги и их детей и об отправлении несчастного семейства в Париж.¹

Екатерина, однако, все еще надеялась на реакционное движение, на строгое наказание, которое рано или поздно должно будет постигнуть Францию. По ее мнению, войско, состоящее из 20000 казаков, без труда могло бы очистить путь от Страсбурга до Парижа; как видно, императрица разделяла в этом отношении воззрения, господствовавшие в то время в Вене и Берлине и имевшие результатом неудачу похода коалиционных войск в 1792 году. Впрочем, Екатерина довольно верно рассуждала о негодности войск Германской империи, замечая в письме Гримму: «С давних пор я знаю, что войско, состоящее из отрядов солдат имперских государей, никуда не годится».

¹ Барон Гримм для королевы Марии-Антуанеты сделал выписки из писем Екатерины, указывая на те места, в которых говорилось о королеве. См. «Сб. Ист. Общ.», II, 346—348. Известно, что бегству королевского семейства содействовала баронесса Корф, дочь петербургского банкира; см. о ее участии в этом деле статью с документами в «Русском Архиве», 1866, стр. 800—816.



Людовик XVI.
С гравированного портрета 18-го века.

Уступчивость Людовика XVI, согласившегося принять чересчур либеральную конституцию, глубоко поразила Екатерину. «Можно ли», спрашивала она, «помочь королю, который сам не знает своих выгод»; она обвиняла короля в том, что подобным действием он сделался, так сказать, главой революционеров.¹

Узнав об аресте короля и заключении королевского семейства в Тампле, императрица воскликнула: «Это ужасно!» По получении известий о процессе короля и его казни, Екатерина занемогла и слегла в постель; она была в глубокой горести, однако выразила надежду, что Англия теперь уничтожит Францию. «Нужно искоренить всех французов до того, чтобы и имя этого народа исчезло», сказала она. «Равенство — чудовище», заметила она в другой раз, «которое во что бы то ни стало хочет сделаться королем».

Императрицей в это время было составлено несколько записок о положении дел во Франции; в одной из них, от 4 декабря 1791 года, сказано, что нет никакого основания бояться Франции, которая вскоре должна будет возвратиться к монархическому началу; в другой заключались доказательства, что даже гегемония Людовика XIV не представляла собой такой опасности для Европы, как республика. В записках одного из секретарей Екатерины, Грибовского, встречаются следующие замечания императрицы: «Мы не должны предать добродетельного короля в жертву варварам. Ослабление монархической власти во Франции подвергает опасности все другие монархии. Древние за одно утесненное правление воевали против сильных; почему же европейские государи не устремятся на помощь государю и его семейству, в заточении находящемуся? Безначалие есть злейший бич, особливо когда действует под личиной свободы, его обманчивого призрака народов. Европа вскоре погрузится в варварство, если не поспешат ее от оногo предохранить. С моей стороны я готова воспротивиться всеми моими силами. Пора действовать и приняться за оружие для устрашения сих беснующихся! Благочестие к сему возбуждает, религия повелевает, человечество призывает, а с ним драгоценные и священные права Европы сего требуют».²

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 500. См. далее мою статью «С.-Петербургские ведомости во время французской революции» в «Др. и Нов. России» 1876, т. I, и мою статью: «Katharina II und d. franz. Revolution» в «Russische Revue», III, а также мою статью о переписке Екатерины с Гриммом в «Russische Revue», XVI, 496 и след.

² «Записки Грибовского», 54—55.



Королева Мария-Антуанетта с детьми.
С портрета, писанного г-жей Виже-Лебрень и находящегося в Версале.

На одном из вечеров в Царском Селе заговорили о французской революции. Многие были того мнения, что легко укротить такое возмущение. Екатерина написала по этому поводу записку, в которой сказала между прочим: «Летописи протекших времен доказывают, что государства, опустошаемые безначалием и лютостями, от онога проистекающими, весьма опасны соседственным странам бывают. Кровавые междоусобия, разоряя области и города, ввергают народы в нищету и отчаяние и, отъемля личную и имущественную безопасность, тем самым соделывают их мятежными и к браням склонными» и пр.¹

Екатерина находилась в сношениях с роялистами и эмигрантами: некоторые из них нашли убежище в России, например, Сенак де Мельян, С. Бри, Эстергази и другие. Императрица получила от генерала Булье письмо, в котором он объяснял причины неудачи попытки вывезти короля из Франции. Она, заботясь о нуждах эмигрантов, называла себя «Madame la Ressource». Якобинцы грозили убить Екатерину; она возразила, что ей очень хотелось бы наказать якобинцев розгами и палками. Ее сильно оскорбило сделанное кем-то замечание, что еще до революции Вольтер проповедовал начала анархии. Рассуждая о связи между литературой просвещения и революцией, императрица допускала, что французские философы и писатели ошибались, считая народ расположенным к добродетели и способным к правильному мышлению, между тем, как теперь оказалось, что эти «адвокаты и прокуроры и все изверги» пользуются философией как средством оправдания самых ужасных преступлений; несчастные французы, продолжала Екатерина, стремились к свободе, а теперь они терпят иго тиранства; разве только чума и голод, сказала она, могут образумить французов. Императрица постоянно предсказывала появление диктатора во Франции. В феврале 1794 года она писала: «Если Франция справится со своими бедами, она будет сильнее, чем когда-либо, будет послушна и кротка как овечка; но для этого нужен человек недюжинный, ловкий, храбрый, опередивший своих современников и даже, может быть, свой век. Родился он или еще не родился? Придет ли он? Все зависит от этого. Если найдется такой человек, он стопой своей остановит дальнейшее падение, которое прекратится там, где он станет, во Франции или в ином месте».²

Екатерина не дожила до диктатуры Наполеона. Зато она имела случай выразить свое негодование по поводу заключения Базельского мира.

¹ «Русский Архив» 1865, стр. 1282—84.

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 592.

Ей казалось непостижимым, каким образом Пруссия могла помириться с «режиссидами», с «извергами человечества». Она дала знать голландцам, что не хочет иметь с ними дела до тех пор, пока они находятся под игом Франции; называла австрийского министра Тугута «якобинцем», сравнивала принца Генриха с Филиппом Эгалите и пр.



Портрет Марата.
Открытка, Одесса, 1920-1921.

Впрочем, императрица была крайне недовольна и эмигрантами, пользовавшимися ее покровительством; неопределенная политика Австрии и шаткость английского правительства возбуждали негодование Екатерины; она чрезвычайно резко отзывалась о Людовике XVIII, ис-

кавшим убежища и поддержки при разных дворах. Надежды императрицы на реакционное движение против революции не исполнились при ее жизни: в минуту ее кончины, напротив, старый порядок в Европе вел упорную борьбу с революционной Францией и находился всюду в проигрыше.

Впрочем, императрица не желала принимать непосредственного участия в войне против Франции. Уже по своему географическому положению Россия во время революции подвергалась меньшей опасности, чем Западная Германия, Швейцария, Италия. В некотором смысле можно было назвать войну прочих держав против Франции мерою обороны. Участие России в этой общей войне могло обуславливаться лишь весьма сложным расчетом. Екатерина оставалась чуждою всякой сентиментальности в делах политики, тогда как в образе действий Густава IV или Фридриха Вильгельма II важное значение имели чувства и субъективные воззрения. Хладнокровие Екатерины скорее можно сравнить с беспристрастно-расчетливым образом действий императора Леопольда II. К тому же она едва ли могла верить в опасность заразы французских революционных идей для России вообще. Она в это время, как мы видели, была занята польским вопросом, турецкими делами и пр. При всем том, однако, можно считать вероятным, что Екатерина накануне своей кончины мечтала о решительных мерах против революционной Франции.

Были приняты кое-какие полицейские меры для отвращения опасности, грозившей России со стороны французской революции. Французам, находившимся в России, дозволялось оставаться не иначе как подписав присягу, что они ничего общего не имеют с «правилами безбожными и возмутительными» и что они признают «злодеяние, учиненное сими извергами над королевскою особою во всем том омерзении, каковое оно возбуждает во всяком добром гражданине»; кроме того, французы, находившиеся в России, должны были дать обещание прервать «всякие сношения с одноземцами своими», повинующимися нынешнему «незаконному и неистовому правлению».¹ По приблизительному подсчету около тысячи проживавших в России французов подписали присягу.² Когда распространился слух, что французские демагоги рассылали убийц для покушения на жизнь государей, дежурный генерал-адъютант П. Б. Пассек вздумал при каждом входе дворца удвоить караулы. Императрица приказала немедлен-

¹ П. С. Зак., 17101.

² Списки подписей в приложениях к «С Петербургским Ведомостям» того времени.

ио отменить это распоряжение.¹ За некоторыми французами, проживавшими в России, наблюдали особенно строго. Русским было строжайше запрещено путешествовать по Франции.² Дипломатические сношения между Россией и Францией вовсе прекратились. Было запрещено привозить или выписывать всякие вещи из Франции и пр.



Портрет Робеспьера.
Открытка, Одесса, 1920-1921.

Хотя многое, что рассказано в записках Массона о раздражении Екатерины против французской революции, едва ли может считаться досто-

¹ Зап. Грибовского, 38.

² См. письмо Безбородко к своему племяннику в «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 486.

верным, все-таки любопытно видеть, сколько анекдотов по этому поводу рассказывалось в различных кружках петербургского общества, так, например, Массон пишет, что убийство Густава III и кончина Леопольда II считались при русском дворе прямым действием влияния якобинцев; что бюсты Вольтера и Фокса, поставленные в галерее Эрмитажа, во время террора были брошены в угол; что Екатерина и Вашингтона называла бунтовщиком; что поляков за государственный переворот 3 мая 1791 года называли якобинцами, и пр.¹

Положение Екатерины было своеобразно. До 1789 года она постоянно находилась в переписке со знаменитейшими писателями Франции. Во время же революции ей говорили, что эта литература просвещения повела к страшному кризису во Франции. До революции «Наказ» Екатерины был запрещен цензурой во Франции; во время же революции французская литература в России считалась крайне опасною.

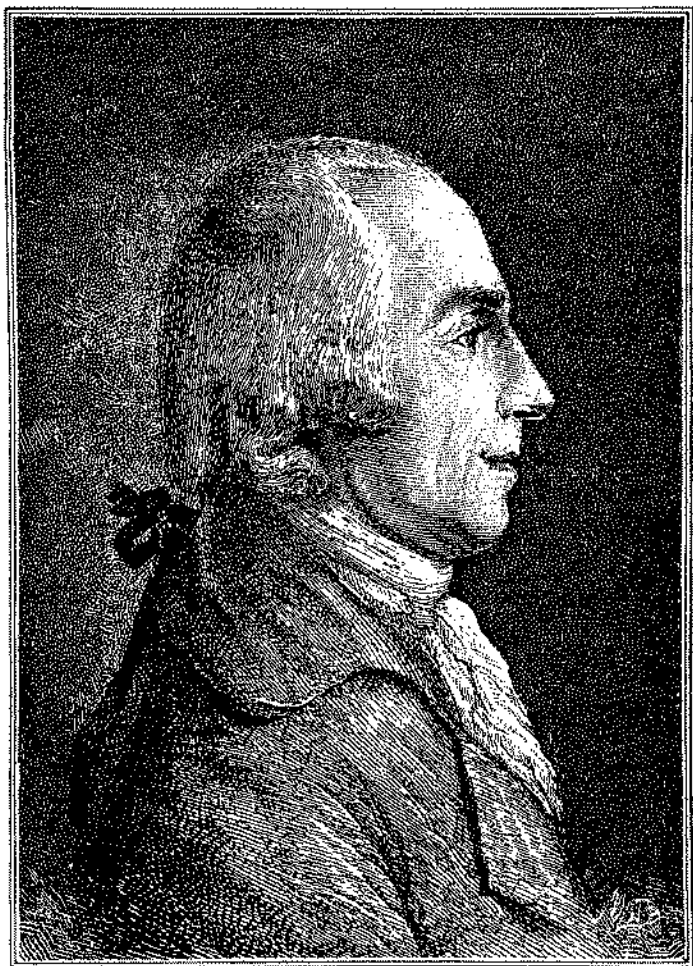
Это двойственное отношение Екатерины к событиям во Франции и к главным началам французской революции особенно рельефно выказывается в том обстоятельстве, что в то самое время, когда в Петербурге при дворе императрицы находились эмигранты, когда в русской столице собирався кружок французов, заслуживший себе название «le petit Coblençe»,² воспитателем и наставником внуков императрицы был и оставался Лагарп.

Лагарп и по своему образованию, и по своим политическим убеждениям, и по своему отношению к либеральным партиям в Швейцарии, был довольно близок к тем началам, которые восторжествовали в 1789 году во Франции. С другой стороны, оставаясь в течение революции в постоянных и близких сношениях с императрицею Екатериною и с великими князьями, он мог служить, так сказать, посредником между революцией и так называемым «ancien régime», он был как бы звеном, соединявшим эпоху литературы просвещения XVIII столетия с периодом реакции против революции в начале XIX. Пребывание Лагарпа, разделявшего убеждения некоторых отчаянных доктринеров французской революции, при том самом дворе, который служил убежищем для французских эмигрантов, производит странное впечатление. Лагарп был учеником Локке и Руссо, жрецом свободы и рационализма; он порицал Цезаря и хвалил Брута; он восхищался Юлианом и осуждал Константина Великого — и в то же время он, несмотря на события во Франции, мог оставаться на своем посту в качестве учителя будущего наследника российского престола. В своих уро-

¹ Masson, «Mémoires secrets sur la Russie», II, 236; I, 120, 121, 51, 90.

² Там же, III, 442. Кобленц был сборным пунктом эмигрантов.

как всеобщей истории он представлял великим князьям дореволюционное положение Франции в самом мрачном виде; Екатерина шутя называла его «М-г le jacobin», не считая его особенно опасным.



Лагарп.

С гравированного портрета 18-го века.

Такого рода явления, впрочем, замечаются не раз в то время; Мирабо, страшный противник старого порядка, хотел спасти монархию; Робесс-

пьер хотел восстановить религию. Неккер и жирондисты в глазах радикалов считались недостаточно либеральными. Бонапарт, поддерживавший тесные связи с якобинцами, сделался консулом и императором, и т. п.

Лагарп восхищался идеями свободы и равенства, преподаваемыми французским национальным собранием, теми самыми идеями, которые столь резко осуждались в Петербурге. Его исторические лекции, писанные в этом духе, высоко ценились Екатериною; в то же самое время они читались особенно охотно в кружках радикалов в Швейцарии. В письмах и записках, отправленных Лагарпом в Швейцарию, он старался действовать против консервативных начал. Его вмешательство в швейцарские дела вызвало жалобы со стороны представителей старого порядка. Некоторые из последних в Кобленце обратились к русскому посланнику, графу Румянцеву, и выражали удивление, что Екатерина не удаляет от своего двора столь опасного приверженца революционных начал. Императрица довольно колко ответила на такие инсинуации и даже шутила с Лагарпом о том, что его считают столь ужасным преступником. Она предложила ему оправдаться в особой записке. Он это сделал со свойственной ему откровенностью, нисколько не скрывая своего либерального образа мыслей. Его влиянию эмигранты приписывали недостаточно энергичное, по их мнению, вмешательство России во французские дела. Все они: и Эстергази, и Нассау-Зиген, и Артуа и другие, ненавидели Лагарпа. Он, однако, оставался цел и невредим, хотя в свите герцога Артуа, когда тот приехал в Петербург, находился некто барон Солль из Солотурна, имевший из Берна поручение во что бы то ни стало содействовать удалению и гибели Лагарпа. О его столкновении с эмигрантами рассказывается следующий случай. Однажды, в то время, когда некоторые французские эмигранты в присутствии императрицы беседовали о так называемом «ancien régime», восхищаясь порядками дореволюционной Франции, великий князь Константин Павлович прервал их беседу и стал доказывать, что их суждения о выгодах дореволюционных учреждений лишены всякого основания. Довольно красноречиво пересчитывал он при этом все злоупотребления и неудобства феодального состояния Франции. На вопрос, откуда великий князь заимствовал все эти данные и свой взгляд на эти учреждения, Константин Павлович отвечал, что он вместе с Лагарпом занимался чтением «Mémoires posthumes» Дюкло (Duclos). Императрица изъявила ему свое удовольствие; эмигранты же совершенно сконфузились.¹

¹ См. соч. Сухомлинова о Лагарпе в «Журнале Министерства народного просвещения», 1871, кн. I.

При все том, однако, «С.-Петербургские ведомости» того времени могут прямо считаться газетой, редактируемой под влиянием партии французских эмигрантов. В ней заключались самые резкие отзывы о событиях французской революции. Здесь встречались нападения на Мирабо и

ФРАНЦІЯ.
ИЗЪ ПАРИЖА, ОТЬ 24го АВГУСТА.

Народное Собраніе все еще занимается первою главою новаго Уложения, въ которой изположены будутъ Права Человѣка въ обществѣ. Оно желаетъ, какъ слышно, спрѣд сей въ сегодняшнее заведеніе окончить, дабы завтра, въ день св. Людовика, поднести оной Его Величеству Королю. Принимая досель: Народнымъ Собраніемъ положенія о Правахъ Человѣка состоятъ въ слѣдующемъ:

I) Все люди рождаются вольными и въ совершенной въ разсужденіи Правъ равенствѣ; различія же должны быть основаны на одной токмо общей пользѣ.

II) Всякое Общество обязано имѣть главнымъ предѣломъ бытія своего соблюденіе естественныхъ и явленію не подлежащихъ Правъ Человѣка. Права сіи суть: *Вольность, Собственность, Безопасность и Протѣвборство чуждѣтвію.*

III) Всякая *Верховная Власть* имѣетъ основаніе свое въ Народѣ; и ни какое Общество властительствовать не можетъ, не имѣящую Власть отъ Народа.

IV) *Вольность* состоитъ въ томъ, чтобы самопроизвольно дѣлать все то, что другому вреда не наноситъ. Слѣдовательно произведеніе въ дѣйство естественныхъ Правъ всякаго Человѣка не имѣетъ ни какихъ другихъ предѣловъ, кромѣ тѣхъ, ко-

торые протѣкаютъ людей въ свободномъ употребленіи тѣловыхъ же правъ обеспечивающъ. Предѣлы сіи могутъ быть назначены однимъ только Закономъ.

V) *Законы* должны запрещать только дѣянія, кои Обществу вредны; не запрещенное же воспрещено быть не можетъ, и ни кога принудить нельзя, дѣлать то, чего Законъ не повелѣваетъ.

VI) Законъ есть преданіе или изположеніе всеобщей воли. Вся сограждане имѣютъ право, самолично или чрезъ Повѣренныхъ въ образованія Закона содѣйствовать. Онъ долженъ быть одинъ и тотъ же самый для всѣхъ, какъ въ вѣщности, такъ и въ наказаніи. По елику предѣ Закономъ все сограждане равны, то и должны состоять они быть допущены ко всемъ достоинствамъ, имѣнїямъ и общенароднымъ служенїямъ, смотря по ихъ способностямъ, безъ всякаго другаго различія, кромѣ того, какое сосиавляетъ будущъ ихъ добродѣтели и дарованія.

VII) Ни кто иначе ни сулу подвергнуть, ни подѣ спрѣму взять быть не можетъ, какъ только въ случаѣ Законодательною Властію предположенной, и съ сохраненіемъ предписанныхъ въ оныхъ обрядовъ. Слѣдовательно тѣ, кои самовольными посыланія изрѣшительную, издаютъ, и производятъ въ дѣйство сами собою или чрезъ другихъ, должны быть имѣть

Публикация перевода «Декларации прав человека и гражданина» в «Санкт-Петербургских ведомостях» 14 сентября 1789 г.

Лафайета и др. При рассказе о штурме Бастилии сказано: «Рука содрогается от ужаса, описывая происшествія» и пр. «Совершенное безуміе во всем господствовало» и т. п. С негодованіем сообщается, что депутаты

государственных чинов «говорили дерзкие речи». Встречаются фразы вроде следующих: «Все честные люди вздыхают, что верховная власть и законы у нас умолкли и что бедственное безначалие со дня на день более усиливается! Дерзость писателей рассеивает в народе возмутительные сочинения»; «народная вольность есть не что иное, как гибельное безначалие». О законодательной деятельности национального собрания: «Взвесив на весах здравого рассудка все то, что доселе положено уже в народном собрании в отношении к разным предметам, не осталось, кажется, ожидать более ничего, кроме совершенного безначалия, разбоев, грабежей и, наконец, всеобщего в государстве смятения»; «начиная от народного собрания, до самых последних людей, проведены одни и те же самые струны, на которых всяк бренчит по своему вкусу и разумению»; «вольность кроме грабителей никого не кормит». При сообщении некоторых случаев кражи вина таких преступлений приписывается «питомцам вольности», а затем следует восклицание: «Вот зрелый плод нашей вольности». Некоторые более радикальные члены национального собрания названы «бешеными». В другом месте: «Большая часть нынешней нашей законодательной власти имеет о политических делах самые странные и совершенно мещанские понятия»; говорится об «ослах вольности», о корыстолюбии, о бражничестве законодателей. «При всеобщем безумии и самые здравые рассуждения кажутся сумасбродством». «Дела наши», писали якобы из Франции в с.-петербургскую газету, «все еще сновидениям и детским забавам подобны!.. Чего не выдумают винные спирты, в головах философов господствующие». Постоянно повторяются фразы о «буйстве винных спиртов», о «явлении нового соревнования общему сумасбродству», о «разбойниках, кои нынешнюю законодательную власть поддерживают» и т. п. О Мирабо было сказано в «С.-Петербургских ведомостях», что его «голова набита сенною трухою», что он «достоен возвышения на фонарном столбе», что он «простирает наглость свою и к самому убийству» (короля Людовика XVI) и пр. Король назван «жертвою вероломства народного»; Робеспьер «злодеем государя и народа»; часто повторяются слова: «Вот пагубные следствия безначалия и философической вольности», «зараза общего буйства» и т. п. Из некоторых сообщений и заметок в с.-петербургской газете видно, что авторами их были французские эмигранты-роялисты. Таким образом, объясняется страшное раздражение при разборе событий во Франции.¹

¹ См. мою статью в «Др. и Нов. России», 1876, I.

Однако рассказы о событиях в Париже, начиная с кровопролития в сентябре 1792 года, становятся краткими. О казни Людовика XVI не говорится вовсе. Быть может, русское правительство не желало опубликования в своей газете подробных рассказов о столь вопиющем факте. Во всяком случае, видно, что Екатерина была в это время окружена представителями реакции.

Радищев. Новиков

Екатерина, как мы знаем, любила читать произведения литературы просвещения, что, впрочем, не мешало ей опасаться вредного влияния некоторых писателей. Незадолго до составления «Большого Наказа» она собственноручно написала повеление о мерах против распространения в России иностранных сочинений, направленных против религии, нравственности и самой государыни. Между книгами, которые она запретила, мы встречаем и сочинение Руссо «Emile». «И тако», сказано в записке Екатерины, «надлежит приказать накрепчайшим образом Академии наук иметь смотрение, дабы в ее книжной лавке такие непорядки не происходили, а прочим книгопродавцам приказать ежегодно реестры посылать в Академию наук и университет московский, какие книги они намерены выписывать, а этим местам вычеркивать в тех реестрах такие книги, которые против закона, доброго нрава и нас. А если после того сыщется преступник сему в продаже таких книг, то конфисковать всю лавку и продать на счет сиропитального дома» и пр.¹

В 1785 году императрица сочла нужным принять строгие меры против известного книгопродавца и литератора Новикова. 23 декабря 1785 года она писала московскому главнокомандующему, графу Брюсу: «В рассуждении, что из типографии Новикова выходят многие странные книги, прикажите губернскому прокурору, сочиня роспись оным книгам, отослать оную, с книгами вместе, к Преосвященному Архиепископу Московскому, а его преосвященство имеет особое от Нас повеление, как самого Новикова приказать испытать в законе нашем, так и книги его типографии освидетельствовать»; далее императрица желала «освидетельствования книг, выходящих из Новикова и других вольных типографий, где что-либо касается до веры или дел духовных, и для наблюдения, чтоб таковые печатаны не были, в кои какие-либо колобродства, нелепые умствования и раскол скрываются».

¹ «Сб. Ист. Общ.», VII, 318.

Желание императрицы было исполнено. Приступили к «освидетельствованию» книг новиковской типографии. В нескольких деловых бумагах, писанных Екатериною по этому поводу, мы встречаем замечания об опасности книг, «наполненных новым расколом, для обмана и уловления невежд», о «развращении слабоумных», о необходимости принять меры против «обыкших восхищаться нелепыми новостями», и т. п. К списку книг, «оказавшихся сумнительными», Платон, архиепископ Московский, присоединил некоторые замечания. Об одном сочинении, «О заблуждениях и истине», сказано, что оно «исполнено нарочной темноты, могущей служить к разным вольных людей мудрствованиям, а потому к заблуждениям и к разгорячению энтузиазма»; в другом сочинении, «Похвала Сократа», считалось «соблазнительным уподобление Сократа со Христом Спасителем»; о сочинении Вольтера «Человек в 40 талеров», замечено: «Мало содержит полезного, а более колобродного»; о некоторых комедиях сказано, «что они могут в молодых людях усилить страсти, которые и без того неослабно действуют» и т. п. Лавка Новикова была запечатана на некоторое время; были сделаны веские цензурные и полицейские распоряжения. Однако этот эпизод вообще не имел серьезных последствий.¹ Хотя оказалось, что Новиков принадлежал к франкмасонам, но его за это не преследовали. Многие знатные лица, как например, Елагин, Кутузов, Репнин, великий князь Павел Петрович, находились в сношениях с этим обществом. Впрочем, с этого времени сочли нужным несколько строже прежнего наблюдать за книгами, в которых могло заключаться какое-либо «колобродство», за больницами и школами, находившимися под влиянием франкмасонов.

Вскоре затем началась французская революция. Впечатлением, произведенным на Екатерину этим событием, главным образом объясняются два эпизода, случившиеся в 1790 и 1792 годах.

Летом 1790 года в Петербурге, в книжной лавке купца Зотова, появилась книга, озаглавленная «Путешествие из Петербурга в Москву». Автор ее, Радищев, директор с.-петербургской таможни, отличался замечательным образованием, многосторонней начитанностью. В молодости он вместе с другими молодыми людьми по повелению императрицы несколько лет пробыл за границею и изучал в лейпцигском университете юриспруденцию. Сочинение «Путешествие из Петербурга в Москву» было набрано в собственной типографии Радищева. Оно обратило на себя внима-

¹ «Чтения Моск. Общ. И. и Др.», 1867, Смесь, 40—62.

ние публики и правительства. Старались узнать имя автора, не показанного на заглавии. Начав чтение этого сочинения, императрица сказала: «Гут рассевание заразы французской: отвращение от начальства». Послали за полицмейстером Рылевым. Началось следствие.



Н.И. Новиков.

С литографии, сделанной с портрета, писанного Боровиковским.

В книге Радищева заключались указания на некоторые недостатки в общественном и государственном строе, на зло крепостного права, на ужасы патримониального судопроизводства, на недостатки в устройстве суда и расправы, на пустоту и внешность приемов воспитания юношества

высших сословий и пр. Автор требовал освобождения крестьян, определения точных правил педагогики, гуманного судопроизводства и т. п.

Все эти вопросы и прежде служили предметом обсуждения в печати. В этом же духе говорили и писали депутаты созванного императрицею законодательного собрания. В издаваемых Новиковым периодических изданиях являлись статьи такого же содержания. Правда, в книге Радищева обо всем этом говорилось несколько более резко и открыто. Однако страшная судьба, постигшая Радищева, объясняется не столько смелостью его выводов, разве только количественно превосходящих прежние заявления такого рода, сколько духом реакции против французской революции.

Радищев был арестован. Екатерина начала писать примечания на книгу его. Она находила, что Радищев хуже Пугачева; ей сильно не понравилось, что он восхвалял Франклина; она подозревала в нем «мартиниста или что-либо подобное». «Намерение сей книги», писала императрица, «на каждом месте видно; сочинитель оной наполнил и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выискивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальника и начальства». Она утверждала, что честолюбие, злость и зависть руководили автором при составлении его труда. Примечания Екатерины свидетельствуют о раздражительности и мнительности. Некоторые отзывы Радищева она считала намеками на слабости ее самой. Poleмика Екатерины во многих отношениях противоречила ее прежним воззрениям. Когда-то она любила говорить о естественном, прирожденном праве, теперь же, забыв о том, что Радищев по ее же повелению изучал за границей юриспруденцию, она находила, что эти начала философского права повели прямо к гибели Франции; прежде она неоднократно вооружалась против крепостного права, теперь же жалобы Радищева на плачевное состояние крестьян казались ей несправедливыми и преувеличенными; прежде она отстаивала реформы, теперь же в консервативном духе указывала на опасности, представляемые нововведениями. Прежняя ученица литературы просвещения теперь с презрением говорила о некоторых французских писателях. Радищев сравнивал красноречивого Мирабо с Демосфеном, Фоксом и Бёрке; Екатерина находила, что Мирабо достоин виселицы.

Замечания Екатерины на книгу Радищева были вручены людям, производившим следствие над несчастным писателем. Понятно, что они старались действовать в духе раздраженной императрицы. Сам Радищев был

в отчаянии; написал повинную, в которой говорил, что главным образом честолюбие, желание «быть известну между авторами» заставило его написать эту книгу, обвинял себя в «хвастовстве», сознавался, что «писал, гоняясь за пустою славою прослыть писателем», и пр.



Митрополит Платон.

С портрета, принадлежащего княгине Е.П. Кочубей.

В «Путешествии» Радищев высказывает мнение, что Россия страна, «где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет». Оказалось, что Россия была страной, где нельзя было писать и печатать безнаказанно

сочинения, в которых затрагивались вопросы, относящиеся к государственному и общественному организму. Судьи находили, что книга Радищева «наполнена самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование против начальников и начальства, и наконец, оскорбительными и неистовыми выражениями против сана и власти царской».

Радищева приговорили к смертной казни. Екатерина изменила приговор: автор был отправлен в Сибирь, где пробыл до воцарения Павла.¹

ПУТЕШЕСТВИЕ.

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудные обла, озорно, огорно, сморно,
и ладъ.“

Тилемалка. Томъ II. Кн. XVIII. стр. 516

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Титульный лист «Путешествия из Петербурга в Москву».

Были люди, разделявшие мнения Екатерины об опасности, якобы грозившей государству и обществу от сочинения Радищева; в этом смысле выразились, например, князь Федор Голицын² и княгиня Дашкова. Последняя назвала эту книгу «набатов революции». Совсем иначе рассуждал граф Воронцов, поднявший вопрос: если такая «шалость» (étourderie) оказывается достойною смертной казни, то каким образом должно наказывать

¹ См. статью Якушкина о Радищеве в «Русской Старине», 1882, Т. XXXV, 457—533.

² «Русский Архив» 1874, I, 1290.



А.Н. Радищев.
С гравированного портрета Алексева.

настоящих преступников? ¹ Мера строгости в подобных случаях различна в различное время и при различных обстоятельствах. Сам Радищев справедливо говорил, что, издай он свое «Путешествие» несколько лет раньше, то заслужил бы милость, а не преследование.²

Подобный же эпизод случился два года спустя с Новиковым. Появилась книга о расколе, которая сильно не понравилась императрице. Она приказала московскому генерал-губернатору, князю Прозоровскому, сделать обыск в квартире Новикова и в его имении. Новиков был арестован.³ Оказалось, что он поддерживал связи с разными тайными обществами. Екатерина не раз, между прочим, в своих драматических трудах полемизировала против существовавшей страсти составлять тайные общества, против розенкрейцеров, мартинистов и пр. Теперь же она считала себя вправе принять сильные меры против Новикова. Она заметила, что «всегда успевала управляться с турками, шведами и поляками, но, к удивлению, не может сладить с армейским поручиком!»⁴

Новиков занимал весьма видное место в обществе, по временам доставлял великому князю Павлу Петровичу разные книги, пользовался покровительством Безбородко, находился в тесных отношениях с Болотовым, Державиным и пр. Как журналист и сатирик, как историк и публицист, он играл довольно важную роль. В 1791 году он посвятил императрице сочинение, в котором излагалось развитие уголовного судопроизводства в духе кротости и человеколюбия.⁵ Деятельность общества, членом которого состоял Новиков, в сущности не могла считаться хотя бы сколько-нибудь опасною.

Обнаружилось, что Новиков стоял во главе «мартинистов», общества, уже прежде возбудившего неудовольствие Екатерины. Услужливые чиновники и судьи, вроде Прозоровского и Шешковского, искали ревностно политических преступников даже там, где их не было. В глазах этих представителей бюрократии Новиков казался еретиком и революционером. И эти люди, подобно самой императрице, находились под влиянием впечатления, произведенного французской революцией; все общества в их глазах походили на Якобинский клуб, то есть являлись чрезвычайно опасными. Таким образом объясняются строгие меры против Новикова. Впрочем, в этом

¹ Архив кн. Воронцова, IX, 181.

² Якушкин, I, с. 469.

³ «Русский Архив», 1866, стр. 73—75.

⁴ «Русская Старина», V, 146.

⁵ «Др. и Нов. Россия», 1876, II, 311 и след.



Я.Б. Княжнин.
С гравированного портрета Фералонтова.

случае не было произведено правильного судебного следствия. Правительство действовало административным путем. Без суда Новиков был приговорен указом 1 августа 1792 года к заключению в Шлиссельбургской крепости на пятнадцать лет. Подобно Радищеву и он был освобожден лишь по воцарении Павла.¹ В дневнике Храповицкого 14 июля 1792 года сказано: «Лежат на столе заготовленный указ о Новикове и вопросные пункты князю Николаю Никитичу Трубецкому; ничто еще не подписано». Затем, только 1 августа Екатерина решила судьбу Новикова. Значит, она медлила с решением. Впрочем, она считала в это время Новикова весьма опасным человеком, как видно из ее письма к князю Прозоровскому, где сказано: «Новиков человек коварный и хитро старается скрыть свои деяния». Приказав отправить Новикова в Шлиссельбург, императрица писала: «Дабы оное скрыть от его соговарищей, то прикажите везти его на Владимир, а оттуда на Ярославль, а из Ярославля на Тихвин, а из Тихвина на Шлюшин и отдать тамошнему коменданту. Везти же его так, чтоб его никто видеть не мог, и остерегаться, чтоб он сам себя не повредил».²

Новиков и его «соговарищи» были бы наказаны строже, если бы Екатерина разделяла мнение Прозоровского об опасности тайных обществ. Она при разборе бумаг этих обществ убедилась в том, что не было ровно ничего похожего на политический заговор, между тем как Прозоровский всюду чуял якобинцев и во что бы то ни стало силился доказать существование какой-то связи между московскими мартинистами и масонами, с одной стороны, и представителями радикализма во Франции — с другой.

Обстоятельства времени объясняют достаточно, каким образом Екатерина начала верить в возможность некоторой опасности, грозившей обществу и государству со стороны тайных обществ. Ей было хорошо известно, что в Москве выражалось желание просить великого князя Павла Петровича сделаться главой московского масонского общества. Хотя отношения, существовавшие между Новиковым и Павлом, оказались лишенными всякого политического значения, все-таки та роль, которую мог играть великий князь в тайных обществах, возбуждала сомнение и недоверие. Поэтому во всем этом видели зародыш политической агитации и наказали Новикова, как опасного преступника, несмотря на то, что нельзя было облечь крутую меру, принятую против Новикова, в форму судебного приговора.

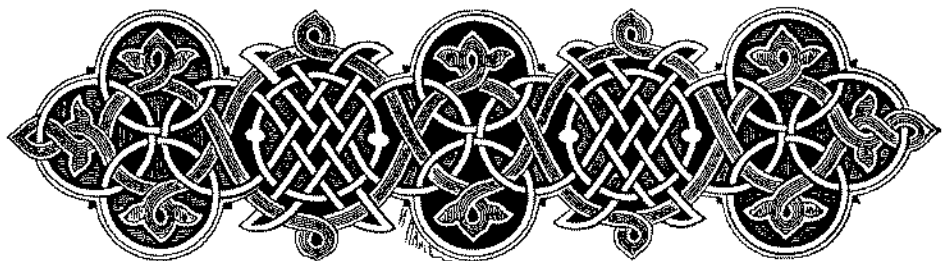
¹ См. статью Попова в «Вестнике Европы», 1868, II, 611—650; «Сб. Ист. Общ.», II. Документы по делу Новикова.

² «Вестник Европы», 1868, 511, 622.

Было нелегко определить точно меру опасности, грозившую со стороны представителей либерализма. Нельзя не сожалеть о судьбе, постигшей Радищева и Новикова; нельзя не считать произвольным и непоследовательным действием запрещение Екатериною драмы Княжнина «Вадим» за некоторые заключающиеся в ней места, допускавшие возможность разнообразного толкования в публицистической полемике.¹ Однако образ действий императрицы объясняется переломом, совершившимся во Франции, и вследствие этого переменою в некоторых воззрениях Екатерины. Преследование Радищева и Новикова производит чрезвычайно тяжелое впечатление. При разборе этих мрачных эпизодов, однако, не должно руководствоваться новейшими понятиями о свободе печати, о политической терпимости, об обеспечении прав всех и каждого; не должно, кроме того, забывать о той среде, в которой жила императрица во время разгара революции. Нелегко было в ту пору беспристрастно и спокойно судить о значении тех начал, которые восторжествовали вследствие событий 1789 года.



¹ «Русский Архив», 1863, 605; «Русская Старина», III, 725; Архив кн. Воронцова, XII, 96 и 380.



Глава II. Характеристика личности Екатерины



ичность императрицы была как бы создана для престола: в истории мы не встречаем другой женщины, столь способной к управлению делами. На всех и каждого она производила глубокое впечатление.¹ Едва ли кто более резко и невыгодно отзывался о качествах императрицы как Массон; однако и этот писатель-памфлетист замечает, что в продолжение десяти лет, имея случай видеть Екатерину раз или два в неделю, он всегда был поражен необычайно привлекательной личностью ее, достоинством, с которым она держала себя, любезностью ее обращения со всеми и пр.²

В своих записках Екатерина сама сообщила подробно о ходе своего развития, о своем стремлении к власти, о том, что она не была разборчива в средствах для достижения этой цели. Откровенность императрицы в этом отношении доходит чуть не до цинизма. В зрелом возрасте она, наконец, сделалась самодержицей. После страшного унижения, горьких испытаний, перенесенных в молодости, она тем более наслаждалась находившейся в ее распоряжении неограниченной властью. То обстоятельство, что коренная перемена обстановки, быстрый переход от полной зависимости к полному могуществу нисколько не возбуждали в ней склонности к деспотизму, свидетельствует о добром нраве императрицы, тогда как сын ее, подвергнувшись подобному перелому во внешней обстановке, не

¹ См. отзывы о ее личности Димсдаля в «Сб. Ист. Общ.», II, 321; Дидро в «Осьмнадцатом веке», I, 358; г-жи Виже-Лебрен в «Др. и Нов. Росии», 1876, III, 189, 301.

² Массон, «Mémoires secrets sur la Russie», I, 74—75.



Екатерина II в 1794 году.

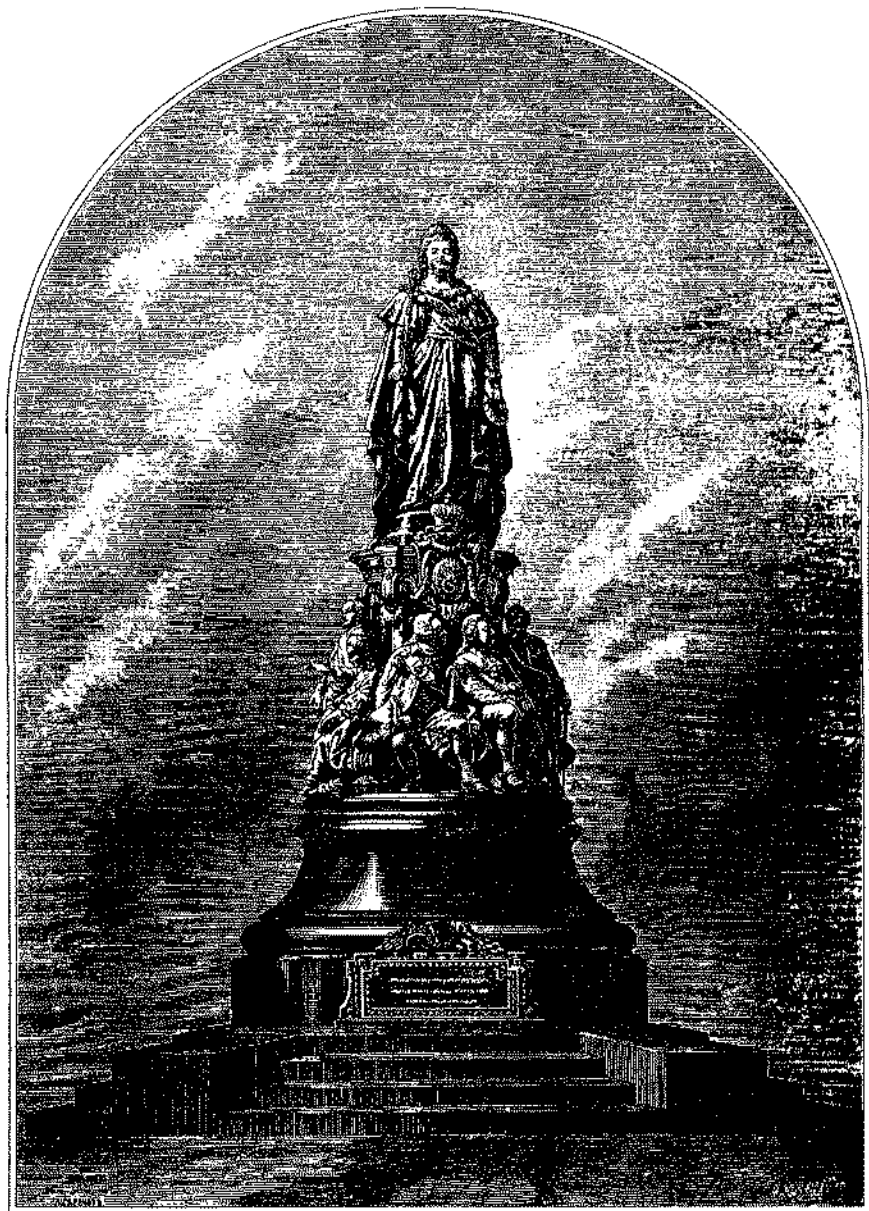
С портрета того времени, сделанного с натуры карандашом Шубиным.
Подлинник рисунка находится в Эрмитаже.

знал меры порывам деспотизма. Мы видели, что неблагоприятные обстоятельства, в которых находилась Екатерина до 1762 года, оказали вредное влияние на ее характер; зато власть и перевес, полученные ею после удачного государственного переворота, оказали облагораживающее влияние на нрав императрицы. До этого она встречала необходимость весьма часто прибегать к мелочным мерам для улучшения своего положения, для того, чтобы отомстить своим противникам; располагая полной властью, наслаждаясь выгодами своего положения, пользуясь уважением современников, обожаемая лицами, окружавшими ее, императрица не нуждалась более в тех средствах, которыми обыкновенно пользуются слабые в борьбе с сильными. В то время, когда за нею зорко наблюдали, когда ей не доверяли ни Елизавета Петровна, ни Петр, она умела притворяться, лицемерить, показывать вид смирения и скромности, между тем как в душе она была исполнена высокомерия и презрения к людям. Теперь же, окружая себя всецело преданными ей лицами, она могла действовать открыто, благородно. Великая княгиня, находясь в уединении, отличалась холодностью в обращении, недоверием к людям, подозрительностью; императрица, напротив, давала простор развитию чувства благоволения, снисходительности, сердечного внимания к интересам окружавших ее лиц. Недаром Петр и Елизавета не доверяли Екатерине, порицали ее характер; недаром впоследствии многие ставили высоко добродушие Екатерины.

История двора при Петре I, при императрице Анне, при Елизавете изобилует чертами тирании, жестокости и произвола; все современники Екатерининского царствования удивлялись кротости ее обращения с окружавшими ее лицами, радовались совершенному устранению жестких форм и крутых мер в отношении к подчиненным. Екатерина, несмотря на живой темперамент, на некоторую склонность к увлечению — стоит только вспомнить о ее резких отзывах о королях Швеции и Пруссии — вполне владела собою и в обращении с людьми руководствовалась правилами человеколюбия. «Я люблю хвалить и награждать громко, порицать тихо», справедливо заметила она однажды в беседе с Сегюром; ¹ она любила избегать случаев оскорбить кого-нибудь; особенно внимательна была она в обращении с прислугою. «Доживу ли я до того, чтоб меня не боялись», — сказала она однажды, заметив, что истопник, заслуживший за какую-то неисправность выговор, избегал встречи с нею.² Часто Екатерина, давая какое-нибудь поручение, извинялась за причиняемый труд и хлопоты.

¹ Séguir, Mémoires, III, 235.

² «Русская Старина», V, 674.



Памятник Екатерине II в Петербурге.
Гравюра Серякова, с фотографии.

Храповицкий сообщает некоторые черты такого внимания Екатерины к окружающим ее лицам; неоднократно императрица, в нетерпении или раздражении употребив несколько резкое выражение, сознавалась в горячности и старалась исправить свою ошибку. Рассказывали, что императрица, просыпаясь обыкновенно рано утром, в 6 часов, и дорожа спокойствием своих служителей, не требовала чужой помощи, одевалась, зажигала свечи, затапливала камин и, никого не тревожа, садилась за книги и бумаги.¹ Разные анекдотические черты, передаваемые современниками, свидетельствуют о снисходительности Екатерины к прислуге, о недостаточной строгости ее в обращении со служащими, о ее доброте и кротости. Когда она приходила в гнев, то засучивала рукава, расхаживала по комнате, пила воду и никогда ничего не решала под первым впечатлением.² Особенно замечательною оказывается способность императрицы устранять недоразумения, возникавшие почему-либо между нею и другими лицами; в ее записках к разным вельможам встречаются внушения не предаваться мнительности, не быть чрезмерно обидчивым, не унывать, а ободриться, верить в свои способности, надеяться на успех и пр. В минуту опасности она умела поднимать дух в лицах, ее окружавших, вселяя в них твердость и мужество. Более чем многие другие высокопоставленные лица Екатерина была доступна чувству сострадания. Хотя нельзя не сожалеть о чрезмерной щедрости императрицы, дорого обходившейся казне и обогатившей, главным образом, фаворитов, нельзя не признать в то же время, что желание ее обрадовать других, содействовать их счастью соответствует глубоко нравственному настроению. Этим же объясняется любезность в обращении Екатерины с детьми. Воспитанницы благородного института называли ее «нежною и снисходительною матерью»;³ из писем Екатерины к княгине Черкасской (Левшиной), которую она обыкновенно называла «черномазою Левушкой», видно, как она умела входить в положение молодых девиц, давать им советы, руководить их воспитанием и пр.⁴

Отличительными чертами характера Екатерины были веселость, юмор, склонность к шуткам и забавам. Однажды она заметила: «Относительно веселости Фридриха (Великого) надо заметить, что она происходит от его превосходства. Был ли когда великий человек, который бы не

¹ Рассказы со слов людей, близких к Екатерине II, в «Русском Архиве», 1870, стр. 2084.

² «Русский Архив», 1870, 2080.

³ Записки Алымовой в «Русском Архиве», 1871, 34.

⁴ «Русский Архив», 1870, 529, 1689.



ЕКАТЕРИНА

*Его Императорскому Величеству
и Самодержцу*



ВТОРАЯ.

*НИКОЛАЮ СТОГУНУ и ПРАВИТЕЛЮ
Борисовскому*

Екатерина II.

С гравюры Уткина, сделанной с портрета, писанного Боровиковским.

отличался веселостью и не имел в себе неистощимый запас его? Вот вопрос».¹ Екатерине доставляло большое удовольствие посещать маскарады и, сохраняя глубокое инкогнито, беседовать с разными лицами; она сама рассказывала подробно, как однажды в мужском платье сделала объяснение в любви одной девушке, не подозревавшей, что с нею говорит императрица.² Княгиня Дашкова в своих записках сообщает, как императрица в первое время своего царствования, посещая Дашковых, разыгрывала роль певицы и вместе с князем Дашковым, столь же неспособным к музыке, как и сама Екатерина, устроила что-то вроде кошачьего концерта, импровизируя при этом текст и пр.³ Усмотрев из счетов одного придворного служителя, что пудры для ее головы ежедневно расходовался целый пуд, она вышла в приемную молча и поддерживая свою голову рукою; на вопрос о ее здоровье она жаловалась, что ей высыпали целый пуд пудры на голову.⁴ Веселость императрицы высказывалась особенно часто и удачно в разных литературных забавах. То она сочиняла какую-нибудь шуточную надгробную надпись для собачки, то придумывала какой-нибудь комический девиз для дачи князя Нарышкина;⁵ стихи, сочиненные императрицею в честь Потемкина во время пребывания в Бахчисарае в 1787 году, доставили большое удовольствие ее спутникам;⁶ она постоянно придумывала новые стихотворные сочинения, например, записку о разных видах смеха, «Sentences chinoises», в которых заключалась сатира на академию, исследование вопроса о том, какую смертью должен будет умереть каждый из лиц, ее окружавших, и пр.⁷

О нраве и личности Екатерины, так сказать, в частной жизни мы особенно подробно узнаем при изучении дневника Храповицкого. Он в продолжение целого десятилетия ежедневно видел императрицу и почти ежедневно, а иногда и по несколько раз в день, записывал то, что происходило при дворе, чем занималась Екатерина, как она рассуждала о том или другом предмете. Из этого источника можно составить себе понятие о занятиях Екатерины политическими вопросами, искусством, литературою, науками, о настроении ума императрицы, о впечатлении, произведенном на

¹ «Русский Архив», 1878, 2, 291.

² Письма и бумаги Екатерины. Спб., 1873, стр. 103 и след.

³ Memoirs of the princess Dashkaw, I, 110—111.

⁴ «Др. и Нов. Россия», 1879, I, 68.

⁵ Harris, Diaries, I, 226.

⁶ Письма и бумаги, 147 и след.

⁷ «Др. и Нов. Россия», 1876, III, 315. «Письма и бумаги», 110, 137. «Сб. Ист. Общ.», X, 320 и след.

нее тем или другим событием, о том, как она судила о том или другом лице и пр. Такого рода источники гораздо более непосредственно, чем деловые бумаги или записки, или письма, воспроизводят для нас все частности



А.В. Храповицкий.
С портрета, писанного Левицким.

прошедшего времени, все мелочи обыденной жизни, все оттенки душевного и умственного настроения исторических лиц. Благодаря таким ис-

точникам, лишенным литературного значения, но допускающим, некоторым образом, сравнения с фотографическим прибором, мы имеем возможность заглядывать, так сказать, в закулисную сторону жизни великих деятелей. Знакома нас короче с личностью Екатерины, сообщая множество данных о ее характере, рабочей силе, образовании, умственном и нравственном кругозоре, дневник Храповицкого оказывается ничем не заменимым для историка источником. Руководствуясь этим драгоценным памятником, можно бы составить перечень важнейшим письмам, писанным императрицей в то время, когда Храповицкий был чуть ли не ежедневным ее собеседником. Нередко она прочитывала ему кое-какие выдержки из своей корреспонденции. Храповицкий принимал иногда деятельное участие в литературных занятиях императрицы. Нигде в этом дневнике не встречается прямого отзыва о ее личности. Храповицкий не хвалит и не порицает Екатерину. Каждая строка дневника, однако, свидетельствует о безусловной преданности автора, посвященного во все интересы императрицы, узнававшего обо всех случаях, влиявших на ее воззрения, на ее темперамент. Ловкий и услужливый царедворец, Храповицкий никогда не противоречил Екатерине; он хорошо знал о том, что ее занимало главным образом в данную минуту, что было предметом ее забот, ее горя, ее веселости и пр., и умел беседовать с нею, входя в ее положение, вдумываясь в ее мысли, дополняя то, что она говорила, дельными замечаниями, иногда успокаивая ее. Императрица любила шутить с Храповицким, иногда журила его, впрочем, самым невинным образом, смеясь, например, над его тучностью или расспрашивая его о здоровье и пр. Беседы Екатерины с Храповицким отличались совершенною бесцеремонностью; порою в них затрагивались более или менее щекотливые темы, рассказывались случаи из петербургской скандальной хроники; иногда императрица рассуждала о характере царствования ее предшественников, о Петре I, об Анне, Елизавете; встречается множество отчасти довольно резких отзывов о разных сановниках и фаворитах, о неспособности или нерадении того или другого чиновника и пр. Местами в дневнике Храповицкого заключаются рассуждения о характере и значении важнейших событий истории России. Из дневника Храповицкого мы узнаем о бесчисленных порывах страсти, раздражения, горя у Екатерины. Весьма часто упоминается о слезах ее. По случаю отъезда Павла Петровича в Финляндию в 1788 году Храповицкий пишет: «Прощались с цесаревичем, плакали». «Чувствительность и слезы», сказано по поводу кончины Грейга. По случаю болезни и кончины Потемкина: «Слезы», «слезы и отчаяние», «проснулись в огорчении и в слезах», «продол-

жение слез» и пр. Иногда императрица жаловалась на усталость, на чрезмерную сложность дел, на наступающую старость. Бывало множество поводов к расстройству и раздражению. То она узнавала о фальшивых ассигнациях, то о голоде, то о какой-нибудь проделке того или другого корыстолюбивого чиновника, то о ссорах между разными вельможами.



Медаль, выбитая в чест графа Николая Петровича Шереметьева.

Весьма часто она теряла терпение, употребляла сильные выражения. Храповицкий пишет однажды (в 1788 году): «Назвали короля шведского бестисей и предо мною извинились тем, что стоит он того названия». Когда грозила шведская война и некоторые вельможи недостаточно ревностно исполняли свою обязанность, она сказала: «Я не знаю, кто делает каверзы, но могу назвать канальею, потому что вредят пользе государства» и пр. Вследствие волнений, причиняемых Екатерине политическими событиями, она иногда заболела. О всех случаях нездоровья императрицы Храповицкий сообща-

ет подробные данные. Общее впечатление, производимое личностью Екатерины при чтении и разборе дневника Храповицкого, нисколько не соответствует той характеристике, которая встречается в сочинениях историков-памфлетистов вроде Массона, Гельбига, Сальдерна, Кастера. Она выигрывает в наших глазах; мы можем составить себе весьма благоприятное мнение не только об умственных, но также и о душевных качествах императрицы.¹

Не должно считать делом случая или действием угодничества то обстоятельство, что сохранилось множество анекдотов, свидетельствующих о великодушии Екатерины. Многие современники, далеко не безусловно восхвалявшие ее, утверждали, что она была в состоянии выслушивать не нравившуюся ей истину, что она умела сдерживать свой гнев, что она была способна сознавать свои ошибки и недостатки. Таковы отзывы Разумовского, Державина, Мусина-Пушкина, Теплова и пр.²

Разумеется, нет недостатка и в других чертах, свидетельствующих о некотором упрямстве, своенравии и высокомерии императрицы. Державин приводит несколько случаев в доказательство, что Екатерина в своих действиях часто руководствовалась разными, скорее личными соображениями, желанием угодить тому или другому из своих приближенных, нежели попечением об истинном благе государства и строгим правосудием. Вместе с тем, однако ж, он отдает справедливость милосердию Екатерины, ее снисходительности к людским слабостям, ее заботливости о страждущих и угнетенных, ее умению привлекать к себе сердца и удивительному самообладанию.³ Недаром упрекали Екатерину в том, что она, протестуя против употребления пытки и телесного наказания, давала простор жестокостям Шешковского, весьма часто собственноручно мучившего подсудимых самым неистовым образом,⁴ однако мы не можем определить, насколько был известен императрице варварский образ действий этого следователя. Указывая на некоторые случаи произвола и нарушения закона, случившиеся при Екатерине, князь Щербатов замечает, что императрица считала свою волю выше закона и этим самым давала пагубный пример вельможам и сановникам, подражавшим ей в этом отношении, и пр.⁵

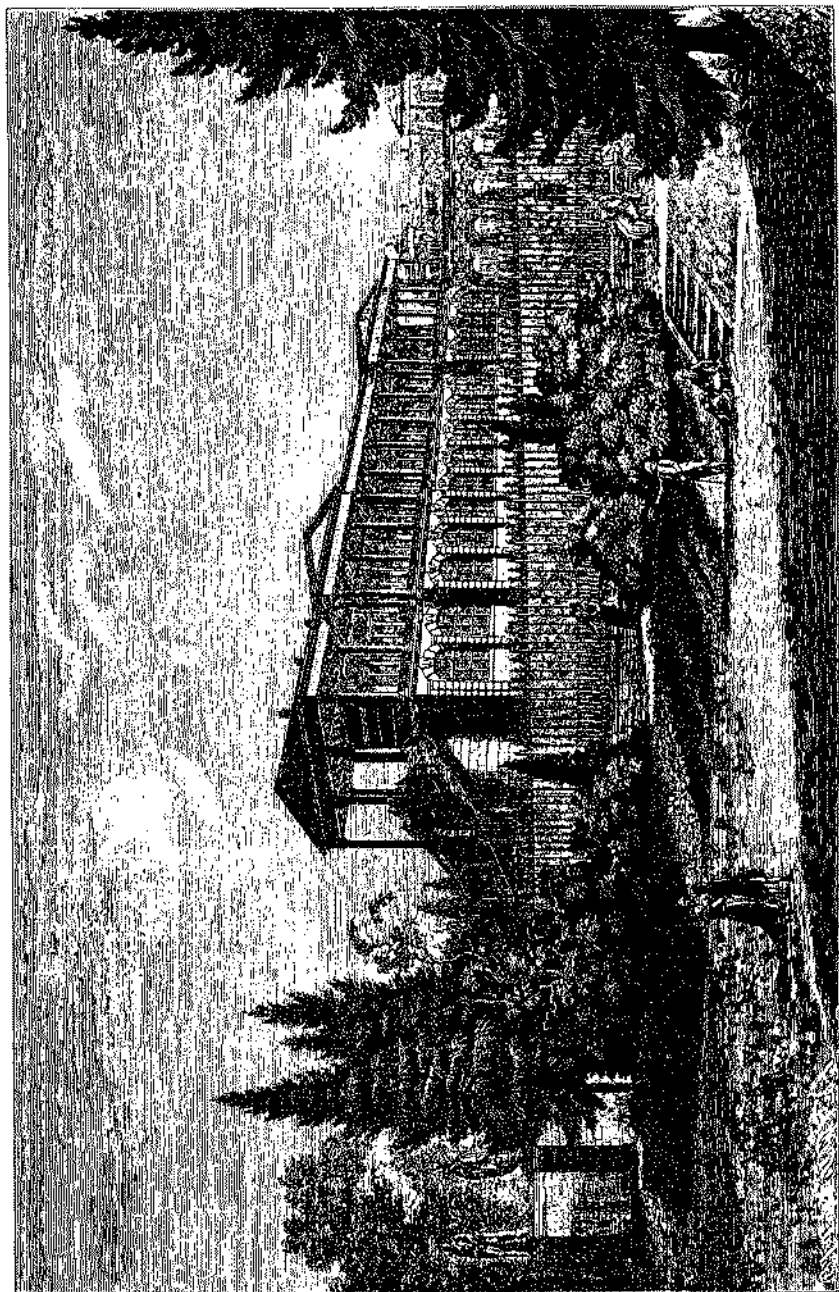
¹ См. мою статью «Zur Charakteristik der Kaiserin Katharina» в журнале «Russische Revue», V, 139—164.

² См., напр., «Русский Архив», 1870, 2009. «Осьмнадцатый век», II, 477; «Русская Старина», V, 135, 658; Грота соч. о Державине, VIII, 626. Случай с Петром Паниным в «Русском Архиве», 1870, 2100; с Сегюром в его *Mémoires*, III, 483 и пр.

³ Грот, VIII, 625.

⁴ «Русская Старина», II, 637.

⁵ Там же, III, 681—683.



Камероновская галерея в Царскосельском саду, построенная Екатериной II.
С акватинты 19-го века Майера, из собрания П. Я. Дашкова.

Недаром современники резко порицали тщеславие Екатерины. Иосиф II однажды писал князю Кауницу: «Не должно забывать, что мы имеем дело с женщиною, которая столь же мало, как и я сам, печется о благе России: нужно льстить ей. Тщеславие — ее идол; успех и угодиичество испортили ее».¹ Екатерине нравилось, когда ее называли Минервою.² Оды Державина, в которых была восхваляема императрица, вполне соответствовали ее вкусу.³ Она постоянно и сильно нуждалась в похвале. В то время, когда финансы России находились в крайнем расстройстве, Екатерина называла государственное хозяйство империи образцом порядка и правильного устройства.⁴ Мысль о неудаче была для нее самою тяжелою; она, как мы знаем, не была разборчивою в средствах для достижения цели; искренность ее во многих случаях подлежит сильному сомнению.

Что касается религиозности Екатерины, то Фридрих II прямо обвинял ее в лицемерии и ханжестве.⁵ Мы помним, что ей было нелегко решиться на принятие православия, но что затем она употребляла внешнее благочестие, как средство для упрочения своего положения в России. Строго соблюдая правила церкви, исполняя добросовестно религиозные обязанности, императрица старалась произвести некоторое впечатление на своих подданных. Вместе с тем, однако, она оставалась верною началам терпимости, проповедуемым в литературе просвещения. Когда Вольтер упрекал ее в том, что она унижает себя, целуя руку священника, она оправдывалась тем, что это лишь внешний обычай, который мало-помалу выходит из употребления.⁶ Нет сомнения, что религиозность Екатерины не вытекала из особенно глубокого чувства.

В письмах Екатерины к барону Гримму встречаются неодиократно выходки против Лютера и лютеран.⁷ Она порицала лютеран за недостаток веротерпимости.⁸ Неодиократно она восхваляла православную веру, называя ее лучшею в мире. В раздражении по поводу французской революции, она однажды заявила, что все протестантские правительства хорошо бы сделали, решившись принять православие, потому что это исповедание

¹ Arneth, «Joseph und Katharina», 35.

² Masson (нем. изд.), I, 60.

³ Грот, VIII, 344—345, 544.

⁴ Mémoires, II, 346.

⁵ «La cour de Russie», 220. «Elle n'a aucune religion, mais elle contrefait la dévote».

⁶ «Сб. Ист. Общ.», X, 168.

⁷ Там же, XXIII, 28—29.

⁸ «Русский Архив», 1878, 2, 286.

должно считаться оплотом против «неприязненной всякой религии, безнравственной, анархической, преступной, воровской, богохульской и опрокидывающей престолы заразы»; она сравнивала греческую церковь с дубом, имеющим глубокие корни.¹



*Кавалер Ордена св. Екатерины и Императрицы Екатерины II
Chevalier de l'Ordre de S^{te} Catherine*

Придворный костюм кавалерственной дамы ордена
св. Екатерины, в конце 18 столетия.

С гравюры 18-го века Саблина.

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 683, 257, 597.

Рядом с этими замечаниями встречаются в устных заметках и в письмах императрицы смелые выходы против чрезмерной набожности и изуверства. Таковы некоторые колкие замечания, относившиеся к Марии Терезии, к королеве португальской и другим. В некоторых шутках, которые императрица позволяла себе в вопросах церкви и религии в письмах к Гримму, проглядывает тот самый рационализм, которым отличались корифеи французской литературы. Екатерина хвалила сочинение Николаи «Sebaldu Nothanker» особенно потому, что в нем осуждалось лицемерие. Она не любила углубляться в частности религиозно-философических вопросов. Главной чертой ее характера была некоторая светскость. Ее миро-созерцанием был оптимизм, а главным правилом житейской мудрости — веселость. Она не любила размышлять о печальных событиях, предаваться горю, останавливаться на каком-либо мрачном предмете. Этим самым отчасти и объяснялось ее уважение к Вольтеру, которого она называла «божеством веселости». И эту игривость и живучесть, эту свежесть и веселость она сохранила до конца своих дней.

Недаром князь Щербатов в своем сочинении «О повреждении нравов» резко порицал неслыханную расточительность, которою отличался пышный двор Екатерины. Он справедливо заметил, что чрезмерная роскошь во время этого царствования не вяжется со строгим отзывом Екатерины о баснословно богатом гардеробе императрицы Елизаветы Петровны. Не без основания он находил, что пример Екатерины подействовал весьма вредно на подражавших ей в этом отношении царедворцев, фаворитов, вельмож и сановников. Зато Щербатов хвалит императрицу за чрезвычайную умеренность в пище и питье, между тем как лица, окружавшие ее, и в этом отношении не знали меры, отличаясь всякого рода сибаритством.¹

Иностранцы, приезжавшие в Россию в это время, удивлялись баснословной пышности русского двора. Коже заметил, что в ней представляется соединение азиатской роскоши с чрезмерной европейской утонченностью. Его поразило, между прочим, и то, что не только женщины, но и мужчины являлись в уборах из драгоценных камней.² Сегюр говорил, что нигде и никогда не видел столь ценных столовых приборов и украшений, как по случаю праздника, устроенного в Москве графом Шереметьевым

¹ «Русская Старина», III, 680.

² Там же, XIX, 30.



Моды в России в 1779 году.

Убор а ля бельпур.

Счастливый щеголь.

Раскрытые прелести.

Расцветающая приятность.

Прелестная простота.

С рисунка, приложенного к журналу «Модное ежемесячное сочинение», изд. 1779 г.

в честь Екатерины в 1787 году.¹ Необычайной роскошью отличались также и празднества, устроенные в честь императрицы Потемкиным, Безбородко и другими. Самым замечательным эпизодом такого рода был праздник в Таврическом дворце в 1791 году.²



Франт 1790 года.

В своих письмах к разным лицам Екатерина любила описывать всю прелесть и сказочный блеск придворных празднеств. К описанию потем-

¹ Ségur, Mémoires, III, 233.

² См. мою статью «Potemkins Glück und Ende» в журнале «Baltische Monatsschrift». Neue Folge, I, 518 и след.

кинского празднества в 1791 году, в письме к Гримму, приложен собственноручный рисунок, изображающий великолепное помещение, в котором происходил пир, и т. п.¹



Франт 1792 года.

Екатерина наслаждалась роскошью, комфортом и красивым местоположением своих дворцов, дач, оранжерей, садов и пр. Обо всем этом говорится часто и подробно в письмах к разным лицам. Екатерина была чрезвычайно довольна, когда иностранные путешественники, архитекторы, художники, специалисты в устройстве садов и парков хвалили ее вкус и восхищались прелестью Петергофа, Царского Села и пр.; она любила

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 79—80, 518. В письмах к г-же Белье и к Вольтеру, «Сб. Ист. Общ.», XIII, 48—53.



Моды в России в 1791 году.

Головной убор «Пчелиный улей».
Роба на манер королевиной.

По-крестьянски.
A la Reine.

С рисунка, приложенного к журналу
«Магазин Английских, Французских и Немецких новых мод», изд. 1791 г.



Моды в России в 1779 году.

Головной убор на маиер шлема Минервы, или по-драгунски. Щеголиха на гулянье. Убор из цветов. Левантский тюрбан. Рог изобилия.

С рисунка, приложенного к журналу «Модное ежемесячное сочинение», изд. 1779 г.

описывать роскошь и изящество зеркал и колоннад, картин и статуй, пышность и уютность покоев в Эрмитаже, импозантную архитектуру зданий, построенных итальянским архитектором Гваренги. Свою страсть к разведению садов и к постройке дворцов она называла «plantomanie» и «bâtissomanie»; всем этим она охотно занималась еще в то время, когда была великой княгиней; располагая гораздо большими средствами после воцарения, Екатерина не знала меры своей склонности к роскоши и великолепию.

Все это, как известно, доходило до баснословия во время знаменитой поездки императрицы в Южную Россию в 1787 году. Рассказывали, что для этого путешествия была назначена сумма 10 миллионов рублей, но что она оказалась впоследствии недостаточной. К этому должно причислить еще расходы Потемкина по приготовлениям к встрече императрицы в различных областях и городах, по постройке многих домов, разведению садов, устройству базаров в некоторых местах, через которые проезжала Екатерина. На 25-ти станциях от Кайдак до Херсона (около 350 верст, седьмая часть всего путешествия) было приготовлено 10480 лошадей, 5040 извозчиков и 9636 седел. На станциях, где не положено было дворцов, устраивались галереи; в городах нужно было отводить или устраивать 25 квартир для лиц свиты императрицы; на Днепре была запрещена переправа, дабы не сделалось остановки в плавании. Все вновь построенные дворцы и помещения, в которых императрица останавливалась, были снабжены новой мебелью. Каждый раз за столом употреблялось совершенно новое столовое белье. В Киеве, где путешественники оставались около трех месяцев, Екатерина не хотела допустить, чтобы посланники иностранных держав жили за свой счет. Каждому из них отвели целый дом, в котором был дворецкий, множество лакеев, поваров, кучеров, экипажей, полный серебряный и фарфоровый приборы, большое количество белья и запасы редких вин и пр.¹

Все это производит тяжелое впечатление и напоминает эпизоды из царствований римских императоров. С другой стороны, нельзя не признать, что именно во время таких путешествий в особенно ярком блеске обнаруживались необычайные способности императрицы и ее рабочая сила. Правда, она сама придавала слишком большое значение своим поездкам, имевшим, некоторым образом, характер инспекций или ревизий, потому что все это являлось поверхностным и лишь формальным контролем деятельности органов правительства; однако для нее самой такие путеше-

¹ См. мою статью о путешествии 1787 года в «Журнале Министерства Нар. Просв.», CLXII, отд. 2.

ствия обыкновенно оказывались далеко не бесполезными. Она узнавала все-таки кое-что о нуждах местного населения, своею личностью, умением обращаться с людьми производила на всех глубокое впечатление, становилась все более и более популярною, знакомилась с особенностями различных частей империи и пр.¹



Дамские моды 1789 года.

Во время таких поездок императрица почти вовсе не прерывала своих обычных занятий делами. На станциях, во время сухопутных путешествий, на великолепных галерах, во время плавания по Волге в 1767 году или по Днепру в 1787 году, Екатерина просматривала и снабжала разными примечаниями многие законопроекты, читала серьезные сочинения, переписывалась со множеством лиц и беседовала о делах с сановниками. Путешествуя по Волге в 1767 году, она в одно и то же время была занята

¹ См. беседу Екатерины с графом Сегюром в мемуарах последнего, III, 37 и 56.

изучением края и переводом, с помощью спутников, Мармонтелева сочинения «Bélisaire». То она в Ярославле посещала фабрики, то вела переговоры с иностранными дипломатами по важным вопросам международных отношений, то забавлялась в обществе спутников остроумными «jeux d'esprit», то старалась составить себе точное понятие об условиях коммерческого быта Нижнего Новгорода. Вопрос о раскольниках на берегах Волги ее интересовал не менее, чем то или другое сочинение французской литературы просвещения. Осмотр развалин Болгар в окрестностях Казани, изучение недостатков администрации в приволжских городах, шутки и забавы в среде царедворцев, сановников и иностранных дипломатов — все это равным образом занимало Екатерину. То же самое происходило и в поездке в 1785 году с целью осмотра Вышневолоцкого канала. Во время этого путешествия велись переговоры, имевшие целью заключение торгового договора с Францией, и, вместе с тем, не было конца разным шуткам и забавам, о характере которых можно судить по сохранившейся шутливой дипломатической переписке, происходившей между Екатериною и Сегюром.

Все современники-иностранцы, посещавшие русский двор в царствование Екатерины, восхищались прелестью общества, которое собирала около себя императрица и которое она оживляла остроумною беседою, устройством разных праздников, драматических представлений и пр. Утонченность забав при дворе Екатерины II могла служить меркою влияния Западной Европы на нравы высших слоев общества в России. Разница между грубыми шутками и потехами Петра Великого и изысканными беседами и вечерами в Эрмитаже при Екатерине II бросается в глаза. Попойки, скоморохи, шумные увеселения исчезли; вместо того давались на сцене театра в Эрмитаже опера Екатерины или драма Сегюра и пр. Весельчак Лев Нарышкин при Екатерине не походил на какого-нибудь Балакирева времен Петра Великого или на придворных шутов эпохи Анны Иоанновны. Под страхом строгого наказания представители лучшего общества при Петре должны были посещать устраиваемые царем «ассамблеи»; еще при Елизавете посещение театра для многих лиц было обязательным; при Екатерине предоставлено воле и желанию каждого являться или нет, участвовать или не участвовать в увеселениях и пр. Однажды графу Сегюру показала скучною и далеко не остроумною игра в лото, которую любила императрица, и он, нисколько не стесняясь, произнес сатирический экспромт, в котором был осмеян этот способ развлечения.¹ В собраниях «малого Эр-

¹ «Mémoires», III, 6.

митаж» придворный этикет не играл почти никакой роли; было постановлено правилом не вставать перед императрицею. Де Линь рассказывает о следующем случае. Во время путешествия по Днепру в 1787 году Екатерина предложила заменить вежливое «вы» простым «ты»; де Линь тотчас же согласился на эту шутку и несколько раз с особенным эффектом употребил «твое величество»; позволяя такие шутки, императрица всегда оставалась, по словам де Линя, величавою и сохраняла все внешнее достоинство самодержицы всероссийской и «чуть ли не целого мира».¹ Нельзя не признать, что императрица умела выбирать себе общество: де Линь, Сегюр, Кобенцль, Бибииков, Нарышкин, Андрей Разумовский и другие соединяли в себе все достоинства для того, чтобы участвовать в увеселениях, устраиваемых Екатериною. Многие русские, представители лучшего общества, по целым годам проживали за границей и особенно охотно стекались в Париж. Взамен того из Франции приезжали в Петербург знаменитости вроде Мерсье де ля Ривьера, Дидро, Гримма, Фальконета и др. Никогда до этого русский двор не находился столь непосредственно под влиянием умственного и литературного развития Западной Европы. В сношениях Екатерины с пользовавшимися громкими именами писателями и учеными заметна, правда, некоторая доля тщеславия и хвастовства, но едва ли когда меценатство было лишено такой примеси. К тому же в этих сношениях видно также истинное добродушие Екатерины, искреннее благоговение перед талантом и гениальностью замечательных лиц. Покупка библиотек Вольтера и Дидро, щедрые подарки Гримму и многим художникам и литераторам, пенсии, выплачиваемые императрицею разным заслуженным деятелям в Западной Европе — все это свидетельствует о способности оценивать заслуги в области умственного труда, о доброте и человеколюбии Екатерины.

Каков был характер беседы Екатерины, мы узнаем подробно из записки Гримма, составленной после кончины Екатерины. Здесь он рассказывает о своем пребывании в Петербурге в 1773—1774 и 1776—1777 годах следующее: «Талант императрицы заключался в том, что она всегда верно схватывала мысль своего собеседника, так что неточное или смелое выражение никогда не вводило ее в заблуждение... я видел ее ежедневно, с утра до вечера, при публике, и ежедневно, иногда два или три раза, но, по крайней мере, один раз, неофициально; обыкновенно беседа наша с глазу на глаз продолжалась часа два или три, иной раз четыре, а однажды семи.

¹ «Oeuvres du prince de Ligne», II, 16, 17.

часов, не прерываясь ни минуты». Описывая затем характер этих разговоров, отличавшихся многосторонностью предметов и обнаруживавших ум, познания и способности Екатерины, Grimm продолжает: «Надо было видеть в такие минуты эту необычайную голову, эту смесь гения с грацией,



Визитная карточка Екатерининского времени.
Факсимиле подписи Суворова.

С подлинника, находящегося в собрании П.Я. Дашкова.

чтобы понять увлекающую ее жизненность; как она своеобразно схватывала, какие остроты, пронизательные замечания падали в изобилии, одно за другим, как светлые блески природного водопада. Отчего не в силах моих воспроизвести на письме эти беседы! Свету досталась бы драгоценная, может быть, единственная страница истории ума человеческого. Воображение и разум были одинаково поражаемы этим орлиным взглядом, обширность, быстрота коего могли быть уподоблены молнии. Да и возможно ли было уловить на лету ту толпу светлых движений ума, движений гибких, мимолетных! Как перевести их на бумагу? Расставаясь с императрицей, я бывал, обыкновенно, до того взволнован, наэлектризован, что половину ночи большими шагами разгуливал по комнате» и пр.¹

Рабочая сила императрицы выходила далеко за пределы обыкновенного. Она вполне обладала искусством употреблять время. Вставая рано утром, в 6 часов, она около двух часов занималась чтением, писала и пр. Затем начинались занятия государственными делами, слушание докладов, совещания с сановниками. После обеда императрица приказывала

¹ «Сб. Ист. Общ.», II, 331—333.

вала читать вслух, а сама, обыкновенно, занималась рукоделием. Затем опять следовали занятия текущими государственными делами. По вечерам происходила игра в карты, драматические представления и пр. Екатерина, обыкновенно, рано ложилась спать, вообще она придерживалась



Визитная карточка Екатерининского времени.
Факсимиле подписи Румянцева.

С подлинника, находящегося в собрании П.Я. Дашкова.

регулярности в обыденной жизни; ей доставляла удовольствие игра в бильярд; она точила, гравировала, занималась живописью, страстно любила осматривать предметы искусства и пр.¹

Главным занятием Екатерины, кроме политики, была литература. Читать и писать доставляло ей величайшее удовольствие. Денина удивлялся тому, как Фридрих II находил время и охоту читать и писать ежедневно. Екатерина заметила по этому поводу: «Читать и писать становится удовольствием, коль скоро к этому привыкнешь».² Однажды государыня между разговором заметила своему секретарю, Грибовскому, что «не пописавши, нельзя и одного дня прожить». В одном из писем ее к Репнину, писанном в 7 1/2 часов утра, Екатерина жалуется на то, что ее рука устала от многих занятий в этот день.³ Собрание всего, что было писано Екатериною, составило бы целую библиотеку. Нельзя не удивляться тому, что она, принимая столь деятельное участие в управлении делами, имея инициати-

¹ Там же, I, 261; X, 238. «Русский Архив», 1870, стр. 2090—2091. Вольтер имел табакерку, точеную Екатериною; см. «Сб. Ист. Общ.», X, 308.

² «Русский Архив», 1878, II, 291.

³ «Сб. Ист. Общ.», V, 132.

ву во всех отношениях, употребляя ежедневно по несколько часов на совещания с государственными людьми, находила столько времени для частных занятий.

К последним можно отнести и переписку императрицы со множеством лиц.



· Визитная карточка Екатерининского времени.
Факсимиле подписи Бецкого.

С подлинника, находящегося в собрании П.Я. Дашкова.

И Петр I писал тысячи писем, однако эти письма, почти без исключения, не более как краткие записки, приказы, распоряжения. Великий преобразователь не имел понятия о роскоши подробной болтовни в письмах к приятелям в том виде, в каком все это было возможно Екатерине.

Изданные до сего времени письма Екатерины уже составляют весьма значительное число томов. Между корреспондентами императрицы самое видное место занимают Фридрих II, Иосиф II, Вольтер, Гримм, Циммерман, Фальконет, г-жа Жофрен и г-жа Бьельке; кроме того, можно упомянуть о ее переписке с Дидро, Даламбером, Олсуфьевым, Штакельбергом, Потемкиным, великим князем Павлом Петровичем и великой княгиней

Марией Феодоровной, принцем Нассау-Зиген, де Линем, Чернышевым и другими. Письма императрицы писаны то на русском, то на французском, то на немецком языках.

Объемом и содержанием переписка Екатерины с Гриммом превосходит все другие корреспонденции. Оба они сделались друг другу необходимыми. В продолжение двух с лишним десятилетий переписка между



Визитная карточка Екатерининского времени.

Факсимиле подписи Фонвизина.

С подлинника, находящегося в собрании П.Я. Дашкова.

ними не прерывалась. В ней от начала до конца обнаруживается та же теплота и задушевность, которыми отличались личные беседы Екатерины с Гриммом. Недаром Екатерина была убеждена, что никто в такой мере, как Гримм, не был в состоянии понимать ее, входить в ее положение, ценить ее идеи. Поэтому письма ее к Гримму имеют в значительной степени характер дневника. Ее надежда склонить Гримма к вступлению на русскую службу осталась тщетною; он не мог решиться на переселение в Россию, чтобы посвятить себя какой-нибудь административной деятельности в Петербурге. Зато он всю свою жизнь оставался другом императрицы и, находясь во Франции и в Германии, оказывал ей многие услуги, исполняя различные поручения, занимая даже временно дипломатические должности и распространяя по возможности славу Екатерины. В его распоряжении всегда находились значительные суммы денег, назначенные Екатериною для покупки картин, статуй, книг, камней, и пр. и для пособий художникам, литераторам, роялистам и лицам, находившимся в некоторой связи с Гриммом.

Постоянная письменная беседа с Гриммом сделалась для императрицы существенною потребностью, самым большим удовольствием и наслаждением. Эта переписка отличается многосторонностью содержания и литературным талантом как Гримма, так и Екатерины, множеством шуток, острот, пикантностью замечаний, изобилием настоящего «esprit». Недаром



Гадальная карта Екатерининского времени.
Факсимиле подлинной карты, находящейся в собрании П. Я. Дашкова.

Екатерина шутила, что если кто захочет когда-нибудь написать комментарии к этой переписке, то для этого потребуется столько бумаги, что цена этого товара должна будет значительно возвыситься. Впрочем, императрица не раз говорила о своем опасении, что ее переписка с Гриммом



Маскарадъ въ Арми Оберштадта-
 Маскарадъ въ Арми Оберштадта-
 Маскарадъ въ Арми Оберштадта-
 Маскарадъ въ Арми Оберштадта-

Мейстера Ава Александровна Нарыш-
 Балъ
 Leon Naughten Grand Souper
 Oberfallingberg von Narischkin
 Ball
 Leon Narishkin
 Ball

No

Пригласительный билет на маскарад к обер-штадмейстеру Л.А. Нарышкину.

Факсимиле с подлинника хранящегося у Е.Н. Тевяшова.

попадет в руки других лиц и будет напечатана. Довольно часто она просила Гримма сжечь ее письма для избежания такой опасности. Она требовала, чтобы Гримм позаботился о сохранении ее писем в таком месте, где бы нельзя было их найти, по крайней мере, в продолжение ста лет.

Нельзя сказать, чтобы переписка Екатерины с Гриммом могла служить весьма важным источником при изучении политической истории этой эпохи. Напрасно не только современники Гримма, но и некоторые историки впоследствии, считали вероятным, что знаменитый энциклопедист занимал в продолжение многих лет должность тайного дипломатического агента, русского шпиона. Гримм не был политическим «респортером» императрицы. Ничто не может служить лучшим опровержением такого ложного мнения, как переписка Екатерины с Гриммом. До конца восьмидесятых годов в этой переписке о государственных делах почти вовсе не говорится. Зато этот памятник важен как источник для истории личности и, так сказать, частных интересов Екатерины. Литературным талантом, искусством шутить остроумно, рассуждать энциклопедически о всевозможных предметах Екатерина превосходила своего друга-собеседника. Письма Екатерины отличаются большею оригинальностью, более индивидуальным характером, большею откровенностью и прямою, нежели письма Гримма. Кроме дневника Храповицкого, нет ни одного источника, который в такой мере доставлял бы возможность взглянуть в круг интересов, наклонностей и занятий Екатерины, ознакомить нас с характером, убеждениями и взглядами Екатерины, как ее письма к Гримму. Они дают нам полную картину всего значения ее царствования, ее участия в идеях того века, ее мирозерцания, ее образа мыслей и действий. Из них видно, какое значение она придавала веселости, как она думала об оптимизме, о ничтожности доктринерства и педантизма, о религиозных вопросах, о музыке, об изящной литературе, о кодификации законодательства и пр.¹

Несколько раз мы упоминали о страсти Екатерины к литературным занятиям, к полемике. Довольно часто ей приходилось с пером в руках защищать образ действий русского правительства, отстаивать интересы своей империи. Она сочиняла то дипломатические ноты, то манифесты;

¹ Письма Екатерины к Гримму изданы в XXIII томе «Сб. Ист. Общ.»; письма Гримма к ней, т. е. некоторая часть их, в XXXIII томе этого же издания. О характере и содержании первого издания см. мою статью в «Russische Revue» XVI, 412 и след. и 482 и след. О характере и содержании обоих изданий см. мою статью в журнале «Отголоски», № 2 (1881).

далее, она снабжала разные сочинения, как, например, книгу Денины о Фридрихе II, знаменитый труд Фенелона «Télémaque», критическими и политическими замечаниями. Когда Дидро предложил императрице несколько вопросов, относящихся к России, императрица написала целый



Барон Гримм.

С гравированного портрета 18-го века.

ряд статей, в которых говорила о населении России, об отношении различных сословий между собою, о хлебопашестве в России и пр.¹ Сочине-

¹ В редакции «Antidote ou examen d'un mauvais livre, intitulé»; «Voyage en Sibérie» (1770) участвовали Фальконет, княгиня Дашкова, Андрей Шувалов, граф

ние Шап д'Отроша о России заставило Екатерину составить подробное возражение, причем ей помогал целый ряд государственных людей и писателей.¹

В издававшемся княгиниею Дашковой, начиная с 1783 года, журнале «Собеседник» встречается множество статей, написанных Екатериною. Первое место занимали «Были и небылицы», которым журнал был обязан более всего своим успехом. То были шуточные заметки о нравах и смешных сторонах современной жизни, причем императрица имела в виду известных ей лиц и отношения.² Украшением этого журнала были также статьи Державина, Фонвизина и пр. Между Екатериною и Фонвизиным в этом журнале завязалась полемика; происходили пререкания между редакцией и разными критиками; эти полемические стычки служили к оживлению журнала, который, впрочем, просуществовал недолго. Сотрудничество Екатерины в нем составляет важную главу в истории умственной деятельности императрицы; оно бросает яркий свет на ее отношение к приближенным, на ее понятия об общественной жизни, о литературе и языке. В смысле выражения ее взглядов особенно замечательно завещание, которым заканчиваются в «Собеседнике» «Были и небылицы». Это как бы литературная исповедь царственной писательницы; из него видно, как смотрела гениальная женщина на обращение с языком и на качества хорошего изложения.³

Литературная деятельность Екатерины отличалась необычайною многосторонностью. То она писала сказки и повести, то составляла учебники для своих внуков, сочиняла правила по вопросам педагогики, редактировала мемуары и пр. Особенно видное место между сочинениями императрицы занимают ее драматические труды. Уже выше, в главе о шведской войне, было упомянуто об опере «Горе-Богатырь», в которой был осмеян Густав III. И в других таких трудах, например, в «Кославе» или в «Proverbe», «Morton et Crispin» встречаются намеки на Швецию, на Карла Зюдерманландского и пр. Из записок Храповицкого мы узнаем любопытные

Мусин-Пушкин. См. «Русский Архив», 1881, III, 254. «Осьмнадцатый век», IV, 463 и след.

¹ «Русский Архив», 1878, III, 1—15.

² Известно, что при появлении в Лондоне записок Екатерины высказывалось сомнение в подлинности этого памятника. На этот счет любопытно сравнить стр. 79 русского издания мемуаров с замечаниями Екатерины о Чоглокове в статье Грота о «Собеседнике» в «Сб. Ист. Общ.», XX, 530.

³ Слова Грота в его статье о «Собеседнике», в XX т. «Сб. Ист. Общ.», стр. 541—542.



ГАВРИИЛЪ РОМАНОВИЧЪ ДЕРЖАВИНЪ

*Действительный тайный советникъ, Сенаторъ,
орденнаго кавалера и Императорской
Российской академическаго члена.*

Г. Р. Державин.
С гравированного портрета Розанова.

подробности о том, каким образом Екатерина принималась за сочинение этих драм, как она следила за постановкою на сцене, кому поручала сочинять музыку, сопровождавшую текст, и пр. И другие драмы имели полемический характер. В комедии «Обманщик» осмеян Калиостро, в другой пьесе есть нападки на мартинистов. В большой драме «Олег» заключается иллюстрация событий турецкой войны; другие пьесы, как, например, «Рюрик», представляют собою подражание Шекспиру. Некоторые из трудов Екатерины ставились на сцене больших театров, другие давались лишь в театре в Эрмитаже. Являлись немецкие переводы некоторых из пьес Екатерины. В Париже в 1799 году было напечатано издание «Théâtre de l'Ermitage», в котором находятся пьесы Екатерины, Сегюра, Мамонова и пр.¹

Императрица постоянно и неутомимо занималась чтением, которое отличалось разнообразием; сказки, романы и драмы чередовались с самыми серьезными и тяжеловесными научными сочинениями. Так, например, Екатерина читала труд Блекстона об английском государственном праве, желая ознакомиться с началами теории законодательства. Иногда Храповицкий должен был приискивать разные справочные книги для объяснения того или другого термина, географические карты и пр. Особенно часто Екатерина читала исторические сочинения; между ними упомянуты, например, «Histoire de la maison d'Autriche» Жиркура (Girecourt), «Mémoires pour servir à l'histoire de Charles XII» Тейлса, «Oeuvres posthumes» Фридриха II, «Histoire sècrete de la cour de Berlin» Мирабо, записки кардинала Рецского и пр. Однажды она, занимаясь чтением беллетристических сочинений Ричардсона, заметила, что должна оставить эти книги, потому что не имеет времени для легкого чтения. Бывали случаи, что она занималась одновременно чтением нескольких книг. При чтении «Дон Кихота» императрица отмечала у себя все встречающиеся в этом сочинении поговорки и пословицы; читая биографию Плутарха (вероятно, во французском переводе), она перевела жизнь Алкивиада на русский язык и составила некоторые примечания к жизни Кориолана. С особенным удовольствием она занималась чтением знаменитого труда Бюффона «Époques de la nature», восхищаясь заключавшимися в этом труде гипотезами; она сравнивала Бюффона с Ньютоном и описывала то освежающее впечатление, которое производило это чтение на ее ум. Читая эту книгу, Екатерина отмечала у себя множество возбуждаемых этим сочинением вопросов, а затем обратилась

¹ Русские пьесы изданы в собр. соч. Ек. Смирдина. О влиянии народной поэзии на драмы Екатерины писал Бессонов в журнале «Заря», 1870, № 4. О влиянии Шекспира — Лебедев в 1878 г. (март) в «Русском Вестнике».



Д.И. Фонвизин.
С гравированного портрета Скотникова.

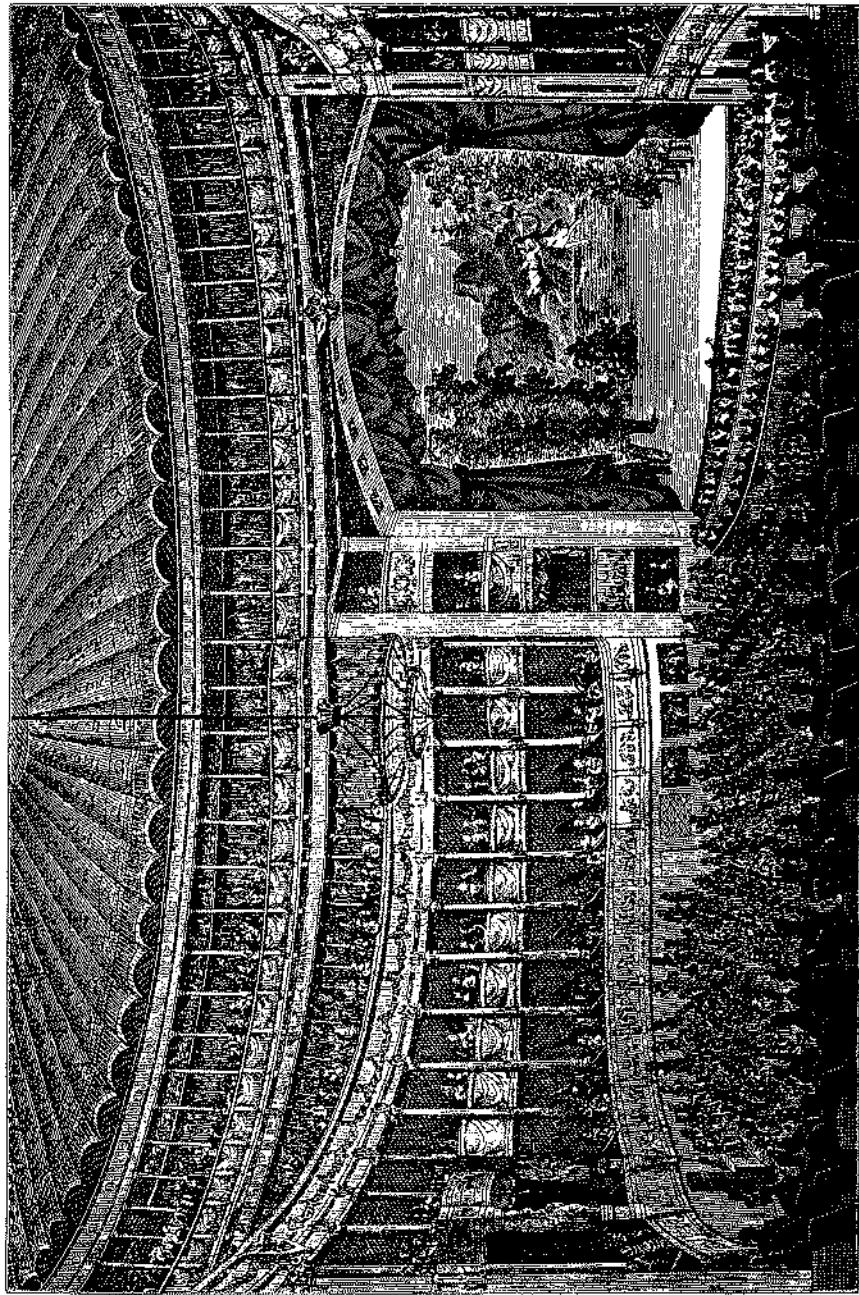
к Бюффою с просьбою разъяснить ей некоторые места. По поручению Екатерины Grimm должен был заказать для нее бюст Бюффоа из белого мрамора; самому знаменитому естествоиспытателю она послала в подарок шкатулку с коллекцией медалей, несколько драгоценных мехов и кое-какие древности, найденные в Сибири.

Екатерине чрезвычайно понравилось популярное сочинение Франклина «Le bonhomme Richard»; она выразила желание достать еще несколько подобных, назначенных для народного чтения политико-экономических трудов. И немецкая литература была предметом внимания Екатерины. Особенно ей понравились сочинения Виланда, Николаи, Тюммеля и других; она удивлялась успехам немецкой письменности. Сочинение Циммермана «Von der Einsamkeit» произвело глубокое впечатление на императрицу. Нельзя, однако, не удивляться тому, что, как кажется, Екатерина не была знакома вовсе с сочинениями Лессинга, Шиллера и Гёте, тогда как выбор книг ее библиотеки представлял собою целую энциклопедию; здесь были индийские басни Локмана и Бидпай, драмы Кориеля, Шекспира, Мольера, Расина, сочинения Гибона, Сервантеса, Дидро, Галиани, Неккера, Монтескье, Палласа, Пиндара, Лагарпа и пр.

Не отличаясь несколько музыкальным талантом и даже жалуясь на полное отсутствие умения отличать музыку от обыкновенного шума, императрица все-таки интересовалась оперой, находилась в личных сношениях с знаменитыми композиторами, бывшими при ее дворе, каковы Сарти, Мартини и Паэзиелло, со вниманием следила за успехами некоторых известных певиц, посещавших Россию, и пр. Особенно опера буф нравилась Екатерине; в ее письмах к Гримму встречаются разные замечания об этих операх, сочиненных Паэзиелло и др.

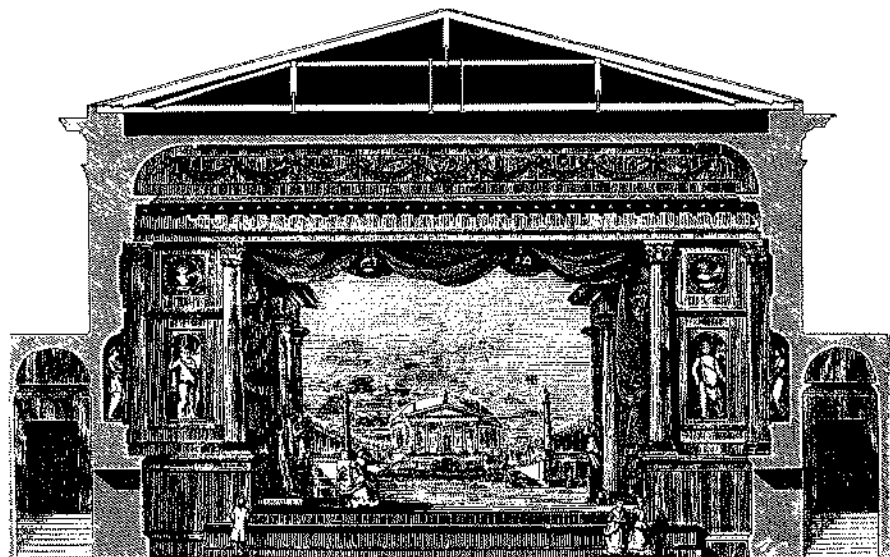
Особенное удовольствие доставляли императрице произведения скульптуры и живописи. В дневнике Храповицкого часто упоминается о предметах, которыми восхищалась Екатерина; то идет речь о какой-нибудь вакханке, то о медалях, камнях и пр. Беседуя однажды с Храповицким о разных камнях, Екатерина сказала, что страсть к этим предметам сделалась у нее сущою болезнью. На замечание Храповицкого, что при этой болезни чувствуешь себя отличо, Екатерина возразила: «Да, тут открывается история, разные познания — это дело императорское».¹ Переписка Екатерины с Гриммом чрезвычайно богата разными замечаниями о предметах искусства, о ваятелях, живописцах и архитекторах. О некоторых картинах

¹ Храповицкий, 25 октября 1789 г.



Вид залы Большого театра в Екатерининское время.
С весьма редкой гравюры 18-го века, из собрания П. Я. Дашкова.

Ванлоо, Рафаэля и Менгса, о кое-каких статуях Гудона и пр. говорится подробно. Некоторые знаменитые художники были приглашены в Россию, например, Фальконет, Гудон, г-жа Колло, г-жа Виже-Лебрюн и другие.¹ Переписка Екатерины с Фальконетом, создавшим великолепный памятник Петру Великому, составляет содержание целого тома «Сборника Императорского Исторического Общества»². Из этих писем видно, в какой мере



Эрмитажный театр.
С гравюры 18-го века.

императрица умела ценить способности и необычайно многостороннее образование гениального художника и в какой степени она входила во все подробности многолетнего труда Фальконета над статуей Петра. Здесь встречается множество дельных замечаний об общей композиции статуи, о costume и позе всадника, об аллегорической змее, о коне, о технике дела и пр. Особенно деятельно императрица заботилась об обогащении эрмитажной коллекции картин, статуй и пр.³ Фавориты ее, большею частью, разделяли ее вкус в отношении к этим произведениям искусства.

¹ См. статью Стасова в «Др. и Нов. России», 1877, I, 329 и след., и статью о г-же Виже-Лебрюн, там же, 1876, III, 187, 299, 396.

² Т. XVII.

³ См. статью В. в. К., в «S.-Petersburger Zeitung», 1881, № 292.

Достойны внимания занятия Екатерины сравнительным языкознанием. Особенно в то время, когда оплакивала кончину Ланского, она посвящала свое свободное время этой специальности. То она советовалась с Палласом, то переписывалась с Николаи, то изучала труды ученых, каковы



Экслибрис (этикет для книг) частной библиотеки Екатерины II.
С подлинника, находящегося в собрании А.А. Васильчикова.

Дюмареск, Кур де Жебелен (Court de Gébelin) и пр., то заставляла Бакмейстера, Иоганна Готлиба Арндта и других собирать материал для сравнительно-филологических изысканий. Таким образом состоялся словарь, который при многих недостатках, объясняющихся новостью дела, все-таки имеет значение в истории развития филологии и сравнительного языкознания вообще.¹

Неоднократно в письмах Екатерины к Гримму говорится об этих занятиях. Так, например, она пишет 9 сентября 1784 года: «Я добыла себе

¹ См. статью Грота о филологических занятиях Екатерины II в «Русском Архиве», 1877, I.

J'ai vu mon cher fils que ce point sur lequel
vous venez de m'écrire aujourd'hui n'était
point du tout problématique et que m'a
lettre du 11. Mai n'avait pu vous laisser au
cun doute sur la permission que je vous
ai donc d'aller en Finlande, la guerre
n'est point déclarée encore et il n'y a point
non plus d'hostilité de commerce, nos pre-
miers coups doivent être défensifs
mais à tout heure il faut s'y attendre
Je salue ma chère fille et vous en
baise.

le 24 Juin 1788. en sortant du Sédun pour
la bataille de Tchemma

Факсимиле французского письма Екатерины II
к великому князю Павлу Петровичу.

С подлинника, находящегося в собрании автографов П.Я. Дашкова.

всяких словарей, какие только можно было сыскать, между прочим, финский, черемисский, вотяцкий, и теперь все мои столы завалены этим добром». В другом месте: «Если бы г. Кур де Жебелеи знал по-славянски или по-русски, то сделал бы еще более любопытных открытий. Я считаю его



Здание Московского университета на Моховой улице.

всемириую грамматику одним из превосходнейших творений, появившихся в нынешнем веке». О словаре: «Мой любезный словарь в скором времени имеет появиться в печати. Это, быть может, самый полезный труд, какой когда-нибудь был произведен для всех языков и словарей, и особенно для русского языка, для которого Российская академия задумала составить словарь, для чего она, сказать правду, совершенно не имела достаточных сведений. Мое же произведение — лучезарный светильник, о котором можно сказать: имеющий уши слышать и очи видеть услышит и увидит; а кто глух и слеп от рождения, так таким и останется».¹

Известно, что царствование Екатерины оказалось особенно благоприятным для развития исторической науки в России, что, главным образом, объясняется участием самой императрицы в исторических занятиях.

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 318, 321, 344.

Для нее были сделаны выписки из летописей, в разных монастырях искали и находили древние рукописи, писались исторические материалы разного рода, издавалась «Древняя российская вивлиофика» Новиковым, издание, заключавшее в себе множество драгоценных исторических памятников.

ВСЕРАДОСТНѢЙШАГО ДНЯ КОРОНОВАНІЯ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

АВГУСТѢЙША , ДЕРЖАВНѢЙША

и

Всепресвѣтлѣйша Государыни ,

Е Л И С А В Е Т Ы ,

Дщери Петра Перваго и Великаго ,

ВСЕМИЛОСТІВѢЙША ИМПЕРАТРИЦЫ

и

Самодержицы Всероссійскія ,

Московской Императорской Университета

повелѣнемъ

Высокоименнаго своего Куратора

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

Ивана Ивановича Шувалова ,

праздновать и Фестъ публичнѣй собраніемъ сего Апрѣля 26 дня
въ Университетскомъ домѣ , что у Воскресенской воротъ , въ
10 часовъ по полуночи ; при чемъ , сколько возможно , спаралгса
будетъ провозъ и спичками на Россійскомъ языкѣ встѣдъ-
ствительствовать жецедрой Музѣ Покровительницеѣ жецедъ-
днѣйшую свою должность и извѣннѣйшее усер-
дѣ , въ языкѣ глубочайша благодрности ;

зего ради

Московской Императорской Университетѣ

всѣхъ Любителей наукъ

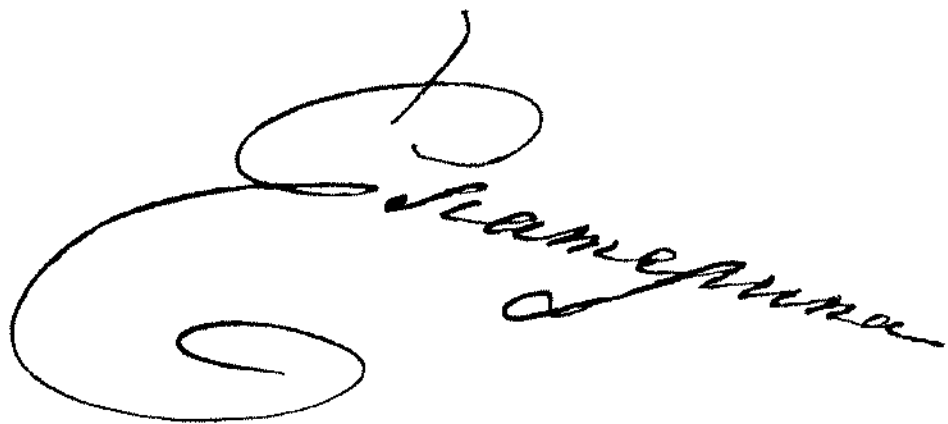
снѣмъ объявленіемъ почтеннѣйше проситъ , дабы оно собрание
присутствіемъ своимъ почтѣть соблаговолило .

1756 года апрѣля дня .

Объявление о праздновании открытия Московского Университета.

Императрица позаботилась о том, чтобы архивы сделались доступны ученым. Сооруженные по ее указаниям ученые экспедиции, как-то: путешествия Палласа, Гмелина, Лепехина и пр., принесли богатые результаты для археологии, этнографии и пр. Щербатов написал свою историю России, Голиков собрал богатый материал для истории Петра Великого и пр.

Начало специальных занятий императрицы историей России относится к 1783 году. Она считала нужным составить учебник для своих внуков, таким образом углублялась в изучение истории первых государей России и увлекалась при этом специальными филологическими вопросами. 9 мая 1792 года она писала Гримму: «Ничего не читаю, кроме относящегося к XIII веку российской истории. Около сотни старых летописей составляют мою подручную библиотеку. Приятно рыться в старом хламе».



Факсимиле подписи Екатерины II.

(В письме к И. Волкову 1793 г., находящемся в собрании П.Я. Дашкова.)

12 января 1794 года: «У меня все был недосуг, благодаря делам и старинным летописям. Дошедши до 1321 года, я остановилась и отдала переписывать около восьмисот страниц, нацарапанных мною. Представьте, какая страсть писать о старине, до которой никому нет дела и про которую, я уверена, никто не будет читать, кроме двух педантов: один из них мой переводчик, Фолькнер, другой библиотекарь академии, Буссе. А между тем, я очень довольна, что привела в порядок все относящееся до истории, и сделала лучше всех, кто брался за эту работу до сих пор. Я тружусь точно за деньги: так корпю, так стараюсь, кладу в дело весь свой ум и сообразительность, и всякий раз, как напишу страничку, восклицаю: Ах, как это хорошо, мило, восхитительно! Но, конечно, я никому об этом не говорю, кроме вас; вы понимаете: надо мною стали бы смеяться» и пр.¹ Встречая несколько месяцев позже необходимость на некоторое время прервать эти

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 566, 589.



М. В. Ломоносов.

занятия, императрица пишет: «Ах, мои любимые летописи, вы спокойно отдыхаете; когда я опять стану заниматься вами? Я дошла до 1368 или 1369 года». Вскоре она возвратилась к этим занятиям, и вот опять письма ее к Гримму пересыпаны разными замечаниями о Димитрии Донском, о Рюрике, о славянах, о Польше и Литве и пр. «Я люблю эту историю (России) до безумия», сказано в одном из писем Екатерины.¹

Можно думать, что страсть к занятиям историей отдаленных веков находилась в некоторой связи с раздражением императрицы по поводу событий французской революции. Подобно тому, как немного позднее и в Западной Европе в эпоху реакции против революции и Наполеона начали процветать научные занятия историей, литературой, искусством средних веков, и Екатерина, огорченная торжеством французского оружия, заключением Базельского мира и пр., как бы искала успокоения в изучении истории варяжского вопроса, в чтении Несторовой летописи, в исследовании частных первоначального развития государственной жизни России. В одном из ее писем к Гримму сказано, что, если какой-нибудь труд хочет удостоиться ее внимания, то он должен, по крайней мере, относиться к четырнадцатому столетию; «из новейших книг», писала императрица, «ничему нельзя научиться». И эти занятия продолжались до последних дней жизни Екатерины. В 1796 году она писала Гримму, что занята составлением огромного исторического труда, который может быть окончен не ранее года. «Я весьма усидчиво занимаюсь этой работою», прибавила императрица, «даже во сне я сочиняю целые главы этой книги, до того я занята этими мыслями».²

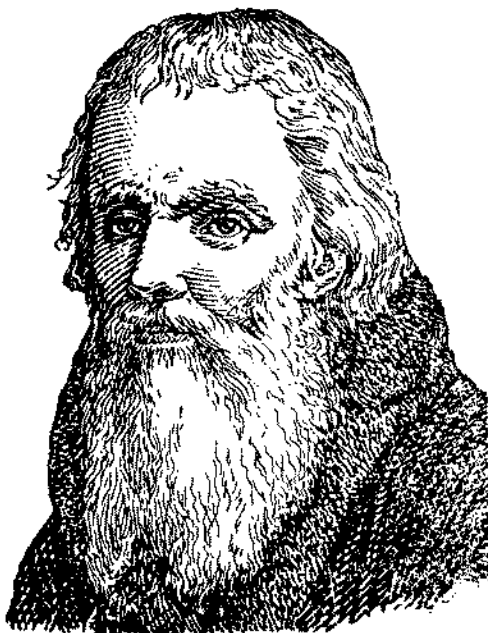
Таковы были занятия и развлечения, которым предавалась Екатерина в свободное от дел время. Нельзя, повторяем, не удивляться, что при особенно деятельном участии ее в делах она располагала в такой мере свободным временем; это объясняется, главным образом, необычайной рабочей силой императрицы, умением заниматься, не теряя ни минуты. Все упомянутые занятия Екатерины требовали усидчивого труда, много времени, сосредоточения ума, спокойствия души. Если к этому прибавить управление делами империи, приемы, общественные развлечения, домашнюю жизнь среди фаворитов и близких людей, то сделается понятным замечание императрицы, что ей никогда не скучно и что она никогда не затрудняется вопросом о выборе занятий.

Разумеется, чаще всего Екатерина была завалена делами, относившимися к управлению государством. Летом 1794 года она в письме к

¹ Там же, 604, 609, 636.

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 668.

Гримму заметила, что почта и курьеры доставили в продолжение нескольких дней столько бумаг, что не менее девяти столов покрыты ими.¹ В марте 1788 года она писала: «Я с некоторого времени работаю, как лошадь; мои четыре секретаря не успевают справляться с делами; я должна буду



И.П. Кулибин.

увеличить число секретарей. Я постоянно пишу. Никогда еще я не писала столько. Когда началась война (турецкая), некоторые текущие дела были оставлены; теперь иужно дать ход всему прерванному, чтобы к весне сладить со всеми делами, — это очень трудно».²

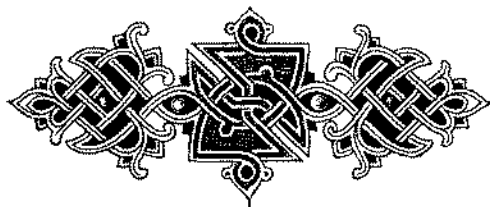
Императрица считала себя особенно способною к занятиям делами, или к тому, что она называла своим ремеслом (*métier*), которое, однако, отличилось особенною многосторонностью. Некоторые из упомянутых нами чистых занятий Екатерины находились в связи с ее «ремеслом», например, исследования исторические, работы лингвистические, рассуждения о вопросах политической экономии и статистики, изучение природы России и пр.

¹ Там же, 604.

² Там же, XXIII, 440.

Порою Екатерина жаловалась на недосуг, говоря, что иногда не может располагать несколькими минутами для себя, по своему усмотрению, горюя о невозможности читать доставленные ей с разных сторон книги, оканчивать начатые работы.¹ Порою она была чрезвычайно довольна своею деятельностью и гордилась результатами своих работ. Занимаясь вопросами законодательства, она однажды заметила, что в некоторых отношениях имеет более сведений, чем Блекстон. В 1781 году в одном из ее писем к Гримму сказано: «У меня постоянно перо в руках, я составляю целые томы, и приведенная в ужас громадностью этих томов, я иногда ощущаю охоту бросить в огонь все это, однако, в самом деле, жалко это сделать, потому что все это разумно и полезно».²

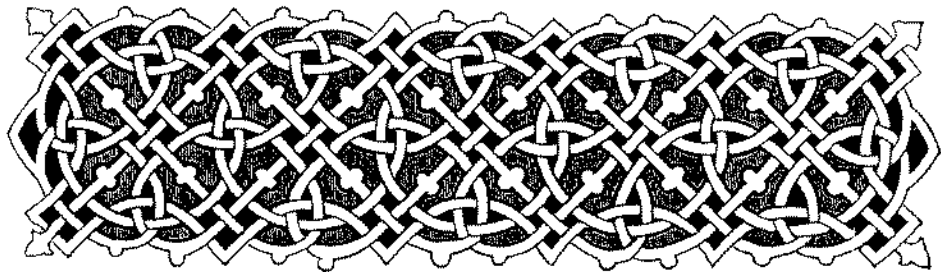
Образование и занятия Екатерины представляли собою энциклопедию; она оставалась чуждою всякому доктринерству; она не любила никакой систематики, ссылаясь при этом на образ мыслей своего «наставника» Вольтера в этом отношении; страсть к систематике, говорила она, рождает упрямство, нетерпимость, охоту преследовать других и пр.³ Познания и стремления Екатерины отличались не столько глубиной и основательностью, сколько широтою и разнообразием; восприимчивостью и трудолюбием она превосходила многих великих деятелей в истории всех времен.



¹ В одном из ее писем она называет себя «commenceuse de profession».

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 201.

³ Там же, 217.



Глава III. Фаворитизм. Сын и внук



царствование Екатерины фаворитизм имел весьма широкое развигне. В запнских ее встречается следующее, не лишнее значения для его характеристнки место: «Я получила от природы великую чувствительность и наружность, если не прекрасную, то во всяком случае привлекательную; я нравилась с первого разу и не употребляла для того никакого искусства и прикрас. Душа моя от природы была до такой степени общительна, что всегда, стоию кому-нибудь пробыть со мною четверть часа, чтобы чувствовать себя совершенно свободным и вести со мною разговор, как будто мы с давних пор были знакомы. По природной снходительности моей я внушала к себе доверие тем, кто имел со мною дело; потому что всем было известно, что для меня нет ничего приятнее, как действовать с доброжелательством и самую строгою честностью.

Смею сказать (если только позволительно так выразиться о самой себе), что я походила на рыцаря свободы и законности; я имела скорее мужскую, чем женскую душу; но в том ничего не было отталкивающего, потому что с умом и характером мужским соединялась во мне привлекательность весьма любезной женщины. Да простят мне эти слова и выражения моего самолюбия: я употребляю их, считая их истинными и не желая прикрываться ложною скромностью. Впрочем, самое сочнение это должно показать, правду ли я говорю о моем уме, сердце и характере. Я сказала о том, что я нравилась; стало быть, половина искушения заключалась уже в том самом; вторая половина в подобных случаях естественно следует из самого существа человеческой природы, потому что идти на

искушение и подвергнуться ему — очень близко одно от другого. Хотя в голове запечатлены самые лучшие правила нравственности, но, как скоро примешивается и является чувствительность, то непременно очутишься неизмеримо дальше, нежели думаешь. Я, по крайней мере, не знаю до сих пор, как можно предотвратить это. Может быть, скажут, что есть одно средство — избегать; но бывают случаи, положения, обстоятельства, где избегать невозможно; в самом деле, куда бежать, где найти убежище, как отворачиваться посреди двора, который перетолковывает малейший поступок. Итак, если не бежать, то, по-моему, нет ничего труднее, как уклониться от того, что вам существенно нравится. Поверьте, все, что вам будут говорить против этого, есть лицемерие и основано на незнании человеческого сердца. Человек не властен в своем сердце; он не может по произволу сжимать его в кулак и потом опять давать свободу».¹

И современники, и потомство не без основания резко осуждали фаворитизм при Екатерине. Односторонность и резкость отзывов в этом отношении, однако, лишали и современников, и ближайшее потомство возможности оценить беспристрастно личность императрицы вообще. Принимая во внимание необычайные способности Екатерины, обстоятельства, в которых она находилась, ее темперамент, нельзя не признать, что при обвинении ее не должно упускать из виду нравы того века вообще и нравы при дворе в особенности. Фаворитизм не был новым явлением при Екатерине. Чуть ли не то же самое происходило при императрице Елизавете Петровне.

Особенно неблагоприятное впечатление производят частые перемены фаворитов. Один за другим были «в случае»: Григорий Орлов, Васильчиков, Потемкин, Завадовский, Зорич, Корсаков, Ланской, Ермолов, Мамонов и Зубов. И русские, и иностранцы порицали Екатерину чрезвычайно резко за то, что эти перемены происходили быстро, неожиданно, иногда без видимых причин.² С другой стороны, даже недоброжелатели Екатерины хвалили ее за то, что никто из удаленных от двора фаворитов не был преследуем или наказан, тогда как история представляет множество примеров жестокости и крайнего произвола в образе действий коронованных женщин в подобных случаях.³

Обыкновенно современники и позднейшие историки придавали чрезмерное значение политическому влиянию фаворитов на дела. Ни один

¹ Записки Екатерины, 238—240.

² Herrmann, «Ergänzungsband», 601. Гарновский в «Русской Старине», XV, 15.

³ Masson, *Mémoires secrets*, I, 137—139.

из них не имел преобладающего влияния на Екатерину. Даже замечательнейшие и способнейшие, как, например, Орлов, Потемкин, Зубов, находились в полной от нее зависимости. Зато нельзя не признать, что фаворитизм, при неограниченном корыстолюбии любимцев Екатерины, их родственников, друзей, знакомых, очень дорого обходился казне и народу.¹



Любимая собака Екатерины II.
С гравюры 18-го века Рота.

Скажем несколько слов о замечательнейших фаворитах. Более десятилетия Григорий Орлов занимал это место. Мы говорили выше об участии его в государственном перевороте 1762 года, о слухах касательно на

¹ См. списки расходов для фаворитов у Герриси, II, 57, и у Кастера, II, 291—295.

мерения Екатерины вступить с ним в брак. Осуждая некоторые пороки этого фаворита, даже завзятый противник Екатерины, князь Щербатов, не без признательности говорит о разных добрых качествах его.¹ Екатерина не находила слов, расхваливая красоту, ум, познания, доблесть своего любимца. Так, например, в письме к г-же Бьельке она заметила об Орлове: «Природа избаловала его; ему всего труднее заставить себя учиться, и до тридцати лет ничто не могло принудить его к тому. При этом нельзя не удивляться, как много он знает; его природная проницательность так велика, что слыша в первый раз о каком-нибудь предмете, он в минуту схватывает всю его суть и далеко оставляет за собою того, кто с ним говорит».² Разные случаи свидетельствуют о способности Орлова содействовать исполнению предположений Екатерины, входить в подробности ее проектов, служить ей сотрудником. Заслуги Орлова при учреждении Вольного Экономического Общества, участие его в прениях Большой Комиссии, готовность следовать примеру императрицы в привитии оспы, замечательная роль, которую он играл в истории восточного вопроса, его заслуги во время чумы в Москве — все это дает нам некоторое понятие о значении Григория Орлова в течение первого десятилетия царствования Екатерины.

Отношение Екатерины к Орлову изменилось около того времени, когда он отправился в Фокшаны для переговоров о мире с турками. Частности этого кризиса ускользают от нашего внимания. Как бы ни было, Орлов очутился в немилости у императрицы. Она удалила его от двора по крайней мере на один год. Сохранился собственноручный проект Екатерины о награждении Орлова при увольнении; в проекте заметна забота императрицы войти во все подробности материального благосостояния бывшего любимца и его родственников. В заключение сказано: «Я никогда не позабуду, сколько я всему роду вашему обязана, и качеств тех, коими вы украшены, и колико оные отечеству полезны быть могут» и пр.³ Когда в иностранных газетах появились разные толки о причинах размолвки между Орловым и Екатериною, она позаботилась об опровержении этих, отчасти чрезвычайно нелепых слухов, и о том, чтобы такие газеты не доходили до Орлова.⁴ В октябре 1772 года Орлов был возведен в княжеское достоинство. Несколько лет он прожил в Ревеле. В 1777 году он женился на одной из красивейших женщин, Е. Н. Зиновьевой. Около этого времени

¹ «Русская Старина», III, 676—678.

² «Сб. Ист. Общ.», XIII, 259.

³ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 271—273.

⁴ Там же, 274—275.



С.Г. Зорич.

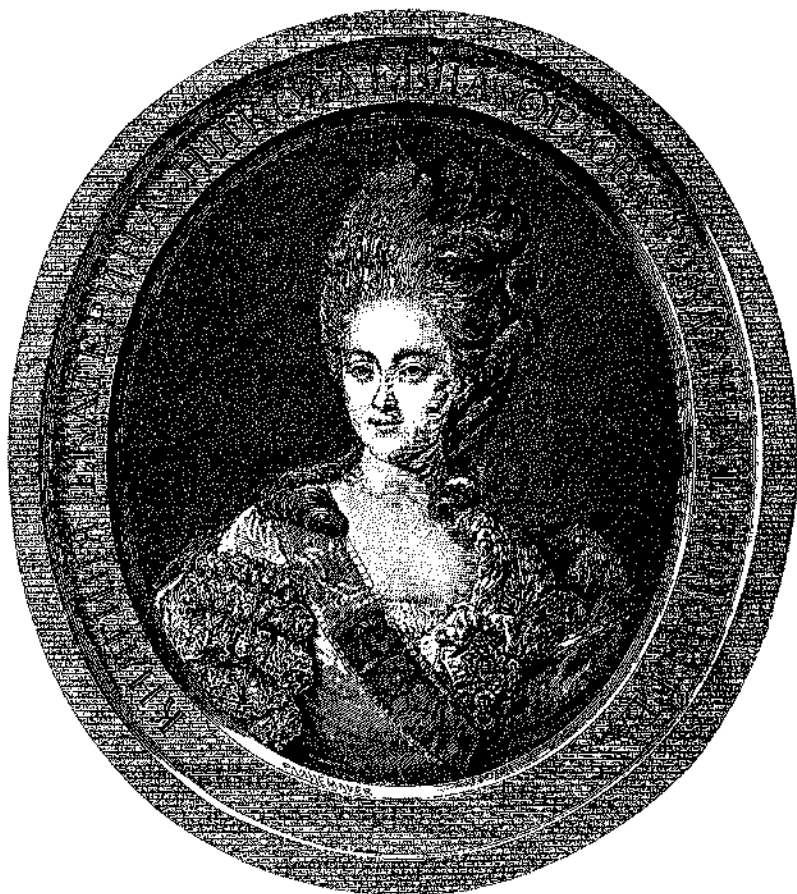
С неизданного гравированного портрета Осипова, из собрания Бекетова; подлинник принадлежит Д.А. Ровинскому.

в письмах императрицы к барону Гримму встречаются чрезвычайно благо-
склонные отзывы Екатерины об Орлове. Иногда он являлся при дворе, не
имея, впрочем, более никакого влияния. В 1780 году он предпринял путе-
шествие в Западную Европу, где скончалась его страстно им любимая суп-
руга и откуда он возвратился на родину, сильно расстроенный и нравствен-
но, и физически. С каким участием отнеслась Екатерина к болезни и кончи-
не прежнего друга, свидетельствуют письма ее к разным лицам.¹ Орлов
умер 13 апреля 1783 года в Москве. Получив от графа Алексея Орлова-
Чесменского известие об этом событии, императрица отвечала: «Я имела в
нем друга; вместе с вами оплакиваю его; чувствую в полной мере цену по-
тери и никогда не позабуду его благодеяний». В письме к Гримму Екатери-
на распространялась о качествах Орлова и умершего около того же времени
графа Н. Панина. Параллель оказалась весьма выгодною для Орлова, о ко-
тором в письме Екатерины сказано между прочим: «В нем я теряю друга и
общественного человека, которому я бесконечно обязана и который мне
оказал существенные услуги. Меня утешают, и я сама говорю себе все, что
можно сказать в подобных случаях, но ответом на эти доводы служат мои
рыдания, и я страдаю жестоко с той минуты, как пришло это роковое из-
вестие... Гений князя Орлова был очень обширен; в отваге, по-моему, он
не имел себе равного. В минуту самую решительную ему приходило в голо-
ву именно то, что могло окончательно направить дело в ту сторону, куда он
хотел его обратить, и в случае нужды он проявлял силу красноречия, кото-
рой никто не мог противостоять, потому что он умел колебать умы, а его ум
не колебался никогда» и пр. В письме Екатерины к Гримму от 1 июня 1783
года сказано: «Смерть князя Орлова свалила меня в постель».²

¹ Чрезвычайно нелепые слухи о размолвке между Екатериною и Орловым и о
последних годах жизни Орлова см. в сочинениях Кастера, II, 35 и след., и Гельби-
га, «Russische Günstlinge», 260 и след.; о кончине Орлова см. письмо Екатерины к
Марии Феодоровне и Павлу в «Сб. Ист. Общ.», IX, 188—192.

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 275, 279. У Орлова был сын, Бобринский, и дочь,
Алексеева, вышедшая замуж за Клингера; о последней см. соч. Кобеко о «Царе-
виче Павле Петровиче», 277. Бобринский родился в апреле 1762 года. См. письмо
Екатерины к нему в «Русском Архиве», 1876, III, 13. Разные анекдотические чер-
ты о его воспитании см. у Кастера, II, 35, и у Гельбига, «Russische Günstlinge»,
364. Здесь, кажется, заключаются более достоверные сведения, чем обыкновенно
встречаются в сочинениях этих писателей. Дневник Бобринского 1779 года в
«Русском Архиве» 1877, III, 117. О его житье-бытье за границею в восьмидесятых
годах встречаются многие данные в переписке Екатерины с Гриммом, так как по-
следний должен был наблюдать за ним. Другие данные в соч. Кобеко, в записках
Комаровского в «Осьмнадцатом веке», I, 393, 398, 401, и в письмах Екатерины к
разным лицам; см., напр., «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 404, I, 112 и пр.

Фаворитизм Потемкина, в тесном смысле этого слова, относится к 1774—1779 годам, но искренние дружеские отношения между ним и императрицею продолжались до его кончины.



Княгиня Е.Н. Орлова, рожденная Зиновьева.
С редкого гравированного портрета Берсенева 1784 года.

Напрасно говорят о перевесе, который будто бы имел Потемкин над императрицею, о вредном влиянии, оказанном им на Екатерину. Из множества писем Потемкина и императрицы можно убедиться, что она и нравственно и умственно стояла гораздо выше светлейшего князя, оста-

вавшегося до гроба в безусловной зависимости от императрицы. Впрочем, она высоко ценила способности Потемкина, нуждалась в его советах и во многих случаях руководствовалась его соображениями. Во время второй турецкой войны она писала к нему по два раза в неделю и чаще, сообщая о состоявшихся делах, спрашивая о его здоровье, называя его «mon cousin», «mon bijou» и другими нежными именами. Весьма часто Екатерина называла Потемкина своим учеником, уверяла его в полном к нему доверии, жаловалась на его отсутствие, просила его щадить себя, беречь свое здоровье, не подвергать себя опасностям и пр.¹

В этом же смысле Екатерина отзывалась о Потемкине в письмах к другим лицам. В одном из писем к Гримму она назвала Потемкина «одним из величайших и забавнейших оригиналов этого железного века». По случаю заключения Кучук-Кайнарджийского мира она писала о Потемкине: «Что за голова у этого человека! Он имеет важнейшую долю в этом договоре». Заказывая в 1778 году через посредство Гримма великолепный сервиз из севрского фарфора, она замечает, что так как этот подарок назначен для Потемкина, то не должно щадить ни денег, ни труда, и с этой целью она делает вид, будто сервиз назначен для нее самой. В другой раз она пишет: «Он умнее меня, и все, что он делает, обдуманно всесторонне», а далее: «Я в нем имею чрезвычайно способного и достойного друга», и пр.²

Мы имели случай видеть, какое деятельное участие Потемкин принимал в делах, какое значение он имел в историческом восточном вопросе, какова была его деятельность при управлении Южной Россией. Он во всякое время располагал громадными материальными средствами. Во вверенных его администрации провинциях он играл роль неограниченного монарха, произволом и деспотическими приемами напоминал персидского сатрапа, окружая себя баснословно пышностью и роскошью. На юге в его распоряжении находились войска и флот. Он мог более или менее самостоятельно заниматься политикой. При всем том, однако, он на каждом шагу зависел от степени расположения к нему Екатерины. Милость императрицы была главным условием его счастья и успехов.

В Потемкине заметна странная смесь гениальности с эгоизмом, образования с грубостью нравов, чрезмерной европейской утонченности с азиатским варварством, громадных предположений на пользу государства с мелочным самолюбием и корыстолюбием, человеколюбия с эгоизмом, рабочей силы с ленью и индифферентизмом. Принц де Линь считал По-

¹ См. множество таковых писем в XXVII томе «Сб. Ист. Общ.».

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 4, 6, 84, 326, 336.

темкина человеком чрезвычайно богато одаренным природою. Не только Екатерина, но и другие лица, например, Септор, Иосиф II, Геррне, высоко ценили ум и способности светлейшего князя. В то же время, однако, не без основания, как у современников, так и у позднейших писателей встречаются чрезвычайно неблагоприятные отзывы о Потемкине; порицали его



Граф А.А. Бобринский.

С портрета, принадлежащего графу А.А. Бобринскому.

честолюбие, доходившее до мелочности, его алчность, не знавшую пределов, невнимание к интересам других людей, его сибаритство и пр. Достойно внимания замечание, неоднократно высказываемое современниками

о Потемкине: находили, что он казался ленивым, погруженным в дремоту, тогда как в сущности был постоянно занят делами. И правда: бесчисленное множество писем и записок Потемкина свидетельствует о его необычайной рабочей силе, неутомимой и многосторонней деятельности. При всем том, однако, Потемкин вообще производил впечатление скорее авантюриста, нежели настоящего государственного человека, героя или патриота. Мы видели выше, что административная деятельность Потемкина не была богата результатами, была на минутный эффект, оказалась непрочною и нецелесообразною. У него не было терпения, последовательности, выдержанности. Поэтому осуществление громадных проектов князя оказалось невозможным. В гораздо большей мере царедворец и чиновник, нежели настоящий государственный деятель, он на каждом шагу более думал об ответственности перед государыней, нежели о настоящих интересах народа и государства. Двор заменял ему Россию; собственные, личные интересы у него стояли выше пользы отечества.

Впрочем, никто из фаворитов не имел такого значения, как Потемкин, никто не занимался столь деятельно, самостоятельно и отчасти успешно делами внешней политики. Пребывая в Петербурге, он постоянно находился в непосредственных сношениях с иностранными дипломатами. Иногда его виды расходились с воззрениями императрицы. В то время как Екатерина обнаруживала склонность к сближению с Францией, Потемкин был сторонником Англии; во время дружбы Екатерины с Иосифом II он придерживался того мнения, что не следует пренебрегать Пруссией. В турецких делах он играл самую важную роль, указал на необходимость занятия Крыма, обратил внимание на Кавказ, заботился об учреждении военных поселений на юге, занимался вопросом об экономическом значении расширения пределов России до берегов Черного моря. Не получив систематического и полного образования, Потемкин, благодаря чрезвычайным способностям, быстро усваивал технику дел, за которые должен был приниматься. Сделавшись адмиралом на Черном море, он при постройке судов, при управлении флотом обнаруживал специальные познания в области морского дела. Энциклопедическое образование его удивляло современников. Не отличаясь утонченным вкусом в области искусств, он любил окружать себя художниками; во время осады Очакова он занимался переводом французских сочинений.

Даже во время второй турецкой войны, значит, в последние годы своей жизни, Потемкин старался как можно чаще приезжать в столицу. Напрасно говорили о какой-то окончательной размолвке между императ-

рицею и Потемкиным перед его кончиною. Случались недоразумения, но о немилости не могло быть речи. Отзывы Екатерины о Потемкине в это время имеют гораздо большее значение, чем драгоценные подарки и ордена, которыми она награждала его. Особенно красноречивым свидетельством является горе императрицы по случаю болезни и кончины Потемкина.



Князь П.А. Зубов.

С гравюры Валькера, сделанной с портрета, писанного Лампи.

Храповицкий пишет о слезах и отчаянии Екатерины: «Жаловались, что не успевают приготовить людей. Теперь не на кого опереться», — таким образом воспроизводит Храповицкий слова императрицы и дальше: «Продолжение слез. Мне сказано: как можно мне Потемкина заменить? Все будет не то... он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал; его нельзя было купить» и пр.¹

В письмах Екатерины к Гримму сказано: «Мой ученик, мой друг, можно сказать, мой идол, князь Потемкин-Таврический умер в Молдавии... Вы не можете себе представить, как я огорчена. Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца; цели его всегда были направлены к великому. Он был человеколюбив, очень сведущ и крайне любезен. В голове его непрерывно возникали новые мысли; какой он был мастер острить, как умел сказать словцо кстати! В эту войну он выказал поразительные военные дарования: везде была ему удача, и на суше и на море. Им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими. Одним словом, он был государственный человек: умел дать хороший совет, умел его и выполнить. Его привязанность и усердие ко мне доходили до страсти; он всегда сердился и бранил меня, если, по его мнению, дело было сделано не так, как следовало; с годами, благодаря опытности, он исправился от многих своих недостатков. Когда он приезжал сюда, три месяца тому назад, я говорила генералу Зубову, что меня пугает эта перемена, и что в нем незаметно более прежних его недостатков, и вот, к несчастью, мои опасения оказались пророчеством. Но в нем были качества, встречающиеся крайне редко и отличавшие его между всеми другими людьми: у него был смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Благодаря этому мы всегда понимали друг друга и не обращали внимания на толки тех, кто меньше нас смыслил. По моему мнению, Потемкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что был в состоянии сделать». Затем, в другом письме, двумя месяцами позже: «Дела идут тем же порядком, несмотря на ужасную потерю, о которой я вам писала в ту же ночь, как пришло роковое известие. Я все еще продолжаю грустить. Заменить его невозможно, потому что нужно родиться таким человеком, как он, а конец нынешнего столетия не представляет гениальных людей».²

¹ Храповицкий, 11, 12, 16 октября 1791. См. также зап. Державина, 312. Замечания у Грота, I, 480. Masson, *Mém. secrets*, I, 153. «Осьмнадцатый век» I, 357.

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 561, 564.



Екатерина II в домашнем платье.

С весьма редкой гравюры 18-го века, сделанной по наброску с натуры членом английского посольства в Петербурге Уйенсом; из собрания П. Я. Дашкова.

Ни одного из своих фаворитов Екатерина, как кажется, не любила так страстно, как Ланского, находившегося «в случае» с конца семидесятых годов и умершего летом 1784 года от горячки, на двадцать седьмом году от рождения. В письмах Екатерины к Потемкину часто говорится о Ланском в тоне совершенной интимности.¹ В одном из писем к Гримму сказано о Ланском: «Если бы вы видели, как генерал Ланской вскакивает и хвастает при получении ваших писем, как он смеется и радуется при чтении! Он всегда огонь и пламя, а тут весь становится душа, и она искрится у него из глаз. О, этот генерал существо превосходнейшее. У него много сходного с Александром. Этим людям всегда хочется до всего коснуться» и пр.²

Когда он заболел опасно, императрица не покидала комнаты больного, не принимала почти никакой пищи, не раздевалась и ухаживала за ним. Когда он умер, Екатерина предалась порывам печали и горя и затем впала в меланхолию. В первое время после этого несчастья она не была в состоянии видеть кого-либо, не исключая детей и внуков; единственным утешением ее была сестра покойника, на него похожая.³ Императрица даже заболела серьезно. Безбородко должен был просить Потемкина подействовать на государыню, ободрять и утешая ее.⁴

7 июня императрица начала писать Гримму; 25 июня умер Ланской; 2 июля Екатерина писала: «Когда я начинала это письмо, я была счастлива, и мне было весело, и дни мои проходили так быстро, что я не знала, куда они деваются. Теперь уже не то; я погружена в глубокую скорбь; моего счастья не стало. Я думала, что сама не переживу невознаградимой потери моего лучшего друга, постигшей меня неделю тому назад. Я надеялась, что он будет опорой моей старости: он усердно трудился над своим образованием, делал успехи, усвоил себе мои вкусы. Это был юноша, которого я воспитывала, признательный, с мягкой душой, честный, разделявший мои огорчения, когда они случались, и радовавшийся моим радостям. Словом, я имею несчастье писать вам, рыдая. Генерала Ланского нет более на свете. Злокачественная горячка, в соединении с жабой, свела его в могилу в пять суток, и моя комната, в которой мне прежде было так приятно, превратилась в пустыню. Накануне его смерти я схватила горловую болезнь и жестокую лихорадку; однако со вчерашнего дня я встала с постели, но слаба и до

¹ Там же, XXVII, 254, 270.

² Там же XXIII, 299.

³ Anekdoten aus dem Leben Katharinas, aus dem Munde von Zeitgenossen und Augenzeugen. Рукопись Аделунга, находящаяся в распоряжении автора.

⁴ «Русская Старина», VIII, 732—733.

такой степени болезненно расстроена в настоящее время, что не в состоянии видеть человеческого лица без того, чтобы не разрыдаться и не захлебнуться слезами. Не могу ни спать, ни есть; чтение нагоняет на меня тоску, а писать я не в силах. Не знаю, что будет со мной: знаю только, что никогда в жизни я не была так несчастна, как с тех пор, как мой лучший и дорогой друг покинул меня. Я открыла ящик письменного стола, нашла там этот печальный листок, написала эти строки, но теперь силы изменяют мне».

Не ранее как по истечении двух месяцев императрица была в состоянии возвратиться к письменной беседе с бароном Гриммом. 9 сентября 1784 года она писала: «Признаюсь, за все это время я была не в силах писать вам, потому что знала, что это заставит страдать нас обоих. Через неделю после того, как я на писала вам мое июльское письмо, ко мне приехал граф Ф. Орлов и князь Потемкин. До этой минуты я не могла выносить человеческого лица. Оба они взялись за дело умеючи. Они начали с того, что принялись выть (hurler) заодно со мною; тогда я почувствовала, что мне с ними по себе, но до конца еще было далеко. От слишком сильно возбужденной чувствительности я сделалась бесчувственной ко всему, кроме горя; это горе росло каждую минуту и находило себе новую пищу на каждом шагу, по поводу каждого слова. Не подумайте, впрочем, чтобы, невзирая на весь ужас моего положения, я пренебрегала хотя бы последней малостью, для которой требовалось мое внимание: в самые тяжкие минуты ко мне обращались за приказаниями по всем делам, и я распорядилась как должно и с пониманием дела, что особенно изумляло генерала Салтыкова. Более двух месяцев прошло без всякого облегчения; наконец стали наступать промежутки, сперва только часы, более спокойные, потом и целые дни... Пятого сентября я приехала сюда, в город, вчера в первый раз выходила к обедне и в первый же раз, стало быть, опять видела всех и меня все видели. Но, признаюсь, это стоило мне такого усилия, что, возвратясь к себе в комнату, я почувствовала упадок сил, и всякий другой непременно упал бы в обморок, чего со мною отродясь еще не бывало». В феврале 1785 года Екатерина снова писала о печальной эпохе после кончины Ланского: «Как видите, несмотря на все газетные толки, я еще не умерла; у меня нет и признаков какой-нибудь болезни, но до сих пор я была существом бездушным, прозябающим, которого ничто не могло одушевить. За это время я увидела, сколько у меня истинных друзей, и их дружба часто мне была в тягость: между тем уже во многом они сумели прогнать поворот к лучшему, и, надо сказать правду, что это уже не мало».¹

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 317, 318, 326.



GENEAL. G. A. POTEMKIN TAVRICHESKIY



PRINCE POTEMKIN TAVRICHESKIY

Князь Г.А. Потемкин-Таврический.
С гравюры Валькера, сделанной с портрета, писанного Левицким.



А. Д. Ланской.

С гравюры Валькера, сделанной с портрета, писанного Левицким.

Дмитриев-Мамонов, бывший «в случае» от 1786 до 1789 года, может считаться, после Потемкина, едва ли не способнейшим из фаворитов Екатерины. Не только она восхищалась его талантами, познаниями и пр., но и современники-дипломаты, знавшие лично Мамонова, хвалили его остроумие, оживленную беседу, любезность и ловкость.¹ В письмах к Потемкину императрица говорит о Мамонове: «Он весьма милый человек», «он день ото дня любезнее и милее становится», «Александр Матвеевич тебя как душу любит»; «так как он ведет себя как ангел, то я его сделала генерал-адъютантом; ты его любишь как сына, и так не сомневаюсь, что ты во всем возьмешь приятное участие» и т. п.² В письмах к Гримму императрица тоже хвалила характер и способности Мамонова, его склонность к занятиям музыкой, к гравированию, к чтению классиков. «Красный Кафтан (*l'habit rouge*)», так называла императрица Мамонова, «личность далеко не заурядная. В нас бездна остроумия, хотя мы никогда не гоняемся за остроумием; мы мастерски рассказываем и обладаем редкой веселостью; наконец, мы — сама привлекательность, честность, любезность и ум; словом, мы себя лицом в грязь не ударим». В другом письме: «Красный Кафтан так любезен, остроумен, весел, такой красавец, такой добрый и приятный, такой милый собеседник, что вы очень хорошо сделаете, если полюбите заочно», и пр.³

Впрочем, порою между Екатериною и Мамоновым возникали недоразумения. Уже в первое время своего пребывания при дворе фаворит создавался в том, что не чувствует себя хорошо в этом положении.⁴ В 1788 году он влюбился в одну из фрейлин, княжну Щербатову. Прошло несколько месяцев, прежде чем Екатерина услышала об этом. Затронутая за живое, она, чтобы принудить Мамонова высказаться прямо, придумала следующую хитрость. Однажды она заговорила о том, что при наступающей старости желала бы устроить судьбу своего друга и предложила ему в невесты богатую графиню Брюс. Тогда Мамонов сознался, что любит княжну Щербатову и уже помолвлен с нею. Екатерина, до этого не хотевшая верить толкам относительно Мамонова и Щербатовой, была глубоко поражена признанием своего любимца.⁵ Беседуя с Храповицким об этом деле, Екатерина горько жаловалась на Мамонова: «Зачем не сказал откровенно? Год как влюблен. Буде же сказал зимой, то полгода бы прежде сде-

¹ См., напр., донесения Сакена в изд. Германна «Ergänzungsband», 652—653.

² «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 417, 448, 458, 494, 513.

³ Там же, XXIII, 387, 392, 398, 420.

⁴ «Русская Старина», XV, 16 и 703.

⁵ Записки Рибопьера в «Русской Старине», 1877, I, 467.

лалось то, что третьего дня. Нельзя вообразить, сколько я терпела. Бог с нами! Пусть будут счастливы. Я простила их и дозволила жениться. Они должны бы быть в восхищении, но, напротив, они плачут. Тут еще замечивается и ревность. Он больше недели беспрестанно за мною примечает, на кого гляжу, с кем говорю? Это странно. Сперва, ты помнишь имел до всего охоту и за все брался легко, а теперь мешается в речах все ему скучно и все болит грудь. Мне князь зимой еще говорил: Матушка, шлоп, на него, и намекал на княжну Щербатову, но я виновата; я сама его пред князем оправдать старалась». Храповицкий к этому прибавляет: «Приказано мне заготовить указ о пожаловании ему деревень, купленных у князя Репнина и Чельшева 2250 душ. Перед вечерним выходом сама Екатерина Великая изволила обручить графа и княжну; они, стоя на коленях, просили прощения и прощены». Затем у Храповицкого следуют еще кое-какие замечания о подарках Мамонову, о волнении Екатерины, о неловком положении фаворита и пр. Об объяснении с Мамоновым Екатерина рассказывала Храповицкому: «Он пришел в понедельник (18 июля), стал жаловаться на холодность мою и начинал браниться. Я отвечала, что сам он знает, каково мне с сентября месяца и сколько я терпела. Просил совета, что делать? Советов моих давно не слушает, а как отойти, подумаю. Потом послала к нему записку с предложением о дочери графа Брюса... Вдруг отвечает дрожащей рукой, что он с год как влюблен в Щербатову и полгода, как дал слово жениться» и пр.¹ После отъезда в Москву молодой чегы, обвенчанной в присутствии императрицы в придворной церкви, Екатерина в письме к Потемкину несколько резко отзывалась о неискренности Мимопова.² В кружках дипломатов ходили разные толки по поводу этого эпизода.³ Сегюр в своих мемуарах допускает, что в данном случае обнаружилась женская слабость Екатерины, и указывает на достойное удивления великодушие, выказанное ею в обращении с Мамоновым и его невестой.⁴ Не без некоторой желчи Екатерина в письме к Гримму заметила: «Воспитанница г-жи Кардель нашла, что Красный Кафтан достоин более сожаления, чем гнева; он наказан на всю жизнь за глупейшую страсть; его считают неблагодарным; воспитанница г-жи Кардель сочла нужным, в интересе всех участвующих, чем скорее тем лучше кончить эту комедию».⁵

¹ Храповицкий, 20 июня — 2 июля 1789 г.

² «Русская старина», XVII, 29—37, 307.

³ См. депешу Гельбига с намеком о помешательстве Екатерины вследствие этого. Herrmann, «Ergänzungsband», 657.

⁴ Mémoires, III, 495.

⁵ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 481.



Силуэт Екатерины II в 1782 году.
Факсимиле силуэта, сделанного с натуры Сидо; из собрания П.Я. Дашкова.



Граф А.М. Дмитриев-Мамонов.
С портрета, писанного Левинским и принадлежащего князю Щербатову.

Платон Зубов, бывший в фаворе в течение последних лет жизни Екатерины, имел довольно сильное влияние на дела. Во время переговоров о Ясском мире он воспользовался отсутствием Безбородко для того, чтобы получить некоторый вес в области внешней политики. Современники резко осуждали недостатки фаворита, почти всегда находившегося во вражде с высокопоставленными лицами, как, например, с Потемкиным, Безбородко, Сиверсом и пр. Придворная история этого времени изобилует указаниями на интриги, приписываемые Зубову.¹ Зато императрица в письмах к Гримму и Потемкину отзывалась чрезвычайно благоприятно о Зубове, восхваляя его безусловную преданность ей, его стремление к расширению познаний, его умение учиться, его любезный характер, искренность и пр. Так, например, в письме к Гримму сказано: «Ох, Боже мой! Опять нужно приняться и все самой делать. Нет ни малейшего сомнения, что двое Зубовых подают более всего надежд; но подумайте, ведь старшему только 24-й год, а младшему нет еще и двадцати. Правда, они люди умные, понятливые, а старший обладает обширными и разнообразными сведениями. Ум его отличается последовательностью и, поистине, он человек даровитый». В другом письме: «Зубов трудолюбив, бескорыстен, исполнен доброй воли и отличается чрезвычайными умственными способностями; вы о нем услышите еще более; кажется, от меня зависит сделать из него новый фактотум».² Последнее замечание заключает в себе намек на незадолго до этого скончавшегося Потемкина. Екатерина, очевидно, надеялась найти в Зубове сотрудника, похожего на светлейшего князя; но надежды ее не оправдались.

Павел

Фаворитизм, без сомнения, содействовал созданию той бездны, которая существовала между Екатериною и ее сыном, цесаревичем Павлом Петровичем. Когда-то Меншиков стоял между Петром Великим и царевичем Алексеем. В царствование Елизаветы Петровны Шуваловы и Разумовские не без основания считались противниками наследника престола, Петра Феодоровича. Отношения между любимцами Екатерины, Орловым, Потемкиным, Зубовым, с одной стороны, и «молодым двором» — с другой, были натянуты.

Екатерина в первые годы жизни Павла не имела возможности заботиться о его воспитании. Императрица Елизавета Петровна предоставила

¹ См. биографию его в «Русской Старине», XVI и XVII тт.

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 562, 566.

себе исключительное право воспитывать великого князя. Екатерина говорит, что не одобряла распоряжений императрицы в этом отношении.¹ Когда



Великая княгиня Наталья Алексеевна.
С портрета, принадлежащего Н.И. Путилову.

Панин был назначен воспитателем великого князя, Елизавета Петровна, совершенно независимо от Екатерины, велела составить инструкцию для Панина.² Екатерина, видевшая обыкновенно своего сына не чаще одного

¹ См. «Записки Екатерины», 160.

² «Русский Архив», 1881, I, 17—21.

аза в неделю, была недовольна выбором воспитателя, которого она, однако, не сменила и после кончины Елизаветы. Много лет спустя, в 1793 году, говоря о воспитании старшего своего внука, великого князя Александра Павловича, Екатерина сказала Храповицкому: «Какая разность между воспитанием его и отцовским. Там не было мне воли сначала, а после, о политических причинах, не брала от Панина. Все думали, что ежели не Панина, так он пропал».¹

Из записок Порошина мы узнаем кое-что о неблагоприятных условиях воспитания великого князя.² Постоянно окруженный взрослыми, в своих разговорах несколько не стеснявшимся присутствием царственного отрока, он слышал о многом, чего не подобало знать мальчику. Из некоторых замечаний Порошина видно, что Павел уже довольно рано обнаруживал некоторую странность воззрений, нетвердость и изменчивость привязанностей. Порошин однажды сказал великому князю: «С лучшими намерениями мире вы будете ненавидимы».³ Другой наставник Павла, иеромонах Платон, рассказывает о его нраве в молодости следующее: «Великий князь был собою склонен и к военной науке и часто переходил с одного предмета на другой, не имея терпеливого к одной вещи внимания, и наружностью всею в глаза бросающеюся более прельщался, нежели углублялся во внутренность».⁴ Императрицу упрекали в том, что она недостаточно заботилась о воспитании Павла. Княгиня Дашкова утверждает, что великий князь в отеческом возрасте производил впечатление неудачно и медленно развивающегося мальчика.⁵ Напротив, барон Димсдаль говорил следующее о неблагоприятных условиях воспитания великого князя: «Он очень ловок, силен и крепок, приветлив, весел и очень рассудителен, что не трудно заметить из его разговоров, в которых очень много остроумия. Что касается до воспитания, то едва ли есть принц, которому было бы оказано более внимания. Он имеет по всем наукам отличных учителей» и пр.⁶

Мы видели выше (во второй части настоящего труда), что в первое время царствования Екатерины Павел бессознательно разыгрывал роль

¹ Храповицкий, 20 июля 1793 г.

² См. фрагмент записок Порошина в «Русском Архиве», 1869, стр. 1 и след.

³ См. «Зап. Порошина», также «Русскую Старину», IX, 668 и след. Соловьева, XVI, 237—258. Особенно резкие отзывы о Панине, как воспитателе, у Лебедева, р. 37 и след.

⁴ Кобеко, 28.

⁵ Там же, 44—47; «Русский Архив», 1874, I, 1281; Memoirs of the pr. Dashkew, 144.

⁶ «Сб. Ист. Общ.», II, 322.

претендента. Ходили разные слухи о том, будто некоторые из знатнейших сановников мечтали о воцарении великого князя. Рассказывали, что Алексей Орлов старался убедить императрицу в необходимости возведения на престол Павла, как только он достигнет совершеннолетия, что также же внушения делал Екатерине Сальдерн,¹ что Панин действовал в этом же направлении.

Можно считать вероятным, что, в случае брака Екатерины с Грингорнем Орловым положение Павла сделалось бы критическим. Размолвка императрицы с Орловым имела благоприятные последствия в том отношении, что Екатерина сделалась ласковее к Павлу.² Множество кратких записок императрицы к Панину, в которых упоминается о великом князе, свидетельствует о том, что она внимательно следила за воспитанием сына и что вообще отношения между Екатериной и великим князем в это время были вполне удовлетворительны.³ То же самое впечатлительно производят некоторые замечания в письмах Екатерины к г-же Бьельке. Так, например, описывая веселую жизнь в Царском Селе летом 1772 года, императрица говорит: «Никогда мы так не веселились в Царском Селе, как в эти девять недель, проведенные с моим сыном, который делается красным мальчиком». В другом письме: «Во вторник я снова отправляюсь в город с моим сыном, который уже не хочет оставлять меня ни на шаг и которого я имею честь так хорошо забавлять, что он за столом иногда подменивает записки, чтобы сидеть со мной рядом; я думаю, что мало можно найти примеров такого согласия в расположении духа».⁴ В 1773 году в одной из записок Екатерины к Павлу сказано: «Я назначу час или два в неделю, по утрам, в которые вы будете приходить ко мне один для слушания дел. Таким образом вы ознакомитесь с ходом дел, с законами страны и с моими правительственными принципами». Однако Павел не имел участия в делах управления. Напротив того, Екатерина ревниво следила за тем, чтобы никто не осмелывался даже обращаться к нему с какими-нибудь просьбами.⁵

К 1774 году относятся следующие замечания в депешах английского посланника: «Императрица, как говорят, удвоила внимание к его императорскому высочеству и особенно отличает Панина...» «Императрица имеет полное основание быть довольной великим князем. Недавно она высказала,

¹ «Russische Günstlinge», 378.

² Кобеко, 66.

³ См. эти письма в X т. «Сб. Ист. Общ.», напр., стр. 280—281.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 260 и 266.

⁵ Кобеко, 98—99.



Son Altesse

PAUL

Imperiale

PETROVITCH

GRAND DUC

de Russie. &c. &c. &c.

Dedie a Son Altesse Imperiale

MADAME LA GRANDE DUCHESSE,

Par Son tres humble et tres Obeissant Serviteur.

Published as the Act duca 21^e April 1781.

Gab. Skorodumoff

Великий князь Павел Петрович в 1781 году.

С гравированного портрета Скородумова.



*Maria Feodorovna de Wurtemberg Grande Duchesse de Russie
en costume Francois, née le 25. oct. 1759. Marié en 1776. à Paul
Petrovitch Grand Duc de Russie vint à Paris en mai 1782*

Великая княгиня Мария Фёдоровна
С гравированного портрета 1782 года.

что обязана великой княгине за то, что ей возвращен ее сын, и что она поставит задачей своей жизни доказать свою признательность за такую услугу».¹ Впрочем, случались и недоразумения, появлялось раздражение. Так, например, в письме к Гримму от 20 декабря 1774 года императрица жаловалась на великую княгиню: «Она во всем любит крайности... не слушается никаких советов... не видно ни привлекательности, ни ума, ни благоразумия... не учится русскому языку» и пр.² Когда Наталья Алексеевна скончалась, Екатерина тотчас же стала думать о втором браке Павла. Во время поездки великого князя в Берлин, где он должен был встретиться с избранною для него невестою, виртембергскою принцессою — впоследствии Марией Феодоровной — мать и сын обменивались многими письмами, отличавшимися искренностью и непринужденностью. В них, между прочим, затрагивались вопросы, касавшиеся администрации.³

Пребывание Павла в Берлине и знакомство с Фридрихом II повело к тому, что великий князь пристрастился к Пруссии, тогда как Екатерина в то же время склонялась к сближению с Австрией. Таким образом, политические воззрения императрицы и великого князя разделились. Современники утверждают, что Екатерина все более и более старалась удалить великого князя от дел.⁴ Впрочем, в кружках иностранных дипломатов невысоко ценили способности Павла. Антагонизм между императрицей и «молодым двором» усиливался. Мы знаем, каким образом в 1780 году произошло некоторое сближение между племянником Фридриха II и Павлом в то именно время, как императрица в обращении с прусским принцем Фридрихом Вильгельмом II выказывала явную холодность.

По желанию Екатерины Павел Петрович и Мария Феодоровна должны были предпринять путешествие в Западную Европу (в 1781—1782). При этом возникли недоразумения. Императрица не позволяла, чтобы Берлин сделался целью путешествия. Панин старался внушить Павлу мысль, что за этим путешествием скрываются самые пагубные намерения, что может быть решено, что он никогда не вернется в Россию, и т. д.⁵ Павел оказался так мало посвященным в тайны политики Екатерины, что в Вене только от самого императора узнал о заключении австро-русского

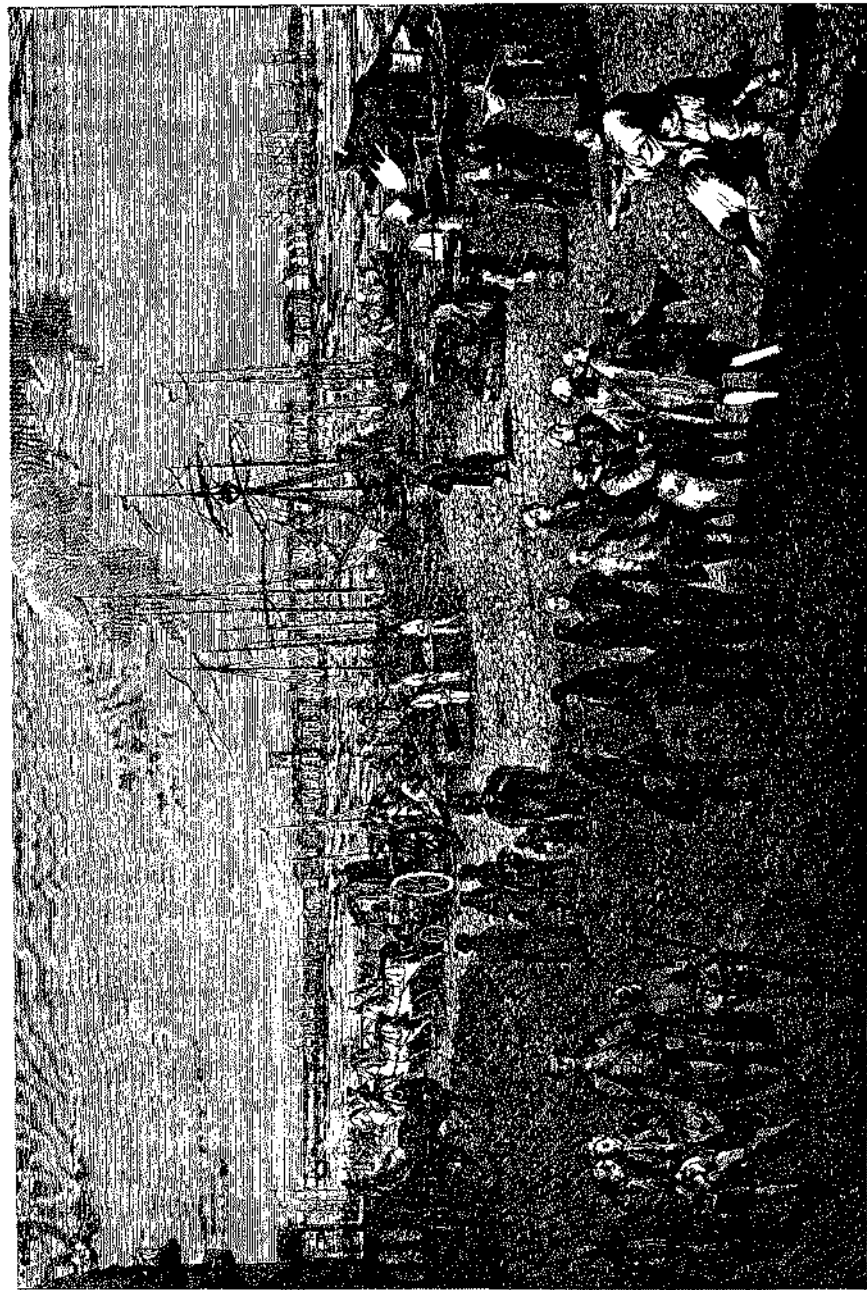
¹ «Сб. Ист. Общ.», XIX, 408—410.

² Там же, XXIII, 12.

³ Там же, XXVII, 83, 87, 91, 97—99, 105.

⁴ См. замечания Голицына в «Русском Архиве», 1874, I, 1281 и след.; Harris, I, 228.

⁵ Harris, 432—469.



Осмотр великим князем Павлом Петровичем работ на набережной Невы в 1775 году.
С гравюры 18-го века Л.-Ба. сделанной с картины Лепренса.

союза.¹ Когда во время пребывания Павла в Вене хотели дать на сцене трагедию Шекспира «Гамлет», актер, который должен был исполнять эту роль, объявил, что считает неуместным играть ее в присутствии «русского Гамлета».² Во Флоренции Павел путешествовал под именем графа Северного, беседуя с великим герцогом Леопольдом, вообще резко порицал политические виды своей матери и жаловался, что некоторые из главных сановников в России, например, Потемкин, Безбородко, Бакунин, Воронцовы, Морков «куплены венским двором». «Лишь только я буду иметь власть», говорил Павел, «я их награжу розгами,³ уничтожу и выгоню».⁴ Иосиф II высказал свое убеждение, что отношения между Екатериной и Павлом должны будут ухудшиться.⁵ Впрочем, во все время путешествия великого князя и его супруги они поддерживали довольно оживленную переписку с императрицей; о политике в письмах не говорилось, но они вообще производят благоприятное впечатление.⁶

По возвращении путешественников из-за границы не было недостатка в поводах к недоразумениям и столкновениям. Великий князь и Мария Феодоровна были недовольны тем, что не могли принимать никакого участия в воспитании их сыновей, находившихся исключительно под надзором бабки. Брат Марии Феодоровны, находившийся в русской службе, варварским обращением с женой навлек на себя негодование Екатерины и должен был оставить Россию.⁷ Когда в 1787 году императрица пожелала взять с собой в Крым великих князей Александра и Константина, родители, оставшиеся в Петербурге, были крайне раздражены этим, так что и по этому поводу возникли довольно сильные пререкания.⁸

Когда совершился разрыв с Турцией, Павел выразил желание участвовать в походе, но Екатерина не хотела дать на это позволения и между прочим писала к Потемкину, что пребывание великого князя в лагере мог-

¹ Arneth, «Joseph II und Katharina», 117.

² Иосиф II подарил за то актеру 50 червонцев. Письмо Моцарта к его отцу, в соч. Оттона Яна о Моцарте, т. III, 47.

³ «Je les ferai ausruthen».

⁴ Arneth, «Joseph II und Leopold von Toskana», I, 120; См. оправдание Безбородко в соч. Григоровича; см. «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 83.

⁵ Кобеко, 232.

⁶ «Сб. Ист. Общ.», IX, 64.

⁷ «Сб. Ист. Общ.», XV, 27—36. Гарновский в «Русской Старине», XV, 18 и след. О виртембергской принцессе и ее несколько загадочной кончине в замке Лоде, близ Ревеля, сохранились странные слухи, которые не заслуживают доверия.

⁸ Там же, XV, 39—40, «Русская Старина», VIII, 606, 618.

ло бы сделаться довольно тягостным для главиокомандующего.¹ Поездка Павла на юг впрочем не состоялась потому, что на севере началась война со Швецией.² Когда великий князь затем отправился в Финляндию для участия в военных операциях, генералу Кноррингу, говорят, было вменено в обязанность не посвящать Павла в тайны военных операций.³ В эпоху кризиса в области внешней политики в 1789—1791 годах, когда можно



Медаль, выбитая по случаю бракосочетания
в. к. Павла Петровича с в. к. Марией Феодоровной.

было ожидать разрыва между Россией и Пруссией, великий князь Павел Петрович очутился в столь же неловком положении, в каком находился Петр Феодорович во время семилетней войны. Всем было известно, что наследник престола сочувствовал Пруссии, между тем как Екатерина счи-

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 466.

² Зап. Гарновского в «Русской Старине», XVI, 10, 12.

³ См. статью Бернгарди в его «Vermischte Schriften», I, 119—131; там же повторяется нелепая басня о «Горе-Богатыре», в котором будто был осмеян Павел; мое опровержение этого мнения см. в журнале «Russische Revue», XII, 22—23.

тала ее опаснейшим прогивником и ненавидела Фридриха Вильгельма II.¹ Таким образом, воззрения Павла сталкивались с видами Екатерины. Еще и прежде обнаруживалось между ними подобное же разногласие по поводу восточного вопроса. Павел не одобрял «греческого проекта», причем мать упрекнула его в неспособности усваивать себе возвышенные мысли.² Нередко великий князь отзывался чрезвычайно неблагоприятно о лицах, пользовавшихся уважением и доверием Екатерины.³ В свою очередь, и эти лица не щадили Павла. Бывали случаи невнимательного и бесцеремонного обращения Потемкина с великим князем. Когда однажды за обедом императрицы великий князь по какому-то вопросу выразил свое согласие с мнением Зубова, фаворит отозвался нагло: «Разве я сказал какую-нибудь глупость?»⁴ Не иначе, как в виде исключения, императрица беседовала с Павлом о делах политики.⁵ Когда Сегюр перед возвращением во Францию приехал в Гатчину, чтобы проститься с наследником, Павел не без раздражения жаловался на свое затруднительное положение, говорил не без опасения о будущем, изъявил сожаление о том, что императрица не доверяет ему, боится его и пр.⁶ Когда Павел в 1789 году выразил желание участвовать в военных действиях, Екатерина ни за что не хотела дозволить ему отправиться в поход.⁷ По словам одного иностранного дипломата, великий князь в это время не пользовался никаким значением.⁸ Тот же современник рассказывает о следующем эпизоде. Группа немецких актеров хотела было поставить на сцене трагедию «Гамлет». Сначала директор театров выразил согласие, но затем, однако, узнав содержание пьесы, решительно запретил ее представление. Публике это стало известно и, разумеется, возбудило любопытство; все хотели прочесть «Гамлета», покупали пьесу за большие деньги и очень верно объясняли себе причину, по которой она была запрещена в театре.⁹

В антагонизме между императрицей и лицами, ее окружавшими с одной стороны, и «молодым двором» — с другой, была значительная доля

¹ Гарновский в «Русской Старине». XVI, 438; «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 404; «Архив князя Воронцова», IX, 165.

² «De n'avoir pas des idées élevées». См. Zinkeisen, «Gesch. d. osman. Reiches», VI, 268, 311.

³ См., напр., его отзыв о Румянцеве у Гарновского в «Русской Старине»; XVI, 7.

⁴ «Русская Старина», XVII, 453.

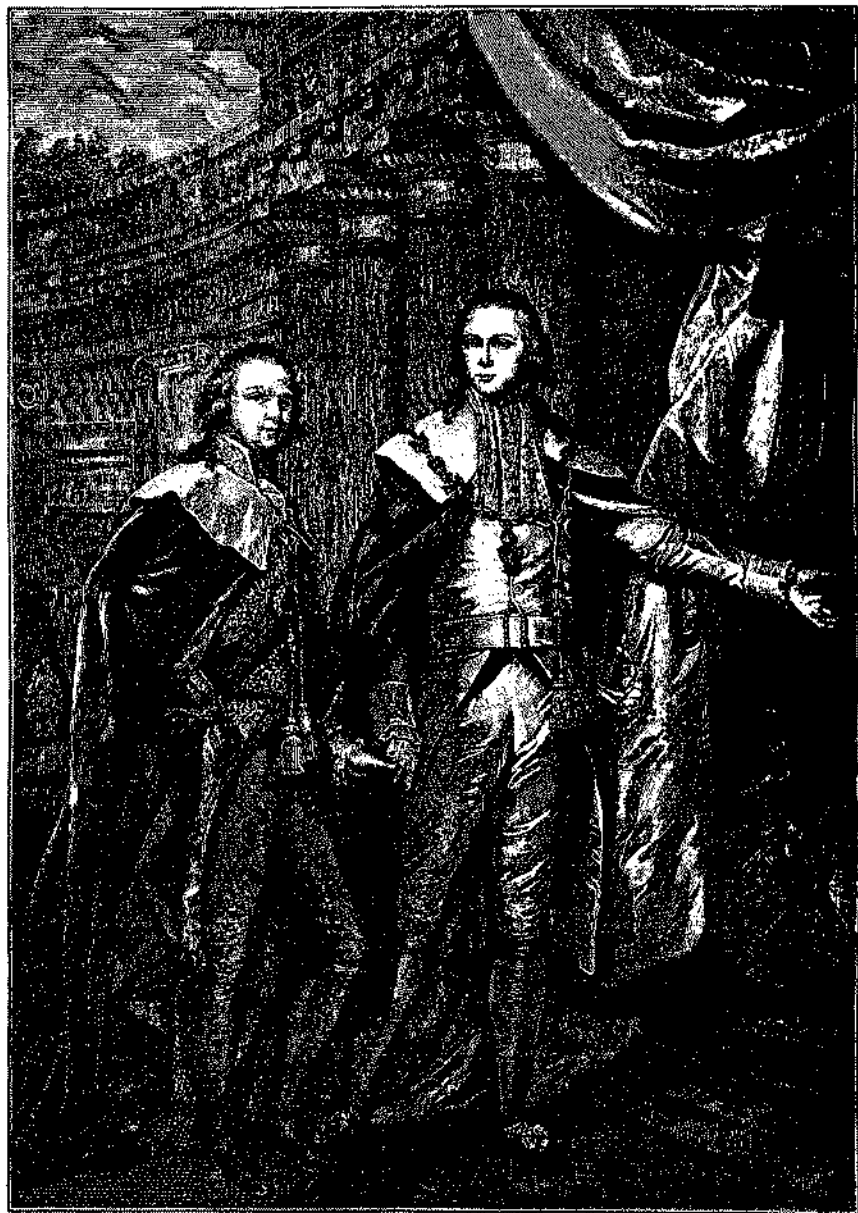
⁵ Там же, VIII, 652—653.

⁶ Ségur, III, 532.

⁷ «Сб. Ист. Общ.», XV, 156.

⁸ Гельбиг, в «Ergänzungsband» Германа, 104.

⁹ Herrmann, «Ergänzungsband», 105.



Великие князья Александр и Константин Павловичи.
С портрета Ламни, находящегося в Эрмитаже.

мелочности. Рассказывали, что когда Екатерина однажды запретила носить особенно роскошные уборы и платья, эта мера была направлена главным образом против великой княгини Марии Феодоровны. Когда Мамопов стал относиться к молодому двору с особенным вниманием, Екатерина выразила ему свое неудовольствие. Потемкин осыпал упреками одного сановника за то, что последний был на балу, устроенном великокняжеской четой. Дашкова не ездила в Гатчину, говоря, что считает ниже своего достоинства разыгрывать там роль шпиона. Когда начались переговоры о браке дочери Павла со шведским королем Густавом IV, родители невесты играли в придворных празднествах довольно бледную роль и оставались на заднем плане. То же самое бросалось в глаза и при бракосочетаниях Александра и Константина. Вдобавок молодой двор постоянно нуждался в деньгах; императрица обращала очень мало внимания на нужды великого князя и его супруги.¹

Александр

В письмах Екатерины к барону Гримму почти вовсе не упоминается о Павле; немногие проскальзывающие замечания являются как бы случайными и внешними; о характере наследника или об отношении к нему императрицы не говорится ни слова. Совсем иную роль играет в этих письмах великий князь Александр Павлович. Из относящихся к нему замечаний Екатерины видно, что она страстно любила своего внука.

Сообщая Гримму о рождении Александра, императрица замечает между прочим: «Что ж такого особенного выйдет из этого мальчика... Жаль, что феи вышли из моды; они наделили бы вам ребенка всем, чем угодно; я бы их щедро вознаградила и шепнула бы им на ухо: природы, милостивые государыни, запасите природы; остальное почти все есть дело природы». В другом письме сказано о воспитании ребенка, о мерах для удачного физического развития его и пр.²

В письме к королю Густаву III императрица сообщила некоторые подробности о приемах ухаживания за ребенком, причем обращалось особенное внимание на гигиенические условия; для большей наглядности

¹ Анекдотические черты разного рода в сочинении Кобеко. Довольно интересные замечания у Ростопчина в «Русском Архиве», 1876, I, 106 и след. О недостатках в деньгах см. «Русскую Старину», IX, 53.

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 72, 83.

Екатерина отправила к Густаву и куклу с той самой корзиной, в которой лежал первое время по рождении великий князь.¹

Во всех отношениях и чрезвычайно тщательно Екатерина руководила всеми подробностями воспитания внука. Она была в восхищении от



Екатерина II с семейством в Царскосельском саду.
С гравюры Бергера, сделанной по рисунку с натуры Антинга.

необычайных способностей его. Ежедневно, несколько часов сряду ребснюк находился в комнате бабки; она с ним играла, выбирала и выдумывала для него игрушки. Понятно, что мальчик всей душой привязался к ней. Вскоре она стала сочинять для него детские книги, изобретала для него костюмы с целью лучшего сохранения его здоровья; рисунок такой одежды приложен к

¹ См. мою статью «Записка императрицы Екатерины о младенчестве великого князя Александра Павловича», в «Русском Архиве», 1871, стр. 1519—1524.

одному из писем Екатерины к Гримму. Особенно подробно императрица описывала игры и забавы Александра, сообщала о сделанных им замечаниях и вопросах, о его красоте, веселости. Когда ему было четыре года, Екатерина сама начала учить его арифметике; когда он выучился грамоте, императрица радовалась его страсти к книгам. Мелочи бесед, происходивших между Екатериной и ее внуком и воспроизведенных в письмах к Гримму, свидетельствуют о необычайной способности императрицы входить в положение ребенка, приспосабливаться к его понятиям и интересам.¹

С подобным же вниманием, с той же заботливостью Екатерина занималась воспитанием великого князя Константина Павловича. В 1784 году она составила подробную инструкцию для воспитателей и наставников своих внуков. Этот педагогический труд казался ей особенно удавшимся, так что она любила раздавать при случае списки его разным лицам. В инструкции, составленной Екатериной, главное внимание было обращено на гигиенические условия, на физическое воспитание, на развитие силы воображения ребенка, на возбуждение в детях чувства сострадания и пр. Некоторые замечания свидетельствуют о необычайной психологической наблюдательности императрицы; в них заметно влияние господствовавших в то время на западе педагогических теорий.²

Благодаря всему этому Александр воспитывался весьма тщательно. У него были замечательные наставники: Массон учил его математике, Паллас естественным наукам. Особенно многим был он обязан Лагарпу, возбудившему в нем любовь к человечеству, уважение к прирожденным правам всех и каждого. О том, в какой мере серьезно Лагарп занимался воспитанием великого князя, свидетельствуют хранящиеся в Императорской Публичной Библиотеке в С.-Петербурге учебные книги и тетради последнего.

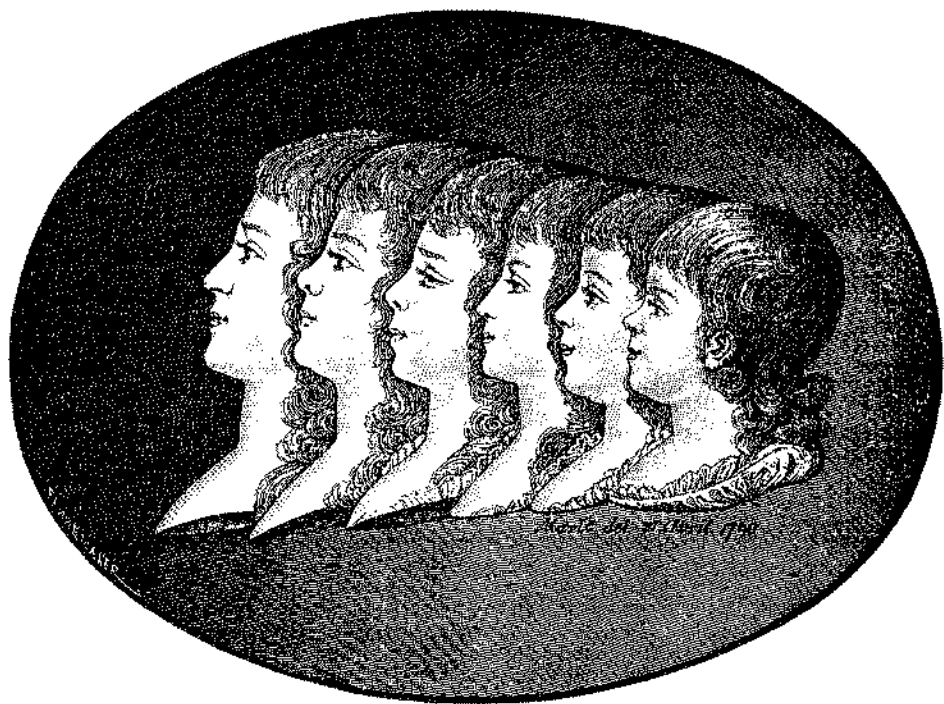
Летом Александр и Константин обыкновенно находились на даче вместе с Екатериной, работали в саду, предпринимали поездки и пр. Императрица с восхищением следила за развитием их способностей. Александр в короткое время выучился английскому языку, обнаруживал ловкость при изучении столярного ремесла, отличался способностью к драматическому искусству, верховой езде и пр. Екатерина в своих письмах к Гримму весьма подробно рассказывала обо всем этом.³

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 143, 149, 153, 159, 160, 176, 184, 205, 214, 223, 231, 233, 252, 273, 274.

² См. мою статью «Festrede am hundertjährigen Geburtsfeste Alexanders I». Dorpat, 1878.

³ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 279, 282, 288—89, 298, 327, 337, 338, 377, 498 и пр.

Каково было отношение Екатерины к внукам, видно также из многих писем ее к великим князьям, писанным во время путешествий в Финляндию в 1783 году, в Вышний Волочок в 1785 году, в Крым в 1787 году. Эти письма могут считаться образцами игривости, любезности в обращении взрослых с детьми; они свидетельствуют о необычайной сердечной теплоте, об истинной любви Екатерины к внукам.¹



Великие князья Александр и Константин Павловичи
и великие княжны Александра, Ольга, Мария и Екатерина Павловны.
С гравюры Валькера, сделанной с камеи, исполненной в. к. Марией Федоровной.

Окончив воспитание великих князей Александра и Константина, Екатерина позаботилась о их жеитьбе. Об этом говорится весьма подробно в письмах к Гримму. Императрица была в восхищении от невесты ве-

¹ Письма и бумаги Екатерины, изд. Бычковым. Спб. 1873, стр. 23 и след., 28 и след., 36 и след., 44 и след.

ликого князя Александра Павловича, принцессы Елизаветы. Столь же тщательно она заботилась о женитьбе Константина Павловича.¹

Не все лица, находившиеся при дворе, были в той же мере, как Екатерина, очарованы характерами, способностями и успехами великих князей. В письмах и записках Лагарпа, Массона, иностранных дипломатов и других встречаются гораздо менее благоприятные отзывы об Александре и Константине.² Как бы то ни было, громадная разница в отношении Екатерины к сыну и внукам ярко бросается в глаза. Эта разница могла иметь громадное значение при решении вопроса о престолонаследии.

Вопрос о престолонаследии

В то время еще не существовало точно определенных правил престолонаследия в России. Лишь при императоре Павле, право которого на престол до 1796 года являлось некоторым образом спорным, был установлен точно определенный порядок престолонаследия. До 1796 года решение вопроса, кому быть преемником, зависело от усмотрения императрицы. Обстоятельства воцарения Екатерины создали некоторые затруднения относительно прав Павла на престол.

Впрочем, в продолжение всего царствования Екатерины великий князь Павел Петрович считался наследником. Между бумагами Екатерины сохранился сочиненный, как кажется, во время заседаний Большой Комиссии, собственноручный ее проект закона о престолонаследии, в котором Павел прямо назван наследником. Этот закон, однако, никогда не был обнародован.³

В девяностых годах, когда императрица чаще прежнего подвергалась приступам болезней, вопрос о престолонаследии становился чрезвычайно важным.⁴ Его обсуждали в разных кружках Петербургского об-

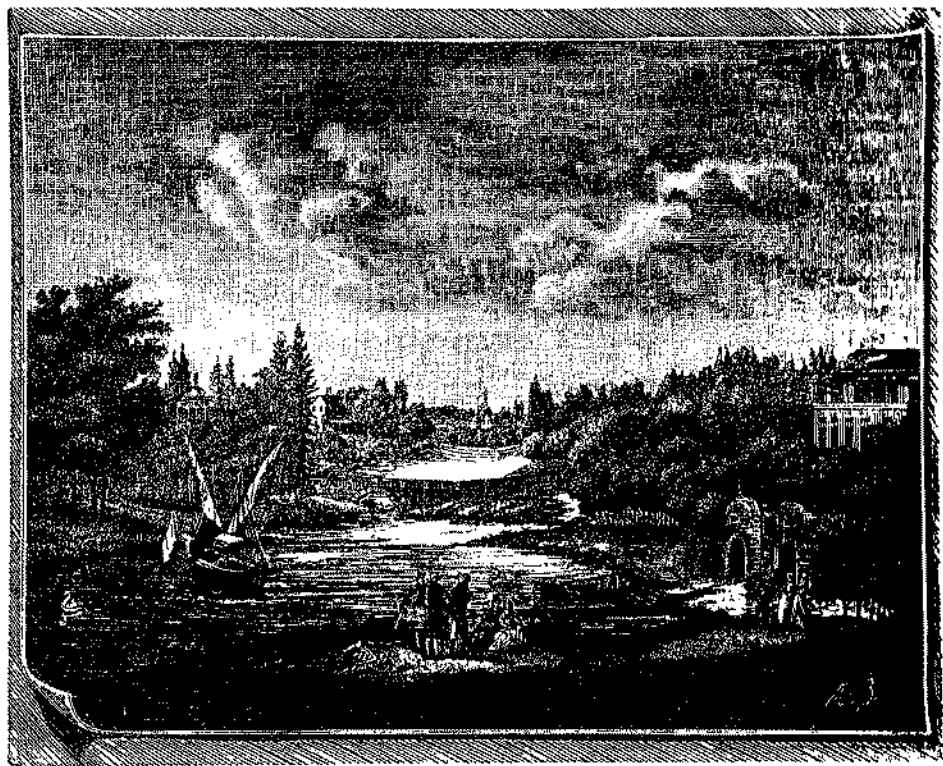
¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 574, 645, 664, 678—679.

² Masson, «Mémoires secrets», I, 19, 46, 124, 333. Донесение Фёлкерзама у Германа. «Ergänzungsband», 530. Жалобы Лагарпа, в «Русской Старине», XIX, 225—239 и I, 407; «Архив кн. Воронцова», XV, 20, 27, 29, 56; «Русский Архив», 1876, I, 118; Кобеко, 338.

³ Сообщ. Гильфердингом в «Русской Старине», XII, 384—385. В этом проекте упомянуто о Большом Наказе и об открытии Большой Комиссии; достойно внимания определение, что, если наследник во время упразднения престола не достиг 21 года, должна царствовать мать его до ее кончины. Это определение вполне соответствовало положению дел при Екатерине.

⁴ Зибелем в «Historische Zeitschrift», V, 94 и след., была высказана мысль, что изданные в Лондоне записки Екатерины были написаны ею собственно для

щества. Неоднократно было высказано предположение, что Павел не будет преемником Екатерины. Рассказывали, что императрица опасалась какого-либо враждебного действия со стороны Павла, и что это обстоятельство заставило ее пригласить в Петербург из Белоруссии Пассека и Архарова из Москвы для принятия особенных мер предосторожности и



ДАЧА В.К. АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, БЛИЗ ПАВЛОВСКА.
Вид дома и грота.

С рисунка, находящегося в весьма редком издании:
«Александрово, увеселительный сад в. к. Александра Павловича». Харьков, 1810 г.

Петербурге.¹ Уже в 1782 году ходили слухи о намерении Екатерины отнять у Павла право на престол и назначить Александра наследни-

Павла, с целью выставить на вид, что императрица каждую минуту может лишиться его права на престолонаследие. Эта гипотеза нам кажется натяжкой.

¹ Зап. Ф. Голицына в «Русск. Арх.», 1874, I, 1304.

ком.¹ По мере того, как усиливался антагонизм между императрицей и Павлом Петровичем, по мере того как обнаруживались все более и более неблагоприятные черты нрава великого князя, мысль об устранении его от престолонаследия казалась сообразной с интересами империи.² Английский посланник Уйтуорт в 1794 году доносил своему правительству о



ДАЧА В.К. АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, БЛИЗ ПАВЛОВСКА.
Храм Фелицы в саду.

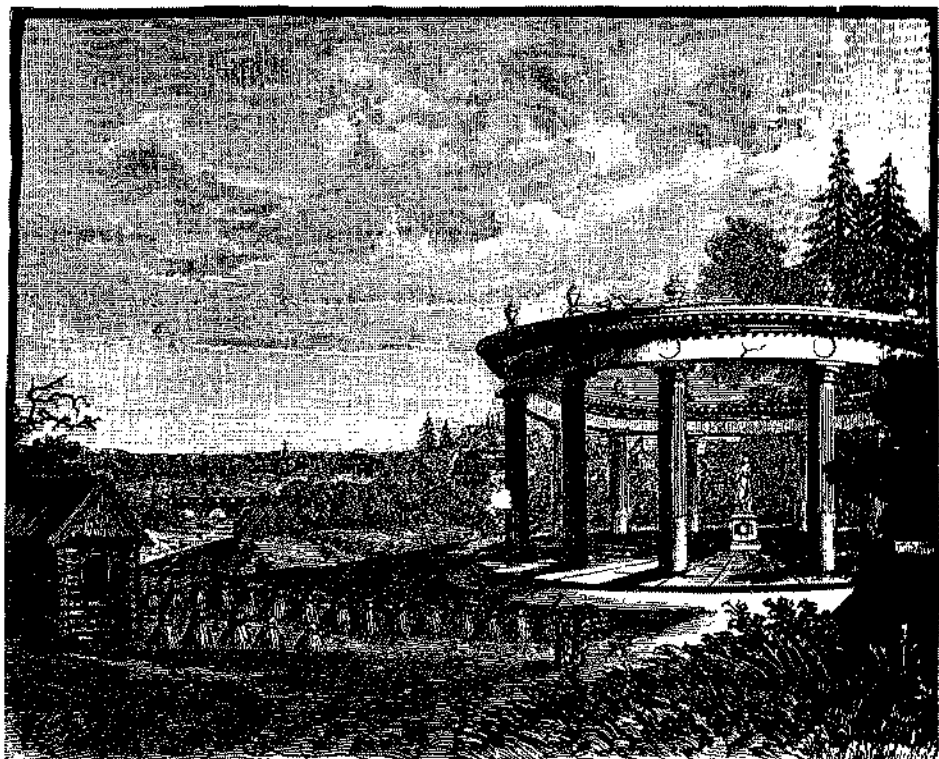
С рисунка, находящегося в весьма редком издании:
«Александрово, увеселительный сад в. к. Александра Павловича». Харьков, 1810 г.

распространенном в публике предположении, что императрица намерена «устранить» от престолонаследия своего сына в пользу Александра.

¹ Harris, II, 19.

² См. письмо Ростопчина к Воронцову в 1793 году, в «Русском Архиве» 1876 года, I, 116.

«Впрочем», сказано далее в депеше Уйгуорта, «я не думаю, что императрица зайдет так далеко; она хорошо знает Россию и поймет, что столь произвольное действие в такое время сопряжено с некоторой опасностью».¹ Рассказывали, что Екатерина, боявшаяся смерти, вообще избегала думать о том, что будет после ее кончины.² Рассказывали далее, что



ДАЧА В.К. АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, БЛИЗ ПАВЛОВСКА.
Храм Цереры в саду.

С рисунка, находящегося в весьма редком издании:
«Александрово, увеселительный сад в. к. Александра Павловича». Харьков, 1810 г.

императрица в беседе с Лагарпом об этом предмете, распространяясь о неблагоприятных качествах сына, указывала прямо на невозможность

¹ Herrmann, «Ergänzungsband», 527—528.

² Masson, I, 183.

предоставить ему управленис, так что, как видно, мысль о будущности империи все-таки занимала Екатерину.¹

Еще в 1791 году случалось иногда, что Екатерина беседовала с великим князем Александром Павловичем о таких делах, о которых узнавал Павел лишь тогда, когда узнавала о них публика. Указывая на такие эпизоды, один из иностранных дипломатов высказал предположение, что подобный образ действий, может быть, находится в связи с известного рода намерениями и относительно престолонаследия.² Следующее обстоятельство также заслуживает внимания: в одном из своих писем к Гримму в 1791 году, говоря о положении Франции, Екатерина заметила: «Если рволюция охватит всю Европу, тогда явится опять Чингиз или Тамерлан и усмирит ее... Но этого не будет ни в мое царствование, ни, надеюсь, в царствование Александра»³. Значит, императрица предполагала, что не будет промежутка между ее царствованием и Александра. О Павле не было речи. Сообщая в 1793 году о каком-то новом столкновении между Екатериной и Павлом, саксонский дипломат пишет: «Если великий князь не изменит совершенно в ближайшем будущем своего образа действий, то он находится в опасности: его лишат права наследства в пользу сего сына. Известно, что уже несколько лет тому назад было намерение исключить его от престолонаследия».⁴

Незадолго до кончины Екатерины Ростопчин писал к Воронцову, русскому послу в Англии, об отношениях между Екатериной и Павлом: «По-видимому, между ними доброе согласие, такое, по крайней мере, какое возможно между 70-летней (sic) матерью и 42-летним наследником, который изнемогает от досады и ждет не дождется, когда ему вступить на престол...».⁵

Рассказывали о следующем эпизоде. В последние годы царствования Екатерины духовник ее, отец Савва, был избран также в духовники Павлу; однажды на исповеди он спросил у великого князя: «не имеет ли чего на душе против государыни-матери?» Тотчас же после воцарения Павел велел арестовать и допросить отца Савву: не имел ли он тайного повеления от покойной государыни на исповеди узнать о намерениях великого князя и не думал ли, что он о чем-нибудь проговорится? Духовник был оправдан, но его уволили на покой.⁶

¹ Там же, немецк. изд., III, 2, 80.

² Деша Гельбига в изд. Германа «Ergänzungsband», 106.

³ 1 сент. 1791. «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 555.

⁴ Herrmann, «Ergänzungsband», 413.

⁵ «Русский Архив», 1876, I, 407.

⁶ Карабанов узнал об этом случае от графа Мусина-Пушкина, с которым Павел говорил о Савве. См. «Русскую Старину», VI, 87—88.



Екатерина II, Павел I и Александр I в медальоне.
С редкой гравюры Болдта.

Аббат Жоржель, находившийся в России с 1799 до 1800 года, говорил в своих записках: «Екатерина II хотела назначить Александра своим преемником, и если бы она прожила еще месяца два или три, то Павел никогда не вступил бы на русский престол».¹

И другие современники разделяли предположение о намерении Екатерины возвести на престол не Павла, а Александра. Тотчас же после воцарения внука Екатерины Державин воспел это событие в оде, в которой особенно поражала всех своей смелостью строфа, представляющая Екатерину в облаках:

Стоит в порфире и вещает,
Сквозь дверь небесну долу зря:
«Се небо ныне посылает
Вам внука моего в царя.
Взирать вы прежде не хотели
И презрели мою любовь,
Вы сами от себя терпели:
Я ныне вас спасаю вновь».
Рекла, — и тень ее во блеске,
Как радуга, сокрылась в свет.²

По замечанию одного из новейших исследователей, здесь поэт как будто «ставит обществу в вину, что оно прежде не позаботилось о возведении Александра на престол, как этого желала Екатерина; что ему должно было бы не допускать Павла до престола: оно этого не сделало, и потому терпело само от себя».³ Издатель сочинений Державина по этому поводу замечает, что едва ли сам поэт придавал имени такой смысл своим словам; обращаясь к русским вообще, императрица могла употребить известную риторическую фигуру и разуметь вместо целого только часть, то есть тех или того, кто, по преданию, скрыл приписываемое ей завещание об устранении сына ее от престола.⁴

Достоин внимания рассказ Саблукова о последнем времени царствования Екатерины: «По природе вспыльчивый и горячий, Павел был очень раздражен своим отстранением от престола, который, согласно обычаю

¹ Древняя и Новая Россия, 1878, III, 327.

² Грот, Соч. Державина, II, 359.

³ Пыпин, «Общественное движение при Александре», I, 52.

⁴ Грот, VIII, 774—775. Александр не только не прогневался на Державина за эту оду, но еще пожаловал ему бриллиантовый перстень в 5000 р.

посещенных им иностранных дворов, он считал своим законным достоинством. Всем стало известно, что он с каждым днем нетерпеливее и решительнее порицает правительственную систему матери. Екатерина, со своей стороны, становилась старая и немощная; у нее уже был легкий припадок паралича, после которого она вполне не оправилась. Она искренне любила Россию и была действительно любима всем народом; она не могла думать без



Медаль, выбитая по случаю бракосочетания
в. к. Александра Павловича с в. к. Елизаветой Алексеевной.

страха о том, что великое государство, выдвинутое ею столь быстро на путь благоденствия, славы и образованности, останется после нее без всяких гарантий прочного существования, в особенности в такое время, когда комитет общественной безопасности¹ заставлял дрожать на престолных почти всех монархов Европы и потрясал старинные учреждения в самых их основаниях. Екатерина уже сделала многое для конституционного развития (sic) своего государства, и если бы она могла заставить наследники

¹ «Comité de salut public» в Париже.

престола войти в ее виды и намерения и склониться на то, чтобы сделаться конституционным (sic) государем, она умерла бы спокойно и без опасений за будущее благоденствие России. Мнения, вкусы и привычки Павла делали такие надежды совершенно тщетными, и достоверно известно, что в последние годы царствования Екатерины между ее ближайшими советниками было решено, что Павел будет устранен от престолонаследия, если он откажется присягнуть в верности конституции уже начертанной (sic), в каком случае был бы назначен наследником сын его Александр с условием, чтобы он соблюдал новую конституцию. Слухи о подобном намерении ходили беспрестанно, хотя еще не было известно ничего достоверного. Однако же говорили с уверенностью, что 1 января 1797 года будет обнародован весьма важный манифест, и в то время было замечено, что великий князь Павел Петрович является ко двору редко и то лишь в торжественные приемы, и что он все более оказывает пристрастия к своим опрусаченным войскам и ко всем своим гатчинским учреждениям».¹

С разных сторон утверждали, что Екатерина готовила распоряжение об устранении от престолонаследия Павла и о возведении на престол Александра. Так, например, в записках Фонвизина рассказано, что бумага такого содержания, хранившаяся у Безбородко, должна была быть опубликована в день тезоименитства императрицы, то есть 24 ноября 1796 года, но что случившаяся за две недели до этого кончина императрицы совершенно изменила положение дел, и что Безбородко счел нужным сообщить Павлу о таком распоряжении, когда сын умирающей императрицы уже взял в свои руки бразды правления.

Чрезвычайно любопытен также следующий рассказ князя Сергея Михайловича Голицына: «По смерти императрицы Екатерины II кабинет ее был запечатан несколько дней; император Павел Петрович позвал великого князя Александра Павловича, князя Александра Борисовича Куракина и (кажется) Ростопчина и велел им открыть кабинет и разобрать бумаги. Александр Павлович с Куракиным и Ростопчиным втроем отправились в кабинет; там нашли они, между прочим, дело о Петре III, перевязанное черной ленточкой, и завещание Екатерины, в котором она говорила о совершенном отстранении от престола великого князя Павла Петровича, вступлении на престол великого князя Александра Павловича, а до его совершеннолетия назначила регентшею великую княгиню Марию Феодоровну. Александр Павлович по прочтении сего завещания обратился к Куракину

¹ «Русский Архив», 1869, 1881—1883.



Великая княгиня Александра Павловна.
С портрета, писанного Боровиковским и находящегося в Эрмитаже.

и Ростопчину и взял с них клятву, что они об этом завещании умолчат; после этого он бросил завещание в топившуюся печку. По возвращении к Павлу Петровичу он спросил их, что они нашли; они сказали ему. Потом он спросил: Нет ли чего обо мне? — Ничего нет, — отвечал Александр Павлович. Тогда Павел перекрестился и сказал: Ну, слава Богу!»¹

И в записках Саблукова упоминается об уничтожении каких-то деловых бумаг в минуту воцарения Павла. Там сказано: «До нас дошли любопытные слухи о том, что произошло во дворце по прибытии нового императора: говорили, что он с графом Безбородко деятельно занимался жежением бумаг и документов в кабинете ее величества».²

В записках Энгельгардта сказано: «Говорят, что императрица сделала духовную, чтобы наследник был отчужден от престола, а по ней бы принял скипетр внук ее Александр, и что она хранилась у графа Безбородко. По приезде государя (Павла) в Санкт-Петербург, он отдал ему оную лично. Правда ли то, неизвестно. Многие, бывшие тогда при дворе, меня в том уверяли». То же утверждает и Державин в объяснениях на свои сочинения. «Сколько известно», говорит он, «было завещание, сделанное императрицей Екатериной, чтобы после нее царствовать внуку ее, Александру Павловичу». В своих записках Державин передает следующий знаменательный факт из времени своей службы при Екатерине: «Граф Безбородко, выпросясь в отпуск в Москву и откланявшись с императрицей, вышед из кабинета ее, зазвал Державина в темную перегородку, бывшую в секретарской комнате, и на ухо сказал ему, что императрица приказала ему отдать некоторые секретные бумаги касательно до великого князя, то, как пришлет он к нему после обеда, чтоб пожаловал и принял у него; но неизвестно для чего, никого не прислал, уехал в Москву, и с тех пор Державин ни от кого ничего не слышал о тех секретных бумагах. Догадывались некоторые тонкие царедворцы, что они те самые были, за открытие которых, по вступлении на престол императора Павла, осыпан он от него благодарностями и пожалован князем. Впрочем, с достоверностью о сем здесь говорить не можно, а иногда (т. е. со временем) другие, имеющие лучшие сведения, о том всю правду откроют свету».

А. И. Тургенев в собственноручных заметках на полях записок Грибовского, выражает одно недоразумение по поводу участия Безбородко в предположенном Екатериной устранении от престола великого князя Павла Петровича. «Здесь нельзя согласить», пишет он, «того, что Екатерина,

¹ «Русский Архив», 1869, 642—643.

² Там же, 1869, стр. 1887.



Граф Шверин.

Гравюра Э. Генне с портрета И.Г. Странца; внизу - апофеоз работы Б. Боде.

оставив Безбородко хотя и не в опале, однако ж вне своего внимания, поручила ему составить духовное свое завещание и вверила хранение оногo ему. По кончине ее гнусный Безбородко обнаружил всю подлость и коварство свойств, соврожденных малороссам: он не Сенату, а Павлу, наследнику Екатерины, предъявил завещание».

Сюда же относится разговор, писанный в конце прошлого века под названием «Екатерина в полях Елисейских». Здесь Екатерина требует в свои чертоги Безбородко, напоминает этому «недостойному рабу» своему, что ему была поручена тайна кабинета, что через него, по смерти Екатерины, должен был осуществиться важный план, которым определено было при случае скорой ее кончины возвести на престол Александра, что этот акт был подписан ею и участниками тайны. «Ты изменил моей доверенности», упрекает Екатерина Безбородко, «не обнародовал его после моей смерти. Я уверена, сколь была любима моими родственниками и больше всего подданными: они бы его исполнили. Ты забыл милость мою, променял общее и собственное свое благо на пустое титуло князя, сделал России рану, которую целый век лечить потребно. Что молчишь, несправедливый человек? Чем загладишь сей поступок? Россия стонет, угнетаемая Павлом, и я еще имею столько снисхождения говорить о сем с орудием ее злосчастия». Упав на колени, Безбородко признает себя виноватым в необнародовании повеления Екатерины, но оправдывается неожиданностью ее кончины, изменой подписавшихся под завещанием особ, неизвестностью завещания народу и страхом перед неумолимой строгостью Павла и пр.

Существуют и живые, устные предания о том, как Безбородко поступил с завещанием Екатерины о престолонаследии. Одно из этих известий гласит, что когда Павел и Безбородко разбирали бумаги в кабинете Екатерины, то граф указал Павлу на пакет, перевязанный черной лентой, с надписью: «Вскрыть после смерти моей в Совете». Павел, предчувствуя, что в пакете заключается акт об устранении его от престола, акт, который был будто бы писан рукой Безбородко и о котором, кроме него и императрицы, никто не знал, вопросительно взглянул на Безбородко, который, в свою очередь, молча указал на топившийся камин. Эта находчивость Безбородко, одним движением руки отстранившим от Павла тайну, сблизила их окончательно.

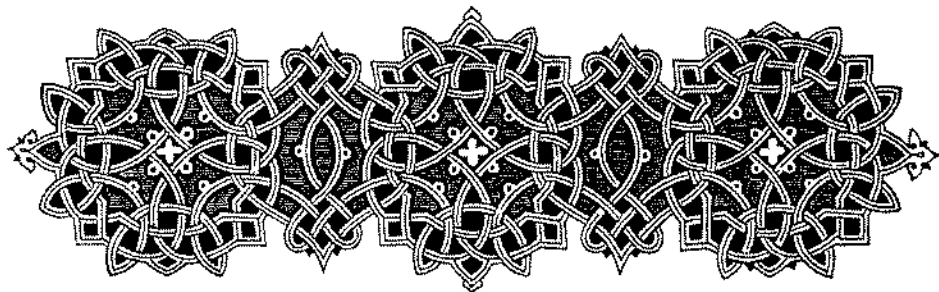
Другое устное известие утверждает, что Безбородко, узнав о безнадежном положении Екатерины, сию же минуту поехал в Гатчину, где и подал запечатанный пакет Павлу, которого встретил на площадке лестницы.

Наконец, есть предание, что бумаги по этому предмету (манифест о престолонаследии) были подписаны важнейшими государственными людьми, в том числе Суворовым и Румянцевым-Задунайским. Немилость к первому и внезапная кончина второго тотчас, как он узнал о восшествии на престол Павла, произошли будто бы именно вследствие этого.¹

Понятно, что такого рода устные предания разве лишь в самых редких случаях соответствуют фактическому ходу событий. К тому же нетрудно доказать, что в этих анекдотических рассказах встречаются несообразности, противоречия и пр. Так, например, едва ли возможно, чтобы Безбородко в то время, когда императрица была при смерти, уехал в Гатчину; далее, немыслимо, чтобы Павел Петрович поручил Александру, Куракину и Ростопчину разобрать бумаги в кабинете только что скончавшейся императрицы, и т. п.; однако можно считать вероятным, что важнейшие черты во всех приведенных рассказах современников, то есть существование завещания, устранившего Павла от престола и возводившего на престол Александра, и затем исчезновение этой бумаги более или менее загадочным путем — соответствуют фактам и не могут считаться выдумкой. Императрица не могла ожидать столь скорой кончины; потому нетрудно объяснить себе, что она откладывала обнародование решения вопроса о престолонаследии. Таким образом, осуществление предположений Екатерины состоялось лишь в 1801 году...



¹ «Русский Архив», 1871, стр. 2072. Все эти последние данные собраны Григоровичем и сообщены им в жизнеописании Безбородко, в «Сб. Истор. Обществ», XXIX, 349—354. Экземпляр записок Грибовского с заметками Тургенева был сообщен Григоровичу Ю. В. Толстым; рукописное сочинение «Екатерина в Енисейских полях» было сообщено автору биографии Безбородко Л. Н. Майковым.



Глава IV. Кончина



Екатерина писала в 1769 году Фальконету: «На этом свете препятствия созданы для того, чтобы достойные люди их уничтожали и тем умножали свою репутацию; вот назначение препятствий».¹

Всю свою жизнь Екатерина неусыпно и успешно боролась с разными препятствиями и почти всегда одерживала победу. Рано или поздно, однако, могла наступить пора упадка сил императрицы. В последние годы этого царствования современники замечали, что Екатерина не во всех отношениях располагала прежней силой и стойкостью. Последнее десятилетие царствования Екатерины изобиловало критическими моментами. С разных сторон грозила опасность России. Одновременно приходилось воевать со Швецией и с Турцией; явились опасения относительно возможности разрыва с Англией и Пруссией; дороговизна 1787 года, тяжелое впечатление, произведенное на Екатерину событиями французской революции, кончина Иосифа II и Потемкина — все это было сопряжено с более или менее сильным душевным потрясением. Недаром Державин говорит о Екатерине:

«Но ах, и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит уладок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!»²

¹ «Сб. Ист. Общ.», XVII, 84.

² Грот, «Державин». I, 668.

Из множества частных нисем разных сановников, например, Бейбродко, Ростопчина, Завадовского, Гарновского и других, видно, в каком затруднительном положении находилось государство в последнее время царствования Екатерины: жаловались на недостаток в финансовых средствах для покрытия умножающихся при усложнении дел государственных расходов; указывали на недостаток в способных полководцах, добросовестных администраторах; роскошь двора не соответствовала неудовлетворительному состоянию дел в империи; современникам казалось, что злоупотребления в администрации усиливались в последнее время царствования Екатерины; безденежье становилось все более и более заметным и тягостным; можно было сомневаться в том, успеет ли Россия удержаться на той степени силы и могущества, которой она достигла благодаря успехам царствований XVIII века.¹

Нельзя поэтому удивляться, что императрица порой казалась утомленной, выбившейся из сил. Незадолго до кончины Потемкина Екатерина сказала ему: «Старее ли я стала, что не могу найти ресурсов, или другая причина нынешним затруднениям?» Он отвечал: «Нет, границы стали обширнее и войск недостаточно; у других держав они в куче, а у нас распланы».²

Екатерина не без основания приписывала успехи своего царствования не столько случайностям, сколько своему таланту, своей силе поли, своим трудам. Чем более она привыкла к успехам, тем легче ее раздражали неудачи.

Весьма часто высказывалось предположение, что злополучный союз с молодым шведским королем Густавом IV, случившийся осенью 1796 года, содействовал сокращению дней императрицы.

Отношения между Россией и Швецией после заключения Верейского мира оставались более или менее натянутыми, так что, как это уже было сказано выше, современники считали вероятным возобновление военных действий в 1791 и 1792 годах. И в Швеции, и в России делались приготовления к походу. Русский посланник в Стокгольме своим образом действий, вмешательством во внутренние дела Швеции возбуждал него-

¹ См., напр., письма Бантыш-Каменского в «Русском Архиве», 1876, III, письма Завадовского к Воронцову в «Архиве Воронцова», XII, письма Ростопчина в «Русском Архиве», 1876, I, Сочинения Щербатова, замечания Массона, дописания дипломатов в изд. Германа, «Ergänzungsband», письма Сиверса в издании Блюма и пр.

² Дневник Храповицкого, 22 мая 1789 г.

дование герцога Карла Зюдерманландского, сделавшегося регентом после катастрофы Густава III. Екатерина должна была советовать русскому дипломату в Стокгольме действовать крайне осторожно.¹

В то же самое время, однако, вскоре после вступления на престол юного короля Густава IV, возникла мысль о браке его с внучкой Екатерины, великой княжной Александрой Павловной. Переговоры по этому предмету между обоими дворами сначала не повели к желаемой цели, затем были возобновлены, потом опять прекратились. Главное затруднение заключалось в различии исповеданий. К тому же обстоятельству, что граф Армфельдт, завзятый противник регента, нашел убежище в России, произвело чрезвычайно неблагоприятное впечатление в Швеции; в то же время Петербургский двор неоднократно испытывал влияние неприязненной шведской политики по вопросам о Польше и Турции.²

Все это повело к тому, что шведское правительство, оставив проект о браке короля с дочерью Павла, позаботилось о женитьбе Густава IV на мекленбургской принцессе. Екатерина в раздражении объявила, что не примет графа Шверина, который должен был сообщить ей от имени короля об обручении его. Понятно, что русский дипломат Будберг, в это время прибывший в Швецию, был принят отменно холодно. В марте 1795 года возобновились слухи о неминуемо предстоявшем разрыве между Швецией и Россией.³

Вышло иначе. Отношения между обеими державами неожиданно поправились. Вскоре в Петербурге было получено официальное сообщение о том, что проект брака короля с мекленбургской принцессой оставлен окончательно. Императрица пригласила герцога Карла Зюдерманландского и юного короля Густава IV посетить Петербург. Путешествие их состоялось.

Мы знаем, сколь неблагоприятно Екатерина отзывалась прежде о Густаве III. Теперь же она перенесла всю неприязнь на регента. В письмах к барону Гримму о нем говорится не иначе, как в тоне негодования и раздражения; порой императрица называла герцога Карла «le régent jacobin», или «воплощенная ложь», говорила, что он достоин побоев, и т. п.⁴

Зато по приезде шведских гостей императрица казалась весьма довольной королем Густавом IV. Так, например, она писала Гримму: «Граф

¹ «Русская Старина», III, 689.

² Главным источником служит дипломатическая корреспонденция в IX томе «Сборника Ист. Общ.», 198—385.

³ Архив князя Воронцова, XV, 47.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 653, 656, 676.



Густав IV, король шведский.
С гравированного портрета Губерта.

Гага мало того, что понравился всем, — он сразу заставил всех полюбить себя, а заметьте, что у нас этого никогда не бывает: он исключение. У него замечательная наружность, кроткая и вместе величественная, и премилое выражение, умное и приятное. Он редкий молодой человек, и уж конечно, в настоящее время никакое государство в Европе не может похвастаться подобным наследником» и пр. Затем Екатерина рассказывает подробно, как Густав IV и княжна Александра Павловна понравились друг другу и т. п.¹

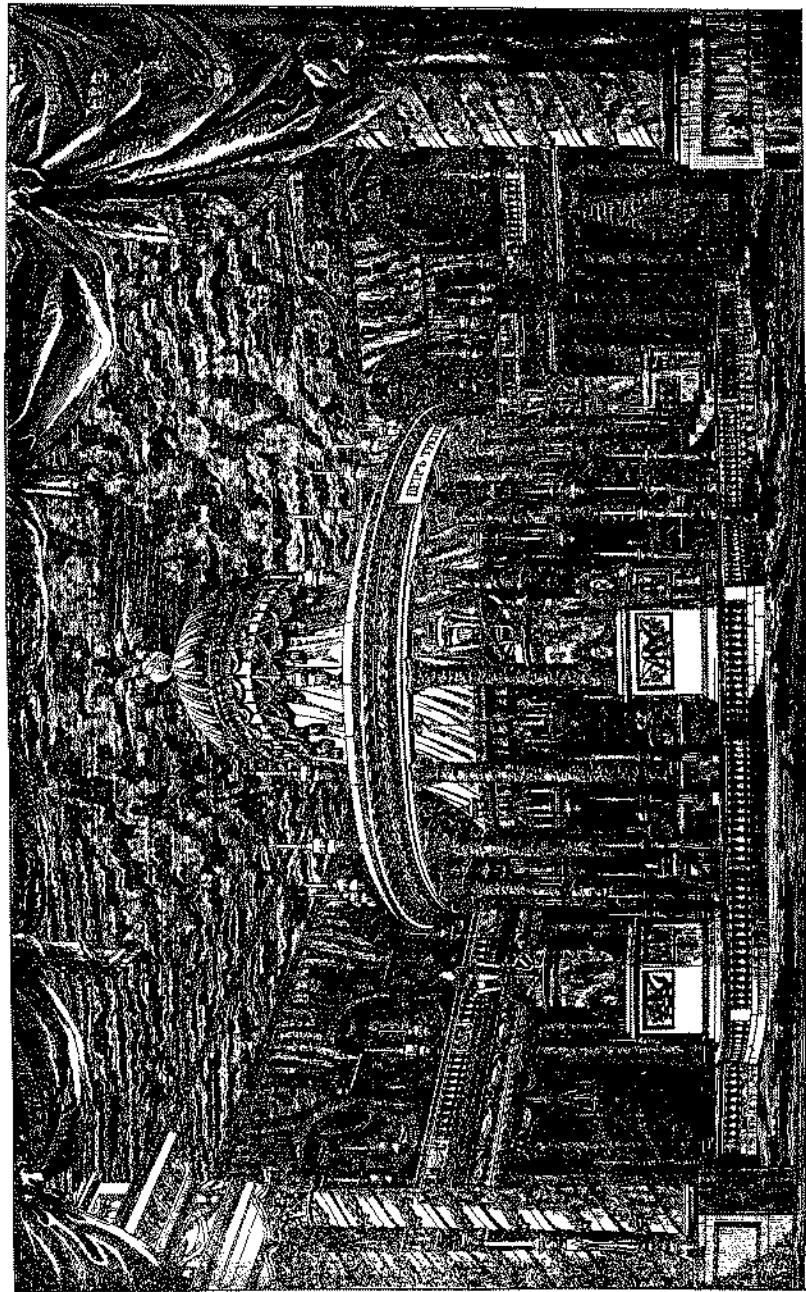
Происходили разные празднества при дворе. Вопрос о браке казался решенным. Был назначен день обручения. При этом, однако, было поступлено неосторожно. Во время переговоров об условиях брака не было обращено достаточно внимания на различие исповеданий. Только за несколько часов до обручения обнаружили непреодолимые затруднения в этом отношении. Когда Морков и Зубов явились к королю с требованием, чтобы он подписал условия брака, в силу которых будущей королеве была предоставлена полнейшая свобода исповедания, король не соглашался на эти условия и решительно объявил, что не подпишет такой бумаги. Между тем весь двор собрался в ожидании церемонии обручения; духовенство было наготове; Екатерина в мантии и с короной на голове два часа ждала прибытия короля. Наконец ей доложили, что переговоры о браке рушились. Это известие сокрушило императрицу. Она сначала не могла вымолвить слова. На другой день она заметила, что волнение этой ночи далеко превзошло испытанное ею в ночь, предшествовавшую ее воцарению. По некоторым известиям, у императрицы оказались признаки легкого паралича.²

Король пробыл еще несколько дней в Петербурге. Императрица до такой степени умела владеть собой, что на другой день на придворном балу никто не заметил ее волнения. Переговоры о браке хотя и прекратились совершенно, но в конце концов не повели к желанной цели.

Екатерина, любя жизнь, веселье, неохотно думала о предстоявшей смерти, о наступающей старости. Поэтому она была недовольна, когда ее поздравляли с днем рождения. В 1774 году она писала Гримму: «Вы

¹ Там же, 690, 693.

² Подробности этого события в архиве князя Воронцова, XVIII, 318 и след., и XII, 171; Письма Чернышева и Завадовского; Анекдоты Карабанова в «Русск. Старине», V, 462; Masson, I, 2—47; «Русская Старина», IX, 277 и след., 480 и след.; «Русский Архив», 1876, I, 403 и след.; Письма Ростопчина в архиве Воронцова, VIII, 143; Письма Панина к Репнину в «Сб. Ист. Общ.», XVI, 295, 507, 524; Hertmann, «Ergänzungsband», 584 и пр.



Катафалк, воздвигнутый в Александро-Невской лавре над гробами Петра III и Екатерины II, по рисункам Бренна.
С весьма редкой картины Майера, из собрания П.Я. Дашкова.

праздновали 46-ю годовщину моего рождения; сама я ненавижу этот день: прекрасный подарок он мне приносит! — Каждый раз лишний год, без которого я могла бы отлично обойтись. Скажите по правде, ведь было бы прекрасно, если бы императрица всю жизнь оставалась в пятнадцатилетнем возрасте».¹

В бытность свою великой княгиней Екатерина хворала часто и опасно. В 1766 году она писала госпоже Бьельке: «Я чувствую себя очень хорошо, и года с четыре как мое здоровье весьма укрепилось, тогда как прежде у меня часто предполагали чахотку».² Как мы знаем, между прочим, из дневника Храповицкого, из писем Екатерины к Потемкину, она и в восьмидесятых годах часто хворала. Притом она смеялась над врачами, не верила в медицину и более доверяла авантюристам, советовавшим ей употребление разных ванн и пр.

Однажды, в конце августа 1796 года, Екатерина, побывав вечером у Нарышкиной и возвращаясь домой, заметила звезду, «ей сопутствовавшую, в виду скатившуюся», и сказала Архарову: «Вот вестница скорой смерти моей». «Ваше величество всегда чужды были примет и предрассудков», отвечал Архаров. «Чувствуя слабость сил и приметно опускаюсь», возразила Екатерина.³ Порой она, однако, и в это время казалась свежей, живучей. 18 августа 1796 года она писала Гримму: «Будьте здоровы; я весела и чувствую себя легкой как птица».⁴

В последнее время императрица ходила лишь с трудом; особенно затруднительным для нее было подниматься по лестницам; вслѣмжи, принимавшие у себя императрицу, заменяли ступени искусственно устроенными отлогими подмостками.⁵ Ростопчин писал 5 ноября 1796 года: «Здоровье (императрицы) плохо; не ходят более; буря, похожая на случившуюся в последнее время жизни императрицы Елизаветы, произвела тяжелое впечатление (на Екатерину); не выходят более».⁶

5 ноября вечером был так называемый «Малый Эрмитаж». Императрица весело беседовала в кружке приближенных лиц, обрадовалась известию об отступлении французских войск, разговаривала очень много о кончине сардинского короля и забавлялась шутками Льва Нарышкина, явив-

¹ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, I.

² Там же, X, 105.

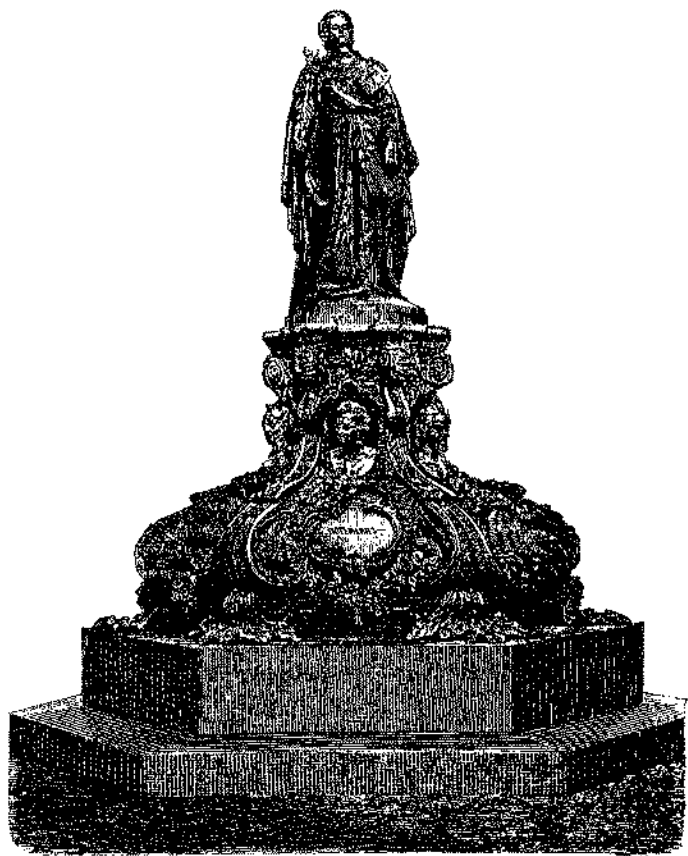
³ «Русская Старина», V, 461.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 691.

⁵ Masson, I, 58.

⁶ Архив князя Воронцова, VIII, 155.

шегося в костюме уличного торгаша и продававшего присутствовавшим разные безделушки. Оставив раньше обыкновенного компанию, императрица в шутливой записке поздравила австрийского посла, графа Кобенцеля, с успехами австрийского оружия.¹



Памятник Екатерине II в Царском Селе.

С фотографии.

На другое утро, встав по своему обыкновению рано, Екатерина оделась, пила кофе, поговорила с Зубовым и занялась со своими секретарями.

¹ Je m'empresse d'annoncer à l'excellente Excellence que les excellentes troupes de l'excellente cour ont complètement battu les Français». Masson, I, 61.

Затем она из кабинета пошла в гардероб, где обыкновенно не оставалась никогда более 10 минут. Так как в продолжение получаса с лишним она не выходила, камердинер обеспокоился и решился идти в гардероб. Отворив дверь, он нашел императрицу в бессознательном состоянии лежащей на полу. С ней сделался паралич. Через несколько часов ее не стало.

Современники считали выгодой для Павла то обстоятельство, что императрица с минуты припадка не приходила в сознание.¹

«Мешая дело с бездельем», соединяя труд с забавой, веселость с ответственностью призвания, Екатерина когда-то сочинила для себя надгробную надпись такого содержания:

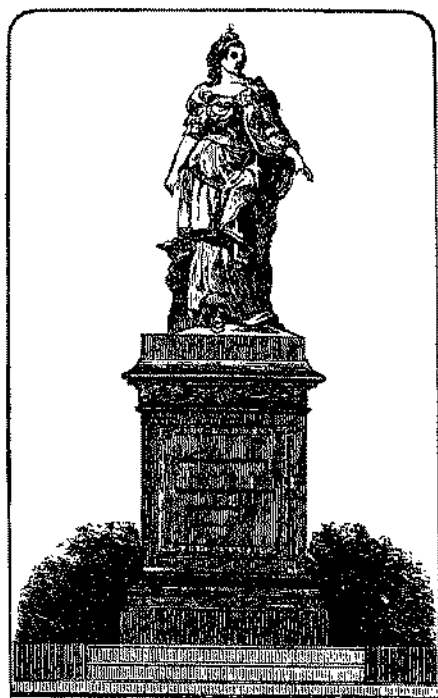
«Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штетине 21 апреля (2 мая) 1729 года. Она прибыла в Россию в 1744 году, чтобы выйти замуж за Петра III. Четырнадцати лет от роду, она возымела тройное намерение — понравиться своему мужу, Елизавете и народу. Она ничего не забывала, чтобы успеть в этом. В течение 18 лет скуки и уединения она поневоле прочла много книг. Вступив на Российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти. Пощадливая, обходительная, от природы веселонравная, с душой республиканской и с добрым сердцем, она имела друзей. Работа ей легко давалась, она любила искусство и быть на людях».²

В позднее время она писала однажды французскому эмигранту Сеннак де Мельяну: «Вот вам приблизительно мой портрет: я никогда не признавала за собой творческого ума... Мною всегда было очень легко руководить, потому что для достижения этого нужно было только представить мне мысли, несравненно лучше и основательнее моих: тогда я была послушна как агнец. Причина этого заключается в крайнем моем желании блага государству; я была так счастлива, что попала на добрые и истинные начала, которым я была обязана великими успехами. Я испытала и большие невзгоды, происшедшие от ошибок, в которых я не имела никакого участия, а может быть, и оттого, что предписанное мною исполнялось не в

¹ Частности рассказаны у Массона, I, 68, в депеше Уйтуорта у Германа, «Ergänzungsband», 590. Протокол в «Осьмнадцатом веке», I, 484 и след. Частное письмо в «Русском Архиве», 1867, стр. 1266. Рассказ Ростопчина в «Воронцовском Архиве», VIII, 167.

² «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 77. «Русск. Арх.», 1878, III, 41.

точности. Несмотря на мою природную гибкость, я умела быть упрямой или твердой (как угодно), когда это было нужно. Я никогда не стесняла ничего мнения, но, в случае надобности, имела свое собственное. Я не любила споров, убедившись, что каждый всегда остается при своем мнении; притом же я не умею говорить особенно громко. Я никогда не была



Памятник Екатерине II в Екатеринославе.
С фотографии.

злопамятна, потому что так поставлена провидением, что не могла питать этого чувства к частным лицам и находила обоюдные отношения слишком неравными, если смотреть на дело справедливо. Вообще я люблю правосудие (justice), но нахожу, что вполне строгое правосудие не есть правосудие, и что одна только справедливость (l'équité) соразмерна со слабостью человека. Но во всех случаях человеколюбие и снисхождение к человеческой природе предпочитала я правилам строгости, которые, как мне казалось, часто превратно понимают. К этому влекло меня собственное мое

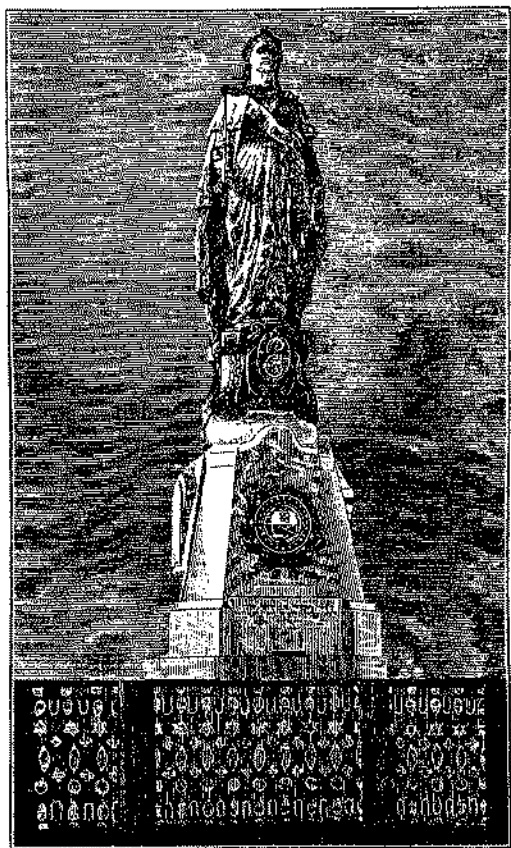
сердце, которое я считаю кротким и добрым. Когда старики проповедовали мне строгость, я, заливаясь слезами, сознавалась им в своей слабости, и случалось, что иные из них, также со слезами на глазах, принимали мое мнение. Нрав у меня веселый и откровенный, но на своем долгом веку я не могла не узнать, что есть желчные умы, которые не любят веселости: не все люди могут переносить правду и искренность».¹

В сущности портрет, набросанный Екатериной, соответствует ее нраву и качествам. Нелегко судить беспристрастно о ее характере. Об этом свидетельствуют крайности в отзывах о ней. И современники, и потомки то через меру восхваляли, то через меру порицали императрицу. К тому же в суждениях одних и тех же современников встречаются противоречия, несообразности. Сочинение Массона о Екатерине может быть прямо названо памфлетом; в нем императрице приписываются самые ужасные поступки, баснословное нарушение правил нравственности; в то же время, однако, Массон хвалит характер Екатерины, замечая, что она стояла выше обыденных мелочей, столь часто отравляющих жизнь, и что она мыслила и действовала благородно; он же восхищается ее великодушием и кротостью, хвалит ее гуманность, и пр. Князь Щербатов в своем сочинении «О повреждении нравов» сильно нападает на Екатерину и на чрезвычайно вредное, по его мнению, влияние ее царствования; однако, предполагая сочинить историю этого царствования, он написал введение, в котором выставлял на вид, что императрица всегда имела целью действовать на пользу подданных. В отзывах английского дипломата Герриса встречается странная смесь уважения и хулы, признания необычайных способностей и благоприятных качеств императрицы, и упреки разного рода, объясняющиеся, впрочем, отчасти неудачами знаменитого дипломата. С одной стороны, Екатерину считали как бы образцом лжи, обмана, искусства притворяться, с другой признавали благородство и идеализм ее трудов при управлении Россией. С одной стороны, ее реформы казались какой-то комедией, бьющей на внешний эффект и не соответствовавшей истинной гуманности, с другой — утверждали, что высокие цели, которые имела в виду императрица, не были достигнуты лишь вследствие чрезмерных затруднений, с которыми ей приходилось бороться, и благодаря постоянным козням сановников, не разделявших идеализма Екатерины. То считали ее хотя способной, но вообще обыкновенной женщиной, громкое имя которой обуславливалось лишь внешними обстоятельствами, то утверждали,

¹ «Сб. Ист. Общ.», XIII, Введение XXII—XXIII.

что Екатерина, занимая любое место и при менее благоприятных условиях, стяжала бы славу в истории.

Как бы то ни было, Вольтер жестоко ошибался, утверждая однажды, что «между потомством и Екатериной никогда не окажется возможным какое-либо недоразумение».¹ Напротив того, лишь в самых редких случаях



Памятник Екатерине II в Ирбите.
С фотографии.

потомство столь резко осуждало исторических деятелей, как Екатерину. Едва она успела сойти в могилу, как появились полемические, наполнен-

¹ «La postérité n'aura jamais de démêlé avec l'impératrice». «Сб. Ист. Общ.», XV, 630.

ные бранью сочинения Сальдерна, Кастера, Гельбига, Массона. В продолжение нескольких десятилетий эти труды оказывали сильное влияние на историческую литературу при изучении истории этого царствования и личности Екатерины. Развитие фаворитизма, продолжавшегося до последних дней жизни Екатерины, тяжелое впечатление, произведенное на современников раздѣлами Польши, враждебное отношение России к Англии, Пруссии и Франции в последние годы этого царствования, раздражение, возбужденное развитием могущества и влияния России при Екатерине — все это содействовало тому, что в общем мнении сложилась односторонняя, далеко не беспристрастная, неблагоприятная оценка личности и деятельности Екатерины. В продолжение нескольких десятилетий главным источником при изучении истории Екатерины служили памфлеты вроде вышеупомянутых сочинений, появившихся тотчас же после кончины императрицы, и сплетни в среде дипломатов, крайне недовольных самостоятельным и энергическим образом действий русского двора в эту эпоху. Пока преобладали такого рода пособия, историография не была в состоянии создать объективную картину свойств и значения императрицы и ее царствования. При значительном числе обвинителей подсудимая не имела случая к оправданию. Ей самой не давали слова. Судебный приговор при таких условиях не мог быть беспристрастным. Даже замечательные ученые и добросовестные историки писали о Екатерине не иначе, как в тоне раздражения и порицания.

В настоящее время, при совершенно изменившихся обстоятельствах, историография располагает гораздо большим запасом данных для изучения деятельности и личности Екатерины. Необозримая масса архивных материалов, тысячи писем Екатерины, множество записок ее, неисчерпаемое богатство отзывов и наблюдений современников дают возможность гораздо глубже прежнего вникнуть в самую суть личности Екатерины, гораздо правильнее прежнего взвесить условия ее развития, ее жизни и деятельности, гораздо объективнее прежнего оценить значение занимаемого Екатериной в истории места.

Необычайно богато одаренная природой, в силу целого ряда благоприятных обстоятельств обладая высоким положением, Екатерина оказалась способной выполнить возложенную на нее судьбой задачу; ей в этом помогало сознание собственного достоинства и редкого таланта; ей в этом помогала чрезвычайная сила воли; она умела пользоваться выгодами своего положения, жизнью вообще, Неутомимой работой в особенности. Екатерина производит в общей сложности впечатление личности, отлича-

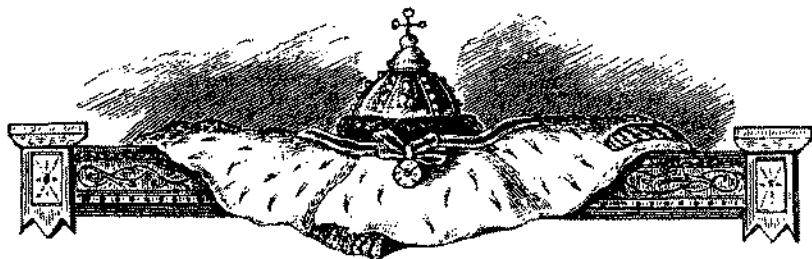
шейся не только громадными умственными способностями, но и благоприятными качествами души. До сих пор историки особенно охотно останавливались то на внешнем блеске и на громкой славе ее царствования, то на неоспоримых слабостях ее частной жизни. Попытавшись разработать появившиеся в последнее время исторические материалы, мы старались



Памятник Екатерине II в здании С.-Петербургского окружного суда.
С фотографии.

изобразить личность и царствование Екатерины беспристрастнее, многостороннее наших предшественников. Из общего обзора деятельности Ека-

терины мы получаем следующий вывод: она действовала успешно в качестве посредницы между прогрессом и культурой Западной Европы, с одной стороны, и бытом России — с другой. При ней значительно упрочилось могущество и влияние России во всемирной системе государств; во время царствования Екатерины и благодаря ее инициативе Россия быстро подвинулась вперед на пути прогресса, европеизации.



СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	8

Часть первая. Путь к престолу

Глава I. До брака	20
Глава II. Брак	46
Глава III. Участие в политических делах до 1761 г.	73
Глава IV. Царствование Петра III	103
Глава V. Государственный переворот	119
Глава VI. Начало царствования	141

Часть вторая. Внутренние смуты

Глава I. Признаки недовольствия	161
Глава II. Мирович	181
Глава III. Павел и Петр как претенденты	200
Глава IV. Пугачевщина	223
Глава V. Мнимая дочь Елизаветы	256

Часть третья. Внешняя политика

Глава I. Личное участие Екатерины во внешней политике. Первые действия	267
Глава II. Отношения к Польше до 1768 г. Курляндия	293
Польша	294
Выбор короля	301
Польша как вассальное государство России	305
Глава III. Турецкая война до 1770 г.	315
Глава IV. Раздел Польши. Окончание турецкой войны	322
Глава V. Отношения с Пруссией и Австрией. Война за Баварское наследство	350
Приезд Иосифа II в Россию	377
Прибывание Фридриха Вильгельма в С.-Петербурге	378
Глава VI. Восточный вопрос до 1788 г. Россия и Порты после мира 1774 г.	391
	399
	404

Союз между Россией и Австрией	410
Присоединение Крыма	417
Путешествие 1787 г.	422
Разрыв с Турцией	436
Война 1787 и 1788 гг.	442
Глава VII. Война с Швецией	459
Глава VIII. Англия. Пруссия. Окончание шведской и турецкой войн. Англия	487
Пруссия	492
Шведская война 1789 и 1790 годов	494
Турецкая война до Ясского мира	504
Глава IX. Последние годы Речи Посполитой. Конституция 3 мая 1792 года	521
Второй раздел	528
Третий раздел	536

Часть четвертая. Внутренняя политика

Глава I. Общие правила. «Наказ»	541
Глава II. Большая комиссия	576
Выборы	578
Депутатские указы	582
Внешний ход занятий собрания	590
Форма прений	596
Депутаты	600
Открытие собрания	604
Дворянство	605
Купцы	610
Крестьяне	613
Вопрос о привилегиях окраин	622
Судоустройство, полиция	627
Закрывшие собрания	631
Глава III. Законодательство и администрация	
Общий характер	638
Вопросы государственного права	650
Хозяйственный быт	664
Школа и церковь	674
Заботы о народном здоровье	684

Часть пятая. Последние годы. Личность императрицы

Глава I. Реакция. Французская революция	696
Радищев. Новиков	719
Глава II. Характеристика личности Екатерины	730
Глава III. Фаворитизм. Сын и внук	779
Павел	800
Александр	812
Вопрос о престолонаследии	816
Глава IV. Кончина	830

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Литературно-художественное издание

Брикнер Александр Густавович

ИСТОРИЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

Художественный редактор О.Н. Аласкина
Компьютерный дизайн: Ю.Ю. Миронова
Технический редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953004 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Рпичино, д. 84
Наши электронные адреса
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6»
193144, Санкт-Петербург, ул. Монсеенко, 10.
Телефон отдела маркетинга 271-35-42.

Темой данного монументального труда известного русского ученого XIX века профессора А.Г. Брикнера стал один из ярчайших и интереснейших периодов российской истории — эпоха правления Екатерины Второй.

Юность принцессы из нищего и малоизвестного немецкого княжества, волею судьбы ставшей супругой русского императора Петра III, дерзкий дворцовый переворот, в результате которого она пришла к власти, интриги могущественных фаворитов императрицы и, наконец, блистательные победы русского оружия и небывалый расцвет дипломатии, наук и искусств «века золотого Екатерины» — вот лишь немного из того, о чем живо и интересно рассказывается в этой книге. Нетрадиционность и оригинальность авторского взгляда превращает ее в увлекательное произведение, к которому хочется возвращаться вновь и вновь.

ISBN 5-17-006492-6



9 785170 064922